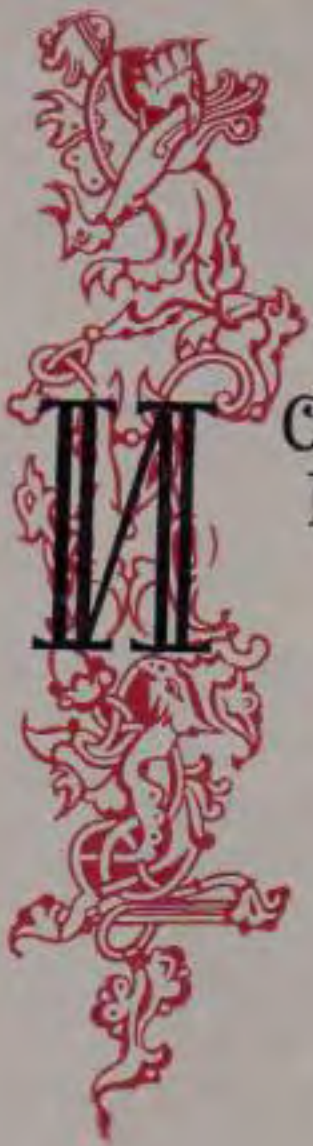
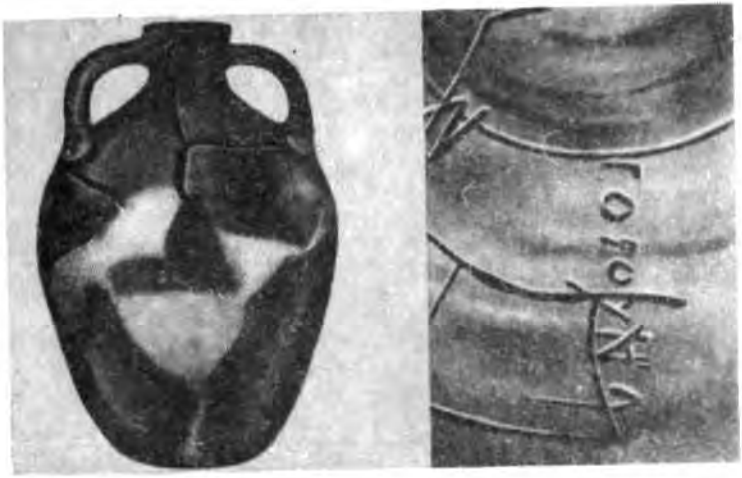


В. Б. ИВАНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН в IXв.



Гнездовская надпись

Новгородская грамота № 9 на бересте — письмо „От Гостяты к Василию“

В. В. Иванов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Допущено
Государственным комитетом по народному образованию СССР в качестве учебника для студентов педагогических институтов по специальности „Русский язык и литература"

Издание третье, переработанное и дополненное

Дорогим
Галине Александровне
и Олегу Николаевичу
с искренним уважением
автор
14.VI.90

МОСКВА
„ПРОСВЕЩЕНИЕ"
1990

ББК 81.2Р
И20

Рецензент

кафедра русского языка Курского государственного педагогического института (зав. кафедрой проф. А. Т. Хроленко)

Иванов В. В.

И20 Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. „Рус. яз. и лит." — 3-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1990 — 400 с.: ил.— ISBN 5-09-000910-4

В учебнике, являющемся основным пособием по исторической грамматике русского языка, излагаются сведения по всем основным темам программы.

В третьем издании автор существенно переработал почти все разделы, исходя из тех новых положений, которые получили отражение в новейших трудах по исторической грамматике, а также в новой программе по данному курсу. Особенно существенному пересмотру подверглись разделы „Фонетика" и „Морфология". Кроме того, автор заменил многие тексты и примеры в связи с изданием новой „Хрестоматии по истории русского языка".

И $\frac{4309000000-266}{103(03)-90}$ 15 — 90 ББК 81.2Р

ISBN 5-09-000910-4

© Издательство „Просвещение", 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее, третье издание учебника подверглось серьезной переработке в связи с выходом в 1985 г. новой программы по курсу исторической грамматики русского языка для педагогических институтов, новой „Хрестоматии по истории русского языка" В. В. Иванова, Т. А. Сумниковой и Н. П. Панкратовой, а также в связи с необходимостью пересмотра ряда положений в освещении историко-лингвистических проблем после осуществленных за последние годы исследований советских историков языка.

Наиболее существенные изменения внесены в раздел исторической морфологии. Осуществленное Институтом русского языка АН СССР в 1982 г. коллективное исследование „Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. Глагол", в котором принимал участие и автор настоящего издания, позволило описать в учебнике историю русского глагола с учетом новейших результатов его изучения в исторической русистике. Это прежде всего коснулось проблем истории категории вида и видо-временных отношений, но также и истории всех других глагольных категорий. Вместе с тем переработке подверглись и остальные разделы исторической морфологии, в которых рассмотрена история других частей речи.

Следует сказать о том, что в новом издании учебника введено понятие исходной системы древнерусского языка применительно одновременно к исторической фонетике, исторической морфологии и отчасти историческому синтаксису как „точки отсчета" в дальнейших изменениях. Это понятие было четко сформулировано в монографии „Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. Глагол", хотя имплицитно и только по отношению к истории русской фонетико-фонологической системы оно присутствовало в книге В. В. Иванова „Историческая фонология русского языка" 1968 г. Изучение проблем исторической морфологии позволило распространить понятие исходной системы на другие области древнерусского языка.

Значительной переработке в новом издании подвергся и основной раздел книги, посвященный исторической фонетике. Здесь не только сняты и упрощены в изложении многие сложные вопросы истории русской фонетико-фонологической системы, но и пересмотрены некоторые традиционные положения исторической фонетики русского языка. Эти последние изменения обусловлены введением в учебник нового взгляда на отдельные явления в области истории звуковой системы в связи с разграничением синтагматических законов и фонетических процессов.

В новое издание введен раздел о древнем славянском ударении и отражении его в современном русском языке и его диалектах, что позволяет понять ряд явлений сегодняшнего русского ударения.

Специально следует отметить то обстоятельство, что выход в свет в 1986 г. исследования В. Л. Янина и А. А. Зализняка „Новгородские грамоты на бересте (из

раскопок 1977—1983 гг.)", в котором проведен глубокий анализ языковых явлений, отраженных в этих грамотах, дал возможность, во-первых, представить в настоящем издании новую характеристику диалектных особенностей древнерусского языка, а во-вторых, пересмотреть некоторые положения, связанные с историей заднеязычных и мягких свистящих в этом языке. Исследование В. Л. Яника и А. А. Зализняка дало новые материалы и для исторической морфологии.

Наконец, существенной переработке подвергся и вводный раздел книги: здесь, во-первых, уточнены некоторые положения, связанные с историей складывания и развития русского языка (особенно это относится к древнейшей эпохе и к эпохе образования русского национального языка), а во-вторых, внесены новые данные о памятниках письменности, введенных в научный оборот в последние годы.

В меньшей степени в новом издании переработан исторический синтаксис, хотя и в этот раздел внесены изменения как в трактовку истории ряда синтаксических явлений, так и в иллюстративный материал. Однако отсутствие до сих пор принципиально новых концепций исторического синтаксиса русского языка не позволило существенно пересмотреть общие и частные вопросы его развития.

В новом издании приведены материалы недавно вышедшей „Хрестоматии по истории русского языка"; они использованы прежде всего для иллюстрации фонетических, морфологических и синтаксических явлений в истории русского языка: материалы этой „Хрестоматии..." дали возможность обновить часто переходящие из учебника в учебник примеры и ввести новые иллюстрации таких сложных явлений, как различие исконной мягкости и полумягкости согласных в древнерусском языке, различие [о] и [ô], ряда морфологических процессов и др.

Шире, чем в предыдущих изданиях, раскрываются связи процессов в истории русского языка с современными явлениями, характеризующими его фонетику, морфологию и синтаксис. Тем самым более отчетливо выявляется отношение курса исторической грамматики к курсу современного русского литературного языка. Конечно, „Историческая грамматика русского языка" не является историческим комментарием к современному литературному языку, но она тесно связана с такими книгами, как труд Л. А. Булаховского „Исторический комментарий к русскому литературному языку" (Киев, 1950), пособие В. В. Иванова и З. А. Потихи „Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе" (М., 1985), работа Д. Н. Шмелева „Архаические формы в современном русском языке" (М., 1960). Материалы этих книг могут быть использованы на практических занятиях по исторической грамматике и по современному русскому языку.

Настоящий учебник полностью соответствует программе курса исторической грамматики русского языка для педагогических институтов, за исключением того, что в нем отсутствует раздел лексики и словообразования. Что касается лексики, то, по мнению автора, вопросы истории развития словарного состава, связанные прежде всего с взаимодействием церковнославянской и древнерусской лексики, с проникновением диалектных слов в русский литературный язык, с проблемой заимствований, с семантическим развитием лексики и т. п., не имеют непосредственного отношения к исторической грамматике, а являются вопросами специального курса исторической лексикологии и в определенной степени курса истории русского литературного языка.

Относительно же исторического словообразования следует сказать, что этот раздел, конечно, должен быть представлен в курсе исторической грамматики как часть, связанная с исторической морфологией, однако в настоящее время в науке об

истории русского языка отсутствуют обобщающие труды по истории русского словообразования (хотя отдельные фрагменты этой истории уже существуют), и это обстоятельство не позволяет представить учебную концепцию развития словообразования. По-видимому, не случайно и в программе историческое словообразование представлено, по существу, только несколькими разрозненными явлениями, не дающими какого-либо целостного представления об этих процессах в истории русского языка. Характеристика ряда явлений русского исторического словообразования дана и в настоящем издании (в разделе, описывающем общий характер морфологического строя русского языка к моменту появления первых памятников письменности, при рассмотрении древних типов склонения существительных, при характеристике образования притяжательных прилагательных, в разделе об истории глагольного вида, при рассмотрении истории образования наречий). Включение же исторического словообразования как целостной концепции в историческую грамматику русского языка остается, к сожалению, пока что делом будущего.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

белорусск.— белорусский
болг.— болгарский
герм.— германский
греч.— греческий
готск.— готский
др.-иранск.— древнеиранский
др.-польск.— древнепольский
др.-русск.— древнерусский
др.-сербск.— древнесербский
др.-скандин.— древнескандинавский
и.-е.— индоевропейский
лат.— латинский
лит.— литовский
нем.— немецкий
о.-и.-е.— общеиндоевропейский
о.-слав.— общеславянский
польск.— польский
русск.— русский
санскр.— санскрит
с.-в.-р.— северновеликорусский
сербск.— сербский
сербско-хорв.— сербскохорватский
ср.-в.-лат.— средневерхнелатинский
ср.-в.-р.— средневеликорусский
ст.-слав.— старославянский
укр.— украинский
финск.— финский
чешск.— чешский
эст.— эстонский
ю.-в.-р.— южновеликорусский

УСЛОВНЫЕ ЗНАЧКИ

˘ [ŭ, ă] — краткость звука
¯ [ū, ā] — долгота звука
̯ [u̯, i̯] — неслоговой звук
̩ [r̩, l̩] — слоговой звук
̈ [ä] — гласный переднего образования
* — обозначение формы или слова, условно восстанавливаемых для дописьменной эпохи

В учебнике принята следующая транскрипция примеров: общеиндоевропейские и праславянские гипотетически восстанавливаемые формы, а также дописьменные древнерусские даются в написании латиницей. Точно так же передаются примеры из санскрита и частично греческого языка. Старославянские примеры, а также примеры из древнерусских памятников кириллического письма приводятся в написании кириллицей; другие древнерусские примеры даются русским шрифтом с добавлением при необходимости тех кириллических букв, которых нет теперь в русском алфавите.

Введение

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА КАК РАЗДЕЛ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

§ 1. Историческая грамматика русского языка — это наука о развитии данного языка, о развитии его фонетической, морфологической и синтаксической систем по их внутренним законам; это наука, которая объясняет, как на протяжении длительного периода изменялись звуки, формы и синтаксические конструкции русского языка. В результате всех таких изменений русская языковая система качественно отличается в настоящее время от той системы, какая зафиксирована в самых ранних памятниках русской письменности и какую можно предположить для еще более раннего периода — для дописьменной эпохи.

Определение исторической грамматики русского языка как науки о развитии его фонетической, морфологической и синтаксической сторон показывает, что название „историческая грамматика" не вполне соответствует содержанию, вкладываемому в него, ибо по существу речь идет об истории всей русской языковой системы на протяжении длительных эпох ее развития.

§ 2. Как известно, язык находится в постоянном изменении и развитии. Несмотря на то что такие изменения не всегда видимы „невооруженным глазом", все же можно довольно легко установить (достаточно только научно подойти к языку), что на протяжении эпох язык, в частности русский, движется по пути возникновения нового и утраты старого в его фонетической, морфологической и синтаксической (а также, конечно, и лексической) системах. В связи с этим возможно изучение путей развития языка и закономерностей этого развития.

Познание законов внутреннего развития языка дает возможность понять характер современной его системы как в ее литературной, так и в диалектных формах существования данного языка.

Известно, что учитель русского языка в школе часто сталкивается с такими явлениями в русской фонетике, морфологии и

Миниатюра из Остромирова евангелия 1056—1057 гг.

синтаксисе, объяснение которых не может быть дано на основе сегодняшнего состояния языка, а лежит в истории, в прошлых эпохах его развития. Например, рассматривая явления современной русской языковой системы, можно столкнуться с такими вопросами:

Почему при одинаковом написании буквы *е* и одинаковом произношении звука [е] в словах *несу* и *в лесу* в положении под ударением в первом случае произносится ['о] — [н'ос], а во втором [е] сохраняется — [л'ес]?

Почему некоторые слова, внешне одинаковые и исторически восходящие к словам с одним типом сочетаний, теперь произносятся по-разному: с одной стороны, [п'ёрвый], [в'ерх], [з'ёркало], а с другой — [тв'óрдый], [ч'óрный], [м'óртвый]?

Почему слова *калач* или *расти*, явно связанные с *коло, колесо* и *рост*, пишутся с *а*, а не с *о*?

Почему в корнях слов *земля* и *земной*, *куплю* и *купить* наблюдается чередование [мл'], [пл'] с [м], [п], а в корнях слов *мять — мну — разминать, жать — жму — пожимать* — чередование [а] с [и], [м] или [ин], [им]?

Почему в слове *свисток — свистка* есть чередование [о] с „нулем" звука, а в *восток — востока* этого чередования нет?

Чем объяснить наличие в современном языке форм *воочию*, сопоставимой с *око — очи*, или *поделом*, связанной с *дело*, и как они возникли?

Что такое *двою* или *трою* в *двоюродный, троюродный*?

Чем объяснить, что в современном русском языке глаголы в настоящем времени спрягаются по лицам, но не изменяются по родам, а в прошедшем изменяются по родам, но не спрягаются по лицам?

Почему качественные прилагательные имеют степени сравнения и краткие формы, а относительные не имеют ни того, ни другого?

Какое значение имеет родительный падеж в конструкциях *праздник Первого мая* или *Он родился второго января* и творительный падеж в конструкциях *Это случилось поздней осенью* или *Он приехал ранним утром*?

Как объяснить оборот *Едущу же мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила* (А. Н. Радищев)?

История языка помогает вскрыть исконное единство корней не только таких слов, как *кудесник* и *чудеса*, *подошва* и *почва*, где внутренние их связи хотя и слабо, но ощущаются, но и таких, как *время* и *веретено*, *племя* и *плод*, *говор* и *жук*, *цена* и *каяться*, которые современным носителем русского языка воспринимаются как совершенно обособленные друг от друга лексические единицы.

Зная исторические процессы развития русской фонетической, морфологической и синтаксической систем, можно получить ответы на такие и подобные вопросы и объяснить многие сложные явления и факты современного русского языка.

СВЯЗЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ НАУКАМИ

§ 3. Историческая грамматика русского языка тесно связана с наукой о старославянском языке и с русской диалектологией, а потому явления в истории русского языка могут быть осмыслены лишь при условии учета фактов, которые известны в старославянском языке и в русских диалектах.

Изучение старославянского языка как языка, в котором впервые письменно была закреплена славянская речь и который поэтому отражает славянские звуки, формы и конструкции в их древнейшем состоянии, помогает понять факты истории русского языка при их сравнении с фактами старославянского языка, ибо древнерусский и старославянский языки были близки по фонетической структуре, морфологическому строю и синтаксису: оба эти языка, как и другие славянские языки, восходят к одному праславянскому языку.

Русская диалектология оказывает помощь при изучении исторической грамматики, в силу того что диалекты русского языка зачастую сохраняют в своей структуре те звуки, формы и конструкции, которые уже утрачены литературным языком, а, кроме того, ряд процессов в говорах получает такое развитие, которого не было в литературном языке, где изменение отдельных явлений зачастую задерживается или идет иными путями, чем в диалектах (см., например, ниже явление изменения [е] в ['о]).

Вместе с тем известно, что история языка может быть понята лишь тогда, когда она изучается в связи с историей народа — творца и носителя данного языка. Это значит, что при изучении исторической грамматики русского языка необходимо хорошо представлять себе историю русского народа и, шире, историю восточнославянских (русского, украинского и белорусского) народов; необходимо знать основные процессы складывания трех восточнославянских народов и их языков и исторические события, связанные с этими процессами.

Связь истории языка с историей народа выявляется непосредственно в лингвогеографическом аспекте развития языковых явлений, т. е. в распространении языковых инноваций на определенных территориях, занимаемых языком, в движении явлений с одних территорий на другие (см. ниже историю аканья в русском языке). Поэтому лингвогеографический аспект истории русского языка — важное звено в понимании развития его фонетической, морфологической и синтаксической систем.

§ 4. В связи с тем что история развития русского языка рассматривается на протяжении многих эпох, для понимания ее необходимо привлечение данных истории других, в первую очередь родственных, языков. Говоря иными словами, историческое развитие русского языка может быть вскрыто лишь при помощи

сравнительно-исторического метода изучения языков. Сравнительно-исторический метод, изучая явления в родственных языках, т. е. в языках, обнаруживающих близкое материальное родство (общность корней, аффиксов и т. д.), дает возможность сделать определенные выводы о путях их развития в изучаемых языках. Таким образом, историческая грамматика русского языка тесно связана со сравнительно-исторической грамматикой славянских и, шире, индоевропейских языков.

Вместе с тем историческая грамматика для понимания развития русской языковой системы привлекает данные и неиндоевропейских языков, если они могут помочь установить явления и процессы в этом развитии.

Сравнивая факты памятников и диалектов русского языка с фактами других языков, можно достаточно достоверно решать вопросы истории русского языка. Так, например, сравнение памятников русского языка с памятниками старославянского глаголического и кириллического письма, а также с памятниками и современным польским языком дало возможность установить звуковое значение букв ѫ и ѧ в старославянских и русских памятниках, а сравнение с языками других систем (например, с финскими) дало возможность установить реальность наличия в определенные эпохи носовых гласных в русском языке. Таким образом, сравнение фактов родственных языков, а также языков других систем, развивавшихся в соседстве с русским, дает возможность восстановить и объяснить те явления в истории русского языка, которые трудно восстановить и объяснить, если обращаться лишь к фактам, имеющимся в древнерусских памятниках и в современных русских говорах.

§ 5. Вместе с тем надо провести грань между исторической грамматикой и историей русского литературного языка. Историческая грамматика — это наука о развитии фонетической системы и грамматической структуры данного языка в его диалектах за все доступное для изучения время. Важно то, что историческая грамматика изучает общенародный язык вне связи с определенной стилистической организацией речи, в его обычном, т. е. устном, оформлении. Иначе говоря, вопросы развития литературного языка в разные периоды его истории, его отношения к общенародному языку, использования языка в разных стилях речи, главным образом в письменном ее оформлении, являются предметом изучения не исторической грамматики, а истории русского литературного языка.

О ПОНЯТИИ „РУССКИЙ ЯЗЫК"

§ 6. Следует сделать еще одно замечание о понятии „русский язык" в его историческом развитии.

Возникновению русского языка в современном его понимании предшествовал многовековой период не только истории общево-

сточнославянского, или древнерусского, языка — языка, общего для предков современных русских, украинцев и белорусов, но и истории праславянского языка — языка, общего для предков всех славян. (В дальнейшем изложении термины „древнерусский язык" и „общевосточнославянский язык" употребляются как равнозначные.) В системе современного русского языка есть такие явления, которые характерны ныне для всех славянских языков и праславянского языка или, по крайней мере, для последнего периода его существования.

После распада праславянского языка на три языковые группы — восточную, южную и западную — начался период жизни древнерусского языка, от которого русский язык унаследовал целый ряд явлений, общих ныне для русских, украинцев и белорусов.

Наконец, распад общевосточнославянского языка на три самостоятельных положил начало существованию русского языка в современном его понимании, т. е. как языка, отличающегося от украинского и белорусского. Это произошло в XIV в., когда в Ростово-Суздальской Руси сложилась великорусская народность, а на юго-западе и западе несколько позже — украинская и белорусская народности.

Если подойти к этому вопросу с другой стороны, то можно сказать, что, рассматривая историю русского языка, в ней можно выделить две основные эпохи: эпоху дописьменную и эпоху историческую. Дописьменная эпоха — это тот многовековой период истории русского языка, который восстанавливается на основе сравнительно-исторического изучения славянских и индоевропейских языков, а не на основе данных памятников письменности, которых от той эпохи не сохранилось. Наоборот, историческая эпоха — это тот период истории русского языка, когда языковые явления получили отражение в его памятниках письменности и являются зафиксированными в них фактами. Разграничение этих двух эпох в истории русского языка не связано с тем, что на их рубеже произошли какие-либо коренные изменения в языковой системе: такие изменения скорее можно обнаружить внутри каждой из намеченных эпох. Разграничение же их объясняется тем, что с появлением памятников письменности в руках исследователей оказывается такой новый источник сведений по истории русского языка, который дает возможность устанавливать не только относительную, но в ряде случаев и а б с о л ю т н у ю х р о н о л о г и ю явлений. О т н о с и т е л ь н а я х р о н о л о г и я позволяет определить, какое явление в языке развилось раньше, какое — позже по отношению к иным явлениям, но не позволяет установить более или менее точную дату появления или исчезновения данного явления, что возможно сделать лишь при определении абсолютной хронологии. Последняя же может быть установлена, как правило, при условии зафиксированности какого-либо факта в письменности, хотя, конечно, при этом должна учитываться и сила влияния традиции.

Конечно, развитие языка и в исторический период не может быть понято без привлечения сравнительно-исторического материала, однако к таким данным теперь прибавляются и те факты, которые могут быть извлечены из памятников.

Историческая эпоха для русского языка начинается с X — XI вв., со времени появления первых письменных памятников восточных славян. Дописьменный же период охватывает в общем время с момента выделения славян из общеиндоевропейского единства. Хронологически выделение славян из этого единства не может быть определено точно, но, возможно, оно относится приблизительно к началу III тысячелетия до н. э.; распад праславянского языка — к V — VI вв. н. э.; начальный же период образования современных отдельных восточнославянских языков, как уже говорилось,— лишь к XIV—XV вв.

Отсюда вновь становится ясным, что история русского (т. е. великорусского) языка как такового начинается если не с XIV, то по крайней мере с XII—XIII вв., когда в древнерусском языке наметились явления, отличающие диалекты предков великорусов, украинцев и белорусов друг от друга. Более же ранние периоды относятся к истории общевосточнославянского и праславянского языков. Однако в силу того, что многие явления современного русского языка нельзя понять, не учитывая явлений, возникших в праславянском и древнерусском языках, историю русского языка начинают рассматривать с периода начала существования общевосточнославянского языка, учитывая при этом, что ряд явлений был унаследован этим языком от праславянского. Иначе говоря, за „точку отсчета", за исходную систему в истории русского языка принимается система древнерусского (общевосточнославянского) языка конца X— начала XI в.

Эта система принимается за исходную прежде всего для истории фонетико-фонологической системы, но она может быть принята как „точка отсчета" и для исторической морфологии. Такое решение для исторической фонетики и фонологии определяется тем, что фонетико-фонологическая система, унаследованная восточными славянами от праславянского языка последнего периода его существования, сохранялась в этом унаследованном состоянии вплоть до середины X в., когда у восточных славян были утрачены носовые гласные. Следующим переломным этапом истории фонетико-фонологической системы явилось смягчение полумягких согласных, осуществившееся в середине XI в., что существенно отделило фонетико-фонологическую систему древнерусского языка от праславянского состояния. Именно поэтому в фонетико-фонологической истории русского языка целесообразно принять за исходную систему ту, которая существовала в период после утраты носовых и до смягчения полумягких согласных. Эта исходная система функционировала, таким образом, к моменту появления первых памятников письменности древнерусского языка.

Если же учесть, что история морфологической системы языка

тесно связана с историей его фонетики и фонологии и что многие весьма серьезные изменения в морфологии обязаны своим возникновением фонетико-фонологическим процессам в развитии языка, то и в русской исторической морфологии следует принять за исходную систему древнерусского языка того же периода времени, т. е. принять единый начальный этап в истории фонетико-фонологической и морфологической систем.

Однако, принимая за исходную систему древнерусского языка конца X— начала XI в., следует ясно представить себе, что эта система не зафиксирована в памятниках письменности, а реконструируется по данным сравнительно-исторической грамматики славянских языков. Это обстоятельство обусловливает ее реконструкцию, так сказать, как „идеальной" системы вне пространственного (т. е. диалектного) варьирования — как единой для всех носителей древнерусского языка. Без сомнения, такая реконструкция представляет собой некоторую абстракцию, однако подобная абстракция может быть приближена к действительности, к реально функционировавшей в тот период времени языковой системе, если, во-первых, реконструируемые явления и факты могут быть подтверждены данными самых первых памятников письменности XI—XII вв.; если, во-вторых, будет учтена возможность развития диалектных черт на ранних этапах истории древнерусского языка (такая возможность есть в области фонетики, где некоторые диалектные особенности восходят к концу дописьменной эпохи, хотя их территориальная прикрепленность остается до конца не выясненной); если, наконец, в-третьих, будут установлены факты системного варьирования языковых средств, т. е. варьирования, определяемого самой исходной системой (такая возможность есть в области морфологии, где ранние памятники письменности обнаруживают такое системное варьирование грамматических форм). Если все это будет учтено, исходная система предстанет в достаточно адекватной реальной действительности конца X— начала XI в. реконструкции.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Основными источниками при изучении истории русского языка являются его древние письменные памятники, современные диалекты и литературный язык, а также данные топонимики, различные факты заимствований в русский язык из других родственных и неродственных языков и заимствований из русского языка в иные языки. Целый ряд важных сведений по истории русского языка, как отмечалось, дает также сравнительно-историческое изучение современных славянских и, шире, индоевропейских языков. Все эти источники имеют важное значение при изучении исто-

рии тех или иных явлений русского языка, хотя значение этих источников, конечно, не может оцениваться равнозначно при решении разных вопросов истории языкового развития.

§ 7. Наиболее значительный материал для изучения истории развития русского языка содержат письменные памятники и современные русские диалекты. Русские ученые по-разному определяли ценность этих двух источников: если А. И. Соболевский считал более важным изучение письменных памятников, то А. А. Шахматов, наоборот, писал, что только живые народные говоры дают основной материал для истории русского языка. Как видно, истина заключается в соединении обоих источников, ибо только сравнительное изучение данных памятников письменности и данных народных говоров (при привлечении, конечно, и фактов родственных языков) дало возможность науке об истории русского языка реконструировать основные пути развития его фонетики, морфологии и синтаксиса.

Русский язык прошел длительный, многовековой путь развития. История русского языка — это история развития его местных диалектов и литературно обработанной формы. Важно понимать, что все местные диалекты проходят принципиально один и тот же путь развития, однако отдельные диалекты проходят этот путь неравномерно. Поэтому в силу исторических условий, способствовавших в определенный период времени обособлению диалектов, различные местные разновидности языка могут сохранять на более долгий период некоторые явления, ранее уже утраченные иными диалектами. Изучение структуры современных русских говоров и позволяет зачастую вскрыть в ней исторические явления прошлых эпох.

Однако данные современных местных диалектов как источника при изучении истории русского языка обязательно должны быть дополнены данными, извлеченными из второго источника — письменных памятников прошлого. Соединение изучения современных диалектов с изучением соответствующих письменных памятников позволяет сделать целый ряд заключений о развитии тех или иных явлений в истории русского языка.

Так, например, в ряде русских говоров в положении под ударением произносится особый звук [ê] или дифтонг [ие], на месте которого в литературном русском языке звучит [е], не изменяющийся в ['о] (ср. диалектное [л'êс] — [л'иес], литературное [л'ес] при, например, [н'есу] — [н'ос]). При сравнении этих явлений с тем, что в памятниках письменности на месте такого [ê] пишется буква ѣ, во-первых, появляется возможность установить приблизительный характер звучания древнерусского [ě] (ѣ) — как [ê] или [ие]; во-вторых, можно утверждать, что те говоры, в которых сохраняется особый звук [ê], отражают более древнюю ступень в развитии этого звука, чем литературный русский язык; в-третьих, возможно установить, что в литературном русском языке звук [е], который вообще может восходить по происхождению к исконному

[е] (например, [н'есу́], [жена́]), к редуцированному [ь] (например, [д'ен'] из [дьнь]) или, наконец, к [ě] ([л'ес] из [л'ěсъ]), в зависимости от происхождения имеет различную судьбу в положении под ударением перед твердым согласным: [е] из [е] и [ь] в этом положении изменяется в ['о]: [н'ос], [жон], [п'ос] (из [пьсъ]), [л'он] (из [льнъ]), а [е] из [ě] остается без такого изменения: [л'ес], [б'ěлый], [д'ěло], [с'ěно], [с'н'ěк].

Или, например, факт сохранения в говорах формы им. пад. ед. ч. *свекры* (в литературном *свекровь*) при сравнении его с тем, что и в памятниках древнерусской письменности широко известна эта форма, дает возможность утверждать, что в далеком прошлом она была живой в русском языке и что те говоры, которые ее сохранили, отражают более древнюю ступень в развитии этого явления, чем литературный язык, в котором вместо древнерусской формы им. пад. употребляется теперь исконная форма вин. пад. ед. ч.

Таких фактов можно привести очень много. И все они вполне подтверждают ту общепринятую точку зрения на значение изучения местных диалектов, о которой говорилось выше.

§ 8. Историческая грамматика привлекает памятники письменности с целью извлечения из них данных об истории живого русского языка прошлых эпох, т. е. прежде всего данных об истории звуков и форм этого языка, о том, как они произносились или употреблялись в тот или иной период. При этом исследователь имеет здесь дело не с живым говором, который можно услышать, а с графикой и орфографией памятника письменности, всегда в большей или меньшей мере искусственной, т. е. не отражающей прямо и непосредственно живое произношение. Если в своем возникновении письменность имела целью зафиксировать живое произношение носителей языка и поэтому была достаточно близка к непосредственной записи живой речи, то по мере развития языка, по мере его изменения письменность отставала от этого развития, будучи консервативной в изменении своих норм. Именно поэтому древнерусская письменность уже самых ранних памятников во многом отставала от живого произношения, причем в дальнейшей истории языка этот разрыв не сокращался, а, наоборот, увеличивался (ср., например, современное акающее произношение литературного языка и отсутствие в целом его отражения в орфографии). Все это обусловливает определенные трудности при изучении истории живого языка по данным памятников письменности. Так, например, при сохранении буквы в письменности может уже отсутствовать соответствующий звук в произношении (см. ниже историю носовых гласных в русском языке и судьбу ѫ и ѧ) или, наоборот, новое фонетическое явление может появиться в языке, но в письменности еще долго не получает отражения (см. ниже историю аканья в русском языке). Может наблюдаться и такой факт, когда для обозначения одного и того же звука может употребляться несколько букв (таковы, например, варианты *оу* и 8 для обозначения

звука [у]). Такие и подобные обстоятельства характеризуют специфику изучения языка по данным памятников письменности, связанную с интерпретацией графических и орфографических явлений в фонетическом плане.

Кроме того, письменные памятники древнерусского языка имеют различный характер, который не всегда позволяет использовать их в достаточной степени для изучения истории живого русского языка. Так, памятники церковного, богослужебного характера, написанные на церковнославянском языке, могут быть использованы для изучения истории живого русского языка, однако сильные традиции церковной письменности мешали проникновению в эти памятники живых русских особенностей, и поэтому использование таких памятников для восстановления истории русского языка в его диалектах затруднено.

Такие памятники, как летописи, с этой точки зрения, дают больше материала (достаточно назвать Новгородскую летопись с ее ярко выраженными диалектными особенностями). Однако все же и язык летописей в значительной мере книжен и традиционен, и в нем еще сильна церковнославянская стихия.

В наибольшей степени живые особенности языка получают отражение в деловой письменности, т. е. в различного рода грамотах (купчих, жалованных, данных и т. п.), в посланиях, письмах, доношениях и т. д. Правда, и при обращении к деловой письменности следует иметь в виду, что она не свободна от традиционных трафаретов, застывших формул и оборотов (так, например, почти до конца XVIII в. сохраняется традиционный зачин различных грамот *се азъ*). И все-таки именно в деловой письменности можно найти наибольшее число фактов, позволяющих восстановить явления в истории русского языка во всем многообразии его говоров.

§ 9. Характеристика древнерусских памятников. Письменные памятники древнерусского языка, начиная с эпохи Киевского государства, дошли до нас в относительно большом количестве.

Наиболее ранние памятники относятся к XI в. Правда, в 1949 г. при раскопке одного из Гнездовских курганов близ Смоленска был обнаружен сосуд с надписью, относящейся к первой четверти X в. Эту надпись, состоящую из одного слова, читают по-разному: одни — „горухща" (= горчица), другие — „горушна" (= горчичные), третьи — „горух пса" (=писал Горух). Но как бы ее ни читать, все же, конечно, эта надпись, свидетельствуя о наличии на Руси письменности в ту эпоху, мало что дает для истории самого языка. К середине XI в. относятся надписи (граффити), сохранившиеся на стенах соборов, на колоколах, крестах, на печатях и монетах, на украшениях. Таковы, например, надписи на стенах Софийского собора в Киеве (открытые С. А. Высоцким), на монетах эпохи великого князя Владимира Святославовича и др. Несмотря на краткость таких надписей, они дают иногда возможность исто-

рику языка делать определенные заключения о языковых явлениях прошлых эпох.

От XI в. до нас дошло 14 новгородских берестяных грамот, найденных при раскопках в 1951—1983 гг. Эти грамоты занимают особое место среди памятников русской письменности, так как авторы их — не профессионалы-писцы, а „простые люди", мужчины, женщины и дети, пишущие немного и нечасто.

Берестяные грамоты свидетельствуют о широкой распространенности грамотности во всех слоях новгородского общества и о массовости переписки между разными авторами и адресатами. Отсутствие связи с книжными традициями создавало условия для широкого отражения в берестяных грамотах живого разговорного языка писавших их людей.

В большей же своей части памятники XI в. представляют собой церковные произведения, переписанные со старославянского оригинала. К ним относятся:

Остромирово евангелие 1056—1057 гг. По своему характеру это книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года. Это евангелие было переписано со старославянского оригинала дьяконом Григорием, по происхождению, предполагают, киевлянином, для новгородского посадника Остромира (отсюда и название евангелия). Григорий был, вероятно, вызван в Новгород, где со своими помощниками и переписал евангелие. Так как этот памятник был создан на Руси, язык его содержит ряд древнерусских особенностей (наиболее характерно в этом отношении Послесловие к евангелию). Остромирово евангелие издавалось три раза: в 1843 г. А. Х. Востоковым, а в 1883 и в 1889 гг. фотолитографированным способом на средства купца Савинкова. Памятник хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Архангельское евангелие 1092 г. написано, вероятно, где-то на юге, но каким-то образом попало впоследствии на север, в Архангельск, где и было найдено. Евангелие издано в 1912 г. В настоящее время хранится в Москве в библиотеке им. В. И. Ленина.

Новгородские служебные четьи-минеи 1095—1097 гг.— три книги чтений религиозных песен и гимнов, расположенных по дням и месяцам (*минея* — греч. „месячный"). Изданы они в 1881 г. И. В. Ягичем. Хранятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Святославовы изборники 1073 и 1076 гг. созданы в Киеве для князя Святослава дьяконом Иоанном. Изборник 1073 г. является своеобразной энциклопедией тогдашних знаний в разных областях жизни: в нем собраны сведения по астрономии, о тропах и фигурах художественной речи, указано, какую пищу следует употреблять в разное время, даются сведения о количестве и мере и т. п. Изборник 1076 г.— это сборник статей религиозно-нравоучительного характера. Он написан на основе „княжьих

Лист из Изборника Святослава 1073 г.

книг", т. е. книг, хранившихся в библиотеке Святослава. Первый Изборник был издан в 1880 г., находится в Москве, в Государственном Историческом музее; второй был издан в 1876 г., но издание это было малоудовлетворительно; в 1965 г. он был вновь издан Академией наук СССР с комментариями и указателями. Рукопись

Надпись на Тьмутараканском камне 1068 г.

в настоящее время хранится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

От XI в. сохранилось предположительно еще несколько книг (например, Чудовская толковая псалтырь, Евгеньевская псалтырь и некоторые другие), однако, как видно, еще больше рукописей не сохранилось. Так, „Книга пророков" новгородского попа Упыря Лихого (1047 г.) дошла до нас только в списке XVI в.

К XI в. относится и оригинальная надпись на Тьмутараканском камне (1068 г.), где говорится об измерении князем Глебом ширины Керченского пролива. Интерес этой надписи для историка языка в том, что в ней отражается ряд черт, свойственных, как видно, живому русскому языку того времени (написание слова **кнѧзь** без ъ, форма **по ледоу**, употребление перфекта **мѣрилъ** без связки).

От XII в. дошли памятники юридического характера.

Мстиславова грамота — одна из древних дошедших до нас русских грамот. По содержанию это дарственная сына Владимира Мономаха великого князя киевского Мстислава и его сына новгородского князя Всеволода Юрьевскому монастырю под Новгородом. Написанная золотом на пергаменте, эта грамота была дана, вероятно, в Киеве около 1130 г., когда там встретились оба князя. Во всяком случае, она не могла быть написана после 1132 г., так как в этот год Мстислав умер.

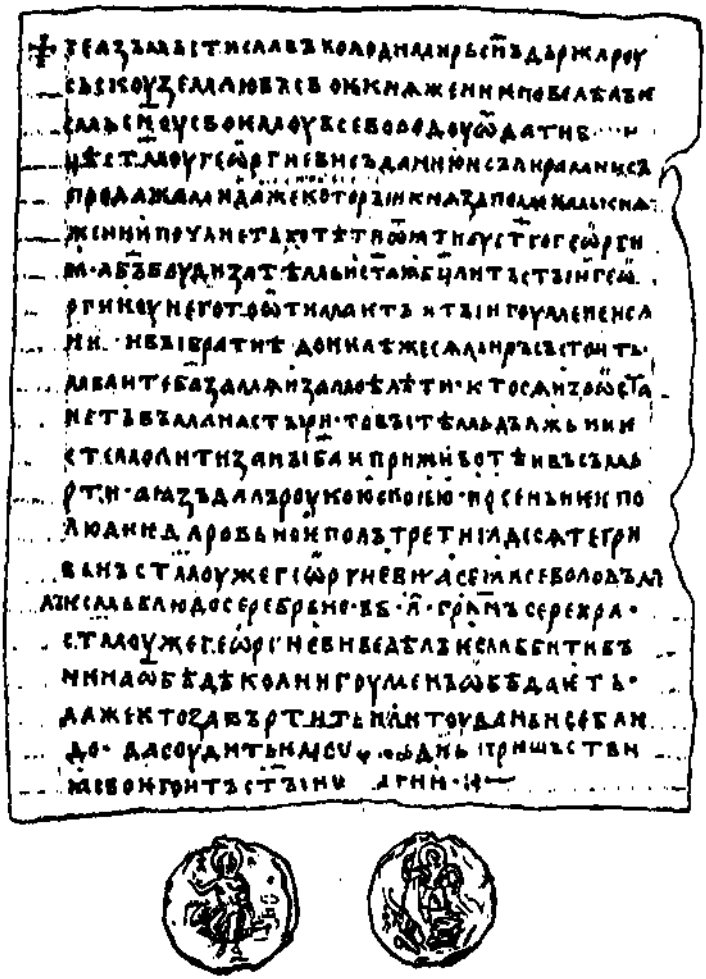
Грамота Варлаама Хутынского написана предположительно после 1192 г. в Новгороде и является духовным завещанием.

К этому времени относятся и некоторые новгородские берестяные грамоты.

К памятникам XII в. принадлежит также ряд церковных книг:

Мстиславово евангелие 1117 г., написанное для новгородского, а позже киевского князя Мстислава. Памятник под названием „Апракос Мстислава Великого" издан Академией наук СССР в 1983 г.

Юрьевское евангелие, созданное, вероятно, в Киеве в 1120 г. для одного из новгородских монастырей. Хранится в Историческом музее.



Грамота великого князя Мстислава и его сына Всеволода около 1130 г.

Добрилово евангелие 1164 г., южное по происхождению и интересное тем, что в его орфографии отражается процесс падения редуцированных. Хранится оно в библиотеке им. В. И. Ленина.

Наконец, из недатированных памятников XII в. можно назвать еще Успенский сборник (назван так потому, что был найден в Успенском соборе в Москве), в состав которого вошли Житие князей Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского — оригинальные русские произведения, не

списанные со старославянских оригиналов, хотя по языку следующие за старославянским. Успенский сборник издан Академией наук СССР в 1971 г.

Из памятников XIII в. следует отметить Житие Нифонта 1219 г. и Апостол 1220 г., написанные в Ростове (Ростово-Суздальское княжество). К этому же времени относится и Рязанская кормчая 1234 г. — документ церковно-правового и юридического характера. Наиболее важным памятником этой эпохи является Новгородская кормчая 1282 г., в составе которой была найдена Русская Правда — древнейший свод русских законов. По преданию, „Русскую Правду" составил Ярослав Мудрый, но на самом деле она, по-видимому, создавалась долгое время: некоторые из вошедших в нее законов древнее эпохи Ярослава, а некоторые внесены позже. Окончательная редакция „Русской Правды" относится ко времени после смерти Ярослава, т. е. после 1054 г. „Русская Правда" дошла в нескольких списках, из которых самым древним является список так называемой пространной редакции, найденный, как уже говорилось, в составе Новгородской кормчей (подлинник „Русской Правды" относился, вероятно, к XI в.). Кормчая — это сборник, свод постановлений церковных и светских властей, касающихся церкви, и потому „Русская Правда", имеющая иной характер, попала в состав Кормчей, как видно, случайно.

От XIII в. сохранилось много грамот, из которых прежде всего следует назвать Договорную грамоту Смоленска с Ригою и Готским берегом (1229 г.), в которой ярко отразился процесс падения редуцированных, а также ряд диалектных особенностей, свойственных древнему смоленскому говору. Грамота 1229 г., как и другие смоленские грамоты, издана в 1963 г.

Этому же времени принадлежат и некоторые новгородские грамоты.

К рубежу XIII—XIV вв. относится недатированная Новгородская летопись (по Синодальному списку).

XIV веком датируется одни из важнейших русских памятников — Лаврентьевская летопись (названа по имени писца) 1377 г., созданная в Суздале. В ней заключен древнейший летописный свод — „Повесть временных лет". Хранится летопись в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

От XIV в. до нас дошли первые московские памятники: Духовная грамота Ивана Калиты 1327—1328 гг.; Синское евангелие 1340 г., найденное в Синском Антониевом монастыре (в этом памятнике впервые отражается акающее произношение); Московское евангелие 1393 г., характеризующееся ярким отражением аканья.

К этому же времени относится и ряд рязанских, новгородских, тверских, ярославских, двинских и полоцких грамот.

Наконец следует указать еще на Хронику Георгия Амартола — памятник XI в., дошедший в списке XIV в. Хро-

ника переведена с греческого, язык ее близок к старославянскому, но перевод, возможно, был осуществлен на Руси.

К памятникам XV в. относится Ипатьевская летопись (около 1425 г.), составленная, возможно, в Пскове, а также ранний список Задонщины (1470 г.).

От XV в. сохранились двинские грамоты, описанные А. А. Шахматовым в работе „Исследование о двинских грамотах XV в." (Спб., 1903), а также московские, ярославские и рязанские.

В XV в. было создано и Хожение за три моря тверского купца Афанасия Никитина (дошло оно до нас в списках XVI—XVII вв.) — рассказ о его путешествии в Индию.

К XVI в. относится список Слова о полку Игореве. Однако он, как и подлинник XII в., не сохранился: погиб во время московского пожара 1812 г. До нашего времени сохранилось издание этого списка, сделанное в 1800 г. Кроме того, еще до пожара Москвы с того же списка была снята копия для Екатерины II. Эта екатерининская копия также была впоследствии издана.

В середине XVI в. в России появилось книгопечатание. В Москве была основана царская типография, в которой работали первопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславец. В 1564 г. из этой типографии выходит первая русская датированная печатная книга — „Апостол".

Вслед за этой книгой, уже в XVII в., выходят и другие печатные книги. В их числе следует назвать Соборное Уложение 1649 г. — свод законов Московского государства, исследованное П. Я. Черных в книге „Язык „Уложения 1649 г." (М., 1953).

Однако и в XVI и в XVII вв. создаются по-прежнему и рукописные книги, например: Судебник Царя Ивана Грозного 1550 г., дошедший в списках XVII в., Домострой, Книга Большому Чертежу 1627 г., Житие протопопа Аввакума (между 1667 и 1682 гг.) и др.

В числе рукописных материалов, относящихся к XVII—XVIII вв., особый интерес представляют отказные и таможные книги с южновеликорусских территорий, вследствие чего в них ярко отразились диалектные особенности, а также Вести-куранты — собрания различных известий из заграницы, которые составлялись для царя. (Вести-куранты являются предтечей русской периодической печати.) Ряд отказных и таможенных книг и Вести-куранты 1600—1648 гг. были изданы в 70-х — начале 80-х годов Академией наук СССР.

Особо целесообразно назвать издания московских деловых документов и бытовой письменности XVII—XVIII вв., которые также были осуществлены в последние годы. Издание этих документов и их изучение позволили пересмотреть ряд важных моментов в истории складывания московского койне.

§ 10. Источником для изучения истории русского языка могут служить также данные топонимики, т. е. названия мест-

ностей, городов, сел, деревень, рек и т. д., которые часто восходят к словам, ранее известным в языке, но впоследствии утраченным. Таковы, например, названия типа *Мытищи* (от древнерусского *мытъ* — „пошлина"), *Ратаево* (от *ратай* — „пахарь"), *Десна* („правая", ср. *десница* — „правая рука"), *Валуйки* (от *ва-*

Оуказъ главамъ книги сеѧ.
Глава, а҃ѧ, о ѿетъхулникахъ, и о церковныхъ мятежникахъ. а҃ѧ, статей.

Кто возмутитъ хулу, на царя, и на царицу и на
всѣ, и на ихъ государевъ. а҃
Кто пришедъ в церковь божію, и вытащилъ ли
тюрги совершити не дастъ. в҃
Кто в церкви во время церковнаго пѣнія учи
нитъ мятежь, при патріархѣ, и при иныхъ
властехъ. г҃
Кто пришедъ в церковь божію кого убіетъ до смерти. д҃
Кто пришедъ в церковь божію кого ранитъ, а не до смерти убіетъ. е҃
Кто в церкви же божіи кого ударитъ а не ранитъ. ѕ҃
Кто в церкви же божіи кого ѡ вечестнитъ сло
вомъ, а не ударитъ. з҃
В церкви божіи во время церковнаго пѣнія, и
царя, и патріарха, и инымъ властемъ, ни
кимъ, никакомъ дѣлѣ, не бити человѣка. и҃
Кто в церкви божіи, чрезъ заповѣдь чинитъ
царю, и патріарху, и инымъ властемъ, ѡ ка
комъ дѣлѣ, бити хотящимъ. і҃
а҃

Уложение Алексея Михайловича.
(Уменьшено.)

Лист из Соборного Уложения 1649 г.

луй — „вялый, неповоротливый"), *Раменское* (от *раменье* — „лес, граничащий с полем"), *Бутырки* („дома на отшибе, стоящие особняком") и т. д. В топонимических названиях могут сохраняться и старые грамматические образования, утраченные русским языком. Например, названия городов *Ярославль, Перемышль, Путивль, Радогощь, Переяславль* и др. являются формами древнерусских притяжательных прилагательных, неизвестных ныне русскому языку.

§ 11. Источниками, помогающими решать некоторые вопросы истории русского языка, могут служить, далее, заимствования в русский язык из других языков, а также заимствования из русского в другие, неродственные языки. В первом случае заимствования иноязычных слов в древнейшую эпоху помогают восстанавливать историю целого ряда явлений в русском языке. Так, заимствованное собственное имя одного из франкских королей — *Karl*, имеющее сочетание [ар] между согласными, изменилось у восточных славян в *король*, греч. μαρμαρος — в др.-русск. *мороморъ*, лат. *carpa* — в др.-русск. *коропъ* (совр. *карп*); все это дает возможность предполагать, что и другие слова с сочетанием [оро] в корне между согласными могут восходить к словам с сочетанием типа [ор], [ар] в этом положении.

С другой стороны, заимствования из русского в другие языки могли идти в те эпохи, когда в русском языке еще существовали такие явления, которые позже были утрачены. Изучение подобных заимствований дает иногда возможность установить наличие тех или иных явлений в истории русского языка, что не всегда удается сделать, опираясь на факты только самого этого языка. Так, например, наличие в эстонском языке слов с сочетанием „гласный + носовой согласный", заимствованных из древнерусского языка, позволяет утверждать, что в таких русских словах, как *удочка* (эст. *und*), *судья* (эст. *sundima* — „принуждать") и т. п., звук [у] восходит к носовому [о] ([ǫ]). Заимствование этих слов из русского было осуществлено в ту эпоху, когда носовые гласные в русском языке еще были.

Сюда же примыкают и те факты, которые можно извлечь из записей иностранцами русских слов, отражающих то их произношение, которое записывающий слышал из уст древнерусских людей. Так например, запись византийским императором Константином Багрянородным названий некоторых днепровских порогов дает возможность утверждать, что носовых гласных не было в древнерусском языке уже в X в.

§ 12. Наконец, сведения об истории русского языка, особенно в древнейшие периоды его развития, дает также изучение в сравнительно-историческом плане родственных славянских языков. В связи с тем что русский язык, как и иные славянские языки, развился из одного общего для них всех источника — из

праславянского языка, все славянские языки характеризуются большой близостью своей структуры. Вместе с тем, развиваясь из одного общего источника, славянские языки шли в своей истории несколько разными путями, сохраняя в своей структуре зачастую не одни и те же явления или развивая заложенные в них тенденции в разных направлениях. Сравнивая современные славянские языки, историк языка может установить те особенности, которые были свойственны изучаемому языку в прошлые эпохи его развития.

В этом отношении ценные языковые факты может дать Общеславянский лингвистический атлас, который начал издаваться в 1988 г. (см.: Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. I. Рефлексы *ě*. Белград. 1988; Серия лексико-словообразовательная. Вып. I. Животный мир. М. 1988). Этот атлас, создаваемый международным коллективом славистов, строится на основе программы-вопросника, охватывающей все стороны языковой системы славянских языков. Для исторической грамматики особенно важны явления, связанные с фонетикой и морфологией этих языков: именно в этих сторонах языковой системы наиболее отчетливо выявляются сходства и различия языков славянского мира, развивавшихся разными путями в результате распада единого праславянского языка. Общеславянский лингвистический атлас имеет преимущество перед сравнительно-историческими грамматиками славянских языков в том, что нанесенные на его картах данные о развитии тех или иных явлений в области славянских звуков и форм дают наглядное представление об их распространенности на разных славянских территориях, о сближении и расхождении славянских языков по наличию или отсутствию в них одинаковых результатов изменения одного и того же праславянского явления, о путях развития определенного звена языковой системы в разных славянских языках.

Следует сказать, что такое же наглядное представление о сходствах и различиях, сближении и расхождении диалектов одного языка дают лингвистические (или диалектологические) атласы отдельных языков, в частности, Диалектологический атлас русского языка, который издается в нашей стране,— в 1986 г. вышел первый сводный фонетический том этого атласа.

Если Диалектологический атлас русского языка помогает решать историко-лингвистические проблемы на базе использования данных о диалектном членении этого языка на разных русских территориях и в разное историческое время, то Общеславянский лингвистический атлас позволяет решать эти же проблемы в контексте истории всего языкового славянского мира.

§ 13. Все русские памятники написаны кириллической азбукой, однако существуют данные о том, что древнерусам был известен и глаголический алфавит. Например, в „Книге пророков“

Упыря Лихого, переписанной, вероятно, с глаголицы, среди текста, написанного кириллицей, встречаются отдельные буквы и даже целые слова в глаголическом написании. Сохранились глаголические надписи в Новгородском Софийском соборе, есть также отдельные следы глаголических букв в новгородских берестяных грамотах.

§ 14. В русских рукописных актах и книгах наблюдаются три последовательно сменяющихся типа письма: устав, полуустав и скоропись. Древнейшим, характерным для XI — XIII вв. типом письма является устав. Он использовался прежде всего в церковной письменности, т. е. при создании книг, имеющих ритуальное значение. Это обстоятельство обусловливало каллиграфический характер письма, придающий особенный внешний облик таким книгам. В целом устав XI — начала XII в. характеризуется тем, что буквенные начертания даются в границах двух параллельных линеек; в уставе буквы писались прямо, перпендикулярно к строке, с правильными линиями и округлениями, ровным нажимом, отдельно друг от друга; слова на письме не отделялись друг от друга. Сокращений в уставе было мало; выносные буквы писались под титлом; при этом чаще всего сокращались так называемые „священные слова", т. е. лексика богослужебного обихода (например, *бог, ангел, душа* и т. п.). В уставе было ограничено количество надстрочных знаков — ударений и придыханий.

Развитие письменности в связи с развитием феодальных отношений влекло за собой изменения в области графики, переход к полууставу, а затем к скорописи.

Особенности полуустава по сравнению с уставом выражаются в ряде признаков: полуустав мельче устава, основные линии в строении букв менее правильны; геометрический принцип в этом строении нарушается; буквы отстоят друг от друга на разном расстоянии, так как писцы писали быстро и размашисто. Здесь больше сокращений, выносных букв и надстрочных знаков.

Полуустав, в котором сказывается ускорение письма (сильный наклон, слитность в начертании букв), называется беглым полууставом. Кроме того, есть еще полуустав, переходящий в скоропись, когда писец применяет приемы, характерные для скорописного письма. В полууставе, таким образом, зарождаются тенденции, свойственные скорописи — третьему типу русского письма. Элементы этого письма особенно часто встречаются со второй половины XIV в., а в XV в. скоропись постепенно вытесняет полуустав. В скорописи важно было добиться быстрых темпов письма, что достигалось увеличением сокращений, распространением выносных букв, расширением многообразия в их начертании и т. п. Скоропись укрепляется в деловом письме в XV в. и господствует в нем в XVI — XVII вв. Сама она переживает эволюцию, приобретая наибольшую слож-

ность во второй половине XVII в. Для этого периода характерно наличие многих вариантов одной буквы, искажение внешнего вида букв и увеличение сокращаемых слов.

В первых русских печатных книгах как церковного, так и светского содержания употреблялось полууставное письмо. Оно продержалось до 1708 г., когда Петр I ввел новый, так называемый гражданский шрифт для светских книг.

§ 15. Первоначально русские рукописные книги писались на специально выделанной коже, которую называют пергаментом (по названию г. Пергама в Малой Азии, где обработка кожи была усовершенствована); в древней Руси пергамент называли мехом или хартией. С середины XIV в. в употребление входит бумага (первой рукописной книгой на бумаге считают Поучение Исаака Сирина 1381 г.). Кроме того, в древней Руси в качестве писчего материала использовалась еще береста. Берестяные грамоты в большом количестве найдены в 50 — 80-х годах нашего века при раскопках в Новгороде (к настоящему времени их обнаружено здесь около 600), а также в единичных случаях — в Смоленске, Витебске, Пскове, Калинине и Старой Руссе (к настоящему времени обнаружено всего около 650 берестяных грамот). До этого времени были известны грамоты и книжки на бересте, относящиеся к концу XVII или к первой половине XVIII в. и написанные большей частью в Сибири, а иногда на Крайнем Севере европейской части нашей страны.

Рукописные памятники сохранились в виде книг, свитков и столбцов. Книги представляют собой сшитые и переплетенные тетради, на которых писался текст. Переплеты были деревянные или кожаные. Отдельные грамоты, написанные на одной стороне листа, свертывались в трубку — в свиток. Подклеенные друг за другом, такие свитки образовывали столбец: это было нечто вроде рулона, иногда значительного размера в диаметре.

Писали рукописи чернилами, а иногда киноварью, т. е. красной краской. Особенно часто киноварь использовалась для написания заглавий, начальных букв, заставок и т. п. Наконец, изредка документы писались золотом (на клею).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания.— 1955.— № 5.

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте.— М., 1953.

Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 годов).— М., 1978.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка (1863).— 6-е изд.— М., 1958.— С. 21—37; Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков.— М., 1861.

Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку.— М., 1959.

Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка.— М., 1969.— С. 25—123.

Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка.— М., 1980.

Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот.— М., 1955.— С. 3—13.

Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Селищев А. М. Избранные труды.— М., 1968.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— М., 1907.— С. 5—18.

Черепнин Л. В. Русская палеография.— М., 1956.

Щепкин В. Н. Русская палеография.— М., 1967.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 годов).— М., 1986.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 16. Начало изучения истории русского языка было положено М. В. Ломоносовым (1711—1765), который в своей „Российской грамматике" (1755) охарактеризовал некоторые моменты, связанные с историческим развитием русского языка.

Ломоносов четко отграничил русский язык от старославянского и, показав их отличия, отметил, что они могут быть обнаружены в памятниках юридического характера, в деловых документах, где живая речь отражается больше всего. Он сумел определить группу родственных славянских языков и утверждал, что от славянского произошли российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, вендский языки. Вместе с тем Ломоносов писал, что русский язык ближе к южнославянским, чем к западнославянским, и в известной степени был прав.

Ломоносов не ограничился установлением родства славянских языков, но пытался решить вопрос о языковом родстве за пределами славянского мира и даже за пределами Европы. На основе анализа числительных в разных языках он установил, что „сродственными" языками являются российский, греческий, латинский, немецкий, а „несродственными" — финский, мексиканский, готтентотский и китайский. Ломоносов определил родственные связи славянских и балтийских языков и, основываясь на лексических и грамматических явлениях, высказал мысль об их общем происхождении. Этим самым Ломоносов заложил основы генеалогической классификации языков, что было большим достижением для его времени.

Для дальнейшего изучения истории русского языка в трудах Ломоносова ценны наметки последовательности в расхождении разных языков (он, в частности, писал, что наиболее древним является отделение друг от друга латинского, греческого, германского и славянского языков, позднее — славянского и балтийского, еще позднее — русского и польского), указания, из каких языков пришли в русский те или иные слова.

Сохранились черновые наброски Ломоносова, в которых можно обнаружить ряд интересных мыслей по диалектологии русского языка. Так, он впервые наметил диалектное членение русского языка, выделив в „российском языке" три диалекта: московский, поморский и малороссийский. Московское наречие он считал главным, так как оно употребительно при дворе, среди

Михаил Васильевич Ломоносов

Александр Христофорович Востоков

Измаил Иванович Срезневский

дворянства и в городах, близлежащих к Москве; поморское — это все северновеликорусское наречие, т. е. окающие говоры; по мнению Ломоносова, это наречие ближе к „славенскому" старому языку. Третье, малороссийское, было названо им так потому, что украинский язык как литературный тогда еще не оформился. Ломоносов писал, что это наречие ближе к польскому языку и отлично от остальных двух наречий. Таким образом, Ломоносов, хотя и не выделил белорусского языка и не разделил южно- и средневеликорусские говоры, все же наметил основные наречия русского языка и указал их границы.

§ 17. Наиболее интенсивно разработка истории русского языка начинается в XIX в., когда языкознание становится и в России и на Западе особой отраслью науки. Именно в это время начинается собирание и изучение древних рукописных памятников.

Из ученых-лингвистов этого времени прежде всего надо назвать А. Х. Востокова (1781—1864), впервые применившего сравнительно-исторический метод в изучении языка. В „Рассуждении о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго памятникам" (1820), принесшем Востокову европейскую известность, он показал отношение русского языка к другим славянским языкам, опираясь на судьбу сочетаний [tj], [dj] в этих языках. Здесь же Востоков наметил периодизацию в истории русского языка, выделив в этой истории три периода: древний (IX—XV вв.), средний (XV—XVI вв.) и новый, и установил звуковое значение букв ъ и ь, а также ѫ и ѧ. Таким образом, Востоков сделал шаг вперед в изучении истории русского языка.

Кроме указанного выше „Рассуждения ...", ему принадлежат еще две грамматики русского языка (сокращенная и полнее изложенная, 1831 г.), „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума" (1842), первое издание Остромирова евангелия и „Словарь церковнославянского языка" (1858—1861).

В ряду историков языка видное место занимает И. И. Срезневский (1812—1880), который с 1846 г. работал в Петербурге и в 1849 г. написал сочинение „Мысли об истории русского языка", где была намечена программа исторического изучения русского языка. Срезневский подчеркнул здесь, какое большое значение имеет история языка, нераздельная с историей народа; он указал, что история русского языка — это продолжение истории языка славянского племени, а последняя — продолжение истории всей индоевропейской отрасли. Срезневский ставил задачу восстановить, путем сравнения родственных языков и наречий, состояние древнейшего первобытного русского языка со всеми его формами и словами. Для выполнения такой задачи, по мнению Срезневского, необходимо накопить материал о лексическом составе и грамматических особенностях древних памятников русского языка, составить словари этих памятников, изучить лексику и грамматику говоров, исследовать строй литературного языка. Все это, полагал Срезневский, даст истории языка прочную основу. Не случайно поэтому, что наиболее ценным его трудом явились „Материалы для словаря древнерусского языка" (труд этот не был закончен; переиздан в полном виде в 1958 г.).

Три тома этих „Материалов" содержат огромное количество фактов, выбранных из многочисленных памятников древнерусской письменности.

§ 18. Основоположником исторической грамматики русского языка явился Ф. И. Буслаев (1818—1897), который работал и в области литературы, и в области языкознания. В 1844 г. появился его труд „О преподавании отечественного языка", где были поставлены проблемы сравнительно-исторического изучения языков в связи с историей русского языка. Здесь Буслаев дал большой материал по истории русского литературного языка и обзор языковых явлений русского языка в сравнении с другими славянскими языками. Здесь же была отчетливо высказана мысль о связи истории языка с историей народа. В 1847 г. Буслаев написал сочинение „О влиянии христианства на славянский язык", где дал языковой анализ Остромирова евангелия. В 1858 г. был создан „Опыт исторической грамматики русского языка", а в 1861 г. вышла „Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков" — первые учебные пособия по истории русского языка. „Опыт" Буслаева состоял из двух частей („Этимология" и „Синтаксис"), где систематически излагались вопросы исторической фонетики, морфологии и синтаксиса (конечно, на том уровне знаний, который был тогда достигнут). В „Хрестоматии" же были подобраны тексты из старославянских и древнерусских памятников, которые могли служить образцами древнерусского и старославянского языков; здесь же давались и комментарии к текстам. Надо сказать, что концеп-

Федор Иванович Буслаев

Алексей Иванович Соболевский

Алексей Александрович Шахматов

ция Буслаева, изложенная в „Опыте исторической грамматики русского языка" (в последующих изданиях — „Историческая грамматика русского языка"), долгое время сохранялась в преподавании этой науки.

Большую роль в развитии изучения истории русского языка сыграл выдающийся ученый, работавший в Харькове,— А. А. Потебня (1835—1891). Это был разносторонний исследователь — и лингвист, и теоретик литературы.

А. А. Потебня являлся представителем психологического направления в языкознании, и основные его интересы лежали главным образом в области семасиологического изучения языка. Вместе с тем он много сделал и для разработки проблем исторической грамматики русского языка. Основным его трудом является капитальная работа „Из записок по русской грамматике" (I—II т.— 1888 г., III т.— 1899 г., IV т.— 1941 г.; переиздание: т. I—II— 1958, т. III— 1968, т. IV, вып. I— 1985, т. IV, вып. II— 1977 г.). II—IV тома посвящены вопросам исторической грамматики русского языка, главным образом вопросам исторической морфологии и синтаксиса.

А. А. Потебня является автором крупного труда „Мысль и язык" (1-е изд.— 1862 г., последнее — 1926 г.), а также ряда работ по исторической фонетике и морфологии, например „Два исследования о звуках русского языка" (1864—1865), „К истории звуков русского языка" (четыре части, 1873—1883) и др. Потебня положил начало и историческому изучению словарного состава русского языка.

§ 19. Развитие изучения истории русского языка в последней четверти XIX в. и в начале XX в. связано с именами двух крупнейших русских ученых — акад. А. И. Соболевского (1856—1929) и акад. А. А. Шахматова (1864—1920).

А. И. Соболевский вышел из школы Буслаева и был крупным оригинальным ученым. В области истории русского языка эпоху составила его диссертация „Очерки из истории

русского языка", где в историческом плане рассматривались древние галицко-волынский и псковский говоры и где исследование строилось на основе изучения письменных памятников. Соболевскому принадлежат „Лекции по истории русского языка" (1888, последнее изд. 1907) — учебное пособие, насыщенное огромным материалом, извлеченным из памятников и народных говоров, с объяснением этих фактов (хотя во многом и устаревшим ныне).

А. И. Соболевский создал также „Очерк русской диалектологии" (1892), насыщенный обильным материалом и охватывающий не только русский, но и украинский и белорусский языки. Он занимался и вопросами истории письменности, издал серьезный труд „Славяно-русская палеография" (1908), в определенной степени сохраняющий свое научное значение до настоящего времени.

Определенным недостатком трудов Соболевского явилось то, что, собирая много, нередко противоречивых, фактов и констатируя их, он оставлял эти факты без достаточных обобщений и объяснений. Кроме того, прямое отождествление графических фактов памятников, шедших вразрез с традиционными написаниями, и фонетических процессов живого языка делало некоторые выводы Соболевского недостаточно убедительными.

§ 20. А. А. Шахматов был ученым иного типа, и не случайно он часто полемизировал с Соболевским. В 18 лет Шахматов выступил в качестве неофициального оппонента на защите диссертации Соболевским, но уже до этого его статьи печатались в „Архиве славянской филологии". В 1883 г. Шахматов стал студентом Московского университета, а в 1884 г. опубликовал „Исследование о языке новгородских грамот", которое до сих пор не утратило своего научного значения. Шахматов — это представитель школы Ф. Ф. Фортунатова в русском языкознании, школы строгой научной точности, точных методов лингвистического анализа.

Основные интересы Шахматова были сосредоточены в области исторической фонетики русского языка, но он был чрезвычайно разносторонним ученым: его интересовали и историческая морфология, и современная грамматика, и диалектология, и славянское языкознание. Он был и историком: ему принадлежит исследование летописей как исторических памятников. Но о чем бы ни шла речь, перед Шахматовым стояла одна центральная проблема — история языка в связи с историей народа. Для него было характерно стремление связать кропотливое и точное изучение письменных памятников с данными живого языка, прежде всего говоров, диалектов. В отличие от Соболевского Шахматов стремился оживить мертвые буквы путем сопоставления орфографии со звуковыми явлениями соответствующих народных говоров и воспроизвести в подробностях фонетический строй говора писца.

Работы Шахматова „Курс истории русского языка“, чч. I—III (1910—1912), „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ (1915), „Исследование о двинских грамотах XV в.“, „К истории звуков русского языка“ и многие другие до сих пор поражают богатством материала, блестящим лингвистическим анализом, талантливостью и яркостью исследовательского ума автора. Хотя многое теперь устарело и в конкретном анализе фактов, и особенно в общетеоретических, исторических и методологических положениях и рассуждениях Шахматова, он остается в истории отечественного языкознания как величайший лингвист мирового значения.

§ 21. Большинство ученых следующего поколения связано в своих взглядах с влиянием работ Соболевского или Шахматова.

Из последователей Соболевского можно назвать проф. Н. М. Каринского (1873—1935), занимавшегося историей русского языка и русской диалектологией. Его основной труд — „Язык Пскова и его области в XV в.“ (1909) — опирается в методах исследования на диссертацию Соболевского. К продолжателям традиций этой школы относился и проф. П. Я. Черных (1895—1970), много сделавший в изучении истории русского языка (см. его книги „Историческая грамматика русского языка“ (1-е изд.— 1951 г., 2-е изд.— 1954 г., 3-е изд.— 1962 г.), „Язык „Уложения 1649 года“ (1953), „Очерк русской исторической лексикологии“ (1956) и многочисленные статьи по истории русского языка).

В числе последователей Шахматова выделялся Н. Н. Дурново. В 1924 г. вышла его книга „Очерк истории русского языка“, в которой популяризировались идеи Шахматова, но она имела и имеет и большое самостоятельное значение, представляя систематическое изложение истории и диалектологии восточнославянских языков. Н. Н. Дурново принадлежит также „Введение в историю русского языка“ (Брно, 1927, издано в Москве в 1969 г.) и ряд интересных работ по исторической фонетике и диалектологии русского языка.

Заслуживает упоминания и рано умерший талантливый лингвист Л. Л. Васильев, создавший ряд исследований языка по данным письменных памятников, в частности, работы по истории ѣ в московском говоре, о значении коморы в древнерусских памятниках, о сочетании *кл, гл* в памятниках письменности и др.

Учеником Шахматова являлся и С. П. Обнорский (1888—1962), занимавшийся вопросами исторической морфологии (см. два больших труда: „Именное склонение в современном русском языке“, т. I, 1927; т. II, 1931 и „Очерки по морфологии русского глагола“, 1953) и историей русского литературного языка (см. „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“, 1946).

Николай Николаевич Дурново

Сергей Петрович Обнорский

Леонид Арсеньевич Булаховский

Вопросам исторической фонетики в свое время уделял внимание и другой ученик Шахматова — В. В. Виноградов (1895—1969) (см. его „Очерки по истории звука ѣ в северно-русском наречии", 1919), впоследствии занимавшийся вопросами изучения русского литературного языка, стилистики и языка писателя. В. В. Виноградов является создателем науки об истории русского литературного языка (см. его книгу „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв." (изд. 1.— 1934 г., изд. 3—1983 г.) и работу „Основные этапы истории русского языка" в журнале „Русский язык в школе", 1940, № 3—5, а также монографии и многочисленные статьи о языке крупнейших русских писателей — Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и др.). Большое значение для истории русского языка имеют работы В. В. Виноградова по лексике — по истории различных русских слов.

Интересным лингвистом был Л. П. Якубинский (1892—1945), книга которого „История древнерусского языка" впервые была издана в 1953 г. В этом труде основное место занимают проблемы истории литературного языка, а также исторической морфологии и исторического синтаксиса.

В области изучения исторического синтаксиса значительный интерес представляет работа Е. С. Истриной (1883—1957) „Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи" (1923), являющаяся важным источником для изучения проблем истории развития синтаксической системы русского языка.

Для изучения истории русского языка много сделали славяноведы: Б. М. Ляпунов (1862—1943), написавший „Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи" (1889); А. М. Селищев (1886—1942), создавший не только книгу „Западнославянские языки" (т. I „Славянского языкознания", 1941) и пособие „Старославянский язык" (1951—1952), но и „Диалектологический очерк Сибири" (1921) — книгу, содержание которой шире ее названия (в ней рассматриваются звуко-

вые явления, которые связывают говоры Сибири с северновеликорусскими диалектами европейской части нашей страны); Л. А. Булаховский (1888—1962), автор „Исторического комментария к русскому литературному языку" (эта книга переиздана в 1953 г. как т. II „Курса русского литературного языка") и ряда работ по истории акцентологических отношений в русском и иных славянских языках.

§ 22. В послевоенные годы и особенно с конца 50-х — начала 60-х годов нашего века развернулась широкая деятельность советских ученых, занимающихся проблемами истории русского языка и диалектологии. За это время появилось много работ в области исторической фонетики и фонологии, исторической морфологии и исторического синтаксиса; разрабатывались и общие вопросы истории складывания и развития русского языка в его диалектном многообразии. Эти последние вопросы были поставлены прежде всего в работах Р. И. Аванесова (1902—1982). В статьях „К истории средневеликорусских говоров" (1946), „Вопросы образования русского языка в его говорах" (1947), „К вопросам образования русского национального языка" (1953), „Проблемы образования языка русской (великорусской) народности" (1956) Р. И. Аванесов, опираясь на новые диалектные данные, собранные для Диалектологического атласа русского языка, выдвинул иную, по сравнению с предшествующей, теорию образования средневеликорусских говоров, а также наметил общее диалектное членение русского языка на разных этапах его истории. Эти работы стали основополагающими для последующего изучения истории различных русских диалектов. Р. И. Аванесов занимался также и проблемами исторической фонетики и фонологии. В этом плане особенное значение имеет его статья „Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*" (1947), в которой с последовательно фонологической точки зрения была рассмотрена история звуков [и] и [ы] и на этой основе были поставлены важные проблемы истории развития русской фонетической системы. Вопросы исторической фонетики получили освещение и в таких работах, как „Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей" (1952) и „Лингвистическая география и история русского языка" (1952).

Одним из крупнейших историков русского языка был П. С. Кузнецов (1899—1968), создавший систематический курс исторической морфологии русского языка. (Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. 1953). Много внимания он уделял также изучению исторической фонетики и фонологии, русской диалектологии и вообще широкому кругу проблем сравнительно-исторического славянского языкознания. Такие работы ученого, как „Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков" (1952), „Очерки по морфологии праславянского языка" (1961), „К вопросу о гене-

зисе видо-временных отношений в древнерусском языке" (1953), „К исторической фонетике ростово-суздальских говоров" (1948), „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке" (1952), „Чередования в общеславянском языке-основе" (1954) и многие другие, точно так же, как и учебные пособия „Русская диалектология" (последнее издание — 1960 г.) и „Историческая грамматика русского языка" (совместно с В. И. Борковским; 2 изд.— 1965 г.), содержат огромное количество фактов, извлеченных из памятников и диалектов, множество тонких и интересных наблюдений, остроумных гипотез, важных для науки выводов.

Проблемы исторического синтаксиса наиболее полно и глубоко разрабатывались в трудах В. И. Борковского (1900—1982) и Т. П. Ломтева (1906—1972). В двух книгах — „Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)" (1949) и „Синтаксис древнерусских грамот (сложное предложение)" (1958), а также в многочисленных статьях по вопросам истории синтаксических явлений русского языка В. И. Борковский на основе богатейшего фактического материала, извлеченного из памятников письменности, рассмотрел все основные явления в синтаксической системе древнерусского языка. Вопросам истории развития русского синтаксиса отведено большое место в книге В. И. Борковского и П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка" (раздел синтаксиса написан В. И. Борковским). Под руководством В. И. Борковского в конце 70-х годов было создано двухтомное академическое исследование по историческому синтаксису русского языка (Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение.— М., 1978; Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение.— М., 1979).

Т. П. Ломтеву принадлежит обширное исследование „Очерки по историческому синтаксису русского языка" (1956), в котором не только подробно и с привлечением многих ранее неизвестных фактов памятников письменности рассмотрены процессы исторического развития синтаксической системы, но и выдвинуты новые гипотезы относительно складывания и развития основных категорий русского синтаксиса. Т. П. Ломтев известен также и своей „Сравнительно-исторической грамматикой восточнославянских языков" (1961), являющейся оригинальным трудом по методу исследования фактов.

Большое значение как в исследовании общих проблем истории русского языка, так и в обобщении результатов предшествующих этапов развития науки имеет книга Ф. П. Филина (1908—1982) „Образование языка восточных славян" (1962). В ней, опираясь на новейшие данные, автор поставил вопросы о происхождении славян и их прародине, рассмотрев при этом различные теории и гипотезы, связанные с решением данных вопросов: о балто-славянской языковой общности и о связях

славян с финно-уграми, с германцами и иранцами; о процессах, связанных с распадом праславянского языка и образованием языка восточных славян. Все эти проблемы рассмотрены с привлечением многих фактов исторической фонетики русского языка, причем в ряде случаев Ф. П. Филин выдвинул новые положения, переоценивая прежнюю интерпретацию фактов, новые гипотезы и теории. В 1972 г. вышла еще одна книга Ф. П. Филина — „Происхождение русского, украинского и белорусского языков", обширное исследование, в котором были поставлены и во многом по-новому решены важные проблемы истории восточных славян и их языков, а также рассмотрены спорные вопросы развития структуры этих языков. В последние годы жизни Ф. П. Филин много внимания уделял вопросам истории русского литературного языка (см. его книгу „Истоки и судьбы русского литературного языка".— М., 1981).

Вопросам исторической грамматики русского языка в связи с проблемами лингвистического источниковедения посвящены две книги С. И. Коткова (1906—1986) — „Московская речь в начальный период становления русского национального языка" (1974) и „Лингвистическое источниковедение и история русского языка" (1980). Организатор широкой работы в нашей стране по лингвистическому изданию памятников русской письменности (прежде всего — московской и южновеликорусской), С. И. Котков на основе анализа языковых явлений, отраженных в этих памятниках, ставил и рассматривал целый ряд важных вопросов исторической фонетики и морфологии русского языка.

Привлечение южновеликорусской деловой письменности как источников истории русского языка позволило С. И. Коткову аргументированно доказать большую роль ю.-в.-р. диалектов в формировании московского койне и в становлении норм устной литературной речи. В то же время исследование деловых документов и частной переписки жителей Москвы XVII в. дало возможность пересмотреть вопросы складывания московского койне как с точки зрения хронологии, так и с точки зрения участия в этом складывании разных диалектов русского языка.

Разработка проблем исторической грамматики успешно осуществляется и другими лингвистами, работающими в Москве, Ленинграде и других городах нашей страны.

§ 23. Проблемы исторической грамматики русского языка привлекали и привлекают внимание многих зарубежных лингвистов. Среди них прежде всего должен быть упомянут профессор Венского университета И. В. Ягич (1838—1923), который долгое время работал в России. Его „Критические заметки по истории русского языка" (1889) были посвящены разбору „Лекций. . ." А. И. Соболевского и содержали вместе с тем ряд самостоятельных интересных соображений по вопросам исторической грамматики. Большое значение имеет и другой труд И. В. Ягича —

„Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке“ (1885—1895), в котором были исследованы некоторые старинные рукописные памятники по вопросам языка.

Н. С. Трубецкой, глава Пражского лингвистического кружка, образовавшегося после первой мировой войны, выдвинул оригинальную теорию образования русского языка, оказавшуюся, правда, недостаточно обоснованной (критику этой работы дал А. М. Селищев; см.: Селищев А. М. Избранные труды.— М., 1968.— С. 31—40), а также создал ряд работ в области исторической фонетики и морфологии русского и других славянских языков.

Член этого кружка Р. О. Якобсон в 1929 г. издал в Праге работу „Remarques sur l'évolution phonologie du russe comparée à celle des autres langues slaves“, в которой была сделана первая попытка изложить историю звуковой системы русского языка в фонологическом плане. В 1931 г. Р. О. Якобсон написал статью „Prinzipien der historischen Phonologie“, сформулировав в ней основные требования и задачи исторической фонологии применительно прежде всего к славянским языкам.

Б. О. Унбегаун (1898—1973), работавший до середины 60-х годов нашего века в Оксфордском университете в Англии, в 1935 г. опубликовал обширную монографию, посвященную русскому языку XVI в.,— „La langue russe au XVIe siècle“, в которой была рассмотрена система русского именного склонения изучаемого периода времени.

В 1960 г. в Лондоне вышла книга В. К. Метьюса „Историческая грамматика русского языка“ („Russian historical grammar“), не только содержащая основные вопросы истории развития грамматической системы русского языка, но и рассматривающая проблемы истории русского литературного языка.

Наконец, можно назвать вышедшую в Гейдельберге книгу Кипарского „Русская историческая грамматика“ („Russische historische Grammatik“), представляющую собой изложение общего курса исторической грамматики русского языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке // Ученые записки МГУ.— 1946.— Т. 3.— Кн. 1.— Вып. 106.

Чемоданов Н. С. Сравнительное языкознание в России.— М., 1956.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЫДЕЛЕНИЕ СЛАВЯН ИЗ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЕДИНСТВА

§ 24. Все современные славянские языки делятся на три группы: южнославянскую (болгарский, сербскохорватский, македонский и словенский языки), западнославянскую (польский, чешский, словацкий, кашубский, верхне- и нижнелужицкий языки) и восточнославянскую (в которую входят русский, украинский и белорусский языки). Все эти три группы славянских языков составляют одну из ветвей индоевропейской семьи языков.

§ 25. Современное состояние, современная структура славянских языков обнаруживают поразительную их близость: факт общности славянских языков в фонетике, морфологии и в словаре очевиден. Вслушиваясь в речь не только украинцев и белорусов, но и поляков, чехов, сербов, болгар, человек, говорящий по-русски, всегда поймет многие слова, а иногда и целые фразы. Подобная общность дает возможность предполагать, что в далеком прошлом близость славянских языков была выражена еще отчетливее и что эта близость объясняется происхождением всех славянских языков из одного праславянского языка, который являлся языком индоевропейской системы.

В свою очередь изучение индоевропейских языков показывает, что в их структуре также можно найти ряд общих явлений, позволяющих говорить о них как о родственных языках и, следовательно, предполагать существование в еще более отдаленном прошлом общеиндоевропейского языка-основы. Правда, такое предположение не говорит еще о том, что праиндоевропейский язык может быть восстановлен путем сравнения структур современных индоевропейских языков (хотя такие попытки и были): у исследователей слишком мало фактов, которые могли бы помочь в разрешении этого вопроса. Но само существование такого общеиндоевропейского языка-основы можно все же предполагать.

Распад общеиндоевропейского языка-основы привел к образованию ряда родственных языков, из которых впоследствии развились современные индоевропейские языки, в том числе и славянские.

Выделение славян из общеиндоевропейского единства произошло в глубочайшей древности, приблизительно к началу III тысячелетия до н. э. После этого выделения все славяне долгое

время, вероятно, продолжали жить совместно. Это вполне определенно доказывается общностью их древних языковых переживаний, общими изменениями языковой структуры, захватившими все славянские языки (таков, например, переход к структуре открытых слогов и связанные с этим процессы). Весь этот длительный период является эпохой существования праславянского языка, или общеславянского языка-основы.

§ 26. Можно думать (хотя это и трудно доказать точно), что в середине I тысячелетия н. э. общеславянская эпоха закончилась: именно в это время языки отдельных славянских групп развивают те особенности, которые противополагают их друг другу. Процесс образования трех славянских языковых групп был сложен, и в разные периоды дописьменной эпохи эти группы были в разных отношениях друг к другу. По древнейшим чертам (например, по судьбе сочетаний [*tl], [*dl]; [*kvě], [*gvě] и др.; см. подробнее ниже) сближаются восточные и южные славяне в отличие от западных; по некоторым же иным чертам восточные славяне объединяются с западными (например, по начальным этапам истории сочетаний типа [*tort], по наличию флексий ѣ и ъмь в определенных падежных окончаниях и др.; см. подробнее ниже). Можно обнаружить и такие явления, по которым восточные славяне сближаются лишь с частью западных, тогда как другая часть последних ближе к южной группе.

§ 27. Первые упоминания о славянах относятся к начальным векам нашей эры и принадлежат римским историкам (Плинию, Тациту, Птолемею), которые упоминают славянское племя венедов, живших, по их указанию, в районе Прибалтики.

По поводу слова *венеды* можно думать, что оно не славянское: до сих пор немцы называют лужичан *die Wenden* (ср. финск. *venaja, venä(t)*, эст. *vene* — „русский"); вместе с тем предполагают, что, возможно, это слово связано с одним из племенных названий восточных славян — *вятичи*, др.-русск. *вѧтичи* (где древний корень — **vent-*), и носит исконно славянский характер (корень **vent-* сохраняется в ст.-слав. вѧщии, др.-русск. *вѧчьший* — „большой, высший").

В более поздних источниках, относящихся к VI в. н. э. (у византийского историка Прокопия Кесарийского или у готского Иордана), упоминаются два славянских племени — словене и анты. Кесарийский писал о движении к югу, на Балканский полуостров, нового народа. Западная часть этого народа называется Σκλαβηνοι (склавени), а восточная — Αντται или Αντες (анты). Название *склавени*, по-видимому, является передачей праславянского *словѣне* и было самоназванием славян (этимологи связывают его со словами *слава, слово*, с глаголом *слути* „слышаться, быть понятным"); название *анты*, вероятно, пред-

ставляет собой тюркизм: так авары называли часть славян, которые выступали с ними как подчиненные союзники. (Впрочем, эти этимологии слов остаются до конца неясными.)

Все эти и подобные данные свидетельствуют о том, что в V — VI вв. славяне были известны на обширной территории Восточной Европы.

Однако первоначально праславяне и праславянский язык занимали более узкие пространства: в IV — III вв. до н. э. его географические границы на западе определялись средним течением р. Вислы (до устья Буга), на востоке — средним течением Днепра (от устья Припяти до Сулы), на севере — течением Припяти, а на юге — верхним течением Южного Буга и Днестра.

На рубеже нашей эры славяне занимали уже более обширную территорию: они продвинулись к западу от верхнего и среднего течения Одры, вышли на северо-западе к побережью Балтийского моря; в движении на восток и северо-восток славяне перешли Днепр и двинулись по бассейнам Сожа и Десны. Таким образом, к I — II вв. н. э. праславянский язык занимал территорию от левого побережья Одры до среднего течения Десны и от Балтийского моря до предгорий Карпат. В результате этих передвижений единая этническая группа славян распалась на две — на западную и восточную. Западный диалект праславянского языка лег в основу западнославянских языков, а восточный — в основу южно- и восточнославянских языков.

Во II — III вв. н. э. начинается движение славян к югу. Один путь шел в районы Восточных Карпат и далее — на территорию Большой Среднедунайской низменности, а другой — на так называемую Молдавскую возвышенность (между Восточными Карпатами и Прутом). В V в. эта часть славян продвинулась еще дальше на юг — к Южным Карпатам, в Нижнедунайскую низменность. На всех этих территориях начинают формироваться южнославянские языки. Вместе с тем во II — III вв. славяне продвигаются и на северо-восток, по Десне, Сожу и Днепру, а начиная с III — IV вв.— и на юго-восток, по Днестру, Южному Бугу и Днепру к Черному морю.

После II в. предки восточных славян продвигаются на запад — до Западного Буга.

Западные славяне, с одной стороны, достигают левого берега Эльбы и расселяются в Южной Прибалтике, которую раньше заселяли готы, ушедшие оттуда на юго-восток. С другой стороны, часть западных славян двинулась на юг, в районы современной Чехословакии.

В VI в., как уже говорилось, южные славяне заселяют Балканский полуостров, колонизация которого ими закончилась в VII в., а также области Восточных Альп. В свою очередь, восточные славяне, заселяя весь бассейн Днепра и его левых притоков, продвигаются к северу (в районы Ловати и Волхова), на восток (в бассейн Оки и верховья Волги) и на юг — в Северное

Причерноморье. Правда, в VIII — IX вв. кочевники оттеснили восточных славян вновь к северу. Все эти процессы способствовали отделению восточных славян от южных.

Расселение славян на обширной территории и ослабление связей между отдельными группами постепенно стали приводить к распаду славянской языковой общности. Это обусловило усиление местных особенностей в праславянских диалектах, которые начали превращаться в самостоятельные языки.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ ГРУППИРОВКА

§ 28. Начиная с конца общеславянской эпохи, т. е. не позднее VI в. н. э., и кончая приблизительно IX в., на всей территории Великого водного пути „из Варяг в Греки", т. е. на территории от озера Ильмень и бассейна Западной Двины до Днепра, а также к востоку — в районах верхнего течения Оки и Волги, на Дону и Сев. Кавказе — и к западу — на землях Волыни, Подолии и Галиции, расселялись многочисленные восточнославянские племена, говорившие на близкородственных диалектах.

§ 29. Названия этих родственных восточнославянских племен и места их расселения к IX в. можно установить по данным „Повести временных лет".

На севере, в районе озера Ильмень, жили словене; южнее и западнее их, в бассейнах Зап. Двины, верхнего течения Днепра и Волги, располагалось обширное племя кривичей (границы кривичской территории проходили близко от Москвы — в районах Можайска, Клина, Дмитрова). Кривичи, как видно, рано, в результате расселения, распались на две ветви: на западную — в верхнем течении Двины, на р. Великой и в районе Чудского озера, и восточную — в верхнем течении Волги.

Земли по верхнему и среднему течению Оки до Москвы-реки, а также в верховьях и дальше по течению Дона занимали племена вятичей, на территории которых впоследствии возникла Москва. Западнее вятичей, в бассейне Сожа, между Днепром и Десной, жили радимичи. Еще западнее, на севере от р. Припяти, в Белоруссии, были дреговичи (название, вероятно, связано с диалектным смоленским словом *дрегва* — „болото"). В районе Киева, на правом берегу Днепра, располагалось племя полян; севернее Киева, по реке Припяти до Днепра, жили древляне, городом которых был Искоростень. По рекам Десне, Сейму, Суле располагались земли северян (судя по названию, это племя северного происхождения, но Шахматов думал, что если это было и так, то приход северян на эту территорию относится к очень давнему времени). К югу и юго-западу от полян, по Днестру, жили племена уличей и тиверцев.

К западу от древлян и полян, в верховьях Буга, жили волынянне. Наконец, к западу от волынян, в пределах Галиции, располагались хорваты.

§ 30. Все эти племена были в различной близости друг к другу и на различных ступенях экономического и культурного развития. Вполне вероятно поэтому, что существовали определенные группы восточнославянских племен.

По поводу их древнейшей группировки существуют различные гипотезы русских лингвистов, среди которых наиболее разработанной представляется теория А. А. Шахматова, изложенная им во „Введении в курс истории русского языка".

А. А. Шахматов делил все восточнославянские племена на три группы и считал, что каждая из них характеризовалась своими языковыми особенностями. Эти группы он называл северной, южной и восточной, а представителей этих групп соответственно — севернорусами, южнорусами и восточнорусами.

Шахматов, предполагая исходной точкой расселения восточных славян Волынь, считал, что их соседями на западе были поляки, а на востоке — финны. Восточные славяне, заняв правый берег Днепра, скоро перешли и на левый. Из этой левобережной части выделилась восточнорусская ветвь, которая перешла из Днепровского бассейна в Донецкий, осаживаясь по Сев. Донцу и Осколу. Кроме того, часть левобережной ветви пошла к северу — в Северное Поднепровье, к истокам Зап. Двины, Ловати и Волги. Так выделилась севернорусская ветвь. На старых местах — в районе средней части Днепровского бассейна и Днестра — остались южнорусы.

К VII — VIII вв. восточнорусы продвинулись к югу — в Нижнее Подонье до Азовского моря. Именно там, по Шахматову, было первоначальное средоточие вятичей, которые и составляли восточнорусскую ветвь, откуда они шли и к югу, и к северу — в Приокские земли. В экономическом отношении восточнорусы-вятичи были связаны с хозарами. Язык вятичей, по мнению Шахматова, характеризовался наличием аканья.

В северную группу входили, по Шахматову, словене и кривичи. Эта группа располагалась на севере Великого водного пути, тяготела к Балтийскому морю и была связана со Скандинавией. В языковом отношении севернорусы отличались наличием цоканья.

В южную группу входили поляне, древляне, северяне, уличи и тиверцы, волынянe и хорваты. Эта группа занимала южную часть Великого водного пути „из Варяг в Греки" с центром в Киеве. Экономически она была связана с Византией и Балканским полуостровом. Языковой чертой, присущей этой группе, был [γ] — звук [г] фрикативного образования.

При всей стройности и законченности теория Шахматова страдает рядом недостатков. Прежде всего она не подтверждает-

ся достаточно данными археологии. Если в археологическом отношении действительно обнаруживается связь словен и кривичей, то южнорусская группа не выделяется целиком: здесь сближается лишь ее юго-западная часть — поляне, древляне и волыняне.

Еще менее теория Шахматова подтверждается лингвистически, ибо встает вопрос о действительной древности и о степени распространенности тех фонетических черт, которые Шахматов считал характерными для отдельных групп восточных славян.

Ведь для того чтобы признать, что та или иная фонетическая особенность действительно характеризовала определенную группу древних восточнославянских племен, необходимо, чтобы данная языковая черта, во-первых, действительно была древней, а во-вторых, чтобы она была действительно распространена лишь на территории определенной группы, причем на всей этой территории, и не должна быть известна на какой-либо иной территории, занимаемой другими группами.

Если с этой точки зрения рассмотреть теорию А. А. Шахматова, то можно установить следующее.

Как показывают памятники, цоканье является действительно древней чертой (оно отражается уже в новгородских памятниках XI в.). Но цоканье не было чертой, свойственной всем северно-русским племенам: по крайней мере в памятниках Ростово-Суздальской земли, заселенной потомками восточных кривичей, оно не получило отражения. С другой стороны, цоканье известно ныне и на юге (например, в говорах Рязанской мещеры), где оно появилось не в результате распространения с севера, а в результате развития на местной почве (см. § 70). Поэтому едва ли возможно считать, что цоканье могло быть действительно определяющей чертой для древнейшего периода истории русского языка в том плане, что оно характеризовало одну целую группу восточнославянских племен.

В отношении фрикативного образования [г] следует отметить, что древность этого явления по памятникам установить трудно, так как в них есть только одна буква *г*, которая могла обозначать как взрывной, так и фрикативный звук. Поэтому при определении характера образования звука [г] для древних периодов пользуются только косвенными данными (см. § 71). Таким косвенным доказательством наличия в древности [γ] для Шахматова был факт написания *ch* вместо *g* в сочинении византийского императора Константина Багрянородного „О народах" (949). При передаче названий днепровских порогов Константин употреблял в составе этих названий элемент *prach* (например, *Vulni-prach, Ostrovuni-prach* и т. п.). Шахматов полагал, что *prach* — это передача старославянского прагъ, соответствующего русскому *порог*, где на месте [г] в положении конца слова как будто бы появляется *х*. (Известно, что в русских диалектах [г] оглушается в [к], а [γ] — в [х].) Что касается

отсутствия в слове *prach* конечного гласного, соответствующего славянскому [ъ], то, возможно, это объясняется тем, что данное слово входило „в большую группу бытовавших в греческом языке несклоняемых слов иноязычного происхождения с конечным согласным“ (Толкачев А. И. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного „De administrando imperio“.— М., 1962.— С. 48).

Но возможно и иное толкование этимологии этого слова (предложенное А. М. Селищевым): prach восходит к более древнему *porch, где [ch] после [r] в праславянском из и.-е. [s], т. е. *porch<*pors. Это слово сближается с германским (скандинавским) fors — „водопад“. Таким образом, основание, на которое опирался Шахматов, не очень убедительно, чтобы утверждать наличие [γ] в дописьменный период истории русского языка. Точно так же не убедительны и иные факты, на которых строил свои рассуждения, решая рассматриваемый вопрос, А. А. Шахматов.

Что же касается аканья, то вопрос о его возникновении едва ли может быть решен так, как решал его Шахматов. Дело заключается в том, что аканье в своем возникновении, без сомнения, было связано с редукцией безударных гласных, и потому оно не могло возникнуть раньше, чем прошел процесс падения редуцированных. Логически вероятнее предположить, что редукции сначала должны были подвергнуться самые краткие звуки — [ъ] и [ь] и только потом уже — гласные полного образования. Есть и ряд других доказательств относительно позднего происхождения аканья в русском языке (см. § 135).

Таким образом, как видно, нет оснований принимать теорию Шахматова по поводу древнейшей группировки восточнославянских племен. Да и вообще говоря, окончательно решить этот вопрос пока что нельзя. Можно лишь делать некоторые предположения о связях и степени близости отдельных племенных образований восточных славян.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ И ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 31. В IX—X вв. у восточных славян возникли города-центры — Киев и Новгород. Борьба между этими крупнейшими в политическом, экономическом и культурном отношениях центрами привела в конце концов к образованию единого Древнерусского государства во главе с Киевом и к возникновению древнерусской народности. Языковая общность этой народности была унаследована от языковой общности восточнославянских племен (или племенных союзов). Наличие такой языковой общности в прошлые эпохи было одним из

факторов, содействовавших объединению бывших племен восточных славян в единую древнерусскую народность.

Образование древнерусской народности выразилось, между прочим, в том, что возросла устойчивость языковой единицы — диалекта определенной территории. В эпоху племенных образований такой устойчивости языковой единицы быть не могло, ибо племена постоянно передвигались, занимая обширные территории.

Закрепление отдельных групп населения на тех или иных

территориях отразилось в постепенном отмирании старых племенных названий и в появлении названий жителей определенных областей. Так, словене стали называться новгородцами, поляне — киянами (от Киева), вятичи — рязанцами и т. д.

Такое закрепление населения на определенной территории привело к образованию новых территориальных единиц — земель и княжеств,— объединенных под властью Киева. При этом границы новых образований не всегда совпадали со старыми племенными границами. Так, с одной стороны, если территория Новгородской земли в общем совпадала с прежней территорией словен, то с другой — на бывшей территории одного племени кривичей формируются Смоленское и Полоцкое княжества с близкими диалектами и Псковское — с отличным от них. На территории же одного Ростово-Суздальского княжества оказались потомки словен, кривичей и отчасти вятичей.

Все это не могло не вести к перераспределению диалектных особенностей, к образованию новых диалектных групп, а следовательно, к утрате прежнего диалектного членения языка и к созданию нового такого членения. Однако объединение всех княжеств под властью Киева, создание Киевского государства привело к тому, что нарушившаяся несколько в период существования отдельных племенных групп общность языковых пережиний восточных славян стала вновь возможной после IX в. (это, например, отразилось в одинаковой судьбе редуцированных в XII в. во всех восточнославянских диалектах), хотя, конечно, диалектные различия могли не только сохраняться, но и развиваться дальше.

В X—XI вв. в языке древнерусской народности постепенно накоплялись диалектные различия. На восточнославянском юге развилось изменение [г] в [γ], в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На восточнославянском севере и северо-западе появилось цоканье, как видно, в результате влияния со стороны финских языков. На узкой западной территории, возможно, сохранялись древние сочетания [*tl], [*dl]. Все эти особенности затрагивали отдельные элементы фонетической системы диалектов, но глубоко не касались грамматического строя, в результате чего единство общенародного языка сохранялось.

§ 32. В укреплении единства древнерусского языка сыграла роль выработка так называемого киевского койне.

Киев возник на земле полян, и население его изначально было полянским. О племенном диалекте полян, которые занимали в IX—X вв. очень небольшую территорию, а к XI в., вероятно, исчезли совсем, сведений не имеется. Однако сама история Киевской земли, как об этом свидетельствует археология, характеризовалась тем, что на эту территорию, еще до образования Киевского государства, шло население с севера. По лето-

писным преданиям, Киевское государство и началось с захвата Киева северными князьями. Поэтому, как видно, население Киева с давних времен было этнически смешанным: в его составе были представители как северных, так и южных племен. Это смешение усиливалось и увеличивалось за счет пополнения населения Киева пришельцами из разных древнерусских областей. Можно думать поэтому, что разговорный язык Киева первоначально отличался большой пестротой. Однако постепенно возникает своеобразный сплав диалектных черт — койне, в котором одни черты были по происхождению южными, а другие — северными. Например, в этом койне были такие типично южнорусские слова, как *волъ, брехати, лѣпый* („красивый"), и такие севернорусские, как *лошадь, вѣкша, истъба* (>*изба*). В древнекиевском койне происходила нивелировка особенно резких диалектных черт, в результате чего оно смогло стать языком, удовлетворяющим потребности Киева в его связях со всей Русью, что, без сомнения, укрепляло единство русского народа.

Конечно, местные диалекты не могли в этот период подвергнуться нивелировке, ибо тогда не было еще тех исторических условий, которые возникают в эпоху образования национального языка и которые приводят к растворению диалектов в едином национальном языке. Именно поэтому диалектные особенности продолжали развиваться, и это наиболее ярко обнаруживалось на территориях, значительно отдаленных от Киева. Однако, несмотря на это, киевское койне сыграло определенную роль в укреплении языкового единства древнерусской народности.

§ 33. Вопрос о развитии древнерусского языка в Киевскую эпоху связан, кроме того, с вопросом о происхождении письменности и о начале развития русского литературного языка.

Вопрос о возникновении письменности на Руси в настоящее время до конца не решен.

Ранее предполагалось, что письменность на Руси возникла вместе с принятием христианства, т. е. в конце 988 г. До этого времени восточные славяне якобы не знали письма, не умели писать. После крещения на Руси появились рукописные книги, сначала на старославянском языке, писанные той азбукой, которую придумал Константин (Кирилл) Философ, и занесенные сюда из Византии и Болгарии. Затем стали создаваться и свои — древнерусские — книги, написанные по старославянским образцам, а позже русские люди начали пользоваться перенятой у южных славян азбукой и в деловой переписке.

Однако такая точка зрения противоречит многим научным и историческим фактам, которые были известны и раньше, но, по существу, не принимались во внимание.

Есть основания полагать, что восточные славяне и до крещения Руси знали письмо. Известно, что в „Житии Константина Философа" имеется указание на то, что Константин (Кирилл),

попав в 860 г. в Корсунь (Херсонес), „обрел евангелие, писанное русскими буквами". По поводу того, что́ это были за письмена, мнения ученых расходятся, и вопрос окончательно не решен. Однако это обстоятельство не отрицает существования письменности на Руси уже в IX в. О том же говорят и указания летописи о договорах русских с греками, относящихся к началу X в. (907 г.). Без всякого сомнения, эти договоры должны были быть как-то написаны, т. е. на Руси в то время должна была уже быть письменность. Наконец, такие факты, как Гнездовская надпись X в., берестяные новгородские грамоты XI—XII вв., различные надписи XI в., представляют древнерусское бытовое письмо, появление которого не может быть поставлено в связь со старославянским языком.

Таким образом, все эти факты могут свидетельствовать о том, что письменность у восточных славян зародилась задолго до крещения Руси и древнерусское письмо было буквенным.

С возникновением, развитием и укреплением Киевского государства развивается и совершенствуется письменность, нужная для государственной переписки, для развивающейся торговли и культуры.

В этот период начинается и история русского литературного языка, проблемы которой составляют предмет особого изучения.

РАСПАД ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЯЗЫКА ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

§ 34. Огромная территория Киевского государства с разнообразным по экономическим, этническим и культурным признакам населением, объединенная под властью Киева, рано начала обнаруживать тенденции к распаду.

К середине XI в., а особенно в XII в., процесс ослабления Киева, с одной стороны, и процесс укрепления и обособления новых политических центров — с другой, привел к тому, что Киев потерял свое ведущее значение. Историческая жизнь древней Руси, не удержавшись на первоначальной территории, сдвинулась к северу, северо-востоку, северо-западу и западу и стала концентрироваться вокруг нескольких новых центров, имевших уже не общерусское, а местное значение. Этим самым усиливалась феодальная раздробленность древней Руси, что приводило и к определенным изменениям в языке древнерусской народности: усиление феодальной раздробленности означало прежде всего углубление диалектных различий в древнерусском языке.

В письменных памятниках XII — начала XIII в. получает отражение ряд диалектов древнерусского языка. Это был период, когда проходил процесс падения редуцированных, общий для всех восточных славян, но имевший различные последствия, с одной стороны, на юге, а с другой — на остальной территории (речь идет о судьбе исконных [о] и [е] перед слогом с утратившимися [ъ], [ь] и о судьбе сочетаний типа [*trъt] с редуцированным в слабом положении; см. об этом ниже).

Таким образом, уже тогда юг и юго-запад древнерусской территории (Киев, Галицко-Волынская и Турово-Пинская земли) были противопоставлены северу и северо-востоку. Но и на севере и северо-востоке было не все одинаково в диалектном отношении. На этой территории везде, кроме Смоленской и Полоцкой земель, развилось [ô] (см. § 131); в Смоленске же и Полоцке произошло раннее изменение [ě] в [е] (см. § 131).

К этой же эпохе, как видно, относится появление аканья в русском языке. Это все свидетельствует об углублении диалектных различий, охватывающих то широкие, то узкие территории, в зависимости от экономических, политических и культурных объединений.

В эту эпоху выделялись следующие диалекты: новгородский — с [г] взрывного образования, губно-зубным [в], цоканьем, [ê] на месте [ě], оканьем, с [ô]; псковский — также с [г] взрывным, губно-зубным [в], цоканьем, оканьем, но с [е] на месте [ě]; здесь сохранялись сочетания [*tl], [*dl] в виде [кл], [гл], на месте [с], [з] и [ш], [ж] произносились шепелявые согласные; смоленский — с [г] взрывным, губно-губным [в], цоканьем, оканьем, с [е] на месте [ě], но без [ô]; ростово-суздальский — с [г] взрывным, губно-зубным [в], с [ê] на месте [ě], с [ô], оканьем, но при отсутствии цоканья; акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма, характеризующийся аканьем, фрикативным образованием [г], губно-губным [в], не имеющий цоканья, с [ê] и [ô] на значительной территории.

Однако близость русских диалектов в предшествующую эпоху не привела в новый период их истории к большому их расхождению, к полному нарушению их единства. Языковая общность древнерусской народности сохранялась, ибо развитие диалектных различий не затронуло глубоко структуры русского языка. Памятники письменности рассматриваемого периода, ярко отражающие диалектные особенности, написаны на одном и том же древнерусском языке.

Вместе с тем в это время в языке развились уже некоторые явления, впоследствии ставшие характерными чертами отдельных восточнославянских языков. Однако в данный период нельзя еще говорить об образовании этих языков, так как не сложились еще соответствующие социально-экономические общности.

§ 35. К XIV в. усилилась феодальная раздробленность древней Руси, которая привела к дальнейшему обособлению русских диалектов *северо-восточной Руси и Руси юго-западной и западной*. Однако в это время шел и иной процесс — процесс создания Русского государства на северо-востоке, в Ростово-Суздальской Руси.

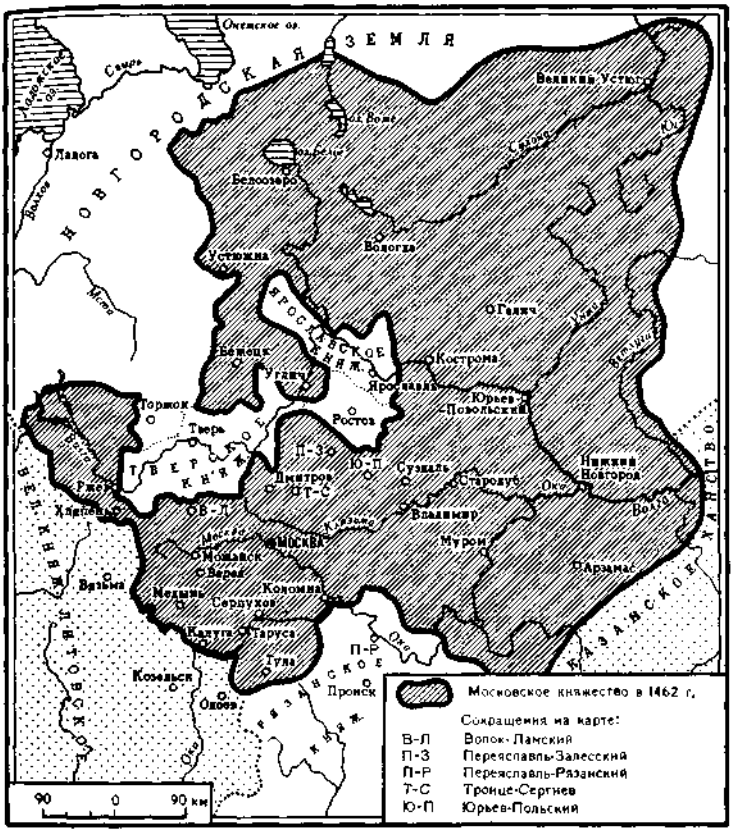
В период XIV—XV вв. складываются три отдельные восточнославянские народности — великорусская, украинская и белорусская. В резком отделении диалектов юго-запада и запада сыграло роль то, что эти территории Руси оказались в составе Великого княжества Литовского.

Итак, хотя тенденция к обособлению древнерусских диалектов наметилась еще в XII в., все же только в эпоху XIV—XV вв. происходит оформление трех восточнославянских народностей с их особыми языками.

§ 36. Говоря об образовании трех восточнославянских языков, А. А. Шахматов выдвинул в свое время гипотезу по поводу протекания этого процесса. Образование трех отдельных языков Шахматов связывал с судьбой трех выделенных им для более раннего периода групп восточнославянских племен — севернорусов, южнорусов и восточнорусов. По его мнению, большая часть южнорусов образовала украинскую народность и украинский язык; белорусский язык образовался частично южнорусами, частично — восточнорусами, а также потомками дреговичей и радимичей; великорусский же язык образовался из наречий севернорусов и большей части восточнорусов. То, что в образовании великорусского языка сыграли роль две отличные друг от друга группы племенных диалектов, отразилось, по мнению Шахматова, в наличии двух наречий великорусского языка — северного и южного (переходные же средневеликорусские говоры свидетельствуют о сближении этих двух наречий).

Выдвигая эту теорию, А. А. Шахматов упускал из виду то обстоятельство, что языки восточнославянских народностей не возникли непосредственно в результате развития племенных диалектов — *три восточнославянских языка образовались вследствие* объединения и развития в новых исторических условиях территориальных диалектов эпохи феодальной раздробленности. Поэтому в состав великорусского языка вошли диалекты Ростово-Суздальской земли, Новгородской, Псковской, Рязанской земель, так называемых Верховских княжеств; в состав белорусского языка — диалекты Смоленской и части Галицкой земель и т. д.

§ 37. Передвижение исторической жизни с юга на северо-восток, сосредоточение населения на новой территории привели к *созданию в Ростово-Суздальской Руси крупного государства.*



Очень скоро во главе Ростово-Суздальской Руси встает Московское княжество, с центром в Москве, явившееся той базой, вокруг которой формируется великорусская народность.

Свидетельством формирования великорусской народности и ее языка на почве объединения разных диалектов является возникновение на всей территории этой народности, не выходя за ее пределы, языковых новообразований, несвойственных языкам украинской и белорусской народностей.

В области фонетики такими новообразованиями явились изменение слабых [ъ] и [ь] в сочетании с предшествующим плавным (типа [trъt]) в [о] и [е] и развитие [ыи̯], [йи̯] в [ои̯], [еи̯]; в области морфологии — утрата звательной формы, замена свистящих заднеязычными в формах склонения (*ногѣ* вместо *нозѣ*), развитие формы имен. пад. мн. ч. на *-а* (типа *берега*), образование форм повелительного наклонения на *-ите* вместо *-ѣте* (типа *несите* вместо *несѣте*), появление форм повелительного наклонения с [к], [г] у глаголов на заднеязычные (*помоги*

вместо *помози*). Все эти факты отличают великорусский язык и свидетельствуют о единстве вновь складывающейся народности на северо-востоке Руси.

§ 38. Язык великорусской народности в структурном отношении был близок к современному русскому языку: к этому времени уже произошло изменение [е] в ['о] и функциональное объединение [и] и [ы], установилась система твердых-мягких и глухих-звонких согласных, утратилась старая система прошедших времен, объединились некоторые старые типы склонений, унифицировались твердые и мягкие варианты склонений.

Ядро территории великорусской народности было едино в диалектном отношении, но постепенное расширение ее увеличивало диалектное многообразие как за счет северновеликорусских, так и за счет южновеликорусских говоров. Те и другие постепенно начинают становиться диалектами великорусского языка. Таким образом, общенародный русский язык выступает и теперь в своих местных разновидностях. В деловой письменности получает особенное отражение ростово-суздальский диалект, в состав которого входил и московский говор; вокруг этого диалекта начинают концентрироваться другие говоры. Но и местные диалекты продолжают развиваться в связи с неизжитыми еще феодальными областническими тенденциями. Так, на юг от Москвы из акающей территории выделяется Тульский край, диалекты которого развиваются под воздействием Москвы, в то время как Рязанский край менее подвержен такому влиянию. Однако рязанские диалекты тоже были неоднородны: говоры юга больше сохраняют ю.-в.-р. черты, чем говоры севера; происходит взаимодействие с финно-угорскими диалектами, носители которых живут на рязанской территории. На западе Курско-Орловская земля, находясь между Русью и Литвой, испытывала влияние последней, а когда эта территория попала в XIV в. в состав Литвы, на ней вообще не развились языковые новообразования юга.

В XIV—XV вв. выделяется смоленский диалект, ю.-в.-р. по характеру, с белорусскими чертами.

В Москве и к северу от нее были окающие диалекты. Таковыми были псковский говор, лишь позднее ставший средневеликорусским; обширный новгородский диалект, который развивался на своей территории неодинаково: здесь стали различаться вологодско-вятские, архангельские, поморские, олонецкие говоры, развивающие те черты, какие свойственны им теперь, а также и собственно новгородские, которые попали под воздействие Москвы в связи с обновлением населения из центра.

Выделяется и ростово-суздальский диалект, в говорах которого в эту эпоху начинают развиваться новообразования, сближающие их с ю.-в.-р. говорами; их потомками являются владимиро-поволжские говоры. Наконец, в XIV—XVI вв. на стыке с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров образуются переходные средневеликорусские говоры.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

§ 39. В XVII в. складывается русская нация. Это было связано с экономической и политической концентрацией территорий, со слиянием феодальных земель и княжеств, с образованием общего всероссийского рынка.

„Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе" (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 25.— С. 258).

В эту эпоху начинает складываться и русский национальный язык, который является не новым языком по отношению к языку великорусской народности, а дальнейшим его развитием, обусловленным развитием самой народности в нацию.

§ 40. Образование национального языка, связанное с концентрацией территорий, постепенно приводит к прекращению развития новых диалектных особенностей, хотя существующие диалекты сохраняются долго, устойчиво удерживая свои местные черты. Вообще, как известно, нивелировка диалектов, утрата ими специфических особенностей является длительным и медленно протекающим процессом, который даже в наши дни идет не очень быстрыми темпами.

Процесс формирования русского национального языка связан еще с одним явлением.

Как уже говорилось, Ростово-Суздальская земля с ее неоднородностью первоначальной славянской колонизации (в ней участвовали восточные кривичи, словене, вятичи) отличалась и диалектным многообразием. Однако в ней количественно преобладали и социально-экономически и культурно господствовали потомки северновеликорусов — восточных кривичей, которые составляли ядро населения Ростово-Суздальской земли. Это обусловило складывание ростово-суздальского диалекта первоначально как северновеликорусского. Точно так же северновеликорусским по характеру первоначально был и московский говор, входивший в ростово-суздальский диалект.

В течение XIV, да и XV в. Московское княжество сохраняло северновеликорусский характер своего говора, как и другие диалекты Ростово-Суздальской земли. Правда, в самой Москве, расположенной на территории вятичей, было сосредоточено этнически разнородное население — как потомки северных (кривичи), так и потомки южных племен (вятичи), но выработка единого диалек-

та Москвы шла, как видно, сначала под ведущим воздействием севера.

Вместе с тем уже с XIV в. в Московском княжестве медленно, но неуклонно усиливаются позиции южновеликорусских говоров, что связано с постепенным расширением территории государства на юг (в 1304 г. к Москве был присоединен Можайск, потом — Коломна, Лопасня, Верея и т. д.) и с освоением южновеликорусских областей.

Проникновение в Москву южновеликорусского населения вело к увеличению в ней разнодиалектности; как писал Шахматов, в Москве одни акали, другие окали. И лишь постепенно, к XVII в. вырабатывается единое московское койне, средневеликорусское по своему характеру, т. е. с аканьем, [г] взрывным, [т] в 3-м лице глаголов, с формой *у меня* и т. д.

Выработка единого московского койне сыграла большую роль в начале развития русского национального языка.

В эпоху образования этого языка, к середине XVIII в., развивается единая устно-разговорная разновидность литературного языка, которая распространяется по всей стране, все шире проникая в письменность. Источниками этого типа языка являются московское койне и деловой письменный язык, оба с северной основой. Но московское койне в своем развитии все больше и больше проникалось южными элементами; обогащалось оно и за счет элементов церковнокнижного языка, приобретших общенародный характер (таких, например, как слова с неполногласными сочетаниями, с [жд], [ш'], с [е], не изменившимся в ['о], и т. д.).

Эта устно-разговорная норма литературного языка все шире распространяется и вытесняет диалекты, которые становятся низшей формой языка, утрачивающейся под влиянием устной литературной речи.

§ 41. Октябрьская революция пробудила к жизни национальные меньшинства нашей страны. Советская власть и построение социализма в СССР дали возможность развиться национальным культурам и национальным языкам всех народов нашей страны.

После Октябрьской революции быстрый подъем культуры привел к активизации процесса перемалывания, нивелировки диалектов. С другой стороны, литературный язык обогащается за счет местных диалектов, усваивая из них то, что ведет к развитию его языковой структуры.

В наши дни русский национальный язык — это язык не только русского народа. Это язык, служащий средством общения между всеми народами нашей страны, это и средство международного общения людей.

Пройдя долгий и сложный путь развития, русский язык достиг высокой степени совершенства и вошел в ряд языков, имеющих мировое значение.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 42. Современный русский язык не только в его литературной форме, но и во всем многообразии диалектов находится в определенных отношениях ко всем другим славянским языкам. В его языковой структуре обнаруживаются, с одной стороны, элементы, являющиеся общими для всех славян, а с другой — элементы, сближающие его только с другими восточнославянскими языками. Кроме того, в его языковой структуре есть черты, отличающие русский язык от всех остальных славянских языков, в том числе и от украинского и белорусского. Все это объясняется историческими путями образования и развития русского языка. Нетрудно понять, что общие языковые элементы во всех славянских языках возникли в период общеславянского единства, в период существования праславянского языка, и являются наследием этого единства. Вместе с тем, такие общие черты могли возникнуть и после распада общеславянского единства, в результате параллельного развития явлений в диалектах-предках разных славянских языков.

С другой стороны, черты, общие только для восточных славян и отличающие последних от западных и южных славян, возникли в период существования единого восточнославянского языка-основы, т. е. тогда, когда уже не существовало общеславянского единства и три славянские языковые группы развивали явления в свойственном для каждой из них направлении. Правда, иногда черты, отличающие восточных, южных и западных славян друг от друга, могли возникать, как видно, и в праславянский период, что было связано с диалектным членением самого праславянского языка.

Наконец, черты, свойственные только русскому языку и несвойственные не только, скажем, польскому, чешскому, болгарскому и т. д., но и ближайше родственным украинскому и белорусскому языкам, возникли в период после распада восточнославянского единства. Как показывает историческое изучение восточнославянских языков, начало развития явлений, свойственных одному лишь русскому языку, относится ко времени, когда древнерусское единство еще сохранялось, однако окончательное их оформление произошло лишь в эпоху существования отдельной великорусской народности и ее языка.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о месте русского языка в кругу иных славянских языков встает необходимость выяснения тех языковых особенностей, которые, во-первых, сближают все славянские языки, во-вторых, отличают восточных славян от южных и западных и, наконец, в-третьих, характеризуют лишь русский язык в отличие от украинского и белорусского.

Первый круг особенностей касается, как уже говорилось, общеславянского наследия в языковой структуре всех славянских

языков и затрагивает все без исключения стороны этой структуры. Поэтому не только нет возможности перечислить эти особенности, но и нет необходимости в таком перечислении. О главных из этих особенностей в области фонетики и морфологии будет идти речь в соответствующих разделах исторической грамматики.

Поэтому более важным представляется выяснение черт, общих для всех восточных славян в отличие от южных и западных, а также черт, отличающих русский язык от украинского и белорусского.

§ 43. Отличия восточнославянских языков от южно- и западнославянских.

В области фонетики три восточнославянских языка имеют ряд общих черт, отличающих их от южно- и западнославянских языков. К ним относятся:

1) Наличие так называемого полногласия (см. § 88), т. е. наличие сочетаний [оро], [оло], [ере] в корнях слов между согласными, при сочетаниях [ра], [ла], [рě], [лě] у южных славян (а также у чехов и словаков) и [ро], [ло], [ре], [ле] — у западных: русск. *ворона, долото, молоко, берег,* укр. *ворона, долото, молоко, берег,* белорусск. *варона, долата, малако, бераг;* болг. *врана, длато, мляко, бряг*; польск. *broda, dlato, mleko, brzeg* и т. п.

2) Наличие начального [о] в ряде слов, имеющих в других славянских языках сочетание [je] в начале слова: русск. *осень, один, озеро, олень*, укр. *осинь, один, озеро, óлень*, белорусск. *восень, адзін, возера, алень*; болг. *есен, един, езеро, елен*; чешск. *jesen, jeden, jezero, jelen* и т. п. (см. § 91).

3) Произношение [ч] и [ж] на месте общеславянских сочетаний [*tj], [*kt], [*gt] и [*dj] при [št], [žd] в болгарском, [ħ], [ђ] — в сербском и [c], [dz] — в западнославянских языках: русск. *свеча, ворочать, ночь, печь, сажать*, (диал.) *нужа* (из [*světja], [*vortjati], [*noktь], [*pektь], [*sadjati], [*nondja]), укр. *свічка, ніч, сижу*, белорусск. *свечка, ноч, сяджу;* болг. *свещ* (< *свешт*), *нужда, сяждам*, сербск. *свѣ́ћа, но̏ћ, пећи*, са̏ђа; польск. *świeca, wracać, noc, sadzać, nudza*, чешск. *svíce, vraceti, noc, péci, nouze, sadzat'* и т. п. (см. § 83).

4) Наличие гласных [о] и [е] на месте древнерусских редуцированных [ъ] и [ь] в сильном положении при произношении иных гласных в южно- и западнославянских языках: русск. *сон, мох, день, жнец* (из *сънъ, мъхъ, дьнь, жьньць*), укр. *сон, мох, день, жнець*, белорусск. *сон, мох, дзень, жнец;* сербск. *сȍн, мȍх* („плесень"), *дȁн;* польск. *sen, mech, dzień, żeniec*, чешск. *sen, mech, den* и т. п. (см. § 110).

В области морфологии чертами, характерными специально для восточнославянских языков, можно считать следующие:

1) Употребление общей формы для муж., жен. и ср. р. в имен.-вин. пад. мн. ч. у прилагательных и местоимений при полном или

частичном сохранении родовых различий в других славянских языках: русск. муж., жен. и ср. р. *новые, зимние, эти, твои, мои, они*, укр. муж., жен. и ср. р. *нові, зимні, ці, твої, мої, вони*, белорусск. муж., жен. и ср. р. *новы, зімні, гетыя, твае, мае, яны;* чешск. муж. р. *mladí, letní, ti, ti, mí, oni*, жен. р. *mladé, letní, ty, té, mé, ony*, ср. р. *mladá, letní, ta, tá, má, ona* и т. п. (см. § 213).

2) Употребление форм на *-ам, -ами, -ах* в дат., твор. и местн. пад. мн. ч. всех типов склонения существительных при сохранении (полном или частичном) старых различий этих форм в разных типах склонения в иных славянских языках: русск. *столам, домам, костям, стенам* (из *столомъ, домъмъ, костьмъ, стѣнамъ*), *столами, домами, костями, стенами* (из *столы, домъми, костьми, стѣнами*), *столах, домах, костях, стенах* (из *столѣхъ, домъхъ, костьхъ, стѣнахъ*), укр. *столам, домам, костям, стінам, столами, домами, костями, стінами, столах, домах, костях, стінах*, белорусск. *сталам, дамам, касцям, сценам, сталамі, дамамі, касцямі, сцянамі, сталах, дамах, касцях, сценах* и т. п.; чешск. *stolům, domům, kostem, sestram stoly, domy, kostmi, sestrami, stolech, domech, kostech, sestrach*, и т. д. (см. § 183).

3) Отсутствие кратких (или энклитических) форм личных и возвратного местоимений, известных в некоторых падежах в иных славянских языках. В русском, украинском и белорусском языках нет форм *мя, тя, ся* (вин. пад.), *ми, ти, си* (дат. пад.), но ср. чешск. *mě, tě, sě* (вин. пад.), *mi, ti, si* (дат. пад.) (см. § 197).

4) Наличие окончания [т] или [т'] в 3-м лице глаголов настоящего времени при отсутствии его в других славянских языках: русск. *точит, носит, поит*, укр. *точить, носить, поїть*, белорусск. *точыць, носіць, поіць*; чешск. *prosí, trpí, bolí;* сербск. *носи, трéсе, чйта* и т. п.

5) Употребление древнего причастия на *-л* без вспомогательного глагола-связки в качестве формы прошедшего времени при сохранении старой формы перфекта (иногда в несколько измененном виде) в иных славянских языках: русск. *плел, клал, хлопнул*, укр. *плів, клав, хлопнув*, белорусск. *плёў, клаў, хлопнуў*; чешск. *pletl jsem, nesl jsi, psali jsme*, польск *wiodłem* (из *vedlъ jesmь*), *plotłem* (из *pletlъ jesmь*) и т. п.

§ 44. Отличия русского языка от украинского и белорусского. В области фонетики русский язык отличается от других восточнославянских языков следующими чертами:

1) Наличие в русском языке сочетаний [ро], [ло] и [ре], [ле] в корнях слов между согласными (на месте древних сочетаний [*trъt], [*tlъt], [*trьt], [*tlьt]) при произношении в украинском и белорусском на их месте [ры], [лы] и [ри], [ли]: русск. *крошить, глотать, тревога, слеза* (из *кръшити, глътати, трьвога, сльза*), укр. *кришити, глитати, тривога*, белорусск. *крышыць, глытаць* и т. п. (см. § 112).

2) Произношение в русском языке звуков [о] и [е] в положении перед [и̯] или [j] при [ы] и [и] в украинском и белорусском: русск. *злой, молодой, мою, бей, шея* (из древних *зълыи, молодыи, мыю, бии, шия;* см. § 113), укр. *злий, молодий, мию, бий, шия*, белорусск. *злы, малады, мыю, бі, шыя* и т. п.

3) Наличие в русском языке сочетаний мягких зубных и шипящих с [j] в соответствии с произношением долгих мягких согласных в украинском и белорусском языках: русск. *платье, коренья, судья, клочья*, укр. *плаття, коріння, суддя*, белорусск. *плацце, корэнне, суддзя* и т. п. (см. § 118).

4) Наличие взрывного или фрикативного образования [г] в русском языке при фарингальном [h] в украинском и белорусском: русск. [город — γород], [гусь — γусь], укр. [hород], [hусь], белорусск. [hорад], [hусь] (см. § 71).

В области морфологии такими чертами отличия являются:

1) Отсутствие особой звательной формы в русском языке при сохранении ее в украинском и белорусском: русск. *брат!, сын!, сестра!, муж!, Иван!*, укр. *друже!, брате!, діду!, сынку!, сестро!, мамо!*, белорусск. *мужу!, коню!, брате!* и т. п. (см. § 189).

2) Отсутствие в русском языке чередования заднеязычных [к], [г], [х] со свистящими [ц], [з], [с] в падежных формах имен существительных и наличие этого чередования в украинском и белорусском языках: русск. *рука — руке, на руке, нога — ноге, на ноге, соха — сохе, о сохе*, укр. *рука — руці, на руці, нога — нозі, на нозі, соха — сосі, на сосі*, белорусск. *рука — руцэ, на руцэ, нага — назе, на назе, саха — сасе, на сасе* и т. п. (см. § 161).

3) Широкое распространение в русском языке формы имен. пад. мн. ч. с окончанием *-а(-я)* под ударением у существительных не среднего рода при наличии окончания *-ы, -и* в украинском и белорусском языках: русск. *дома, города, острова, учителя, берега, края*, укр. *доми, острови, учителі, береги, краї*, белорусск. *дамы, гарады, астравы, учітелі, берагі* и т. п. (см. § 184].

§ 45. Однако при рассмотрении места, занимаемого русским языком в кругу иных славянских языков, недостаточно ограничиться установлением общих восточнославянских особенностей, не находящих себе места в языках западных и южных славян, и тех особенностей, которые отделяют русский язык от украинского и белорусского. Эта недостаточность объясняется тем, что восточнославянские языки вообще, и русский язык в частности, находятся в более сложных отношениях с иными славянскими языками. По ряду фонетических и морфологических явлений восточнославянские языки сближаются с южнославянскими и вместе с ними отличаются от западнославянских языков; по ряду же иных явлений, наоборот, они сближаются с западнославянскими языками, отличаясь от южнославянских. Русский язык по некоторым своим

особенностям сближается с украинским языком, отличаясь вместе с ним от белорусского, и наоборот, по другим своим чертам он сближается с белорусским, отличаясь от украинского.

Все эти факты находят себе объяснение в истории восточных славян и, конкретнее, в истории русского народа, вступавшего в различные связи с разными славянскими народами на протяжении своего развития.

§ 46. Особенности, сближающие восточнославянские языки с южнославянскими в отличие от западнославянских языков. В числе этих особенностей следует назвать такие, как:

1) Произношение сочетаний [цв] и [зв] в начале корней *цвет-* и *звезд-* у восточных и южных славян при сохранении более древних сочетаний [кв] и [гв] — у западных: русск. *цвет*, *звезда*, укр. *цвіт*, *звізда*, сербск. *цвет*, *звезда*, болг. *цвете*, *звезда*, чешск. *květ*, *hvězda*, польск. *kwiat*, *gwiazda* (см. § 82).

2) Утрата [т] и [д] в древних сочетаниях [*tl], [*dl] у восточных и южных славян при их сохранении у западных: русск. *мыло*, *сало*, *шило*, *вел*, *плел*, укр. *мило*, *сало*, *вів*, *плів*, белорусск. *мыла*, *сала*, *вёў*, *плёў*, болг. *вел*, *плел*, *сало*, чешск. *mýdlo*, *sádlo*, *šidlo*, *vedl*, *pletl*, польск. *mydło*, *sadło*, *szydło*, *wiódł*, *plótł* и т. п.

3) Последовательное употребление [*l* — epentheticum] в сочетании с губными в корнях слов у восточных и южных славян (кроме болгар) при отсутствии этого явления не в начале слова — у западных. Ср.: русск. *земля*, *капля*, *купля*, укр. *земля*, *капля*, *купля*, белорусск. *зямля*, *купля*, сербск. *зе̏мља*, *ка̏пља*, *ку̏пљив*, чешск. *země*, *koupě*, польск. *ziemia*, *kupie* и т. п. (см. § 83).

§ 47. К особенности, сближающей восточнославянские языки с западнославянскими в отличие от южнославянских, нужно отнести наличие в определенной категории слов начальных сочетаний [ро], [ло] у восточных и западных славян при соответствующих сочетаниях [ра], [ла] — у южных. Ср.: русск. *ровный*, *рост*, приставка *роз-* (в *розвальни*, *роспись* и т. п.), *лодка*, *локоть*, укр. *розбийник*, *розвалитись*, польск. *równy*, приставка *roz-*, *robić*, *rósc*, *łodka*, *łokieć*, чешск: *rovný*, *robota*, *růsti*, *loket*, сербск. *равни*, *расти*, *лађа*, *лакат*, болг. *равен*, *раста*, *ладия*, *лакът* и т. п. (см. § 89).

Кроме того, восточнославянские языки сближались с западнославянскими и отличались от южнославянских еще двумя чертами, которые, однако, в настоящее время не характерны для современного русского языка. Одна из этих особенностей заключается в том, что языку восточных славян, т. е. древнерусскому языку, и языку западных славян было свойственно окончание [ě] („ять") в ряде падежных форм существительных жен. и муж. р., соответствующее [ę] (носовому звуку [е]) в языке южных славян: др.-русск. вин. пад. мн. ч. *землѣ*, *волѣ*, *конѣ* (откуда укр. *землі*,

волі, коні), польск. *ziemie, konie* (где конечное [*е*] из [ě]) и ст.-слав. **Земльѧ, вольѧ, конѧ** (см. § 79).

Второй особенностью древнерусского и западнославянских языков являются формы дат. пад. ед. ч. местоимений *тобѣ, собѣ* с [о] в основе; в южнославянских языках здесь выступают формы, имеющие в основе гласный [е]: др.-русск. *тобѣ, собѣ* (совр. русск. диал. *тобе, собе*), укр. *тобі, собі*, польск. *tobie, sobie*, чешск. *tobě, sobě* и ст.-слав. **тебѣ, себѣ**, сербск. *тѐби, сѐби* (см. § 196).

§ 48. Особенности, сближающие русский язык с белорусским языком в отличие от украинского. В области фонетики и морфологии к этим особенностям относятся следующие:

1) Сохранение исконных [о] и [е] в новом закрытом слоге (т. е. в слоге, ставшем закрытым после утраты редуцированного гласного, см. § 116) в русском и белорусском языках и произношение на их месте гласного [и] — в украинском: русск. *нос, стол, рок, печь*, белорусск. *нос, стол, рок, печ* и укр. *ніс, стіл, рік, піч* и т. п. (см. § 111).

2) Произношение [о] после мягкого согласного на месте [е] под ударением перед твердой согласной в русском и белорусском языках при сохранении [е] — в украинском: русск. [т'óм]ный, ве[л'óн]ый, бе[р'óз]а, [пр'ин'óс], [пр'нв'óл], белорусск. *цёмны, зялёны, бяроза, прынёс, прывёў*, укр. *темний, зелений, береза, принес* и т. п.

3) Смягчение всех парных твердых-мягких согласных перед [е] в русском и белорусском языках при сохранении их твердости — в украинском: русск. [д']ень, [в'е]чер, [м']еня, белорусск. [дз'еи'], [в'ечар], [м'ен'е] и укр. [дэн'], [вэчир], [мэнэ] и т. п.

4) Различение звуков [и] и [ы] в русском и белорусском языках при наличии одного промежуточного между [и] и [ы] звука (перед которым согласные не смягчаются) — в украинском: русск. *быть* и *бить, мыло* и *мило, сыт* и *сила*, белорусск. *быць* и *біць, мыла* и *міла, сыт* и *сіла*, укр. *бити* (= „быть" и „бить"), *мило* (= „мыло" и „мило"), *сит, сила* и т. п.

5) В русском и белорусском языках нет такой характерной для украинского языка формы сложного будущего времени, как *писатиму, носитиму, робитиму* и т. п.

§ 49. Особенности, сближающие русский язык с украинским в отличие от белорусского.

1) Русский и украинский языки знают твердое и мягкое [р], тогда как в белорусском языке (в литературном и в юго-западных говорах) есть только [р] твердое: русск. *рад* и *ряд, игра* и *грязь, корыто* и *горит*, укр. *рад* и *ряд, грати* и *грязь, корито* и *горіти*, белорусск. *рад* (= „рад" и „ряд"), *граць* и *гразь, карыта* и *гарыць* и т. п.

2) Русский и украинский языки не знают характерного для белорусского языка дзеканья и цеканья, т. е. произношения мягких [д] и [т] со свистящим призвуком: русск. *дед, дети, один, тихо, бить*, укр. *дід, діти, один, тихо, бити*, белорусск. *дзед, дзеці, адзін, ціха, біць* и т. п.

§ 50. Кроме перечисленных выше различных фонетических и морфологических особенностей, которые определяют место русского языка в кругу иных славянских языков, есть еще и лексические особенности, сближающие или отличающие восточнославянские, южнославянские и западнославянские языки и русский язык с украинским и белорусским. Однако лексические соотношения между разными языками очень сложны и до конца не установлены. Это связано с тем, что наличие одинаковых слов в родственных языках или отсутствие того или иного слова в одних языках при существовании его в других не всегда можно объяснить исконной близостью или отличием языков. Здесь могут играть роль и иные причины (как заимствование слов, так и их исчезновение в отдельных языках), вскрыть которые можно лишь путем глубокого изучения истории лексики, истории отдельных групп слов или даже отдельных слов. Поэтому данные вопросы выходят, по существу, за пределы исторической грамматики русского языка в область его исторической лексикологии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ.—1947.— № 9; Очерки русской диалектологии.— М., 1949.— С. 34—38, 202—212; К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания.— 1953.— № 2; Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания.— 1955.— № 5.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1961.— С. 24—86, 102—111.

Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Русский язык в школе.— 1940.— № 3—5.

Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк.— М., 1945.

Мейе А. Общеславянский язык.— М., 1951.— С. 5—14.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена.— М., 1953.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М., 1962.— С. 152—166, 218—226; Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— М., 1972.

Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма.— М., 1950.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка.— Пг., 1916.— Ч. 1.— С. 7—122.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 43—63.

ФОНЕТИКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 51. Развитие фонетической системы языка тесно связано с развитием других его сторон, и прежде всего морфологической и лексической систем. Это обусловливается и объясняется тем, что изменения звуков происходят в составе слов языка и в их формах. Поэтому изменения звуков постепенно могут привести и приводят к изменению морфем — префиксов, суффиксов и окончаний, что влечет дальнейшие преобразования в общей морфологической структуре слова. Особенно важно то, что изменения фонетической стороны языка влекут за собой преобразование корней слов, что в конце концов приводит к созданию новых слов в языке. Говоря иначе, различные морфологические и лексические явления языка (в частности, русского) часто объясняются в конечном счете изменениями, затронувшими некогда его фонетическую систему.

Например, такие современные русские слова, как *цена* и *каяться*, никак не связанные ныне семантически и имеющие каждое свое словообразовательное гнездо (ср.: *цена* — *ценный* — *ценить* — *оценка* и т. п. и *каяться* — *покаяние* — *кающийся* и т. п.), в далеком прошлом развились из одного корня, подвергшегося в определенных условиях фонетическому преобразованию; этим исконным для всех славян корнем был **koj* — „мстить, наказывать". Следовательно, первоначально **kojna* означало „месть" (ср.: лит. *káina* — „цена", др.-иранск. *kaēna* — „возмездие"). Преобразование же этого корня было вызвано тем, что на славянской почве дифтонг [oj] в положении перед согласным не сохранялся, а изменялся в гласный переднего ряда [ě], тогда как в положении перед гласным этот дифтонг не переживал подобного изменения. Звук же [к], попав в положение перед гласным переднего ряда [ě], изменился в свистящий [c']: *kojna* > *c'ěna*. С другой стороны, *kaj-a-ti sę* > *kaěti sę* > *каяться*, где дифтонг перед гласным распадался и неслоговой элемент отходил к следующему слогу. Дальнейшие семантические и словообразовательные процессы привели к полному разрыву связей этих двух слов.

Или, например, слова *начало* и *конец* исконно были образованы от одного корня **kьn-* // **kon-*; в исконном **na-kьn-dlo* звук [к] перед гласным переднего ряда изменился в праславян-

ском языке в [č'], а сочетание [ьп] перед согласным — в [ę]; [ę] позже на восточнославянской почве изменилось в [а]; так возникло сочетание [č'а] (-ча-) вместо *kьп. Во втором слове корень *kon- не изменился, так как [п] оказалось перед гласным: *kon-ьč'-ь.

Известно далее, что, например, современные слова *сын* и *стол* исконно изменялись по разным типам склонения, имея разные основы: *sūnŭs (древняя основа на *ŭ*) и *stŏlŏs (древняя основа на *ŏ*). Толчком к сближению их склонений явились фонетические изменения конца слова, приведшие к тому, что имен. пад. ед. ч. у них стал одинаково оканчиваться на [ъ]. В свою очередь сближение разных типов склонения повлекло за собой утрату одного из них в древнерусском, а тем самым и в современном русском языке.

Однако история звуковой стороны языка — это не просто история изменения и развития отдельных звуков, а история сложных связей и отношений единиц звуковой системы — это история ф о н о л о г и ч е с к и х о т н о ш е н и й, характерных для данного языка на разных этапах его развития.

Как известно, звуки речи выступают в языке в качестве знаков, необходимых для образования и различения словоформ,— в качестве фонем. Фонетическая система языка является с и с т е м о й ф о н е м, связанных между собой определенными и подчас сложными отношениями. О т н о ш е н и я ф о н е м и з у ч а ю т с я в наиболее важной стороне ф о н е т и к и я з ы к а — в ф о н о л о г и и. Иначе говоря, фонология — это учение о системе фонем, характерной для данного языка на данном этапе его развития.

Следовательно, в лингвистике есть задача изучения и с т о р и и фонологических отношений, истории системы фонем. Этим и занимается сравнительно молодая область исторического языкознания — и с т о р и ч е с к а я (или д и а х р о н и ч е с к а я) ф о н о л о г и я, являющаяся высшей ступенью исторической фонетики языка.

Фонетическая система языка в ее фонологическом аспекте строится на д в у х рядах отношений: на характере сочетаемости фонем (с и н т а г м а т и ч е с к а я ось системы) и на характере противопоставленности фонем в тождественных условиях (п а р а д и г м а т и ч е с к а я ось системы). Условия и особенности сочетаемости и противопоставленности фонем определяют общий облик фонетической системы языка в разные периоды его развития. Поэтому, рассматривая далее фонетическую историю русского языка, необходимо не только установить состав гласных и согласных фонем, но и рассмотреть характер сочетаемости и противопоставленности их в ту или иную эпоху развития русского языка. Этим же обусловлено и то, что история фонетической системы — это не только изменения состава гласных и согласных

фонем, но и история их синтагматических и парадигматических отношений.

Синтагматическая ось фонетической системы реально выступает в языке как сочетаемость аллофонов фонем, т. е. сочетаемость тех звуков, в которых реализуются фонемы в потоке речи. В этой сочетаемости, в возможности или невозможности сочетания тех или иных звуков друг с другом проявляются синтагматические законы, действующие в языке на определенном этапе его развития. Указанные законы диктуют условия сочетаемости звуковых единиц, которые могут быть актуальны для одной эпохи и неактуальны для другой (так, например, для древних славянских языков был актуален закон сочетаемости заднеязычных [к], [г], [х] только с непередними гласными, но этот закон перестал быть актуальным в древнерусском языке после изменения сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]). Вместе с тем на синтагматической оси могут осуществляться фонетические процессы изменения одних звуков под влиянием других, соседних звуков. Эти процессы по-разному проявляются в разных сочетаниях звуковых единиц, в разных диалектах данного языка, у разных его носителей (таковы, например, процессы ассимиляции по мягкости в группах «твердый согласный + мягкий согласный», различно протекающие в разных группах согласных и в разных русских диалектах). Различение синтагматических законов и фонетических процессов позволяет правильно оценить многие явления в истории фонетической системы русского языка.

Парадигматическая ось фонетической системы реально не представлена в речи — она конструируется на основе отождествления аллофонов в одну фонему и установления тождественных условий противопоставления разных фонем (= разных совокупностей аллофонов). Эти условия могут различаться как с точки зрения того, каковы фонетические позиции противопоставления разных фонем, так и с точки зрения того, какое влияние оказывают на такое противопоставление морфологическое строение словоформ, в которых выступают фонемы (т. е. может ли данное противопоставление осуществляться как внутри морфем, так и на морфемных стыках, или здесь действуют определенные ограничения), или характер лексического состава языка (т. е. есть ли в языке действительно слова, в которых выступают те или иные фонемы, или лексика накладывает и в этом случае какие-то ограничения на употребительность фонем). Учет конкретных условий, в которых функционирует парадигматическая ось фонетической системы, дает возможность представить реально характер противопоставленности фонем на разных этапах развития языка.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО (ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО) ЯЗЫКА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ (КОНЕЦ X — НАЧАЛО XI в.)

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 52. Звуковая система древнерусского языка этого периода его развития характеризовалась двумя закономерностями, связанными со структурой слога.

Известно, что слог состоит обычно из слогового и неслогового элементов. Слоговыми звуками (или носителями слога) являются большей частью гласные звуки, а неслоговыми — согласные (в некоторых случаях в славянских языках слоговыми могут быть сонорные [r] (р) и [l] (л), а неслоговыми — гласные [i] (и) и [u] (у); ср., например, в чешском языке [prst], [vlk] с [r] и [l] словообразующими, русск. [мои], [воина́] или диал. [пра́уда], [роў] с [и] и [у] неслоговыми). Слог, оканчивающийся слоговым звуком, является открытым, а оканчивающийся неслоговым звуком — закрытым.

Первой закономерностью, которая характеризовала структуру слога древнерусского языка, был закон открытого слога, сущность которого заключается в том, что слог в общевосточнославянском языке оканчивался только на слоговой звук, т. е. в подавляющем большинстве случаев на гласный, например: *стола, брату, жена, дѣло, свекры.*

Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, то можно установить, что закон открытого слога предполагал расположение звуков в слоге по возрастающей звучности, т. е. слог начинался с наименее звучного и оканчивался наиболее звучным звуком.

Закон открытого слога определил тот факт, что в древнерусском языке не могло быть согласных звуков на конце слов, ибо в этом случае конечный слог оказывался бы закрытым. Этот же закон обусловил ограниченность в языке сочетаний согласных: в древнерусском языке выступали лишь строго ограниченные в своем составе группы согласных, состоявшие большей частью из двух элементов, первым из которых был шумный, а вторым — сонорный, хотя могли быть и сочетания двух глухих или двух звонких шумных согласных (см. § 63).

Закон открытого слога частично сохраняет свою актуальность и в современном русском языке, где неначальный слог строится по принципу восходящей звучности.

Второй особенностью звуковой системы древнерусского языка была тенденция соединения в пределах

одного слога звуков однородной артикуляции — переднего или непереднего образования. Говоря другими словами, один слог составляли или твердый согласный + непередний гласный, или мягкий согласный + передний гласный. (Для понимания того, что в таких соотношениях наблюдаются звуки однородной артикуляции, надо иметь в виду, что при образовании мягких, или палатализованных, согласных средняя часть спинки языка поднимается к соответствующей средней части нёба, т. е. артикуляция мягких согласных близка к артикуляции гласных переднего ряда.)

Если же в пределы одного слога попадали звуки разнородной артикуляции (в частности, твердый согласный + гласный переднего ряда), то в этом случае происходило приспособление артикуляций гласного и согласного звуков, причем приспособление это могло носить различный характер. Эта особенность известна в науке как закон слогового сингармонизма (от греч. *syn* — „вместе" + *garmonia* — „связь, созвучие").

Как закон открытых слогов, так и закон слогового сингармонизма возникли еще в дописьменную эпоху истории русского языка и продолжали существовать в начальный исторический период его развития.

§ 53. К началу XI в. обе эти закономерности, охватив по существу всю систему языка восточных славян, являлись только результатом развития языка в прошлые эпохи. Именно в результате действия этих закономерностей к началу письменно засвидетельствованного периода в древнерусском языке сложилась та фонетическая система, которая отражена в первых памятниках. Однако нет никакого сомнения в том, что как в соотношении гласных и согласных фонем, так и вообще в структуре слога древнерусский язык мог развивать в начальный период своей истории те тенденции, которые нарушали законы открытого слога и слогового сингармонизма и которые в конце концов привели к преобразованию всей фонетической системы русского языка.

Поэтому при рассмотрении систем гласных и согласных фонем древнерусского языка и соотношений внутри этих систем и между ними важно установить действительные их связи, т. е. те связи, которые характеризовали живую фонетическую структуру языка восточных славян. Вместе с тем, конечно, в этих связях и соотношениях сосуществовало то, что было актуальным для исходной системы, и то, что было лишь наследием прошлых эпох.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 54. Состав гласных фонем древнерусского языка может быть представлен в следующей таблице:

Подъем	Зона образования		
	Передняя	Непередняя	
Верхний	и	ы	у
	ě (ѣ)		
Средний	е ь		о ъ
Нижний	ä	а	
	Нелабиализованные		Лабиализованные

Из этой схемы можно видеть, что часть гласных древнерусского языка сохранилась без существенных изменений на всем протяжении истории русского языка; часть же их была утрачена, и этих фонем в русском языке теперь уже нет.

К первой группе относятся гласные переднего образования — [и], [е] и непереднего — [а], [о], [у], [ы].

В артикуляционном отношении все эти гласные восточнославянского языка-основы, по-видимому, заметно не отличались от образования их в современном русском языке. В функциональном же плане все они выступали как самостоятельные фонемы.

Однако в области вокализма общевосточнославянского языка начального периода его развития были и определенные важные отличия от состава и системы гласных русского языка в последующие периоды его истории, и тем более современного русского языка. Они заключались прежде всего в том, что в древнерусском языке были гласные, утраченные в дальнейшем его развитии.

В первую очередь здесь надо указать фонему [ě] [ѣ], условно называемую „ять", свойственную всем древним славянским языкам. Будучи в общевосточнославянском языке самостоятельной фонемой, [ě] различала слова и их формы. Например, мести. пад. ед. ч. муж. р. [о плодě] отличался от звательной формы [плоде] лишь по наличию в этих формах [ě] или [е]. Точно так же, например, слова [сěлъ] „сел" и [селъ] (род. пад. мн. ч. от „село"), [лěчу] („лечу" от „лечить") и [лечу] („лечу" от „лететь") отличались в своей звуковой оболочке лишь наличием фонем [ě] и [е].

Однако фонема [ě], будучи общеславянской, т. е. существуя исконно во всех диалектах праславянского языка, в то же время имела отличия в своем образовании в разных диалектах этого языка. Так, например, [ě] в диалектах-предках восточнославян-

ского языка-основы по своему образованию отличалась от [ě] в диалектах-предках старославянского языка. В последнем [ě] являлась фонемой переднего ряда нижнего подъема, типа открытого [ä].

У восточных же славян это была фонема переднего ряда средне-верхнего подъема и артикуляционно характеризовалась как звук типа закрытого [е] — [ê] или дифтонга [i͡e]. Такой характер восточнославянского [ě] предполагается по его дальнейшей судьбе в русском языке: в ряде современных русских говоров и теперь на месте древнего [ě] произносится или [ê], или дифтонг [i͡e], или, наконец, [и] (в литературном русском языке на месте [ě] выступает открытый звук [е], не изменяющийся в [о] перед твердым согласным (см. § 127).

Кроме того, в древнерусском языке были две гласные фонемы неполного образования, так называемые редуцированные или глухие. Это были ослабленные гласные, произносившиеся, вероятно, неполным голосом. Условно эти гласные обозначаются [ъ] (ер) и [ь] (ерь).

Гласная фонема [ъ] характеризовалась признаками непереднего ряда среднего подъема, а [ь] — переднего ряда среднего подъема. Эти гласные могли находиться как под ударением, так и в безударном положении, но и в том и другом случае они звучали слабее, чем гласные полного образования. То, что [ъ] и [ь] были редуцированными гласными, определило их судьбу: они исчезли в истории восточнославянских языков как самостоятельные фонемы.

Выступая в древнерусском языке как фонемы, [ъ] и [ь] различали слова и их формы. Например, форма род. пад. множ. ч. существительного [пътъ] (от *пъта* — „птица") и имен. пад. един. ч. [потъ], формы имен. пад. един. ч. указат. местоимения муж. р. [тъ] и ср. р. [то] отличались лишь по наличию [ъ] или [о]; имен. пад. ед. ч. указательного местоимения жен. р. [сь] и ср. р. [се] — по наличию [ь] или [е].

Редуцированные гласные [ъ] и [ь] могли находиться в сильном и слабом положении. С и л ь н ы м было положение редуцированных в слоге под ударением (*дѣскоу*) и в слоге перед слогом со слабым редуцированным (*отьць, правьдьна, сънъ*); с л а б ы м было положение редуцированных в конце слова (*сънъ, дьнь*), перед слогом с сильным редуцированным (*жьньць*) и перед слогом с гласным полного образования (*съна*).

Различие в сильном и слабом положении повлияло на дальнейшую судьбу [ъ] и [ь] в древнерусском языке и в других славянских языках, когда уже в историческое время происходило изменение их фонетической системы.

Вместе с тем в древнерусском языке было еще два гласных, фонемный статус которых представляется недостаточно ясным.

Речь идет о гласных [ы̆] и [й̆] — редуцированных [ы] и [и] (их часто называют напряженными редуцированными), положение которых в фонетической системе характеризовалось тем, что эти гласные были ограничены в своем функционировании определенными грамматическими условиями или лексически. Во-первых, они выступали в форме имен. пад. един. ч. полных прилагательных муж. р.: [красьны̆и̯], [молоды̆и̯], [синй̆и̯], [зимьнй̆и̯], но не в других формах прилагательных. Во-вторых, они обнаруживаются в спрягаемых формах и в повелительном наклонении определенных глаголов, таких, как *мыти, выти, рыти, бити, вити, лити* ([мы̆и̯у], [вы̆и̯у], [ры̆и̯], [лй̆и̯]), в существительном [шй̆и̯а] („шея") и некоторых других. По происхождению [ы̆] и [й̆] восходят к [ъ] и [ь] (в формах прилагательных) и к [ы] и [и] (в формах глаголов и существительных) в позиции перед [j] или [и̯], однако для эпохи конца X — начала XI в. связи [ы], [и] с [ъ], [ь] уже не устанавливаются, а связи их с [ы], [и] установить вполне возможно, точно так же как возможно утверждать, что [ы̆] и [й̆] в последнем случае появляются в позиции перед [и̯] (или [j]). Однако в то же время в этой же самой позиции в древнерусском языке могли выступать и нередуцированные [ы] и [и]: это наблюдалось в имен. и вин. пад. множ. ч. полных прилагательных (типа *добрии, добрыѣ* (= [добрии̯и], [добры̆и̯е]), в приставочных образованиях с *выпри- (выѣздъ, выяти, прияти)* (= [вы̆и̯ездъ], [вы̆и̯ати], [прйи̯ати]), в глаголе *сияти* и др. Следовательно [ы] и [и] в позиции перед [и̯] необязательно изменялись в [ы̆] и [й̆]. Поэтому можно предполагать, что [ы̆] и [й̆] в системе древнерусского языка конца X — начала XI в. были фонологически значимыми единицами, хотя и резко ограниченными в своем функционировании (см. статью: Лихтман Р. И. Особая фонема или позиционный вариант? К вопросу о составе фонем древнерусского языка // Филологические науки.— 1986.— № 1). Однако до конца этот вопрос остается нерешенным.

Являясь редуцированными, [ы̆] и [й̆], точно так же как [ъ] и [ь], могли находиться в сильном и слабом положении, которые определяются теми же условиями, что и для [ъ], [ь], и различие которых сказалось в дальнейшей судьбе [ы̆] и [й̆] в истории русского языка.

Наконец, в составе гласных была еще одна особая фонема, которая утратилась в последующей истории русского языка во всех его диалектах. Она обозначается как [ä] — [а] переднего образования. Эта самостоятельная фонема отличалась от остальных гласных фонем тем, что она выступала в очень ограниченном числе слов и форм: [ä] — это „потомок" утратившегося носового звука [е] — [ę] (в словах типа [п'äть], [м'äсо], [с'ä] из [р'ęть], [м'ęso], [s'ę] и т. п.).

Особое замечание должно быть сделано о фонемах [и] и [ы].

Как известно, в современном русском языке нет двух самостоятельных фонем [и] и [ы], а есть лишь одна — [и], выступающая в двух звуках-аллофонах: в начале слова и после мягких [и], а после твердых — [ы]. В древнерусском же языке [н] и [ы] были двумя самостоятельными фонемами, т. е. они по отношению друг к другу были независимы. Эта независимость выражалась в том, что, выступая в положении после одного и того же согласного, они оказывали на него различное влияние, по-разному определяли его качество.

Такое различное влияние [и] и [ы] на качество предшествующего согласного хорошо видно на явлениях, связанных с заднеязычными. Так, например, в форме вин. пад. мн. ч. муж. р. от слова [вълкъ] было окончание [ы]: [вълкы], а в форме имен. пад. мн. ч. муж. р.— [и], перед которым еще в общеславянскую эпоху [к] изменилось в [ц']: [вълц'и] (см. § 82).

Точно так же любой предшествующий согласный имел разное качество, попадая в положение перед [и] или [ы]. Ср., например, вин. пад. мн. ч. [городы], [холопы], [столы] и имен. пад. мн. ч. [город'и], [холоп'и], [стол'н], где согласные, попадая в положение перед [и], приобретали позиционную полумягкость. Таким образом, если в современном языке появление гласного [и] или [ы] определяется качеством предшествующего согласного — его мягкостью или твердостью, то в древнерусском языке, наоборот, качество согласного определялось качеством последующего гласного: перед [и] твердые согласные получали позиционную полумягкость (а заднеязычные чередовались с мягкими шипящими и свистящими), а перед [ы] оставались твердыми.

§ 55. Итак, древнерусская фонетическая система имела в своем составе 10 гласных фонем (редуцированные [ы̆] и [ĭ] в этот состав не включаются), противопоставляющихся друг другу в тождественных фонетических условиях. Однако условия противопоставления гласных зависели прежде всего от возможностей сочетаемости их с согласными, т. е. от синтагматических связей гласных с предшествующими согласными.

Надо иметь в виду, что в древнерусском языке в силу действия закона открытого слова гласные были связаны с предшествующими, но не с последующими согласными, отходящими к другому слогу. В силу этого сочетаемость гласных с согласными ограничивалась только сочетаемостью с предшествующими согласными.

Следует сразу оговорить то обстоятельство, что некоторые гласные могли выступать в абсолютном начале слова, т. е. в той позиции, когда перед начальными гласными не было никакого иного звука.

В этом положении могли выступать не все гласные древнерусского языка. В начале слова не было гласных [ъ] и [ь] (и, конечно, не могло быть здесь [ы̆] и [ĭ]), а также гласной [ы]. При этом в древнерусском языке X—XI вв. не было того положения,

какое есть в современном русском языке, когда гласный [и] в начале слова, попадая в положение после твердого согласного предшествующего слова, предлога или приставки, изменяется в [ы] под влиянием этого твердого согласного (ср.: [игра́] — [с-ы́гр]ан, [изба́] — [в-ы́збу], [ива] — [под-ы́в]ой и т. д.). Объясняется это прежде всего тем, что как самостоятельные слова, так и предлоги и приставки (за очень редким исключением, см. § 66) древнерусского языка всегда оканчивались на гласный звук.

Древнерусский язык не знал в начале слова и гласных [а], [е], [ё], [ä]. В тех случаях, когда эти гласные оказывались исконно в абсолютном начале слова, перед ними развивался согласный звук [j] (или [ц]) (ср., например, др.-русск. *ꙗгня*, *ꙗвити*, *ꙗже*, *кго*, *кмоу*, *кль*, *ѣхати* (= [jёхати]), *ѣмь* (= [jёмь]), [jäзыкъ], [jäдро] и т. п.).

Таким образом, в древнерусском языке в абсолютном начале слова могли быть только гласные [и], [о] и [у]. При этом гласная [о] была распространена шире, чем в иных славянских языках, так как она в ряде случаев выступала в тех словах, где другие славянские языки знают начальное [je] (ср., например, др.-русск. *озеро*, *осень*, *олень*, *одинъ* и польск. *jezioro*, *jesień*, *jeleń*, *jeden*).

§ 56. Что касается сочетаемости гласных с предшествующими согласными, т. е. позиций гласных после согласных, то в общих чертах эту сочетаемость можно определить следующим образом.

После твердых согласных (кроме заднеязычных [к], [г], [х]) могли выступать все гласные фонемы, причем в том случае, когда после твердого оказывалась фонема переднего образования, изменению подвергалась артикуляция согласного, а не гласного (см. § 64). После [к], [г], [х] могли выступать только гласные непередней зоны образования. После же мягких согласных могли выступать все гласные, кроме [о], [ъ] и [ы], которые вообще не могли быть в этой позиции. Гласные переднего образования в положении после мягких согласных не изменяли своей артикуляции, т. е. эти фонемы выступали всегда в одном аллофоне; гласные же непередней зоны [у] и [а], которые могли оказаться после мягких согласных (например, [вол'у], [душ'а] и т. п.), выступали в этой позиции в аллофонах, характеризующихся слабой передвижкой вперед в начальной стадии артикуляции, которая, однако, не приводила к тому, что [у] и [а] становились фонемами передней зоны образования.

Однако такое общее определение возможностей сочетаемости гласных с предшествующими согласными недостаточно соответствует действительному положению вещей в древнерусском языке, ибо не учитывает тех ограничений в рассматриваемой сочетаемости, которые были обусловлены историческими процессами в развитии фонологической системы языка восточных славян. Если говорить конкретно, то сочетаемость гласных с предшествующими

твердыми согласными была равно выраженной как внутри морфем (прежде всего внутри корней слов), так и на стыке морфем (прежде всего на стыке именной основы и флексии); возможности же сочетаемости гласных с мягкими согласными были ограничены как тем, к а к а я мягкая предшествовала гласной, так и тем, г д е (внутри или на стыке морфем) выступали данные сочетания. Так, с предшестающими мягкими шипящими [ш'], [ж'], аффрикатой [ч'] и слитным [ш'ч'] внутри морфем сочетались гласные [а], [у], [и], [е], [ь], [ä], но не [ě] в силу раннего (праславянского) изменения [ě] (< [ē]) в ['а] (см. § 82) (например: *шаръ, жаръ, чара, щавьныи* — „кислый"; *шуба, жукъ, чудо, щуръ; шити, жити, читати, щитъ; шесть, жена, четыре, щена; шьвъ, жьдати, чьто, щьпа; шѧгати, жѧло, чѧдо, щѧдѣти*). На стыке морфем с теми же предшествующими мягкими, а также с [ж'д'] сочетались не только эти же гласные, но и [ě] (см. § 79) (например: *душа, ножа, отьча, куща, дъждѫ* (= [дъж'д'а]); *душу, кожу, отьчу, кущу, дъждю; души, ножи, отьчи, кущи, дъжди; душею, ножемъ, врачемъ, кущею, дъждемъ; душь, ножь, отьчь, кущь, дъждь; рекошѧ, дьржѧ, отрочѧ, трѣщѧ, дъждѧ* (прич. от *дъждити*); *душѣ, ножѣ, отьчѣ, кущѣ, дъждѣ*).

С предшествующими мягкими свистящими [ц'], [с'], [з'] внутри морфем могла сочетаться лишь фонема [ě], если не считать возможных сочетаний [ц'] с [а], [ь] и [ä] в заимствованных словах, например: *цѣна, сѣрый, зѣло; царь, цьркы, цѧта*. Никакие другие гласные с мягкими свистящими внутри морфем не сочетались (см. § 84). На стыке же морфем с этими согласными сочетались гласные [а], [у], [и], [е] и [ь]; например, *отьца, вьсѧ, кънѧзѧ; отьцу, вьсю, кънѧзю; отьци, вьси, кънѧзи; отьцѣ, вьсѣ, кънѧзѣ; отьць, вьсь, кънѧзь; отьцемъ, вьсемъ, кънѧземъ* (см. § 86).

С предшествующими мягкими сонорными [р'], [л'], [н'] внутри морфем могла сочетаться только фонема [у], если не учитывать возможности сочетания гласных [ä], [и], [е], [ь] с предшествующим мягким [н'] в слове *нѧдро*, возникшего еще в праславянскую эпоху в результате переразложения **vъn + jędro*, и в местоименных формах *нимь, него, нь*, возникших также в праславянском в результате переразложения **sъn + jimь, *sъn + jemu, *vъn + jego*. Никакие другие гласные внутри морфем с мягкими сонорными не сочетались (см. § 64).

На стыке морфем с этими согласными сочетались те же гласные, которые выступали здесь после мягких шипящих, например: *морѧ, волѧ, конѧ; морю, волю, коню; мори, воли, кони; бурѣ, волѣ, конѣ; бурею, волею, конемъ; бурь, воль, конь; борѧ* (прич. от *бороти*), *колѧ* (прич. от *колоти*); сочетания [н'ä] на стыке морфем не было.

§ 57. Таким образом, учитывая синтагматику гласных, можно установить, что в позиции после твердых заднеязычных как внутри, так и на стыке морфем противопоставлялись гласные непередней зоны образования; точно так же внутри и на стыке морфем после остальных твердых противопоставлялись все гласные фонемы. После мягких согласных на стыке морфем противопоставлялись все передние гласные (за исключением [ä] после мягких свистящих), а также [а] и [у]. Внутри морфем после мягких шипящих противопоставлялись [и], [ě], [е], [ь], [ä], а также [а] и [у], а после мягких свистящих и мягких сонорных противопоставления гласных не было.

§ 58. Противопоставление гласных фонем в тождественных фонетических условиях осуществлялось по трем их признакам — по степени подъема языка (верхний — средне-верхний — средний — нижний), по наличию или отсутствию лабиализации и по зоне образования (т. е. по движению языка в горизонтальном направлении) — передней или непередней. При этом как степень подъема языка и наличие или отсутствие лабиализации, так и переднее и непереднее образование являлись постоянными признаками всех гласных фонем; фонемы [а] и [у], аллофоны которых испытывали после мягких согласных передвижку вперед, оставались в пределах непередней зоны образования. Это обусловливалось тем, что в силу действия закона открытого слога не было влияния последующих мягких согласных на предшествующие [а] и [у] (как это есть в современном языке: ср. [вал] — [в'äл'ит'], [лук] — [л'ўт'ик]), и это ограничивало степень передвижки артикуляции гласных в переднюю зону (см. § 59).

Таким образом, если в современном русском языке передний, средний или задний ряд образования гласного не является постоянным признаком, определяющим ту или иную гласную фонему, а зависит от качества соседних согласных, то в древнерусском языке зона образования гласных фонем вместе с признаком подъема и наличия или отсутствия лабиализации входила в число постоянных их признаков. Это обстоятельство определяет тот факт, что качество гласных фонем (исключая отчасти лишь [а] и [у]) было независимым от позиционных условий, и они выступали всегда в одном и том же аллофоне.

Совокупность этих трех признаков определяла характер, облик каждой гласной фонемы, кроме [ъ] и [ь], ибо у этих двух единиц фонологической системы был еще один признак — сверхкраткость. Именно данным признаком [ь] отличался от [е], а [ъ] от [о]; все остальные признаки у [ь] и [е], с одной стороны, и у [ъ] и [о], с другой, были одними и теми же.

В связи с тем что все эти признаки исчерпывают характеристику каждой гласной фонемы и являются постоянно ей присущими, оказывается, что древнерусские гласные не имели пере-

менных признаков, которые бы варьировались в зависимости от фонетической позиции в слове или в его форме.

§ 59. Вместе с тем, как уже говорилось, в слоге „мягкий согласный + [а], [у]" (или, иначе, в сочетаниях [а], [у] с предшествующими мягкими шипящими, мягкими свистящими и мягкими сонорными) аллофоны фонем [а] и [у] испытывали влияние предшествующего мягкого, в результате чего эти гласные несколько передвигались вперед в начальной стадии своей артикуляции. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что образование гласных по ряду начинало приобретать характер переменного признака гласных фонем в отличие от степени подъема и наличия или отсутствия лабиализации. Однако это положение не следует понимать как утверждение перехода [á] и [ý] в позиции после исконно мягких согласных в переднюю зону образования, т. е. изменение их в [ä] и [ÿ]: для такой передвижки, вероятно, необходимо было и воздействие последующего мягкого согласного, что надо исключить для эпохи сохранения действия закона открытого слога.

В то же время, рассматривая явление развития у фонемы [а] аллофона [ˈа] после мягких согласных, следует обратить внимание на соотношение фонемы [а] с ее аллофонами [а] после твердых и [ˈа] после мягких с фонемой [ä] с ее единственным аллофоном переднего образования.

Если в древнерусском языке две гласные фонемы нижнего подъема нелабиализованные [а] и [ä] противопоставлялись друг другу по признаку передней-непередней зоны образования, то это противопоставление четко обнаруживается в положении данных гласных после твердых согласных: [а] и [ä] отчетливо противопоставлялись друг другу и по своему качеству, и по своему воздействию на предшествующий согласный — фонема [ä] вызывала полумягкость предшествующего твердого (ср.: *мати — мäти, малъ — мäлъ, радъ — рäдъ, тати — тäти* — „тянуть", *та — тä* и т. п.). Следовательно, в этих случаях в древнерусском языке выступали две гласные фонемы и одна согласная в двух своих аллофонах, различавшихся в зависимости от положения перед непередним или передним гласным.

В то же время в таких случаях, как, например, [бура] (род. пад. от *буръ* — „бурый") — [бурˈà], положение оказывалось прямо противоположным: здесь выступали две — твердая и мягкая — согласные фонемы и одна гласная в двух своих аллофонах, различие которых было обусловлено качеством предшествующей согласной. То, что в этом случае действительно независима твердость-мягкость, а не качество гласной, доказывается тем, что твердый и мягкий согласные равно могли выступать перед гласным переднего образования. Так, например, если сравнить формы [бура] — [бурˈà] с формами [бурˈи] (имен. пад. мн. ч. от *буръ*) — [бурˈи], то окажется, что перед одной и той же гласной [и], кото-

рая не меняет своего качества, твердость-мягкость [р] различается (приобретение [р] позиционной полумягкости не приводит к совпадению его с [р']). Значит, твердость (полумягкость) [р] в [бур'и] и мягкость [р'] в [бур'и] не зависят от качества последующей гласной. А если это так, то и перед [а] эта твердость-мягкость независима. Точно так же обстоит дело и в формах [буру] — [бур'ў], где выступают [р] и [р'] и одна гласная фонема [у] в двух своих аллофонах.

Но если все сказанное правильно, то тогда надо признать, что, так же как в [ра] — [р'ä] выступают две гласные фонемы, так и в [р'а] — [р'ä] есть тоже две гласные фонемы, различающиеся по зоне образования, и, следовательно, [ȧ], как и [ў], являются аллофонами фонем непередней зоны образования. В этом случае надо признать, что древнерусский язык знал позиционную мену гласных [а] // [ȧ], [у] // [ў]. Эти два ряда позиционной мены были параллельными, т. е. там, где выступал [а], выступал и [у], а там, где выступал ['а], выступал ['у]: [сестра], [сестру], но [земл'ȧ], [земл'ў].

Однако одновременно с этим нельзя упускать из виду и возможность возникновения иного типа позиционной мены гласных, а именно того, который называется пересекающимся, когда в одной позиции две фонемы различаются, а в другой на их месте выступает одна звуковая единица. Такое положение могло возникать в древнерусском языке в том случае, когда фонема [а] попадала в положение после исконно мягких шипящих и сонорных. Передвижка артикуляции [а] вперед под влиянием предшествующего мягкого вела к сближению ее по качеству с [ä]. Дело заключается в том, что, устанавливая передвижку [а] вперед, мы в то же время не можем установить степени этого сдвига для прошлых эпох, так как имеем дело с языком мертвым, а не живым. Значит, утверждая, что [а] после мягких согласных становилась более передней гласной, мы должны признать возможность фонетического ее сближения с передней гласной фонемой [ä]. А это означает, что в позиции после мягких согласных звуковые реализации фонем [а] и [ä] сближались, т. е. развивалась нейтрализация этих фонем: две звуковые единицы, различающиеся в иной позиции, в данном фонетическом положении переставали различаться. Таким образом, можно думать, что, например, в таких формах, как [врач'а] и [отроч'ä], на месте двух гласных фонем выступал один аллофон, и потому [а] и [ä] в этой позиции начинали не различаться.

Итак, в положении после исконно мягких шипящих и сонорных развивалась нейтрализация [а] и [ä] и возникал пересекающийся ряд позиционной мены:

после твердых [а] [ä] — после мягких ['а (ä)].

§ 60. В отношения позиционной мены вступали исконные [ы] и [и] и редуцированные [ы̆] и [ĭ], выступающие в позиции перед [j] или [и̯], образуя параллельные ряды позиционно меняющихся гласных (неясно только, была ли это мена фонем или мена аллофонов одной фонемы): [ы] // [ы̆], [и] // [ĭ].

Можно считать, что в отношения позиционной мены вступали и редуцированные в сильной и слабой позициях. В этом случае сильные [ъ], [ь] и [ы̆], [ĭ] образовывали со слабыми [ъ̆], [ь̆] и [ы̆], [ĭ] также параллельные ряды позиционно меняющихся гласных: [ъ̆] // [ъ̆], [ь̆] // [ь̆], [ы̆] // [ы̆], [ĭ] // [ĭ]. Однако здесь остается неясным различие по качеству между членами позиционной мены: было ли оно только количественным или также и качественным, или же это различие выражалось в каких-то иных явлениях.

§ 61. Итак, нельзя отрицать возможность появления нейтрализации некоторых гласных фонем в древнерусском языке рассматриваемого периода, однако вместе с тем надо видеть фонологическую ограниченность этой нейтрализации. При этом важно отметить, что, в отличие от современного русского языка, где позиции различения и позиции нейтрализации гласных фонем связаны с положением их по отношению к ударению, в древнерусском языке эти позиции оказывались связанными с качеством предшествующих согласных (в одном случае даже с влиянием последующего согласного) и безразличными по отношению к ударению. Вместе с тем нельзя считать позициями нейтрализации гласных фонем те, в которых отдельные из них вообще не выступали; например, как уже говорилось, после мягких не выступали [о], [ы], [ъ], а могли быть только [е], [и], [ь]. Это явление связано не с нейтрализацией гласных, а с их распределением на синтагматической оси.

К рассматриваемому вопросу примыкает непосредственно и вопрос о сильных и слабых позициях гласных фонем древнерусского языка. Если считать, что сильной позицией является позиция максимального различения гласных фонем, а слабой — та, в которой происходит совпадение звуковых реализаций двух или нескольких фонем, то в древнерусском языке таких слабых позиций почти не было.

С определенными оговорками можно признать слабой позицию после мягких (прежде всего шипящих) для фонем [а] и [ă].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 62. Состав согласных древнерусского языка может быть представлен в следующем виде:

По способу образования		По месту образования				
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные		Задне-язычные
Шумные	Взрывные	п б	т д			к г
	Фрикативные	в	с с' з з' ш' ж'			х
	Аффрикаты		ц' ч'			
	Слитные		ш'ч' ж'д'			
Сонорные	Носовые	м	н н'	Фрикативные	j	
	Плавные		р р' л л'			

В этом составе согласных древнерусского языка можно установить ряд особенностей.

Прежде всего следует отметить, что в числе губных согласных отсутствовал звук [ф]. Этот звук искони был чужд языку славян. Его не было и в восточнославянском языке-основе. Правда, звук [ф] встречался в словах, зафиксированных в памятниках старославянского языка, преимущественно в греческих заимствованиях (например, *фарисей*, *февраль*, *порфира*, *фонарь*), и через посредство этих памятников он мог проникнуть в литературный древнерусский язык. Однако в народном разговорном языке этот звук заменялся в заимствованных словах звуком [п]; ср. вошедшее в русский язык *парус* из греч. *faros* и ряд имен собственных: *Осип* — греч. *Iosif*, *Степан* — греч. *Stefanos* и др.

Хотя постепенно звук [ф] становился привычным для древнерусов (к греческим заимствованиям с [ф] присоединялись лексические заимствования из других языков), все же окончательное его укрепление в древнерусском языке произошло позже, не ранее XII—XIII вв., когда развитие системы этого языка привело к появлению [ф] на восточнославянской почве (см. § 120).

В древнерусском языке не было мягких губных; следовательно, не было соотношений типа [п] — [п'], [б] — [б'], [м] — [м'], [в] — [в'].

В отношении твердых губных [п], [б], [м] древнерусский язык принципиально не отличался от современного русского (в отношении образования [в] дело обстояло сложнее. См. § 74). То же касается и твердых заднеязычных согласных [к], [г], [х] и переднеязычных [т], [д], [с], [з], [н], [р], [л], фонологические признаки которых были теми же, какими они являются и в современном русском языке.

В восточнославянском языке-основе не было также мягких [к], [г], [х] и мягких [т], [д].

Мягкими согласными были шипящие [ш'], [ж'], аффрикаты [ц'], [ч'], слитные [ш'ч'], [ж'д'] (= [ш'т'щ'], [ж'д'ж']; они выступали, например, в словах [пуш'ч'у], [иш'ч'у], [jеж'д'у], [дъж'д'икъ] и т. п.), а также звук [j]. Кроме того, были мягкие переднеязычные [с'], [з'] и мягкие сонорные [н'], [р'], [л'], находившиеся в парных соотношениях по твердости-мягкости с твердыми [с], [з] и [н], [р], [л].

Итак, древнерусская фонологическая система знала твердые согласные фонемы [п], [б], [в], [м], [т], [д], [с], [з], [н], [р], [л], [к], [г], [х] и мягкие согласные фонемы [ш'], [ж'], [ц'], [ч'], [с'], [з'], [н'], [р'], [л'], [j], а также [ш'ч'], [ж'д']. Все перечисленные мягкие согласные называются исконно мягкими, так как они были такими с момента их возникновения в праславянском языке.

§ 63. Как твердые, так и мягкие согласные выступали в древнерусском языке в качестве самостоятельных фонем, противопоставляясь друг другу в тождественных фонетических условиях. Однако характер этой противопоставленности, как и противопоставленности гласных, определяется возможностями сочетаемости согласных как с последующими гласными, так и с последующими согласными.

Выше уже говорилось, что в древнерусском языке в силу действия закона открытого слога мало были распространены группы согласных, однако возможности сочетаемости согласных друг с другом в пределах одного слога были достаточно широкими, хотя и ограниченными рядом условий. Эта ограниченность проявлялась прежде всего в том, что в древнерусском языке могли существовать и существовали только определенные группы согласных, причем в подавляющем большинстве случаев это были двухфонемные сочетания. Такие сочетания образовывались в первую очередь твердыми шумными согласными, за которыми следовали сонорные [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н'], [м], а также [в], который в этом случае вел себя как сонант. Как видно, такого типа сочетания

согласных вообще были разрешены фонетической системой, хотя в памятниках древнерусского языка зафиксированы не все возможные группы согласных типа „твердый шумный + [р — р'], [л — л'], [н — н'], [м], [в]". В этих памятниках отмечаются сочетания [кр] (кромѣ), [гр] (*громъ*), [хр] (*хромъ*), [тр] (*трава*), [др] (*дрьва*), [пр] (*правьда*), [бр] (*братъ*), а также [вр], [ср], [зр] в старославянских по происхождению словах (типа *врагъ, срамъ, зракъ*); сочетания [гр'] (*багрю*), [тр'] (*смотрю*), [др'] (*оумоудрю*), [бр'] (*оудобрю*); сочетания [кл] (*клоубъ*), [гл] (*глоубь*), [хл] (*хлоудъ*), [пл] (*плоугъ*), [бл] (*блоудъ*); [сл] (*слоуда*), [зл] (*злакъ*); сочетания [кл'] (*клювъ*), [пл'] (*коплю*), [бл'] (*люблю*), [дл'] (*мьдлю*), [сл'] (*мыслю*); сочетания [кн] (*кноутъ*), [гн] (*гнѣвъ*), [хн] (*съхноути*), [сн] (*снѣгъ*), [зн] (*знакъ*), [зн'] (*дразню*); сочетания [см] (*смѣхъ*), [зм] (*змии*); сочетания [кв] (*квасъ*), [гв] (*гвоздь*), [хв] (*хвостъ*), [тв] (*твой*), [дв] (*дворъ*), [св] (*свои*), [зв] (*звонъ*), а также три сочетания, выступающие каждое только в одном корне, с мягкими шумными перед [в]: [з'в] (*звѣзд-*), [ц'в] (*цвѣт-*) и [ш'в] (*вълшвь*).

Кроме того, в памятниках зафиксированы двухфонемные сочетания „сонорный + сонорный" и „[в] + сонорный", но только в старославянских по происхождению словах: [мр] (*мракъ*), [мл] (*младъ*), [вл] (*власть*). Вместе с тем сочетания [мл'] и [вл'] отмечаются в древнерусских (точнее, общеславянских) глагольных формах (типа *ломлю, ловлю*).

Наряду с такими группами согласных в древнерусском языке были еще, правда редкие, двухфонемные сочетания шумных. К ним относились, с одной стороны, сочетания двух глухих шумных: [ск] (*скотъ*), [сп] (*спѣти*), [ст] (*стати*), [пт] (*лепта*), [кс] (*дуксъ*), а с другой — сочетания двух звонких шумных: [зг] (*визгати*), [зд] (*ѣзда*), [бд] (*бдынъ*), [гд] (в образованиях на *-гда*, типа *къгда*). Широко распространенными сочетаниями двух шумных были группы „[с] + глухой шумный" и „[з] + звонкий шумный" в образованиях с приставками *бес- / без-, въс- (вос-) / въз- (воз-), ис- / из-, рос- (рас-) / роз- (раз-)* (типа *бесплодьныи — бездомьныи, въстопити — въздымати, испустити — избѣжати, роспустити — роздьрати* и под.).

Наконец, возможно указать еще и на трехфонемные сочетания согласных, причем в этих сочетаниях последним элементом всегда выступал сонорный или [в]. К таким группам относились [стр] (*страдати*), [скр] (*скринѧ*), [смр] (*смрѣчь*), [скл] (*склабити сѧ*), [скв] (*скврьна*), [ств] (в составе суффикса [-ьств-]) и [здр] (*ноздрь*).

Если сопоставить все приведенные выше факты, определяющие возможную сочетаемость согласных с согласными, то можно установить, что в позиции перед сонорными [р — р'], [л — л'], [н — н'], [м] и перед [в] могли выступать разные согласные, противопоставляясь здесь друг другу.

В позициях же перед шумными противопоставления согласных были ограничены противопоставлением друг другу или только глухих, или только звонких шумных.

§ 64. Однако в силу малой распространенности групп согласных в древнерусском языке специфику сочетаемости согласных с другими фонологическими единицами на синтагматической оси определяла их сочетаемость с последующими гласными, в области которой было много своеобразных явлений, характерных для древнерусского языка конца X — начала XI в.

При рассмотрении этих явлений надо учесть, что особенности в сочетаемости согласных с гласными были обусловлены, с одной стороны, твердостью или мягкостью согласного, а с другой — тем, внутри или на стыке морфем осуществлялась эта сочетаемость.

В первом отношении все согласные древнерусского языка следует разделить на три группы: твердые (кроме заднеязычных), мягкие и заднеязычные согласные. Как говорилось выше (см. § 56), отличие заднеязычных от всех остальных твердых заключалось в том, что первые не могли сочетаться с гласными переднего образования, тогда как для остальных твердых позиция перед передним гласным была вполне возможна.

Таким образом, твердые согласные, за исключением [к], [г], [х], могли выступать перед всеми гласными древнерусского языка. В положении перед гласными непередней зоны артикуляция твердых согласных не изменялась, в положении же перед гласными переднего ряда их артикуляция испытывала определенные изменения, заключавшиеся в приобретении этими согласными позиционной полумягкости. Приобретение согласными полумягкости означает, что перед гласными переднего ряда твердые согласные несколько изменялись при произношении, но все же не получали той «йотовой» артикуляции, которая характерна для мягких согласных. Известно, что смягчение согласного реально выражается в том, что к основной артикуляции твердого звука прибавляется дополнительная, именно та, которая характерна для образования звука [j]. Появление полумягкости же — это такое приспособление артикуляции твердого согласного к артикуляции переднего гласного, при котором средняя часть спинки языка в меньшей степени подымается к твердому нёбу, чем это происходит при произношении мягких согласных. Следовательно, слово *лес* в общевосточнославянском языке произносилось как [лѣ́съ] с [л] полумягким, *день* — как [дьнь] с [д] и [н] полумягкими и т. д.

Итак, твердые согласные выступали перед гласными переднего ряда в своих позиционных вариантах — в аллофонах, характеризующихся признаком, появляющимся только в данной позиции, т. е. не имеющим самостоятельного, фонематического, статуса.

Твердые заднеязычные согласные не могли выступать перед гласными переднего образования; [к], [г], [х] могли быть лишь перед непередними гласными.

Мягкие согласные выступали перед гласными передней зоны, а также перед [а] и [у], которые в этом случае, как уже говорилось, испытывали слабую передвижку вперед (см. § 59).

Схематично все возможные сочетания согласных с гласными в древнерусском языке могут быть представлены так: в перечисленных ниже сочетаниях [т] обозначает любой твердый согласный, кроме [к], [г], [х]; [р'] — любой мягкий согласный; [к] — любой заднеязычный:

Твердый согласный + гласный	Мягкий согласный + гласный	Заднеязычный согласный + гласный
ты (ty)		кы (ky)
ту (tu)	р'ý (r'u)	ку (ku)
то (to)		ко (ko)
тъ (tъ)		къ (kъ)
та (ta)	р'а (r'a)	ка (ka)
т'и (t'i)	р'и (r'i)	
т'ě (t'ě)	р'ě (r'ě)	
т'е (t'e)	р'е (r'e)	
т'ь (t'ь)	р'ь (r'ь)	
т'ä (t'ä)	р'ä (r'ä)	

Итак, можно предварительно сказать, что только перед гласными [а] и [у] могли выступать все согласные древнерусского языка. Перед остальными гласными были возможны не все согласные: здесь действовали определенные ограничения.

Для того чтобы установить характер этих ограничений, следует рассмотреть всю систему более подробно.

Сочетаемость твердых согласных (кроме [к], [г], [х]) с последующим гласным определялась тем, что любой из этих согласных мог выступать перед любым гласным внутри и на стыке морфем. Точно так же заднеязычные [к], [г], [х] с последующими гласными непереднего образования равно выступали и внутри и на стыке морфем.

Что же касается сочетаемости мягких согласных с гласными, то здесь надо иметь в виду ряд обстоятельств.

Для того чтобы установить реальные условия функционирования мягких согласных, следует рассмотреть раздельно три группы этих согласных — мягкие шипящие, мягкие свистящие и мягкие сонорные.

Прежде всего надо иметь в виду, что внутри морфем не было вообще сочетаний [ж'д'] с гласными, ибо [ж'д'] возникало из сочетаний *zd и *zg с [j] или из сочетания *zg с последующей гласной переднего ряда, а таких сочетаний не

могло быть в праславянском языке внутри морфем. Таким образом, в древнерусском языке внутри морфем сочетались с гласными лишь [ч'], [ш'], [ж'] и [ш'ч']. Эти сочетания были достаточно разнообразны, так как шипящие выступали перед гласными [у], [а], [и], [е], [ь], [ä]; не могло быть лишь сочетания шипящего с [ě] (см. § 56 и § 82).

На стыке морфем шипящие могли сочетаться с теми же гласными, что и внутри морфем, но одновременно и с [ě]. Это объясняется тем, что в ряде падежных форм имен с древними основами на **jŏ* и **jā* древнерусский язык имел в соответствии с предполагаемым праславянским [ę̄] флексию [ě] (см. § 79).

Мягкие свистящие внутри морфем, как уже говорилось, сочетались только с [ě], на стыке же морфем они могли сочетаться со всеми гласными переднего образования, кроме [ä], и с [а] и [у].

Мягкие сонорные внутри морфем могли сочетаться лишь с [у] и ни с одной другой фонемой (о единичных случаях [н'] внутри морфем перед другими гласными см. § 56). Это объясняется тем, что сочетания мягкого сонорного с гласным могли возникнуть лишь из исконных сочетаний „сонорный + [j] + гласный", а подобных сочетаний в праславянском языке внутри морфем не было. Сочетание же „мягкий сонорный + [у]" возникало из исконного сочетания „сонорный + [eu̯]". Что касается стыка морфем, то здесь мягкие сонорные, как и мягкие шипящие, сочетались со всеми гласными переднего образования и с [у] и [а], и в этом отношении отличий между этими группами мягких не было (в памятниках не зафиксировано сочетание [н'у] внутри морфем и сочетание [н'ä] на стыке морфем).

§ 65. Если сопоставить все факты, связанные с характером сочетаемости различных согласных с гласными, то возможно установить и особенности противопоставленности согласных в тождественных фонетических позициях, т. е. в позициях перед одним каким-либо гласным. Эта противопоставленность оказывается различно выраженной для внутриморфемного положения и для положения на стыке морфем.

Во внутриморфемном положении не было такой позиции, в которой противопоставлялись бы все согласные древнерусского языка. В положении перед [ы], [о] и [ъ] противопоставлялись друг другу все твердые, включая [к], [г], [х]; перед [а] и [у] — те же согласные и шипящие [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч']. В положении перед [у] к ним присоединялись еще мягкие сонорные [р'], [л'], [н']. В позиции перед гласными передней зоны образования [и], [е], [ь] и [ä] противопоставлялись между собой все твердые согласные (кроме [к], [г], [х]), а также мягкие шипящие [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч']; в позиции перед [ě] — те же твердые и мягкие свистящие [ц'], [с'], [з'].

На стыке морфем были две позиции, в которых противопостав-

лялись все согласные древнерусского языка, — позиции перед [а] и [у]. Перед остальными же гласными противопоставление согласных было ограниченным: перед [ы], [о] и [ъ] противопоставлялись все твердые, включая заднеязычные; перед переднимн гласнымн, кроме [ä],— все согласные, кроме [к], [г], [х]; перед [ä] — все согласные, кроме заднеязычных и мягких свистящих.

Такнм образом, как и в области гласных, в системе согласных существовали частные системы протнвопоставления фонологических единиц в тождественных фонетических условиях.

§ 65. Категория твердости-мягкости согласных. Выше уже говорилось, что средн всех твердых и мягких согласных фонем было только пять пар, связанных по прнзнаку твердости-мягкости: [с] — [с'], [з] — [з'], [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н']. Остальные согласные были или непарными твердыми, нли непарными мягкими. Таким образом, категорня твердости-мягкости согласных в древнерусском языке находила свое выражение именно в указанных пяти парах фонем. Блнжайшее рассмотрение соотношений между членами этих противопоставлений обнаруживает две особенности, которые определяют специфику языка конца X — начала XI в. в данном плане. В этом отношении следует решить вопрос о характере сочетаемости парных твердых-мягких с гласными и о характере противопоставленности этнх согласных друг другу в древнерусском языке.

Если выделить из общей схемы, представленной выше в связн с рассмотрением сочетаемости согласных с гласными, те моменты, которые касаются лншь парных твердых-мягких согласных, то можно определить следующее.

Внутри морфем твердые сонорные могли сочетаться с любой гласной фонемой, мягкие же — только с [у]. Следовательно, внутри морфем твердые-мягкие сонорные противопоставлялнсь перед [у].

На стыке морфем твердые сонорные могли сочетаться также с любой гласной фонемой; мягкие же сочетались с [у], [а], [и], [ě], [е], [ь] и [ä]. Следовательно, в данном случае твердые-мягкие сонорные протнвопоставлялнсь перед перечисленными гласными.

Внутри морфем, далее, твердые свистящие могли сочетаться с любой гласной фонемой, мягкие же — только с [ě]. Поэтому твердые-мягкие свистящне противопоставлялись внутри морфем лишь перед [ě].

На стыке морфем твердые свистящие моглн сочетаться также с любой гласной фонемой, а мягкие — с [у], [а], [и], [ě], [е] и [ь]. Именно перед этими гласными осуществлялось противопоставление твердых-мягких свистящих на стыке морфем.

Такнм образом, первой особенностью древнерусского языка в отношенни категорни твердости-мягкости было то, что противопоставление парных твердых-мягких согласных по-разному осуще-

ствлялось внутри и на стыке морфем, будучи наиболее отчетливо выраженным во втором случае.

Второй особенностью системы древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости было то, что парные твердые-мягкие согласные не образовывали соотносительного ряда, или корреляции. Это значит, что в ту эпоху в древнерусском языке отсутствовали позиции нейтрализации твердых-мягких согласных, т. е. не было позиций, в которых совпадали бы в одной звуковой реализации аллофоны парной твердой и парной мягкой фонемы. Значит, твердость-мягкость согласной была ее постоянным признаком.

Известно, что в современном русском языке твердость-мягкость согласных различается, скажем, перед [а] или перед [у], но не различается перед [е]: здесь выступает только мягкий согласный. Ср., например, совр. [плра́] — [злр'а́], [по́ру] — [злр'у́], но только [плр'е́] — [злр'е́]. В древнерусском же языке такой нейтрализации твердости-мягкости не существовало, ибо во всех тех позициях, где выступали мягкие согласные, выступали и твердые. И если твердая согласная фонема, попадая в положение перед гласным переднего ряда, позиционно выступала в полумягком аллофоне, то она оставалась фонологически твердой, так же противопоставляясь мягкой, как она противопоставлялась и перед непередними гласными, перед которыми могла выступать и мягкая согласная.

Иначе говоря, если твердая фонема [р] в [пора] отличалась от мягкой [р'] в [зар'а], то в положении, например, перед [ě] полумягкий аллофон [р] в форме [порě] по-прежнему отличался от [р'] перед тем же [ě] в [зар'ě].

Отсюда нетрудно сделать вывод, что между парными твердыми-мягкими не было тех тесных связей, которые развились позже в связи с возникновением позиций нейтрализации твердости-мягкости. Близость их определялась физиолого-акустическим сходством и наличием единственного признака, противополагающего твердые-мягкие парные фонемы друг другу. Но она не определялась наличием таких их связей внутри системы, которые позволяли бы утверждать, что отношения между парными твердыми-мягкими принципиально отличались от отношений между непарными твердыми-мягкими.

§ 66. Категория глухости-звонкости согласных. В древнерусском языке парными по глухости-звонкости согласными были [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з], [с'] — [з'], [ш'] — [ж'], [ш'ч'] — [ж'д'], [к] — [г]. Остальные согласные были непарными по глухости-звонкости: [в], [м], [н — н'], [р — р'], [л — л'], [j] — всегда звонкие, в [ц'], [ч'], [х] — всегда глухие.

Внутри морфем пары [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з]

противопоставлялись перед всеми гласными, пара [с'] — [з'] — только перед [ё], пара [ш'] — [ж'] — перед [а], [у], [и], [е], [ь] и [ä]. Противопоставление парных [к] — [г] внутри морфем осуществлялось перед непередними гласными [а], [о], [у], [ы], [ъ]. Что же касается [ш͡ч'] — [ж͡д'], то они внутри морфем не противопоставлялись в силу отсутствия внутриморфемного сочетания [ж͡д'] с гласными.

На стыке морфем парные [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з] противопоставлялись перед всеми гласными фонемами, [к] — [г] — перед непередними гласными, [с'] — [з'] — перед [а], [у] и передними гласными, кроме [ä], [ш'] — [ж'] и [ш͡ч'] — [ж͡д'] — перед [а], [у] и всеми передними гласными.

Таким образом, противопоставление глухих-звонких согласных в древнерусском языке осуществлялось в позиции перед гласными и в общей системе этого языка играло фонологическую роль, выступая в качестве средства различения словоформ (например: *пити — бити, пыль — быль, тѣло — дѣло, тъска — дъска, сълъ — зълъ, семь — земь, шити — жити, шесть — жесть, кынути — гынути, кость — гость* и т. д.).

Противопоставленность глухих-звонких шумных осуществлялась также и в положении перед сонорными согласными и [в], играя и в этом случае различительную роль (например, *кромѣ — громѣ, клуби — глуби*), однако в большинстве случаев такое противопоставление не было связано с различением слов, ограничиваясь только возможностью употребления парных глухих-звонких перед одним и тем же согласным.

Однако при существовании пар глухих-звонких согласных в древнерусском языке отсутствовала та категория соотносительности согласных по глухости-звонкости, какая есть теперь в русском языке.

Как известно, современные отношения между парными глухими и звонкими согласными фонемами заключаются в том, что они могут быть противопоставлены друг другу только в определенных фонетических положениях, а именно перед гласными, перед сонорными согласными, перед [в] и [j]. Перед остальными же согласными, а также в конце слов глухость-звонкость парных по этому признаку не различается; причем в конце слов выступают только парные глухие, перед звонкими — только парные звонкие, перед глухими — только парные глухие, например: [боп] (*боб*), [роф] (*ров*), [рас] (*раз*), [гот] (*год*), [нош] (*нож*), [лок] (*лог*), [дош'] (*дождь*); [здéлат'] (сдéлать), [молод'бá] (*молотьбá*), [вогзáл] (*вокзáл*), [рéтко] (*рéдко*), [опсы́пат'] (*обсы́пать*), [ис-селá] (*из селá*), [нóшка] (*нóжка*), [лóфко] (*лóвко*) и т. д.

В древнерусском же языке конца X — начала XI в. положение было иное. Система этого языка характеризовалась, с одной стороны, тем, что в ней, как и теперь, существовали такие позиции, в которых выступали или только глухие, или только звонкие шумные — это позиции соответствующих согласных перед глухими-звонкими шумными. Но такие позиции обнаруживались лишь в редких сочетаниях двух шумных согласных, какие зафиксированы в ранних памятниках письменности (см. § 63). Наличие таких — и только таких — сочетаний шумных свидетельствовало о том, что в древнерусском языке действовал синтагматический закон распределения глухих-звонких шумных перед глухими-звонкими шумными. То, что такой закон действовал, доказывается фактом мены [с] — [з] на конце приставок *без-*, *въз-* (*воз-*), *из-*, *роз-* (*раз-*), которые исконно не имели редуцированного гласного после конечного [з] и присоединялись непосредственно к слову, начинающемуся с согласной: в зависимости от того, глухим или звонким шумным был начальный согласный слова, приставка выступала или с [с], или с [з]. Сопоставление древнерусских групп „глухой шумный + глухой шумный" и „звонкий шумный + звонкий шумный" с приставочными образованиями на [с] — [з] показывает, что в мене [с] — [з] в этих образованиях действовал не процесс оглушения-озвончения конечного согласного приставки, а синтагматический закон распределения глухих-звонких шумных перед глухими-звонкими шумными.

Однако возможность установления позиционной мены [с] — [з] в приставочных образованиях и в более редких случаях в инфинитивах типа *вести — везу*, *лѣсти — лѣзу* отделяет эту пару глухого-звонкого шумного от других пар таких же глухих-звонких шумных, ибо для последних позиционной мены в древнерусском языке установить нельзя. Поэтому только для пары [с] — [з] можно говорить о наличии каких-то внутренних связей между глухими-звонкими шумными.

В то же время отсутствие глухих-звонких шумных в абсолютном конце слова (что определялось законом открытого слога) не создавало условий для нейтрализации глухости-звонкости в этом положении. Именно поэтому можно утверждать, что в древнерусском языке связь между глухими-звонкими парными определялась только физиолого-акустическими факторами и наличием единственного признака, противополагающего эти согласные друг другу.

§ 67. Позиционная мена согласных. Рассмотрение всей системы согласных фонем древнерусского языка дает возможность установить характер их позиционной мены, свойственной данному языку в период конца X — начала XI в.

Здесь прежде всего необходимо учесть, что мягкие согласные фонемы не образовывали никаких рядов, включающих их пози-

ционные разновидности: в любой позиции, где употреблялась мягкая согласная, она выступала всегда в одном, постоянно присущем ей виде.

Позиционные разновидности образовывали твердые согласные фонемы (кроме [к], [г], [х]): в положении перед гласными переднего образования они, испытывая воздействие этих гласных, выступали в полумягких аллофонах. Таким образом возникали ряды: [п] // [п'], [б] // [б'], [в] // [в'], [м] // [м'], [т] // [т'], [д] // [д'], [с] // [с'], [з] // [з'], [н] // [н'], [л] // [л'], [р] // [р']. Эти ряды позиционной мены были параллельными, непересекающимися.

Парные глухие-звонкие в целом не образовывали позиционных разновидностей и рядов позиционной мены. Такая позиционная мена возникала лишь в одном случае — тогда, когда образовывались слова с приставками на [з].

Таким образом, в древнерусском языке конца X — начала XI в. господствовал параллельный тип позиционной мены согласных.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ [Р], [Л] И ПЛАВНЫХ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ

§ 68. В фонетической системе древнерусского языка существовали особые сочетания редуцированных [ъ] и [ь] с плавными согласными [р] и [л] в позиции между двумя согласными. Эти сочетания могли быть двух типов: в одном случае редуцированный гласный находился в положении перед плавным, в другом он был в положении после плавного. Если обозначить согласные, между которыми могли оказаться эти сочетания, через [т] (t), то древнерусские сочетания редуцированных с плавными могут быть выражены в таких формулах : I тип сочетаний выступал в виде [търт], [тьрт], [тълт] ([tъrt], [tьrt], [tъlt]) (сочетание типа [тълт] ([tьlt]) отсутствовало в результате изменения [ь] в [ъ] под влиянием твердого [л] ([l]); см. § 90); II тип сочетаний — в виде [трът], [трьт], [тлът], [тльт] ([trът], [trьt], [tlът], [tlьt]). К словам, имеющим в своем составе сочетания I типа, относились, например, такие, как *гърдъ, кърмъ, гърло, гърбъ, твьрдъ, дьржати, чьрнъ смьрть, дьрзъкъ, дьргати, вьрхъ, пълкъ, дългъ, тълстъ, вълкъ, вълна* и т. п. К словам, имеющим в своем составе сочетания II типа, относились такие, как *кръвь, бръвь, дръва, кръшити, брьвьно, трьвога, трьть, блъха, глътъка, плъть, клъкъ, бльскъ, пльскъ* и т. п.

Рассматривая эти сочетания, можно совершенно определенно установить, что слова II типа в отношении их слоговой структуры характеризовались открытостью слогов: каждый слог этих слов оканчивался на слоговой гласный звук. В силу этого фонетическая интерпретация написаний подобных слов ясна.

Более сложно, с этой точки зрения, обстоит дело со словами I типа сочетаний. В подобного рода словах носителем слога, слоговым элементом был редуцированный гласный. В силу этого слогораздел мог проходить или после редуцированного, или после плавного. Если слогораздел проходил после плавного, то [р] и [л], отходя к предшествующему слогу, приводили к его закрытости. Возможно, что в этом определенном случае в диалектах древнерусского языка образовывались и сохранялись новые закрытые слоги. Однако слогораздел мог проходить и после [ъ] или [ь], и тогда плавный примыкал к следующему за ним согласному. В этом случае плавный развивал, как видно, вторичную слоговость и, таким образом, в этих словах образовывался новый слог. Иначе говоря, в слове, скажем [търгъ] было не два слога ([тъ | ргъ]), а три: [тъ | р̥ | гъ], причем все они были открытые. Возможно, что отражением произношения слогового плавного в такого рода словах являются относительно часто встречающиеся в памятниках письменности написания их с редуцированными знаками по обеим сторонам плавного: *скърьбь, зьрько, мьрьтвъ, пьрьстъ, стълъпъ* и т. п. Подобные написания встречаются в ранних памятниках древнерусской письменности (например, в Остромировом евангелии, в Новгородских мнинеях 1095 г.), и поэтому появление их не может быть связано с падением редуцированных в древнерусском языке, а следовательно, оно не связано и с явлением так называемого второго полногласия, возникшим в диалектах этого языка в результате процесса утраты [ъ] и [ь] (см. § 112).

Некоторые ученые (И. В. Ягич, А. А. Шахматов) видели в написаниях таких слов с редуцированными знаками по обеим сторонам плавного в какой-то степени чисто графическое явление, а именно — проявление стремления писцов объединить древнерусский и старославянский принципы передачи на письме слов с сочетаниями редуцированных с плавными.

Как известно, в тех словах, где у восточных славян произносились сочетания типа [търт], в старославянском наличествовали слоговые плавные (т. е. др.-русск. [търгъ] в старославянском соответствовало [тр̥гъ]), которые в письменности передавались написанием редуцированного после плавного: **тръгъ**. Следовательно, древнерусские писцы, произносившие в своем родном языке рассматриваемые слова с редуцированным перед плавным, переписывая старославянские памятники, встречали в них противоположные написания этих же слов — с редуцированным после плавного. Это обстоятельство и могло вызвать графическое явление объединения древнерусского произношения и старославянского написания при передаче подобных слов.

Однако все-таки возможно, что в написаниях типа *скърьбь* или *пьрьстъ* отражается фонетическое явление произношения слогового плавного, и в этом случае интерпретация звукового значения написания двух букв *ъ* или *ь* должна быть различна. В этом случае буква *ъ* или *ь* перед *р* или *л* обозначала редуци-

рованный гласный, относящийся к предшествующему слогу, а буква *ъ* или *ь* после плавных не имела самостоятельного звукового значения и обозначала лишь слоговой характер [р] или [л].

Возможность наличия в древнерусском языке в словах рассматриваемого типа слоговых плавных доказывается дальнейшей судьбой этих слов в истории диалектов русского языка, связанной с падением редуцированных (см. § 112).

ДРЕВНЕЙШИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 69. Фонетическая система древнерусского языка конца X — начала XI в. выше была представлена как единая для всех носителей этого языка, т. е. как такая, которая характеризовалась полным тождеством составляющих ее элементов на всей территории распространения древнерусского языка. Однако в действительности древнерусская фонетическая система знала, без сомнения, диалектные различия, которые определяли местные разновидности языка восточных славян.

Правда, мы не имеем возможности восстановить все диалектные особенности, которые могли характеризовать древнерусский язык эпохи конца X — начала XI в., так же как и определить точные границы распространения даже предполагаемых диалектных черт. Однако некоторые существенные моменты в диалектном варьировании фонетической системы древнерусского языка могут быть установлены с достаточной долей вероятности. И прежде всего в этом плане возможно определить те диалектные черты, которые характеризовали язык восточных славян исходного периода.

По мнению Р. И. Аванесова, для эпохи конца X — начала XI в. возможно предполагать наличие следующих диалектных особенностей в области фонетики. На восточнославянском севере и северо-западе существовало цоканье, т. е. неразличение фонем [ц'] и [ч'] — наличие в системе лишь одной из этих аффрикат. На восточнославянском юге развилось изменение [г] в [γ], в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На узкой западной территории, возможно, сохранялись древние сочетания *tl*, *dl*. На северо-западных землях были диалекты, не пережившие изменения [к], [г], [х] в свистящие перед гласными переднего образования. Кроме того, отдельные территории распространения древнерусского языка отличались друг от друга тем, что в некоторых диалектах была не губно-зубная ([в]), а губно-губная фонема [w].

§ 70. Цоканье. Цоканье является одной из древнейших диалектных черт русского языка. В новгородских памятниках XI в. оно обнаруживается в виде смешения букв *ц* и *ч* (например, в Новгородской минее 1095 г.: *цр҃ьво, коньчь, паличею*). Цоканье

отмечается и в памятниках тех русских земель, которые были колонизованы Новгородом: в псковских памятниках XIV в., в двинских XV в., в вологодских XVI в. Оно, наконец, известно в смоленских и полоцких памятниках XIII в.

В этих памятниках можно встретить написания на месте этимологического *ц* буквы *ч* и наоборот. Например, в Новгородской летописи по Синодальному списку: *вѣцѣ* вм. *вѣчѣ*, *половьцьскыми* вм. *половьчьскыми*, *сѣцѧ* вм. *сѣчѧ*, *концѧша* вм. *кончѧша* и т. д., и наоборот: *чело* вм. *цѣло*, *половьчь* вм. *половьць*; в новгородских берестяных грамотах: *лисичь*, *вѣверичь*, *с сочкыми*; в „Русской Правде" 1282 г.: *володимирича*; в грамоте Варлаама Хутынского: *цьто*; в Смоленской грамоте 1229 г: *купчи* вм. *купци*, *купьчь* вм. *купьць*, *гочкъмь* вм. *гоцкъмь* < *готскъмь* < *готьскъмь*; в Псковском апостоле 1307 г.: *сконцашасѧ* вм. *скончашасѧ*, *нацалника* вм. *начальника* и наоборот: *старьчи* вм. *старьци*, *нечий* вм. *неций*. Ср. также в „Слове о полку Игореве" *ч* вм. *ц*: *вѣчи* (имен. мн. от *вѣкъ*), *лучи* (от *лукъ*), *галичкы*, *сыновчѧ* (зват. форма), и наоборот, *ц* вм. *ч*: *луце* (наречие), *русици*, *словутицю*.

Подобная мена букв в памятниках письменности связана, без сомнения, с неразличением [ц'] и [ч'] в говоре писцов, т. е. с цоканьем.

Таким образом, цоканье охватывает северные и северо-западные территории древней Руси. Известно, что А. А. Шахматов считал цоканье чертой, свойственной всей северной группе восточнославянских племен — словенам и кривичам. Но если бы это было так, то цоканье должно было бы быть в Ростово-Суздальской земле, населенной потомками кривичей. Однако в ростово-суздальских памятниках смешение букв *ц* и *ч* появляется лишь в отдельных случаях. Например, в Лаврентьевской летописи отмечены написания слов со смешением букв *ц* и *ч*: *робичица* вм. *робичича*, *около Торопчѧ* вм. *Торопцѧ*, *сѣцѧхоусѧ* вм. *сѣчѧхоусѧ*. Единичность этих примеров вызывает сомнение, действительно ли „цокал" писец этой летописи. Возможно, что в связи с ее составлением по местным летописям в нее могло проникнуть цоканье как черта этих местных источников: в числе тех летописей, на основе которых составлялся Лаврентьевский список, могли быть по происхождению и новгородские.

В других памятниках Ростово-Суздальской Руси отмечено также очень мало случаев смешения букв *ц* и *ч*, а в ряде памятников этой территории они не встречаются совсем.

Поэтому можно думать, что в Ростово-Суздальской земле, у кривичей, цоканья не было. Трудно установить, было ли цоканье известно в других областях древней Руси, так как ранних памятников, относящихся к ряду иных территорий, до нас не дошло.

Каковы причины возникновения цоканья?

На этот счет есть две гипотезы. Одна, принадлежащая А. А. Шахматову, заключается в том, что возникновение цоканья связывается с влиянием „ляшских" (польских) говоров. Извест-

но, что в ряде польских диалектов наблюдается замена шипящих звуков свистящими ([ш — с], [ж — з], [ч — ц]) — явление так называемого мазурения. Влиянием таких мазуракающих польских говоров А. А. Шахматов и объяснял возникновение цоканья в древнерусских северных диалектах.

Иная точка зрения, которой придерживались И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. И. Чернышев, основывается на том, что цоканье возникло в древнерусском языке в результате влияния финно-угорских языков, с которыми восточнославянские диалекты издавна находились в тесном взаимодействии. Известно, что в ряде финских языков нет двух звуков [ц] и [ч], а есть лишь один (например, в языке коми есть только звук [ч]). Эта черта могла повлиять на соседние с финскими русские говоры, в результате чего и возникло цоканье.

Таким образом, обе эти теории указывают на иноязычное влияние как на причину возникновения цоканья. Однако первая гипотеза не может считаться состоятельной уже потому, что цоканье распространено не только в областях, граничащих с западом, и даже не в пределах новгородской колонизации. Так, например, цоканье есть в рязанских мещерских говорах, где его возникновение не было связано с влиянием со стороны Новгорода или каких-либо иных цокающих диалектов.

По этому поводу Р. И. Аванесов писал: „Цоканье является общей чертой всех говоров восточного Подмосковья и северной части Рязанской области — территории так называемой рязанской мещеры... Принимая во внимание, с одной стороны, что все эти черты отсутствуют в соседних говорах за пределами территории мещеры... и, с другой стороны, что говоры рязанской мещеры в то же время весьма различны по своему строю ... нельзя не прийти к выводу, что указанные выше черты (и прежде всего цоканье.— *В. И.*) в этих говорах ... представляют собой черты мещерской подосновы (притом сравнительно позднего времени)“ (Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ.— 1947.— № 9.— С. 119).

Вторая гипотеза имеет под собой больше почвы, и ныне финское влияние признается многими учеными как причина возникновения цоканья. Однако вместе с тем обращают внимание и на то, что не только это влияние сыграло роль в возникновении данного явления, но что в системе самого русского языка были условия, которые помогли развитию цоканья.

Дело заключается в том, что, возникнув в разные периоды дописьменной истории (см. § 82), звуки [ц'] и [ч'], являясь самостоятельными фонемами, не были в то же время такими, противопоставление которых служило единственным средством различения разных словоформ. Известно, что если в современном русском языке мы можем противопоставить, с одной стороны, слова [час] — [вас] — [нас] — [бас] — [пас] — [рас] и т. д., а с другой — [цел] — [б'ел] — [м'ел] — [п'ел] — [с'ел] и т. д., то най-

ти слова, различающиеся между собой только звуками [ц] и [ч], почти нельзя: такие пары слов, как [цех] — [ч'ех], [цóк]ать — [ч'óк]ать, [цáп]ать — [ч'áп]ть, не меняют положения, так как это или относительно новые и нерусские в своей основе слова, или специальные термины, или, наконец, образования на базе звукоподражания. Следовательно, подобного типа слов не было в древнерусском языке, как и вообще не было корневых морфем, противополагавшихся друг другу только фонемами [ц'] и [ч'].

Однако в то же время надо иметь в виду, что в древнерусском языке противопоставление [ц'] и [ч'] на стыке корневой и флективной морфем могло иметь такой характер, что при помощи этого противопоставления различались разные словоформы, и поэтому неразличение [ц'] и [ч'] могло привести к развитию омонимов. Это наблюдалось, во-первых, в противопоставлении некоторых имен существительных с основой на *-ц(ь)* и однокорневых с ними притяжательных прилагательных на *-ч(ь)*, исконно образованных с помощью суффикса [j]: *заяць — заячь, корабльць — корабльчь, льстьць — льстьчь, ловьць — ловьчь, отьць — отьчь, письць — письчь, пътица — пътича, старьць — старьчь, сълньце — сълньче, тельць — тельчь* и др. Во-вторых, это обнаруживается в нескольких иных парах словоформ: *куца* („хижина") — *куча, ниць — ничь* („ничто"), *тьмьница — тьмьнича* (прилаг. от *тьмьникъ* — „тысячник") и др. Известно, что притяжательные прилагательные с древним суффиксом [j] были относительно рано утрачены древнерусским языком. Что же касается второй группы противопоставленных слов, то и здесь в истории языка один член этой пары также был утрачен в развитии русского языка. Поэтому можно считать, что опасность омонимии при возникновении цоканья в подобных случаях была ничтожно мала и не могла воспрепятствовать развитию данного явления.

Таким образом, в целом можно утверждать, что замена звука [ч'] на [ц'] (или наоборот) не вела и не ведет ни к появлению нового слова, ни к развитию омонимии, т. е. не ведет к нарушению взаимопонимания людей. Это обстоятельство могло облегчить иноязычное влияние, обусловившее возникновение цоканья. Следовательно, иноязычное воздействие в данном случае было облегчено внутренним состоянием системы русского языка.

§ 71. Качество фонемы [г]. Известно, что в говорах современного русского языка есть два типа образования звонкой заднеязычной согласной фонемы: взрывной ([г]) и фрикативный ([γ]). Последний распространен в южновеликорусском наречии. На восточнославянской почве известно еще так называемое [h] ([г] гортанное или фарингальное), характерное для украинского и белорусского языков. Как показывает сравнительная грамматика славянских языков, исконно существовал один звук — [г], а [γ] и [h] являются новообразованиями, последовательными этапами развития первоначально одного звука: с

ослаблением взрыва ([γ]) и передвижкой артикуляции назад ([h]).

Предполагают, что различное образование [г] существовало уже в довольно древнюю эпоху. Однако доказать это трудно, так как то, что можно теперь услышать, не всегда возможно установить на основании письма: в памятниках письменности употребляется только одна буква — *г*, и трудно решить, какой звук скрывался за ней. В более поздний период это иногда облегчается установлением глухой пары [г]: если в положении оглушения [г] в памятниках пишут *х* (например, *денех, слух* = слуг) или *к* (*нок, скѣк*), то можно думать, что в других положениях произносился звук фрикативного или взрывного образования, ибо обычно [г] оглушается в [к], а [γ] — в [х]. Выше (§ 30) уже говорилось, что, по мнению А. А. Шахматова, [γ] существовало в Киеве уже в X в., однако основания, на которых покоились его убеждения, были очень шаткими.

Предполагают также, что о фрикативном образовании [г] на юге древней Руси XI в. свидетельствует подпись французской королевы Анны Ярославны. Дочь Ярослава Мудрого — Анна, вдова Генриха I, выросшая в Киеве, оставила свою подпись, сделанную кириллическими буквами, на одной из латинских грамот 1063 г. Эта подпись состоит из двух слов: **ана ръина**, т. е. *Anna regina* — „Анна королева". В слове *regina* пропущена буква *g*, что возможно, связано с чуждостью для Анны взрывного образования [g] латинского языка. Именно на этом основании и предполагают, что в XI в. в Киеве уже был [γ]. Однако это основание не может считаться достаточно веским, так как в написании **ръина** может отражаться старофранцузское произношение данного слова reine „королева".

Пожалуй, бесспорные доказательства, по которым можно судить о характере [г], есть только для более позднего времени. Так, в галицийских грамотах XIV в., написанных по-латыни, при передаче русских слов со звуком [г] пишется латинское *h*, а не *g*, что может свидетельствовать о несоответствии характера русского [г] взрывному [g] латинского языка (ср. *Hodovica* — в грамоте 1371 г., *haliciensis* — в грамоте 1375 г., *hlubokiego* — в грамоте 1451 г.)

В западных памятниках XIV — XV вв., написанных на западнорусском (древнебелорусском) языке, отмечено написание слов, заимствованных из польского и литовского языков со звуком [г], через сочетание *кг: скирикгаило* вместо *скригаило, кгедроитские князи, буркгмистру, паркгаминъ, кгды.* Такое написание может говорить именно о фрикативном характере русского [г], ибо чужой взрывной звук отличался, как видно, от русского как раз наличием взрыва; написание *к* перед *г*, вероятно, и „восстанавливало" взрыв перед этим звуком.

Если в северных памятниках наличие [γ] отражается в позднее время, то возможно, что в южных диалектах оно было раньше

Возможно, что факты написания *х* вместо *г* в древних памятниках южнорусского происхождения (*ходъ, кънихчии* — Изб. 1073 г., *хрѣха* — Сл. Григ. Бог. XI в.) свидетельствуют о ранней тенденции обозначать таким образом фрикативный согласный [γ]. Поэтому кажется справедливым предположение Р. И. Аванесова о возникновении [γ] приблизительно в XI — первой половине XII в. на территории Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств, а также в Рязанской земле.

Что касается фонологической стороны рассматриваемого явления, то в этом плане между диалектами, имевшими [г], и диалектами, имевшими [γ], не было принципиальных различий: как сам количественный состав согласных фонем, так и общие их соотношения были одинаковыми в обеих группах древнерусских говоров. Это объясняется тем, что [г] и [γ], будучи равно заднеязычными, могли сочетаться с одними и теми же гласными непереднего образования и противопоставляться другим согласным фонемам в одних и тех же фонетических позициях.

§ 72. Диалектные группы [кл], [гл]. Одной из древних особенностей псковских говоров является произношение на месте праславянских сочетаний [tl], [dl] сочетаний [кл], [гл].

Как уже говорилось, общеславянские сочетания [tl], [dl] у восточных славян изменились в [л]. Ср. о.-слав. *mydlo* и др.-русск *мыло*, о.-слав. *gъrdlo* и др.-русск. *гърло*; о.-слав. *pletlъ* и др.-русск. *плелъ* и т. д. (см. § 46).

Однако, наряду с такой общерусской судьбой сочетаний [tl], [dl], ряд памятников Пскова (а отчасти и Новгорода) XIV — XVI вв. отражает явление как бы сохранения этих сочетаний в виде [кл], [гл]: *повегли* (из [povedli]), *блюгли* (из [bludli]), *чькли* (из [č'ьtli]), *соустрѣкли* (из [-strětl]).

При этом надо иметь в виду, что [кл], [гл] наблюдаются на месте [tl], [dl] не везде, а большей частью в причастиях прошедшего времени на *-л* (нет, например, *мыгло* вместо *мыло*); поэтому некоторые ученые полагают, что произношение [кл], [гл] возникло в результате изменений не древних сочетаний согласных, а тех [тл], [дл], которые возникли под влиянием форм настоящего времени. Таким образом, из древнего [vedli] возникло [veli] — [велѝ], а под влиянием [ведý], [ведéши] вновь развилось [ведлѝ], из которого [веглѝ]. Однако существует мнение и о том, что в явлении [кл], [гл] на месте праславянских [tl], [dl] надо видеть сохранение древней балто-славянской межъязыковой особенности.

В фонологическом плане наличие групп [кл], [гл] в некоторых древнерусских говорах не играло какой-либо существенной роли, так как этот факт не затрагивал наиболее важных сторон фонологической системы в области согласных — ни состава согласных фонем, ни их сочетаемости с гласными, ни их противопоставленности в тождественных фонетических условиях. Даже

с точки зрения распространенности согласных перед согласными диалекты, знавшие сохранение групп [кл], [гл], ничем не отличались от диалектов, не знавших этого явления, так как сама фонологическая система всего древнерусского языка разрешала существование таких групп (см. § 63).

§ 73. В новгородских берестяных грамотах обнаружилась еще одна древняя диалектная черта, распространенная на северо-западных территориях,— отсутствие результатов палатализации заднеязычных [к], [г], [х] перед гласными [ě] и [и] дифтонгического происхождения. Изучивший эти грамоты А. А. Зализняк установил, что в таких написаниях в этих грамотах, как *кѣле* (№ 247), *хѣри* (№ 130), *(г)ѣздъкѣ*, отражается сохранение [к], [х] и [гв] перед [ě] (с результатом второй палатализации эти формы выступают в виде *цѣлъ, сѣрь* („серая материя"), *звѣздъка* (см.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 — 1983 годов).— М., 1986.— С. 111—119). То, что в корнях этих слов действительно можно видеть отсутствие результатов второй палатализации, подтверждается наличием и в современных диалектах корней *кев-, кед-, кеп-, квет-, квел-* в соответствии с общерусскими *цев-, цед-, цеп-, цвет-, цвел-*, а также зафиксированностью слова *гвязда* в онежских былинах.

Такая же картина наблюдается и тогда, когда сочетания заднеязычных с передними гласными оказываются на стыке основы и окончания, например: *на отроке* (№ 241), *на лугѣ* (№ 256), *блдке* (№ 155), *къ тьтоке* (№ 346), *съхѣ* (№ 142), *не моги* (№ 227), *на волоки* (№ 2), *могить* (№ 411), *пристриги* (№ 546). По-видимому, к этим примерам надо отнести и форму собств. имени писца новгородских служебных миней 1095 и 1096 гг. *Домки — Дъмъкѣ* (два раза в приписке), которая традиционно трактовалась как форма с „восстановленным [к] вместо [ц] под влиянием других падежных форм этого имени".

Общая картина такова, что, судя по материалам берестяных грамот, на северо-западе, на территориях, относящихся к Новгороду и Пскову, в XI — XII вв. были диалекты, никогда не знавшие второй палатализации заднеязычных перед гласными переднего ряда (в бытовых берестяных грамотах примеры с отражением результатов второй палатализации появляются лишь в XIV — XV вв. как заимствования из книжного языка).

§ 74. Вопрос о характере фонемы [в]. Этот вопрос в истории русского языка решается несколько по-разному. Существует точка зрения, согласно которой в древнейшую эпоху в языке восточных славян согласный [в] был билабиальным, губно-губным, т.е. сохранял то свое качество, которое было ему свойственно в праславянскую эпоху. С другой стороны, есть предположения, что в X — XI вв. этот согласный был уже таким, каким он является во многих диалектах современного русского языка

и в его литературной форме, т. е. губно-зубным. Наконец, некоторые лингвисты полагают, что к эпохе конца X — начала XI в в отдельных восточнославянских диалектах был губно-зубной [в], а в других билабиальный [w], что, по-видимому, является справедливым.

Дальнейшая судьба этой фонемы в русских говорах (см. § 120) позволяет утверждать, что различие [в] и [w] может быть отнесено к начальной эпохе развития древнерусского языка. Правда, это предположение не может быть доказано точно, как не может быть определена широта распространенности той или другой фонемы на древнерусской территории. Если рассмотренные выше диалектные особенности могли быть хотя бы в самом общем плане прикреплены к южным, северным или северо-западным землям древней Руси, то в отношении [в] и [w] это представляется вообще невозможным. Однако то, что древнерусский язык конца X — начала XI в. мог знать по диалектам как образование [в], так и образование [w],— вполне вероятное предположение.

Вместе с тем, как и в отношении [г] и [γ], следует иметь в виду, что в фонологическом плане различие [в] и [w] по диалектам не играло принципиальной роли. Количественный состав и общие соотношения согласных фонем в диалектах с [в] и в диалектах с [w] совпадали, была одинаковой сочетаемость этих фонем с последующими гласными и одни и те же условия противопоставленности данных согласных другим согласным языковой системы.

§ 75. Таким образом, каждое из рассмотренных диалектных явлений так или иначе оказывало влияние на функционирование древнерусской системы согласных фонем — в одних случаях, как при цоканье, это влияние было относительно значительным, в других, как при сохранении [tl], [dl],— ничтожным. Но в любом случае эти явления затрагивали лишь определенные звенья или даже одно звено системы, не приводя к ее коренному изменению. Фонологическая система древнерусского языка, таким образом, оставалась единой на всей территории его распространения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ.— 1947.—№ 9.— С. 119; Очерки диалектологии Рязанской мещеры. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии.— Ч. I.— 1949.— С. 226—230; Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания.— 1952.— № 6; Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // Вопросы языкознания.— 1955.— № 5; Фонетика современного русского литературного языка.— М., 1956.— С. 23—28, 42, 88—89.

Васильев Л. Л. О случае сохранения общеславянской группы *dl* в одном из старых наречий русского языка // Русский филологический вестник.— 1907.— № 4.

Марков В. В. Замечания о втором полногласии в русском языке // Ученые записки Казанского ун-та.— 1958.— Вып. 15.

Орлова В. Г. Цоканье в русских говорах // Ученые записки МГУ.— 1958.— Кн. 1.— С. 91—103.

Селищев А. М. Старославянский язык.— М., 1951.— Ч. I.— С. 129—130.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— 1907.— С. 19—29, 34—45.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М., 1962.— С. 184—188; Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— М., 1972.

Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка.— Ч. I.— Пг., 1916.— С. 54—57; Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии.— Пг., 1915.— Вып. 11.— Ч. I.— С. 215—318.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ЕГО РАЗВИТИЯ

§ 76. Звуковая система древнерусского языка, как она засвидетельствована его первыми памятниками письменности, унаследована в целом из праславянской эпохи; основные элементы этой системы являются общими для всех славянских языков, хотя, конечно, это не исключает и специфических особенностей, свойственных частным системам языка отдельных групп славянства.

Поэтому, рассматривая древнерусскую звуковую систему в сравнительно-историческом плане, необходимо, с одной стороны, установить те элементы в этой системе, которые являются общеславянскими, т. е. не только возникшими в праславянском языке, но и свойственными в равной мере всем славянам, а с другой — те элементы, которые, возникнув даже в праславянскую эпоху, являлись особенностями, присущими только восточным славянам и составлявшими специфику их языка.

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ИЗ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЭПОХИ

§ 77. Структура слога. Как говорилось выше, фонетическая система древнерусского языка к моменту появления письменности характеризовалась двумя особенностями, связанными со структурой слога: открытостью его и сингармоничностью. Обе эти особенности были унаследованы древнерусским языком из общеславянского языка-основы.

Закон открытого слога, возникший в определенный период праславянской эпохи, привел к перестройке всей фонетической системы праславянского языка. „Переход закрытых слогов в открытые . . . составляет содержание истории праславянского языка последних веков дохристианской эры и первой половины I тысячелетия н. э. Непосредственно или опосредованно с ним связаны почти все фонетические процессы праславянского языка данной эпохи“. (Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1961.— С. 183).

Как известно, преобразование фонетической системы праславянского языка в результате действия закона открытого слога

выразилось в целом ряде важнейших изменений в звуковом строе этого языка. В частности, это выразилось в утрате конечных согласных и в упрощении групп согласных, в изменении дифтонгов в монофтонги и в преобразовании дифтонгических сочетаний, ибо все эти явления, характерные для общеиндоевропейского языка, могли существовать лишь до тех пор, пока сохранялись закрытые слоги. Возникновение тенденции к открытости слога обусловило развитие процессов утраты таких явлений. Именно поэтому, например, из о.-и.-е. [*olkomŏs] возникло о.-слав. [lakomъ] „лакомый", так как дифтонгическое сочетание [ol], создававшее закрытый слог ([ol/ko/mŏs]), пережило изменение в [la], а конечный согласный [s], также образовывавший закрытый слог, утратился. Или, например, из о.-и.-е. [*genām] возникло о.-слав. [ž'enǫ], так как из дифтонгического сочетания [ām], создававшего на конце слова закрытый слог, развился гласный звук [ǫ] ([o] — носовое); точно так же из о.-и.-е. [*koi̯na] развилось о.-слав. [c'ěna], так как дифтонг [oi̯] изменился в монофтонг [ě], и т. д.

Не останавливаясь подробно на всех этих процессах, носящих праславянский характер (все они являются предметом специального рассмотрения в курсе старославянского языка), можно коротко сказать, что в результате действия закона открытого слога были утрачены конечные согласные [t], [s], [d], [n] (например, в форме 3-го л. аориста *reč'et* > *reč'e*, в существительных муж. р. и местоимениях ср. р.: *plodŏs* > *plodъ, tod* > *to* и т. д.) и упростились такие группы согласных, как [pt], [bt] (> [t]), [tn], [dn], [pn], [bn] (> [n]), [tm], [dm] (> [m]), [ts], [ds], [ps], [bs] (> [s]) и некоторые другие (например, **dolbto* > **dolto*, русск. *долото*, ср. *долбить;* **vędnǫti* > **vęnǫti*, русск. *вянуть*, ср. *увядать;* **sъrpъ* > **sъpъ*, русск. *сон*, ср. *спать;* **gybnǫti* > **gynǫti*, русск. *(с)гинуть*, ср. *гибель;* **dadmь* > **dasь*, русск. *дам*, ср. *дадут;* **dadsi* > **dasi*, др.-русск. *даси*, ср. *дадут;* **opsa* > **osa*, русск. *оса*, ср. лит. *vapsà* и т. д.). Вместе с тем изменение групп согласных осуществлялось в праславянском языке не только путем упрощения их, т. е. утраты одного из двух (или даже из трех) согласных, но и путем замены одного звука другим; в этом случае группа согласных сохранялась, но она становилась такой, какая могла входить в пределы одного слога. Так произошло, например, с группами [*tt] и [*dt], где изменение их было осуществлено путем расподобления согласных: на месте групп, состоящих из двух взрывных звуков, возникла группа, в которую входили фрикативный и взрывной — [st]. Например: **metti* > *mesti*, русск. *мести*, ср. 1-е л. *мету*; **vedti* > *vetti* > *vesti*, русск. *вести*, ср. 1-е л. *веду* и т. д. Если в группе [*tt] или [*dt] слогораздел проходил между двумя согласными и потому предшест-

вующий слог оказывался закрытым, то группа [st] целиком отходила к последующему слогу.

В результате действия закона открытого слога произошло изменение в монофтонги всех дифтонгов, в состав которых в качестве слоговых элементов входили гласные [e], [ē > ě], [o], [a], а в качестве неслоговых — [i̯] и [u̯] (т. е. дифтонги [ei̯], [eu̯], [ēi̯], [ēu̯], [oi̯], [ou̯], [ai̯], [au̯]. Дифтонги подверглись такому изменению в положении перед согласным. В этом же положении монофтонгизировались и дифтонгические сочетания гласных с носовыми согласными [m] и [n] (т. е. сочетания [em], [en], [om], [on], [am], [an] и т. д.). Что же касается дифтонгических сочетаний гласных с плавными согласными [r] и [l], то они в положении перед согласными также не сохранились, но изменение их шло не путем монофтонгизации, а иными путями, которые требуют специального рассмотрения (см. § 88—90).

Все эти праславянские процессы в ряде случаев имели специфические особенности в отдельных славянских языковых группах, и поэтому в дальнейшем отдельные из них будут рассмотрены подробнее. В основном отличия между разными славянскими языковыми группами проявились в судьбе дифтонгических сочетаний гласных с плавными. Что же касается судьбы конечных согласных, групп согласных и дифтонгов, то кратко описанные выше процессы, связанные с их изменениями, равно коснулись всех славян, и поэтому в данном отношении различий между славянскими языками нет, если не считать сохранения групп [tl], [dl] у западных славян (см. § 46).

Закон слогового сингармонизма, возникший, так же как и закон открытого слога, в праславянскую эпоху, обусловил ряд изменений в фонетической системе праславянского языка. Пожалуй, наиболее важными здесь являлись изменения заднеязычных согласных [k], [g], [ch] под влиянием гласных переднего ряда. Эти изменения, связанные с приспособлением артикуляции согласных к артикуляции гласных, имели такой характер, который позволил им развить процессы, приведшие к образованию новых согласных фонем (см. § 82).

Однако закон слогового сингармонизма проявился и в другом отношении, а именно — в изменении гласных после мягких согласных. Правда, эти изменения носили в общем ограниченный характер, но вместе с тем с ними связаны не только фонетические, но и морфологические явления. Речь идет о том, что в некоторых случаях при образовании падежных форм в положении после мягкого согласного мог оказаться гласный непереднего образования; в этих случаях непередние гласные изменялись в звуки передней зоны: [ъ] — в [ь], [o] — в [e], [y] — в [i], а также, возможно, [u] — в [ʼu], [a] — в [ʼa], [ǫ] — в [ʼǫ].

Например, если в твор. пад. ед. ч. у слов жен. р. с древней основой на *ā* исконным славянским окончанием было [-ojǫ], то оно

сохранилось лишь в твердом варианте склонения этих слов ([rǫkojǫ], русск. *рукою*), тогда как в мягком оно выступает в виде [-ejǫ] ([duš'ejǫ], русск. *душою*, где [о] из [е] в более позднюю эпоху). Изменение [о] в [е] в данном окончании было вызвано тем, что после мягкого согласного не сохранялся гласный непереднего образования. В приведенном примере процесс изменения шел, вероятно, так: **duchjojǫ* > *duš'ojǫ* > *duš'ejǫ*. Ср. также *stolъ* и *kon'ь*, *selo* и *pol'e*, *vъlky* и *kon'i* и т. д. Вообще говоря, именно эти изменения и вызвали возникновение различий между твердым и мягким вариантами склонения слов муж. и ср. р. с основой на *ō* и жен. р.— на *ā*.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СИСТЕМАМ ГЛАСНЫХ ПРАСЛАВЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 78. Состав и система гласных древнерусского языка были также унаследованы из праславянского. Они были унаследованы в том их состоянии, какое сложилось в конце существования общеславянского единства.

Общеславянские гласные звуки, унаследованные древнерусским языком, соответствуют определенным звукам других индоевропейских языков.

Так, общеславянское [а] соответствует и.-е. [ā] и [ō].

Ср. о.-слав. **mati*, ст.-слав. мати, др.-русск. *мати* — лат. *māter;*

о.-слав. **bratrъ*, ст.-слав. братъ, братръ, др.-русск. *братъ* — лат. *frāter;*

о.-слав. **darъ*, ст.-слав. даръ, др.-русск. *даръ* — лат. *dōnum.*

Общеславянское [о] соответствует и.-е. [ă] и [ŏ].

Ср. о.-слав. **domъ*, ст.-слав. домъ, др.-русск. *домъ* — лат. *dŏmus;*

о.-слав. **osь*, ст.-слав. ось, др.-русск. *ось* — лат. *ăxis.*

Общеславянское [u] соответствует и.-е. дифтонгам [ŏu̯], [ōu̯] (> [au̯]), [ĕu̯], [ēu̯] (> [ěu̯]) перед согласными и на конце слова.

Ср. о.-слав. **ucho*, ст.-слав. оухо, др.-русск. *оухо* — лит. *ausis;*

о.-слав. **suchъ*, ст.-слав. соухъ, др.-русск. *соухъ* — лит. *saūsas;*

о.-слав. **bjudǫ*, ст.-слав. блюдѫ, др.-русск. *блюдоу* — греч. πευθομαι.

Общеславянское [у] соответствует и.-е. [ū].

Ср. о.-слав. *byti, ст.-слав. **быти**, др.-русск. *быти* — лит. *būti*;

о.-слав. *dymъ, ст.-слав. **дымъ**, др.-русск. *дымъ* — лат. *fūmus*.

Общеславянское [е] соответствует и.-е. [ĕ].

Ср. о.-слав. *berǫ, ст.-слав. **берѫ**, др.-русск. *бероу* — лат. *ferō*;

о.-слав. *desętь, ст.-слав. **десѧть**, др.-русск. *десѧть* — лат. *dĕcem*.

Общеславянское [і] соответствует и.-е. [ī], дифтонгу [ei̯], дифтонгу [oi̯] при особой интонации, и ['ŭ].

Ср. о.-слав. *živъ, ст.-слав. **живъ**, др.-русск. *живъ* — лат. *vīvus*;

о.-слав. *vidъ, ст.-слав. **видъ**, др.-русск. *видъ* — лит. *vèidas*;

о.-слав. *beri (повел. накл.), ст.-слав. **бери!**, др.-русск. *бери!* — греч. φέροι;

о.-слав. *š'iti, ст.-слав. **шити**, др.-русск. *шити* — лит. *siūti*.

Общеславянский звук [ě] соответствует и.-е. [ē] и дифтонгам [oi̯], [ai̯].

Ср. о.-слав. *zvěrь, ст.-слав. **звѣръ**, др.-русск. *звѣрь* — лит. *žvėris*;

о.-слав. *c'ena, ст.-слав. **цѣна**, др.-русск. *цѣна* — лит. *kaina*;

о.-слав. *c'ělъ, ст.-слав. **цѣлъ**, др.-русск. *цѣлъ* — готск. *heils*.

Общеславянский [ъ] соответствует и.-е. [ŭ].

Ср. о.-слав. *synъ, ст.-слав. **сынъ**, др.-русск. *сынъ* — лит. *sūnūs*;

о.-слав. *mъchъ, ст.-слав. **мъхъ**, др.-русск. *мъхъ* — лат. *mūscus*.

Общеславянский [ь] соответствует и.-е. [ĭ].

Ср. о.-слав. *dьnь, ст.-слав. **дьнь**, др.-русск. *дьнь* — лат. *dĭnum*;

о.-слав. *ovьc'a, ст.-слав. **овьца**, др.-русск. *овьца* — лат. *ovĭs*.

Все эти гласные сохранились в древнерусском языке на всем протяжении его дописьменной истории. Однако вместе с тем восточные славяне унаследовали из праславянского языка еще два гласных — носовые [о] ([ǫ]) и [е] ([ę]). Эти гласные произносились как [о] и [е] с носовым призвуком, т. е. в их образовании участвовала носовая полость.

Гласный [ǫ] был непереднего образования, а [ę] — переднего.

В праславянском языке эти гласные звуки развились из индо-

европейских сочетаний гласных с носовыми согласными в закрытых слогах.

Ср. о.-слав. **dǫga,* ст.-слав. **дѫга**, др.-русск. *доуга* — лит. *dangùs;*

о.-слав. **zǫbъ,* ст.-слав. **зѫбъ**, др.-русск. *зоубъ* — лит. *žambas;*

о.-слав. **pǫtь,* ст.-слав. **пѫть**, др.-русск. *поуть* — лат. *pons, -tis;*

о.-слав. **męso,* ст.-слав. **мѧсо**, русск. *мясо* — др.-прусск. *mensā;*

о.-слав. **pętь,* ст.-слав. **пѧть**, русск. *пять* — лит. *penkì;*

о.-слав. **mę, tę, sę,* ст.-слав. **мѧ, тѧ, сѧ**, русск. диал. *мя, тя,* частица *ся* — др.-прусск. *mien, tien, sien.*

Изменение этих дифтонгических сочетаний и появление монофтонгов в праславянском языке, как уже говорилось, было вызвано действием в последнем закона открытого слога.

Таким образом, состав гласных древнерусского языка, унаследованный из праславянского, приблизительно в VI—IX вв. н. э. включал следующие фонемы:

гласные переднего ряда — [i], [e], [ě], [ь], [ę];

" непереднего ряда — [y], [o], [a], [ъ], [ǫ], [u].

Точно такой состав гласных фонем был и в старославянском языке, зафиксированном в ранних письменных памятниках. Отличие древнерусского языка от языка старославянского в этой области заключалось лишь в том, что в звуковом отношении фонема [ě] характеризовалась как [ê] (*е* закрытое) или [ие] в языке восточных славян и как широкое открытое [e] в старославянском языке.

Однако к IX—X вв. восточнославянский язык-основа пережил важное изменение в области гласных — утрату носовых.

§ 79. Утрата носовых в древнерусском языке. Известно, что носовые звуки в современных славянских языках почти не известны: они есть теперь лишь в польском языке, и определенные следы их существования обнаруживаются в некоторых славянских говорах Македонии. Все остальные славянские языки утратили носовые гласные; нет их и в восточнославянских языках. У восточных славян на месте [ǫ] произносится [у], а на месте [ę] — ['а] после мягкого согласного. Ср. о.-слав. **dǫbъ* — русск. *дуб*, о.-слав. **rǫka* — русск. *рука*, о.-слав. **sǫdъ* — русск. *суд*, о.-слав. **męso* — русск. *мясо* (= [м'асо]), о.-слав. **pętь* — русск. *пять* (= [п'ат']), о.-слав. **vъzęti* — русск. *взяти* [= [аз'ат'и]) и т. д.

Встает вопрос: почему можно думать, что восточные славяне утратили носовые звуки не позднее X в., т. е. раньше того времени, когда появились первые памятники письменности? Здесь надо иметь в виду, что, изучая явления, связанные с историей звуковой системы, по письменным источникам, исследователь имеет дело

не со звуками, а с буквами, за которыми скрываются те или иные реально произносившиеся звуки. Следовательно, задача состоит в том, чтобы установить, какие звуки скрываются под той или иной буквой, и на основании этого решить определенный вопрос исторической фонетики.

Если посмотреть с этой точки зрения на историю носовых гласных в восточнославянском языке-основе, то прежде всего следует учесть, что звуки [ǫ] и [ę] имели определенные буквенные обозначения в кириллической азбуке: [ǫ] обозначался буквой ѫ („юс большой"), а [ę] — буквой ѧ („юс малый").

Написание слов с этими буквами держалось очень долго в памятниках древнерусского языка; больше того, ѧ, пережив ряд изменений в начертании, сохраняется в написании современной буквы *я*. Но несмотря на то что эти буквы сохранялись в древнерусской письменности, носовых звуков в древнерусском языке в самый ранний исторический период не было; иначе говоря, буквы ѫ и ѧ обозначали гласные, не имеющие носового характера.

Это утверждение доказывается тем, что уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности буквы ѫ и ѧ смешиваются с буквами оу, ꙗ и а, обозначающими чистые гласные. Так, например, в Остромировом евангелии можно обнаружить написания **въвьргоуть, въстьрзающь, пороучениѥ** вм. **въвьргѫть, въстьрзающе, поружениѥ** и, наоборот: **стждьньць, рабѫ, ѿ овоѩ, шьдшоуѭ** вм. **стоудьньць, рабоу, ѿ овою, шьдшоую**; реже это наблюдается для ѧ и а, ꙗ: **Галаи, ѿ самарꙗ, почахъ** вм. **Галаи, ѿ самарьѧ, почѧхъ** и **чадомъ, съдрьжаше** вм. **чадомъ, съдрьжаше** и др.

Подобного смешения букв не могло бы наблюдаться, если бы для писца ѫ и оу, ѧ и ꙗ, а ассоциировались с разными звуками, и оно могло возникнуть лишь в том случае, если для писца эти пары букв ассоциировались каждая с одним звуком, неносовым по своему характеру. Если учесть, что фонетическое новшество в языке, прежде чем проникнуть в памятники письменности, должно закрепиться в живой речи, то можно полагать, что наличие подобного смешения букв в памятнике XI в. могло возникнуть лишь в том случае, если раньше этого времени в языке уже были утрачены носовые.

И действительно, можно найти доказательства тому, что носовых звуков у восточных славян не было уже в X в. В уже упоминавшемся сочинении византийского императора Константина Багрянородного „О народах" приведены некоторые восточнославянские названия днепровских порогов, записанные Багрянородным так, как он их слышал от восточных славян. В частности, здесь упоминаются названия порогов *Verutzi* и *Neasit*. Первое слово является передачей древнерусского названия *вьроучи* — „кипящий", т. е. это слово представляет собой причастие настоящего времени от глагола *вьрѣти*. В ст.-слав. языке форме *вьроучи* соответствует **вьржщи**. Слово *Neasit* — это передача др.-русск. **нѧсыть**, вероятно, „пеликан". В ст.-слав. языке ему соответствует

неѩсыть. Сравнение этих русских и старославянских форм показывает, что **ѫ** и **ѧ** в древнерусском соответствуют **ж** и **ѧ** в старославянском; иначе говоря, в праславянском языке в них были носовые [ǫ] и [ę]. Если рассмотреть написание этих слов у Багрянородного, то нетрудно убедиться, что в них нет передачи носовых, а это значит, что, записывая в X в. названия днепровских порогов по-древнерусски, Багрянородный не слышал при их произношении носовых. Следовательно, в X в. восточные славяне уже изменили носовые в неносовые, утратив два праславянских гласных в своем языке.

Однако если самые ранние свидетельства письменности указывают на отсутствие носовых у восточных славян, то возникает другой вопрос: есть ли вообще доказательства тому, что носовые действительно были когда-нибудь в общевосточнославянском языке? Ответ на этот вопрос может быть только положительным, ибо на это есть определенные указания в истории русского языка. Одно из доказательств наличия в прошлом носовых у восточных славян лежит за пределами внутреннего развития системы древнерусского языка, другое обнаруживается при анализе самой этой языковой системы.

Доказательством, так сказать, внешнего характера является тот факт, что очень ранние заимствования из древнерусского в финские языки тех слов, где когда-то были носовые, сохранили в финских языках сочетания гласного с носовым согласным, тогда как в русском языке на их месте звучат чистые неносовые гласные. Ср.: др.-русск. *коудель*, ст.-слав. **кѫдѣль** — финск. *kuontalo* — „пакля"; др.-русск. *соудъ*, ст.-слав. **сѫдъ** — финск. *suntja* — „церковный служащий", эст. *sundima* — „принуждать", *sundimine* — „принуждение". (Надо сказать, что в финских языках есть целый ряд заимствований из древнерусского языка в далекую дописьменную эпоху. Ср., например, в эстонском языке такие слова, как *raamat* — „книга" (ср. русск. *грамота*), *aken* — „окно", *puud* — „пуд", *sool* — „соль", *redis* — „редис" и др. Эти заимствования объясняются тем, что восточные славяне, расселяясь по территории Руси в глубокой древности, сталкивались с финскими племенами, жившими в то время на этой территории.)

Следовательно, в эпоху заимствования этих слов финскими языками из древнерусского в последнем еще произносились носовые звуки, что и нашло свое отражение в наличии сочетания гласного с носовым согласным в финских языках, не знавших и не знающих носовых. Если бы слова заимствовались в том произношении, в каком они существуют ныне в русском языке (т. е. без носовых), то в финских языках не могли бы произноситься сочетания гласных с носовым согласным.

Однако более важным фактом является то, что в самом русском языке сохранились следы наличия в прошлом носовых, что проявляется в определенных чередованиях звуков в русской фонетической системе.

Носовые звуки образовывались, как говорилось, из сочетаний „гласный + носовой согласный" в положении перед согласным и на конце слов, т. е. в положении закрытого слога. В положении же перед гласными эти сочетания сохранялись без изменения, так как гласный сочетания отходил к предшествующему, а согласный — к последующему слогу. Ср. из **zvonkъ* — о.-слав. *zvǫkъ*, но **zvoni-i-ti* сохраняется также и в о.-слав. *zvoniti* (ср. старославянские факты: **възѧти — възимати, сѣмѧ — сѣмена, племѧ — племена, пѧто — опона** и т. д.).

В связи с этим появлялись чередования [ǫ], [ę] // „гласный + носовой согласный". Когда носовые звуки были утрачены, то эти чередования не исчезли, а пережили изменение первого члена чередования, в частности в русском языке, как отмечалось, вместо [ǫ] и [ę] стали произноситься [у] и [а] (последний после мягкого согласного). Таким образом, возникали чередования [у], [а] ([ʼа]) // „гласный + носовой согласный". Ср. совр. русск. *звук — звонок, начать* (из *начѧти*) *— начинать, звякнуть — звенеть, мять — мну* (из *мьноу*) *— разминать* и т. д. С точки зрения современных отношений нельзя объяснить, почему в приведенных выше словах наблюдаются чередования [у] и [а] с сочетаниями [ин], [он] и даже с одним согласным [н]. Это объяснение может быть найдено лишь при предположении существования носовых гласных в древнерусском языке на месте современных [у] и [а]. В связи с историей носовых следует иметь в виду еще два момента.

Во-первых, важно помнить, что если изменение [ǫ] в [у] не было связано с изменением качества предшествующего согласного (и в [dǫbъ] и в [дубъ] звук [d] ([д]) твердый), то при изменении [ę] в [а] дело обстояло сложнее. Сложность заключается в том, что, как уже говорилось, согласные перед гласными переднего ряда, и в том числе перед [ę], были исконно не мягкими, а полумягкими; такими они были и в период изменения [ę]. Поэтому [ę] не мог непосредственно измениться в непередний гласный [а]: если бы это было так, то перед вновь возникшим [а] согласный оказался бы твердым, а не мягким. Поэтому предполагают, что первоначально [ę] изменялся в [ä] ([а] переднее), перед которым согласный сохранял полумягкость.

Развившаяся из [ę] звуковая единица [ä] представляла собой самостоятельную фонему древнерусского языка, отличающуюся от других гласных фонем ограниченностью своего распространения: она выступала лишь в том круге слов и форм, в котором в праславянском языке функционировала фонема [ę]. Дальнейшая судьба этой фонемы оказалась связанной с историей полумягких согласных (см. § 97).

Во-вторых, изменение [ǫ] в [у] и [ę] в [а] обусловило то, что в языке восточных славян развились гласные [у] и [а] уже не праславянского, а восточнославянского происхождения. Следовательно, современное русское [у] в словах *ухо, сухой* и т. п. восходит к праславянскому [u], а в словах *зуб, рука* и т. п. — к праславян-

скому [ǫ]; современное русское [а] в словах *воля, вся* и т. п. восходит к праславянскому [а], а в словах *мять, семя* и т. п. — к праславянскому [ę].

Наконец, рассматривая историю носовых, следует особо отметить одно явление, связанное с некоторыми падежными формами имен. Речь идет о том, что в древнерусском языке в формах вин. пад. мн. ч. существительных муж. р. с древней основой на jŏ и в формах род. пад. ед. ч., имен. и вин. пад. мн. ч. существительных жен. р. с древней основой на *jā*, а также в тех же падежных формах других имен, изменявшихся по тем же типам склонения, — во всех этих формах в древнерусском языке было окончание [-ě], в соответствии с которым в старославянском языке выступало окончание [-ę], например, др.-русск. *конѣ, землѣ, тоѣ, еѣ* и ст.-слав. **коня, земля, тоя, ея** и т. п. Происхождение этого соответствия остается до конца не выясненным. Однако Ф. Ф. Фортунатов высказывал предположение, что ст.-слав. [ę] и др.-русск. [ě] в этих формах восходят к о.-слав. [ę̄] (долгому носовому звуку [е]). Изменение этого звука в старославянском языке шло путем утраты его долготы ([ę̄] > [ę]), а в древнерусском — носовой артикуляции ([ę̄]) > ([ē] > [ě]).

Итак, к началу исторического периода — к X в. состав гласных в восточнославянском языке-основе складывался из следующих фонем:

гласные переднего ряда: [i], [ě], [e], [ь], [ă];
" непереднего ряда: [y], [o], [a], [ъ], [u].

Наконец, следует учесть, что к моменту появления письменности в древнерусском языке сохранялось политоническое, музыкальное ударение, основанное на различиях интонационного характера и отличное от динамического ударения, при котором ударный слог отличается от безударного силой мускульного напряжения. Политоническое ударение было унаследовано древнерусским языком из праславянского.

Надо иметь в виду еще и то, что в ранний период истории праславянского языка гласные этого языка еще различались по долготе и краткости, однако это различие было не только количественным, но одновременно и качественным. Это значит, что в праславянском языке не было, например, [ă] и [ā], [ŏ] и [ō] и т. д., отличающихся друг от друга только краткостью или долготой, как это было в индоевропейском языке-основе, но вместе с тем, скажем, звуки [а] и [о] характеризовались и разным качеством, т. е. их образование было различным, и разным количеством: [а] было долгим звуком, а [о] — кратким. В праславянском языке краткими были гласные [о] и [е]; редуцированные [ъ] и [ь] (а также [ŭ] и [ĭ]) были сверхкраткими; все же остальные гласные были долгими. Однако уже в праславянский период долгие гласные стали подвергаться сокращению, и можно думать, что к концу праславянского периода, а тем более в языке восточных славян фонологических различий гласных по долготе и краткости уже не

существовало, хотя фонетическую долготу могли сохранять [ě] и [o] под новым акутом (в этом плане от всех гласных отличались [ъ] и [ь], сохранившие сверхкраткость как фонологический признак, противопоставлявший их [o] и [e]).

§ 80. Таким образом, если древнерусский язык получил из праславянского одиннадцать гласных фонем, то к моменту появления письменности в состав гласных этого языка входило десять фонем, что было связано с утратой носовых гласных и возникновением фонемы [ä]. Что же касается соотношения гласных фонем, то здесь изменения оказались прежде всего связанными с употребительностью в языке отдельных из них. Если на протяжении дописьменного периода широта употребительности гласных фонем [и], [ы], [ě], [ь], [ъ], [e], [o], [a] в общем не изменилась, то, напротив, она увеличилась для фонемы [у] за счет развития [ǫ] > [у].

Вместе с тем древнерусский язык унаследовал из праславянского и основные особенности системы гласных фонем, связанные с отсутствием различения сильной и слабых позиций для гласных и с тремя постоянными признаками этих фонем.

Отличия между праславянским языком и языком восточных славян VI—IX вв., с одной стороны, и древнерусским языком X—XI вв.— с другой, в отношении системы гласных были связаны с наличием носовых в древний период. Эти отличия отчетливо видны на явлениях сочетаемости гласных с согласными.

Если обратиться к этой сочетаемости, то для позднего праславянского языка (как и для старославянского) она может быть представлена схематически в следующем виде:

После твердых согласных	После мягких согласных
ty tu t'i	r'u r'i
tǫ t'ę	r'ǫ r'ę
tъ t'ь	r'ь
to t'e	r'e
ta t'ě	r'a r'ě

Как видно из этой схемы, в праславянском языке аллофоны трех гласных фонем — [u], [ǫ] и [a] — испытывали слабое изменение артикуляции под влиянием предшествующего мягкого согласного. И поэтому они образовывали с аллофонами этих фонем, выступающими после твердых согласных, параллельные ряды позиционной мены (см. § 59).

Кроме того, именно в праславянском языке появилось позиционное изменение редуцированных [ъ] и [ь] и исконных [у] и [і] в положении перед [j] и [i] в [ў] и [ĭ] (см. § 54). Изменение [ъ] и [ь] в [ў] и [ĭ] было связано с усилением напряженности и закрытости редуцированных гласных, с переходом их из зоны среднего подъема в зону верхнего подъема.

В результате таких изменений именно в праславянском языке возникли параллельные ряды позиционной мены: [у] // [ў], [і] // [ĭ], а также [ъ̯] // [ъ̆], [ь̯] // [ь̆], [ў̯] // [ў̆], [ĭ̯] // [ĭ̆] (см. § 60).

Вместе с тем в праславянском языке особые отношения были между фонемами [о] и [е], [ъ] и [ь], [у] и [і]. Как говорилось выше, в результате действия закона слогового сингармонизма гласные [о], [ъ] и [у] не могли сохраняться после мягких согласных (см. § 77). В силу этого в праславянском языке возникла позиционная мена [о], [ъ], [у] с [е], [ь], [і], характеризующаяся параллельностью образующих ее рядов. Эта позиционная мена гласных была с самого начала морфологизована: она осуществлялась в падежных формах некоторых типов именного склонения и потому была ограничена в своем реальном проявлении. Однако если так обстояло дело уже в праславянском языке, то в древнерусском соотношение, скажем, [о] и [е] в [село] — [пол'е], или [ъ] и [ь] в [столъ] — [кон'ь], или [ы] и [и] в [столы] — [кóн'и] уже, конечно, не носило характера позиционной мены. Наличие [о], [ъ], [ы] после твердого и [е], [ь], [и] после мягкого согласного определялось уже характером типа склонения данного слова, и потому фонемы [о], [ъ], [ы] и [е], [ь], [и] были независимыми друг от друга, хотя наличие [ъ], [о], [ы] после твердых, а [ь], [е], [и] — после мягких в подобных формах и было связано с качеством предшествующего согласного.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СИСТЕМАМ СОГЛАСНЫХ ПРАСЛАВЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 81. Состав и систему согласных общевосточнославянский язык также унаследовал из праславянского языка, причем здесь наряду с общеславянскими элементами были и такие, которые отражали типично восточнославянские особенности.

Все восточнославянские согласные являются по происхождению общеславянскими звуками, причем в праславянском языке они развились из определенных индоевропейских звуков. Поэтому, как и в области гласных, здесь можно установить закономерные соответствия.

Так, согласный [b] соответствует и.-е. [b] и [bh] ([b] придыхательное): о.-слав. **bolьji*, ст.-слав. **болѣи**, др.-русск. *болѣе* —

санскр. *báliyān*; о.-слав. **berǫ*, ст.-слав. **берѫ**, др.-русск. *бероу* — санскр. *bhárāmi*.

Согласный [p] соответствует и.-е. [p]: о.-слав. **topiti*, ст.-слав. **топити**, др.-русск. *топити* — санскр. *tápati*.

Согласный [m] соответствует и.-е. [m]: о.-слав. **domъ*, ст.-слав. **домъ**, др.-русск. *домъ* — санскр. *dámaḥ*.

Согласный [v] (губно-зубной) восходит к и.-е. [w] (губному сонанту): о.-слав. **vezǫ*, ст.-слав. **везѫ**, др.-русск. *везоу* — санкр. *váhati*.

Согласный [d] соответствует и.-е. [d] и [dh] ([d] придыхательное): о.-слав. **domъ*, ст.-слав. **домъ**, др.-русск. *домъ* — санскр. *dámaḥ*, о.-слав. **dělo*, ст.-слав. **дѣло**, др.-русск. *дѣло* — санскр. *ádhām*.

Согласный [t] соответствует и.-е. [t]: о.-слав. **protivъ*,ст.-слав. **противъ**, др.-русск. *противъ* — санскр. *práti*.

Согласный [z] соответствует и.-е. [z] в сочетаниях [zd], [zb]: о.-слав. **mьzda*, ст.-слав. **мьзда**, др.-русск. *мьзда* — готск. *mizdo*.

Согласный [s] соответствует и.-е. [s]: о.-слав. **synъ*, ст.-слав. **сынъ**, др.-русск. *сынъ* — санскр. *sūnúḥ*.

Согласный [n] соответствует и.-е. [n]: о.-слав. **nagъ*, ст.-слав. **нагъ**, др.-русск. *нагъ (нагой)* — санскр. *nagnáḥ*.

Согласный [l] соответствует и.-е. [l]: о.-слав. **lež'ǫ*, ст.-слав. **лежѫ**, др.-русск. *лежоу* — готск. *ligan*.

Соглвсный [r] соответствует и.-е. [r]: о.-слав. **berǫ*, ст.-слвв. **берѫ**, др.-русск. *бероу* — санскр. *bhárāmi*.

Согласный [g] соответствует и.-е. [g] и [gh] ([g] придыхательное): о.-слав. **govędo* — „крупный скот", ст.-слав. **говѧдо**, русск. *говядина* — санскр. *gaúḥ*; о.-слав. **gorěti*, ст.-слав. **горѣти**, др.-русск. *горѣти* — санскр. *ghṛnóti*.

Согласный [k] соответствует и.-е. [k]: о.-слав. **pekǫ*, ст.-слав. **пекѫ**, др.-русск. *пекоу* — санскр. *pakvaḥ* — „готовый".

Что же касается звука [ch], то он явился новообразованием на славянской почве: он развился в праславянском языке из и.-е. звука [s] в том случае, когда [s] находился после гласных [i] и [u] или после тех звуков, которые развились из и.-е. [i] и [u], а также после согласных [r], [k], если далее не следовали взрывные [t], [p], [k]. Ср.: о.-слав. **suchъ*, ст.-слав. **сухъ**, др.-русск. *сухъ (сухой)* — лит. *saūsas*; о.-слав. **mъchъ*, ст.-слав. **мъхъ**, др.-русск. *мъхъ* — лит. *musaī*; о.-слав. **lichъ* — „излишний", ст.-слав. **лихъ**, др.-русск. *(из)лишькъ* — лит. *liekas* и т. д.

Особым является вопрос о мягких согласных в праславянском языке. Они возникли в результате различных изменений твердых согласных в определенных фонетических условиях. Процесс образования мягких согласных в равной мере охватил все диалекты праславянского языка, причем отличия в этой области по различным славянским диалектам были незначительны.

В праславянский период мягкие согласные возникали двумя путями:

а) в результате смягчения заднеязычных согласных [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда;

б) в результате смягчения всех согласных под воздействием звука [j].

§ 82. Процессы смягчения, или палатализации, заднеязычных. Смягчение согласных [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда носит название палатализации заднеязычных. В зависимости от конечного результата смягчения, а также от условий и времени осуществления различаются две такие палатализации.

В результате первой палатализации заднеязычные [k], [g], [ch] в праславянском языке изменились в мягкие шипящие [č'], [ǯ'], [š']: [k] > [č'], [g] > [ǯ'] (через ступень [d͡ǯ']), [ch] > [š'].

Такое изменение [k], [g], [ch] переживали под воздействием последующих гласных переднего ряда [e], [i], [ь], [ē] (> [ě]). Ср.: о.-слав. *ranka > *rǫka — *porǫč'iti, др.-русск. *роука — пороучити;* о.-слав. *konъ, *konьc'ь — *nač'ьnti > *nač'ęti, др.-русск. *конъ, коньць — начати;* о.-слав. *drougъ — *drouž'ina, др.-русск. дроугъ — дроужина;* о.-слав. *kъniga — *kъniž'ьnikъ, др.-русск. *кънига — кънижьникъ;* о.-слав. *groisŭ > *grěchъ — *grě'š'ьnikъ, др.-русск. *грѣхъ — грѣшьникъ;* о.-слав. *souchъ — *souš'iti, др.-русск. *соухъ — соушити* и т. д.

При этом гласные звуки [e], [i], [ь], изменяя качество заднеязычных, сами сохранялись без изменения. Гласный же переднего ряда [ē], перед которым заднеязычные изменялись в мягкие шипящие, после этих новых мягких согласных не сохранялся, а изменялся в [a]. Ср.: о.-слав. *bēgētei > *běž'ati, др.-русск. *бѣжати;* о.-слав. *gēriteĵ > *ž'ariti, др.-русск. *жарити;* о.-слав. *krikētei > *kričʼati, др.-русск. *кричати;* о.-слав. *slouchētei > *slouš'ati, др.-русск. *слоушати;* о.-слав. *mēchētei > *měš'ati, др.-русск. *мѣшати* и т. д.

Вторая палатализация осуществлялась позднее первой, но тоже в праславянскую эпоху, и определялась двумя условиями, которые действовали не одновременно. (В связи с разными условиями, в которых происходило изменение заднеязычных в свистящие, некоторые ученые различают вторую и третью палатализации.) Результаты изменения заднеязычных [k], [g], [ch] здесь были иными, нежели по первой палатализации, а именно — в результате действия второй палатализации [k], [g], [ch] изменялись в мягкие свистящие, соответственно в [c'], [z'] (через ступень [d͡z']), [s'].

Подобное изменение [k], [g], [ch] происходило, во-первых, в том случае, когда они попадали в положение перед глас-

ными [i] и [ě], возникшими из дифтонгов [o͡i], [a͡i]. Ср.: о.-слав. *koina > *c'ěna, др.-русск.— *цѣна*; о.-слав. *vьlkoi > *vьlc'i, др.-русск. *вълци*; о.-слав. *рьkoi > *рьс'i, др.-русск. *пьци*; о.-слав. *rankāi > *rǫc'ě, др.-русск. *роуцѣ*; о.-слав. *drougoi > *droud͡z'i > *druz'i, др.-русск. *дроузи*; о.-слав. *nogāi > *nod͡z'ě > *noz'ě, др.-русск. *нозѣ*; о.-слав. *poslouchoi > *poslus'i, др.-русск. *послоуси*; о.-слав. *touchāi > *mus'ě, др.-русск. *моусѣ* и т. д. В западнославянских языках в результате изменения [ch] перед [i] и [ě] из дифтонгов [o͡i], [a͡i] возник согласный [š'], а не [s'] (ср. чешск. *touše*, польск. *tusze*).

Такое же изменение [k], [g], [ch] в свистящие было, во-вторых, после гласных переднего ряда [i], [ь], [ę]. Ср.: о.-слав. *ovĭka > *ovьc'a, др.-русск. *овьца*; о.-слав. *dēvika > *děvic'a, др.-русск. *дѣвица*; о.-слав. *otьkъ > *otьc'ь, др.-русск. *отьць*; о.-слав. *vьchъ > *vьs'ь, др.-русск. *вьсь* и т. д. В западнославянских языках здесь также был [š'], а не [s'] (ср. чешск. *všechen*, польск. *wszystek*).

Однако при этом условии смягчение [k], [g] [ch] в свистящие осуществлялось непоследовательно, и здесь было много отступлений. Ср. заимствование из германских языков *kŭningōs, которое в праславянском языке изменилось в *kъningъ > *kъnęgъ > *kъnĕd'z'ь > *kъnęz'ь, ст.-слав. **кънязь**, русск. *князь*, но: *княгиня* (ст.-слав. **кънагыни**); о.-слав. *liko > *lic'o > *lic'e, ст.-слав. **лице**, др.-русск. *лице*, но: *ликъ* (ст.-слав. **ликъ**). Таких отступлений можно найти довольно много.

Впрочем, если учесть, что в новгородских берестяных грамотах отражается диалект, который вообще не знал изменения заднеязычных в свистящие перед [ě] и [н] дифтонгического происхождения, но в то же время пережил изменение [к] и, возможно, [г] после гласных переднего ряда ([х] в этом диалекте в такой позиции не изменялся в [с']), то это может свидетельствовать, что изменение заднеязычных после передних гласных старше, чем их изменение перед [ě] и [н] (см. об этом: Янин В. Л., Зализняк А. А. Цит. раб.— С. 119).

С действием первой разновидности второй палатализации связывается изменение праславянских сочетаний [*kvě], [*gvě] (из [*kvoi], [*gvoi]) в [c'vě], [z'vě] (через ступень [d͡z'vě], так же как изменение [g] > [z'] через ступень [d͡z']) в восточнославянских и южнославянских языках: *kvoitъ > květъ > c'větъ; ст.-слав. и др.-русск. *цвѣтъ*; *gvoizda > gvězda > d'z'vězda > z'vězda, ст.-слав. и др.-русск. *звѣзда*. В западнославянских языках, как уже говорилось, эти сочетания не пережили изменения: польск. *kwiat, gwiazda*, чешск. *květ, hvězda*.

Как видно, в таком различии в изменении праславянских сочетаний [*kvě], [*gvě] или отражаются давние диалектные черты в общеславянском языке-основе, или же это свидетельствует о позднем происхождении данного явления, о том, что оно развилось после распада общеславянского единства.

Вопрос о том, какая из равновидностей второй палатализации осуществлялась раньше, а какая — позже, не является решенным: одни лингвисты полагают, что раньше осуществлялось изменение [k], [g], [ch] перед [i] и [ě] из дифтонгов, другие, наоборот,— что раньше шло изменение [k], [g], [ch] после гласных переднего ряда (см. выше). Яснее обстоит дело с установлением относительной хронологии в отношении первой и второй палатализации: здесь есть вполне реальные доказательства, что изменение [k], [g], [ch] в шипящие осуществлялось раньше, чем в свистящие.

Как ясно из вышеизложенного, изменение [k], [g], [ch] шло перед гласными переднего ряда. Однако сами эти гласные могли быть разного происхождения: они могли быть как исконными звуками переднего ряда, так и такими, которые возникли из других, не являвшихся первоначально передними по образованию. Так, например, в слове *ž'ivъ* — „жив" звук [i] исконно имел переднее образование: он восходит к и.-е. [ī] (ср. лат. *vīvus*), а в слове *naz'i* — „нагие" звук [i] по происхождению из дифтонга [oi̯], т. е. исконно здесь не было звука переднего образования.

Если сравнить, например, общеславянские слова *ž'ivъ* и *naz'i*, где [ž'] и [z'] равно восходят к заднеязычному [g] (ср. о.-слав. **ž'ivъ* и лит. *gyvas*; о.-слав. **naz'i* и русск. *нагой*), то возникает вопрос: почему перед одним и тем же звуком [i] результаты изменения [g] оказались различными? Ответ на него уже дан выше: это объясняется тем, что звук [i] был различного происхождения, в зависимости от чего согласный [g] и изменился по-разному. Отсюда можно сделать вывод, что в ту эпоху, когда [g] изменялся в [ž'], форма имен. пад. мн. ч. кратких прилагательных муж. р. от слова *nagъ* не имела еще окончания [i], т. е. в ней звук [g] находился еще не перед [i], а перед дифтонгом [oi̯]. Если бы это было не так, т. е. если бы в эпоху действия первой палатализации дифтонг [oi̯] уже изменился в [i], то это [i] совпало бы по качеству с [i] исконным и перед ним [g], так же как и в слове *ž'ivъ*, изменился бы в [ž']. Этого не произошло как раз потому, что когда [g] изменялся в [ž'], существовала еще форма **nagoi̯* (а не **nagi*), где перед непередним гласным [o] звук [g] не переживал изменений. Когда же дифтонг [oi̯] изменился в гласный переднего ряда [i], первая палатализация уже не действовала. Если бы она еще действовала, звук [g] перед новым [i] изменился бы, так же как и перед исконным [i], в [ž']. Иначе говоря, между первой и второй палатализациями лежит изменение дифтонгов в монофтонги. Следовательно, сначала прошла и закончилась первая палатализация [k], [g], [ch], потом произошло изменение дифтонгов в монофтонги, а затем уже наступила эпоха второй палатали-

зации. Если первая палатализация шла в ранний период общеславянского единства, то вторая палатализация наступила поздно, возможно, даже уже в эпоху начала распада этого единства.

Такое же решение вопроса об относительной хронологии первой и второй палатализаций возникает и при рассмотрении явлений, связанных с изменением [k], [g], [ch] в шипящие в соотношении с изменением их в свистящие после [i], [ь], [ę] (т. е. со второй разновидностью второй палатализации). Подтверждение более раннего происхождения первой палатализации по сравнению со второй можно найти в следующем факте. Слово муж. р. с древней основой на ŏ *otьc'ь* — „отец" склонялось по мягкому варианту этого склонения, ибо звук [c'] произошел здесь из [k] по второй палатализации. Однако звательная форма от этого слова была *otьč'e* — „отче" с окончанием [e], как у слов твердого варианта (ср. *rabъ* — *rabe*!), а не [-'u], как у слов мягкого варианта (ср. *kon'ь* — *kon'u*!). Чем это объясняется? Это можно объяснить тем, что форма *otьč'e* образовалась не от *otьc'ь*, а от более древнего **otьkъ*, где [k] изменился в [č'] по первой палатализации перед [e]. Следовательно, когда возникла форма *otьč'e*, еще не существовало формы *otьc'ь*. Последняя развилась из **otьkъ*, когда под воздействием [ь] звук [k] изменился в [c'], после которого [ъ] перешел в [ь]. Звательная же форма сохранилась в том ее виде, какой она получила в более ранний период развития праславянского языка.

Итак, в результате изменения заднеязычных [k], [g], [ch] в праславянском языке образовались мягкие шипящие [č'], [ž'], [š'] и мягкие свистящие [c'], [z'], [s']. Эти мягкие согласные были унаследованы древнерусским языком, в котором они сохраняли свою мягкость долгий период времени; лишь позже некоторые из них подверглись отвердению.

Изменение [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда обусловило то, что в праславянском, старославянском, а также и в древнерусском языках первоначально не могло существовать сочетаний заднеязычных [k], [g], [ch] с гласными переднего ряда типа [ki], [gi], [chi]. Поэтому в ранних памятниках письменности эти сочетания можно обнаружить лишь в заимствованных словах: **китъ, гигантъ, хитонъ** и т. п. В исконно славянских же словах в ранний исторический период наличествуют сочетания *кы, гы, хы* ([ky], [gy], [chy]): **кыевъ, гывель, хытрыи** и т. д. С другой стороны, в древнерусских памятниках могли выступать сочетания *кѣ, гѣ, хѣ* ([kě], [gě], [chě]), но это наблюдалось лишь в морфологических образованиях, где подобные сочетания возникали в результате действия аналогии. Так, например, в склонении местоимения *къто* в твор. пад. ед. ч. возникала форма *кѣмь* вместо *цѣмь* (из **koıtь*) под влиянием других падежей, в которых [k] находился перед гласными [ъ] и [o] (*къто, кого, комоу, комь*), или в дат.-местн. пад. ед. ч. от слова *роука* возникала форма *роукѣ* вместо

роуцѣ (из **rankāi̯*) под подобным же влиянием других падежей (ср.: *роукы, роукоу, роукамъ* и т. д.).

§ 83. Смягчение согласных в результате воздействия [j]. Кроме тех мягких согласных, которые возникли в результате действия первой и второй палатализаций, древнерусский язык унаследовал из праславянского еще и такие мягкие, которые развились в последнем в результате изменений сочетаний различных согласных с [j].

Звук [j] — это среднеязычный сонорный звонкий мягкий согласный; поэтому его воздействие на твердые согласные заключалось в смягчающем влиянии на эти звуки. Такое смягчающее воздействие есть и теперь в русском языке: ср. [плáт'j]е, [суд'já], ве[сéл'j]е и т. д. Однако в праславянский период воздействие [j] на предшествующие согласные было намного сильнее, чем в последующей истории русского языка, и смягчение этих согласных шло дальше. Воздействию со стороны [j] подвергались различные согласные, но смягчение тех или иных звуков давало иногда одинаковые, а иногда разные результаты в диалектах праславянского языка, что и отразилось в истории отдельных славянских языков.

Во всех славянских языках одинаковыми оказались результаты изменения сочетаний заднеязычных и свистящих согласных с [j], т. е. сочетаний [*kj], [*gj], [*chj], [*sj], [*zj]. В результате смягчающего воздействия [j] сам он ассимилировался с возникшим мягким согласным и исчез, а [k], [g], [ch], [s], [z] изменились в мягкие шипящие: [*kj] > [č'], [*gj] > [ž'], [*chj] > [š'], [*sj] — [š'], [*zj] — [ž']. Например:

о.-слав. **plakjos*, ст.-слав. и др.-русск. **плачь**, польск. *płacz*, болг. *плач*, чешск. *pláč;*

о.-слав. **lъgja*, ст.-слав. и др.-русск. **лъжа**, болг. *лъжа;*

о.-слав. **douchja*, ст.-слав. и др.-русск. **доуша**, болг. *душа*, польск. *dusza*, чешск. *duše;*

о.-слав. **pisjōn*, ст.-слав. **пишѫ**, др.-русск. *пишоу*, чешск. *píšu*, болг. *пиша;*

о.-слав. **kozja*, ст.-слав. и др.-русск. **кожа**, болг. *кожа*, чешск. *kůže*.

Иначе обстояло дело с сочетаниями [*tj] и [*dj], в которых процесс смягчения согласных и ассимиляции [j] дал различные результаты в диалектах праславянского языка. У предков восточных славян [*tj] изменилось в [č'], а [*dj] — в [ž'] (через ступень [d'ž']); у предков болгар [*tj] дало [ŝ't'], [*dj] — [ẑ'd']; у предков сербов [*tj] > [ћ], [*dj] > [ђ], а у предков западных славян [*tj] > [c'], [*dj] > [d'z']. Например:

о.-слав. **svētja*, др.-русск. *свѣча*, ст.-слав. **свѣштѧ**, болг. *свещ*, сербск. *свећа*, польск. *świeca*, чешск. *svíce*;

о.-слав. **medja*, др.-русск. *межа*, ст.-слав. **мѫжда**, сербск. *мѐђа*, польск. miedza;

о.-слав. *chotjōn, др.-русск. *хочоу*, ст.-слав. **хоштѫ**, польск. *chcę*;
о.-слав. *vidjōn, др.-русск. *вижоу*, ст.-слав. **виждѫ**, польск. *widzę*.

Точно такую же судьбу, что и сочетание [*tj], по диалектам праславянского языка пережили и группы согласных [*kt], [*gt] перед гласными переднего ряда, которые у восточных славян изменились в [č'], у южных — в [š't'] или [ħ], а у западных — в [c']. Например: о.-слав. *noktь (ср. лат. *nox*, *noktis*), др.-русск. *ночь*, ст.-слав. **нощть**, болг. *нощ*, сербск. *нôħ*, польск. *noc*, чешск. *noc*;

о.-слав. *pekteį, др.-русск. *печи*, ст.-слав. **пешти**, сербск. *пећи*, польск. *piec*, чешск. *péci;*

о.-слав. *mogteį > *mokti ([g] > [k] в результате оглушения), др.-русск. *мочи*, ст.-слав. **мошти**, сербск. *моћи*, польск. *moc*, чешск. *moci* и т. п.

Несколько различную судьбу по диалектам праславянского языка имели и сочетания губных согласных с [j]: [*pj], [*bj], [*mj], [*vj]. Если эти сочетания находились в начале слова, то во всех славянских языках они изменились в сочетания [pl'], [bl'], [ml'], [vl'], т. е. в результате воздействия и ассимиляции рядом с губным развивался [l'] вторичный (l-epentheticum):

о.-слав. *bjudō, ст.-слав. и др.-русск. **блюдо**, др.-польск. *bluda*, болг. *блюдо*, сербск. *бљудо;*

о.-слав. *pjujōn, ст. слав. **плюю**, др.-русск. *плюю*, польск. *pluję*, чешск. *plivati*, болг. *плюва*м.

Однако если эти сочетания находились не в начале слова, то эпентетический [l] наблюдается ныне лишь в восточнославянских и южнославянских (кроме болгарского, где l-epentheticum был утрачен позже; ср. болг. *земя, купя*) языках, но не наблюдается в западнославянских:

о.-слав. *zemja, др.-русск. и ст.-слав. **земля**, сербск. *земља*, но польск. *ziemia*, чешск. *země*;

о.-слав. *koupja, др.-русск. и ст.-слав. **коупля**, но чешск. *koupě*, польск. *kupia*.

Сочетания сонорных [r], [l], [n] с последующим [j] во всех диалектах праславянского языка изменились таким образом, что [j], смягчив предшествующий согласный, исчез, а сами сонорные, получив смягчение, не изменили далее своего качества. Таким образом, из сочетания [*rj] возникло [r'], из [*lj] — [l'], из [*nj] — [n']:

о.-слав. *bourja, ст.-слав. и др.-русск. **коурꙗ**, чешск. *bouřě*, болг. *буря;*

о.-слав. *volja, ст.-слав. и др.-русск. **волꙗ**, польск. *wola*, сербск. *вољa;*

о.-слвв. *konjos, ст.-слав. и др.-русск. **конь**, польск. *koń*, сербск. *коњ*.

Таковы основные изменения сочетаний согласных с [j] в диалектах праславянского языка, в результате которых также воз-

никли мягкие согласные. Эти согласные сохранились без изменений после распада общеславянского единства и были унаследованы отдельными славянскими языковыми группами.

Кроме того, надо иметь в виду, что [j] мог воздействовать смягчающим образом и на группу согласных, т. е. он мог влиять не только на непосредственно стоящий рядом звук, но через этот звук — на предыдущий.

Таким образом, например, из сочетаний [*skj] и [*stj] у восточных и западных славян возник слитный согласный [š'č'], а в старославянском языке — [š't']:

о.-слав. *tĭstja, ст.-слав. тьшта, др.-русск. *тьшча*, болг. *тъща*, польск. *tésciowa*;

о.-слав. *poustja, ст.-слав. поушта, др.-русск. *поушча*, польск. *puszcza*;

о.-слав. *pouskjōn, ст.-слав. поуштѫ, др.-русск. *поущчоу*, польск. *puszczac*, болг. *пущам*.

Наконец, из сочетаний [*zgj], [*zdj] возник слитный согласный [ž'ď], передававшийся в памятниках большей частью написанием *жд*:

о.-слав. *dŭzgjь > dъž'ď'ь, ст.-слав. и др.-русск. дъждь, болг. *дъжд*;

о.-слав. *jēzdjōn > jěž'ď'ǫ, ст.-слав. ѣждѫ, др.-русск. *ѣзжу*, польск. *jezdzio*.

Таким образом, из праславянского языка восточные славяне получили следующие мягкие согласные: шипящие [č'], [ž'], [š'], [š'č'], [ž'ď'], свистящие [c'], [z'], [s'], а также сонорные [j], [r'], [l'], [n']. Все эти согласные, как уже говорилось, называются исконно мягкими (см. § 62).

§ 84. Итак, праславянский язык поздней эпохи своего развития имел твердые и мягкие согласные, которые после распада общеславянского единства были унаследованы древнерусским языком. Эти унаследованные согласные образовывали ту фонетическую систему этого языка, которая засвидетельствована первыми памятниками письменности X—XI вв.

Однако для того чтобы понять, как сложилась эта фонетическая система в области согласных, надо попытаться представить систему согласных фонем праславянского языка.

Нет никакого сомнения в том, что самостоятельными фонемами праславянского языка являлись твердые согласные [p], [b], [m], [v], [t], [d], [s], [z], [r], [l], [n], [k], [g], [ch]: они могли выступать в тождественных фонетических условиях — перед одними и теми же гласными (некоторые из них и перед определенными согласными) и служить средством различения разных словоформ.

Иначе говоря, в праславянском языке могли, скажем, существовать и противопоставляться друг другу сочетания [pa], [ba], [ma] и т. д., или [to], [do], [so], [zo] и т. д., или [rъ], [lъ], [pъ] и т. д., или [ky], [gy], [chy] и т. д.

Поэтому с фонологической точки зрения важно решить вопрос о характере мягких согласных, об их фонематической роли. И первым необходимо рассмотреть вопрос о том, были ли исконно мягкие согласные в праславянском языке в последний период его развития самостоятельными фонемами.

Прежде всего надо обратиться к явлениям, связанным с историей исконно мягких шипящих и свистящих.

Как говорилось, шипящие [č'], [ž'], [š'] возникли в праславянском языке в результате изменения [k], [g], [ch] в определенных фонетических условиях, и, следовательно, первоначально они не могли употребляться там, где были твердые [k], [g], [ch]: перед гласными непереднего образования сохранялись [k], [g], [ch], а перед передними гласными на их месте произносились шипящие.

Таким образом, в эпоху своего возникновения мягкие шипящие были не самостоятельными фонемами, а позиционными разновидностями твердых фонем [k], [g], [ch]. Точно так же позиционными разновидностями твердых заднеязычных в более позднюю эпоху, но тоже еще в праславянский период, являлись и мягкие свистящие [c'], [z'], [s'].

Однако уже в праславянском языке это положение стало меняться. В самой первоначальной системе были такие звенья, которые нарушали исконные соотношения. И прежде всего это коснулось шипящих согласных. В результате изменения [ē] в [a] после мягких шипящие появились и перед гласным непереднего ряда, что привело к возможности противопоставления [k], [g], [ch] и [č'] [ž'], [š'] перед одним и тем же гласным [a]. Так, из древнего **kēra* возникло *č'ara* (чара), где [č'] находится перед непередним гласным [a], возникшим из [ē] и совпавшим с тем [a], перед которым [k] исконно сохранялось, например, в слове *kara* (кара). Возникло два слова — *č'ara* и *kara*, различающиеся лишь [č'] и [k], выступающими в одной и той же позиции, т. е. функционирующими как самостоятельные фонемы. Это означало, что шипящие начали освобождаться от фонетической зависимости от последующих гласных и превращаться в самостоятельные фонологические единицы. Еще большему освобождению шипящих от фонетической зависимости способствовало изменение согласных в сочетании с [j]. Так, в результате того, что согласный + [j] мог находиться перед гласными [a], [u] и [ǫ], шипящие стали появляться не только перед [a], но и перед [u] и [ǫ]. Так, например, из древнего **douch + j + ōn* возникло *dušǫ (доушоу)*, из **tok + j + ōn → tocǫ (точоу)*, из **mongju — mǫžu > muž'u (моужоу)* и т. д.

Итак, в результате всех этих изменений шипящие стали воз-

можны не только перед всеми гласными переднего ряда (кроме [ē] > [ě]), но и перед гласными непереднего ряда [a] (из [ē] и [a]), [u] и [ǫ]. Они не выступали лишь перед [o], [ъ] и [y] (см. § 56). Если же учесть, что твердые согласные (кроме [k], [g], [ch]) могли выступать перед всеми гласными, то можно установить, что из 11 возможных позиций перед гласными шипящие не были противопоставлены твердым лишь в четырех.

Это положение можно представить в следующей таблице:

Возможные сочетания твердых согласных с гласными	Возможные сочетания мягких шипящих с гласными	Возможные сочетания заднеязычных с гласными
ty	—	ky
tu	š'u	ku
to	—	ko
tъ	—	kъ
tǫ	š'ǫ	kǫ
ta	š'a	ka
t'i	š'i	—
t'e	š'e	—
t'ь	š'ь	—
t'ę	š'ę	—
t'ě	—	—

Из приведенной таблицы видно не только то, что шипящие не выступали лишь в 4 из 11 возможных позиций для твердых согласных, но и то, что шипящие противопоставлялись заднеязычным в 3 из 6 возможных позиций.

Так постепенно [č'], [ž'], [š'] из позиционных разновидностей [k], [g], [ch] становились особыми фонемами, связанными с заднеязычными согласными лишь морфологическими чередованиями.

Когда закончилось действие первой палатализации и заднеязычные стали изменяться перед и после гласных переднего ряда в свистящие, тогда возникла возможность противопоставления мягких шипящих и свистящих в положении перед гласными [i], [ь], [e], [ę], [a], [u], [ǫ].

Если после изменения [k], [g], [ch] в [c'], [z'], [s'] перед [i] и [ě] дифтонгического происхождения возникли сочетания мягкого свистящего + [i], [ě], то вместе с этим возникла и возможность противопоставления мягкого свистящего и мягкого шипящего перед [i]: в языке появились соотношения [č'i] — [c'i], [ž'i] — [z'i], [š'i] — [s'i]. Однако противопоставление этих согласных перед [ě] отсутствовало, так как мягкие шипящие не сочетались с этим гласным.

После изменения [k], [g], [ch] в [c'], [z'], [s'] под воздействием предшествующих гласных переднего ряда [ь], [i] и [ę] возникли сочетания мягкого свистящего + [ь], [e], [i], [ę̄], [a], [u], [ǫ] (ср., например, склонение слова *otьc'ь: otьc'a, otьc'u, otьc'eть, otьcę̄, otьc'i* или склонение слова *děvic'a: devic'i, děvic'ǫ, děvic'ejǫ, děvic'e, děvic'ę̄* и т. п.). В результате этого в языке появилась возможность противопоставления мягких шипящих и мягких свистящих перед [ь], [e], [i], [ę̄], [a], [u], [ǫ], т. е. появились соотношения [č'ь] — [c'ь], [č'e] — [c'e], [č'i] — [c'i], [č'ę̄] — [c'ę̄], [č'ȧ] — [c'ȧ], [č'ů] — [c'ů], [č'ǫ́] — [c'ǫ́]. Эти согласные оставались не противопоставленными только перед [ě], где мягкий шипящий не был возможен, а мягкий свистящий, наоборот, возможен. Ср., например: *c'ěna (< *koina), c'ělъ (< *koilos), c'ěmь (< *koimь)* и т. п.

Итак, после указанного изменения стали возможны соотношения:

mеč'ь — otьc'ь, mеč'eть — otc'eть, mеč'i — otьc'i, mеč'ę̄ — otьc'ę̄, mеč'ȧ — otьc'ȧ, mеčů — ot'ьc'ů; šеč'ǫ́ — děv'ic'ǫ́;

dušь — vьs'ь, duš'ejǫ — vьs'eть, duš'i — vьs'i, duš'ę̄ — vьs'ę̄, duš'ȧ — v'ьs'ȧ, duš'ů — vьs'ů, duš'ǫ — vьs'ǫ;

mǫž'ь — kъn'ęz'ь, mǫž'eть — kъnęz'eть, mǫž'i — kъnęz'i, mǫž'ę̄ — kъn'ęz'ę̄, mǫž'ȧ — kъnęz'ȧ, mǫž'ů — kъn'ęz'ů.

Вместе с тем мягкие свистящие, как и мягкие шипящие, были противопоставлены твердым заднеязычным в 3 из 6 возможных позиций; они противопоставлялись перед [a], [u] и [ǫ], но не противопоставлялись перед [ъ], [o] и [y].

Если учесть, что в тех же позициях, в которых выступали мягкие шипящие и свистящие, могли выступать и все твердые согласные, кроме заднеязычных, то можно понять, что шипящие и свистящие играли в языке роль самостоятельных фонем, хотя позиции, в которых они выступали, были ограничены по сравнению с позициями твердых согласных фонем. Точно так же были ограничены позиции мягких сонорных фонем [r'], [l'], [n'], которые, как и остальные исконно мягкие, не выступали перед [y], [o], [ъ], но противопоставлялись твердым фонемам, в том числе и твердым сонорным, в положении перед остальными гласными, кроме [ě].

§ 85. Если обозначить мягкие шипящие через [č'], мягкие свистящие через [c'], заднеязычные через [k], твердые согласные, получавшие позиционную полумягкость перед гласными переднего ряда, через [t], а твердые и мягкие сонорные соответственно через [r] и [r'], то можно представить все возможные позиции этих согласных перед гласными в поздний праславянский период в следующей таблице:

Позиции [č'] + гласный	Позиции [c'] + гласный	Позиции [k] + гласный	Позиции [t] + гласный	Позиции [r] + гласный	Позиции [r'] + гласный
č'i	c'i	—	t'i	r'i	r'i
—	c'ě	—	t'ě	r'ě	—
č'ь	c'ь	—	t'ь	r'ь	r'ь
č'e	c'e	—	t'e	r'e	r'e
č'ę	c'ę	—	t'ę	r'ę	r'ę
č'ǎ	c'a	ka	ta	ra	r'a
č'ú	c'u	ku	tu	ru	r'u
č'ǫ	c'ǫ	kǫ	tǫ	rǫ	r'ǫ
—	—	kъ	tъ	rъ	—
—	—	ky	ty	ry	—
—	—	ko	to	ro	—

Из приведенной схемы явствует, что во всех 11 возможных позициях перед гласными в праславянском языке могли выступать только твердые согласные (кроме [k], [g], [ch]); в 8 позициях могли выступать как все твердые (кроме заднеязычных), так и мягкие свистящие; в 7 позициях выступали все твердые (кроме [k], [g], [ch]), мягкие шипящие и свистящие и мягкие сонорные согласные, в 6 позициях могли выступать все твердые, включая заднеязычные, и, наконец, только в 3 позициях могли выступать в с е согласные — это позиции перед [a], [u] и [ǫ].

Таким образом, позиции перед [a], [u] и [ǫ] были такими, в которых различалось максимальное количество согласных фонем.

§ 86. Какие же изменения произошли в праславянской системе согласных фонем, унаследованной древнерусским языком, к моменту появления первых памятников письменности этого языка (к X—XI вв.)? Для того чтобы понять это, следует вновь представить возможные в древнерусском языке позиции согласных перед гласными. Эти позиции можно видеть в следующей таблице:

Позиции [č'] + гласный	Позиции [c'] + гласный	Позиции [k] + гласный	Позиции [t] + гласный	Позиции [r] + гласный	Позиции [r'] + гласный
č'i	c'i	—	t'i	r'i	r'i
č'ě	c'ě	—	t'ě	r'ě	r'ě
č'ь	c'ь	—	t'ь	r'ь	r'ь
č'e	c'e	—	t'e	r'e	r'e
č'ä	c'ä	—	t'ä	r'ä	r'ä
č'à	c'à	ka	ta	ra	r'à
č'ù	c'ù	ku	tu	ru	r'ù
—	—	kъ	tъ	rъ	—
—	—	ky	ty	ry	—
—	—	ko	to	ro	—

Рассматривая эту таблицу, можно установить некоторые особенности в системе согласных древнерусского языка сравнительно с праславянской. Во-первых, в этой системе, в отличие от системы праславянской, наличествуют сочетания [č'ě] и [r'ě] — это связано с тем, что в ряде падежных форм (см. § 79) древнерусский язык имел окончание [ě] после исконно мягких в соответствии с [ę] в старославянском языке и [ę̄] — в праславянском. Во-вторых, в этой системе были сочетания согласных с [ä], которые, как говорилось выше (§ 54), выступали в языке в очень редких случаях. В-третьих, в древнерусском языке отсутствуют позиции согласных перед носовыми [ę] и [ǫ] в силу их утраты этим языком и изменением [ę] в [ä] и [ǫ] — в [y].

Итак, в древнерусском языке все твердые согласные (кроме заднеязычных) выступали перед 10 гласными; в 7 позициях выступали те же твердые, а также мягкие шипящие, свистящие и сонорные; в 6— только твердые, включая [к], [г], [х]. И только в двух позициях — перед [а] и [у] — выступали в с е без исключения согласные фонемы. Это были позиции максимального различения согласных фонем древнерусского языка конца X— нач. XI в.

§ 87. Если вернуться к составу согласных фонем праславянского языка последнего периода его развития, то можно установить, что в этот состав входили твердые согласные фонемы [p], [b], [m], [v], [t], [d], [s], [z], [r], [l], [n], получавшие позиционную полумягкость перед гласными переднего ряда, и мягкие согласные фонемы [č'], [ž'], [š'], [c'], [z'], [s'], [r'], [l'], [n'], [j], а также те мягкие, из которых развились вост.-слав. [$\widehat{\text{š'č'}}$] и [$\widehat{\text{ž'd'}}$].

Твердые согласные выступали в твердых аллофонах перед непередними гласными и в аллофонах, характеризующихся позиционной полумягкостью,— перед гласными переднего образования; мягкие согласные фонемы выступали всегда в мягких аллофонах. Согласные [к], [г], [х] были всегда твердыми.

В позднепраславянском языке противопоставленность согласных по признаку твердости-мягкости была очень узкой: такими противопоставленными по этому признаку фонемами были лишь сонорные [r] — [r'], [l] — [l'], [n] — [n'] и переднеязычные [s] и [z] ([s] — [s'], [z] — [z']), причем если мягкие сонорные возникли в результате смягчения твердых [r], [l], [n] в сочетании с [j], то мягкие [s'] и [z'] явились в результате смягчения не твердых [s] и [z], а твердых заднеязычных [ch] и [g].

Описанная система твердых-мягких согласных праславянского языка полностью сохранилась в старославянском языке ранних памятников письменности.

Как уже говорилось (см. § 65), точно такая же противопоставленность согласных по признаку твердости-мягкости выступает и в древнерусском языке эпохи первых письменных памятников.

Различие между праславянским и древнерусским языками в

этой области касается лишь того, что противопоставленность парных твердых-мягких согласных осуществлялась не перед одними и теми же гласными (см. схемы в § 85 и 86).

Вместе с тем ясно, что именно в праславянском языке возникли ряды позиционно меняющихся твердых и полумягких согласных, носящие параллельный характер (см. § 67). Из праславянского языка древнерусский унаследовал и отсутствие позиций нейтрализации твердых-мягких фонем (см. § 65).

Точно так же, как и в древнерусском, в праславянском языке почти не выраженной была категория глухости-звонкости согласных. По существу все то, чем характеризовалась в этом отношении древнерусская система согласных фонем (см. § 66), и в том числе закономерности в сочетаемости шумных, было унаследовано языком восточных славян из праславянского языка, где сложились основные черты этой системы.

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 88. В общеславянской фонетической системе в начале ее истории были сочетания гласных с плавными [r], [l]: [*or], [*ol], [*er], [*el], которые были получены этим языком из индоевропейского языка-основы и которые на протяжении развития праславянского языка подверглись различным изменениям в определенных фонетических условиях.

При этом, попадая в положение перед гласным, плавный в этих сочетаниях отходил к следующему слогу, создавая открытость предыдущего. Иначе говоря, в этом случае дифтонгических сочетаний типа [*or] и под. не было. Так, например, корень [*stor] в о.-слав. [pro-stor-ъ] сохранил последовательность [or] без изменений во всех диалектах праславянского языка, ибо слогораздел в этом слове проходил так, что образовывались открытые слоги: [pro / sto / гъ]; ср. ст.-слав. **просторъ**, русск. *простор*, польск. *przestwór*. Но если такие сочетания оказывались в положении между согласными, то они являлись дифтонгическими, т. е. произносившимися в пределах одного слога: [*stor / na]. Это обстоятельство привело к тому, что в результате действия закона открытого слога сочетания [*or], [*ol], [*er], [*el] перед согласными изменялись, ибо, так же как дифтонги, оканчивающиеся на неслоговой элемент, они образовывали чуждый праславянскому языку закрытый слог.

Однако устранение дифтонгических сочетаний гласных с плавными [r], [l] шло в диалектах праславянского языка не путем монофтонгизации их, а путем иных изменений, причем различных в разных этих диалектах.

Эти различные пути объясняются следующими причинами.

Дифтонгические сочетания [*or] и под. в положении между согласными были долгими, причем долгота их могла сосредоточиваться на гласном или на плавном согласном. В связи с этим в одних диалектах праславянского языка были сочетания [*ōr], [*ōl], [*ēr], [*ēl], а в других [*or̄], [*ol̄], [*er̄], [*ēl]. Первый ряд сочетаний изменился в сочетания [*ar] (< [*ōr]), [*al] (< [*ōl]), [*ěr] (< [*ēr]), [*ěl] (< [*ēl]), которые были свойственны предкам южных славян, а также чехов и словаков; второй ряд сочетаний был характерен для предков восточных и западных славян (кроме чехов и словаков). В силу различий в характере долготы этих сочетаний в разных праславянских диалектах и стояли различные пути их изменения.

Действие закона открытого слога привело к тому, что во всех сочетаниях гласного с плавным слогораздел стал проходить между гласным и плавным ([*to / rt-]), и поэтому последний отошел к следующему слогу. Попав в положение перед согласным, плавный приобрел побочную слоговость.

До этого момента развитие сочетаний типа [*tort] шло одинаково у всех славян. Однако в силу различия долготы и краткости плавного судьба этих сочетаний дальше оказалась различной.

В языке предков южных славян, чехов и словаков, где слоговой плавный оказался кратким, слоговость плавного не удержалась, и он вновь отошел к предшествующему слогу. Это в свою очередь вызвало перестановку артикуляции гласного и плавного: [*tart] > [trat], [*talt] > [tlat], [*těrt] > [trět], [*tělt] > [tlět].

В языке же предков восточных и западных славян, где слоговой плавный был долгим, после него стал развиваться вторичный гласный, подобный гласному перед плавным. Впоследствии этот вторичный гласный стал звуком полного образования, а гласный перед плавным утратился в языке западных славян и сохранился у восточных. Таким образом:

[*tor̄t] > [tor$_o$t] — [trot] у западных славян; [torot] у восточных славян

[*tol̄t] > [tol$_o$t] — [tlot] у западных славян; [tolot] у восточных славян

[*ter̄t] > [ter$_e$t] — [tret] у западных славян; [teret] у восточных славян

[*tel̄t] > [tel$_e$t] — [tlet] у западных славян

Итак:

о.-слав. *gordъ	др.-русск. *городъ*	ст.-слав. градъ	польск. *gród*
*borda	*борода*	брада	*broda*
*golva	*голова*	глава	*głowa*
*volsъ	*волосъ*	власъ	*włos*
*bergъ	*берегъ*	брѣгъ	*brzeg*

**dervo*	*дерево*	дрѣво	*drzewo*
**melko*	*молоко*	млѣко	*mleko*
**pelnъ*	*полонъ*	плѣнъ	*plon*

В отношении последних двух примеров (с сочетанием [*telt]) нужно отметить, что в восточнославянской области это сочетание подверглось изменению не в [telet], как ожидалось бы, а в [tolot]. Это явление объясняется тем, что в сочетании [*telt] согласный [l] в положении перед следующим согласным был лабиовеляризован, т. е. был твердым и несколько лабиализованным. Под влиянием этого лабиовеляризованного [l] гласный переднего ряда [e] передвинулся назад и приобрел лабиализацию. Таким образом, сочетание [*telt] изменилось в [*tolt], а затем развитие этого нового [*tolt] шло указанным уже путем для исконного сочетания [*tolt].

Особый случай изменения, касающийся также сочетания [*telt], у восточных славян был тогда, когда перед [e] находился заднеязычный согласный [k], [g], [ch] (т. е. [*kelt], [*chelt], [*gelt]). В этом случае [k], [g], [ch] изменялись в более раннюю эпоху перед [e] в [č'], [ž'], [š'] в результате действия первой палатализации, что обусловливало невозможность наличия [o] перед плавным [l]: после мягких шипящих, как известно, гласного [o] не могло быть. Однако после плавного все же развивался звук [o]. Таким образом, в развитии этого сочетания у восточных славян действовали две противоположные тенденции: невозможность наличия [o] после мягких шипящих и влияние твердого велярного [l] на изменение сочетания [*telt] в [*tolt].

Итак: о.-слав. **chelmъ* — др.-русск. *шеломъ* (ср. ст.-слав. шлѣмъ);

о.-слав. **gelbъ* — др.-русск. *желобъ* (ср. болг. *жлъб*, сербскохорв. *жлеб*).

О том, что все эти славянские формы действительно восходят к сочетаниям [*or], [*ol], [*er], [*el] между согласными в корне слова, свидетельствуют, во-первых, факты родственных славянам индоевропейских языков (ср. нем. *Bart* — „борода" и др.-русск. *борода;* лит. *valgýti* — „владеть" и др.-русск. *володѣти;* лат. *porcus* — „свинья" и др.-русск. *поросѧ* — „поросенок"; нем. *Garten* — „сад" и др.-русск. *огородъ* и т. д.); во-вторых, факты древнейших заимствований из древнерусского языка в финские (ср., например, финск. *palttina* и др.-русск. *полотьно*, финск. *karsta* и др.-русск. *короста*, эст. *varblane* и др.-русск. *воробей*, эст. *värten* и др.-русск. *веретено* и т. п.).

Изменение сочетаний типа [*tort] и под., начавшись в последний период праславянской эпохи, было живым процессом в начальный период развития отдельных славянских языковых групп.

Об этом свидетельствует, например, факт, что имя франкского короля Карла Великого, которое славянам стало известно в VIII—IX вв., превратившись в нарицательное существительное, пережило в славянских языках все те изменения, какие переживали сло-

ва с сочетаниями типа [*tort]: ср. др.-русск. *король*, ст.-слав. **краль**, польск. *król*, сербск. *krâљ*, чешск. *král*. Таким образом, почти на глазах истории эта тенденция в изменении указанных сочетаний была еще живой.

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ В НАЧАЛЕ СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 89. Близко к рассмотренному выше изменению праславянских сочетаний типа [*tort] и под. стоит происходившее несколько позже изменение сочетаний [*or], [*ol] в начале слова перед согласными ([*ort], [*olt]). Так же как и в середине слов, они, попадая в положение перед согласными в начале слова, являлись дифтонгическими и вызывали образование закрытого слога.

Освобождение от закрытости слога в сочетаниях [*ort], [*olt] шло в целом таким же путем, что и в сочетаниях типа [*tort] и под., и здесь тоже были различия по разным диалектам праславянского языка, причем они зависели, как предполагают, от интонации, характерной для данного слога (см. §§ 93—94).

Если сочетания [*ort], [*olt] находились под восходящей интонацией, то во всех диалектах праславянского языка освобождение от закрытого слога шло одним и тем же путем: в этом случае долгота в рассматриваемых сочетаниях сосредоточивалась на гласном, т. е. у славян здесь были сочетания [*ōrt] > [*art], [*ōlt] > [*alt]. Поэтому освобождение от закрытого слога, осуществившееся при помощи перестановки звуков, привело к образованию сочетаний [rat], [lat]: так, из о.-слав. **órdło* — „орудие пахоты" развилось ст.-слав. и др.-русск. *рало*, польск. *radło*, чешск. *rádlo* (ср. лит. *árklas*; совр. русск. диалектное *орать* — „пахать" сохраняет [ор] без изменения, так как за [р] исконно следовал гласный); из о.-слав. **órka* — „гробница" развились ст.-слав. и др.-русск. *рака*, чешск. *rakev*, серб.-хорв. *рака*; из о.-слав. **ólkotъ* развились ст.-слав. и др.-русск. *лакомъ*, польск. *łakomy*, болг. разг. *лаком*.

Если же сочетания [*ort], [*olt] были под нисходящей интонацией, то у южных славян возникли тоже [rat], [lat], так как в этих диалектах праславянского языка и здесь были долгие гласные в данных сочетаниях (т. е. здесь тоже были сочетания [*art], [*alt]); у восточных же и западных славян развились [rot], [lot], так как гласный в этих сочетаниях здесь был кратким. Таким образом, из о.-слав. **ôlkъlь* развились ст.-слав. **лакъть** (= локоть), болг. *лакът*, сербск. *лâкат*, но др.-русск. *локоть*, польск. *łokieć*, чешск. *loket*; из о.-слав. **ôrstъ* возникли ст.-слав. **растъ** (= рост), болг. *раст*, сербск. *раст*, но др.-русск. *ростъ*, польск. *wzrost*; из о.-слав. **ôrvьnъ* развились ст.-слав. **равьнъ**, сербск. *рâван*, но

др.-русск. *ровьнъ*, чешск. *rovný*, польск. *równy*. Древний общеславянский префикс **orz-* переживал такие же изменения: ср. ст.-слав. **разоумъ**, болг. *разум*, сербск. *разум*, но др.-русск. *розоумъ*, польск. *rozum*.

Различная судьба сочетаний типа [*ort], [*olt] в древнерусском и старославянском языках получила своеобразное отражение в истории русского языка. Как можно заключить из сказанного выше, начальные сочетания [ро], [ло] перед согласным в русском языке, развивавшиеся в древности из сочетаний [*ort], [*olt], являются по происхождению восточнославянскими (ср. современные *роспись, розлив, россыпь*, как и приведенные ранее примеры с такими сочетаниями). В то же время вопрос о характере начальных сочетаний [ра], [ла] из общеславянских [*ort], [*olt] намного сложнее: они могут быть и развившимися на древнерусской почве (например, совр. *лакáть, лакомый*, диалектное *рало*), и такими, которые были усвоены восточными славянами под влиянием старославянского языка (например, *равный, возраст*, подударная приставка *раз-* в *рáзум, рáзвит* и под.); решить этот вопрос можно лишь при условии привлечения сравнительного материала из разных славянских языков.

При этом произношение [ра], [ла] в начале слова из о.-слав. [*ort], [*olt] в современном языке, вообще говоря, может и не быть связано с влиянием старославянского языка, а возникнуть в позднюю историческую эпоху в связи с развитием аканья. Особенно это относится к первому предударному слогу, где, например, произношение *работа* (ср. северное диалектное *робота*), *расти* (ср. *рост*) могло возникнуть тогда, когда развившееся аканье изменило безударное [о] в [а]; закрепление акающего произношения этих слов на письме обусловило современную их орфографию.

ОТРАЖЕНИЕ СУДЬБЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 90. В праславянском языке было два типа сочетаний редуцированных гласных с плавными [r] и [l] между согласными: *а)* редуцированный предшествовал плавному: [*tъrt], [*tъlt], [*tьrt], [*tьlt]; б) редуцированный находился после плавного: [*trъt], [*tlъt], [*trьt], [*tlьt].

В первом типе сочетаний — в случае, когда редуцированный предшествовал плавному, носителем слога в праславянском языке был плавный, а редуцированный являлся неслоговым звуком: [*tъ̯rt], [*tъ̯lt] и под. Однако на протяжении истории праславянского языка эти соотношения изменились, причем изменения были различны в разных диалектах этого языка.

У южных славян неслоговой редуцированный ослаб и посте-

пенно утратился, а слоговой плавный стал произноситься с гласным призвуком после [r], [l]:

[*tъrt] > [tᵊrt] > [trt] > [trᵊt],
[*tъlt] > [tᵊlt] > [tlt] > [tlᵊt] и т. д.

Таким образом, в старославянском языке, например, возникло из общеславянского

[*gъrdlo] > [grlo] **грьло**, [*vъrba] > [vrba] **врьва**,
[*pъlkъ] > [plkъ] **плъкъ**, [*gъltъ] > [ž'ltъ] **жлътъ**.

В старославянских памятниках такое произношение получило отражение в виде написания букв ъ и ь после р и л (**грьло, плъкъ, врьва, жлътъ**). Причем, как ясно из сказанного, такие написания отражают не перестановку редуцированного и плавного, а слоговое произношение [р] и [л]. Иначе говоря, в написаниях **грьло, плъкъ** и т. п. ъ (или ь) после р и л не обозначает редуцированного звука, а указывает лишь на то, что в этих словах плавный был слоговым и произносился со следующим за ним гласным призвуком.

У восточных же славян древние сочетания [*tъrt] и под. подверглись иным изменениям: здесь слоговость плавных была утрачена, а носителем слога стал редуцированный звук.

Таким образом, из о.-слав. [*gъrdlo] возникло др.-русск. [гърло], из [*vъrba] — [вьрба]; из [*zъrno] — [зьрно] и т. д.

Что же касается сочетания [*tъlt], то оно, подобно сочетанию [*telt], изменилось первоначально в [*tъlt], а потом уже пережило тот путь развития, что и остальные сочетания: о.-слав. [*vъlna] > [*vъlna] > др.-русск. [вълна]; о.-слав. [*vъlkъ] > [*vъlkъ] > др.-русск. [вълкъ].

Неслоговой плавный мог в дальнейшем оставаться неслоговым, примыкая к предшествующему слогу, но мог и развивать вторичную слоговость, что получило своеобразное отражение в памятниках древнерусской письменности (см. подробнее выше, § 69).

В результате того, что у южных и восточных славян исконные сочетания [*tъrt] и под. изменялись различными путями, в памятниках старославянского и древнерусского языков обнаруживаются различные написания соответствующих слов: ст.-слав. **грьло** — др.-русск. *гърло;* ст.-слав. **врьва** — др.-русск. *вьрба;* ст.-слав. **зрьно** — др.-русск. *зьрно;* ст.-слав. **влъна** — др.-русск. *вълна* и т. д.

Эти написания отражают слоговое произношение плавного в старославянском языке и наличие слогообразующих редуцированных в древнерусском. Под старославянским влиянием написания этих слов с редуцированным после плавного (типа **грьло, зрьно**) часто обнаруживаются и в древнерусских памятниках, где они не отражают живого произношения восточных славян.

Во втором типе сочетаний, в случаях, когда редуцированный находился после плавного, в древнейший дописьменный период носителем слога был редуцированный звук: [*trъt], [*tlъt] и под.,

в результате чего слог оказывался открытым. Поэтому такие сочетания не изменились и имели вплоть до относительно позднего исторического периода одинаковую судьбу у всех славян. Эта одинаковость судьбы данных сочетаний отразилась в наличии одинаковых написаний в памятниках старославянского и древнерусского языков.

Ср. о.-слав. [krъvь] — ст.-слав. **кръвь**, др.-русск. *кръвь;*
о.-слав. [krьstъ] — ст.-слав. **крьстъ**, др.-русск. *крьстъ;*
о.-слав. [glъtati] — ст.-слав. **глътати**, др.-русск. *глътати;*
о.-слав. [slьza] — ст.-слав. **сльза**, др.-русск. *сльза.*

И лишь в дальнейшем, в зависимости от сильного и слабого положения редуцированного в слове, эти сочетания по-разному изменились в различных славянских языках.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЯВЛЕНИЙ НАЧАЛА СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 91. Как уже говорилось, в древнерусском языке в начале слова гласные были распространены мало, так как общее стремление к открытости слога проявлялось здесь в тенденции прикрытости начального гласного согласным, чем достигалась возрастающая звучность в слоге.

Поэтому перед теми гласными, которые оказывались в положении абсолютного начала слова, еще в праславянский период развивались согласные звуки. Эти процессы затронули в разной степени различные диалекты праславянского языка, и в этой области можно видеть определенные отличия между ними. В частности, в области развития согласных перед начальными гласными можно указать на ряд восточнославянских особенностей.

Так, у восточных славян в начале слова перед гласным [а] развивался согласный [j]. (Эта черта свойственна и западным славянам.) В южнославянской же языковой области, в частности в старославянском языке, это явление наблюдалось непоследовательно. Ср. др.-русск. **ꙗгнѧ**, польск. *jagnię* и ст.-слав. **агньць**; др.-русск. **ꙗвити**, польск. *jawić* и ст.-слав. **явити** и **ꙗвити**.

В результате этой тенденции в древнерусском языке не существовало слов с начальным звуком [а]. Такие слова, как *азъ, ако, аже*, наряду с **ꙗзъ, ꙗко, ꙗже**, встречающиеся в др.-русск. памятниках, не были свойственны живому древнерусскому языку, а проникли в письменность и в церковнокнижное произношение под старославянским влиянием. Известно, что в современном русском языке слова с начальным [а] являются в подавляющем большинстве заимствованными (*арбуз, абажур, атаман, август, ад* и т. д.); собственно русскими и давними по происхождению словами с начальным [а] можно, пожалуй, считать лишь союз *а* и возникшие

на его базе *ась, ага* и *авось*, а также междометие *ах*.

Наоборот, в отличие от старославянского языка, где в начале слова развивался [j] перед [у], в древнерусском языке начального периода его истории это явление отсутствовало:

др.-русск. *оугъ* — ст.-слав. **югъ**,
др.-русск. *оуноша* — ст.-слав. **юноша**,
др.-русск. *оутро* — ст.-слав. **ютро**,
др.-русск. *оультана* — ст.-слав. **юлтана** и т. д.

Отсутствие развития [j] перед [у] в древнерусском языке, возможно, объясняется наличием в произношении придыхательного элемента перед этим гласным. Это придыхание первоначально, вероятно, появлялось перед [ǫ], которое на восточнославянской почве изменилось в [у]. Следы такого придыхания сохранились в некоторых русских словах, где в соответствии со ст.-слав. [ǫ] (**ѫ**) в начале слов произносится сочетание [гу].

Ср. ст.-слав. **ѫжь** — русск. *гуж* (др.-русск. *гоужь*),
ст.-слав. **ѫсѣница** — русск. *гусеница* (др.-русск. *гоусѣница*).

Вместе с тем иногда отсутствие [j] перед [у] в восточнославянских словах объясняют утратой его в этом положении, связывая данный процесс с явлением изменения [je] в [о] в начале слова, о котором будет сказано ниже.

В современном русском языке существуют слова как с начальным [у] (ср. *утро, ужин, уха* и др.), так и с начальным [jу] (ср. *южный, юноша, юный* и др.), причем последние представляют собой факты, появившиеся в русском языке под влиянием старославянского.

Согласный [j] развивался в древнерусском языке и перед [е] (кроме местоименного элемента *э*, например, в *этот, эвон, экой* и т. д., где, вероятно, было также придыхание: [hэтот]): [jель], [jесмь] и т. д., и перед [ē] (< [ē]). Однако в последнем случае [ē], попадая в положение после [j], как и вообще после мягких согласных, должен был измениться в [а]: [ē] > [jē] > [ja]. Ср.: [ēmь] > [jěmь] > [jamь], ст.-слав. **ѥмь**. Однако у восточных славян этого, как видно, не произошло: ср. совр. русск. *ем, ехать*, др.-русск. *ѣмь, ѣхати*. Причины наличия или отсутствия изменения [jē] > [ja] не ясны.

Особого внимания заслуживает явление начального [о] в языке восточных славян в соответствии с [je] в южно- и западнославянских языках: др.-русск. *озеро, осень, олень, одинъ* и ст.-слав. **езеро, есень, елень, единъ**, польск. *jezioro, jesień, jeleń, jeden*, болг. *езеро, есен, елен, един*, чешск. *jezero, jeseň, jelen, jeden*, сербск. *jѐзеро, jѐсен, jѐлен, jѐдан*.

Традиционное объяснение этого соответствия как изменения праславянского [je] в [о] с утратой [j] наталкивается на ряд трудностей, ибо установить фонетические условия такого изменения оказывается невозможным. Как видно, в этом плане справедливо мнение Ф. П. Филина о том, что, во-первых, в самом праславянс-

ком языке были слова-дублеты, имевшие разнооформленный начальный слог: **osenь / *esenь* (это подтверждается данными других индоевропейских языков), а во-вторых, можно предполагать, что в праславянском языке возникла непоследовательно осуществлявшаяся тенденция к развитию [j] перед начальным [e] (поэтому в старославянских памятниках соседствуют написания с **ѥ** (= [je]) и **е**: **кѥже — еже, ѥзеро — езеро**). И в группе слов-дублетов, и в тех случаях, когда перед [e] не развивался [j], гласный [e] в начале слов был утрачен в результате изменения [e] в [o] перед слогом с передним гласным и с [ъ], [o], что охватило прежде всего восточнославянскую языковую область.

Следует обратить внимание, что в литературном русском языке под старославянским влиянием укрепились книжные слова с корнем *един* (ср. *единый, единство, единственный*). Все они имеют оттенок торжественности и семантически совершенно разошлись с исконно одним и тем же, но восточнославянским корнем *один* (ср. еще фамилию *Есенин*).

ОТЛИЧИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА ОТ ДРУГИХ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, И В ЧАСТНОСТИ ОТ СТАРОСЛАВЯНСКОГО, СЛОЖИВШИЕСЯ К КОНЦУ X — НАЧАЛУ XI в.

§ 92. Выше были рассмотрены основные явления фонетической системы общевосточнославянского языка, которые в целом были унаследованы из праславянской эпохи и в которых в ряде случаев отражаются те специфические особенности, какие сложились в диалектах восточных славян или в конце общеславянского единства, или в начальный период развития восточнославянского языка-основы. Если подытожить и обобщить все сказанное выше, то можно установить те черты, которые отличали язык восточных славян, древнерусский язык, от языков западных и южных славян к началу исторического периода в развитии древнерусского языка. Они могут быть двух типов.

Во-первых, это могут быть такие отличия, в которых отражаются разные этапы, разные эпохи в развитии одного и того же праславянского явления. Иначе говоря, могут быть такие отличия, устанавливая которые можно говорить о том, какой язык отражает более раннюю, а какой — более позднюю ступень в развитии данного явления, т. е. в этом случае можно говорить об относительной хронологии явлений. Так, например, праславянские носовые звуки были утрачены и древнерусским и южнославянскими языками (хотя, конечно, конкретные результаты изменения носовых у южных и у восточных славян были различными: у восточных славян из [ǫ] возникло [у], из [ę] — [ä] > ['а]; в словенском [ǫ] > [o],

[ę] > [e]; в сербском [ǫ] > [y], [ę] > [e]; в болгарском [ǫ] > [ă] (ъ), [ę] > [e]), но утрата эта произошла не одновременно. И к концу X — началу XI в. древнерусский язык уже не имел носовых, а старославянский еще сохранял их. Поэтому применительно к этой эпохе и к этому явлению можно говорить, что древнерусский язык отражает более позднюю, а старославянский — более раннюю ступень в истории носовых звуков.

Во-вторых, эти отличия могут касаться того, что развитие звуков или их сочетаний имеет свои особенности в древнерусском языке по сравнению с другими славянскими языками, но вопрос о древности того или иного явления, о том, какой язык отражает более раннюю или более позднюю ступень развития, здесь поставлен быть не может. Например, развитие сочетаний типа [*tort] в [torot] (полногласие) в древнерусском языке отличает его от старославянского, где они развились в [trat] (неполногласие), но говорить о том, что одно из этих явлений развилось раньше или позже другого, невозможно.

Основными чертами, отличающими древнерусский язык от других славянских языков, были следующие:

1) Отсутствие носовых в древнерусском языке и изменение их в [у] и [ă] уже в X в. (см. § 79). В старославянском языке носовые удерживались еще в начале исторического периода. Из современных славянских языков, как уже говорилось, носовые есть теперь в польском языке и отдельных славянских говорах Македонии.

2) В древнерусском языке [ě] произносился как звук типа [ê], тогда как в старославянском этот звук имел открытый характер, типа [ä] (см. § 54). В польском и болгарском языках бывший [ě] произносится обычно как открытый звук (польск. *miasto, biały*, болг. *хляб, бял*); в чешском и сербскохорватском — как закрытый (чешск. *míra, bílý*, сербск. *гнéздо, дѐло*).

3) В древнерусском языке в XI в. еще удерживались редуцированные [ъ] и [ь], тогда как в старославянском они к этому времени утратились.

4) Из общеславянских сочетаний [*tj], [*dj], [*kt], [*gt] перед гласными переднего ряда в древнерусском языке развились шипящие [č'], [ž'], тогда как у южных славян возникли аффрикаты [$\widehat{\text{š't'}}$], [$\widehat{\text{ž'd'}}$] или [ћ], [ђ], а у западных — свистящие [c], [dz] (см. § 83).

5) Из общеславянских сочетаний [*stj], [*skj], [*sk] у всех славян развилось [$\widehat{\text{š'č'}}$], кроме старославянского, где возникло [$\widehat{\text{š't'}}$] (см. § 83).

6) Из общеславянских сочетаний [kvě], [gvě] в древнерусском и южнославянских языках развились [c'vě], [z'vě], а у западных славян они сохранились без изменения (см. § 82).

7) Изменение сочетания губных с [j] в сочетания „губной + + l-epentheticum" последовательно проведено только у восточных славян, тогда как у других оно так последовательно прошло лишь в начале слова; не в начале же слова l-epentheticum непоследовательно встречается в старославянском языке и отсутствует у западных славян. Из современных южнославянских языков такое [l] не в начале слова отсутствует в болгарском (см. § 83).

8) Из общеславянских сочетаний типа [*tort], [*tert], [*tolt], [*telt] развилось полногласие [torot], [tolot], [teret] у восточных славян и сочетания [trat], [tlat], [trět], [tlět] у южных, а также в чешском и словацком (западнославянских) языках; в остальных западнославянских языках здесь возникли сочетания [trot], [tlot], [tret], [tlet] (см. § 88).

9) Общеславянские сочетания [*ort], [*olt] в начале слова изменились последовательно в [rat], [lat] в южнославянских и отчасти в словацком языках и в [rat], [lat] или [rot], [lot] в зависимости от интонации у восточных и западных славян (см. § 89).

10) Общеславянские сочетания редуцированных с плавными типа [*tъrt] и под. между согласными сохранились без изменения в древнерусском и западнославянских языках (правда, у западных славян были некоторые сложные изменения по диалектам), подвергшись изменению в [tŕt] и под. (с [r], [l] слоговыми) в старославянском языке (см. § 90).

11) Начальному [o] в некоторых словах древнерусского языка соответствует сочетание [je] у южных и западных славян (см. § 91).

12) В определенных падежных формах древнерусскому и западнославянскому окончанию [ě] соответствует [ę] старославянского языка (см. § 79).

ХАРАКТЕР ДРЕВНЕГО СЛАВЯНСКОГО УДАРЕНИЯ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ

§ 93. Индоевропейские языки в их древнейшем состоянии имели разноместное и подвижное ударение, т. е. такое, которое могло находиться на любом слоге слова и передвигаться в одной парадигме с одного слога на другой. Те языки, которые теперь имеют фиксированное ударение (например, французский — на последнем слоге, германские — в основном на корневой части слова), получили его в позднее время. Большинство славянских языков сохраняет старую разноместность и подвижность ударения (только в чешском оно закреплено на начальном слоге и в польском — на предпоследнем). Русский язык также характеризуется разноместностью и подвижностью ударения.

Однако ударение в древних славянских языках было иным, чем

теперь: оно было музыкальным, а не динамическим, экспираторным. При экспираторном ударении, свойственном современному русскому языку, ударный слог выделяется по сравнению с неударными большей напряженностью артикуляции, особенно гласного. Музыкальное же ударение основывается на относительной высоте тона (что зависит от частоты колебания голосовых связок), и ударный слог выделяется изменением высоты тона.

Конечно, о музыкальной стороне ударения, т. е. о повышении и понижении тона, можно говорить и применительно к современному русскому языку. Но эта сторона русского ударения не является самостоятельной, а зависит от ритмико-интонационного членения фразы, т. е. не связана со словом как таковым. Поэтому различия в музыкальной стороне ударения не ведут к различию слов и их форм. В тех же языках, где музыкальная сторона самостоятельна, там она характеризует данное слово или форму и служит поэтому для их различения. Таков, например, сербохорватский язык, где изменение в музыкальной стороне ударного гласного играет различительную роль. Так, форма дат. пад. *гра̑ду* отличается от формы местн. пад. *гра́ду* лишь тем, что в первой гласный в корне находится под долгим нисходящим ударением, а во-второй — под долгим восходящим ударением. Такое ударение, в котором различия музыкальной стороны самостоятельны, называется п о л и т о н и ч е с к и м.

В русском языке ударение тоже может играть различительную роль, но это зависит не от качества его, а от места (ср. *за́мок — замо́к, ру́ки — руки́, но́ски — носки́, пи́ли — пили́* и т. п.).

В праславянском языке ударение было разноместным, подвижным и политоническим. При этом разные типы ударения были связаны с различием интонаций, характерных для праславянского языка. В этом языке различались две интонации — восходящая, или а к у т о в а я (греч. „острый"), при которой тон повышался от начала к концу слога (обозначается значком ˈ над гласным), и нисходящая, или ц и р к у м ф л е к с и а я (греч. „загнутый"; обозначается значком ˆ над гласным), для которой было характерно понижение тона к концу слога. Обе эти интонации первоначально характеризовали не только ударные, но и безударные слоги, однако к концу праславянского периода они стали различаться только под ударением. Безударные слоги интонацией уже не характеризовались.

Различие восходящей и нисходящей интонаций отчетливо обнаруживалось на долгих гласных или долгих слогах, т. е. на слогах, включающих в себя рефлексы долгих дифтонгов или дифтонгических сочетаний. К долгим по происхождению гласным относились [a], [y], [i] (< [ī]), [ě] (< [ē]), дифтонги и дифтонгические сочетания с долгой слоговой частью ([ōu̯], [ōj] и под., [ōr], [ōl] и под.). Долгие гласные и долгие дифтонги могли иметь и акутовую, и циркумфлексную интонацию. Краткие же гласные [e], [o] и [i], [u], [ě], восходящие к дифтонгам с краткой

слоговой частью ([ŏj], [ĕj] и под.), имели циркумфлексную интонацию, совпадавшую с циркумфлексной интонацией долгих гласных.

В праславянском языке ударение на слогах с акутовой интонацией было восходящим, а на слогах с циркумфлексной интонацией — нисходящим. Об этом свидетельствуют факты русского языка в сравнении с другими языками. В частности, об этом свидетельствует место ударения в словах с полногласными сочетаниями. В русском языке в словах с сочетаниями [оро], [оло], [ере], восходящими к праславянским [*tort], [*tolt], [*tert], [*telt], ударение ныне падает или на первый гласный сочетания, или на второй: *вóрон, гóрод, мóлот, бéрег* и *ворóна, горóх, болóто, терéть*. Объяснение этому факту можно найти при сравнении русских форм, во-первых, с формами сербохорватского языка, сохранившего различие в интонации под ударением до сих пор (при этом праславянскому циркумфлексу в сербохорватском соответствует нисходящее ударение на долгом гласном, а праславянскому акуту — краткое нисходящее ударение); во-вторых, с чешским языком, имеющим ныне в слогах с бывшим циркумфлексом краткий гласный под ударением, а с бывшим акутом — долгий, и, наконец, в-третьих, с литовским языком, где обнаруживается нисходящая интонация в соответствии со славянским акутом и восходящая — в соответствии с циркумфлексом. (В приводимых ниже сербохорватских примерах значок ̑ над буквой обозначает долгое нисходящее ударение, а ̏ — краткое нисходящее; значок ′ в чешских словах обозначает долготу гласного. В примерах из литовского языка значок ̃ над буквой обозначает восходящую интонацию, а ´ — нисходящую.)

Ср.: русск.	*гóрод*	сербохорв. *грâд*	чешск. *hrad*	лит. *gãrdas*
	вóрон	*врâн*	*vran*	*vãrnas*
	ворóна	*врâна*	*vrána*	*vãrna*
	берéза	*брêза*	*bříza*	*bèržas*

Ударение в русском полногласном сочетании на первом гласном указывает, что здесь первоначально в сочетании типа [*tort] была нисходящая интонация, а при современном ударении на втором гласном — восходящая. Иначе говоря, прежнее различие в интонации теперь отражается в русском языке в различии места ударения в полногласных сочетаниях; в сербохорватском языке — в различии долгого нисходящего и краткого нисходящего ударения; в чешском — в краткости и долготе ударного гласного.

Отражаются старые интонационные различия также и в судьбе праславянских сочетаний [*ort], [*olt] в начале слова у восточных славян: как говорилось выше (см. § 89), изменение этих сочетаний в [rat], [lat] или в [rot], [lot] зависело от восходящей или нисходящей интонации, характерной для них в праславянский период.

§ 94. Факты современного русского языка указывают в ряде случаев на перемену места ударения и на изменение характера интонации в древнюю эпоху истории славянских языков.

Что касается места ударения, то следует еще раз сказать, что первоначально интонация характеризовала как ударные, так и безударные слоги.

В том случае, если ударный слог имел нисходящую интонацию на кратком или долгом гласном, а следующий безударный слог имел акутовую интонацию на долгом слоге, ударение перетягивалось на акут. Это явление называется законом Фортунатова — Соссюра, так как оно было открыто русским и швейцарским учеными независимо друг от друга.

Так, например, в праславянском [rǫ̑ká] ударным был гласный [ǫ], находившийся под циркумфлексной интонацией, безударный же гласный [a] был под акутовой интонацией. В силу закона Фортунатова — Соссюра ударение перетянулось на акут: совр. русск. *рукá*; в вин. пад. [rǫ̑kǫ̑] и ударный, и безударный слоги были равно с циркумфлексной интонацией, и поэтому место ударения не изменилось: совр. русск. *рýку*. То же самое обнаруживается в *горá — гóру, водá — вóду, хочý — хóчешь, жилá — жúли* и под.

А. А. Шахматов установил еще одну закономерность в изменении места древнего ударения, а именно перетягивание его со среднего долгого или краткого циркумфлектированного слога на начальный. Примерами такого перетягивания могут служить факты передвижки ударения на предлог в русском языке: русск. *бéрег* указывает на первоначальное [*bêrgъ] с циркумфлексной интонацией на корневом кратком гласном; при присоединении предлога, который образовал вместе со словом единое фонетическое целое, ударение перетягивалось к началу слова — так возникло *нá-берег;* то же самое обнаруживается в *зá-город, пóводу* и под. Но, например, русск. *корóва* указывает на первоначальное [*kòrva] с акутовой интонацией на корневом гласном; поэтому перетягивания ударения к началу слова не было: *за корóвой.*

Относительно изменения характера древней интонации следует сказать, что на славянской почве возникали новые интонации, или происходила метатония. Известны три такие новые интонации: новоакутовая долготная, новоциркумфлексная и новоакутовая краткостная. Для русского языка важны обе новоакутовые интонации, которые получили определенное отражение в системе современного ударения.

Новоакутовая долготная интонация по происхождению восходит к старой циркумфлексной. В русском языке она внешне совпала со старой акутовой, но отличить ее от последней возможно.

Если сравнить, например, два ряда фактов: с одной стороны, *ворóна — ворóну — ворóн,* а с другой — *головá — гóлову — го-*

лóв, то возникает вопрос: чем объяснить соотношения в месте ударения в данных словах, т. е. соотношение неподвижного ударения в формах слова *ворóна* и подвижного — в *головá*?

Слово *ворóна* восходит к [*vórna], где подударный гласный имел акутовую интонацию, которая и отразилась в современном языке в виде ударения на втором гласном полногласного сочетания. Слово же *головá* восходит к [*gôlovà] с подударной гласной под циркумфлексной интонацией и безударной — под акутовой; в связи с этим произошло перетягивание ударения на акут, откуда и современное *головá*. Исконный циркумфлекс сохранился в форме вин. пад. *гóлову*, где ударение не перешло на конечный слог, так как он был, так же как и подударный, под циркумфлексной интонацией: [*gôlvô]. При словоизменении возникла новоакутовая долготная интонация, отразившаяся в ударении на втором гласном полногласного сочетания: *голóв*. То же самое можно увидеть и в *бородá — бóроду — борóд*.

Так было в тех случаях, когда ударение падало на долгий слог; если же оно приходилось на краткий гласный, то при метатонии возникала иная новая интонация — вторая новоакутовая интонация краткостей. Эта интонация отражается в русских диалектах в переходе [о] в начальном слоге в закрытый [ô] или дифтонг [уо] (например, *в*[ô]*ля — в*[уо]*ля, к*[ô]*т — к*[уо]*т, г*[ô]*нит — г*[уо]*нит*). Это объясняется тем, что краткий гласный [о] в результате метатонии оказался под восходящим ударением, т. е. стал иметь акутовую интонацию, как долгий гласный.

Метатонии подвергся исконный краткий [о] во всех слогах, но в начальном он мог сохранять и циркумфлексную интонацию. Именно поэтому в начальном слоге слов могло развиться различие [о] и [ô], что обнаруживается в истории некоторых русских диалектов (см. § 131).

В литературном языке вторая новоакутовая интонация краткостей отразилась в развитии в некоторых словах [в] перед начальных гласным [о]: *вотчина, восемь* (в диалектах еще *вострый*).

Причины метатонии неясны, однако предполагают, что она была связана с перераспределением сонорно-интонационных волн в отдельных частях предложения.

Изменения в акцентной системе предположительно относятся к эпохе падения редуцированных (XII—XIII вв.), т. е. предполагается, что древние интонационные отношения удерживались в древнерусском языке достаточно длительное время и что экспираторный характер русского ударения — это явление уже письменного периода истории.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1961.— С. 182—228, 230—232.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953. — Т. II.— С. 73.

Васильев Л. Л. С каким звуком могла ассоциироваться буква ѧ в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников // Русский филологический вестник.— 1913.— № 1—2.

Гуйер О. Введение в историю чешского языка.— М., 1953.— С. 61—62.

Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения.— М., 1956.— Т. XIII.— С. 137.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка.— Л., 1980.

Мейе А. Общеславянский язык.— М., 1951.— С. 19—38, 67, 84—87.

Селищев А. М. Старославянский язык.— М., 1951.— Ч. I.— С. 134—135, 168—169, 176—197, 200, 206—207.

Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного „De administrando imperio" // Историческая грамматика и лексикология русского языка.— М., 1962.

Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды.— М., 1957.— Т. II.— С. 167.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 121—139.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА, ВЫЗВАННЫЕ РАЗВИТИЕМ СОГЛАСНЫХ ВТОРИЧНОГО СМЯГЧЕНИЯ

СМЯГЧЕНИЕ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 95. Как уже говорилось выше, древнерусский язык характеризовался системой твердых и мягких согласных фонем, унаследованной из праславянской эпохи. Сущность этой системы заключалась в том, что в ней почти отсутствовали парные по признаку твердости-мягкости согласные: из всех согласных только сонорные [р], [л], [н] и свистящие [с] и [з] были в таких парных соотношениях, т. е. могли быть твердыми и мягкими. Остальные согласные были или непарными твердыми, или непарными мягкими. При этом твердые согласные, кроме заднеязычных, могли выступать перед всеми гласными, а мягкие — перед гласными переднего ряда и перед [а] и [у]. Попадая в положение перед гласными переднего ряда, твердые согласные приобретали позиционную полумягкость (см. § 64), и тем самым образовывались параллельные ряды позиционно меняющихся твердых и полумягких согласных (см. § 67). Такую позиционную полумягкость приобретали согласные [т], [д], [с], [з], [п], [б], [м], [в], [р], [л], [н].

Эта полумягкость согласных перед гласными переднего ряда сохранялась в древнерусском языке, как предполагают, вплоть до середины XI в., когда постепенно полумягкие согласные в этом положении смягчились полностью, т. е. приобрели „йотовую" артикуляцию.

Исконная мягкость согласных, в отличие от полумягкости, в памятниках XI—XII вв. обозначалась постановкой после них йотированных букв или с помощью так называемых крюков. После полумягких согласных писались нейотированные буквы, и они не снабжались крюками. Так, например, в Синайском патерике XI в. исконно мягкие [л'] и [н'] обозначаются специально: **исцѣлить, дѣла, гл҃ющи, вопла, вольша, къ нѣмоу, ѿ него, на нѣмь, поганѣ, прелѣгати; Ѳеодоу, о землѣ**; полумягкие же передаются иначе: **не мешаше, лежить**. То же самое в Мстиславовом евангелии 1117 г: с одной стороны, **гл҃ет сѧ, гл҃ющи, к нѣмоу, оу него, по нѣмь, из него, съ нею** и **гл҃ѧи, иаковлѣ, съвѣдѣтельствоующи, агнець, жьнѧи**, а также **оучителю, въ нѣмь**, а с другой — **алекса, кльнѣть, почьрпальника, самарѧнѣ, приисе, истиньнои, кланаимъ** и др.

Подобные различия в обозначении исконно мягких и полумягких согласных обнаруживаются и в других древних памятниках: в Остромировом евангелии, в Минеях 1095—1097 гг., в

Изборнике Святослава 1073 г., в Архангельском евангелии 1092 г., в Словах Григория Богослова и Пандектах Антиоха XI в. и др. Надо сказать, что в этих памятниках такое различение разных по качеству согласных проводится непоследовательно (есть и такие памятники, в которых исконная мягкость согласных вообще не обозначается,— такоа, например, Изборник Святослава 1076 г.), и связано это, по-видимому, с тем, что ко времени их создания в древнерусском языке или в отдельных его диалектах уже прошел процесс смягчения полумягких, а потому исконная мягкость согласных потеряла необходимость своего графического выражения.

Таким образом, можно предполагать, что приблизительно в середине XI в. в дреанерусском языке утратились полумягкие позиционные аллофоны твердых согласных фонем, и с этого времени согласные стали выступать только или как твердые, или как мягкие.

Те согласные, которые приобрели мягкость перед гласными переднего ряда, будучи ранее полумягкими, называются с о г л а с н ы м и в т о р и ч н о г о с м я г ч е н и я.

В результате смягчения полумягких в древнерусском языке в позиции перед гласными переднего ряда стали выступать мягкие [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], [р'], причем последние пять согласных, явившись результатом смягчения соответствующих твердых, совпали по своему качеству с исконно мягкими [с'], [з'], [н'], [л'], [р'].

Появление согласных вторичного смягчения относится к начальному периоду раздельного существования восточных, южных и западных славян, причем этот процесс охватил не все славянские языки. Он был характерен для всех восточных славян, в том числе и для тех их диалектов, которые легли в основу украинского языка. Позже в этом языке прошел процесс отвердения мягких согласных. В языках западных и южных слааян наблюдаются своеобразные процессы, связанные с развитием согласных вторичного смягчения.

§ 96. Итак, после смягчения полумягких состав мягких согласных расширился, ибо появились новые мягкие, которых ранее не было. Однако в фонематическом плане, в отношении системы согласных фонем дело обстояло сложнее.

Расширив состав мягких согласных, смягчение полумягких вызвало серьезные изменения в соотношениях согласных и гласных в древнерусском языке середины XI в. Эти изменения были обусловлены тем, что в результате смягчения полумягких позиции употребления согласных перед гласными и, соответственно, гласных после согласных оказались иными, чем это было до этого процесса.

Если представить схематически сочетаемость исконно парных по твердости-мягкости согласных (обозначим их через [р], [р'] +

гласный) до и после развития согласных вторичного смягчения, то она будет выглядеть следующим образом:

До смягчения полумягких		После смягчения полумягких	
[р] + гласный	[р'] + гласный	[р] + гласный	[р'] + гласный
ры	—	ры	—
ро	—	ро	—
ръ	—	ръ	—
ру	р'·у	ру	р'·у
ра	р'·а	ра	р'·а
р'и	р'и	—	р'и
р'ě	р'ě	—	р'ě
р'е	р'е	—	р'е
р'ь	р'ь	—	р'ь
р'ä	р'ä	—	р'ä

Таким образом, если до смягчения полумягких исконно парные по твердости-мягкости твердые согласные употреблялись перед всеми гласными, а мягкие — перед [а], [у] и гласными переднего ряда, то после смягчения полумягких твердые остались только перед непередними гласными, а мягкие сохранили все свои прежние позиции.

С другой стороны, представив схематически сочетаемость с гласными тех согласных, которые стали парными по твердости-мягкости в результате смягчения полумягких (их можно обозначить через [т], [т']), до и после этого процесса, можно установить следующую картину:

До смягчения полумягких	После смягчения полумягких	
[т] + гласный	[т] + гласный	[т'] + гласный
ты	ты	—
то	то	—
тъ	тъ	—
ту	ту	—
та	та	—
т'и	—	т'и
т'ě	—	т'ě
т'е	—	т'е
т'ь	—	т'ь
т'ä	—	т'ä

Таким образом, если до смягчения полумягких перед всеми гласными выступал [т], то после этого процесса твердый сохранился только перед непередними гласными, а перед передними стал выступать мягкий.

Сочетаемость тех согласных с гласными, история которых не была связана со смягчением полумягких (к ним относились заднеязычные [к], [г], [х], непарные мягкие шипящие [ш'], [ж'], аффрикаты [ц'], [ч'] и слитные [ш'ч'], [ж'д']), осталась прежней, такой, какая была характерна для древнерусского языка конца X — начала XI в.

§ 97. В связи с отмеченными изменениями в сочетаемости твердых и мягких согласных с гласными стоят и те новые явления в противопоставленности согласных перед гласными, какие возникли в древнерусском языке в результате смягчения полумягких согласных.

Прежде всего здесь следует обратить внимание на то, что для исконно парных по твердости-мягкости согласных сохранилась позиция их противопоставления перед [у]: смягчение полумягких не затронуло этой позиции, и в положении перед [у], как и раньше, равно выступали твердые и мягкие [р — р'], [л — л'], [н — н'], [с — с'], [з — з'], противопоставляясь тем самым друг другу.

Для этих же согласных сохранилась и другая позиция противопоставления — позиция перед [а], однако в отношении этой позиции надо учитывать и некоторые новые явления. Дело здесь заключается в том, что позиция перед [а] в эпоху после смягчения полумягких расширила область своего распространения за счет утраты фонемы [ä]. Для понимания этого положения надо иметь в виду следующее.

В системе древнерусского языка конца X — начала XI в., как говорилось выше, гласные фонемы [а] и [ä] противопоставлялись друг другу по признаку непередней-передней зоны образования. Это противопоставление отчетливо выявлялось в том случае, когда [а] и [ä] выступали после твердых согласных: оказываясь в позиции перед [ä], твердая согласная фонема выступала в полумягком аллофоне, тогда как перед [а] аллофон согласной фонемы оставался твердым. С другой стороны, в положении после мягких согласных аллофон фонемы [а] характеризовался сдвигом в сторону передней зоны образования ([ˈа]), т. е. сближался с аллофоном фонемы [ä]. Если учесть, что для прошлых состояний языка нельзя точно определить степень сдвига вперед аллофона непередней гласной [а], то надо признать, что в позиции после мягких согласных возникала нейтрализация [а] и [ä], в результате чего две фонемы стали выступать в одном аллофоне, характеризующемся более передним образованием по сравнению с [а]. Именно такой вывод о развитии нейтрализации [а] и [ä] в древнерусском языке конца X — начала XI в. и был сделан выше (см. § 59). Однако наличие в тот период позиции для [а] и

[ä] после твердых согласных вполне определенно доказывает существование этих двух гласных фонем, отчетливо противопоставленных друг другу.

Иное положение сложилось после смягчения полумягких. В этот период [ä] уже не выступала в положении после твердых согласных наравне с [а]: [ä] оказалась возможной только после мягких согласных, и только в этой позиции она стала выступать наряду с [а].

Утрата возможности противопоставления [а] и [ä] после твердых согласных в древнерусском языке середины XI в. привела к утрате фонемы [ä], ибо различие между этими двумя фонемами превратилось в тождество: тот аллофон, который выступал на месте [а] и [ä] после мягких согласных, оказался связанным фонологически и фонетически с аллофоном [а] после твердых согласных, и различие между аллофоном фонемы [а] после твердых и аллофоном на месте [а] и [ä] после мягких стало обусловлено уже не различием двух гласных фонем, а качеством — твердостью или мягкостью — предшествующего согласного.

Итак, для исконно парных по твердости-мягкости согласных позициями противопоставления после смягчения полумягких были позиции перед [у] и [а], причем в последнем случае [а] после мягких согласных восходит как к исконному [а], так и к [ä].

Для неисконно парных по твердости-мягкости согласных, т. е. для тех, мягкая пара которых является согласным вторичного смягчения, позицией противопоставления являлась только позиция перед [а], причем в этих случаях [а] после мягких согласных восходит к [ä]. В позиции перед [а] противопоставлялись пары [п — п'], [б — б'], [в — в'], [м — м'], [т — т'], [д — д'].

Во всех остальных позициях перед гласными противопоставления парных твердых-мягких согласных не было. Это значит, во-первых, что исконно парные по твердости-мягкости согласные утратили все позиции их противопоставления перед гласными переднего ряда, ибо бывшие полумягкие, противопоставленные мягким перед передними гласными, совпали с исконно мягкими (если, например, до смягчения полумягких в [кон'ъ] звук [н] был мягким, а в [огнь] — полумягким, то теперь в обоих этих словах стал произноситься один и тот же звук [н']). Это значит, во-вторых, что в положении перед всеми гласными, кроме [а] и [у], парные твердые и мягкие согласные не могли противопоставляться друг другу, так как твердые выступали только перед непередними гласными [ы], [о], [ъ], а мягкие — только перед передними [и], [ě], [е], [ь]. Иначе говоря, в положении перед этими гласными твердость-мягкость согласных оказалась обусловленной зоной образования гласного. Однако в то же время была и обратная зависимость: можно сказать, что гласные непередней зоны могли быть только после твердых согласных, а гласные передней зоны — только после мягких. Система древнерусского языка середины XI в. не позволяет установить, что́ в

действительности было обусловленным, а что́ — независимым, так как при сохранении действия закона открытого слога были невозможны позиции абсолютной изоляции согласного и гласного друг от друга.

Конечно, и до эпохи вторичного смягчения согласный был связан с последующим гласным в силу действия закона открытого слога. Однако вместе с тем в отношении твердости-мягкости согласные перед гласными были более свободны в своем употреблении в эпоху до вторичного смягчения, ибо и твердые и мягкие парные могли равно употребляться перед большинством гласных (см. таблицу в § 64). После же смягчения полумягких оказалось, что твердые-мягкие согласные стали употребляться в совершенно определенных случаях, перед определенными гласными.

Именно это обстоятельство превращало сочетания парного твердого согласного с непередними [ы], [о], [ъ] и парного мягкого согласного с передними [и]; [ё], [е], [ь] в неразрывно связанные и взаимообусловленные сочетания, составляющие слог. Такие сочетания называют с и л л а б е м а м и.

Надо иметь в виду, что в ряде случаев в древнерусском языке силлабемы выступали в качестве различителей словоформ. Это наблюдалось тогда, когда первым элементом силлабемы был парный твердый-мягкий согласный (именно парный!), а вторым — гласные [ы — и], [о — е], [ъ — ь]. Для пояснения сказанного можно привести такой пример. Если взять два слова, например [конъ] и [кон'ь], и поставить вопрос, чем отличались в середине XI в. их звуковые оболочки, то, отвечая на него, приходится констатировать, что они отличались не по наличию [ъ] или [ь], так как перед [ъ] и [ь] находились разные согласные, и не по наличию [н] и [н'], так как после этих согласных выступали разные гласные: отличались они наличием разных слогов — [нъ] и [н'ь], где качество согласного и качество гласного были неразрывно связаны. „В качестве различителей... выступают нерасчленимо сочетания согласный с последующей гласной, т. е. слог в целом“ (А в а н е с о в Р. И. Из истории русского вокализма: Звуки *і* и *у* // Вестник МГУ.— 1947.— № 1.— С. 48).

Точно такие же отношения наблюдались, например, в противопоставлениях [быт'и — б'ит'и], [мылъ — м'илъ], [волъ — в'елъ], [ровъ — р'евъ], [путъ — пут'ь] и т. п. Однако это обстоятельство вовсе не означает, что в системе древнерусского языка XI в. силлабемы стали основной фонологической, различительной единицей, заняв место фонем; иначе говоря, это обстоятельство вовсе не означает, что фонемный строй древнерусского языка сменился строем силлабемным.

§ 98. Вполне возможно установить, что основную различительную роль в древнерусском языке как до смягчения полумягких, так и после этого смягчения играли отдельные самостоятельные фонемы. Если сопоставить такие словоформы, как,

например, *билъ — бѣлъ, милъ — мѣлъ — мелъ, тѣмъ — тьмъ, сынъ — сънъ, ротъ — рътъ, родъ — радъ* и т. д., и задать вопрос, чем различались их звуковые оболочки, то ответ на этот вопрос может быть только один — гласными фонемами. Точно так же, если сопоставить словоформы, например, *пити — бити — вити — лити, билъ — вилъ — милъ — силъ — лилъ, быти — выти — мыти — рыти — сыти — ныти, дыръ — сыръ — ныръ* („башня") и т. д. и задать вопрос, чем различались их звуковые оболочки, то и на этот вопрос может быть лишь один ответ — согласными фонемами.

Таким образом, силлабемы как различительная единица в фонологической системе древнерусского языка выступали лишь в одном звене этой системы, и подобная различительная роль взаимосвязанных элементов в пределах слога, вызванная смягчением полумягких, сосуществовала с различительной ролью фонем, затрагивая лишь область противопоставления твердых-мягких согласных и непередних-передних гласных.

Подобное обстоятельство делало фонологическую систему древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости согласных внутренне противоречивой: если в положении перед [а] и [у] или только перед [а] парные твердые-мягкие противопоставлялись друг другу и выступали как самостоятельные по отношению друг к другу согласные фонемы, то в положении перед остальными гласными твердость-мягкость оказывалась неразрывно связанной с качеством последующего гласного и потому не имела фонематической самостоятельности. Это было первое противоречие в фонологической системе древнерусского языка середины XI в. Второе противоречие заключалось в том, что в этой системе вместе с фонемами как основными различительными единицами выступали в определенных случаях в этой же роли силлабемы, т. е. сочетания согласных с гласными, образующие целый слог. Будучи подчиненными фонемам и выступая лишь в одном звене системы языка, силлабемы не имели перспектив дальнейшего развития и укрепления в древнерусском языке.

СОСТАВ И СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 99. Если древнерусский язык эпохи после смягчения полумягких сохранял фонемный строй, то, следовательно, необходимо прежде всего установить состав гласных и согласных фонем этого языка с учетом всех условий их противопоставленности в тождественных фонетических позициях. Это последнее важно потому, что смягчение полумягких, обусловившее четкое прикрепление непередних и передних гласных к определенным согласным, вызвало су-

щественные ограничения не только в сочетаемости согласных с гласными, но и в противопоставленности как согласных, так и гласных. Эти ограничения в отношении гласных фонем могут быть связаны с различными явлениями. Во-первых, те или иные гласные фонемы выступали в определенных позициях, в которых не выступали другие фонемы, но в то же самое время у тех и у других фонем не было никаких общих признаков, кроме принадлежности их к данной системе. Так, например, фонема [о] выступала только после твердых согласных, а [и] — только после мягких, но эта ограниченность их позиций и четкая прикрепленность каждой гласной или только к твердым, или только к мягким согласным не свидетельствовала о каких-либо связях данных двух фонем, ибо у них не было никаких общих признаков, кроме того, что обе они гласные. Во-вторых, те или иные гласные фонемы не выступали в определенных позициях, в которых выступали другие фонемы, но в то же самое время и те и другие обладали общими признаками, отличаясь друг от друга лишь тем признаком, который был связан с позицией. Так, например, фонема [и] выступала только после мягких согласных, а [ы] — только после твердых, однако вместе с тем [и] и [ы] имели общие признаки верхнего подъема и отсутствия лабиализации и отличались лишь признаком передней-непередней зоны образования, целиком зависящей от мягкости-твердости предшествующего согласного.

Таким образом, ограниченность позиций, в которых выступала та или иная гласная фонема, и отсутствие положений, в которых данная фонема могла бы противопоставляться какой-либо другой фонеме, не всегда были связаны с тем, что дае такие единицы представляли одну фонему, выступающую в разных аллофонах. Аллофонами одной фонемы две звуковые единицы являлись лишь в том случае, если, обладая некоторыми общими признаками, они отличались друг от друга лишь тем признаком, который определялся фонетической позицией, прежде всего положением гласной после твердой или мягкой согласной фонемы.

§ 100. Исходя из этого, возможно определить следующий состав гласных фонем и их аллофонов в древнерусском языке середины XI в. В этот состав входили следующие фонемы:

непередние: [а] — нижнего подъема, нелабиализованная, с аллофоном ['а]; [о] — среднего подъема, лабиализованная; [у] — верхнего подъема, лабиализованная, с аллофоном ['у]; [ъ] — среднего подъема, лабиализованная, сверхкраткая;

передние: [ě] — средне-верхнего подъема, нелабиализованная; [е] — среднего подъема, нелабиализованная; [ь] — среднего подъема, нелабиализованная, сверхкраткая; и, наконец, [и/ы] — верхнего подъема, нелабиализованная; последнюю фонему нельзя обозначить иначе, так как в силу полной обусловленности зоны образования предшествующим согласным аллофоны [и] и [ы] выступают как равноправные.

Следует заметить, что [е] и [о], а также [ь] и [ъ] определяются как самостоятельные фонемы, а не как разновидности одной фонемы, потому что, хотя [ь], [е] выступали только после мягких, а [о], [ъ] — только после твердых согласных и хотя они имели общий признак среднего подъема (а для [ь] и [ъ] — и сверхкраткость), их отличия не были обусловлены полностью качеством предшествующего согласного: этим качеством была обусловлена передняя зона образования [е], [ь] и непередняя — [о], [ъ], но им не было обусловлено отсутствие-наличие лабиализации у [е], [ь] и [о], [ъ], — этот признак был независим от позиции (ср. наличие мягкого согласного перед лабиализованным [у] и твердого согласного перед нелабиализованными [а] и [ы]).

Таким образом, если до смягчения полумягких состав гласных фонем древнерусского языка насчитывал 10 самостоятельных единиц, то после этого процесса их осталось только 8: фонема [ä] совпала с [а] после мягких согласных, а [и] и [ы] стали превращаться в одну фонему; этот процесс еще не закончился в рассматриваемый период, так как гласные еще не освободились от связи с согласными, но условия функционирования [и] и [ы] уже стали такими, которые не позволяют считать их двумя самостоятельными фонемами.

§ 101. В связи с изменением сочетаемости гласных с согласными после смягчения полумягких противопоставленность гласных в тождественных фонетических условиях оказалась иной по сравнению с предшествующим периодом истории русского языка.

В позиции после твердых согласных противопоставлялись гласные непереднего образования [ы], [у], [о], [ъ] и [а].

В позиции после мягких [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'], мягких сонорных и мягких свистящих противопоставлялись передние гласные [и], [ё], [е], [ь], а также непередние [а] и [у], выступавшие здесь в своих аллофонах [ˈа] и [ˈу].

После мягких, возникших в результате смягчения полумягких, на стыке морфем противопоставлялись гласные [и], [ё], [е], [ь] и [а].

СОСТАВ И СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 102. Определяя состав согласных фонем древнерусского языка середины XI в., необходимо учитывать, что этот состав устанавливается по условиям противопоставления согласных в тождественных фонетических позициях. После смягчения полумягких в древнерусском языке на стыке морфем сохранилась только одна позиция — позиция перед [а], в которой могли

выступать все без исключения согласные фонемы. Здесь положение осталось тем же, что и до смягчения полумягких. Вторая же позиция эпохи конца X — начала XI в., в которой на стыке морфем различались все согласные,— позиция перед [у] — в новый период изменила свой характер: здесь не выступала группа вторичносмягченных губных и смычных зубных согласных. Внутри же морфем, наоборот, появилась позиция перед [а], в которой выступали по существу все согласные; здесь не могло быть только [ц'] и [ж'д']. Таким образом, после смягчения полумягких в древнерусском языке сохранились лишь две позиции — перед [а] и перед [у],— в которых могли противопоставляться все или почти все согласные, в том числе и парные по признаку твердости-мягкости. Позицией абсолютного противопоставления всех согласных стала позиция перед [а]; в позиции же перед [у] не противопоставлялись те парные твердые-мягкие, которые возникли в связи с развитием согласных вторичного смягчения.

Что касается позиций перед другими гласными, то здесь противопоставление согласных было ограниченным: перед непередними гласными противопоставлялись друг другу все твердые, включая [к], [г], [х]; в позиции же перед передними гласными — все мягкие, как парные, так и непарные по этому признаку.

Состав согласных фонем древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких может быть представлен в следующей таблице (см. стр. 152).

Таким образом, в этот период времени в древнерусском языке выступали 32 согласные фонемы, отчетливо противопоставлявшиеся перед [а].

§ 103. Категория твердости-мягкости согласных. Смягчение полумягких согласных не только увеличило общее число консонантных фонем в системе древнерусского языка, но и вызвало принципиально новые отношения между твердыми и мягкими согласными. Категория твердости-мягкости согласных в эту эпоху получила такое развитие, какое не могло осуществиться до смягчения полумягких.

Внешне развитие твердости-мягкости выразилось в том, что увеличился состав парных по этому признаку согласных фонем. В отношения парности по твердости-мягкости вступили фонемы [п] — [п'], [б — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'], причем в последних пяти парах сосредоточились противопоставления как искони парных свистящих и сонорных, так и тех, которые возникли в результате смягчения полумягких.

Однако вместе с тем отношения между парными по твердости-мягкости согласными в рассматриваемую эпоху стали складываться совершенно иначе, чем это было в предшествующий период.

Здесь прежде всего требует рассмотрения вопрос об условиях

			Губные				Язычные						
							переднеязычные				средне-язычные	задне-язычные	
			губно-губные		губно-зубные		зубные		небно-зубные		средне-небные	задне-небные	
			тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.	тв.	м.		тв.	м.
Шумные	Смычные	гл.	п	п'			т	т'				к	
		зв.	б	б'			д	д'				г	
	Аффрикаты	гл.						ц'		ч' ‿ ш'ч'			
		зв.								‿ ж'ǰ'			
	Фрикативные	гл.					с	с'		ш'		х	
		зв.			в	в'	з	з'		ж'			
Сонорные		зв.									j		
	Смычно-проходные: носовые	гл.											
		зв.	м	м'			н	н'					
	Смычно-проходные: боковые	гл.											
		зв.					л	л'					
	Вибранты	гл.											
		зв.							р	р'			

противопоставленности различных пар твердых-мягких внутри и на стыке морфем. В целом положение в данном плане оказалось таким, что позиций противопоставления стало меньше, но вместе с тем здесь возникли достаточно сложные отношения.

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие сонорные внутри морфем противопоставлялись только перед [у], то после этого смягчения они стали противопоставляться еще и перед [а] в результате изменения [ä] > [а].

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие свистящие внутри морфем противопоставлялись только перед [ě], то после этого процесса они утратили данную позицию противопоставления, но получили возможность противопоставляться перед [а] в силу изменения [ä] > [а].

Наконец, внутри морфем возникли противопоставления твердых-мягких губных и смычных зубных перед [а] — противопоставления, полностью отсутствовавшие до смягчения полумягких.

На стыке морфем для парных твердых-мягких свистящих и сонорных после смягчения полумягких были утрачены позиции противопоставления перед гласными переднего ряда и сохранились позиции такого противопоставления перед [у] и перед [а], причем последняя позиция являлась и унаследованной от прошлой эпохи, и новой, возникшей в результате изменения [ä] > [а]. Для вторичносмягченных парных губных и смычных зубных возникла позиция противопоставления перед [а] также в результате изменения [ä] > [а].

§ 104. Однако изменениями в условиях противопоставления парных твердых-мягких согласных не исчерпываются те новые явления в истории этой категории, которые были вызваны смягчением полумягких. Эти новые явления были связаны еще с тем, что в изучаемую эпоху впервые возникли тесные взаимосвязи между парными твердыми-мягкими, что было обусловлено развитием нейтрализации данных согласных.

В период до смягчения полумягких связи парных твердых-мягких принципиально не отличались от связей непарных по этому признаку согласных. Они оказывались парными лишь потому, что имели общую физиолого-акустическую характеристику, отличаясь друг от друга только отсутствием или наличием „йотовой" артикуляции; однако никаких иных связей между ними в языке не существовало: во всех тех позициях, где эти согласные могли выступать, они всегда отличались друг от друга, противопоставляясь одинаково или различно другим согласным фонемам.

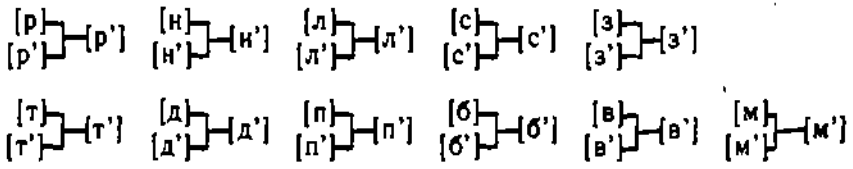
После смягчения полумягких положение коренным образом изменилось, ибо в отношениях между парными твердыми-мягкими развились такие явления, которые принципиально отделили эту группу согласных от остальных членов консонантной системы. Смягчение полумягких обусловило развитие позиций нейтрализации признака твердости-мягкости — таких позиций, в которых

парные твердые-мягкие, различающиеся в иных положениях, стали выступать только как мягкие согласные.

Речь идет о том, что после смягчения полумягких на стыке морфем перед передними гласными оказались парные мягкие согласные, в то время как на том же стыке перед непередними гласными выступали парные твердые согласные. При условии, что такое явление наблюдалось в формах одного и того же слова, оказывалось, что в одних из этих форм выступал твердый согласный, а в других — мягкий. Если учесть, что в то же самое время в другом слове во всех его формах выступал лишь мягкий согласный перед гласными, причем этот мягкий являлся парным по данному признаку, то оказывалось, что в одних позициях выступает и твердый и мягкий парный, а в других — только мягкий. Так, в *боура* („бурая"), вин. п. *боуроу* и *боурѧ*, вин. п. *боурю* обнаруживается различие [р] и [р'], в то время как в формах местн. п. *боурѣ* от *боура* и род. п. *боурѣ* от *боурѧ* выступает только [р']. Фонологически это явление может быть интерпретировано как нейтрализация твердости-мягкости в позиции перед гласными переднего ряда.

До смягчения полумягких для парных по твердости-мягкости согласных таких позиций нейтрализации не существовало, т. е. не было позиций, в которых твердость-мягкость не различалась. Возникновение их после смягчения полумягких означало, что парные по твердости-мягкости согласные встали в к о р р е л я т и в н ы е отношения друг с другом, характерные для них и в современном русском языке.

В связи с появлением таких коррелятивных отношений между парными по твердости-мягкости согласными в древнерусском языке возникли пересекающиеся ряды позиционно меняющихся твердых-мягких согласных. Таким образом, в древнерусском языке середины XI в. возникли следующие ряды позиционной мены твердых-мягких:



§ 105. Чтобы закончить рассмотрение явлений, связанных с отношениями твердых-мягких согласных в древнерусском языке после смягчения полумягких, следует сказать еще о том, что это смягчение вызвало возникновение фонетического процесса уподобления твердых согласных мягким в группах, состоящих из двух согласных. До смягчения полумягких сочетания из двух согласных, оказываясь в позиции перед гласным переднего ряда, имели вторым членом таких сочетаний полумягкий согласный (это вполне понятно, если учесть, что сочетаний, в которых вторым чле-

ном был исконно мягкий сонорный или свистящий, было очень мало или их не было вообще, см. § 63). Поэтому до возникновения согласных вторичного смягчения не могла осуществляться ассимиляция по мягкости первого твердого согласного сочетания последующему полумягкому. Когда полумягкие согласные подверглись полному смягчению, такая ассимиляция возникла, и она получила свое графическое выражение в появлении неэтимологической буквы ь между согласными сочетания: **погыбьнѣть, прѣвьлѣкоу, разьвьрзи сѧ** (Арх. еван. 1092 г.), **довьрии, поѣьдѣ, исьмь** (Добр. еван. 1164 г.), **смотьри, житьии, казьии** (Златоструй XII в.) Само собой разумеется, что такой процесс проходил лишь в исконных группах согласных: смягчение полумягких не приводило к возникновению каких-либо новых сочетаний по сравнению с системой X— начала XI в. Развитие новых сочетаний и ассимиляционных процессов между твердыми-мягкими согласными было связано с более поздним явлением в истории русского языка — с падением редуцированных (см. § 118).

§ 106. Категория глухости-звонкости согласных. Смягчение полумягких согласных не вызвало и не могло вызвать принципиальных изменений в отношениях между парными глухими-звонкими согласными, ибо оно не затронуло тех позиций, в которых осуществлялось их противопоставление. Однако этот процесс не прошел бесследно для данной категории: он содействовал расщеплению и усилению оппозиций глухих-звонких, что в первую очередь выразилось в увеличении пар глухих-звонких согласных по сравнению с предшествующим периодом.

В результате возникновения мягких согласных фонем [п'], [б'] и [т'], [д'] появились новые противопоставления по глухости-звонкости: [п'] — [б'] и [т'] — [д'] включившиеся в ряд согласных, парных по этому признаку. С другой стороны, в результате смягчения полумягких расширила сферу своего распространения оппозиция [с'] — [з'], но одновременно сузила эту сферу оппозиция [с] — [з]. Таким образом, в середине XI в. ряд согласных, парных по признаку глухости-звонкости, стал насчитывать десять членов: [п — б] = [п' — б'] = [т — д] = [т' — д'] = [с — з] = [с' — з'] = [ш' — ж'] = [ш'ч' — ж'д'] = [к — г].

Смягчение полумягких, иначе говоря, расщепило оппозиции [п — б] и [т — д] на две — на оппозиции твердых глухих-звонких и на оппозиции мягких глухих-звонких; точно так же, расщепив единую ранее оппозицию [с] — [з] на две, оно передало оппозицию вторичносмягченных свистящих существовавшей оппозиции этих мягких согласных.

Такое расщепление указанных трех оппозиций оказало влияние на их функционирование перед гласными. Это влияние выразилось прежде всего в том, что твердые глухие-звонкие стали противопоставляться внутри и на стыке морфем только перед непереднимн

гласными, а мягкие — перед передними, а также (с рядом определенных ограничений) перед [а] и [у].

Внутри морфем оппозиции [п — б], [т — д], [с — з] и [к — г] функционировали перед всеми непередними гласными; оппозиции [п' — б'] и [с' — з'] — перед [а], [и], [ě] и [ь]; оппозиция [ш' — ж'] — перед [н], [е], [ь], [а] и [у]; оппозиция [ш'ч' — ж'д'] внутри морфем не выступала. На стыке морфем условия функционирования совпадали с внутриморфемным положением для оппозиций [п — б], [п' — б'], [т — д], [т' — д'], [с — з] и [к — г]; для оппозиций [с' — з'], [ш' — ж'] и [ш'ч' — ж'д'] условия противопоставления включали в себя гласные [н], [ě], [е], [ь], [а] и [у].

Однако смягчение полумягких не привело к возникновению каких-либо новых, более тесных связей между глухими и звонкими согласными, как это случилось с твердыми и мягкими. За исключением пары [с — з], имевшей более тесные связи в приставочных образованиях с *из-, без-, роз-, въз-* (см. § 67), члены всех остальных пар оставались близкими лишь в физиолого-акустическом плане.

§ 107. Возникновение новых рядов позиционной мены согласных. Все те явления в области твердости-мягкости и глухости-звонкости согласных, которые были рассмотрены выше, позволяют сделать определенные выводы о характере позиционной мены, а отсюда — и о характере позиций согласных фонем древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких.

Здесь прежде всего нужно отметить следующее: так как смягчение полумягких не привело к принципиально новым явлениям в области глухих-звонких, то в эту эпоху здесь и не возникло каких-нибудь изменений: так же как и до смягчения полумягких, глухость-звонкость оставалась постоянно присущим признаком согласных. Следовательно, глухие-звонкие согласные не образовывали рядов позиционной мены: во всех тех позициях, в которых они выступали, они характеризовались одним и тем же постоянно присущим им набором признаков.

Не образовывали рядов позиционной мены по-прежнему и мягкие согласные фонемы, и в любой позиции они сохраняли все свои отличительные постоянные признаки.

Изменения коснулись отношений парных твердых-мягких согласных, где возникли принципиально новые явления в области позиционной мены.

Как уже говорилось, в позиции перед [а] и [у] парные твердые-мягкие выступали как самостоятельные единицы, противопоставляясь друг другу. В позиции же перед гласными переднего ряда твердость-мягкость подвергалась нейтрализации: на месте твердых выступали мягкие, совпадавшие по своему качеству с теми

мягкими, которые не подвергались такому изменению. В результате этого в древнерусском языке развились пересекающиеся ряды позиционной мены твердых-мягких согласных. Возникновение таких пересекающихся рядов обусловило развитие в древнерусском языке отчетливых различий между сильными и слабыми позициями согласных: если до смягчения полумягких все позиции (за исключением положения [с — з] перед шумными), в которых выступали согласные, были сильными, то в новую эпоху положение коренным образом изменилось.

В древнерусском языке возникла *абсолютно сильная* позиция для согласных — позиция перед [а], в которой различались все согласные фонемы.

Для парных твердых-мягких согласных образовалась *слабая* позиция — позиция перед гласными передней зоны, где возникла нейтрализация признака твердости-мягкости и где на месте твердого и на месте мягкого равно выступал мягкий согласный.

§ 108. Итак, смягчение полумягких согласных привело к перестройке фонологических отношений в древнерусском языке. Затронув как вокализм, так и консонантизм этого языка, смягчение полумягких обусловило превращение признака зоны образования гласных фонем в обусловленный твердостью-мягкостью предшествующего согласного и тем самым вызвало утрату особой фонемы [ă]. С другой стороны, влияние смягчения полумягких на систему согласных оказалось противоречивым: оно, во-первых, обусловило развитие неразрывных сочетаний твердых-мягких согласных с непередними-передними гласными, что, вообще говоря, при благоприятных условиях могло бы повести к превращению силлабем в особые фонологические единицы; во-вторых, оно значительно расширило состав согласных, сохранивших свое фонологическое значение как основных различительных единиц в общей системе. Сохранение противопоставленности твердых-мягких согласных перед [а] и [у] разрушало сам силлабемный принцип в структуре древнерусского языка. Твердые-мягкие согласные оказались в принципиально разных условиях перед разными гласными. Система усилила асимметричность в этой области.

Увеличение состава согласных фонем при одновременном уменьшении состава гласных, утрата самостоятельности признаком зоны образования гласных и развитие фонологических противопоставлений твердых-мягких согласных повлекли за собой усиление фонематической роли консонантной системы при ослаблении этой роли у вокализма. Можно думать поэтому, что эпоха смягчения полумягких была эпохой переходной от вокалистической к консонантной системе в истории русского языка, переходной в том смысле, что система согласных *уже* завоевала основные позиции в борьбе консонатизма и вокализма, но еще не подчинила себе систему гласных. С другой стороны, система гласных *уже*

потеряла в значительной степени ту самостоятельность по отношению к консонантизму, которой она обладала до смягчения полумягких, но еще сковывала силы системы согласных, не давая им возможности самостоятельно, без сопровождения гласными, функционировать в языке. Участь борьбы консонантизма и вокализма была предрешена смягчением полумягких — после этого процесса, учитывая характер его протекания и результаты, развитие фонологических отношений в русском языке могло идти только одним путем — путем, ведущим к подчинению вокализма консонантизму в общей фонологической системе древнерусского языка. Явлением, которое знаменовало завершение данного процесса, было падение редуцированных.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* // Вестник МГУ.— 1947.— № 1; Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика.— М., 1974.— С. 238—259.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1961.— С. 238—241.

Иванов В. В. Историческая фонология русского языка.— М., 1968.— С. 191—288.

Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения.—1956.— Т. XIII.— С. 128—150.

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ (XII—XVI вв.)

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 109. Одним из основных явлений в истории древнерусского языка, перестроившим его звуковую систему и приблизившим ее к современному состоянию, было падение редуцированных. В известном смысле можно даже говорить о том, что между древнейшим состоянием звуковой системы русского языка и ее современным состоянием лежит падение редуцированных.

§ 110. Утрата [ъ] и [ь] в слабом положении и изменение их в [о] и [е] — в сильном. Падение редуцированных заключалось в том, что [ъ] и [ь] как самостоятельные фонемы в системе русского языка перестали существовать.

Надо иметь в виду, что редуцированные [ъ] и [ь] произносились неодинаково в сильной и слабой позициях. Ко времени их утраты [ъ] и [ь] в слабой позиции стали произноситься очень кратко и превращались в неслоговые звуки, а в сильной, наоборот, стали приближаться к гласным [о] и [е]. Это различие между слабыми и сильными редуцированными и определило их дальнейшую судьбу — или полную утрату, или превращение в гласные полного образования.

Падение редуцированных — это процесс, свойственный всем славянам, но в разных славянских языках он шел не одновременно и привел к различным результатам. Поэтому после падения редуцированных славянские языки дальше разошлись друг с другом.

В древнерусском языке этот процесс проходил приблизительно во второй половине XII в. В памятниках именно этого времени наблюдается много случаев написания на месте сильных [ъ] и [ь] гласных *о* и *е* и пропуска редуцированных в слабом положении. Однако возможно, что падение редуцированных, начавшись с утраты слабых, было известно и раньше. Об этом свидетельствуют некоторые факты памятников древнерусской письменности. Не говоря уже о явлениях, отмечаемых в переписанном со старославянского оригинала Остромировом евангелии 1056—1057 гг., где отражение процесса падения редуцированных может быть связано с его ранним протеканием в старославянском языке, следует отметить, что в оригинальной древнерусской надписи на Тьмутараканском камне 1068 г. встречается написание *кнѧзь* без *ъ* после *к*. То же самое можно обнаружить и в грамоте Мстислава Володими-

ровича и его сына Всеволода 1130 г.: *кнѧзь, кнѧжение* (вместо *кънѧжение*), *Всеволодоу* (вместо *Вьсеволодоу*), *кто* (вместо *къто*) и т. д.

Но широкое отражение процесс падения редуцированных получил в памятниках второй половины XII — начала XIII в., например в грамоте Варлаама Хутынского конца XII в., в Добриловом евангелии 1164 г., в Смоленской грамоте 1229 г. и т. д.

Утрата слабых редуцированных, вероятно, шла не одновременно в разных фонетических положениях. По мнению А. А. Шахматова (а также Л. П. Якубинского), эта утрата раньше всего осуществлялась в начальном первом предударном слоге: [къна́зь] > > [кнѧзь], [съна́] > [сна] и т. д. Но, как видно, более ранняя утрата редуцированного была обусловлена еще и тем, что в ряде случаев слабый редуцированный в слове не был поддержан сильным в других формах этого же слова. Так, если в форме [съна] слабый [ъ] мог держаться дольше, так как в имен. пад. [сънъ̑] он в корне был сильным (изменился позже в [о] — [сон]), то таких родственных форм с сильным редуцированным не было в словах типа *кънѧзь, къто, мъного* и т. п. Здесь, таким образом, слабый редуцированный находился в изолированной позиции и поэтому его утрата могла осуществиться раньше.

Кроме того, редуцированные рано исчезли в положении конца слова, где они были всегда слабыми. Однако их написание в этом положении сохранялось долгое время в силу того, что они указывали на границу слова при древнерусском слитном, без разделения на слова, письме, а позже обозначали твердость или мягкость предшествующего согласного.

Наконец, редуцированные произносились по-разному в полном и беглом стиле речи. Поэтому, вероятно, в церковном чтении редуцированные удерживались дольше, чем в разговорной речи.

Итак, в результате падения редуцированных слабые [ъ] и [ь] утратились, а сильные прояснились в [о] и [е]. Например, [дьнь̑] > [ден'], [дьня] > [дня]; [вьсь̑] > [вес'], [вься] > > [вся]; [съто] > [сто], [сътъ̑] > [сот]; [клѣтъка] > [клѣтка], [клѣтъкъ̑] > [клѣток] и т. д.

В качестве примеров прояснения [ъ] и [ь] в [о] и [е] в положении под ударением (а не перед слогом со слабым редуцированным) можно привести такие факты, как [пь̑стрый] > [пестрый], [тьща] > [теща], [съ̑хнути] > [сохнути].

Однако надо иметь в виду и то, что иногда наблюдается раннее прояснение слабых [ъ] и [ь] в гласные [о] и [е]. Например, в Святославовом изборнике 1073 г. встречается написание *золоба* с *о* на месте [ъ] слабого или *серебро* вместо *сьребро* с *е* на месте [ь] слабого. То же самое можно найти в «Житии Феодосия» XII в.: *золодѣи* из *зълодѣи*, в Добриловом еванг.: *монога* из *мъногa*. По-видимому, это явление объясняется тем, что в данных словах про-

изошла ассимиляция гласных [ъ] и [ь] гласному последующего слога, а такие факты по существу не имеют отношения к падению редуцированных.

Процесс падения редуцированных проходил не одновременно в различных говорах древнерусского языка — в одних диалектах этот процесс наметился уже в XI в., в других — позже, однако, к середине XIII в. он, по-видимому, был завершен во всем древнерусском языке.

§ 111. Удлинение гласных [о] и [е] перед слогом с утратившимся слабым редуцированным. В памятниках древнерусского языка второй половины XII в., созданных на южнорусской территории, т. е. отражающих те говоры, которые впоследствии легли в основу украинского языка, наблюдается написание ѣ на месте исконного [е] в тех случаях, когда в следующем слоге был слабый [ь], утратившийся в эпоху падения редуцированных (перед слогом с бывшим слабым [ъ] такого изменения нет). Это явление так называемого „нового ѣ" было впервые установлено А. И. Соболевским в галицко-волынских памятниках. Такой новый ѣ наблюдается, например, в словах *камѣнь, пѣчь, шѣсть, будѣть* и т. п., в которых исконно ѣ не было. В современных северноукраинских говорах и в южнобелорусских диалектах в соответствии с этим ѣ произносится дифтонг [ие] (т. е. [камнен'], [пнеч], [шнес'т'], [буднет']), а в литературном украинском языке — [и]: *камінь, піч, шість* и т. д.

Если сравнить все эти факты и учесть, что в древнерусском языке [ё] мог иметь характер дифтонга [ие] (см. § 54), то можно установить, что написание ѣ на месте *е* отражает дифтонгическое произношение нового [ё], возникшего из [е]. Однако возникает вопрос о происхождении этого [ё], ибо, как известно, звук [е], *который был в словах камень, будеть, печь и т. д., был исконно* кратким. Предполагают, что краткий звук [е] получил удлинение в результате утраты последующего слабого [ь]; это была заместительная долгота, возникшая после падения редуцированных. Долгое [ē] впоследствии дифтонгизировалось в [не], а дифтонг в свою очередь далее изменился в [и], что и отразилось в украинском литературном языке.

Вместе с таким удлинением [е] происходило и удлинение краткого [о] в тех же условиях, т. е. перед слогом с утратившимся слабым редуцированным. Однако у древнерусских писцов не было возможности обозначить как-то долготу этого нового [ō] (правда, иногда оно получало обозначение через *оо*: воовцѧ — Галицк. еванг. 1266 г.). Однако о наличии подобного удлинения [о] вновь свидетельствуют факты украинских диалектов и литературного языка. В северноукраинских говорах наблюдается произношение дифтонга [уо] на месте [о] в словах типа [вуол], [куон'], стуол], [нуос] и т. п., т. е. там, где исконно [о] находился в слоге перед

слогом со слабым редуцированным. В украинском литературном языке эти слова произносятся со звуком [и]: *вів, кінь, стіл, ніс* и т. п. Как видно, процесс здесь шел таким образом, что [о] дифтонгизировалось в [ўо], а затем через стадию ['ўо] изменилось в [и].

„Удлинение *о* и *е* в слоге перед выпавшим глухим является очень важным в истории древнерусского языка, так как оно есть древнейшее из новых звуковых явлений, отделивших северные древнерусские диалекты (те, на основе которых сложился собственно русский язык) от южных, на основе которых сложился украинский язык" (Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 146—147).

§ 112. Судьба [ъ] и [ь] в сочетаниях с плавными. Особо обстояло дело с сочетаниями редуцированных с плавными между согласными, где судьба [ъ] и [ь] оказалась отличной от общей судьбы сильных и слабых редуцированных.

а) В сочетаниях типа [tъrt] и под. во всех восточнославянских языках [ъ] изменился в [о], а [ь] — в [е]. Говоря иначе, в словах с этими сочетаниями редуцированный вел себя всегда как сильный: он выступал как сильный, например, и в форме [търгъ], и в форме [търга], хотя „внешне", с первого взгляда, [ъ] в одной форме (търгъ) был в сильной, а в другой (търга) — в слабой позиции. Таким образом, из древнерусских сочетаний [tъrt], [tьrt], [tъlt] возникли сочетания [tort], [tert], [tolt]. Ср.: [търгъ] > > [торг], [гърло] > [горло], [гърдый] > [гордый], [дьржати] > [держати], [мьртвый] > [мертвый], [вьрхъ] > > [верх], [вълкъ] (из [*vьlkъ]) > [волк], [пълкъ] > [полк], [мълния] > [молния], [вълна] (из [*vьlna]) > [волна] и т. д.

Однако наряду с общерусскими явлениями в области развития сочетаний типа [tъrt], в северорусских памятниках наблюдается так называемое „второе полногласие" (термин А. А. Потебни), т. е. появление на месте этих сочетаний написаний с полногласными сочетаниями *оро, ере, оло*. Так, в памятниках северо-западных территорий, прежде всего в новгородских, отмечено: *торожкоу — торошкоу* (вм. *тържькоу*), *Поволжье* (вм. *Повължье*) — 1 Новгор. лет.; *веребныѧ недѣлѧ* (вм. *вьрбьныѧ*) — Паремейник 1271 г.; *поверѣгши* (вм. *повьрегъщи*) — Кормч. 1282 г.; *четверети* (вм. *чьтвьрть*) — берестяная гр. № 348; *бороть* (вм. *бърть*) — берестяная гр. № 390; *молови* (вм. *мълви*) — берестяная гр. № 8; *вереше* (вм. *вьршь*) — берестяная гр. № 254 и др. Такие формы со „вторым полногласием" есть и в современных, преимущественно северных, говорах русского языка, например отмечаются: *молонья* из др.-русск. *мълния; верех* из др.-русск. *вьрхъ, гороб* из др.-русск. *гърбъ; жередь* из др.-русск. *жьрдь; кором* из др.-русск. *кърмъ; холом* из др.-русск. *хълмъ; столоп* из др.-русск. *стълбъ; доложно* из др.-русск. *дължьно; серп* из др.-русск. *сьрпъ* и т. д. В украинском и белорусском языках есть

формы *горон* (из др.-русск. *гърнъ*), *смеретный* (ср. др.-русск. *съмьрть*), *маланка (молния)*, *жарало* (др.-русск. *жьрло*) и др. Да и в русском литературном языке наличествуют такие полногласные формы: *веревка* (из др.-русск. *вьрвъка*), *полон* (из др.-русск. *пълнъ*), *бестолочь* (ср. др.-русск. *тълкъ*, русск. *толк*), *сумеречный* (русск. *сумерки*), *остолоп* (др.-русск. *стълпъ*).

Явление „второго полногласия" обнаруживается в русском языке непоследовательно, и это имеет свои причины.

Для того чтобы понять историю развития сочетаний типа [tъrt] в эпоху падения редуцированных, а вместе с тем не только появление „второго полногласия", но и ограниченность его распространения в древнерусском языке,— для этого надо учесть возможность двоякого слогораздела в словах, имевших подобные сочетания в древнерусском языке.

Как уже говорилось выше (см. § 68 и § 90), в сочетаниях типа [tъrt] слогораздел мог проходить или перед плавным, или после плавного. В том случае, когда слогораздел проходил перед плавным, звуки [r] и [l], оказавшись в начале слога перед согласным, разрывали слоговость, в результате чего в подобного типа сочетаниях появлялось не два, а три слога (tъ | r̥ | t + гласный).

Таким образом, в форме, например, *търгъ* в некоторых диалектах древнерусского языка до падения редуцированных было не два слога (т. е. tъ | rt + гласный), а три: [тъ|р̥|гъ]. Точно так же три слога было и в форме *търга:* [тъ|р̥|га]. Таким образом, редуцированный [ъ] в обеих формах находился в одном и том же положении: перед слоговым плавным, который являлся позиционной разновидностью неслогового плавного, выступающей только в данном фонетическом положении. Позицию перед слоговым плавным нельзя считать ни сильной, ни слабой для редуцированных, ибо эти последние, как они определены выше (см. § 54), не включают данного положения. Иначе говоря, позиция [ъ] и [ь] в сочетаниях типа [tъrt] была особой позицией, возникшей в результате действия закона открытого слога. Однако эта позиция и могла существовать лишь до тех пор, пока сохранялось действие этого закона. Когда падение редуцированных привело к нарушению закона открытого слога, к тому, что стали возникать закрытые слоги (см. § 116), тогда перестали существовать и слоговые [р] и [л] в сочетаниях типа [tъrt], ибо были утрачены условия, в которых они появлялись. Следовательно, если в форме [търга] до изменения [ъ] было три слога: [тъ|р̥|га], то после падения редуцированных здесь возникло два слога: [тор|га], причем утрата слоговости [р] вызвала изменение [ъ] — продление его в [о]. Таким образом, в тех случаях, когда за слогом из плавного слогового шел слог с гласным полного образования, проясиение редуцированного шло за счет утраты слоговости плавного звука.

В тех же случаях, когда за слогом из слогового плавного шел слог с редуцированным (например, [търгъ]), слоговой плавный, в силу краткости последующего слога с редуцированным, был, вероятно, долгим: [тъ|р̥|гъ], и поэтому в эпоху падения редуцированных за счет утраты слоговости происходило прояснение [ъ], [ь] в [о], [е], а за счет утраты долготы — развитие второго гласного после плавного [р], [л]. Так возникало „второе полногласие" в ряде диалектов древнерусского языка. Дальнейшее действие аналогии (например, по формам косвенных падежей) определило непоследовательность в развитии всего явления.

Однако вместе с тем диалекты древнерусского языка могли и не развивать слогового плавного в сочетаниях типа [tъrt]: [r] или [l] могли оставаться неслоговыми и отходить к предшествующему слогу, приводя к его закрытости (см. § 68). В этом случае и в форме, скажем, [търгъ], и в форме [търга] слогораздел проходил после плавного. В результате этого обе формы имели два слога — один открытый и один закрытый ([тър | гъ], [тър | га]), а редуцированный перед плавным мог оказаться или в сильной, или в слабой позиции. В связи с этим и судьба его оказалась различной: в сильной позиции [ъ] и [ь] изменились в [о] и [е], а в слабой выпали. Однако выпадение [ъ] и [ь] в подобного рода словах приводило к возникновению труднопроизносимых групп согласных (ср.: [тъ̂рга] > [трга]), которые в пределах одного слога не могли сохраниться: изменение достигалось путем развития нового слогового плавного ([трга] > [тр̥га]). Однако у восточных славян слоговость плавных не удержалась; в языке возникла тенденция освобождения от новых [р̥] и [л̥], которая, по-видимому, была осуществлена не фонетическим путем, а путем аналогического воздействия форм с бывшими сильными [ъ] и [ь].

б) Приблизительно так же обстояло дело и с изменением [ъ] и [ь] в сочетаниях с плавными, когда редуцированный находился после плавного (т. е. в сочетаниях типа [trъt]). Судьба [ъ] и [ь] оказалась здесь несколько различной в разных восточнославянских языках, причем различия обусловливались сильным и слабым положением редуцированного в слове с этими сочетаниями.

В сильном положении [ъ] и [ь] в этих сочетаниях прояснились во всех восточнославянских языках в [о] и [е]. Например:

др.-русск. *кръвь* — русск. *кровь*, укр. *кров*, белорусск. *кроў*;
др.-русск. *глътка* — русск. *глотка*, укр. *глотка*, белорусск. *глотка*;

др.-русск. *крьстъ* — русск. *крест*, укр. *хрест*, белорусск. *хрест*;
др.-русск. *сльзъ* — русск. *слез*, укр. *слез*, белорусск. *слез*.

Если же [ъ] и [ь] в сочетаниях типа [trъt] находились в слабом положении, то они, как всякие слабые редуцированные,

подвергались утрате, исчезновению. Однако в результате этой утраты, как иногда и в словах с сочетаниями типа (tъrt) (см. выше), в пределах одного слога оказывались труднопроизносимые группы согласных, в результате чего развивался слоговой плавный. Например, после выпадения слабого [ь] в форме [крьста] возникала группа согласных [крст], которая не могла сохраниться в пределах одного слога, в результате чего плавный становился слоговым: [кр̥ста].

Дальнейшее изменение шло несколько различными путями в разных восточнославянских языках. Так, в украинском и белорусском языках освобождение от слогового плавного шло путем развития вторичного гласного [ы] или [и] после, а иногда и перед плавным. Например, из др.-русск. *кръвавый* развились укр. *кривавий* и *кирвавий, кервавий,* белорусск. *крывавы.* Точно так же возникли из др.-русск. *кръшити* — укр. *кришити,* белорусск. *крышыць;* из др.-русск. *блъха* — белорусск. *блыха;* из др.-русск. *сльза* — укр. диал. *слиза* и *силза;* из др.-русск. *трьвога* — укр. *тривога,* белорусск. *трывога;* из др.-русск. *глътати* — укр. *глитати,* белорусск. *глытаць;* из др.-русск. *крьстити* — укр. *христити,* белорусск. *хрысціць* и т. д. Формы с *ы, и* на месте *ъ, ь* обнаруживаются в юго-западных памятниках с XIII в.: *ѩблыко* (Жит. Саввы Освящ. XIII в.), *скрыжеть* (Луцк. еван. XIV в.), *дрыжати* (Гр. XIV в.); в старобелорусских документах эти сочетания фиксируются с XV в.: *дрыжахоу, крывава* (Четья 1489 г.), *блышачися* (Тяпинск. еван.), *слыза* (Псалтырь XVI в.).

В русском языке такого развития вторичного гласного в этих случаях не было. Некоторым русским говорам, да и то в единичных случаях, была известна утрата в этих сочетаниях не только слабых [ъ] и [ь], но и плавных [р] и [л]. Следами подобного развития являются некоторые диалектные формы, в которых отсутствует плавный. Например, корень в диалектных *кстить, окстить,* в названии деревни *Кстово* восходит к др.-русск. *крьст-,* где после выпадения слабого [ь] выпал и плавный [р]. Точно так же объясняется и название города Пскова: слово *Псков* возникло из др.-русск. *Пльсковъ* (*Пьсковъ* известно с XIV в.), засвидетельствованного памятниками, где после выпадения [ь] выпал и плавный [л]. *Пльсковъ* засвидетельствовано в I Новгородской летописи по Синодальному списку (ср. также немецкое название Пскова — *Pleskau*).

Однако типичным для современного русского языка и его говоров является наличие сочетаний [ро], [ло], [ре], [ле] на месте др.-русск. [ръ], [лъ], [рь], [ль] в сочетаниях типа [trъt] со слабыми [ъ] и [ь], например: *кровавый, крошить, глотать, блоха, греметь, крестить, тревога, слеза* и т. п. Можно думать, что произношение [о] и [е] на месте слабых [ъ] и [ь] в этих сочетаниях развилось путем аналогии с формами, в которых [ъ] и [ь] были сильными: под влиянием, например, *кровь* возникло *крови, кровавый;* под влиянием *слез — слеза;* под влиянием *дров — дрова* и т. д.

§ 113. Судьба редуцированных [ы] и [и]. Как уже говорилось (см. § 80), древнерусский язык унаследовал от праславянского и сохранил в своей системе редуцированные гласные [ы̆] и [ĭ], которые в эпоху падения редуцированных подверглись изменениям, так же как это произошло с [ъ] и [ь].

Однако судьба [ы̆] и [ĭ] оказалась несколько различной по диалектам древнерусского языка. В говорах, легших в основу русского (великорусского) языка, сильные [ы̆] и [ĭ] изменились в [о] и [е], а в говорах, легших в основу украинского и белорусского языков,— в [ы] и [н].

Так обстояло дело, например, в форме имен. пад. ед. ч. полных прилагательных муж. р.: из **dobrъ + jь* возникло о.-слав. *dobrŭjь*, где [ŭ] был в сильной позиции; отсюда русск. *доброй*, укр. *добрий*, белорусск. *добры*. Из **sinь + jь* возникло о.-слав. *sinĭjь* с [ĭ] в сильной позиции; отсюда русск. *синей*, укр. диал. *синий*, белорусск. *сіні*. Ср. еще русск. *молодой*, укр. *молодий*, белорусск. *малады*; русск. *верхней*, укр. диал. *верхний*, белорусск. *верхні*. Подобные формы на *-ой*, *-ей* отражаются в памятниках московского происхождения с XIV — XV вв.

Надо сказать, что в русском литературном языке произношение [оᵢ̯] в этих формах сохранилось лишь под ударением (*молодóй, золотóй, голубóй*), тогда как в безударном положении на месте [о] произносится [ъ] в результате редукции ([крáснъᵢ̯], [скóръᵢ̯], [нóвъᵢ̯]), что на письме отражается в виде написания *ы* (*красный* и т. д.). Окончание [еᵢ̯] под ударением вообще не выступает, а в безударном положении произносится с редуцированным [ь], в написании отраженным через *и* ([сúньᵢ̯] ← *сúний*, [дáвньᵢ̯] ← *дáвний*). Такие написания укрепились в русском языке под влиянием старославянской традиции. В окающих же северновеликорусских говорах и до сих пор в форме имен. пад. ед. ч. муж. р. сохраняется произношение [крáсной], [нóвой], [сúней], [дáвней].

Редуцированные [ы] и [и], восходящие к исконным [ы] и [и] в позиции перед [j] или [i̯], имели такую же судьбу. Так, в сильной позиции из **pijь* развилось о.-слав. *pĭi̯* > др.-русск. [пйᵢ̯], откуда русск. *пей*, укр. *пий*, белорусск. *пі*; из **bijь* — о.-слав. *bĭi̯* > др.-русск. [бйᵢ̯], откуда русск. *бей*, укр. *бий*, белорусск. *бі*; из **tŭi̯ǫ* — о.-слав. *tŭi̯ǫ* > др.-русск. [мы̆ᵢ̯у], откуда русск. *мóю*, укр. *мúю*, белорусск. *мыю*; из **krŭi̯ǫ* — о.-слав. *krŭi̯ǫ* > др.-русск. [кры̆ᵢ̯у], откуда русск. *крóю*, укр. *крúю*, белорусск. *крыю*.

Ср. еще русск. *лей*, укр. *лий*, белорусск. *лі*; русск. *брей*, укр. *брий*, белорусск. *брый*. В слабом положении [ы] и [й] у всех восточных славян были утрачены. Так, из **pijǫ* развилось о.-слав. *pijǫ́* > др.-русск. [пйју́], откуда русск. *пью* (= [п'ју́]), укр. *п'ю*, белорусск. *п'ю*; из **lijǫ́* — о.-слав. *lijǫ́* > др.-русск. [лйју́], откуда русск. *лью*, укр. *ллю*, белорусск. *лью*. Ср. еще русск. *бью*, укр. *б'ю*, белорусск. *б'ю*.

§ 114. В заключение рассмотрения процесса падения редуцированных следует отметить случаи отступления от закономерного развития этих звуков.

Речь идет, например, о тех фактах, когда на месте слабых [ъ] и [ь] в эпоху их утраты возникают гласные полного образования. Так, например, в слове [дъска] звук [ъ] был слабым и подлежал утрате. Такая утрата [ъ] произошла в отдельных русских говорах, после чего в них возникла форма [дска], откуда по синтагматическому закону сочетаемости шумных — [тска] и далее [цка]. Такая форма отмечена в памятниках в специальных значениях — «пластника», «бляха» или «доска, на которой пишутся иконы»: *ожерелье на ц к а х ъ на золотых* (Дух. гр. Дм. Иван. 1509 г.), *зделанию... на престол обруча и ц к и... число уже минуло* (Волокол. гр. 1768 г.). Однако в литературном русском языке и в говорах укрепилась форма с [о] на месте слабого [ъ]: [доска́]. Это объясняется тем, что в син. пад. ед. ч. и род. пад. мн. ч. ([дъскоу], [дъскъ]) [ъ] находился под ударением и был сильным. Обобщение основ привело к тому, что и там, где [ъ] в формах этого слова был слабым, стал произноситься гласный [о]. Точно так же обстояло дело и с формами косвенных падежей от слова [тьсть] (тесть), где, например, в род. пад. ед. ч. из [тьстн] должно было развиться [тстн] > [цтн]. Такие формы также засвидетельствованы памятниками: *Ростиславъ же ѣха ко ц т ю своему* (Ипат. лет., 1493 г.); или с метатезой: *не выдаваите мѧ т ц ю моему* (Сузд. лет. 1216 г.). Однако по аналогии с теми формами, где [ь] был сильным, во всем склонении этого слова установилось произношение с гласным [е].

Причины возникновения аналогии здесь вполне ясны: различная судьба редуцированных приводила к разрыву форм одного слова, что не могло не вызвать процессов обобщения.

Ср. еще такие факты: из др.-русск. [бьрьвьно] возникло фонетически закономерно [бревно], но в род. пад. мн. ч. из [бьрьвьнъ] должно было развиться [бервен]; совр. [бревен] — по аналогии с [бревно]; из др.-русск. [Смольньскъ] должно было возникнуть [Смол'неск], однако в современном русском языке существует форма [Смоленск], которая появилась под влиянием форм косвенных падежей, например род. пад. ед. ч. [Смоленска] из др.-русск. [Смольньска]. Таких примеров можно привести очень

много, однако важно подчеркнуть, что во всех этих случаях на фонетически закономерные процессы оказывали влияние аналогические явления, связанные с обобщением звукового облика форм одного слова.

Вместе с тем здесь наблюдаются и такие факты, которые внешне похожи на изложенные выше, но объясняются иными причинами. Так, например, из др.-русск. [съборъ], [въсходъ], [въстокъ] должно было возникнуть [сбор], [всход], [всток]. Так оно в целом и произошло: ср. совр. *сборы, сборник, всходы, всходить,* диалектное *восточень* (название ветра) и т. п. Однако наряду с этими словами есть и *собор, восхождение, восход, восток* с [о] на месте слабого [ъ]. Такое двоякое развитие одного и того же слова объясняется тем, что слова без [о] возникли на древнерусской почве в результате фонетического процесса падения [ъ]; слова же с [о] — это результат влияния их церковнославянского произношения. В связи с тем что в старославянском языке изменение [ъ] и [ь] произошло раньше, еще в X — XI вв., в памятниках старославянского происхождения, попадавших на Русь, уже наблюдалось написание *о* и *е* на месте сильных [ъ] и [ь]. Древнерусские книжники, произносившие тогда еще [ъ] и [ь] в любом положении, начинали усваивать искусственное произношение церковных слов с [о] и [е] на месте любого [ъ] или [ь]. Из церковнославянского такое произношение постепенно проникло и в живой русский язык.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И В ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЯЗИ С ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 115. Значение падения редуцированных и вызванных им фонетических процессов, развившихся в русском языке XII — XIII вв., определяется тем, что в результате этих процессов произошла коренная перестройка всей фонетической системы русского языка. Однако такое общее определение требует конкретизации, требует показа этой перестройки системы во всех ее звеньях. Поэтому дальнейшее изложение имеет целью раскрыть значение прошедших фонетических процессов для истории развития звуковой системы русского языка в направлении к ее современному состоянию.

При этом надо иметь в виду, что в ряде случаев чисто фонетический процесс падения редуцированных сыграл роль и в истории морфологической системы русского языка, в частности в изменении фонетико-морфологического строения слова, а также в истории лексического состава: фонетические изменения, вызванные падением редуцированных, могли привести к затемнению эти-

мологической структуры слова, к разрыву связей исконно родственных слов, а отсюда к возникновению разнокорневых образований на базе одного бывшего корня.

Важно отметить, что все многообразные явления, вызванные падением редуцированных, взаимосвязаны друг с другом, и поэтому дальнейшее раздельное их рассмотрение, принятое далее для удобства изложения, носит в определенной степени искусственный характер.

§ 116. Изменение слоговой структуры древнерусского языка и связанные с этим явления. Падение редуцированных привело к перестройке звуковой системы древнерусского языка прежде всего потому, что оно прекратило действие основных закономерностей более древнего периода истории.

В результате падения редуцированных утратил свою актуальность закон открытого слова: в русском языке стали возможны и получили широкое распространение закрытые слоги (хотя, как уже говорилось, тенденция к открытости слога все же осталась). Так, если в древнерусском языке слова [сто | лъ], [ко | нь], [му | жь], [съ | нъ] и т. д. имели два открытых слога, то после падения редуцированных в них оказался один слог, причем закрытый: [стол], [кон'], [муж'], [сон] и т. д.

В результате падения редуцированных потерял актуальность и слоговой сингармонизм: в пределах одного слога стали возможны звуки неоднородной артикуляции; например, в слове [л'ěс] в одном слоге оказались мягкий согласный, передний гласный и твердый согласный, что не было свойственно древнерусскому языку до падения редуцированных.

Все эти обстоятельства привели к тому, что в русском языке широко распространились односложные слова. Если до падения редуцированных односложными были, по существу, только некоторые союзы и предлоги (*а*, *и*, *но*, *за* и т. д.), то после падения такими стали многие самостоятельные слова: к приведенным уже выше примерам можно добавить еще такие, как [дом], [сол'], [стр'ěл] из [до| мъ], [со | л'ь], [стр'ě | лъ] и мн. др.

Утрата слабых редуцированных и связанные с нею изменения структуры слога привели к появлению в древнерусском языке новых грамматических форм и новых морфем. Прежде всего здесь следует указать на появление так называемого „нулевого окончания". Такое окончание, когда форма слова представляет собой чистую основу, возникло в результате утраты конечного слабого [ъ] или [ь], являвшегося до падения редуцированных окончанием некоторых падежных форм. Так, например, до падения редуцированных [ъ] или [ь] были окончаниями форм имен. пад. ед. ч. слов муж. р. типа [столъ] или [конь], слов муж. и жен. р. типа [гость] или [кость] (и слов, относящихся к иным типам склонения, с подобным же оформлением имен. пад. ед.

ч.), а также форм род. пад. мн. ч. слов муж. р. тех же типов и жен. р. типа [жена], [земля] (ср. род. пад. мн. ч. [столъ], [конь], [женъ], [земль] и т. п.). После же утраты конечного редуцированного гласного в этих формах возникло „нулевое окончание": [стол], [кон'], [жен], [земл'] и т. п.

Однако если бы эти формы с „нулевым окончанием" ограничились в своем проявлении лишь теми словами, которые раньше действительно имели на конце [ъ] или [ь],— в этом случае последствия падения редуцированных не вышли бы за рамки чисто фонетических явлений. Дело же заключается в том, что, возникнув как результат утраты слабых [ъ] и [ь], новые формы стали явлением грамматическим, т. е. таким, которое характеризует морфологическую систему русского языка, формы его словоизменения. Именно потому, что „нулевое окончание" стало признаком определенных грамматических форм, определенных падежей, оно выступает в современном языке в любых словах муж. и жен. р. определенных типов склонения, независимо от времени появления этих слов в языке, т. е. независимо от того, была ли в истории данных слов такая эпоха, когда в тех или иных падежных формах окончанием выступали [ъ] или [ь].

Точно так же обстоит дело и с развитием таких грамматических элементов, которые состоят только из одного согласного. Вообще говоря, до падения редуцированных в древнерусском языке не могло быть ни окончаний, ни суффиксов, в состав которых входил бы только один согласный звук. Такие элементы возникли после утраты слабых [ъ] или [ь]. Так, например, до падения редуцированных формы 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени оканчивались на [-ть] (*ходить, носять* и т. п.); после же утраты [ь] окончанием стало выступать одно [т'] ([хо́дит'], [но́сят'] и т. п.). Если до падения редуцированных причастие прошедшего времени муж. р. после суффикса [л] имело окончание [ъ] (*писалъ, ходилъ, читалъ* и т. п.), то после утраты конечного редуцированного оно стало оформляться лишь суффиксом [л], оказавшимся на конце слова.

После падения редуцированных появились и суффиксальные морфемы, состоящие из одних согласных звуков; например, вместо др.-русск. суффиксов *-ьск-, -ьн-, -ък-* и т. д. возникли *-ск-, -н-, -к-* (ср. др.-русск. *женьскый* и совр. *женский*, др.-русск. *тьмьный* и совр. *темный*, др.-русск. *палъка* и совр. *палка* и т. п.). Наличие подобных морфем было совершенно исключено в древнерусском языке до падения редуцированных.

§ 117. Образование беглых [о] и [е]. Влияние падения редуцированных на изменение фонетико-морфологического строения слова проявилось и в образовании в русском языке так называемых „беглых гласных".

В связи с тем что при изменении одного и того же слова редуцированный в нем мог оказываться то в сильном, то в слабом положении,— в связи с этим данный редуцированный то развивался

в гласный полного образования, то исчезал. Например, др.-русск. имен. пад. ед. ч. [сънъ] имел в корне сильный [ъ], а род. пад. [съна] — слабый. В результате этого в русском языке возникло [сон] — [сна] с беглым [о]. Ср. то же самое: др.-русск. [дьнь] — [дьня] — совр. [ден'] — [ди'а] с беглым [е].

Таким образом, в своем возникновении „беглость гласных" была связана с падением редуцированных, с различной их судьбой в зависимости от фонетического положения. Однако если бы „беглость гласных", возникнув как фонетическое явление, осталась бы таковым, то ее выявление было бы ограничено лишь теми словами, в которых некогда были [ъ] и [ь]. На самом же деле оказалось, что уже в древнерусском языке „беглость гласных" стала распространяться не только на те слова, у которых в корне были когда-то [ъ] и [ь], но и на те, которые исконно имели в своем звуковом составе [о] и [е]. Так, например, в современном *ров — рва, лёд — льда* беглые [о] и [е] появились не на месте слабых [ъ] и [ь], а на месте исконных [о] и [е]. В своем исконном виде эти слова зафиксированы в памятниках письменности: **въ ровѣ преисподьнимь** (Изб. 1076 г.), **глѣвъ кнѧзь мѣрилъ моря по ледоу** (Надпись на Тьмутарак. камне 1068 г.). Ср. то же самое в пословице *руки в боки, глаза в потолоки*, где *потолоки* выступает в исконном виде, без беглого [о] (совр. *потолки*), ибо слово *потолокъ* не имело никогда после [л] редуцированного. Беглость [о], какая наблюдается в совр. *потолок — потолки*, аналогического происхождения, по образцу *кусóк — кускú* и т. п.

„Беглость" [о] и [е] возникла здесь не фонетическим путем, а под действием аналогии со словами типа *сънъ, дьнь*.

Дальнейшее расширение действия этой аналогии в истории русского языка постепенно вело к тому, что „беглость гласных" превращалась из фонетического явления в морфологическое — в средство образования форм слов. Если в формах *клетка — клеток, кусок — куска, кошка — кошек, отец — отца* беглость [о] и [е] связана с тем, что в этих словах когда-то были [ъ] и [ь] (ср. др.-русск. *клѣтъка, коусъкъ, кошька, отьць*), то в таких современных словах, как *шпаргалка — шпаргалок, розетка — розеток, кнопка — кнопок, фляжка — фляжек, каска — касок, зажигалка — зажигалок, кокетка — кокеток, бомбежка — бомбежек, танец — танца, комсомолец — комсомольца, партиец — партийца* и т. д., такая беглость [о] и [е] не могла возникнуть фонетически, ибо, когда в русском языке появились эти слова, никаких редуцированных в нем давно уже не существовало: все эти слова очень позднего происхождения, а некоторые из них возникли лишь в XX в. Беглость гласных возникла здесь уже и не просто по аналогии, как в словах *ров, лед*, ибо прямая аналогия едва ли могла действовать в течение веков. Вернее всего, возник-

новение „беглости гласных", т. е. чередования [е], [о] с нулем звука, в словах подобного рода можно объяснить тем, что „беглость" стала морфологическим средством образования форм определенных категорий слов — она стала определять их фонетико-морфологическое строение. Так, например, с беглым [е] склоняются все существительные с суффиксом *-ец*, с беглым [о] или [е] — все существительные с суффиксом *-к-* жен. р. и т. д. Иначе говоря, независимо от времени происхождения любое существительное муж. р., у которого в имен. пад. ед. ч. выступает суффикс *-ец*, будет склоняться с „беглым" [е]; любое существительное жен. р. с суффиксом *-к-* в имен. пад. ед. ч. будет иметь в форме род. пад. мн. ч. *-ок* или *-ек* (последнее после шипящих). Это и обусловило развитие в русском языке внутри основных типов склонения имен существительных подтипов склонений, куда входят слова, основы которых характеризуются „беглыми гласными".

§ 118. Возникновение новых групп согласных и их изменения.

Падение редуцированных привело к возможности появления согласных перед согласными, ранее отделенных друг от друга слабым редуцированным (ср.: *палъка — палка*), т. е. к образованию разнообразных групп согласных, ранее ограниченных в своем составе.

Образование таких групп согласных, во-первых, вызвало активизацию синтагматического закона сочетаемости глухих-звонких шумных с глухими-звонкими шумными, действовавшего и до падения редуцированных, но ограниченно проявлявшегося в древний период истории русского языка. До утраты [ъ] и [ь] этот закон выявлял свое действие лишь в тех сочетаниях шумных согласных, которые были унаследованы от праславянского состояния (см. § 63 и § 87); никаких других групп шумных согласных в древнерусском языке появиться до падения редуцированных не могло.

Падение редуцированных и изменение характера слоговой структуры древнерусского языка создали условия для широкого проявления синтагматического закона сочетаемости шумных, так как возникла принципиальная возможность появления любого шумного перед любым шумным. Однако, как только эта возможность возникла, фонетическая система сразу же наложила запрет на сочетания глухих шумных со звонкими и звонких с глухими. Появление в древнерусском языке в середине слов сочетаний типа [тк] и [дг], [пт] и [бд], [шт] и [жд] и т. п. было результатом не оглушения или озвончения шумных после утраты разделявших эти согласные [ъ] и [ь], а результатом действия синтагматического закона сочетаемости согласных, полностью проявившего себя после падения редуцированных.

Таким образом, в результате действия указанного синтагматического закона в русском языке возникли группы согласных [тк]

(ло[тк]а < *лодъка*), [фк] (ла[фк]а < *лавъка*), [пч] ([пч]ела < *бъчела*), [шк] (ло[шк]а < *ложька*), с одной стороны, и [зд] ([зд]ѣсь < *сьдѣсь*), [д'б] (моло[д'б]а < *молотьба*), [зб] (н[зб]а < *истъба*) — с другой, и многие иные.

Образование таких групп согласных, во-вторых, вызвало фонетические процессы влияния одних согласных на другие, что выразилось в различных процессах уподобления (ассимиляции) и расподобления (диссимиляции) звуков. При этом в русском языке происходило уподобление и расподобление предшествующего звука с последующим, т. е. действовала регрессивная ассимиляция и диссимиляция.

Процессы уподобления (как и расподобления) согласных в ряде случаев получили отражение в письменности в виде закрепления соответствующего произношения в орфографии. Однако в живом языке они прошли, конечно, шире, чем укрепились в написаниях.

Ассимиляция согласных выражается в уподоблении их по месту и способу образования, т. е. в полном уподоблении одного звука другому:

[съшилъ] > [сшил] > [шшил] > совр. [шы́л];
[съ женою] > [с-женою] > [з-женою] > [ж-женою] > совр. [ж]еною;
[съ шумомъ] > [с-шумом] > [ш-шумом] > совр. [шу]мом и т. д.

Она выражается также в уподоблении согласных по твердости-мягкости:

[красьныи] > [крас'ный] > [красн]ый;
[тьмьныи] > [тем'ный] > [т'о́мн]ый;
[сътихати] > [ст'ихати] > [с'т'иха]ть;
[дъвѣ] > [дв'е] > [д'в'е] и т. д.

Процессы расподобления согласных в русском языке развились меньше, чем процессы уподобления. В основном это коснулось групп согласных „взрыаной + взрывной" или „аффрината + носовой".

В первой группе диссимиляция выразилась в изменении первого взрывного во фрикативный согласный: [къто] > [кто] > [хто], [къ кому] > [к-кому] > [х-кому]; во второй — в утрате аффрикатой взрывного элемента: [чьто] ([т'ш'ьто]) > [что] > [што], [коньчьно] > [конечно] > коне[шн]о.

Как ассимиляция, так и диссимиляция в группах согласных, являясь фонетическими процессами, по-разному осуществлялись и проявлялись в истории разных русских диалектов: в одних они проходили более последовательно, в других — менее, в некоторых диалектах осуществлялись одни процессы, но не осуществлялись другие, и наоборот, и т. д. В то же время на задерж-

ку или на осуществление фонетического процесса оказывали влияние и иные факторы. В этом плане особого внимания заслуживает судьба сочетания [чн], которое изменилось в [шн] не во всех словах — в ряде случаев оно устойчиво сохраняется. Это наблюдается, во-первых, тогда, когда слово, имеющее в своем составе группу [чн], непосредственно соотносится со своим производным, в котором выступает только [ч]; такая непосредственная связь сохраняется, например, у слов *ночной* и *ночь, дачный* и *дача, печной* и *печь* и т. п. (при отсутствии такой связи с другими словами у *конечно, скучно, перечница, коричневый* и под.). Во-вторых, это наблюдается в словах книжного характера, таких, например, как *порочный, алчный, вечный, циничный* и т. д. Наконец, в-третьих, [чн] сохраняется в тех случаях, когда его изменение в [щн] может привести к нежелательной омонимии (ср. *научный* и *наушный, точный* и *тошный*).

Однако в ряде случаев произношение [шн] вместо [чн] стало не только фактом устной речи, но и закрепилось в письменности в качестве единственно возможного, например *Столешников* переулок в Москве, фамилии *Свешников, Прянишников, Шапошников* и т. д.

Говоря о возникновении в русском языке в результате падения редуцированных различных групп согласных, следует отметить и появление новых сочетаний согласных с [j], исконно чуждых славянам. Если до утраты [ъ] и [ь] в словах *колосьѩ, свиньѩ, судьѩ, друзьѩ* и т. п. согласные [с], [н], [д] и т. д. были отделены от последующего [j] (буква ѩ обозначает сочетание [ja]) слабым редуцированным [ь], то после утраты последнего согласный и [j] оказались рядом. В результате согласный под влиянием [j] смягчился, т. е. возникло произношение кол[óс'j]а, сви[н'já], [суд'já], [друз'já] и т. п. с сочетаниями [с'j], [н'j], [д'j], [з'j]. В русском языке никакого дальнейшего изменения этих сочетаний в целом не было. В отличие от русского языка, в украинском и белорусском также сочетания согласных с [j] пережили новые изменения: [j] ассимилировался с согласным, а согласный приобрел долготу: укр. [колоc̄'а], [суд̄'а], [весіл̄'а]; белорусск. [суд'з'а], [калоc̄'а], [вясел̄'а], [свин̄'а].

Точно так же, как возникли новые сочетания согласных с [j], после падения редуцированных появились вновь сочетания [тл], [дл] вследствие утраты [ь] между [т], [д] и [л]: из [меть-ла] возникло [метла], из [сѣдьло] — [сѣдло], из [тьлѣти] — [тлѣти] и т. д. Можно отметить еще появление новой группы [кт] в ло[кт]и, ко[кт]и, но[кт]и (с возможной последующей диссимиляцией в [хт]).

С процессами, рассмотренными выше, связаны, наконец, и явления упрощения возникших после падения редуцированных новых групп согласных. Прежде всего это коснулось тех случаев, когда после утраты слабого [ъ] или [ь] в русском языке образо-

валось сочетание трех согласных; в этих случаях упрощение пошло путем выпадения одного из этих согласных. Так, например, из др.-русск. [сьрдьце] развилось [сердце] и далее [се́рце], из [сълньце] — [солнце] > [со́нце], из [жьстъко] — [жестко] > [жеско], > [жо́ско], из [Дьбряньскъ] (ср. *дебри*) — [Дбряиск] > [Брянск] (То же самое в [дъстоканъ] > [стакан], [дъхорь] > [хорь]. Что касается отсутствия [е] в [Бряиск], то изменение [Брянеск] > [Брянск] обязано аналогическому воздействию косвенных падежей (ср. [Брянска] из [Дьбряньска], см. § 114), из [бедрьцовый] (ср. *бедро*) — [бедрцовый] > [берцо́вый], из [истъба] (ср. нем. *Stube* — „комната") — [истба] > [исба] > [изба́]. То же самое было и в таких случаях, как [дъщанъ] (от *дъска*) — [дщан] > [тщан] > [чан]; [ни стьги] (от *стьга* — „дорога", ср. *стежка*) — [ни стги] > [ни сги] > [ни зги́]; [горньчаръ] (от *гърньць* — „горшок") — [горнчар] > [гонча́р].

Как видно из этих примеров, подобные явления привели к такому сильному изменению первоначального звукового облика ряда слов, что теперь уже нельзя без специального исследования установить первоначальное их оформление и произношение. При этом в некоторых случаях фонетические изменения закрепились и в правописании соответствующих слов. Все это обусловило разрыв их связей с родственными словами, их деэтимологизацию. В современном языке такие слова уже не связываются со своими исходными корнями, а выступают как особые образования. Иначе говоря, в этих случаях фонетический процесс падения редуцированных привел к изменениям в лексическом составе русского языка.

§ 119. Изменение групп вновь возникших согласных носило в ряде случаев диалектный характер, т. е. коснулось лишь некоторых русских говоров. В частности, это относится к судьбе сочетаний „сонорный + шумный или сонорный" в начале слова. Такие сочетания возникали после утраты слабых [ъ] и [ь], например, в словах [ръжанои], [ръжати], [ръжавои], [льняиои], когда в начале слова оказывались группы [рж] и [л'н]. Сонорный в начале слога перед согласным не мог сохраниться без изменения: возникала труднопроизносимая группа двух согласных, освобождение от которой могло идти, вообще говоря, разными путями. В ряде диалектов освобождение от этой группы согласных было осуществлено путем развития гласного в абсолютном начале слова, перед [р] и [л]. Так возникли диалектные формы [оржано́й] или [аржано́й], [ил'няно́й] или [ол'няно́й], [иржа́вый], [иржа́ти], бытующие до сих пор в русских говорах.

Образование труднопроизносимых групп согласных после падения редуцированных коснулось и конца слова, однако здесь освобождение от этих групп шло иными путями, чем в начале

слова, причем пути такого освобождения в целом были общерусскими.

Труднопроизносимые группы согласных на конце слова могли образоваться из шумного согласного, за которым следовал сонорный, или из сонорного, за которым следовал также сонорный. Так, например, было в некоторых формах старого причастия прошедшего времени с суффиксом *-л*: [неслъ], [везлъ], [жьглъ], [грьблъ], [умьрлъ], [тьрлъ], [замьрлъ], где после падения редуцированных на конце слова оказались группы [сл], [зл], [гл], [бл], [рл]. Освобождение от этих групп согласных пошло путем утраты конечного сонорного, в результате чего возникли формы [нес], [вез], [жег], [греб], [умер], [тер], [замер]. Эти формы, сохранившиеся в современном русском языке, выступают ныне как формы прошедшего времени глаголов, но описанный выше процесс привел к внешнему разрыву их с типичными формами прошедшего времени на *-л*, вроде *летал, палил, говорил*. Однако то, что *нес, вез* и т. д. по происхождению те же причастия на *-л*, что и *летал, палил*, выявляется сразу при сравнении их с формами жен. и ср. р.: *несла, везла, несло, везло* и т. д. и *летала, палила, летало, палило*; в этих формах в глаголах типа *нести, везти* звук [л] сохраняется, будучи поддержан далее следующим гласным звуком.

В литературном языке, а также во многих говорах такой утрате подвергся только конечный твердый сонорный, да и то не всегда: ср. *кругл, смугл, быстр, остр*, тогда как мягкий сохраняется без изменения: ср., например, *журавль, корабль, мысль, вихрь, жизнь* и т. д. Однако в ряде русских диалектов в подобных случаях был утрачен и мягкий конечный сонорный. Так возникает диалектное произношение [жура́ф'] (или с отверденнем конечного согласного — [жура́ф]), [кора́п'], [жис'] (из [жизнь] > [жиз'] > [жис']), [руп'] (при литер. *рубль*; как видно, из [рубл'] > [руб']).

Но такое развитие не было единственным. Другим путем освобождения от труднопроизносимой группы согласных было развитие слоговости сонорными с последующим изменением таких сонорных в сочетания с предшествующим гласным. Так, например, обстояло дело со словами *огнь* и *угль*, где после утраты [ь] на конце возникли сочетания [гн'] и [гл']. Развитие здесь было таковым, что [н'] и [л'] становились слоговыми, дальнейшее изменение которых привело к возникновению гласного [о] перед [н'] и [л']: *огонь, уголь*. В косвенных падежах этого не произошло, так как там за [н'] и [л'] следовал гласный звук: *огня, угля*. В говорах такие факты наблюдаются шире, например: *журавель, рубель, корабель, веперь, мысель, жизень* и т. п.

Подобный процесс развития слоговости широко известен и в формах род. пад. мн. ч. существительных с бывшими основами на *ā* и *ŏ*, типа *сестра, земля, басня, пѣсня, весло, стекло* и т. д., где до падения редуцированных были формы [сестръ], [земль],

[баснь], [пѣснь], [веслъ], [стеклъ] и т. п. Современные [сест'óр], [земéл'], [бáсен], [пéсен], [в'óсел], [ст'óкол] получили гласный перед конечным сонорным через ступень развития слогового согласного. То же самое обнаруживается и в словах *ветер* (из *вѣтръ*), *свекор* (из *свькръ*), *восемь* (из *осемь*, которое в свою очередь из *осмь*), *плесень* (из *плѣснь*) и т. д. (ср. еще диал. *добёр, бобёр*).

В результате развития гласных между согласными в конце слова в русском языке появилась еще одна категория слов с беглыми гласными [о] и [е]. Если выше рассматривались факты появления беглых гласных на месте чередующихся сильных и слабых [ъ] и [ь] и по аналогии — на месте исконных [о] и [е], а также факты, связанные с превращением „беглости" в средство грамматического характера — в грамматический признак склонения определенных категорий слов,— то теперь ко всем этим фактам прибавляется еще беглость гласных, возникшая в результате действия фонетических процессов в конце слова после утраты [ъ] и [ь]. Таким образом, при внешней схожести таких форм, как [кóшка] — [кóшек], [фля́жка] — [фля́жек], [бáсия] — [бáсен], или таких, как [кусóк] — [кускá], [флажóк] — [флажкá], [свёкор] — свёкра] и т. п., беглость гласного возникла в них разными путями, хотя в конечном счете и была обусловлена процессом падения редуцированных.

§ 120. История губных фрикативных согласных [в] и [ф]. С падением редуцированных связана история отдельных звуков русского языка, в частности история [в] и [ф].

Известно, что в современном русском литературном языке звук [в], как и другие согласные, оглушается в [ф], являясь губно-зубным по образованию ([корóва] — [корóф], [кроф], [улóф] и т. д.). Во многих южновеликорусских и в части северновеликорусских говоров, а также в украинском и белорусском языках [в] на конце слов и перед согласными изменяется в [ў], а в начале слов в [у] слоговое. Ср. диалектные [головá] — [голóў], [травá] — [трáўка], [унýк], [удовá]. Такое изменение [в] отражается в памятниках письменности со второй половины XII в.: например, *доулѣкть* (Добр. ев. 1164 г.), *оузѧти, оулѣсти оу корабль* (Галиц. ев. 1266 г.), *оуторникъ* (Новг. Кормч. 1282 г.), *дооулеетъ, оузѧти, оуздоумалъ, оустоко* (Смол. гр. 1229 г.) и т. д. С исторической точки зрения *у* возникает на месте *в* там, где после [в] когда-то был слабый редуцированный: *довълееть, възѧти, въздоумалъ, въстокъ* и т. д.

А. А. Шахматов в свое время делил все русские говоры в отношении звука [в] на три группы: в одних говорах [в] губно-зубное, оглушающееся в определенных условиях в [ф]; в других — [в] губно-зубное, но изменяющееся в [ў]; в третьих — [w] губно-губное, т. е. оно везде звучит близко к [ў]. Следовательно, если учесть, что исконно [в] могло быть не только губно-зубным, но и билабиальным (см. § 74), то последняя груп-

па — это те говоры, которые сохраняют еще исконное звучание звука [w]; следы этого [w] обнаруживаются во второй группе — в говорах, знающих изменение [в] в [ў] на конце слов и перед согласными. Таким образом, изменение [в] в [ў] — это не новое явление, развившееся в русском языке, а сохранение следов старых отношений.

Если вспомнить, что губно-губной звук [w] представлял собой сонант, т. е. звук, по своему характеру являющийся промежуточным между согласными и гласными, то можно понять связь истории данного звука с падением редуцированных.

Сонанты по-разному произносятся в положении перед согласными и гласными: перед согласными они ведут себя как гласные, т. е. выявляют свои гласные качества, а перед гласными — как согласные, т. е. выявляют свои согласные качества. Поэтому до падения редуцированных согласный [w], находясь всегда лишь перед гласными, вел себя как согласный; после же падения он стал находиться перед согласными и на конце слов и стал произноситься как гласный [ў].

Таким образом, те русские диалекты, которые к эпохе падения редуцированных сохраняли еще губно-губной характер [w], знают теперь в определенных фонетических положениях произношение [ў] вместо [в]; при этом в подобных говорах [в] в большинстве случаев вообще является теперь уже губно-зубным.

Те диалекты, которые к эпохе падения редуцированных уже имели [в] губно-зубное, пережили иное изменение этого звука, что привело к возникновению на восточнославянской почве нового согласного — звука [ф].

Появление в древнерусском языке фрикативного глухого звука [ф], исконно чуждого славянским языкам, объясняется следующим. Как известно, звук [в] губно-зубной, попадая в фонетическое положение конца слова, становится глухим: при образовании этого звука теряется голос и преобладание получает шум. Потеря же голоса при образовании [в] означает изменение его в губно-зубной глухой звук [ф], ибо между [в] и [ф] нет никакой разницы, кроме звонкости и глухости. Таким образом, например, возникает произношение [корóф] из [коровъ] > > [коров], [городóф] из [городовъ] > [городов] и т. д. Как можно видеть из примеров, в такое положение звук [в] мог попасть лишь после падения редуцированных, так как до этого [в] не могло быть на конце слов.

Таким образом, после падения редуцированных на самой восточнославянской почве развился звук [ф], правда, сначала лишь в определенном фонетическом положении. Иначе говоря, он возник в древнерусском языке как глухая разновидность фонемы [в]. Но это означало, что возникла возможность появления звука [ф] и в других положениях в слове, в частности в положении перед гласными звуками, т. е. появились условия для развития в русском языке новой самостоятельной согласной

фонемы. Наличие [ф] и [ф'] в позиции перед гласными в заимствованных словах (хотя и весьма ограниченных по составу) облегчало „завоевание" возникшим фонетически аллофоном фонемы [в] звуком [ф] такой фонологической самостоятельности.

§ 121. Оформление категории соотносительности согласных по глухости-звонкости. Падение редуцированных обусловило оформление в русском языке категории соотносительности согласных по глухости-звонкости.

Если до смягчения полумягких в древнерусском языке были пары согласных, противопоставленные по признаку глухости-звонкости, и если смягчение полумягких расширило состав этих парных согласных, то ни в ту ни в другую эпоху в языке не было такого положения, чтобы та или иная пара глухих-звонких оказалась в такой позиции, где на месте двух согласных выступал только глухой или только звонкий. Исключение в этом отношении, касавшееся [с] и [з] (см. § 66), не меняло, по существу, общего положения с глухими-звонкими согласными.

Это положение коренным образом изменилось, когда были утрачены редуцированные, что было связано с активизацией синтагматического закона сочетаемости шумных (см. § 66) и с появлением шумных в абсолютном конце слов.

Однако, прежде чем говорить об этих коренных изменениях, следует обратить внимание на один важный момент, связанный с сочетаемостью [в] с последующими шумными согласными. Сочетания [в] с последующими различными шумными, которые возникли после падения редуцированных, должны были подчиниться синтагматическому закону сочетаемости звонких шумных только со звонкими, а глухих только с глухими. Следовательно, по этому закону в позиции перед глухим шумным мог выступать только [ф], так же как перед звонким — только [в]. Казалось бы, что отражение сочетания „[ф] + глухая шумная" должно было бы появиться в памятниках письменности если не сразу, то через небольшой относительно промежуток времени после утраты слабых редуцированных, отделявших [в] от последующего глухого шумного. Однако в действительности написание *ф* перед глухим шумным появляется очень поздно: первый такой пример — написание *фпрокъ* — отмечен в грамоте 1501 г. Возможно, это объясняется непривычностью для писцов написания буквы *ф* в собственно русских словах.

§ 122. Активизация действия синтагматического закона сочетаемости шумных обусловила не только расширение состава возможных групп согласных в русском языке, но и укрепление внутренних связей глухих и звонких шумных. Дело заключается в том, что при словообразовательных процессах, идущих в языке постоянно, появление глухого или звонкого согласного в той или иной группе шумных оказывалось связанным с наличием глухого или звонкого шумного перед гласным в производящем слове;

такие соотношения могли возникать и при словоизменении. Так, например, звонкий [д'] в группе [д'б] в слове моло[д'б]а был связан с глухим [т'] в слове *молотити*, а глухой [т] в группе [тк] в слове ло[тк]а — со звонким [д] в форме *лодок*. И одновременно звонкий [д'] в горо[д'б]а был связан со звонким же [д] в *городити*, а глухой [т] в пле[тк]а — с глухим же [т] в *плеток*. Таким образом, возникла позиционная мена глухих-звонких согласных в однокоренных словах или в формах одного слова.

Но главное, что сыграло решающую роль в оформлении категории глухости-звонкости в русском языке,— это утрата редуцированных в абсолютном конце слов. Имея в виду то обстоятельство, что ни в праславянском, ни в древнерусском языке до падения редуцированных в результате действия закона открытого слога не могло быть согласных на конце слов, можно утверждать, что в этих языках не мог сложиться синтагматический закон, согласно которому в абсолютном конце слов могли выступать лишь определенные согласные, как это было в отношении сочетаний согласных внутри слов.

Падение редуцированных вызвало к жизни совершенно новое для древнерусского языка явление — наличие шумного согласного в абсолютном конце слов, явление, до этого принципиально чуждое древнерусской фонетической системе. В этой новой для языка позиции возник процесс изменения шумных: в абсолютном конце слова произошло ослабление согласного и потеря голоса, что привело к оглушению в этой позиции звонких шумных. В памятниках письменности этот процесс начинает отмечаться с XIII в. Это был действительно процесс, протекавший во времени и неодинаково осуществлявшийся в древнерусском языке (именно поэтому в некоторых русских говорах, например: костромских, владимирских, горьковских, смоленских, брянских, до сих пор наблюдается сохранение звонких или полузвонких согласных в этом положении). Но в большинстве русских диалектов процесс оглушения конечных звонких шумных осуществился последовательно, и в этих диалектах сложился новый синтагматический закон, согласно которому дистрибуция шумных в абсолютном конце слова определяется наличием в этом положении только глухих согласных.

§ 123. Синтагматический закон распределения глухих-звонких шумных согласных перед глухими-звонкими шумными и фонетический процесс оглушения звонких шумных в конце слов обусловили то, что в определенных фонетических положениях глухость-звонкость перестала играть фонематическую роль, ибо слова, различающиеся глухими и звонкими согласными, в этом случае перестают быть противопоставленными друг другу: ср., например, др.-русск. [пру́дъ] и [пру́тъ] и совр. [прут], равное как *пруд*, так и *прут* при различении [пруда́] — [прута́]; др.-русск.

[гла́зъ] и [гла́съ] и совр. [глас], равное как *глаз*, так и *глас*, при различении [гла́зу] — [гла́су] и т. д.

Именно эти явления и свидетельствуют о том, что в русском языке возникла категория соотноситёльности согласных по признаку глухости-звонкости, возникли коррелятивные отношения между глухими и звонкими согласными. Эти отношения определяются тем, что глухость-звонкость согласных в одних фонетических условиях (перед гласными, сонорными и [в]) различается, а в других (на конце слова и перед парными глухими-звонкими) — не различается. Это означает, что в русском языке возник непараллельный, пересекающийся ряд позиционно меняющихся глухих-звонких:

[т] [д] → [т] ([д]) [т'] [д'] → [т'] ([д']) [с] [з] → [с] ([з]) [с'] [з'] → [с'] ([з'])

[п] [б] → [п] ([б]) [п'] [б'] → [п'] ([б']) [ф] [в] → [ф] ([в]) [ф'] [в'] → [ф'] ([в'])

[к] [г] → [к] ([г]) [ш'] [ж'] → [ш'] ([ж']) [ш̄'] [ж̄'] → [ш̄'] ([ж̄'])

§ 124. Полное освобождение твердости-мягкости согласных от позиционных условий. Падение редуцированных сыграло большую роль в истории твердых-мягких согласных в русском языке, определив окончательное становление современной категории соотносительных по этому признаку фонем.

Выше уже говорилось о том, что утрата слабых редуцированных вызвала процессы ассимиляции согласных по признаку твердости-мягкости (см. § 118). Уподобление твердых согласных последующим мягким или, наоборот, мягких последующим твердым отражается в памятниках письменности начиная со второй половины XII в.

Впрочем, такое уподобление происходит не всегда; например, сохраняет мягкость перед твердым звуком [л']: [во́льныи] > [во́л'ный], [бо́льно] > [бо́л'н]о, [большо́и] > [бол'шо́й] и т. д., хотя в диалектах отвердение мягких согласных может распространяться шире, чем в литературном языке (ср. диал. [во́лно], [бо́лно], [колоко́лна], [болшо́й]), а иногда у́же: [же́н'ский], [моско́ф'ский] и т. п. Не отвердевают иногда и зубные перед губными: например, [письмо́] > [пис'мо́], [возьму́] > [воз'му́], [тьма́] > [т'ма], [про́сьба] > [про́з'ба] и т. д.

В связи с различной направленностью изменений согласных перед согласными в русском языке постепенно установились определенные соотношения твердых и мягких согласных в этих позициях.

Однако, прежде чем говорить об этих соотношениях, сле-

дует рассмотреть процессы, связанные с полным освобождением твердости-мягкости согласных от позиционных условий. Это освобождение было обусловлено явлениями конца слова после утраты слабых [ъ] и [ь].

После падения редуцированных на конце слов оказывались как твердые, так и мягкие согласные, причем в русском языке в определенной степени здесь развился процесс отвердения мягких губных звуков. Правда, во всех диалектах русского языка такому отвердению подвергся лишь один губной — [м]. Так, в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени от глагола *дати* вместо [дамь] возникло [дам'] > [дам], в твор. пад. ед. ч. существительных муж. и ср. р. старых основ на *о*, например [столѣмь], [рабѣмь], [вълкѣмь], [селѣмь], а также [сынѣмь], [путѣмь] и т. д., развилось [столо́м], [рабо́м], [волко́м], [село́м], [сыно́м], [пут'о́м] и т. д.; или в твор. пад. ед. ч. неличных местоимений, например [тѣмь], [моимь], [имь], появилось [тѣм], [моим], [им] и т. д. Такого отвердения [м'] не наблюдается лишь в тех случаях, где аналогия со стороны родственных форм поддерживала сохранение мягкости [м]. Например, в словах *семь, восемь* сохранение мягкости звуком [м] может быть объяснено воздействием со стороны форм косвенных падежей этих слов, где [м] выступает всегда как мягкий звук: [сем'н], [сем'ју], [вос'м'и], [восем'ју] и т. д. Кроме того, сохранение мягкости [м] в *семь, восемь*, возможно, было поддержано влиянием со стороны таких числительных, как *пять, шесть, девять, десять*, с которыми *семь, восемь* стоят в совершенно очевидной связи.

Остальные губные во многих русских диалектах (как и в литературном русском языке) сохраняют в конце слов мягкость без изменения: ср. *кровь, голубь, любовь, вновь, вглубь, поправь, оставь* и т. д., причем сохранение мягкости в существительных вызвано теми же причинами, что и сохранение [м'] в *семь, восемь;* точно так же отсутствие отвердения конечного мягкого губного в формах повелительного наклонения связано, вероятно, с влиянием таких форм, как *сядь, встань*, где на конце был мягкий не губной согласный. Что же касается наречий типа *вновь*, то, как предполагают, мягкость конечного губного здесь возникла позже, после отвердения конечных губных, в результате редукции конечного гласного (т. е. *вновь* возникло из *внови*).

Однако в русском языке есть и такие диалекты, в которых отвердению подверглись все губные, а не только [м']. Такие говоры встречаются больше на севере, но есть и южновеликорусские диалекты, где говорят [го́луп], [л'убо́ф], по[пра́ф], мор[ко́ф], [с'ем] и т. д.

Процесс отвердения конечных губных возник позже утраты конечного [ь] и получил отражение в памятниках лишь с XIII в., когда, например, после конечного *м* появляется написание не *ь*, а *ъ*.

Все же остальные мягкие согласные, оказавшись после утра-

ты [ъ] и [ь] на конце слов, сохранили мягкость и стали выступать в этой позиции наравне с твердыми согласными.

Так наступила новая эпоха в развитии твердых-мягких согласных, когда в русском языке твердость-мягкость приобрела полную независимость от позиционных условий. Это объясняется тем, что после утраты [ъ] и [ь] твердые и мягкие согласные перестали быть неразрывно связаны с качеством последующего гласного, освободившись от этой зависимости в положении конца слова и перед согласными.

Как говорилось выше (см. § 97), после смягчения полумягких такие слова, как, например, [цѣпъ] и [цѣп'ь], [конъ] и [кон'ь] и т. п., различались в своей звуковой оболочке целыми слогами [пъ] — [п'ь], [нъ] — [н'ь], где гласный и согласный были неразрывно связаны друг с другом. После же утраты конечных [ъ] и [ь] они стали различаться твердым и мягким согласным: ср. [цеп] — [цеп'], [кон] — [кон'], где противопоставленность согласных по твердости-мягкости играет фонематическую роль, т. е. служит единственным средством различения данных словоформ. В результате падения редуцированных на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные согласные фонемы [т — т'], [с — с'], [л — л'], [н — н'], [р — р'] (звонкие [д — д'], [з — з'] на конце слова совпали с [т — т'], [с — с'], см. § 123), а в тех говорах, где сохранились мягкие губные [п'], [ф'] в конце слов, и [п — п'], [ф — ф'] ([б — б'], [в — в'] также совпали с [п — п'], [ф — ф']).

Противопоставленность твердых и мягких согласных фонем в независимом фонетическом положении — на конце слова — обусловливает возможность трактовки твердых и мягких согласных, так же как самостоятельных фонем и в положении перед гласными. Иначе говоря, после падения редуцированных можно считать, что слова [мыл] и [м'ил] противопоставлены друг другу [м] и [м'] (а не слогами [мы] и [м'и], как это было раньше), так как на конце слова стала возможна изоляция согласного от гласного.

Таким образом, в русском языке сложились закономерные отношения между твердыми и мягкими согласными. Возникли пары согласных по твердости-мягкости, состоящие из двух самостоятельных фонем, различающихся лишь по этому одному признаку. Этими парами стали являться [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [н — н'], [л — л'], [р — р']; остальные фонемы остались или непарными мягкими, или непарными твердыми.

Полное освобождение твердости-мягкости от позиционных условий повлекло за собой дальнейшие явления в развитии категории соотносительных по этому признаку согласных фонем. Однако в этом развитии сыграло роль не только падение редуцированных, но и иные фонетические процессы в истории русского языка.

дует рассмотреть процессы, связанные с полным освобождением твердости-мягкости согласных от позиционных условий. Это освобождение было обусловлено явлениями конца слова после утраты слабых [ъ] и [ь].

После падения редуцированных на конце слов оказывались как твердые, так и мягкие согласные, причем в русском языке в определенной степени здесь развился процесс отвердения мягких губных звуков. Правда, во всех диалектах русского языка такому отвердению подвергся лишь один губной — [м]. Так, в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени от глагола *дати* вместо [дамь] возникло [дам'] > [дам], в твор. пад. ед. ч. существительных муж. и ср. р. старых основ на *о*, например [столѣмь], [рабѣмь], [вълкѣмь], [селѣмь], а также [сынѣмь], [путѣмь] и т. д., развилось [столо́м], [рабо́м], [волко́м], [село́м], [сыно́м], [пут'о́м] и т. д.; или в твор. пад. ед. ч. неличных местоимений, например [тѣмь], [моимь], [нмь], появилось [тѣм], [моим], [им] и т. д. Такого отвердения [м'] не наблюдается лишь в тех случаях, где аналогия со стороны родственных форм поддерживала сохранение мягкости [м]. Например, в словах *семь, восемь* сохранение мягкости звуком [м] может быть объяснено воздействием со стороны форм косвенных падежей этих слов, где [м] выступает всегда как мягкий звук: [сем'и], [сем'ju], [вос'м'и], [восем'ju] и т. д. Кроме того, сохранение мягкости [м] в *семь, восемь*, возможно, было поддержано влиянием со стороны таких числительных, как *пять, шесть, девять, десять*, с которыми *семь, восемь* стоят в совершенно очевидной связи.

Остальные губные во многих русских диалектах (как и в литературном русском языке) сохраняют в конце слов мягкость без изменения: ср. *кровь, голубь, любовь, вновь, вглубь, поправь, оставь* и т. д., причем сохранение мягкости в существительных вызвано теми же причинами, что и сохранение [м'] в *семь, восемь;* точно так же отсутствие отвердения конечного мягкого губного в формах повелительного наклонения связано, вероятно, с влиянием таких форм, как *сядь, встань*, где на конце был мягкий не губной согласный. Что же касается наречий типа *вновь*, то, как предполагают, мягкость конечного губного здесь возникла позже, после отвердения конечных губных, в результате редукции конечного гласного (т. е. *вновь* возникло из *внови*).

Однако в русском языке есть и такие диалекты, в которых отвердению подверглись все губные, а не только [м']. Такие говоры встречаются больше на севере, но есть и южновеликорусские диалекты, где говорят [го́луп], [л'убо́ф], по[пра́ф], мор[ко́ф], [с'ем] и т. д.

Процесс отвердения конечных губных возник позже утраты конечного [ь] и получил отражение в памятниках лишь с XIII в., когда, например, после конечного *м* появляется написание не *ь*, а *ъ*.

Все же остальные мягкие согласные, оказавшись после утра-

ты [ъ] и [ь] на конце слов, сохранили мягкость и стали выступать в этой позиции наравне с твердыми согласными.

Так наступила новая эпоха в развитии твердых-мягких согласных, когда в русском языке твердость-мягкость приобрела полную независимость от позиционных условий. Это объясняется тем, что после утраты [ъ] и [ь] твердые и мягкие согласные перестали быть неразрывно связаны с качеством последующего гласного, освободившись от этой зависимости в положении конца слова и перед согласными.

Как говорилось выше (см. § 97), после смягчения полумягких такие слова, как, например, [цѣпъ] и [цѣп'ь], [конъ] и [кон'ь] и т. п., различались в своей звуковой оболочке целыми слогами [пъ] — [п'ь], [нъ] — [н'ь], где гласный и согласный были неразрывно связаны друг с другом. После же утраты конечных [ъ] и [ь] они стали различаться твердым и мягким согласным: ср. [цеп] — [цеп'], [кон] — [кон'], где противопоставленность согласных по твердости-мягкости играет фонематическую роль, т. е. служит единственным средством различения данных словоформ. В результате падения редуцированных на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные согласные фонемы [т — т'], [с — с'], [л — л'], [н — н'], [р — р'] (звонкие [д — д'], [з — з'] на конце слова совпали с [т — т'], [с — с'], см. § 123), а в тех говорах, где сохранились мягкие губные [п'], [ф'] в конце слов, и [п — п'], [ф — ф'] ([б — б'], [в — в'] также совпали с [п — п'], [ф — ф']).

Противопоставленность твердых и мягких согласных фонем в независимом фонетическом положении — на конце слова — обусловливает возможность трактовки твердых и мягких согласных, так же как самостоятельных фонем и в положении перед гласными. Иначе говоря, после падения редуцированных можно считать, что слова [мыл] и [м'ил] противопоставлены друг другу [м] и [м'] (а не слогами [мы] и [м'и], как это было раньше), так как на конце слова стала возможна изоляция согласного от гласного.

Таким образом, в русском языке сложились закономерные отношения между твердыми и мягкими согласными. Возникли пары согласных по твердости-мягкости, состоящие из двух самостоятельных фонем, различающихся лишь по этому одному признаку. Этими парами стали являться [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [н — н'], [л — л'], [р — р']; остальные фонемы остались или непарными мягкими, или непарными твердыми.

Полное освобождение твердости-мягкости от позиционных условий повлекло за собой дальнейшие явления в развитии категории соотносительных по этому признаку согласных фонем. Однако в этом развитии сыграло роль не только падение редуцированных, но и иные фонетические процессы в истории русского языка.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ, РАЗВИВШИЕСЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 125. Изменение [е] в [о] в русском языке. Явление изменения [е] в [о] было свойственно большинству русских говоров. Первоначально даже предполагалось, что это общерусский процесс, однако позднее диалектологические разыскания в области русских говоров показали, что среди этих последних есть такие, которые вообще не знали явления фонетического изменения [е] в [о]: такие говоры были обнаружены главным образом на территории рязанской мещеры и на основной рязанской территории к югу, юго-востоку и юго-западу от Рязани; кроме того, это явление известно некоторым средневеликорусским говорам.

Изменение [е] в [о] происходило в положении после мягких согласных перед твердыми, причем при таком изменении мягкость предшествующего согласного сохранялась: ср. [и'есу́] — [и'ос], [в'еду́] — [в'ол], [вес'е́л]ье — [вес'о́л]ый, [с'ело́] — [с'о́л]а и т. д. Ср. еще: [св'о́кл]а, [л'он], [п'ос], [кл'он]. В положении перед мягким согласным, как правило, [е] сохраняется без изменения в [о]: [ден'], [вес'], [весе́л'je], [плет'], [печ'], [се́л'с]кий и т. д. Если произношение [о] вместо [е] и наблюдается перед мягкими согласными, то возникновение его не имеет фонетической причины.

Вместе с тем произношение [о] вместо [е] наблюдается, как известно, очень широко и в конце слов: [твojó], [мojó], в[с'о], жи[л'jó], [б'ел'jó], [зв'ер'jó] и т. д. Однако в конце слов также никогда не было фонетического изменения [е] в [о], а наблюдается аналогическая замена звука [е] звуком [о]: в конце слов [е] вместо [о] возникает под влиянием твердых вариантов склонения существительных и местоимений на мягкие варианты. Иначе говоря, под влиянием форм имен. пад. ср. р. типа *окно, село* возникает произношение [бел'jó], [стар'jó] из [бел'jé], [стар'jé]; под влиянием форм типа *то, оно, само* возникает [мojó], [твojó], в[с'о] и т. д. Таким образом, если в каком-либо диалекте наблюдается произношение [о] вместо [е] в конце слов, то это еще не свидетельствует о наличии в нем в прошлом фонетического процесса изменения [е] в [о].

§ 126. Процесс изменения [е] в [о] возник в древнерусском языке до разделения его на отдельные восточнославянские языки, но охватил диалекты этого языка не одновременно.

Возможно, что раньше всего этот процесс охватил древнеукраинский язык и северновеликорусские говоры (это могло произойти в XII—XIII вв.). В эту эпоху изменение [е] в [о] осуществлялось перед всеми твердыми согласными и независимо от ударности слога.

Надо иметь в виду, что если в современном русском литературном языке произношение [о] на месте [е] наблюдается лишь в ударном слоге, то исконно изменение [е] в [о], вероятно, не было связано с положением [е] по отношению к ударению. О процессах изменения безударного [е] в [о] свидетельствуют современные северновеликорусские ёкающие говоры с произношением типа [н'осу́], [б'ору́], [в'осна́], [в'озу́], [в л'осу́] и т. д. Такие северновеликорусские говоры сохраняют наиболее ранние явления в изменении [е] в [о].

В украинском языке результаты этого процесса сохранились лишь после шипящих (например, *чоловік, чоти́рі, жона́, жо́лудь, жо́втий*), в положении же после других согласных [о] не наблюдается, так как он подвергся делабиализации и изменился в [е].

В южновеликорусских говорах изменение [е] в [о], вероятно, возникло позже, может быть, не раньше XIV в. Оно возникло здесь после развития аканья и осуществилось лишь в положении под ударением (ясно, что в акающих говорах безударного [о] вообще не могло быть).

Итак, начало изменения [е] в [о] может быть отнесено не ранее чем к XII в. Об этом говорит прежде всего то, что изменение [е] в [о] не могло развиться раньше, чем смягчились полумягкие согласные: если бы это было не так, то в современном русском языке не сохранялась бы мягкость предшествующего согласного перед новым [о] из [е]. Из [нѣсъ] с [н] полумягким возникло бы [нос], а не [н'ос], потому что полумягкость согласного была полностью обусловлена следующим за согласным передним гласным и устранение этого гласного, т. е. появление [о] вместо [е], определило бы твердость предшествующего согласного. Поэтому, прежде чем возникло изменение [е] в [о], в древнерусском языке должно было пройти смягчение полумягких согласных.

Вместе с тем изменение [е] в [о] возникло после падения редуцированных, так как такому изменению подвергся и [е], развившийся из сильного [ь]. Более того, отнесение возникновения этого процесса к периоду после падения редуцированных обусловливается и тем обстоятельством, что само изменение [е] в [о] фонетически может быть объяснено лишь явлениями, связанными с утратой [ъ] и [ь]. Дело заключается в том, что изменение [е] в [о] представляет собой результат процесса уподобления звуков, а именно — уподобления гласного последующему твердому согласному. Твердые согласные в древнерусском языке были, по терминологии А. А. Шахматова, лабиовеляризованными, т. е. твердыми лабиализованными, если они находились перед гласными непереднего ряда, особенно перед лабиализованными [о], [у] и [ъ]. Под влиянием такого согласного произошла передвижка гласного переднего ряда [е] в непередний ряд, с приобретением этим согласным лабиализации. Воздействие же последующего согласного на предшествующий гласный

могло быть наиболее интенсивным лишь после падения редуцированных, когда был нарушен закон открытого слога и возникла возможность воздействия последующего согласного на предшествующий гласный, ибо оба эти звука оказались в пределах одного слога ([и'е/съ] > [н'ес] > [н'ос]). При этом предполагается, что лабиовелярность конечного согласного сохранялась и после утраты [ъ].

После возникновения изменения [е] в [о] во всех словах, где был звук [е] перед твердым согласным, на месте этого [е] стал произноситься [о]. Это же относилось и к вновь возникавшим в древнерусском языке словам с [е] перед твердым согласным. Следовательно, это был период, когда в древнерусском языке действовала живая норма изменения [е] в [о].

Однако надо сказать, что изменение [е] в [о] получило очень своеобразное отражение в памятниках письменности: оно достаточно хорошо отразилось в памятниках начиная с XII в. и особенно с XIII в. в положении после шипящих и [ц'], правда большей частью в окончаниях и суффиксах, где появление *о* на письме и [о] в произношении может объясняться не фонетическим процессом изменения [е] в [о], а воздействием твердых основ: *мужомъ, бывшомъ* (Сл. Иппол. об антихр. XII в.), *съвръшонъ, осужонъ, шьдъшомъ, врачомъ* (Жит. Епиф. Кипр. XII в.), *носящому, рекшому* (Леств. XII в.), *старцомъ, поживъшомъ* (Триодь Моис. XII—XIII вв.), *оумьршому* (Жит. Ниф. 1219 г.), *коупьцовъ* (Новг. гр. 1392 г.), *межою, сельцо* (Рост.-Суэд. гр. XIV—XV вв.). Но написание *о* вместо *е* обнаруживается и в тех случаях, когда аналогичное воздействие должно быть исключено: *жонъ, чоловѣки* (Учит. ев. Конст. Болг. XII—XIII вв.), *пришолъ* (Сильвес. сб. XIV в.), *въ чомъ, жонка, шолковой, решот, чорный, дошолъ* (Волокол. гр. XV—XVI вв.), *жогъ, шодчи* (Рост.-Суэд. гр. XIV—XV вв.) и т. д. В положении же после тех мягких, которые возникли из полумягких согласных, следы такого отражения появляются лишь с XIV в. На этом основании выдвигается предположение, что в восточнославянских языках было два периода в изменении [е] в [о]: один, охвативший все восточнославянские языки и развившийся до смягчения полумягких, и другой — более поздний, возникший после образования вторичносмягченных согласных и характерный для русского и белорусского языков. Однако относительная хронология фонетических процессов, осуществлявшихся в древнерусском языке, не позволяет принять такое предположение. Что же касается слабого отражения [о] на месте [е] не после шипящих в памятниках письменности, то это было связано с тем, что обозначение [о] после мягкого нешипящего представляло значительные трудности для писца: надо было одним знаком обозначить и мягкость предшествующего согласного, и произношение гласного непереднего образования [о]. Эти непреодолимые трудности, при отсутствии, например, такой буквы, как *ё*, получили определенное отражение

в таких неуклюжих написаннях, как *Семона* (Полоц. гр. княг. Андреевой XIV в.), *возмоть, померкноть* (Перясл. ев. 1354 г.), *готради* (Уст. кормч. XIII—XIV вв.), *сола, в сом, оу Семонова* (Моск. гр. XVI в.), *рубло(в), Федор, Семон, поперо(г)* (Волокол. гр. XVI в.), особенно часто в новгородских берестяных грамотах: *берость* (№ 27), *цоловекъ* (№ 43), *от Потра* (№ 53), *Стопане* (№ 169), *нобомъ* (№ 10), *людомъ* (№ 362), *от ного* (№ 370) и др. Явно искажающие орфографический и звуковой облик слов, такие написания не могли удержаться. И по-видимому, именно поэтому писцы предпочитали сохранять традиционные написания с *е*, хотя в живом их говоре на месте этого *е* мог произноситься [о].

§ 127. В определенный период развития русского языка изменение [е] в [о] перестало быть живым процессом, причем возможно относительно точно определить время прекращения действия этого процесса.

Как известно, шипящие [ж] и [ш], а также аффриката [ц] были исконно мягкими звуками, и их отвердение относится к позднему времени. Если учесть, что изменение [е] в [о] осуществлялось лишь перед твердыми согласными, то важно обратить внимание на судьбу [е] перед [ш], [ж] и [ц].

В современном русском языке перед шипящими [ш] и [ж] наблюдается произношение [о] на месте [е]: [ид'óш], *ве*[д'óш], *моло*[д'óш] и т. д. Если учесть, что [ш] и [ж] отвердели приблизительно в XIV в. (см. § 146), то можно утверждать, что в это время изменение [е] а [о] было еще живым процессом. Именно поэтому перед новыми твердыми согласными, шипящими [ш] и [ж], стало произноситься [о] вместо [е], как и перед исконно твердыми. Наоборот, перед звуком [ц] в русском языке [е] сохраняется без изменения в [о]: *о*[т'éц], *огу*[р'éц], *ко*[н'éц], *моло*[д'éц] и т. д. Отвердел же [ц'] только к XVI в. (см. § 146). Поэтому можно считать, что изменение [е] в [о] к XVI в. уже перестало быть живой нормой. Таким образом, намечается период XIV—XVI вв., когда изменение [е] в [о] перестало быть живым процессом в русском языке.

Это значит, что если в эпоху действия нормы изменения [е] в [о] произношение [е] перед твердым согласным было чуждо фонетической системе русского языка, то после прекращения этого живого процесса [е] вполне стал возможен как перед мягким, так и перед твердым согласным. Поэтому если в русский язык после этого времени попадали слова из других языков, в которых был звук [е] перед твердым согласным, то они, эти слова, укреплялись с [е], а не с [о]: ср. совр. *патéнт, момéнт, газéта, берéт, кассéта* и т. п.

Вместе с тем в современном русском языке есть и такие группы слов, которые произносятся с [е], а не с [о] перед твердым согласным, хотя и существуют издавна, и поэтому, как кажется, должны были бы подпасть под влияние закономерности изменения

[е] в [о]. Эти факты отступлений от описываемого процесса при ближайшем рассмотрении оказываются вполне объяснимыми.

1) Современный русский звук [е] восходит к трем звукам древнерусского языка: к [е] исконному, к [ь] и к [ě]: в *сестра, жена, несу, веди* и т. д. [е] исконное; в *день, весь, темно, первый* и т. д. [е] из [ь]; в *зверь, месяц, летний* и т. д. [е] из [ě]. Изменению в [о] в русском языке подвергался тот звук [е], который восходил или к исконному [е], или к [ь]. Тот же звук [е], который восходит к [ě], сохраняется без изменения в [о]. Это объясняется тем, что в ту эпоху, когда изменение [е] в [о] было живым процессом, звук [ě] еще отличался по своему качеству от [е] и потому не испытал той судьбы, какую испытал звук [е] (см. § 129). Поэтому в таких словах, как *лес, бе́лый, хлеб, мел, нет, коле́но, поле́но, де́ло, свет* и т. д. (из др.-русск. *лѣсъ, бѣлый, хлѣбъ, мѣлъ, нѣтъ, колѣно, полѣно, дѣло, свѣтъ*), произносится теперь [е], а не [о]. Эта первая большая группа слов в современном русском языке существует в целом еще с периода общеславянского единства.

2) Изменение [е] в [о] никогда не было известно ни старославянскому, ни церковнославянскому (русифицированному старославянскому) языку. Поэтому ряд слов, проникших в русский язык из старославянского через посредство церковнославянского языка, произносится также с [е], а не с [о]: *крест, не́бо, же́ртва, плен, тре́звый, скве́рный, вселе́нная, перст, пеще́ра, наде́жда, пре́жде, паде́ж, соверше́нный, исте́кший* и др. Однако в ряде случаев эти же по происхождению праславянские слова или, точнее, корни слов в русском языке выступают и с [о] на месте [е]: *пере*[кр'óст]*ок*, [и'óб]*о* (во рту), *все*[л'óи]*ная*, *на*[п'орст]*ок*, *на*[д'óж]*ный*, *Пе*[ч'óр]*а* (река), *па*[д'б]*ж* (скота), *совер*[шóи]*ный* (поступок), *о*[д'óж]*а* и т. д. Иначе говоря, слова *небо, перст* и т. п. нельзя считать старославянскими: это общеславянские слова, т. е. в равной мере как старославянские, так и древнерусские. Исконно их чуждость русскому языку не лексическая, а фонетическая: произношение этих слов с [е], а не с [о] обязано влиянию церковнославянского языка. Правда, теперь некоторые из этих слов (например, *небо — нёбо, вселенная — вселённая, падеж — падёж, совершенный — совершённый*) разошлись семантически, но с точки зрения исторической они восходят к одному и тому же слову праславянского языка. Надо сказать, что в поэтическом языке XIX в. было вообще широко известно произношение слов с [е], а не с [о], т. е. на церковнославянский образец. Можно найти целый ряд доказательств такого произношения [е] в произведениях Пушкина (ср., например, его рифмы *присмирев — рев, вдохновенный — усыпленный, вселенной — раскаленной*), Крылова (рифмы *нет — пойдет, бед — взойдет*), Жуковского (*свет — полет, нет — зовет, небес — слез*) и др.

3) В словах *пéрвый, зéркало, вéрба, смерть, четвéрг, верх, серп, ковéркать, цéрковь* и т. п. отсутствие результатов изменения [е] в [о] объясняется поздним отверденнем звука [р]. В группе [tьrt], к которой восходят корневые [ер] во всех этих словах, [r] был не только слоговым, но и мягким. Мягкость этого согласного развилась под влиянием предшествующего переднего гласного [ь] (это один из редких случаев прогрессивной ассимиляции в древнерусском языке). В эпоху падения редуцированных в сочетании типа [tьr̥'t] звук [r̥'], как уже говорилось утратил свою слоговость, однако мягкость этого звука сохранялась длительный период времени, а в ряде русских говоров она сохраняется и теперь. Мягкое качество [р'] в словах, имеющих в корнях исконное сочетание [tьrt], утрачивалось медленно и постепенно. Она была раньше утрачена в тех случаях, когда [р'] находился перед твердым переднеязычным звуком, и поэтому в таких словах теперь произносится [о] вместо [е] из [ь]: [м'óртв]ый, [ч'óрн]ый, [м'óрзн]уть, [з'óрн]а и т. д. Отвердение [р] в этих случаях, можно предполагать, относится к той эпохе, когда изменение [е] в [о] было еще живым процессом. В положении же перед губными и заднеязычными мягкость [р] держалась очень долго.

Иначе говоря, в течение длительного времени сохранялось произношение [п'éр'в]ый, [в'ер'х], [з'éр'к]ало, чет[в'éр'к], [с'ер'п] и т. д. Свидетельством этому служит, например, надпись на памятнике Петру I (Медном всаднике) в Ленинграде: *Петру Перьвому Екатерина Вторая*, отражающая сохранение мягкости [р] в петербургском произношении еще в конце XVIII в. Такое произношение было свойственно и старомосковской речи, да и в наши дни его можно заметить у старшего поколения людей. Длительное сохранение мягкости [р] в словах с бывшим сочетанием типа [tьrt] обусловило отсутствие в них изменения [е] в [о].

Точно так же поздно отвердел и [н'] в положении перед древнерусским суффиксом *-ьск-*: [женьский] > [жéн'с]кий, [деревеньский] > [деревéн'с]кий. Поэтому и здесь не наблюдается изменения [е] в [о].

§ 128. Вместе с тем в ряде случаев произношение [о] на месте [е] наблюдается там, где его не должно было бы быть. Во всех этих случаях речь может идти, вероятно, только об аналогических, а не фонетических процессах. Так, например, аналогия действует в том отношении, что если изменение [е] в [о] возникло перед твердым согласным, то [о] появился и в других формах того же слова перед мягким (см. выше, § 125, о появлении [о] вместо [е] в конце слова). Для примера можно привести следующие факты: по аналогии с *бе*[р'óз]*а* возникло *на бе*[р'óз']*е*, с *ве*[с'óл]*ый* — *ве*[с'óл']*енький*, с [кл'он] — *на* [кл'óн']*е* и т. д.

Точно так же в глагольных формах *не*[с'óт'е], *ве*[з'óт'е], *пле*[т'óт'е] и т. п. [о] возникло по аналогии с *не*[с'óм], *не*[с'óш],

ве [з'óм], *ве*[з'óш], *пле*[т'óм], *пле*[т'óш] и т. п. В ряде случаев на появление [о] вместо [е] воздействовали родственные слова, где изменение [е] в [о] возникло перед твердым согласным: например, [т'óт']*я* развилось под влиянием [т'óтк]*а*, *гор*[шó-ч']*ек* — под влиянием *гор*[шóк], *ме*[шóч'е]*к* — *ме*[шóк] и т. п.

Подобного же образования (но и близкого к явлению возникновения [о] вместо [е] в конце слов) звук [о] в твор. пад. ед. ч. существительных старой основы на ā мягкого варианта: в *зем*[л'óй], *све*[ч'óй], *сви*[н'jóй], *су*[д'jóй] и т. п. [о] появился под влиянием [рукóй], *ре*[кóй], *же*[ной], *сес*[трóй] и т. п.

Некоторые факты подобных отступлений в литературном языке объясняются диалектным влиянием. Так, например, произношение [т'óш'а] (с [о] перед [ш']) возникло, вероятно, под влиянием говоров, в которых долгое [ш] является твердым (т. е. там произносят [т'óша]). С другой стороны, литературное [ш'éпк'и] (с [е] перед твердым [п]) объясняется влиянием диалектов, в которых губные перед мягкими заднеязычными смягчаются (т. е. там произносят [ш'éп'к'и]).

В результате подобной же аналогии произношение [о] на месте [е] иногда наблюдается и там, где [е] восходит к [ě]. Так, произношение [зв'óзд]*ы*, [гн'óзд]*а*, [с'óдл]*а*, *прио*[бр'óл] (из др.-русск. [звѣзды], [гнѣзда], [сѣдла], [приобрѣлъ]) развилось по аналогии с [в'óсны], [с'óла], [прив'óл] и т. д. Иначе говоря, как существуют отношения [в'есна́] — [в'óсны], [с'елó] — [с'óла], так возникают и отношения [зв'езда́] — [зв'óзды], [гн'ездó] — [гн'óзда] и т. д.

§ 129. История [é] (ѣ). Как уже говорилось, в древний период истории русского языка существовала особая фонема средне-верхнего подъема нелабиализованная переднего образования [é], реализовывавшаяся в речи как закрытый гласный [е] ([ê]) или, может быть, как дифтонг [ие]. На протяжении истории развития русского языка фонема [é] в большинстве говоров была утрачена, совпав с [е] или с [и], но в некоторых диалектах она сохранилась.

Истории [é], по выражению А. А. Шахматова, одному „из самых интересных явлений истории русского языка", уделялось много внимания со стороны исследователей. Эта история, различная не только по судьбе данной фонемы, но и по направлению ее изменений, дает возможность понять пути развития отдельных русских говоров.

История [é] восстанавливается исследователями путем изучения употребления буквы *ѣ* в памятниках письменности: правильное или неправильное с этимологической точки зрения употребление этой буквы, последовательность ее употребления или смешение с другими буквами — вот то, что дает возможность изучающему этот вопрос установить судьбу [é] в живом русском языке.

О том, что [ě] долгое время сохранялся в русском языке как особая, отличающаяся от других фонема, можно судить по тому, что во многих памятниках письменности буква ѣ пишется этимологически правильно, не смешиваясь с другими буквами: этимологически правильное употребление ѣ было возможно лишь в том случае, если она ассоциировалась для писца с особым звуком. Такое правильное употребление ѣ характерно, например, для памятников Ростово-Суздальской земли XIV в., в частности для Лаврентьевской летописи.

Вместе с тем в письменных памятниках можно найти и отражение изменения [ě], что выражается в смешении буквы ѣ в том или ином памятнике с иными буквами. Однако не всегда смешение буквы ѣ с другими буквами свидетельствует о том, что в живом говоре писца, отразившемся в данном памятнике, произошла утрата особой фонемы [ě], совпадение ее с какой-либо иной фонемой. Показания памятников всегда требуют коррективов со стороны данных живого языка в его говорах.

С одной стороны, например, в галицко-волынских памятниках XIII в. и в ряде северновеликорусских памятников, в частности новгородских, XIV в. наблюдается смешение букв ѣ и *и* во всех положениях (ср. в Галицком евангелии 1283 г. *пинязь, исконѣ*, в Новгородском евангелии 1355 г. *тило, колинома, нитуть, к жени*, в Новгородской летописи — *невирно, медвидь, повисили, побиди, в городки, сгори, по дви* и т. д.); сопоставляя эти факты с данными современных говоров, где на месте др.-русск. [ě] выступает [и], можно утверждать, что в говорах, получивших отражение в памятниках, уже в XIV в. [ě] совпала с [и]. Такому утверждению не противоречат какие-либо иные факты истории русского языка.

С другой стороны, некоторые древнерусские памятники обнаруживают смешение букв ѣ и *е* лишь в положении между мягкими согласными под ударением, тогда как в этих же памятниках в ударном слоге после мягких согласных перед твердыми ѣ пишется этимологически правильно. Это наблюдается, например, в некоторых новгородских грамотах XIV в., двинских XV в. В них обнаруживаются такие, например, написания ѣ вместо *е*: *двѣрь, дѣвать, смѣрти, тѣрпѧ, правѣдень, вѣсь, конѣць* и т. д. Однако утверждать на основании таких фактов, что в говорах, отразившихся в данных памятниках, фонемы [ě] и [е] не различались, нельзя.

Дело в том, что для эпохи после падения редуцированных положение гласных между мягкими согласными не может считаться фонетически не обусловленным: в этой позиции непередние гласные продвигаются вперед, а передние становятся закрытыми, напряженными под воздействием как предшествующего, так и последующего согласного. Поэтому в положении между мягкими согласными [ě] и [е] после падения редуцированных равно стали выступать в аллофоне [ê]. Иначе го-

воря, в положении между мягкими согласными возникла нейтрализация фонем [ě] и [е], что и могло вести к появлению смешения на письме букв, обозначающих эти фонемы.

Точно так же, как видно, нужно трактовать явление смешения букв ѣ и *и*, если оно наблюдается только в положении между мягкими согласными, отсутствуя вместе с тем перед твердыми. Такое смешение обнаруживается, например, уже в новгородской „Минее" 1096 г.: *тьрьпиние, лицемирьствовавъ;* ср. то же самое в псковском „Прологе" 1383 г.: *свирилникъ, свирили, иминию;* в Судебнике 1589 г., северодвинском по происхождению: *увичье, повисити, сияно* и т. д. Это также надо трактовать как явление, отражающее изменение характера аллофона фонемы [ě] лишь в определенном фонетическом положении, а не как совпадение [ě] и [и], т. е. не как утрату особой фонемы [ě].

Приблизительно так же обстоит дело и со смешением букв ѣ и *е* в безударных слогах, что обнаруживается, например, в московских памятниках XVI—XVII вв., где одновременно в положении под ударением ѣ пишется этимологически правильно. Например, в Уложении 1649 г.: *бежали*, но *бѣгати, крепостные*, но *крѣпости, стрелець*, но *стрѣляти, мешати*, но *подмѣшивають, детей*, но *дѣти* и т. д. Такое смешение букв, конечно, отражает фонетическое явление совпадения аллофонов фонем [ě] и [е], но совпадения опять-таки в определенной фонетической позиции. Другими словами, в связи с ослаблением произношения гласных в безударных слогах и отсюда потерей закрытости звук, выступавший на месте [ě], рано совпал в произношении со звуком на месте [е] в положении без ударения, хотя одновременно эти две фонемы продолжали различаться в ударном слоге.

Известно, что в современных русских говорах особое произношение старого [ě] (как [ê] или дифтонга [иě]) сохраняется только в слоге под ударением, тогда как в безударных слогах старый [ě] изменяется так же, как и остальные гласные неверхнего подъема.

Таким образом, основным положением при решении вопроса о судьбе [ě] в том или ином говоре является положение под ударением перед твердым согласным. Если в этом положении в памятниках наблюдается беспорядочное смешение букв ѣ и *е* или ѣ и *и* и если это не противоречит фактам соответствующих современных говоров, то можно с достаточной долей вероятности говорить об утрате в говорах, отраженных в таких памятниках, особой фонемы [ě].

Следует иметь в виду, что в некоторых памятниках письменности наблюдается смешение букв ѣ и *и* только на конце слова. Так, например, в некоторых двинских грамотах XV в. отмечаются написания *на лукини береги, на островки, на томъ сели, на голови, на тои сторони.* В подобном орфографическом явлении, конечно, отражается определенный фонетический

факт — произношение одного звука вместо другого, однако он не свидетельствует о каком-либо процессе, связанном с изменением [ě] и совпадением его в соответствующем говоре с [и]. Дело в том, что подобные факты сами по себе могут получить только морфологическую интерпретацию: появление ѣ на месте *и* или *и* на месте ѣ в падежных окончаниях связано с явлением взаимовлияния твердой и мягкой разновидностей склонения имен с древней основой на ŏ и ā (см. § 185).

§ 130. История [ě] — это история изменения данной фонемы в разных русских диалектах. В поздний исторический период здесь нельзя говорить об общерусской или даже о типичной судьбе этой фонемы. Такое положение обусловливается тем, что история [ě] в говорах чрезвычайно разнообразна и до конца еще не изучена.

Однако можно определить общее направление в изменении [ě] в диалектах русского языка, опираясь на современные данные.

Если предположить, что др.-русск. [ě] реализовался как закрытый звук [е], приобретавший характер дифтонга [ие] (т. е. [б'ělый — б'иелый], [св'ěт — св'иет], [зв'ěрь — зв'иерь], [теб'ě — теб'ие] и т. д.), то в дальнейшем изменения могли идти в общем двумя путями (если, конечно, не говорить о сохранении [ê] или [ие] на месте [ě], как это наблюдается в некоторых вологодских и новгородских северновеликорусских говорах или в воронежских и рязанских южновеликорусских говорах). Один путь — это усиление второй части дифтонга и превращение его в [е], что характерно для многих южных великорусских диалектов, для средневеликорусских, а также для ряда северновеликорусских говоров. Другой путь изменения [ě] — это усиление первой части дифтонга и превращение его в [и]. Первоначально это могло осуществиться лишь в положении перед мягкими согласными при сохранении [ê] или [ие] перед твердыми (такое произношение наблюдается, например, в некоторых говорах вологодско-кировского и олонецкого типа), а впоследствии — в любом положении (так произошло в новгородских говорах, о чем уже упоминалось выше).

Особо следует сказать об истории [ě] в московском койне. Как показали исследования Л. Л. Васильева, В. В. Виноградова, К. В. Горшковой, [ě], сохраняясь в Москве в качестве особой фонемы вплоть до начала XVIII в., реализовывалась как [ê] в положении под ударением перед твердым согласным.

Однако при этом следует сделать существенную оговорку. Известно, что М. В. Ломоносов указывал на различение [ě] и [е], говоря, что [ě] — „тонкое", а [е] — „дебелое". Однако при этом он отмечал, что „буквы (т. е. звуки.— *В. И.*) *е* и ѣ в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует в *е* дебелости, а в ѣ тонкости" (Ломоносов М. В. Российская грамма-

тика // Полн. собр. соч.— М., 1952.— Т. VII.— С. 427). Из этих слов можно сделать вполне определенный вывод, что во времена Ломоносова в живом московском говоре, в московском просторечии [ě] уже почти полностью совпала с [е] и только в литературном произношении, возможно в определенной степени искусственном, различение [ě] и [е] еще продолжало поддерживаться.

Таким образом, в литературном русском языке, сложившемся на базе московского койне, древнерусская фонема [ě] совпала с фонемой [е], однако в позиции под ударением перед твердым согласным звук [е], появившийся на месте [ě], не изменился в [о] (за исключением некоторых малочисленных фактов, о которых упоминалось выше, см. § 128). Что же касается [ě] в безударных слогах, то ее судьба оказалась такой же, что и судьба остальных гласных неверхнего подъема (см. § 135 и след.).

Специально следует сказать о том, что в некоторых случаях наличие [и] на месте старого ѣ в современном языке не связано с общей судьбой фонемы [ě]. Так, в литературном языке укрепился ряд слов с [и] на месте ѣ: *дитя, дитятко, дитина* (др.-русск. *дѣтѧ*), *сидеть, сидя* (др.-русск. *сѣдѣти*), *мизинец* (др.-русск. *мѣзиньць*). Возможно, что первоначально [и] появился в первом предударном слоге в результате межслоговой ассимиляции с [н] в следующем слоге ([дѣтина] > [дитина], [сѣди] > [сиди]), а затем был перенесен в слог под ударением: [сиди́] > [си́дя], [дити́на] > [ди́тятко]. Звук [и] наблюдается и в слове *свидетель* из др.-русск. *съвѣдѣтель*: это слово имело исконно корень *вѣд-*, выступавший в глаголе *вѣдѣти* «знать»; однако оно попало под влияние глагола *видѣти* «видеть», в силу чего и возник [и] на месте ѣ.

§ 131. История развития гласного [о]. Некоторые современные русские говоры как северно-, так и южновеликорусского типа знают два звука [о]: один обычный, краткий [о], такой же, как в литературном языке, а другой — закрытый, произносящийся иногда как дифтонг [у͡о] (дифтонгичность может быть объяснена ранней долготой [о], которая привела впоследствии к неоднородности артикуляции звука).

Таким образом, в говорах, где известно [о] и [ô] или [у͡о], произносят, с одной стороны, например, [по́ле], [молодо́й] (имен. пад. ед. ч. муж. р.), [село́м], [го́род], [год], а с другой — [во́ля] или [ву͡оля], [молодо́й] (косвенные пад. ед. ч. жен. р.) или [молоду͡о́й], [село́] или [селу͡о́], [коро́ва] или [кору͡о́ва], [кôт] или [ку͡от] и т. д.

Возникновение различия [о] и [ô] в русских диалектах связывается с утратой древних акцентно-интонационных отношений, со сменой политонического ударения экспираторным, что

относят к эпохе падения редуцированных. До этого времени во всем древнерусском языке существовал один звук [о], который, однако, мог находиться под нисходящей или под восходящей, так называемой второй новоакутовой интонацией краткостей (см. § 94). В зависимости от того, какая интонация была на [о], могли возникать определенные фонетические различия в произношении этого звука; например, под новоакутовой интонацией [о] мог быть более долгим, чем [о] под интонацией нисходящей. Однако звук [о] под той и другой интонацией характеризовался одной и той же совокупностью постоянных, конститутивных признаков, т. е. этот звук был представителем одной и той же фонемы, и фонетические различия в произношении [о] под нисходящей или новоакутовой интонацией не играли фонологической роли. Иначе говоря, если полагать, что различия в качестве политонического ударения могли быть фонологически значимыми, т. е. играть роль в различении словоформ, и если, далее, считать, что в древнерусском языке могло осуществляться противопоставление двух тождественных по звуковому составу словоформ лишь характером интонации, то такое противопоставление носило просодический характер и не свидетельствовало о развитии различий в фонемном составе гласных, который оставался тождественным во всем древнерусском языке.

К тому же, как отмечалось, и нисходящая и вторая новоакутовая интонация могла оказаться на [о] лишь в позиции этого звука в начальном ударном слоге слова; в остальных ударных слогах исконный звук [о] был всегда под новоакутовой интонацией. Следовательно, противопоставление [о] под новым акутом и [о] вне новоакутовой интонации могло осуществляться лишь в одной фонетической позиции.

Так обстояло дело в древнерусском языке вплоть до эпохи, когда пали редуцированные и когда на смену политоническому ударению пришло ударение экспираторное.

Смена ударения повлекла за собой появление в древнерусском языке новой гласной фонемы [ȯ] (напряженное, или закрытое, [о]). Эта фонема возникла как отличная от фонемы [о] (открытого), и тем самым древнее противопоставление [о] под новым акутом и [о] вне новоакутовой интонации преобразовалось в фонемное противопоставление [ȯ] и [о]. Возникновение [ȯ] на месте [о] под новым акутом означает, что различение фонем [о] и [ȯ] могло осуществляться лишь там, где прежде различались [о] вне новоакутовой интонации и [о] под новым акутом, т. е. в начальном ударном слоге слова после твердых согласных. Во всех остальных позициях могла быть или только [о], или только [ȯ].

Таким образом, учитывая, что в подударных неначальных слогах [о] до падения редуцированных было под новым акутом, можно говорить о бо́льшей распространенности [ȯ] в положе-

нии под ударением и о бо́льшей распространенности [о] безударного в тех диалектах, где после падения редуцированных развилось это различие. Определенные изменения в эти отношения внесло прояснение [ъ] в [о], так как подударный [ъ] дал [о], расширив тем самым его употребление даже в начальном ударном слоге.

Судя по диалектным данным, появление [ô] характеризовало не все территории древнерусского языка, и здесь прежде всего важно, что его не было на тех территориях, где позже развились украинский язык и юго-западные белорусские говоры. Следовательно, это было такое новообразование, которое входило в состав особенностей, отделивших южные и юго-западные земли от северных и северо-восточных. С другой стороны, судя по тем же данным, [ô] не развился и на западных русских территориях — в Смоленской и Полоцкой землях, где наряду с этим возникло и раннее изменение [ě] > [е]. Вся остальная территория будущих великорусских диалектов была охвачена этим новообразованием. Однако на протяжении истории русского языка в большинстве этих говоров фонема [ô] *была утрачена: она совпала с фонемой* [о] из [о] исконного под нисходящей интонацией и [о] из [ъ]. Так произошло и в тех говорах, которые легли в основу литературного языка.

О том, что в ряде русских говоров, не знающих в современном состоянии двух звуков [о], в прошлые эпохи их развития [ô] и [о] различались, свидетельствуют данные так называемого архаического типа диссимилятивного яканья (см. § 132 и след.). В этом типе яканья произношение в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема одного гласного [а] или [е] ([и]) зависит, в частности, от того, выступает ли теперь или выступал в прошлом под ударением гласный [ô] или [о]. Дело в том, что артикуляционные различия между [ô] и [о] касаются прежде всего степени подъема языка при образовании того и другого звука: [ô] — это гласный средне-верхнего подъема, а [о] — среднего подъема. В силу этого при диссимилятивном яканье [ô] ведет себя как гласный верхнего подъема, т. е. при ударенном [ô] в первом предударном слоге на месте [а], [о], [е] выступает [а], а [о] ведет себя как гласный нижнего подъема, т. е. при ударенном [о] в первом предударном — [е] или [и].

В архаическом типе диссимилятивного яканья при ударенном [о] из бывшего [ô], восходящего к [о] исконному под новоакутовой интонацией, произносится в первом предударном [а]: [с'ало́], [в'адро́], [р'або́й] (косв. пад. жен. р.) (из [с'ело́], [в'едро́], [р'або́й]) и т. д. При ударенном же [о] из [о], восходящего к [о] исконному под нисходящей интонацией и к [ъ], произносится в этом же положении [е] или [и]: [с'нло́м], [в'идро́м], имен. пад. муж. р. [р'ибо́й], [с'ндо́й] и т. д.

Следовательно, в момент возникновения диссимилятивного яканья архаического типа в этих говорах различались еще под ударением гласные [ô] и [о]. И несмотря на то что различие этих гласных в говорах с архаическим типом яканья уже утратилось, все же система безударного вокализма их свидетельствует о прошлом различении двух гласных [о].

Различие между двумя типами [о] возможно установить и по памятникам письменности, хотя оно получило в них недостаточное отражение. Это объясняется тем, что древнерусское письмо, по существу, не имело средств для обозначения [ô]. Однако Л. Л. Васильев обнаружил два памятника русской письменности XVI в.— Псалтырь, хранящуюся в Ленинградской Публичной библиотеке, и Софийский сборник, в которых есть особый знак над буквой *о*, так называемая камора, дуга над гласной: *оурôдъ*, *закôнъ*, *вôли* и др.

В дальнейшем были обнаружены и другие памятники, знающие постановку каморы над *о*; таков, например, Пролог 1519 г., где *ô* наблюдается в неначальном слоге слова: *оурôкъ, долôвь, котôріи, тогô, Ѳпадôша, рекôша, съвлекôша, вергôша. Ѳидôша, сподôбихомсѧ*, а также в начальном слоге, когда [о] был под новоакутовой интонацией: *плôдъ, нôсѧть, хôщете, по тôи, мôи, прôмыслѡм*. Вместе с тем, В. В. Колесов установил, что в ряде памятников проводится различие между *о* и ѡ, соответствующее различению *о* и *ô*. Таков, например, Карамзинский список IV Новгородской летописи; таково и Мерило праведное XIV в., где обнаруживается написание ѡ вместо *о* в неначальных слогах: *истѡчницѣ, лихѡѥ, бобѡинъ, закѡну, сирѡтъ, тогѡ, ничегѡ, оу негѡ, своѥгѡ*, и в начальном слоге, где [о] был под новоакутовой интонацией: *вѡлъ, кѡнь, мнѡзи, нѡщь, бѡрють, на лѡвъ, стрѡить, свѡи, мѡлвить, кѡѥго*. Нетрудно заметить совпадение фактов написания *ô* и ѡ в приведенных примерах, хотя, конечно, последовательного различения в написании *о*, с одной стороны, в соответствии с [ъ] или с [о] вне новоакутовой интонации и *ô*, ѡ — с другой, в соответствии с исконным [о] под такой интонацией в памятниках не проводится. И все же сопоставление этих фактов с данными живых говоров позволило В. Л. Васильеву и современным исследователям придти к выводу о том, что камора над *о* или написание ѡ в определенных случаях обнаруживаются тогда, когда в живых говорах в этих словах или формах выступает [ô] или [ŭо].

В тех говорах, которые знали или знают различение [ô] и [о], оба этих гласных являются самостоятельными фонемами, так как они могут употребляться в тождественных фонетических условиях, противопоставляясь друг другу и служа средством различения словоформ: например, *косôй* (косв. пад. от *коса*) — *косôй* (имен. пад. ед. ч. прилаг. муж. р.); *седôй* (косв. пад. прилаг.

жен. р.) — *седо́й* (имен. пад. прилаг. муж. р.); *мо̂лот* (прич. от *молоть*) — *мо́лот* (существ.); [во̂н] (*вон туда*) — [вон] (*пошел вон!*), [мо́к] (от *мочь*) — [мок] (от *мокнуть*) и некот. др.

§ 132. История [и] и [ы]. В результате падения редуцированных произошло изменение в соотношении фонем [и] и [ы].

Если до смягчения полумягких согласных гласные [и] и [ы], противопоставленные по признаку переднего-непереднего образования, выступали в древнерусском языке как самостоятельные фонемы, функционируя в позиции после твердых согласных, то после смягчения полумягких они, выступая соответственно только после мягких или только после твердых, оказались не противопоставленными друг другу как независимые фонологические единицы. Признак зоны образования [и] и [ы] дефонологизовался вместе с дефонологизацией признака твердости-мягкости у парных твердых-мягких, вступавших в сочетания с [и] — [ы]. Возникли противопоставленные силлабемы „мягкий парный + [и]" // „твердый парный + [ы]", где как мягкий-твердый согласный, так и передний-непередний гласный функционировали как потенциальные варианты одной согласной и одной гласной фонемы.

Падение редуцированных не привело к каким-либо внешним изменениям в сочетаниях твердых-мягких согласных с [ы] и [и]: как до этого процесса, так и после с [и] сочетался только мягкий, а с [ы] — только твердый. Однако фонологическое содержание отношений согласных с [и], [ы] коренным образом изменилось. И это изменение было связано с судьбой твердости-мягкости.

Речь идет о том, что утрата редуцированных на конце слов создала условия изолированного от последующего гласного употребления твердого-мягкого согласного. Если, как уже говорилось, в словах [конъ] — [кон'ь] до падения редуцированных [и] и [и'] были перед гласными [ъ] и [ь], с которыми они образовывали неразложимые силлабемные сочетания, то после утраты конечных [ъ] и [ь] согласные [и] и [и'] оказались в абсолютном конце слова и их твердость или мягкость стала полностью независимым качеством. Это обстоятельство позволяет говорить и о том, что в новую эпоху формы [коны] и [кон'и] различаются не силлабемами [ны] — [н'и], а [и] и [и'], являющимися самостоятельными фонемами, в то время как различие [ы] и [и] полностью обусловлено твердостью-мягкостью [н]. Иначе говоря, после падения редуцированных в сочетаниях „твердый согласный + [ы]" и „мягкий согласный + [и]" фонемами стали выступать согласные, а [и] и [ы] превратились в аллофоны одной фонемы, так как между [ы] и [и] нет никакого иного различия, кроме зоны образования, а эта последняя зависит от качества предшествующего согласного.

Аллофоны [и] и [ы] объединяются как две фонетические

реализации одной фонемы [и], а не [ы] потому, что [ы] в основном выступает только в позиции после твердых согласных, тогда как [и] может быть не только в позиции после мягких, но и в абсолютном начале слова, а также выступать в изолированном употреблении (например, союз *и*). Утверждение, что [ы] выступает только в позиции после твердых согласных, как будто противоречит фактам его наличия в абсолютном начале слова (например, *ыкать* или в ряде заимствованных топонимов и собственных имен), а также возможности его изолированного употребления (например, „буква *ы*", „Операция Ы"), однако такие факты не могут „конкурировать" с действительно широким распространением в абсолютном начале слова гласного [и]. Таким образом, если до смягчения полумягких наличие [ы] или [и] определяло, твердый или полумягкий согласный будет выступать в качестве представителя фонемы перед тем или другим гласным; если после смягчения полумягких качество согласного и качество гласного здесь было взаимообусловлено, то после падения редуцированных твердость-мягкость согласных определяет, какой будет далее следовать гласный — [ы] или [и].

Эта зависимость хорошо видна при рассмотрении процесса изменения [и] в [ы], возникшего после утраты [ъ] и [ь].

После падения редуцированных гласный [и] мог оказаться после твердого согласного, например: [съискати] > [с-искати], [въ иноую] > [в-иноую]. По прежним нормам предшествующий согласный должен был бы смягчиться под влиянием [и], однако на самом деле происходит иное: качество согласного сохраняется, а [и] изменяется в [ы]: [сыскати], [в-ыную]. Это изменение [и] в [ы] отражается в памятниках начиная с XII в.: *к ыномоу, под ывою, в ыстобкоу* (*истобка* из др.-русск. *истъбъка* — от *истъба* — „изба"), *с ываномъ, с ызумрудомъ* и т. д. (например, в Волокол. грамотах XV—XVI вв.: *из ыны(х), сыскати, в ызустны(х), в ыной, от ыстры*). Такое изменение [и] в [ы] на стыке предлога или приставки и корня известно широко и в современном русском языке.

Русский язык последовательно сохраняет различие [и] — [ы] (ср.: [т'их]о — [тын], [д'ик]ий — [дым], [с'ин]ий — [сын], [з'им]а — [зыб]ь, [м'ил]о — [мыл]о, [б'ит]ь — [быт]ь и т. д.). Только после непарных по твердости-мягкости согласных этого различия нет (ср.: [жыт'] (орф. *жить*), [шыт'] (орф. *шить*), [цырк] (орф. *цирк*), [ч'исло́] и т. д.). Здесь может выступать или только [ы], или только [и].

Превращение [ы] в аллофон фонемы [и] завершило в эту эпоху процесс утраты еще одной самостоятельной гласной фонемы в древнерусском языке, процесс, начавшийся в период после смягчения полумягких согласных.

§ 133. Судьба сочетаний [кы], [гы], [хы]. В связи с процессом функционального объединения [и] и [ы]

стоит изменение [ы] в [и] и смягчение [к], [г], [х] в русском языке.

Как говорилось, в древнерусском языке были сочетания [кы], [гы], [хы] (*кыевъ, гыбель, хытрый, рукы, ногы, сохы*) и не было [ки], [ги], [хи], так как [к], [г], [х] перед [и] не могли сохраняться еще с праславянской эпохи в силу изменения их в соседстве с гласными переднего ряда в мягкие шипящие или свистящие. В XII—XIII вв. в сочетаниях [кы], [гы], [хы] начинает изменяться и гласный и согласный звук: первый передвигается в передний ряд, а второй смягчается.

В результате такого изменения в русском языке устанавливаются сочетания [к'и], [г'и], [х'и], т. е. появляются позиционные аллофоны [к], [г], [х], мягкие [к'], [г'], [х']. Вообще говоря, возможность появления [к'], [г'], [х'] возникла еще раньше, в результате процесса обобщения основ. Уже упоминалось, что при словоизменении (прежде всего при склонении имен) заднеязычные согласные могли оказываться в положении перед [и] и [ě] дифтонгического происхождения; в результате действия второй палатализации [к], [г], [х] изменялись в мягкие свистящие (см. § 82). Таким образом, в древнерусском языке возникали соотношения: *роука — роуцѣ, нога — нозѣ, монахъ — монаси* и т. д. Обобщение основ по именительному падежу приводило к появлению форм типа *роукѣ, ногѣ, монахи*, где [к], [г], [х] выступали в своих мягких аллофонах перед [и] и [ě]. Вместе с тем в заимствованных словах, таких, как *кипарисъ, китъ, хитонъ, гигантъ* и т. п., которые рано попали в древнерусский язык из других языков, вероятно, произносились среднеязычные [к], [г], [х], т. е. звуки, уже передвинутые в более переднюю зону. Это обстоятельство могло облегчить процесс изменения [кы], [гы], [хы]. Однако, несмотря на возможность [к'], [г'], [х'], в древнерусском языке не было противопоставления [к], [г], [х] — [к'], [г'], [х'], так как твердые и мягкие заднеязычные не выступали в одной и той же фонетической позиции, перед одним и тем же гласным.

Поэтому, когда в результате функционального сближения [и] и [ы] в русском языке стали последовательно разграничиваться их позиции ([и] после мягкого, [ы] после твердого), в положении после [к], [г], [х] это разграничение не могло быть проведено: в этой позиции мог укрепиться или [и], или [ы]. В русском языке внутри морфем укрепились сочетания [к'и], [г'и], [х'и], а на стыке морфем — [кы], [гы], [хы]: ср. [волкыкот] (= *волк и кот*), [слухыдух] (= *слух и дух*). Исключением из этого правила является междометие *кыш*.

§ 134. Изменения в составе и системе гласных фонем, вызванные падением редуцированных, изменением [е] в [о] и функциональ-

ным объединением [и] и [ы], а также утратой [ě] и развитием в диалектах [ô].

Падение редуцированных привело к уменьшению состава гласных фонем в русском языке. Это было связано прежде всего с утратой [ъ] и [ь] как самостоятельных фонем. При этом изменение редуцированных в сильном положении в гласные полного образования [о] и [е] расширило области распространения этих двух последних фонем в русском языке, так как они стали выступать не только на месте исконных славянских [о] и [е], но и на месте бывших сильных редуцированных [ъ] и [ь].

Следует иметь в виду, что в современном литературном языке и в южновеликорусских и среднеевеликорусских акающих говорах (а также во владимирско-поволжских говорах с неполным оканьем) в безударных слогах, большей частью не в первом предударном слоге, произносятся редуцированные [ъ] и [ь] на месте гласных неверхнего подъема, например: [гъл]*ова́*, [пър]*охо́д*, [мъл]*ова́то*, [вы́бър], *го́*[ръ]*да*, [п'ьр']*еда́л*, [п'ьт]*уха́*, *вы́*[н'ьс], *вы́*[в'ьл] и т. д. Однако эти [ъ] и [ь] не являются сохранением древнерусских редуцированных, а возникли в результате развития в русском языке аканья, связанного с редукцией безударных гласных.

Утрата самостоятельных фонем [ъ] и [ь] — это первое изменение в составе гласных, вызванное падением редуцированных. Однако падение редуцированных привело к утрате самостоятельности еще одной фонемы — [ы], которая превратилась в аллофон фонемы [и]. Утрата [ъ], [ь] и [ы] как самостоятельных фонем — это явление, носящее общерусский характер, т. е. свойственное всем русским диалектам; в отношении судьбы этих трех фонем русские говоры не знают никаких особенностей, отличающих их друг от друга.

Однако в эпоху после падения редуцированных шли и такие процессы изменения в составе гласных фонем, которые не носили уже общерусского характера, а охватывали диалекты русского языка не одновременно и не одинаково. Так, ряд диалектов утратил особую фонему [ě]: в таких говорах эта фонема совпала или с [е], или с [и], что обусловило расширение областей распространения последних фонем в данных диалектах. Наоборот, ряд других говоров сохранил особый звук [ê] или даже дифтонг [иě] на месте древнерусской фонемы [ě] (см. § 54).

Точно так же большинство русских диалектов утратило различие [ô] и [о]: в этих говорах [ô] совпало по своему качеству с [о]. Однако некоторые диалекты сохранили два [о], и [ô] выступает в них как самостоятельная фонема.

Таким образом, в результате всех этих процессов, проходивших после XII в. с разной степенью интенсивности и с различной широтой охвата по диалектам, состав гласных фонем русских говоров оказался не одинаковым. В тех говорах, где фонема [ě] совпала с [е] или [и], а [ô] — с [о], осталось лишь пять

фонем: [и], [у], [е], [о], [а]. К таким говорам принадлежат и те, которые легли в основу русского литературного языка. В тех же говорах, где сохранились особые звуки на месте старой фонемы [ě], но не сохранилась [ô], оказалось шесть гласных фонем; наконец, там, где сохранились и [ě], и [ô], в состав гласных входят семь фонем.

Если учесть, что все эти диалекты могли знать, но могли и не знать фонетического изменения [е] в [о] после мягкого согласного перед твердым, то можно установить, что в одних говорах фонема [е] может восходить к [е], [ь] и [ě] перед мягкими согласными и только к [ě] — перед твердыми, а фонема [о] — к [о], [ô] и [ъ] после твердых и к [е], [ь] — после мягких. В других же говорах (не знавших изменения [е] в [о]) фонема [е] и перед мягкими, и перед твердыми может восходить к [е], [ь] и [ě]; фонема же [о] выступает в этом случае только после твердых и восходит к [о], [ô] и [ъ]. Таким образом, в результате всех рассмотренных процессов состав гласных фонем русского языка стал выступать в следующем виде. (В круглых скобках заключены фонемы, сохраняющиеся не во всех русских диалектах):

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	и		у
	(ê)		(ô)
Средний	е		о
Нижний		а	

При этом гласные фонемы [и], [у], [е], [о] и [а] выступали как в положении под ударением, так и в безударных слогах, ибо при отсутствии редукции безударных гласных все позиции для этих фонем были сильными: в них выступало одно и то же количество фонем. (Как уже говорилось, фонема [ô] могла развиться только под ударением, и поэтому в безударных слогах ее быть не могло (см. § 131); фонема же [ě] в положении без ударения рано совпала с [е] или с [и]).

Изменения в составе гласных, вызванные рассмотренными выше процессами, не прошли бесследно и для всей системы вокализма русского языка, соотношения системы гласных и системы согласных фонем. Однако эти вопросы удобнее будет рассмо-

треть после анализа истории согласных фонем в связи с падением редуцированных.

Но есть один вопрос в истории гласных, который должен быть освещен раньше: это вопрос об изменении безударного вокализма в русском языке в связи с возникновением и развитием аканья. Перестройка безударного вокализма оказала влияние на систему гласных в том отношении, что она образовала разные позиции для гласных фонем: именно аканье и привело к тому, что в русском языке (правда, не во всех его говорах) стали различаться сильные и слабые позиции гласных фонем, позиции максимального их различения и позиции, в которых степень различительной способности этих фонем уменьшается. Это в свою очередь обусловило развитие в русском языке пересекающихся рядов позиционной мены гласных, которые, по существу, отсутствовали в эпохи до возникновения аканья.

§ 135. История аканья. Как известно, аканье — это неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах и совпадение их в одном звуке. Такое явление наблюдается как в положении после твердых, так и после мягких согласных, в зависимости от чего различается собственно аканье и яканье, иканье, еканье. При определении видов аканья и яканья важен первый предударный слог после твердых и после мягких согласных, по которому устанавливаются разные типы акающего и якающего вокализма.

Аканье характерно для современных южновеликорусских, средневеликорусских говоров, для литературного русского языка, а также для белорусского языка.

Аканье является относительно новой чертой в звуковой системе русского языка, которая, возникнув на определенной территории, распространилась в разные периоды истории по различным русским говорам. Правда, уже упоминалось, что А. А. Шахматов приписывал аканье еще говору древних вятичей, т.е. относил возникновение его к дописьменному периоду. По этому поводу Р. И. Аванесов замечал: „Для Шахматова характерно стремление возвести все основные современные диалектные различия как можно далее в глубь веков, часто в доисторическую эпоху, без достаточных для этого фактически оснований... без учета в должной мере данных относительной хронологии языковых явлений“ (Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах.— С. 117).

В самом деле, против взгляда Шахматова есть серьезные возражения. Дело заключается в том, что аканье в своем возникновении, без сомнения, было связано с редукцией безударных гласных, и потому оно не могло возникнуть раньше, чем осуществился процесс падения редуцированных.

„Трудно себе представить, чтобы гласные полного образования подверглись редукции еще в то время, когда сами редуцированные гласные (ъ, ь) продолжали существовать, не подвер-

гаясь дальнейшей редукции. Если бы такой процесс имел место, то судьба новых редуцированных из гласных полного образования и старых редуцированных совпала бы" (Там же.— С. 138), т. е. и те и другие в определенную эпоху и в определенных условиях подверглись бы утрате. Однако этого не произошло, и в этом — первое возражение Шахматову.

О позднем возникновении аканья свидетельствуют и данные современных говоров.

Аканье, конечно, возникло вместе с яканьем, как изменение гласных в безударных слогах. Аканье и яканье — это произношение гласных прежде всего в первом предударном слоге; но при этом надо иметь в виду, что первый предударный слог в современном русском языке не всегда был таковым, т. е. первым предударным, в древнерусском: он мог быть раньше вторым предударным слогом. Например, в современном языке в словах [в'есна́] и [цв'етка́] гласный [е] находится в первом предударном слоге. Но в древнерусском в слове *весна* [е] был в первом предударном слоге, а в слове *цвѣтка* [ě] — во втором предударном (ср. др.-русск. *весна́* и *цвѣтъка́*).

В связи с тем что, как известно, в русском языке редукция гласных в первом предударном слоге качественно отличается от редукции в остальных безударных слогах (в том числе и во втором предударном), можно было бы ожидать, что при возникновении аканья и яканья до падения редуцированных гласные звуки исконно первого предударного и исконно второго предударного слогов изменились бы по-разному и что это получило бы определенное отражение в современных говорах.

Однако на самом деле гласные исконно первого предударного слога и гласные, которые оказались в первом предударном после падения редуцированных, изменились совершенно одинаково и так же одинаково ведут себя в современных говорах. Так могло получиться лишь при условии, если аканье возникло тогда, когда в русском языке уже утратились редуцированные.

Кроме того, судьба сильных редуцированных, оказавшихся после падения слабых [ъ] и [ь] в первом предударном слоге, ничем не отличается от судьбы гласных полного образования [о] и [е] в том же положении: в русском языке при наличии аканья совершенно одинаково произносят слова *вода, село* (из др.-русск. *вода, село*) и *тонка, темно* (из др.-русск. *тънъка, тьмьно*)

§ 136. Аканье впервые получает отражение в памятниках письменности XIV в., причем именно московского происхождения. Так, в Московском (Сийском) евангелии 1340 г. можно найти факты написания буквы *а* на месте *о* в безударном положении: *в апустѣвшии земли, кака ты глаголеши, отъ господа бысть се и есть дивна в очью нашею;* в Евангелии 1393 г. — *прикаснуся, покланяется, Симану, прадающимъ, вертаградъ, облажать, даящимъ* и др. Колебания в написании *о* и *а* в собственных именах наблюда-

ются в духовных и договорных грамотах московских князей XIV в.: *Шагатью* и *Шаготью, Брашевая* и *Брошевая, Калуга* и *Колуга*. Такие факты смешения на письме *а* и *о* могут свидетельствовать об акающем говоре писца.

Аканье как явление безударного вокализма отражается и в написании букв *е* вместо *я* или *и* вместо *е* в положении после мягких согласных; например, написание *плесате* (вместо *плясате*) в Евангелии 1393 г. или *наполнику* (вместо *наполнену*) в Сийском евангелии — это отражение изменения гласных в безударных слогах, характерное для аканья.

Правда, не всякое смешение *а* и *о* на письме свидетельствует об аканье. Например, в заимствованных словах, таких, как *манастырь, грамату* и т. д., смешение *а* и *о* может и не говорить об аканье, так как речь идет о словах с неясной для писца этимологией, где поэтому произношение их с [а] могло быть наряду с [о]. Точно так же в именах собственных греческого происхождения, таких, как *Ондрѣй, Олексѣй* и т. д., написание в начале слова то *о*, то *а* может не свидетельствовать об аканье, так как они рано на русской почве получили [о] вместо [а] в начале слова. Наконец, в таких фактах, как *влогати, помагати* и т. п., смешение в написании *а* и *о* может объясняться не как фонетическое явление неразличения [а] и [о], а как морфологическое, возникшее в результате сближения корней с чередующимися гласными [а] и [о].

В XV—XVI вв. количество случаев написания буквы *а* вместо *о* в безударных слогах быстро возрастает. Вместе с тем появляется написание и *о* вместо безударного *а*, например: *обязок, толант, запода, задовити* и т. п. (такие написания есть, например, в Докончании вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г.), что является косвенным отражением неразличения [о] и [а] в безударном положении. Косвенное отражение аканья в подобных написаниях заключается в том, что появление *о* вместо этимологического *а* объясняется влиянием акающего произношения: так же как при произношении [аада́], [нага́] писец привыкает писать на месте безударного [а] букву *о*, так он начинает писать такое *о* и на месте этимологического [а] в словах [дала́], [тала́нт].

Если в памятниках аканье получило отражение в XIV в., то ясно, что оно должно было возникнуть в языке раньше, чтобы к XIV в. получить отражение в письменности.

§ 137. Установить точнее, где и когда возникло аканье, помогает лингвистическая география и изучение современных русских говоров.

Изучение пределов распространения аканья и сопутствующего ему яканья разных типов показало, что самым древним типом является диссимилятивное яканье при диссимилятивном акание. При этом разные подтипы диссимилятивного яканья, различающиеся между собой тем, какой гласный звук произносится в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема,

когда под ударением гласные среднего и средне-верхнего подъема, являются последовательными ступенями исторического развития этого типа яканья.

Наиболее древним из них является архаический, или обоянский, подтип, в котором в первом предударном слоге выступают гласные [а] или [и] в зависимости от того, находятся ли под ударением [е] и [о], восходящие к [ê] и [ô], или [е] и [о] исконно открытые. В этом подтипе диссимилятивного яканья [а] в первом предударном слоге выступает при ударенных этимологических [ê] и [ô], а [и] — при ударенных [е] и [о], т. е. в говорах этого типа произносят: [с'алó], [в'аслó], [с'астр'ê], [л'ат'éла], но [с'илóм], [в'ислóм], [д'ир'éвн'а], [в'ис'éл'je].

К обоянскому подтипу близко примыкает щигровский, где утрачено различие гласных в первом предударном слоге при ударенных этимологических [о] и [ô], но сохраняется это различие при ударенных этимологических [е] и [ê]: в этом типе говоров [а] в первом предударном слоге произносится при ударенном этимологическом [ê] и [о] любого происхождения, а [и] — при ударенном [е], т. е. в этих говорах произносят: [с'алó], [в'аслó], [с'астр'ê], [л'ат'éла], [с'алóм], [в'аслóм], но [д'ир'éвн'а], [в'ис'éл'je].

Далее следует суджанский подтип, где [а] в указанном положении выступает при ударении [о] любого происхождения, а [и] — при ударенном [е] также любого происхождения, т. е. здесь произносят: [с'алó], [в'аслó], [в'аслóм], но [с'истр'ê], [л'итéла], [д'ир'éвн'а], [в'ис'éл'je].

Во всем этом можно видеть последовательную утрату различия гласных среднего и средне-верхнего подъема, с чем связаны и различные изменения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге.

Что касается жиздринского и донского подтипов, то в них нет различия в реализации гласных неверхнего подъема при ударенных этимологических [о] и [ô] и этимологических [е] и [ê]: в жиздринском подтипе (на западе русской территории и на востоке Белоруссии) в первом предударном слоге на месте [а], [о], [е] произносится [а], т. е. ударенные [о] и [е] любого происхождения ведут себя как гласные верхнего подъема: [с'алó], [в'аслó], [с'алóм], [в'аслóм], [с'астр'ê], [л'ат'éла], [д'ар'éвн'а], [в'ас'éл'je]; в донском же (на юго-востоке южновеликорусской территории) в первом предударном слоге произносится [и], т. е. эти ударенные гласные ведут себя как звуки нижнего подъема: [с'илó], [в'ислó], [с'илóм], [в'islóм], [с'истр'ê], [л'нт'éла], [д'ир'éвн'а], [в'ис'éл'je]. Данные подтипы — более позднее явление в развитии диссимилятивного яканья. Это подтверждается и тем, что донской и жиздринский подтипы распространены на периферии территории диссимилятивного яканья. При этом донской подтип известен на территории поздней колонизации (средний и нижний Дон, Северный Кавказ): она была заселена в кон-

це XVI и в XVII в., а то и позже, большей частью выходцами из южных областей. Возможно, что в эти поздние эпохи в результате взаимодействия старых типов диссимилятивного яканья здесь развился донской подтип. Что касается жиздринского подтипа, распространенного на северо-западной части территории диссимилятивного яканья, то он появился также в более позднюю эпоху — в пределах Великого княжества Литовского, куда с середины XIV в. входила территория, на которой ныне распространены говоры курско-орловского типа. В XV—XVI вв. аканье отсюда распространялось на запад и северо-запад, в Белоруссию и на территории Смоленска и Полоцка. Не случайно поэтому и то обстоятельство, что смоленские грамоты XIII—XIV вв. не дают никаких указаний на наличие аканья в это время в Смоленской земле; такие указания появляются в смоленских и полоцких памятниках лишь с XV в.

Если оставить в стороне те территории, где аканье и яканье возникли явно в поздний период, то южновеликорусское наречие предстанет в виде цельной компактной территории, занимаемой ныне тремя группами этого наречия — курско-орловской, рязанской и тульской.

Надо иметь в виду, что если в современных курско-орловских, рязанских и тульских говорах есть различия в типах яканья, то это — явление позднейшее, возникшее в результате определенного развития одного первоначального типа. Как уже говорилось, исконным типом яканья было диссимилятивное, сохранившееся в курско-орловских говорах. Данная группа говоров сохранила первоначальный тип яканья, видимо, потому, что, находясь в XIV—XV вв. в пределах Великого княжества Литовского, эта территория была оторвана в своем развитии от остальной акающей русской территории, и, сыграв роль в распространении аканья и яканья на запад и северо-запад, эти говоры сами не изменили своей структуры.

Ассимилятивно-диссимилятивное и сильное яканье рязанских говоров развилось из диссимилятивного в результате более широкого распространения произношения [а] в первом предударном слоге, т. е. в результате процессов внутреннего развития системы яканья.

Для того чтобы было яснее, в чем заключалось внутреннее развитие системы диссимилятивного яканья в ассимилятивно-диссимилятивное и сильное, надо рассмотреть это подробнее. Известно, что, например, в шигровском типе диссимилятивного яканья звук [а] произносится в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема, когда под ударением находятся гласные [и], [ы], [у], этимологические [ě] и [о] любого происхождения: [н'ас'й], [б'ады́], [в'аду́], [ст'ан'е́], [в'адро́], [в'адро́м] и т. д.; звук же [и] в этом положении произносится при ударенных [а] и [е]: [н'исла́], [д'ир'е́вн'а]. Нетрудно заметить, что позиции [а] в первом предударном слоге здесь намного силь-

нее, чем позиции [н], так как [а] произносится в подавляющем большинстве случаев. Следовательно, возникает возможность распространения произношения [а] и на те случаи, где произносится [и]. Это распространение, вероятно, скорее возникает при ударенном [а], так как действует процесс ассимиляции гласного в первом предударном слоге по отношению к гласному под ударением. Таким путем возникает произношение [а] и при ударенном [а]: [н'асла́], [б'ада́], [т'аб'а́]. Иначе говоря, возникает ассимилятивно-диссимилятивное яканье (в данном случае — так называемого новоселковского типа). Этим самым позиции [и] в первом предударном слоге ослабляются еще больше: он произносится только при ударенном [е]. Достаточно распространиться произношению [а] и на это последнее положение, чтобы возникло сильное яканье, в котором в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема всегда произносится [а].

Что касается умеренного яканья тульских говоров, то оно, вероятно, не является исконным на данной территории, а появилось в результате вытеснения первоначального диссимилятивного яканья под воздействием средневеликорусских говоров Москвы и Подмосковья. В этих последних умеренное яканье возникло, как видно, в результате взаимодействия северновеликорусского ёкающего вокализма владимирско-поволжского типа с системой неразличения безударных гласных неверхнего подъема, т. е. аканьем. Дело заключается в том, что в умеренном яканье совмещается южновеликорусский принцип неразличения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге с северновеликорусским принципом зависимости произношения гласного в этом слоге от твердости или мягкости последующего согласного. Как известно, при умеренном яканье в первом предударном слоге звуки [а], [о], [е] совпадают в [а] перед твердым согласным и в [и] — перед мягким: [н'асу́], [б'ады́], [л'асо́к], [п'ата́к], но [н'нс'и́], [б'ид'е́], [п'ит'и́].

Владимирско-поволжское ёканье характеризуется тем, что в первом предударном слоге перед твердым согласным на месте [о] и [е] произносится ['о], а на месте [а] — [а]: [н'осу́], [в-л'осу́], [б'ода́], [в'ола́], [п'ата́к]; перед мягким же согласным на месте [о] и [е] произносится [е], а на месте [а] — [а]: [н'ес'и́], [с'ед'е́т'], [б'ед'е́], [д'ер'е́ви'а], [п'ат'и́]. Нетрудно заметить, что такой тип вокализма отличается от умеренного яканья лишь произношением ['о] в первом предударном слоге на месте [о] и [е]. А это означает, что при проникновении аканья в этот тип вокализма на месте безударного [о] возникает произношение [а], что и обусловливает развитие так называемого первичного умеренного яканья, отличие которого от нормального умеренно якающего вокализма заключается лишь в произношении [а] на месте [а] перед мягким согласным. Дальнейшее развитие приводит к вытеснению [а] в этой единственной позиции перед мягким согласным

и к превращению, таким образом, первичного умеренного яканья в умеренное яканье как таковое.

Развившись в переходных средневеликорусских говорах, умеренное яканье распространилось на исконно южновеликорусскую тульскую территорию и сменило существовавшее там первоначально диссимилятивное яканье.

Таким образом, первоначальная территория распространения диссимилятивного яканья, а тем самым и южновеликорусского наречия вообще — это территория, географически определяемая как бассейн верхнего Сейма и Оки, кроме низовьев.

§ 138. Когда же на этой территории могло возникнуть аканье и яканье?

В настоящее время границы территорий распространения аканья не соответствуют ни границам древних племенных групп, ни границам бывших феодальных земель, ни, наконец, границам Русского государства какого-либо исторического периода. Это объясняется тем, что со времени своего возникновения, а особенно с того периода, когда аканье стало нормой русского литературного языка, оно все больше и больше расширяло свои пределы.

Однако и определенная выше первоначальная территория аканья не совпадает с племенными границами. Если в состав этой территории почти целиком вошла земля вятичей, то все же часть этого племенного образования, вошедшая в состав Ростово-Суздальской земли (Москва), первоначально характеризовалась говором северновеликорусского типа. С другой стороны, в первоначальную территорию аканья входила часть земли северян, однако в другой ее части впоследствии развился украинский язык, не знавший и не знающий аканья. Эти факты говорят о том, что аканье в русском языке возникло тогда, когда племенных границ уже не существовало. Если бы это было не так, то в период своего возникновения аканье должно было бы охватить всю ту или иную племенную территорию, на которой оно появилось. Поэтому возникновение аканья может быть отнесено лишь к более поздней эпохе, к периоду не ранее начала XII в.

Вместе с тем общие языковые явления на большой территории могут возникнуть при связи, а не при разъединенности отдельных ее частей. Поэтому аканье могло появиться не позже середины XIV в., когда часть русских земель вошла в состав Литвы. Как видно, к этому времени на Курско-Орловской, Рязанской и Тульской территориях уже было аканье и диссимилятивное яканье, развившееся ранее, вероятно, в XIII в.

Итак, аканье, по-видимому, возникло в Рязанской и частично Новгород-Северской и Черниговской землях в XII — XIII вв.

С первоначальной территории своего возникновения, с юго-востока на запад, в пределы Белоруссии, аканье проникло, как уже говорилось, в ту эпоху, когда Курско-Орловская территория вместе с западными областями находилась в составе Литвы, т. е

в XV — XVI ав. На территории современных средневеликорусских говоров аканье проникает с XIV — XV вв., когда начинается объединение русских земель вокруг Москвы, т. е. с эпохи Ивана Калиты. Именно тогда возникают средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением.

Особо обстоит дело с укреплением аканья в Москве. Как известно, Москва, входившая в состав Ростово-Суздальской Руси, возникла на территории южнорусского племени вятичей. Однако в Ростово-Суздальском княжестве „количественно преобладающими" и „задающими тон" в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей, т. е. севернорусов по происхождению. „Господствующий класс и близкие к нему группы — боярство, служилые люди, духовенство — на первых порах в значительной своей части были выходцами из... городов Северо-Восточной Руси и говорили на севернорусском наречии. Низшие же классы населения говорили на разных диалектах: на север от Москвы было распространено окающее наречие, на юг — акающее... с давних пор вокруг Москвы находилось население, этнически и по своим диалектам неоднородное" (Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах.— С. 136—137, 152).

Каким же был первоначальный говор Москвы? Рассматривая этот вопрос, Р. И. Аванесов отмечал: „Практически можно не принимать во внимание, что первоначальная территория Московского княжества, в отличие от остальной территории Ростово-Суздальской земли (из состава которой это княжество выделилось. — *В. И.*), заселенной по преимуществу кривичами, была заселена вятичами, так как в эту отдаленную эпоху еще не определились основные различия между южными и северными говорами. Однако уже с самого начала XIV в., когда эти различия определились, южновеликорусские элементы заметно увеличиваются" (Аванесов Р. И. К вопросам образования русского национального языка // ВЯ. — 1953. — № 2. — С. 67). Как известно, в 1301 г. к Москве были присоединены Можайск, Коломна, Лопасия, несколько позже — Верея. В течение XIV, XV и XVI вв. к Москве постепенно присоединились и другие южновеликорусские территории. Все это не могло не усилить позиций южновеликорусских говоров в Москве и не привести к укреплению аканья. Однако в связи с объединением вокруг Москвы разнодиалектного населения, выработка единого московского говора, московского койне шла медленно: „Ни в XIV, ни в XV веке Москва не могла еще выработать своего языка... в Москве одни говорили по-севернорусски, другие — по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие" (Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. — М., 1941. — С. 65). Присоединяясь к этому мнению, Р. И. Аванесов пишет: „В говоре господствующих классов и вообще культурных кругов Москвы северновеликорус-

ское начало господствовало не только в XIV и XV вв., но и значительно позднее: у нас нет никаких указаний на то, чтобы эти круги акали и в эпоху Ивана Грозного". К концу XVI и особенно в начале XVII в. „аканье делает успехи в языке господствующих классов: аканье имелось уже в языке царя Михаила Федоровича, и оно уже господствовало в языке Алексея Михайловича" (Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. — С. 154). В собственноручных письмах Алексея Михайловича 1646—1665 гг. обнаруживаются, например, написания: *сказавою, по паля(м), Никулаю, угавариватца; о здоровья* (и одновременно *о здоровье*), *с те(м)жа, в воскресенья, кнеина* и др., явно свидетельствующие об аканье.

С опорой на изложенные факты в науке об истории русского языка установилось мнение о том, что выработка единого московского койне завершилась в начале XVII в.

Проведенные в 70-х годах С. И. Котковым исследования московской деловой письменности и частных документов, созданных постоянными жителями Москвы, принадлежащими разным социальным слоям, позволили ему сделать вывод о том, что однородный безударный вокализм, знаменующий существование в Москве сложившегося стабильного койне, сложился раньше, чем это предполагалось: формирование этого койне, по мнению С. И. Коткова, следует отнести „гораздо ранее", чем XVI в. (Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка.— М., 1974.— С. 100). В положении после твердых согласных безударный вокализм московского койне характеризовался аканьем, а после мягких заударным иканьем и предударным еканьем.

Если даже считать вывод С. И. Коткова о „гораздо раннем" укреплении аканья как устной нормы постоянного московского населения недостаточно определенным, все же можно согласиться с тем, что единое московское койне, средневеликорусское по своему характеру (т. е. совмещающее с.-в.-р. и ю.-в.-р. по происхождению особенности), полностью сформировалось в течение XVI в.

§ 139. Вопрос о причинах возникновения аканья представляется сложным и до сих пор не решенным. Однако попытки объяснить эти причины предпринимались не один раз. Существует ряд теорий и гипотез, которые стремятся как-то объяснить возникновение аканья. Но пока что ясным является только то, что аканье возникло как результат ослабления гласных в безударных слогах, как результат редукции безударных гласных. Однако вопросы о том, чем была вызвана редукция и почему аканье возникло только на части русской территории, остаются неясными.

Пожалуй, наиболее разработанной, хотя и сложной фонетической теорией возникновения аканья является та, которую выдвинул Шахматов. Он связывал возникновение аканья с утратой долготы гласными звуками. Именно в отношениях гласных по долго-

те и в изменении этих отношений Шахматов видел начало развития аканья.

Шахматов полагал, что в древнерусском языке в безударных слогах могли редуцироваться три звука: [о], [е] (при этом [ô] и [ê] без ударения рано совпали с [о] и [е]) и [а]. Следует помнить, что звуки [о] и [е] были исконно краткими, а [а] — исконно долгим. В связи с тем, что редукции подвергаются лишь краткие звуки, Шахматов предполагал сокращение [а] в более ранний период, чем сокращение остальных долгих: он считал, что [а] сократилось еще до наступления редукции.

Начало аканью кладет сильная редукция указанных трех гласных. После твердых согласных [а] и [о], ослабляясь, изменяются в редуцированный среднего ряда [ъ]: вместо [вода́], [хвали́], [сторона́], [ли́па], [про́со] возникает [въда́], [хвъли́], [стърна́], [ли́пъ], [про́съ]. Такое произношение сохраняется в большинстве акающих говоров в не первом предударном слоге, а в некоторых — и в первом предударном. После мягких согласных на месте [а], [о], [е] в результате их ослабления появился редуцированный гласный переднего образования [ь]: вместо [п'ати́], [с'ело́], [б'ели́ла], [во́л'а], [сла́в'е] и т. п. появилось [п'ьти́], [с'ьло́], [б'ьли́лъ], [во́л'ь], [сла́в'е]. Такое произношение сохранилось только в части ю.-в.-р. говоров, а в остальных под действием звуковых причин или по аналогии [ь] заменился гласными [е] или [и].

Таким образом, в древнерусском языке произошла редукция широких безударных гласных (т. е. гласных неверхнего подъема) и не произошло редукции узких безударных гласных (т. е. гласных верхнего подъема). Шахматов видел причины такого различия в краткости и долготе гласных: узкие гласные (т. е. [и], [ы], [у], [ě]) были долгими, а широкие — краткими (и поэтому-то, надо думать, [а] сократилось раньше, чем другие долгие). Вследствие раннего сокращения [а] все широкие оказались краткими и редуцировались, а все узкие остались долгими и не подверглись редукции.

Появление редуцированных в безударных слогах, по мнению Шахматова, повлекло за собой удлинение гласной под ударением; однако удлиняться могли не все гласные, а лишь те, которые могли быть долгими, т. е. [и], [ы], [у], [ě], а также [о] под восходящей интонацией.

Следовательно, после появления редуцированных [ъ] и [ь] под ударением могли быть как узкие долгие гласные (т. е. [въды́], [и'ьси́], [б'ьри́], [кълѣ́нъ], [стълу́]), так и широкие ([късо́й], [пъра́], [в'ьс'е́лый], [п'ьро́м]). Слова второго типа не пережили дальнейших изменений, тогда как слова первого типа должны были измениться в силу наступившего здесь впоследствии общего сокращения долгих гласных. Сокращение долгой гласной под ударением имело следствием удлинение редуцированного звука пред-

шествующего слога. Удлиняясь, [ъ] изменялся в [а], а [ь] — в [а] или [е] (может быть, несколько различного характера). Таким образом, по Шахматову, возникает древнейший тип аканья, который можно назвать архаическим диссимилятивным. При таком аканье в первом предударном слоге после твердых и после мягких согласных вместо [а], [о], [е] произносится редуцированный звук, если под ударением выступают [а], [о], [е], и произносится [а] после твердых, [а] или [е] после мягких при ударении на узких гласных [и], [ы], [у], [ě], [ô]. Эта первоначальная система не сохранилась в русских диалектах, ибо вместо общего закона — появления редуцированных на месте [а], [о], [е] во всех безударных слогах — в белорусских и южновеликорусских говорах в первом предударном слоге произносится звук полного образования [а]. И только в небольшой части этих говоров наряду с [а] здесь выступают также и звуки неполного образования, что дает возможность считать их, по мнению Шахматова, более архаичными, особенно тогда, когда в первом предударном слоге выступают различные гласные в зависимости от качества гласной под ударением: подобное различие надо признать более древним, чем однообразие, вызванное действием аналогии. Переход же [ъ] в [а] в предударном слоге мог быть только в определенных условиях и был вызван качеством ударяемой гласной. Если в предударном слоге должен был явиться [ъ] и если [ъ] перешел в [а], то, следовательно, произошло изменение ударной гласной, что вызвало изменение безударной. Переход [ъ] в [а] — это удлинение звука, т. е. количественное его изменение, вызванное количественным же изменением ударного гласного. А это изменение как раз и заключается в сокращении долгой гласной под ударением.

Такова теория Шахматова по поводу возникновения в русском языке аканья. Если попытаться оценить ее, то надо сказать, что она вызывает одно серьезное сомнение, связанное с тем, что очень трудно предполагать сохранение в древнерусском языке количественных различий гласных до эпохи возникновения аканья, т. е. до XII — XIII вв. Если аканье признается поздним по происхождению явлением, то этот вопрос оказывается чрезвычайно важным и не решаемым предлагаемой теорией.

В 60-е годы проблема возникновения аканья вновь была подвергнута обсуждению, в ходе которого были выдвинуты определенные гипотезы, объясняющие русское аканье.

Прежде всего здесь следует сказать о том, что была высказана точка зрения, согласно которой аканье было унаследовано из праславянской эпохи и представляет собой явление славяно-балтийского совпадения в одном звуке индоевропейских *ŏ* и *ă*. Эта точка зрения была высказана болгарским академиком В. Георгиевым и поддержана некоторыми учеными. По мнению В. Георгиева, индоевропейские *ŏ* и *ă* совпали в *a*, которое в дальнейшем

изменилось в *о* в любых условиях в окающих говорах и только в ударном положении — в акающих, сохранившись в последних в безударных слогах. Звук же *а* возник, как это считают и другие лингвисты, из индоевропейских *ō* и *ā*.

Гипотеза, выдвинутая В. Георгиевым, едва ли может быть принята, так как она прежде всего не учитывает фонологической сущности аканья. Эта сущность заключается в том, что аканье не есть просто произношение [а] на месте [о], но оно представляет собой неразличение в первом предударном слоге после твердых согласных двух, а после мягких — трех гласных неверхнего подъема. Это неразличение является результатом ослабления, редукции данных гласных, причем на месте этих последних могут выступать не только редуцированные как таковые (т. е. [ъ] и [ь]), но и звуки, близкие к гласным полного образования.

Кроме того, остается непонятным, почему [а], когда-то бывшее на месте современных и [а] и [о], в одних случаях изменилось в [о], а в других сохранилось как [а].

Выдвигая указанную гипотезу, В. Георгиев основывался на том, что невозможно объяснить произношение [а] в первом предударном слоге как результат редукции [о], однако надо иметь в виду, что тот краткий гласный [ʌ], который произносится при аканье в первом предударном слоге, занимает промежуточное положение между [а] и [о], но на слух ближе к [а], так как в результате редукции он утратил лабиализацию, характерную для [о]. Иначе говоря, правильная интерпретация фонологического содержания аканья не дает возможности принять рассматриваемую гипотезу как достаточно аргументированную.

Есть определенные основания утверждать, что аканье является относительно новым образованием в русском языке, и возникло оно в результате смены музыкального ударения динамическим. Дело заключается в том, что если при музыкальном ударении ударные и безударные слоги отличаются высотой тона, то при динамическом — силой мускульного напряжения. Отсюда предполагают, что при смене ударения возникает усиление ударного слога, что приводит, с другой стороны, к ослаблению безударных, т. е. к их редукции. Правда, едва ли правомерно непосредственно связывать динамический характер ударения с редукцией и музыкальность с отсутствием такой редукции, ибо есть даже славянские языки, в которых при музыкальном ударении наблюдается редукция гласных (таков, например, словенский язык на северо-западе Югославии). Однако, как видно, именно смена музыкального ударения динамическим способствовала развитию аканья в части русских диалектов. В возникновении данного явления следует видеть две стороны. Во-первых, надо полагать, что если динамическое ударение сменило политоническое во всех русских диалектах, а аканье развилось только в части их, не охватив полностью русский язык, то, следовательно, между разными русскими гово-

рами было существенное различие по интенсивности произношения ударных и безударных гласных. Это значит, что в определенных русских говорах (которые и развили аканье) интенсивность произношения ударных гласных была выражена более отчетливо, чем в других диалектах; отсюда в первых оказалась большей и сила ослабления безударных гласных. Такое предположение, конечно, трудно доказать, ибо данных о разной интенсивности различных слогов в прошлом состоянии русских диалектов в общем нет, но это вполне возможно предположить, если учесть, что и современные северновеликорусские и южновеликорусские говоры отличаются друг от друга по указанной интенсивности, причем именно в южновеликорусских диалектах отличия ударных и безударных слогов по интенсивности оказываются более отчетливыми.

Во-вторых, следует обратить внимание и на фонологическую сторону проблемы аканья, т. е. на то, как оценить отношение к неразличению безударных гласных неверхнего подъема фонологической системы русского языка. Ведь, в самом деле, разнообразие типов предударного вокализма, особенно после мягких согласных, в акающих говорах, свидетельствует о том, что характер безударного гласного, его физиолого-акустическая характеристика оказываются безразличными для говорящих,— безразличными в том смысле, что разная реализация этих гласных не мешает взаимообщению и взаимопониманию людей. Например, слово *весна* может произносится и как [в'асиá], и как [в'иснá], и как [в'и^е^снá], и как [в'есиá], а в северновеликорусских говорах еще и как [в'оснá]. Однако все эти различия не оказываются существенными для говорящих по-русски. Это обстоятельство связано с тем, что фонетические свойства безударных гласных дефонологизовались: сохраняясь как фонетические свойства звуков, степень подъема и характер лабиализации не играют фонологической роли, не выполняют различительных функций. Поэтому все эти гласные выступают как аллофоны одной фонемы, несмотря на их фонетические различия. Не случаен ведь и тот факт, что в некоторых акающих диалектах наблюдается совпадение в одном гласном не только звуков неверхнего подъема, но и гласных [и] и [у]. Все эти явления в конечном счете связаны с общим ослаблением роли вокализма в системе русского языка, с общей тенденцией утраты различительной роли гласными.

Итак, если аканье возникло в результате смены ударения и если фонологическая система не препятствовала возникновению данного явления, то остается один нерешенный вопрос — представляет ли аканье результат внутреннего развития системы некоторых русских говоров, или это — результат внешнего воздействия. Данный вопрос в настоящее время в науке не решен.

§ 140. Возникновение различий сильных и слабых позиций гласных фонем в результате

развития аканья. Появление в русском языке, в большом числе его говоров, редукции безударных гласных, развитие аканья привели к тому, что в таких говорах возникли различия позиций, в которых выступают гласные фонемы. В связи с тем, что редукция обусловила изменение безударных гласных неверхнего подъема ([а], [о], [е]) и совпадение их по качеству в одном каком-либо звуке,— в связи с этим количество гласных фонем, выступающих под ударением, стало отличаться от количества гласных фонем, выступающих в безударных слогах. При этом положение под ударением оказалось такой позицией, в которой различается максимальное количество гласных фонем (для литературного языка — пять, для некоторых говоров может быть шесть или семь); наоборот, в безударных слогах различается меньшее количество гласных фонем в силу совпадения всех или некоторых гласных в одном звуке. Так, в литературном языке при различении [о] и [а] под ударением (ср. [дом] — [дам]) в первом предударном слоге на их месте равно произносится [ʌ] — краткий звук [а] (ср.: [дʌмá] — [дʌлá]), а в остальных безударных — [ъ] (ср.: [дъмʌвóй] — [дърʌвóй]). В тех говорах, где под ударением выступают [ô] и [ê], эти гласные не различаются в безударных слогах, совпадая по своей судьбе с [о] и [е] и т. д. В то же самое время говоры, не пережившие редукции гласных в безударных слогах, не знают и различий между количеством гласных фонем под ударением и количеством гласных фонем, выступающих в безударных слогах (за исключением отсутствия в безударном положении фонем [ô] и [ê]).

Таким образом, возникновение редукции безударных гласных и развитие аканья обусловили изменение фонетической системы русских диалектов в разных направлениях: в одних говорах позиции гласных фонем оказались в общем безразличными по отношению к ударению; в других же, наоборот, эти позиции стали тесно связаны с ударностью или безударностью гласного. В этом последнем случае возникли сильные и слабые позиции для гласных фонем. Сильной позицией оказалась позиция под ударением — позиция максимального различения гласных; слабыми же позициями стали позиции безударные, в которых выступает меньшее число фонем.

Все эти процессы, далее, обусловили развитие в акающих говорах русского языка позиционной мены гласных, образующей ряды пересекающиеся друг с другом. Как говорилось выше (см. § 59), в древний период истории русского языка его фонетической системе была свойственна такая позиционная мена, которая образовывала параллельные, непересекающиеся ряды (первоначально такие ряды образовывали только [а] // [ˈа] и [у] // [ˈу]; впоследствии такие ряды расширились в связи с усилением воздействия на качество гласных соседних, предшествующих и последующих, согласных и отсюда с расширением процессов передвижки гласных в более переднюю зону образования или приобретения

ими напряженности, см. § 150); параллельные же ряды образовывали [ы] и [и] с [ы̆] и [й̆] (см. § 60). Эти последние были утрачены после падения редуцированных в связи с изменением [ы̆] и [й̆] в [о] и [е] в сильной позиции и исчезновением их в слабой (см. § 113). Непараллельный ряд позиционной мены образовывали фонемы [а] и [ä] в положении после мягких согласных (см. § 59). Этот ряд был утрачен вместе со смягчением полумягких тогда, когда [ä] > [а] после мягкого.

Когда развитие редукции безударных гласных и возникновение аканья в части русских говоров привели к появлению различий сильных и слабых позиций для гласных фонем,— тогда в таких акающих говорах возникли, наряду с параллельными рядами позиционной мены, новые — непараллельные, пересекающиеся ряды. Параллельные ряды в акающих говорах характеризуют ударный слог, где гласные фонемы [а], [у], [о] выступают в разных аллофонах в зависимости от качества соседних согласных, причем эти аллофоны существуют параллельно, не совпадая друг с другом. Иначе говоря, например, там, где выступает [ˈа] (т. е. [а] после мягкого), там выступают и [ýˈ], [óˈ]; там, где выступает [аˈ] (т. е. [а] перед мягким после твердого согласного), там выступают и [уˈ], [оˈ] и т. д. Непараллельные же, пересекающиеся ряды образуют гласные в безударных слогах, причем в разных акающих говорах здесь обнаруживаются несколько различные системы. Например, в таких говорах, которые сходны по системе вокализма с литературным языком, в первом предударном слоге после твердых согласных на месте [а] и [о] выступает один гласный [ʌ], т. е. происходит мена двух гласных под ударением с одним гласным в первом предударном слоге; в остальных безударных слогах на месте [а] и [о] выступает также один гласный, но более ослабленный, редуцированный [ъ]. В первом же предударном слоге после мягких согласных на месте трех гласных неверхнего подъема — [а], [о], [е] — выступает один гласный [иᵉ], являющийся эквивалентом этих трех гласных. Таким образом, здесь происходит мена трех гласных под ударением с одним — в первом предударном слоге. Например, [п'áтый], [н'ос], [л'ес], но [п'иᵉтáк], [н'иᵉсý], [в-л'иᵉсý].

В акающих говорах с сильным яканьем в первом предударном после мягких согласных на месте [а], [о], [е] выступает один гласный [а], т. е. в этом случае в качестве члена пересекающегося ряда выступает уже не особый звук (каким является [иᵉ]), а один из тех, который выступает и под ударением (ср.: [п'áтый], [н'ос], [л'ес] и [п'атáк], [н'асý], [в-л'асý]). Подобные различия будут наблюдаться в акающих говорах с иными системами вокализма после мягких согласных.

Итак, возникновение редукции безударных гласных и развитие аканья привели к перестройке фонетической системы ряда русских диалектов, переживших эти процессы. После возникновения аканья фонетические системы разных русских говоров стали боль-

ше различаться между собой, ибо в языке развились явления, характерные для одних диалектов и не характерные для других. При этом изменение безударного вокализма оказало влияние не только на систему гласных, но и на систему согласных, где в зависимости от этого также развились явления, отличающие разные русские говоры друг от друга (см. § 145).

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 141. В истории категории твердости-мягкости согласных в русском языке сыграл роль не только процесс падения редуцированных, освободивший твердость-мягкость от позиционной обусловленности, но и такие явления, как функциональное объединение [и] и [ы], изменение [е] в [о], утрата особых фонем [ě] и [ô] в ряде русских диалектов и развитие аканья.

Для того чтобы понять все те моменты, которыми характеризуется история категории твердости-мягкости согласных в русском языке, необходимо рассмотреть ее в связи с перечисленными явлениями.

§ 142. Прежде всего необходимо еще раз повторить, что до развития аканья категория твердости-мягкости согласных была одинаково выражена в русском языке как в ударном, так и в безударных слогах, т. е. система различения твердых и мягких согласных была одинаковой как перед ударными, так и перед безударными гласными.

После смягчения полумягких (см. § 104) твердые и мягкие согласные различались перед [а] и [у] и нейтрализовались в мягком согласном перед гласными переднего ряда. Это значит, что перед [а] и [у] могли выступать как твердые, так и мягкие согласные, а перед гласными переднего ряда выступали только мягкие (и на месте твердых, и на месте мягких). Перед остальными же гласными непереднего образования (т. е. перед [о], [ъ], [ы]) выступали только твердые согласные, и, таким образом, перед этими гласными не было противопоставления твердых и мягких согласных друг другу. Да и противопоставленность твердых-мягких перед [а] и [у] была сильно ограничена, ибо вторично-смягченные согласные выступали только перед тем [а], который возник из [ä] (< [ę]), а перед [у] вообще могли быть лишь исконно парные твердые-мягкие.

Начало расширения противопоставленности твердых-мягких согласных было положено, как видно, развитием процессов морфологической аналогии. Эти процессы, выразившиеся во взаимодействии твердых и мягких вариантов склонения с древней основой на *ŏ* и *ā* и во взаимодействии мягкой разновидности основ на *ŏ* с основами на *ĭ*, привели к расширению противопоставленности твер-

дых и мягких согласных перед гласными. Так, например, если первоначально перед [у] по твердости-мягкости различались лишь исконно парные по этому признаку согласные, а мягкие, возникшие из полумягких, перед [у] никогда не выступали, то, следовательно, в эпоху после смягчения полумягких различались лишь пары [ру] — [р'у], [лу] — [л'у], [ну] — [н'у], [су] — [с'у], [зу] — [з'у], но не различались [ту] — [т'у], [ду] — [д'у], [пу] — [п'у], [бу] — [б'у], [му] — [м'у], [ву] — [в'у]. Такие противопоставления появились лишь в результате развития процессов морфологической аналогии — влияния склонения основ на *ŏ* мягкой разновидности на основы на *ĭ* муж. р. (т. е. тогда, когда, например, вместо формы дат. пад. ед. ч. [черв'и], [голуб'и], [тест'и], [гвозд'и] и т. д. под влиянием дат. пад. ед. ч. [кон'у], [княз'у], [муж'у] появились формы [черв'у], [голуб'у], [тест'у], [гвозд'у] и т. д.), а позже также в результате проникновения в русский язык иноязычных слов типа *бюст, пюре* и т. п.

Такого же рода аналогия вызвала и расширение противопоставленности твердых-мягких согласных перед [а]. Появление форм типа [черв'а], [голуб'а], [тест'а], [гвозд'а] под влиянием [кон'а], [княз'а], [муж'а] — вместо первоначальных [черв'и], [голуб'и], [тест'и], [гвозд'и] обусловило более широкие пределы распространения противопоставленности твердых-мягких согласных перед [а].

Точно так же, по-видимому, в результате действия морфологической аналогии в суффиксах и окончаниях первоначально возникает противопоставленность твердых-мягких согласных и перед [о]: ср. [пилой] — [земл'ой], [дном] — [дн'ом], [колом] — [кул'ом], [котом] — [пут'ом] и т. д.

Таким образом, еще до эпохи падения редуцированных противопоставленность твердых и мягких согласных могла расширить свои границы и возникнуть там, где ее первоначально не было.

§ 143. Серьезные изменения в системе противопоставленности твердых и мягких согласных возникли в эпоху падения редуцированных, причем эти изменения коснулись как противопоставленности согласных перед гласными, так и противопоставленности их перед согласными.

Если обратиться к явлениям, связанным с противопоставленностью твердых-мягких согласных перед согласными, то здесь надо отметить сложные процессы, по-разному охватывающие различные категории согласных. Оказалось, что после падения редуцированных одни согласные стали противопоставляться по твердости-мягкости перед определенными согласными и не противопоставляться перед другими; другие — вообще не развили противопоставления по твердости-мягкости ни перед какими согласными; третьи — противопоставляться перед такими согласными, перед которыми другие согласные не противопоставляются, и т. д. Так, например, губные согласные перед твердыми и мягкими губны-

ми, зубными и задиеязычными не различаются по твердости-мягкости: они могут быть здесь или только твердыми, или только мягкими. Так, твердые губные выступают перед твердыми же губными, а мягкие — перед мягкими (ср. [фпал] и [в'б'ит], *о*[бва́л] и [л'уб'в'й], *о*[бма́н] и *о*[б'м'ёр] и т. д.); перед мягкими зубными могут быть только твердые губные (ср. [мн'е], *зе*[мл'а́], [пс'ин]*а*, [вз'а́т']), так же как и перед мягкими задиеязычными (ср. *я́*[мк'и], *тря́п*[к'и] и т. п.). Только в некоторых, очень немногих говорах есть частичное противопоставление твердых и мягких губных перед твердыми-мягкими зубными: это те говоры, которые сохраняют мягкость губного перед суффиксами, имевшими в истории русского языка в своем составе [ь] (например, *-ьск-, -ьн-*); в таких говорах произносят, скажем, *мос*[ко́ф'с'к'и]*й* и [фска]*чь*, [зе́м'с'к'и]*й* и *ком*[са́] и т. п. С другой стороны, твердые и мягкие зубные различаются перед твердыми губными и задиеязычными (причем иногда даже перед мягкими задиеязычными), но не различаются перед твердыми и мягкими зубными, перед шипящими и [ц]. Перед твердыми губными и задиеязычными наблюдается [ве́рб]*а* — *бо*[р'ба́], [ко́смы] — *пи*[с'мо́], [нзба́] — *ре*[з'ба́], [карма́н] — *тю*[р'ма́], [тка]ть — *дя́*[т'к]а, [ба́нк]*а* — [ба́н'к]*а*, [го́рк]*а* — [го́р'к]*о* и т. д. Но перед твердыми зубными произносятся лишь твердые зубные, а перед мягкими — мягкие: [здал] и [з'д'е]сь, [рост] и [рас'т'й], [сна] и [с'н'а]ть, [казна́] и [каз'н'] и т. д. Перед [ш], [ж], [ч'], [ц] обнаруживается очень сложная картина в употреблении твердых и мягких согласных, подробное рассмотрение которой выходит за рамки задач исторической грамматики русского языка.

Все эти явления в своем возникновении связаны с тем, что после утраты слабых редуцированных твердые и мягкие согласные оказывались перед разными твердыми и мягкими согласными, в силу чего возникали процессы или утраты, или появления позиционной мягкости и твердости в зависимости от характера последующего согласного, и все они привели к укреплению непараллельных, пересекающихся рядов чередующихся твердых-мягких согласных в русском языке, начало развитию которых было положено процессом смягчения полумягких согласных.

§ 144. Что касается противопоставленности твердых-мягких согласных перед гласными, то само падение редуцированных не внесло в нее принципиальных изменений, хотя и не прошло совершенно бесследно в этом отношении. Так, изменение [ъ] и [ь] в сильном положении в [о] и [е] привело к утрате одной позиции, в которой выступали только твердые согласные (перед [ъ]), и одной позиции нейтрализации твердых-мягких согласных (перед [ь]); однако за этот счет укрепилась позиция нейтрализации твердых-мягких перед [е], а вместе с тем твердые согласные шире стали употребляться перед [о].

Более важную роль в истории противопоставленности твердых-

мягких согласных сыграли функциональное объединение [и] и [ы] и изменение [е] в [о].

После падения редуцированных, когда [и] и [ы] функционально объединились (см. § 129), позиция перед фонемой [н] стала позицией противопоставления парных твердых-мягких. В положении перед [и] стали различаться парные твердые-мягкие [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], при этом после твердых фонема [и] выступает в аллофоне [ы], а после мягких в аллофоне [и]. Позиция перед [и], таким образом, стала новой позицией противопоставления твердых-мягких.

Следует иметь в виду, что эта позиция противопоставления твердых-мягких есть во всех диалектах русского языка. В отличие от этого возникшая после падения редуцированных позиция противопоставления твердых-мягких перед [о] выступает лишь в тех диалектах, которые пережили процесс изменения [е] в [о]. В таких диалектах, при отсутствии [о] между мягкими согласными, твердость-мягкость различается лишь перед [о] после твердого перед любым согласным и перед [о] после мягкого перед твердым. Таким образом, в позиции перед [о] противопоставляются [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], [п — п'], [б — б'], [м — м'], [в — в'], [ф — ф'] (ср.: [тот] — [т'от]*ка*, [дом] — [д'орн], [сор] — [с'ол], [зóр]кий — [з'óр]*на*, [лом] — [л'ок], [нос] — [н'ос], [рот] — [вр'от], [пот] — [п'ос], [вол] — [в'ол], [бог] — [гр'еб'от], [мок] — [м'óрт]*вый*, [фó]*ка* — [ф'óд]*ор* и т. д.).

Изменение [е] в [о], таким образом, обусловив возможность противопоставления парных твердых-мягких, перечисленных выше, перед [о], создало новую позицию такого противопоставления и ликвидировало еще одну позицию, в которой могли выступать только твердые согласные. В тех же диалектах, которые после падения редуцированных развили различие [о] и [ô], может быть позиция, где выступают только твердые согласные — позиция перед [ô]. Однако эти диалекты могут впоследствии утратить ее, так как в результате развития аналогического характера [ô] могло начать появляться и после мягкого, в результате чего и эта позиция становилась позицией различения твердости-мягкости.

Наконец, различия в области противопоставленности твердых-мягких согласных по русским диалектам связаны и с судьбой [ě]. После смягчения полумягких позиция перед [ě] являлась позицией нейтрализации твердых-мягких согласных, и она наряду с позицией перед [е] сохранилась в тех говорах, которые знают звук [ě] на месте старого [ě]. Наоборот, те говоры, в которых на месте [ě] произносится [е], утеряли эту позицию нейтрализации твердых-мягких согласных, и в них сохранилась только одна такая позиция — позиция перед [е].

Итак, после всех описанных изменений в русском языке сложились и о в ы е отношения в противопоставленности твердых-мяг-

кнх согласных перед гласными. Твердые-мягкие согласные стали теперь противопоставляться перед [а], [о], [у], [и] и не противопоставляться перед [е]: в этой позиции твердость-мягкость согласных нейтрализуется, и здесь на месте твердых и мягких выступают мягкие согласные. Таким образом, если позиции перед [а], [о], [у] и [и] являются сильными позициями для твердых-мягких согласных, то позиция перед [е] оказывается слабой. Отсюда становится ясным, что и в области твердых-мягких согласных укрепляются непараллельные, пересекающиеся ряды позиционной мены.

§ 145. После возникновения аканья в тех говорах, где оно развилось, системы противопоставленности твердых и мягких согласных в ударных и безударных слогах стали различными, так как вместе с аканьем в безударных слогах, причем в разных по-разному, складывается свое противопоставление твердых и мягких. Это зависит от системы безударного вокализма того или иного говора, которая характеризуется разными особенностями после твердых и после мягких согласных. Так, например, в литературном русском языке и в говорах, сходых с ним по безударному вокализму, в первом предударном слоге различается не пять, как в ударном, а три гласные фонемы: в положении после твердых согласных — [ʌ], [и] ([ы]), [у], а в положении после мягких [иᵉ], [и], [у] (например, [вʌда́], [дʌла́], [была́], [суро́к] и [в'иᵉсна́], [п'иᵉта́к], [р'иᵉк'и́], [л'убо́ф'], [в'нс'и́]. Если внимательно рассмотреть эти примеры, то можно установить, что гласные [ʌ] и [иᵉ] являются не разными фонемами, а аллофонами одной фонемы, выступающими в разном звуковом виде после твердых ([ʌ]) и после мягких ([иᵉ]) согласных. Трактовка [ʌ] и [иᵉ] в данном случае как аллофонов одной фонемы обусловливается тем, что оба они противопоставлены другим гласным лишь по одному признаку — по подъему языка — и различие их зависит только от твердости-мягкости предшествующего согласного. Следовательно, в слогах типа [дʌ] — [д'иᵉ] ([дʌма́] — [д'иᵉла́]) выступают две согласные фонемы и одна гласная в двух своих аллофонах. Таким образом, твердые и мягкие согласные в говорах подобного типа в первом предударном слоге различаются перед [ʌ] — [иᵉ], [и — ы] и [у]: [дʌла́] — [д'иᵉла́], [сыр'е́т'] — [с'ии'е́т'], [тума́н] — [т'уф'а́к].

Если сравнить с рассмотренной системой противопоставления твердых-мягких согласных ту систему такого противопоставления, которая характерна для говоров, например, с умеренным яканьем, то здесь картина окажется несколько иной. В говорах с умеренным яканьем в первом предударном слоге после твердых согласных выступают гласные [а], [и] ([ы]), [у], т. е. здесь обнаруживается та же система, что и в литературном языке; в положении же после мягких согласных наблюдаются разные системы гласных в зависимости от качества последующего согласного: перед твер-

дыми различаются гласные [а], [и], [у], а перед мягкими — только [и] и [у]. Это обусловливает тот факт, что перед твердыми согласными твердые-мягкие противопоставлены перед [а], [и — ы], [у] (например, [дала́] — [д'ала́], [мыше́й] — [м'ила́], [лубо́к] — [л'убо́ф']), а перед мягкими — только перед [и — ы] и [у], но не перед [а] (например, [къвыл'а́] — [в'ис'и́], [дыра́] — [д'ил'и́], [сыр'е́т] — [с'ин'е́т'], [лук'е́] — [л'уд'е́й], но только [рад'е́т], [сал'и́т'], [балу́й] и т. д.).

Точно так же по-разному складывается противопоставленность твердых-мягких согласных в других русских говорах, характеризующихся своими системами безударного вокализма.

В целом все процессы изменения гласных звуков способствовали расширению противопоставленности твердых и мягких согласных, образуя новые позиции, в которых твердость-мягкость начинает различаться, или устраняя позиции, в которых твердые и мягкие согласные не были противопоставлены.

§ 146. История шипящих, аффрикат [ц], [ч'] и слитных [ш'ч'], [ж'д']. Шипящие [ш] и [ж] и аффрикаты [ц'], [ч'] никогда не были парными фонемами по твердости-мягкости. Известно, что в современном литературном русском языке [ш], [ж] и [ц] всегда твердые согласные, [ч'] — мягкий. В связи с тем, что [ш], [ж], [ц] возникли исконно в русском языке как мягкие звуки, их история — это история их отвердения. Причем процесс отвердения [ш], [ж], [ц] не связан с падением редуцированных.

Вопрос о времени отвердения [ш], [ж] и [ц] решается по данным письменных памятников на основе написаний соответствующих букв с последующими гласными. При этом в решении данного вопроса помогает в общем только одно написание — с последующей буквой *ы*, написание, которого не было ни в старославянской, ни в древнерусской орфографии до определенного времени. Наличие написаний типа *жы, шы, цы* с несомненностью может свидетельствовать о твердости соответствующих согласных.

Для [ш] и [ж] указания на их твердость есть с конца XIV в.: в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. отмечено *жывите, держыть, Шышкина* и др. Для [ц] — с XVI в.: в „Домострое" встречаются написания *концы, нацыдят*, в Волоколам. грам. — *намѣстницы, жеребцы, пугвицы, оцыщати*. О разном времени отвердения [ш], [ж] и [ц], причем именно в позднем для [ц], свидетельствуют и разные явления в истории изменения [е] в [о] перед [ш], [ж] и [ц] (см. § 127). Известно, что [ц'] сохранился больше, чем [ш'] и [ж'] и в современных говорах: мягкие [ш] и [ж] известны теперь островками в Кировской, Ивановской и других областях, а [ц'] есть в значительной части северновеликорусских диалектов.

Наконец, надо иметь в виду, что отвердение [ш'] и [ж'] осуществлялось раньше перед задними гласными и позже перед

передними: в говорах, где до сих пор может сохраняться мягкость шипящих, она наблюдается чаще перед гласными переднего ряда, тогда как перед гласными заднего ряда [ш] и [ж] уже отвердели (в таких говорах произносят [ша́лка], [жа́ба], но [ш'ит'], [ж'из'н']).

Звук [ч'] в литературном русском языке и в говорах сохранил исконную мягкость, отвердев в белорусском языке и частью в украинском. Иногда [ч] твердое встречается и в западнорусских и северновеликорусских говорах.

Что касается слитных [ш'ч'] и [ж'д'], возникших (см. § 83) из [stj], [skj], [sk] и [zdj], [zgj], [zg] как мягкие, то основной путь их изменения в истории русского языка заключается в утрате взрывного элемента и превращении их в долгие шипящие [ш̄'] и [ж̄']. Этот путь находит свое отражение в литературном языке: [ш̄'] у́ка, [ишʼ у́], [л'еш̄'а́], [во́ж̄'н], [дро́ж̄'и], [до́ж̄'ик] и т. д. При этом в большинстве говоров [ш̄'] и [ж̄'] не удержали мягкости и отвердели, т. е. изменились в [ш̄] и [ж̄]: [ш̄у́ка], [ишʼ у́], [л'еш̄а́], [во́ж̄ы], [дро́ж̄ы], [до́ж̄ык] и т. п.

Однако, кроме этого основного изменения, слитные [ш'ч'] и [ж'д'] могли испытать и иную судьбу. Прежде всего здесь надо сказать о том, что иногда они сохраняются в исконном виде, т. е. в некоторых говорах и сейчас произносят [ш'ч'у́ка], [ишʼ ч'у́], [л'еш'ч'а́], [во́ж'д'и], [дро́ж'д'и], [до́ж'д'ик] и т. д. В других говорах, например, в некоторых вологодских, олонецких, [ш'ч'] и [ж'д'] отвердели, т. е. в таких диалектах наблюдается произношение [шчу́ка], [ишчу́], [л'ешча́], [во́жды], [дро́жды], [до́ждык] и т. д. Наконец, в некоторых говорах Вологодской области наблюдается утрата конечного фрикативного элемента в [ш'ч'], [ж'д'], т. е. изменение их в [ш'т'], [ж'д']. В таких говорах произносят [ш'т'у́ка], [ишʼ т'у́], [л'еш'т'а́], [во́ж'д'и], [дро́ж'д'и], [до́ж'д'ик] и т. д.

§ 147. Все рассмотренные процессы в истории шипящих, аффрикат [ц], [ч], а также слитных [ш'ч'], [ж'д'] не привели к коренным преобразованиям системы согласных русского языка. Однако они наложили определенный отпечаток на эту систему. В частности, в тех говорах, которые сходны по судьбе этих согласных с литературным языком, сложилась такая система, в которой [ш], [ж] и [ц] являются непарными твердыми согласными, а [ч'], [ш̄']

и [ж'] — непарными мягкими. Во многих северновеликорусских говорах [ц] выступает как непарная мягкая согласная; в некоторых же как северновеликорусских, так и южновеликорусских говорах [ш] и [ж] являются непарными твердыми. Но во всех говорах русского языка все эти согласные остаются непарными по твердости-мягкости.

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVI—НАЧАЛА XVII в. В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ПЕРИОДАМ РАЗВИТИЯ

§ 148. Все те фонетические процессы, о которых шла речь выше и которые определили пути изменения звуковой системы русского языка, закончили свое развитие в XVI в. Можно думать, что в последующие периоды происходило лишь укрепление тех основных черт этой системы, которые стали определять ее уже в более ранние эпохи. После XVI в. в истории звуковой системы русского языка уже не было таких коренных переломов, смен одной эпохи другой, как это было раньше. Ни в истории вокализма, ни в истории консонантизма уже нельзя обнаружить каких-то резких сдвигов, нарушающих те соотношения гласных и согласных фонем, какие сложились в период XII—XVI вв.

Поэтому возможно, обобщая сказанное ранее, установить общий путь развития фонологической системы русского языка и основные особенности, которыми она стала характеризоваться в результате действия различных фонетических процессов в истории этого языка.

§ 149. В начале исторического периода развития русский язык характеризовался господствующим положением вокализма в фонологической системе. Это господство вокализма выражалось не столько в том, что гласных фонем в тот период было намного больше, чем их осталось позже, сколько в том, что именно гласные определяли характер предшествующих согласных, с которыми они были неразрывно связаны. По существу только две фонемы — [а] и [у] — имели два аллофона, различие между которыми было связано с влиянием предшествующего согласного (см. § 56). Все же остальные гласные фонемы выступали всегда в одном и том же, постоянно присущем им виде, оказывая воздействие на предшествующий согласный. Если учесть, что в период сохранения тенденции к открытости слога роль слогораздела была, без сомнения, бо́льшей и что поэтому начальный согласный последующего слога не мог оказывать существенного влияния на конечный гласный предшествующего слога,— если учесть это, то можно утверждать, что в период до смягчения полумягких гласные фонемы действительно являлись определяющим элементом фонологической системы русского языка, так как именно они, характе-

ризуясь постоянными признаками по подъему языка, по наличию или отсутствию лабиализации, а также и по ряду, влияли на предшествующие им согласные.

Такое господство вокализма продолжалось до смягчения полумягких, развитие которого обусловило серьезные изменения во всей фонологической системе древнерусского языка (см. § 95 и след.). Несмотря на то что этот период характеризуется развитием силлабем, представляющих собою неразложимые сочетания твердых-мягких согласных с непередними-передними гласными, древнерусский язык сохранял свой фонемный строй и уже тогда стал менять общую фонологическую систему, усиливая в ней роль консонантных различий и ослабляя соответственно роль вокализма. Это выразилось, с одной стороны, в расширении состава согласных фонем и в сохранении противопоставленности парных твердых-мягких перед [а] и [у], а с другой — в дефонологизации признака зоны образования гласных, утрате фонемы [ä] и превращении [и] и [ы] в потенциальные варианты одной фонемы. Такое развитие фонологической системы древнерусского языка после смягчения полумягких определило то, что дальнейшие изменения этой системы могли развиваться только в направлении ко все большему усилению роли консонантизма в русском языке. Эти изменения были связаны с падением редуцированных и вызванными им явлениями. Именно после утраты [ъ] и [ь] как самостоятельных фонем в фонологической системе русского языка полностью стал господствовать консонантизм.

Чем же было вызвано такое изменение в соотношении между гласными и согласными русского языка и в чем выражается подчиненность вокализма консонантизму в русском языке?

§ 150. В истории русского языка развитие системы гласных шло все время по линии уменьшения их состава за счет объединения ранее различных фонем в одной фонеме. Так случилось и с носовыми гласными, которые были утрачены древнерусским языком, в результате чего [ǫ] объединилось с [у], а [ę] преобразовалось первоначально в [ä], в дальнейшем объединившееся с [а] (см. § 97); так случилось и с фонемами [и] и [ы], когда вместо этих двух самостоятельных фонем возникла одна — [и], которая стала иметь аллофон [ы], выступающий после твердых согласных (см. § 132); так случилось во многих говорах и с фонемой [ě], совпавшей с [е] или с [и] (см. § 129—130). Даже возникновение новой фонемы [ó] не привело, по существу, к расширению состава гласных, ибо она оказалась очень неустойчивой и в большинстве русских говоров совпала с [о].

В результате всех этих процессов в литературном русском языке и в большинстве диалектов сохранилось только пять гласных фонем (а для некоторых говоров их может быть шесть или семь), выступающих в сильной позиции — в положении под ударением.

В безударных же слогах количество выступающих фонем еще меньше. Эти процессы сокращения состава гласных фонем вели и к ослаблению фонематической роли вокализма в звуковой системе русского языка.

С другой стороны, появление в русском языке фонем [ф] и [ф'], а главное — освобождение твердости-мягкости согласных от позиционной обусловленности и в связи с этим превращение мягких согласных в самостоятельные фонемы привели к расширению состава согласных фонем русского языка: к периоду XV—XVI вв. в фонологической системе этого языка были согласные фонемы [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [н — н'], [р — р'], [л — л'], [j], [ч'], [ж], [ш], [ц], [ш'], [ж'], [к], [г], [х]. Уже само увеличение состава согласных фонем не могло не повести к усилению фонологической роли консонантизма в звуковой системе русского языка.

Однако не только увеличение состава согласных, но и процессы развития в системе гласных обусловливали приобретение русским языком консонантного характера. В этом отношении главную роль сыграли функциональное объединение [н] и [ы] и изменение [е] в [о], которые создали условия для расширения противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными (см. § 144). Кроме того, надо иметь в виду, что нарушение прежней слоговой структуры и распространение в русском языке закрытых слогов имели своим следствием развитие и усиление воздействия согласных на предшествующие гласные. В результате всего этого оказалось, что гласные фонемы стали иметь только два постоянных признака: степень подъема языка и наличие или отсутствие лабиализации; образование же гласных по ряду оказалось целиком зависящим от качества соседних согласных. Эта зависимость выражается в том, что гласные непереднего ряда в соседстве с твердыми согласными не изменяются в отношении образования по ряду, а в соседстве с мягкими согласными испытывают передвижку артикуляции в более переднюю зону, причем эта передвижка носит различный характер в зависимости от того, в каком отношении к мягкому согласному находится гласный. В положении после мягкого перед твердым непередний гласный продвигается вперед в начальной стадии своей артикуляции, после твердого перед мягким — в конечной стадии, а между мягкими — на всем протяжении артикуляции. Итак, для непередних гласных есть следующие соотношения: [тат], [т'ат], [тат'], [т'ат'], например: [мал] — [м'ал] — [ма́л'чик] — [м'а́л'и], [тол] — *ко*[т'о́л] — [то́л'] — [кот'о́л']*чик*, [сруп] (сруб) — [р'у́м]*ка* — [рул'] — [бр'у́к'и] и т. д.

Что же касается передних гласных, то они не изменяются в положении после мягких перед твердыми, но передвигаются в среднюю зону образования после твердых перед твердыми; в положении же после твердых перед мягкими они, наряду с передвижкой

в среднюю зону образования, испытывают одновременно передвижку и вперед в конечной стадии артикуляции, а между мягкими становятся так называемыми напряженными, т. е. несколько передвигаются вверх, не меняя, однако, по существу степени подъема языка. Итак, для передних гласных есть следующие соотношения: [т'ит], [тыт], [ты·т'], [т'йт'], например: [м'нл] — [мыл] — [мы·л'] — [м'йл'а], [в'ил] — [выл] — [вы·т'] — [в'йт'], [д'ёло] — [дэ́ка] — [дэ́·л'та] — [д'ёл'е], [п'ел] — [пэр] — [пэ́·р·и] — [п'ёл'и] и т. д.

Процессы воздействия соседних согласных на гласные привели к тому, что в русском языке широко развились параллельные ряды позиционной мены гласных. Особенно ясно эти ряды выступают в положении под ударением, где воздействие предшествующих и последующих согласных привело к передвижке артикуляции гласных. Такими параллельными рядами гласных являются:

[а] // [ˈа] // [а˙] // [ä] [и] // [ы] // [ы˙] // [й]
[о] // [ˈо] // [о˙] // [ö] [е] // [э] // [э̇] // [ê]
[у] // [ˈу] // [у˙] // [ÿ]

Гласные, образующие один такой параллельный ряд, являются аллофонами одной фонемы, различия между которыми определяются окружающими, как предшествующими, так и последующими согласными.

Если прибавить к сказанному еще и то, что безударный вокализм в русских диалектах, особенно после мягких согласных, во многом зависит от качества последующего согласного, то определяющая роль согласных в фонетической системе русского языка станет еще яснее.

§ 151. Итак, звуковая система русского языка на протяжении своей истории пережила многие изменения, однако во всех этих изменениях прослеживается основное направление ее развития. Это направление заключается в том, что от системы, в которой определяющую роль играл вокализм, русский язык перешел к системе, в которой такую определяющую роль выполняет консонантизм. Поэтому можно говорить, что в фонетическом отношении русский язык имеет ярко выраженный консонантный характер. Все те явления в истории русского языка, которые рассматривались выше и которые носили в ряде случаев, казалось бы, частный характер,— все они вели русский язык по пути складывания тех особенностей, которые характеризуют его современное состояние.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y* // Вестник МГУ.— 1947.— № 1; то же в кн.: Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика.— М., 1974.— С. 238—259; Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ.— 1947.— № 9; Лингвистическая география

и история русского языка // Вопросы языкознания.— 1952.— № 6; К вопросам образования русского национального языка // Вопросы языкознания.— 1956.— № 2; Очерки русской диалектологии.— М., 1949.— Ч. 1.— С. 145; Фонетика современного русского литературного языка.— М., 1956.— С. 109, 163—166, 177—182; Русское литературное произношение.— М., 1968.— С. 153—157.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков.— М., 1961.— С. 275—279.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка.— М., 1965.— С. 151—152.

Георгиев В. Аканье и иканье в истории русского языка // Проблемы современной филологии.— М., 1965.

Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения.— Т. XIII.— С. 151 и след.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка.— Л., 1980.

Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья // Вопросы языкознания.— 1964.— № 1.

Марков В. В. Замечания о втором полногласии в русском языке // Ученые записки Казанского ун-та.— 1958.— Вып. 15; Некоторые новые данные о русских народных говорах // Вопросы языкознания.— 1957.— № 5.

Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку.— М., 1960.— С. 215—234.

Орлова В. Г. Типы употребления аффрикат как различительный признак русских говоров // Вопросы языкознания.— 1957.— № 1.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка.— М., 1966.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— 1907.— С. 76—78.

Фалев И. О редуцированных гласных в древнерусском языке // Язык и литература.— Л., 1927.— Ч. II.— Вып. 1.— С. 111—112.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян.— М.; Л., 1962; Происхождение русского, украинского и белорусского языков.— Л., 1972.

Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г.— М., 1953.— С. 201 и след.

Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв.— СПб., 1886.— С. 138—217; Из истории звуков русского языка.— СПб., 1903; Введение в курс истории русского языка.— Пг., 1916.— Ч. 1; Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии.— Пг., 1915.— Вып. II.— Ч. 1.— С. 128—135, 217—294, 335—343.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 134—151.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 152. Историческая морфология русского языка как наука изучает основные процессы в развитии морфологического строя этого языка на всех доступных для такого изучения этапах его истории.

Как известно, грамматический строй, т. е. морфология и синтаксис, являются наиболее устойчивой частью языка. Однако это обстоятельство не означает, что грамматический строй, и в частности морфологическая система, вообще не подвергается изменениям. Если, например, сравнить русский язык XII—XIV вв. с современным русским языком, то можно обнаружить, с одной стороны, что в морфологическом отношении здесь мало что изменилось принципиально, а с другой — можно видеть, что за прошедшие 600—700 лет, срок в общем небольшой для истории языка, морфологическая система значительно преобразовалась, и не только в каких-либо периферийных областях, но и в достаточно важных своих элементах.

Вместе с тем следует помнить о связанности разных сторон языка между собой, которая выражается в том, что явления, возникшие в одной области языка, с течением времени могут переходить в другую его область. Особенно важна связь фонетической стороны языка и ее изменений с морфологической и ее изменениями: целый ряд морфологических явлений в истории русского языка имеет первопричиной своего возникновения фонетические процессы. Так, чисто фонетические изменения конца слова, возникшие еще в праславянский период и связанные с действием закона открытого слога, привели к переразложению основ имен существительных, что вызвало в свою очередь изменение типов склонения слов в славянских языках (см. § 168). Известно также, что такой чисто фонетический процесс, как падение редуцированных, привел к возникновению чередований гласных с нулем звука, превратившихся впоследствии в морфологическое средство образования форм слов (см. § 117).

Есть и еще целый ряд изменений морфологического характера в истории русского языка, связанных в своем возникновении с явлениями, развившимися в результате определенных фонетических процессов.

Это, конечно, не исключает того, что многие явления в области истории морфологической структуры, особенно на относительно поздних исторических этапах ее развития, возникали по внутренним законам развития самой морфологической системы.

§ 153. Как при изучении исторической фонетики, так и при изучении исторической морфологии используются два источника: письменные памятники прошлого, в которых зафиксированы факты морфологической системы русского языка в различные исторические периоды его развития, и современные диалекты, в которых, с одной стороны, сохраняются многие факты, утраченные уже системой литературного языка, а с другой — развиваются (вернее — развились) те тенденции древнерусской морфологии, которые или не развились, или развивались в ином направлении в литературном языке. Вместе с тем для восстановления тех периодов в истории морфологической системы русского языка, которые не зафиксированы памятниками и диалектами, используются данные сравнительной грамматики, позволяющие восстановить этот далекий период.

§ 154. Вместе с тем область исторической морфологии в настоящее время остается менее изученной, чем историческая фонетика. И дело здесь заключается не в том, что еще мало накоплено фактического материала вообще: фактов в области истории морфологической системы русского языка известно вполне достаточно. Однако до сих пор остается неясной связь различных морфологических категорий и форм в единой морфологической системе на том или ином этапе ее развития, или, иначе, на определенном синхронном срезе. В области фонетической истории можно, например, установить, чем характеризовалась з в у к о в а я с и с т е м а древнерусского языка к моменту появления письменности, как она изменилась в результате различных фонетических процессов к XIV в. и, наконец, сложилась к концу XVI — началу XVII в., причем в каждый из отмеченных периодов возможно указать на основные особенности этой системы, определяющие ее характер именно как системы. В области же истории морфологии остается невыясненным, как совмещались друг с другом те или иные звенья морфологической системы в данный период ее развития, остается неясной взаимная связь развивающихся и изменяющихся явлений в этой системе. Устанавливая, например, факт разрушения старых типов склонения существительных и определяя, какие из этих типов подвергались разрушению раньше, а какие позже, нельзя пока что точно установить даже состояние системы склонения существительных живого древнерусского языка к моменту появления письменности. Тем более это оказывается сложным для поздних эпох развития русского языка. Точно так же обстоит дело, например, и с историей форм прошедшего времени глагола. Устанавливая последовательность утраты этих различных форм в истории рус-

ского языка и укрепление единой формы прошедшего времени, трудно в то же время с достоверностью определить, как в действительности функционировали эти формы в морфологической системе древнерусского языка разных периодов его истории.

Это объясняется, между прочим, тем, что если в области исторической фонетики уже выработаны методы точного определения живых, характерных для разговорного древнерусского языка явлений, в отличие от традиционных, „мертвых", свойственных только письменной форме этого языка, то в области исторической морфологии такое разделение фактов, зафиксированных в памятниках, полностью осуществить еще невозможно. Так, если в памятнике письменности отмечаются, скажем, старые формы твор. пад. мн. ч. существительных муж. р. с окончанием *-и, -ы* (например, *съ товарыщи, съ рабы* и т. п.) и одновременно новые — с окончанием *-ами*, то вопрос о том, сосуществовали ли эти формы в живом языке данной эпохи, или одна из них была лишь традиционной, оказывается весьма затруднительным для решения.

Таким образом, в настоящее время нет еще такого представления об истории морфологической системы русского языка, которое позволяло бы реконструировать эту историю не как историю отдельных морфологических категорий и форм, а как историю системы этих категорий и форм.

В связи со сказанным явления в истории морфологического строя русского языка рассматриваются не так, как в истории его фонетической системы. Если в последней рассмотрение путей развития тех или иных явлений завершалось в конечном итоге характеристикой системных отношений, охватывающих весь звуковой строй древнерусского языка в данный момент его истории, то в области исторической морфологии завершающим моментом служит установление характера того или иного явления на конечном этапе его развития. Этим конечным этапом является современный русский язык с его сложившейся к настоящему времени морфологической системой.

§ 155. Как известно, характер морфологической системы языка определяется прежде всего теми способами и средствами выражения грамматических значений, какие присущи данному языку. В древнерусском языке эти способы и средства были связаны в первую очередь со словоизменением. Поэтому в исторической морфологии основным объектом изучения является история форм словоизменения как история способов и средств выражения грамматических значений.

Однако история способов и средств выражения грамматических значений — это, так сказать, „внешняя" история морфологической системы, так как есть еще и „внутренняя" ее история — история плана содержания, история самих грамматических значений и категорий. История способов и средств выраже-

ния грамматических значений определяется историей самих этих значений: средства и способы выражения изменяются потому, что в процессе развития языка возникает потребность обозначить новые явления в плане содержания, что вызывает утрату одних категорий и значений и возникновение других. Поэтому история морфологической системы — это развитие не только плана выражения — развитие форм, но развитие и плана содержания, т. е. развитие их значения, их смысловой стороны.

Важно и то, что в исторической морфологии, как и в исторической фонетике, изучение развития древнерусского языка начинается с исходной системы конца X — начала XI в., которая реконструируется вне ее диалектной характеристики и вне ее развития во времени, но с учетом возможного системного варьирования средств и способов выражения грамматических значений. Все грамматические категории и способы их выражения представлены в исходной системе как свойственные всей этой системе, как сополагающиеся в ней на данном синхронном срезе.

Для последующих этапов истории русского языка проблема совмещения тех или иных грамматических категорий и тех или иных средств их выражения в определенной морфологической системе, характерной для языка на разных синхронных срезах, по изложенным выше причинам не ставится. История грамматических категорий и средств их выражения рассматривается применительно к отдельным частям речи.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ (КОНЕЦ X — НАЧАЛО XI в.). ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ КАК МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

§ 156. Русский язык по своей морфологической системе является языком с флективным строем. Эта флективная система характеризовала и древнерусский язык конца X — начала XI в. Сущность такой системы заключается в том, что связь слов в предложении обозначается главным образом с помощью флексий (окончаний слов). Это, конечно, не значит, что в русском языке не было и нет иных средств для выражения связи и отношений между словами (можно упомянуть, например, порядок слов), но все же главную роль играют связи, выражаемые через флексию. Таким образом, флексии являются главным морфологическим средством русского языка. В связи с тем что историческая морфология занимается историей морфологических средств, и прежде всего тех, которые служат для образования форм слов, т. е. средств словоизменения, изучение истории флексий, или, иначе, истории форм склонения и спряжения слов, является важным аспектом истории морфологического строя русского языка.

Само собой понятно, что флексии служат для образования форм слов, но не новых слов. Вместе с тем роль морфологических средств, при помощи которых образуются как формы слов, так и новые слова, выполняют различного рода аффиксы, т. е. суффиксы и префиксы.

Аффиксация, с помощью которой образовывались новые слова, является морфологическим средством потому, что образование слов сопровождается принятием ими определенных морфологических характеристик: при суффиксации от глаголов образуются существительные разной родовой принадлежности, точно так же как от существительных при помощи суффиксов образуются прилагательные, т. е. другой грамматический класс слов; суффиксация и префиксация глаголов меняет их видовую принадлежность или вносит в значение глагола различные оттенки грамматического значения и т. д. Таким образом, суффиксация и префиксация как средство словообразования имеет непосредственное отношение и к морфологии. Аффиксация слов была широко распространена уже в самом начале письменной истории русского языка. При этом префиксы были характерны как средство образования глаголов, а суффиксы — как средство образования и глаголов, и имен. Так, например, от *писати* с помощью префиксов образовывались такие глаголы, как *за-писати, надъ-писати, подъ-писати, при-писати;* от *ходити — вы-ходити, за-ходити, на-ходити, при-ходити.* От этих глаголов суффиксальным способом были образованы существительные *запись, подъпись, выходъ, заходъ, находъ* („нападение", Изб. 1073 г.), *приходъ.* Кроме того, примерами широко развитого суффиксального словообразования могут служить такие древнерусские факты, как *зълоба — зълоб-ие — зълоб-ь — зълоб-ивыи — зълоб-ьныи, пити — пи-ва-ти — пи-во — пи-ва-ние — пив-ьныи — пив-ьць, писати — писа-ло* (орудие писания) — *писа-ль-никъ — писа-ние — писа-рь — писа-тельникъ, погыбати — погыб-ну-ти* и т. д.

Каждое из этих и подобных слов относилось к определенной части речи, обладало присущими ей грамматическими категориями и системой форм словоизменения, т. е. имело свою собственную морфологическую характеристику.

§ 157. Важным морфологическим средством образования слов и их форм в русском языке являются чередования гласных и согласных звуков.

Чередование — это такая мена фонем, которая не зависит от фонетических, позиционных условий и играет грамматическую роль, т. е. служит для выражения различных грамматических значений.

Древнерусский язык к началу письменного периода знал чередования гласных и согласных, причем в силу того, что чередования гласных сложились в целом намного раньше, чем че-

редования согласных, установить закономерности появления той или иной ступени чередования первых в ряде случаев оказывается затруднительным.

§ 158. В древнерусском языке в основной ряд чередующихся гласных входили [е] ‖ [о] ‖ [ь] ‖ [ě] ‖ [а], однако очень редко этот ряд можно установить полностью: большей частью в древнерусском языке обнаруживаются лишь некоторые ступени таких чередующихся гласных; ср., например, *стьлати — стелю — столъ, мьроу — мерети — моръ, тьци — теку — притѣкати — токъ, бьрати — бероу — съборъ, положити — полагати, летѣти — летати.* Все эти чередования наблюдаются, как это видно из примеров, в различных формах глагола и в отглагольных существительных. Однако трудно установить, когда именно, т. е. в каких именно формах или словах, выступает та или иная ступень чередования. Так, если, с одной стороны, в *бьрати — бероу, стьлати — стелю* ступень [ь] выступает в инфинитиве, а ступень [е] — в настоящем времени, то в *мерети — мьроу, терети — тьроу* отношения оказываются обратными. Конечно, в ряде случаев закономерность в проявлении той или иной ступени чередования гласного выдерживается достаточно последовательно (например, в отглагольных существительных выступает ступень [о]: *бероу — съборъ, текоу — токъ, везоу — возъ* и т. д.; в формах повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный — ступень [ь]: *текоу — тьци, пекоу — пьци, жегоу — жьзи;* в глаголах, обозначающих однократность действия,— ступень [о], а в обозначающих многократность действия — ступень [а]: *положити — полагати, помочи — помагати, точити — тачати* и т. д.), но все же в целом эти отношения сильно затемнены.

В древнерусском языке наблюдались и некоторые иные чередования гласных, характеризующие формообразование этого языка. Так, широко были распространены чередования [ь] ‖ [и] и [ъ] ‖ [ы]: *бьрати — събирати, оумьроу — умирати, тьроу — затирати, сълати — посылати, дъхноути — дыхати* и т. п.; чередование [ьр] ‖ [ере] ‖ [оро]: *вьрѣти — веретено — воротити, жьрдь — ожерелье — городъ;* чередование [ере] ‖ [ор]: *мерети — моръ, береши — съборъ* и т. п.

Следует назвать еще чередование [ā] ‖ [у], восходящее к чередованию [ę] ‖ [ǫ] (см. § 79): *мѧти* (= [м'ātн]) — *моука, трѧсти — троусъ* („землетрясение"), *звѧкноути — звоукъ* и т. д. Как видно из примеров, это чередование (как, впрочем, и чередования [ьр] ‖ [ере] ‖ [оро], [ере] ‖ [ор]) использовалось при словообразовании, т. е. как средство образования новых слов.

§ 159. Что касается чередований согласных, то в древнерусском языке как чередующиеся выступали [к] ‖ [ч'], [г] ‖ [ж'], [х] ‖ [ш'], [к] ‖ [ц'], [г] ‖ [з'], [х] ‖ [с'], [т] ‖ [ч'], [д] ‖ [ж'],

[с] ‖ [ш'], [з] ‖ [ж'], [п] ‖ [пл'], [б] ‖ [бл'], [м] ‖ [мл'], [в] ‖ ‖ [вл'], [н] ‖ [н'], [р] ‖ [р'], [л] ‖ [л'].

Чередование заднеязычных с шипящими ([к] ‖ [ч'], [г] ‖ [ж'], [х] ‖ [ш']), широко известное в древнерусском языке, наблюдалось перед суффиксами и окончаниями, имеющими в своем составе гласный переднего ряда, в именах и глаголах, образованных от основ на заднеязычный согласный. Например, *дроугъ — дроужина, мѣхъ — мѣшькъ, вѣкъ — вѣчьнъ, отрокъ — отрочьскыи, нога — ножька, послоухъ — послоуше* (зват. форма), *текоу — течеши, берегоу — бережемъ, бѣгоу — бѣжить, дыхати — дышить* и т. д. Вместе с тем подобное чередование наблюдалось в глагольных основах и перед гласным заднего ряда [а]: *слухати, слоухаю — слышати, слышоу; бѣгати, бѣгаю — бѣжати, бѣжоу.*

Чередование заднеязычных со свистящими ([к] ‖ [ц'], [г] ‖ [з'], [х] ‖ [с']) наблюдалось в падежных формах склонения существительных с основой на *ŏ* и *ā*, причем свистящий выступал в тех формах, где были окончания [е] и [и] (например, *роука — роуцѣ, нога — нозѣ, дроугъ — дроузи, отрокъ — отроци, соха — сосѣ, моуха — моусѣ, послоухъ — послоуси* и т. д.); это чередование наблюдалось и при образовании форм повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный (например, *пекоу — пьци, текоу — тьцѣте, жегоу — жьзи, берегоу — березѣмъ*) и в некоторых иных случаях.

Что же касается чередований переднеязычных [т], [д], [с], [з] с шипящими и губных [п], [б], [м], [в] с сочетаниями „губной + [л']", то они выступали прежде всего в глагольных формах: [ч'], [ж'], [ш'] и [пл'], [бл'], [мл'], [вл'] наблюдались в 1-м л. ед. ч. настоящего времени глаголов IV класса, а [т], [д], [с], [з] — в инфинитиве и в остальных формах настоящего времени: *воротити — ворочу, видѣти — вижу, просити — прошоу, возити — вожоу, коупити — коуплю, любити — люблю, ломити — ломлю, ловити — ловлю.*

Эти чередования наблюдались также в отглагольных существительных (например, *носити — ноша, капати — капля, ловити — ловля* и т. п.) и в притяжательных прилагательных (*Вьсеволодъ — Вьсеволожь, Свѣньлдъ — Свѣньлжи, Ярославъ — Ярославль* и т. д.). В тех же притяжательных прилагательных наблюдалось и чередование [н], [л], [р] с [н'], [л'], [р']: *Боянъ — Боянь, Володимиръ — Володимирь* и т. п. (см. § 210).

В древнерусском языке были и некоторые другие чередования согласных, которые здесь специально не характеризуются. Точно так же и описанные выше чередования охватывали больше категорий слов и форм, чем это было приведено в качестве примеров. Однако и то, что сказано о чередованиях, дает возможность утверждать широкую их распространенность в древнерусском языке.

§ 160. По своему происхождению чередования связаны с фонетикой — они возникли в результате фонетических изменений. Однако, имея такое происхождение, чередования в своей истории постепенно потеряли связь с фонетикой и в результате аналогии были перенесены в не зависящие от фонетических условий положения, превратившись тем самым в морфологическое средство.

Этот путь превращения фонетического явления в морфологическое средство можно проследить, например, на истории заднеязычных и шипящих. Известно, что еще в ранний праславянский период заднеязычные [к], [г], [х], попадая в положение перед гласными переднего ряда, изменялись в мягкие шипящие [ч'], [ж'], [ш'] (см. § 82), в то время как перед гласными заднего ряда [к], [г], [х] сохранялись без изменения. Таким образом возникли вполне закономерные отношения: перед гласными заднего ряда [к], [г], [х], а перед гласными переднего ряда [ч'], [ж'], [ш'] (ср. др.-русск. *роука — роучька, берегоу — бережемъ, текоуть — течеши* и т. д.). Однако очень рано шипящие стали появляться не только перед гласными переднего ряда, но и перед [а] и [у] (по происхождению из [у] и [ǫ]; см. § 84); впоследствии же, в результате изменения [е] в [о], шипящие оказались и перед [о]: ср. совр. [бережóм], [теч'óм]. Так возникала возможность появления шипящих, наряду с [к], [г], [х], перед одними и теми же гласными заднего ряда. Если же учесть, что после падения редуцированных шипящие оказались вообще перед согласным звуком (ср.: *роучька > ручка, дроужьныи > дружный, доушьныи > душный* и т. п.), а после изменения [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] заднеязычные стали выступать перед гласными переднего ряда (ср.: *хитрый, кислый, гибкий* и т. п.), то можно понять, что все эти процессы затемнили указанные выше закономерные отношения. В связи со всем этим чередование [к ‖ ч], [г ‖ ж], [х ‖ ш] оказалось лишенным фонетической обусловленности и стало иметь лишь морфологическое значение.

Разрыв фонетических связей между [к], [г], [х] и [ч'], [ж'], [ш'] наступил очень рано — тогда, когда закончилось действие первой палатализации и заднеязычные начали изменяться в свистящие (см. § 82), т. е. тогда, когда шипящие стали самостоятельными фонемами. Морфологизация же отношений между [к], [г], [х] и [ч], [ж], [ш] окончательно установилась тогда, когда фонетические процессы падения редуцированных, изменения [е] в [о] и [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] уничтожили условия, которые ограничивали области распространения заднеязычных и шипящих,— когда появление [ч'], [ж'], [ш'] на месте [к], [г], [х] стало обусловливаться не фонетической позицией, а характером той или иной морфологической категории.

О морфологизации чередования [к], [г], [х] с [ч], [ж], [ш] свидетельствуют новообразования, в которых нельзя уже говорить о сохранении традиции. Иначе говоря, если бы, например, эти

чередования наблюдались лишь в тех словах и формах, где после [ч], [ж], [ш] когда-то был гласный переднего ряда, и не наблюдались в поздно образованных словах, то вопрос о морфологичности отношений заднеязычных и шипящих, вероятно, должен был бы решаться более сложно. Однако такие соотношения выступают не только в таких словах давнего происхождения, как *рука — ручка, нога — ножка, мех — мешок, прок — прочный, друг — дружина, много — множество* и т. д., но и в таких новых словах, как *флаг — флажок, ударник — ударничество, брак — брачный, кибернетика — кибернетический* и т. д. Наличие чередований заднеязычных с шипящими в подобного рода словах связано не с тем, что здесь когда-то прошли определенные фонетические процессы, сохранившие свои следы в настоящее время, а с тем, что подобные формы возможны ныне только с шипящими, ибо данное чередование — обязательное средство образования указанных слов или форм слов.

Как известно, в современном русском языке чередование заднеязычного с шипящим всегда присутствует при образовании от существительных с основой на [к], [г], [х] уменьшительных с суф. *-ок, -к-* (*дружок, бочок, пушок, ножка, ручка*), увеличительных с суф. *-ищ-* (*дружище, ручища*), уничижительных с суф. *-онк-* (из *-ьнък-*) (*ручонка, пастушонок*), с суф. единичности *-ин-* (*жемчужина, горошина*), с суф. отвлеченности *-еств-* (*множество, человечество*), прилагательных с суф. *-н-* (из *-ьн-*) (*кожной, срочный, ушной*), с суф. *-ист-* (*порожистый, пушистый*), глаголов с суф. *-и-* (*дружить, калечить, сушить*) и т. д.

Точно так же обстояло дело и в истории иных чередований согласных русского языка, которые, возникнув как фонетическое явление (см. § 82—83), пережили процессы морфологизации.

Сложнее обстоит дело с происхождением чередований гласных. И дело здесь, конечно, не в том, что пути их возникновения и развития были иными, чем это наблюдается в истории чередований согласных, а в том, что чередования гласных сложились в намного более древний период, чем чередования согласных. Как видно, основной ряд чередований гласных сложился еще в общеиндоевропейский период,— не случайно такие чередования обнаруживаются не только в славянских, но и в иных индоевропейских языках.

Как возникли чередования гласных — это вопрос очень сложный. Однако полагают, что первоначальным чередованием является чередование [е] ‖ [о], в котором, вероятно, первой ступенью являлось [е], а [о] возникло в результате позиционного изменения [е].

Что же касается других чередующихся гласных основного ряда, то они представляют собой результаты различных изменений чередования [е] ‖ [о]. Так, [ē] и [а] являются ступенями удлинения [е] и [о] ([ē] > [ĕ], [ō] > [а]), а [ь] — ступенью редукции тех же гласных, возникшей, вероятно, первоначально в безударном

положении. Морфологизация чередований гласных произошла также в очень древнюю эпоху.

Итак, чередования в истории их возникновения проходят такие этапы: „1) звук изменяется в другой звук в определенных фонетических условиях; 2) вследствие позднейших фонетических изменений... отношение между старым и новым звуком перестает быть обусловлено положением; 3) в результате действия аналогии новый звук является и там, где он фонетически никогда не возникал и не мог возникнуть; 4) отношение между старым и новым звуком морфологизуется, т. е. становится показателем определенных различий морфологического порядка" (П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: Морфология.— М., 1953.— С. 19—20).

§ 161. Из сказанного можно установить, что чередования по своему происхождению восходят к разным историческим эпохам. Одни из них возникали еще в общеиндоевропейскую эпоху, другие — в период существования праславянского языка, третьи — в древнерусский период и даже уже после распада древнерусского языка. Поэтому в истории чередований можно обнаружить много изменений: некоторые из них на протяжении истории русского языка утрачивались, некоторые возникали как новые явления, а некоторые подвергались преобразованиям.

Правда, возникновение новых чередований в языке наблюдается очень редко. В области гласных, например, для всего древнерусского языка можно назвать лишь возникновение чередования гласных [о] и [е] с нулем звука, появившееся в результате падения редуцированных. О возникновении этих чередований подробно уже было сказано (см. § 117). В некоторых диалектах возникло еще новое чередование [е] с [о], не связанное со старым чередованием [е] ‖ [о]. Оно наблюдается в корнях глаголов с основой на заднеязычный, типа [п'оку́] — [п'еко́ш], *сте*[р'огу́] — *сте*[р'его́ш] и т. п. Возникновение этого чередования связано с тем, что в подобных говорах произошла аналогическая замена [ч] и [ж] на [к] и [г] под влиянием форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.: вместо [п'еч'о́ш], *сте*[р'еж'о́ш] появились [п'еко́ш], *сте*[р'его́ш] под влиянием [п'оку́], *сте*[р'огу́], [п'оку́т], *сте*[р'огу́т]. В результате этой замены соотношение „[о] перед твердым" — „[е] перед мягким", в котором появление [о] или [е] определялось качеством последующего согласного,— это соотношение оказалось утраченным: наличие [о] или [е] в корне глагола стало определяться не качеством последующего согласного, а формой: в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. выступает [о], а в остальных — [е]. Так возникло новое чередование [о] с [е], характерное для ряда русских диалектов.

В области согласных в истории древнерусского языка развилось чередование твердого согласного с соответствующим мягким ([с] ‖ [с'], [з] ‖ [з'], [т] ‖ [т'], [н] ‖ [н'] и т. д.). Такое чере-

дование возникло в результате изменения [е] в [о], например: [н'есу́] — [н'ес'о́ш], [пл'ету́] — [пл'ет'о́ш], [в'еду́] — [в'ед'о́ш] и т. д. Подобное же чередование наблюдается и при образовании повелительного наклонения, когда на конце слова появляется мягкий согласный в качестве показателя формы (этот мягкий возникает здесь в результате утраты конечного [и]), например: [бу́ду] — [бут'] (из [бу́д'и]), [ста́ну] — [стан'] (из [ста́н'и]) и т. д.

Что касается преобразования чередований, то в этой области можно назвать изменение чередования [ъ] ‖ [ы], [ь] ‖ [и] в чередование [ы] и [и] с нулем звука, возникшее в результате утраты редуцированных. Ср., например, *бърати — събирати, сълати — посылати* и *брати — собирати, слати — посылати.*

Точно так же старое чередование [е] ‖ [о] преобразовалось в чередование „твердый согласный ‖ мягкий согласный", что было вызвано процессом изменения [е] в [о]. Например, вместо чередующихся [е] ‖ [о] в [в'езъ] — [возъ] возникли чередующиеся [в] ‖ [в'] в [в'ос] — [вос]; то же самое в [т'ок] — [ток], [н'ос] — [нос] и т. п.

Разрушение и утрата старых чередований также широко известны в русском языке, особенно в его диалектах. Так, например, произошла утрата чередований [к] ‖ [ц], [г] ‖ [з], [х] ‖ [с] в падежных формах имен существительных в результате аналогического распространения [к], [г], [х] во всех падежах (т. е. вместо *роуцѣ, нозѣ, слоузѣ, моусѣ* и *боци, рози, слоуси* возникли *руке, ноге, слуге, мухе* и *боки, роги, слоухи*). Эта же утрата произошла и в формах повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный: вместо *тьци, пьци, жьзи* возникли *теки, пеки, жги.* Следом этих чередований в русском языке являются форма *друзья,* связанная с *друг,* и слово *князь,* связанное с *княгиня.* В диалектах теряются чередования в глаголах IV класса (типа [т] ‖ [ч], [п] ‖ [пл'] и т. п.), что происходит в результате выравнивания основ: вместо *колотити — колочу, купити — куплю* и т. п. возникает *колотити — колотю, купити — купю* и т. п. Точно так же утрачивается чередование твердого согласного с мягким, что обусловливает появление форм *веду́ — ведо́ш, везу́ — везо́ш* и т. д., а также *пеку́ — пеко́ш, теку́ — теко́ш, берегу́ — берего́ш* и т. д.

Существуют и некоторые иные явления, связанные с утратой старых чередований.

В силу того что в настоящее время еще недостаточно изучен материал письменных памятников различных периодов истории русского языка, ныне трудно установить, когда именно и как шла утрата тех или иных чередований. Однако можно сказать, что в целом древнерусский язык к началу письменности не знал еще чередований гласных с нулем звука и чередований твердого и мягкого согласного, возникших уже в письменный период истории русского языка. Все остальные чередования, возникнув в более древние периоды истории, были унаследованы древнерусским языком и в дальнейшем развитии языка или сохранились, или

подверглись преобразованиям, или, наконец, утратились; причем процессы преобразования и утраты тех или иных чередований проходили несколько по-разному в различных русских диалектах.

ОТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ СЛОВА К ЗВУКОВОМУ СТРОЮ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 162. Если обратиться к эпохе появления первых памятников письменности и посмотреть на характер морфологической структуры слова, то здесь можно увидеть некоторые закономерные отношения этой структуры к звуковому строю древнерусского языка. Эти отношения определяются характером звуковой системы языка, в котором сохранялось действие закона открытого слога. Этот закон, диктовавший необходимость расположения звуков в слоге в порядке возрастающей звучности, определил тот факт, что в древнерусском языке морфологическое членение слова могло *не совпадать с его фонетической структурой*.

Если, например, фонетическая структура слова *лодъка* определялась наличием в нем трех открытых слогов: [ло/дъ/ка], то морфологическое членение этого слова было иным: *лод-ък-а*. Ср. то же самое в таких случаях, как [съ/плě/ту] и *съ-плѣт-оу*, [то/пл'у] и *топл'-у*, [ду/шь/иъ] и *доуш-ьн-ъ* и т. д.

Таким образом, нельзя отождествлять фонетическую, слоговую структуру слов древнерусского языка с их морфологическим членением. Действие закона открытого слога определяло тот факт, что при слогоделении древнерусских слов могло обнаруживаться своего рода „расчленение" морфем, входящих в состав неодноморфемного слова.

ЧАСТИ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 163. Система частей речи в исходной системе древнерусского языка в целом была такой же, что и в современном. В ней полностью были противопоставлены друг другу имя и глагол. В плане содержания они противопоставлялись как класс слов, обозначающих предметы и их признаки, классу слов, обозначающих действие или состояние. В плане выражения они противопоставлялись как слова, имеющие категории рода, числа и падежа, словам, имеющим категории времени, вида, наклонения, лица и числа. При этом общая для имени и глагола категория числа у имен характеризовала их количественную сторону; у глаголов

же формы числа определялись синтаксической связью с носителем действия или признака. Числовые формы одного имени или глагола составляли парадигму одного слова.

Глагольные категории времени, вида, наклонения и лица в плане содержания обозначали отношения действия или состояния к моменту речи (настоящее, прошедшее, будущее время), к его законченности или незаконченности (совершенный — несовершенный вид), к реальности, условности или побудительности (изъявительное, условное и повелительное наклонения), а в плане выражения характеризовались формами словоизменения или словообразования.

В пределах имени были противопоставлены существительное и прилагательное, однако это противопоставление было менее отчетливым, чем в современном языке. Дело в том, что наряду с местоименными (или полными) прилагательными в древнерусском языке были еще именные (или краткие), которые изменялись так же, как существительные. Хотя местоименные прилагательные, так же как и именные, возникли еще в дописьменную эпоху, но все же они возникли позднее именных, и исконно были только краткие прилагательные, которые могли выступать одновременно как существительные без какого-либо изменения формы.

В плане содержания существительные и прилагательные противопоставлялись как названия предметов названиям признаков. В плане выражения они равно характеризовались категориями рода, числа и падежа, но если у существительных эти категории были самостоятельными, то у прилагательных они определялись синтаксической связью с существительными.

В пределах имени выделялись местоимения, обозначавшие указания на лицо или предмет и имевшие специфические особенности в грамматических категориях; эти особенности в древнерусском языке этого периода истории имели личные местоимения 1-го и 2-го лица (у них отсутствовала категория рода) и возвратное (у которого отсутствовали категории рода и числа).

Особенностью древнерусского языка по сравнению с современным было отсутствие числительных как особой части речи, которая есть в современном русском языке (речь идет о количественных числительных). Дело заключается в том, что при наличии в языке слов, выражающих числовые понятия, числительные не выделялись в особый грамматический класс со своими, только им присущими категориями. Названия чисел до *четырех* по грамматическим своим свойствам сближались с прилагательными, а от *пяти* — с существительными (см. § 216). Формирование числительных как особой части речи проходило в исторический период развития русского языка, хотя и в относительно раннюю эпоху.

Наконец, в древнерусском языке были и наречия, но класс этой части речи в XI в. был ограничен, так как формирование наре-

чий в большинстве случаев происходило в относительно позднее время.

Сказанное не означает, что в древнерусском языке состав наречий был ограничен как в отношении их значений, так и в отношении способов их образования. Наоборот, наречия уже в исходной древнерусской морфологической системе могли выражать различную обстоятельственную характеристику действия (место, время, причину, цель и т. д.) и отличаться структурными особенностями — в древнерусском языке были свои, специфические суффиксы, образовывавшие наречия. Однако, вместе с тем на протяжении истории языка класс наречий переживал целый ряд изменений: одни из них были утрачены, но главное — возникали новые наречия, образовывавшиеся новыми способами и, вероятно, на базе иных частей речи. Вот эти вопросы: как возникали наречия в истории русского языка, какие части речи лежали в основе этих наречий, какими способами и с помощью каких средств образовывались новые наречия — эти вопросы остаются во многом еще не решенными, спорными, дискуссионными. Разные ученые предлагают различные их решения, однако проблема истории формирования русских наречий еще требует новых разысканий.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ворковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка.— М., 1965.— С. 171—185.

Кузнецов П. С. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке // Известия Отделения литературы и языка АН СССР.— 1952.— Т. 11.— Вып. 1; Чередования в общеславянском языке-основе // Вопросы славянского языкознания.— Вып. 1.— М., 1954. Историческая грамматика русского языка: Морфология.— М., 1953. С.— 17—29.

ИСТОРИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 164. Именам существительным древнерусского языка в его исходной системе были свойственны в целом те же категории, какие присущи им и в современном языке, т. е. категории рода, числа и падежа. Однако только первая категория, определявшая распределение существительных по трем родам — мужскому, женскому и среднему, была в древнерусском языке в принципе такой же, как и теперь. Что же касается категории числа, то в отличие от современного русского языка в древнерусскую эпоху различались не два — единственное и множественное, а три числа, ибо существовало еще и двойственное число. Наконец, кроме шести падежных форм, т. е. именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и местного (современного предложного) падежей, была еще звательная форма, имевшая, правда, особые флексии не во всех числах и не у всех существительных.

На протяжении развития русского языка происходили различные изменения в формах выражения грамматических категорий, постепенно ведущие к установлению тех форм, какие наблюдаются в современном языке. Однако все же наибольшим изменениям в истории имен существительных подверглись типы склонения, имевшие в древности иной характер по сравнению с современным русским языком.

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 165. Характерной особенностью склонения существительных в древнерусском языке к эпохе начала письменности являлась его многотипность. Многотипность склонения выражалась в том, что одни и те же падежи у разных существительных имели разные окончания, причем многообразие окончаний было более обширным, чем в современном языке. Эта многотипность является особенностью, унаследованной древнерусским языком (как и другими славянскими языками) из праславянского и далее из индоевропейского языка. Если говорить точнее, система склонения существительных, которая в основных своих чертах выступает в древнерусском языке к началу письменности, сложилась в общеиндоевропейскую эпоху и полностью была унаследована праславянским языком, где начала переживать определенные изменения. Сущность этой системы заключалась в том, что все сущест-

вительные делились на ряд классов, каждый из которых имел особенности в склонении. Таких классов в индоевропейском языке было шесть (или, как иногда считают, пять). В ранний период праславянского языка, унаследовавшего эти классы, каждый класс характеризовался последним звуком основы. С этой точки зрения имена делились на два класса: один — с основой на согласный, другой — с основой на гласный, причем последний распадался на ряд разрядов в зависимости от того, на какой гласный оканчивалась основа. Именно это деление существительных и установление типов склонения по основам принято в исторической морфологии для древнерусского языка, в системе склонения существительных которого выделяют следующие шесть (или пять) типов.

Существительные с основой на *ŏ* (или слав. *о*),

„ „ на *ŭ* („ *ъ*),
„ „ на *ā* („ *а*),
„ „ на *ĭ* („ *ь*),
„ „ на согласный.

Шестой тип — на *ū* (или слав. *ы*) — принимается не всеми лингвистами. Это связано с тем, что существительные, склонявшиеся по данному типу, имели в единственном числе такие же окончания, что и в основах на согласный, а во множественном — что и в основах на *ā*.

§ 166. По типу склонения на *ŏ* изменялись существительные мужского и среднего рода, имевшие в имен. пад. ед. ч. окончания [ъ] или [о] после твердых согласных и [ь] или [е] — после мягких. Таким образом, в этом склонении различались две разновидности — твердая и мягкая (т. е. исконно основы на *ŏ* и *jŏ*). К словам, изменявшимся по типу основ на *ŏ*, относились, например, такие, как *родъ, столъ, вълкъ* и *конь, моужь, старьць* (муж. р.), *село, озеро, окъно* и *поле, море, лице* (ср. р.). К словам этого же типа склонения принадлежали и имена существительные муж. р. на [ц]: *краи, розбои* и т. п.

По типу склонения на *ŭ* изменялось несколько существительных мужского рода, имевших в имен. пад. ед. ч. окончание [ъ] после твердых согласных. К этим существительным относились слова *сынъ, домъ, вьрхъ, волъ, полъ* (в значении „половина"), *ледъ, медъ*, возможно, *рѧдъ, даръ, чинъ, пиръ* и некоторые другие.

К типу склонения с основой на *ā* принадлежали существительные жен. р., оканчивавшиеся в имен. пад. ед. ч. на [а] или ['а] в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного. Таким образом, в этом типе склонения, так же как и в основах на *ŏ*, были твердая и мягкая разновидности (т. е. исконно основы на *ā* и *jā*). К словам данного типа склонения относились, например, существительные *сестра, жена, нога* и *землѩ, волѩ, доуша, строуѩ* и т. д. Сюда же относились и некоторые существительные муж. р. на [а] ([ˈа]): *слоуга, воевода, юноша* и т. п. Кроме того, по мягко-

му варианту этого склонения изменялись и некоторые существительные муж. р. с окончанием [ии] (*соудии, кърмчии*) и жен. р. на *-ыни* (*кънѧгыни, рабыни* и др.).

По типу склонения с основой на *ĭ* изменялись слова муж. и жен. р., имевшие в имен. пад. ед. ч. окончание [ь], причем у существительных муж. р. перед этим [ь] выступал полумягкий согласный, а у существительных жен. р.— как полумягкий, так и исконно мягкий. Именно наличием полумягкого, а не исконно мягкого согласного перед конечным [ь] отличались в имен. и вин. пад. ед. ч. слова муж. р., склонявшиеся по основам на *ĭ*, от слов того же муж. р., относившихся к слонению с основой на *ŏ* мягкого варианта. К данному типу склонения относились такие существительные муж. р., как *поуть, тьсть, голоубь, медвѣдь, гвоздь, огнь, гъртань, степень, печать* (часть из которых в современном русском языке относится к жен. р.), и такие существительные жен. р., как *кость, вьсь* („деревня"), *ночь, ръжь* и т. п.

К склонению с основой на согласный относились слова всех трех родов — мужского, женского и среднего, причем в имен. пад. ед. ч. здесь выступали разные окончания. Во-первых, слова муж. р., относившиеся к данному типу склонения, имели окончание [ы]: *камы* („камень"), *ремы* („ремень"), *пламы* („пламень"); однако сюда же принадлежали и слова *дьнь, корень*. Во-вторых, в этот тип склонения входили два слова жен. р. с окончанием в имен. пад. ед. ч. [и]: *мати, дъчи*. В-третьих, слова среднего рода этого типа могли оканчиваться на [о], например: *слово, тѣло, чудо, небо, око, оухо*, и на ['а] (из [ä] < [ę]), например: *имѧ, веремѧ, сѣмѧ* или *телѧ, осьлѧ, козьлѧ*.

Наконец, к склонению с основой на *ŭ* принадлежало несколько существительных жен. р. с окончанием в имен. пад. ед. ч. [ы]: *свекры* („свекровь"), *цьркы* („церковь"), любы („любовь"), *кры* („кровь"), *мъркы* („морковь"), *тыкы* („тыква"), *боукы* („буква") и некоторые другие. Предполагают, что по этому склонению первоначально могло изменяться и *Москы* — „Москва". (Форма имен. пад. этого слова в памятниках не засвидетельствована.)

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 167. Имена существительные в древнерусском языке склонялись по нижеприведенным образцам.

I. Существительные с основой на *ŏ*

Единственное число

И.	родъ	вълкъ	конь	лѣто	море
Р.	рода	вълка	коня	лѣта	моря
Д.	родоу	вълкоу	коню	лѣтоу	морю
В.	родъ	вълкъ	конь	лѣто	море
Т.	родъмь	вълкъмь	коньмь	лѣтъмь	морьмь

М.	родѣ	вълцѣ	кони	лѣтѣ	мори
Зв.	роде	вълче	коню	лѣто	море

Множественное число

И.	роди	вълци	кони	лѣта	моря
Р.	родъ	вълкъ	конь	лѣтъ	морь
Д.	родомъ	вълкомъ	конемъ	лѣтомъ	моремъ
В.	роды	вълкы	конѣ	лѣта	моря
Т.	роды	вълкы	кони	лѣты	мори
М.	родѣхъ	вълцѣхъ	конихъ	лѣтѣхъ	морихъ

Двойственное число

И.-В.	рода	вълка	коня	лѣтѣ	мори
Р.-М.	родоу	вълкоу	коню	лѣтоу	морю
Д.-Т.	родома	вълкома	конема	лѣтома	морема

II. Существительные с основой на *й*

Единственное число

И.	медъ	вьрхъ
Р.	медоу	вьрхоу
Д.	медови	вьрхови
В.	медъ	вьрхъ
Т.	медъмь	вьръхмь
М.	медоу	вьрхоу
Зв.	медоу	вьрхоу

Множественное число

И.	медове	вьрхове
Р.	медовъ	вьрховъ
Д.	медъмъ	вьрхъмъ
В.	меды	вьрхы
Т.	медъми	вьрхъми
М.	медъхъ	вьрхъхъ

Двойственное число

И.-В.	меды	вьрхы
Р.-М.	медовоу	вьрховоу
Д.-Т.	медъма	вьрхъма

III. Существительные с основой на *ā*

Единственное число

И.	сестра	роука	воля	доуша	дѣвица
Р.	сестры	роукы	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Д.	сестрѣ	роуцѣ	воли	доуши	дѣвици
В.	сестроу	роукоу	волю	доушю	дѣвицю
Т.	сестрою	роукою	волею	доушею	дѣвицею
М.	сестрѣ	роуцѣ	воли	доуши	дѣвици
Зв.	сестро	роуко	воле	доуше	дѣвице

Множественное число

И.	сестры	роукы	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Р.	сестръ	роукъ	воль	доушь	дѣвиць
Д.	сестрамъ	роукамъ	волямъ	доушамъ	дѣвицамъ
В.	сестры	роукы	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Т.	сестрами	роуками	волями	доушами	дѣвицами
М.	сестрахъ	роукахъ	волахъ	доушахъ	дѣвицахъ

Двойственное число

И.-В.	сестрѣ	роуцѣ	воли	доуши	дѣвици
Р.-М.	сестроу	роукоу	волю	доушоу	дѣвицю
Д.-Т.	сестрама	роукама	волама	доушама	дѣвицама

IV. Существительные с основой на *ĭ*

Единственное число			*Множественное число*		
И.	огнь	ночь	И.	огние (-ьє)	ночи
Р.	огни	ночи	Р.	огнии (-ьи)	ночии (-ьн)
Д.	огни	ночи	Д.	огньмъ	ночьмъ
В.	огнь	ночь	В.	огни	ночи
Т.	огньмь	ночию (-ью)	Т.	огньми	ночьми
М.	огни	ночи	М.	огньхъ	ночьхъ
Зв.	огни	ночи			

Двойственное число

И.-В.	огни	ночи
Р.-М.	огнию (-ью)	ночию (-ью)
Д.-Т.	огньма	ночьма

V. Существительные с основой на согласный

Единственное число

И.-Зв.	камы	сѣмѧ	коло	осьлѧ	дъчи
Р.	камене	сѣмене	колесе	осьлѧте	дъчере
Д.	камени	сѣмени	колеси	осьлѧти	дъчери
В.	камень	сѣмѧ	коло	осьлѧ	дъчерь
Т.	каменьмь	сѣменьмь	колесьмь	осьлѧтьмь	дъчерьмь
М.	камене	сѣмене	колесе	осьлѧте	дъчере

Множественное число

И.	камене	сѣмена	колеса	осьлѧта	дъчери
Р.	каменъ	сѣменъ	колесъ	осьлѧтъ	дъчеръ
Д.	каменьмъ	сѣменьмъ	колесьмъ	осьлѧтьмъ	дъчерьмъ
В.	камени	сѣмена	колеса	осьлѧта	дъчери
Т.	каменьми	сѣменьми	колесьми	осьлѧтьми	дъчерьми
М.	каменьхъ	сѣменьхъ	колесьхъ	осьлѧтьхъ	дъчерьхъ

Двойственное число

И.-В.	камени	сѣмени	колеси	осьлѧти	дъчери
Р.-М.	каменоу	сѣменоу	колесоу	осьлѧтоу	дъчероу (-ню)
Д.-Т.	каменьма	сѣменьма	колесьма	осьлѧтьма	дъчерьма

VI. Существительные с основой на ŭ

Единственное число			*Множественное число*		
И.-Зв.	боукы	свекры	И.	боукъви	свекръви
Р.	боукъве	свекръве	Р.	боукъвъ	свекръвъ
Д.	боукъви	свекръви	Д.	боукъвамъ	свекръвамъ

В.	боукъвь	свекръвь	В.	боукъви	свекръви
Т.	боукъвию (-ью)	свекръвню (-ью)	Т.	боукъвами	свекръвами
М.	боукъве	свекръве	М.	боукъвахъ	свекръвахъ

Двойственное число

И.-В.	боукъви	свекръви
Р.-М.	боукъвоу	свекръвоу (-ню)
Д.-Т.	боукъвама	свекръвама

§ 168. Рассматривая парадигмы склонения имен существительных в древнерусском языке, как они были приведены выше, нетрудно убедиться, что классификация типов склонения по так называемым основам носит для этого языка чисто условный характер, ибо речь идет не о живых основах, т. е. таких, которые выступают реально при изменении слов, а о доисторической основе, восстанавливаемой для индоевропейской и самой ранней праславянской эпох. Если обратиться к общеиндоевропейскому языку, как он восстанавливается сравнительной грамматикой, то система склонения, например, слов типа *жена* < **genā* представляется в следующем виде:

И.	**genā*	(чистая основа)
Р.	**genās*	(окончание *-s*)
Д.	**genāi*	(окончание *-i*)
В.	**genām*	(окончание *-m*)
М.	**genāi*	(окончание *-i*) и т. д.

По этой парадигме можно установить, что в общеиндоевропейском языке здесь действительно выступала основа на гласный *ā*. Однако в таком виде склонение слов данного типа (как и других), когда основа реально выступала как живая категория, в праславянском языке могло существовать лишь в раннюю эпоху его истории, т. е. до начала действия закона открытого слога и связанных с ним явлений. Когда в праславянский период начал действовать закон открытого слога, основы на гласный исчезли: конечные согласные, создававшие закрытый слог, утратились, а дифтонги и дифтонгические сочетания монофтонгизировались; произошло переразложение основы, и гласный, «сигнализировавший» основу, отошел к окончанию, а основа стала оканчиваться на согласный звук.

Так, из **genā* возникло о.-слав. *žena*, др.-русск. *жена*

из **genās* „ „ *ž'enу* (*ās* > *y*), др.-русск. *жены*

из **genāi* „ „ *ž'eně*) (*āi* > *ě*), др.-русск. *женѣ*

из-**genām* „ „ *ž'enǫ* (*ām* > *ǫ*), др.-русск. *женоу*

Славянская парадигма показывает, что *a* в имен. пад. стало не показателем основы, а окончанием; основа же стала оканчи-

ваться на согласный звук. Следовательно, по существу, в позднюю праславянскую эпоху существительные имели основы на твердый или мягкий согласный, а не на гласный. Таким образом, если генетически, с точки зрения происхождения, слова **stolŏs* и **sūnŭs* имели основы на **ŏ* и **ŭ*, то уже в праславянском языке *столъ* и *сынъ* представляли основу на твердый согласный; если слово **konjŏs* имело генетически основу на **jŏ*, т. е. это была мягкая разновидность основ на *ŏ*, то праславянское *конь* — основу на мягкий согласный.

Поэтому установить первоначальную основу в праславянских, а тем самым и в древнерусских существительных можно лишь путем привлечения данных других индоевропейских языков. Так, основа **ŭ* в слове *сынъ* устанавливается при сравнении этого слова с санскр. *sūnuš*, лит. *sūnús*; основа **ā* в *роука* — при сравнении с лит. *ranká*; основа *ĭ* в *огнь, ночь* — при сравнении с лат. *ignis*, санскр. *agniš* или лат. *nox, noktis*, лит. *naktìs*; основа **ū* в *свекры* — при сравнении с санскр. *çvaçrūš*.

Преобразованиям подверглись и исконные основы на согласный, однако их реконструкция менее сложна, так как полное их изменение обнаруживается лишь в имен. и вин. пад. ед. ч. у существительных среднего рода и в имен. пад. ед. ч. существительных мужского и женского рода. Поэтому основа **-men* в *сѣмѧ* устанавливается только при сравнении с лат. *sēmen*, а **-ter* в *мати* — с лат. *mater*. В других же падежах склонения слов с исконной основой на согласный эта основа устанавливается достаточно легко (см. § 170).

§ 169. Однако, несмотря на описанные изменения, прошедшие еще в праславянскую эпоху, в древнерусском языке начального письменного периода исконные типы склонения все же еще сохранились, ибо у каждого из этих типов была своя система падежных окончаний и в каждый из них входила своя группа слов, склонявшаяся по данному типу. Если, например, в словах *столъ* и *сынъ* уже не было разных основ — на **ŏ* и на **ŭ*, а была одна основа — на твердый согласный, то система падежных окончаний у них была различна.

Ср.: Р.	*стола*	*сыноу*
Д.	*столоу*	*сынови*
М.	*столѣ*	*сыноу*
Зв.	*столе*	*сыноу* и т. д.

Поэтому можно говорить о сохранении (хотя и в преобразованном виде) индоевропейского характера первоначальной славянской системой склонения существительных. В древнерусском языке это преобразование пошло еще дальше, так как возникло взаимовлияние разных типов склонений и внутри одного склонения — между его твердой и мягкой разновидностями (в бывших основах на **ŏ* и на **ā*). В процессе этого взаимодействия возникало качественное преобразование старых типов, которое состояло

в том, что прежняя система окончаний, характерная для определенной группы слов, отрывалась от этой лексической среды и проникала в другие группы слов, что приводило к утрате определенных типов склонения.

§ 170. Однако, прежде чем рассматривать конкретные процессы распадения старых типов, следует разобраться в том, каким образом возникли эти типы склонения существительных, какой признак лежал в распределении имен по основам. Необходимо учесть, что первоначально распределение имен по типам склонения в соответствии с конечным звуком основы не имело отношения к делению слов по родам — мужскому, женскому, среднему. Это ясно можно видеть даже по составу слов, входивших в тот или иной тип склонения в древнерусском языке. Так, уже говорилось, что в склонение с основой на согласный входили существительные мужского, среднего и женского рода; в склонение с основой на *ĭ — слова мужского и женского рода; в склонение слов с основой на *ŏ — слова мужского и среднего рода. Таким образом, признак родовой принадлежности исконно не лежал в основе распределения имен по типам склонения. В основе этого распределения находился семантический признак. Предполагают, что конечные звуки основы исконно являлись некогда живыми, но потерявшими свое значение словообразовательными суффиксами, так называемыми корневыми определителями или детерминативами. Каждый такой суффикс, детерминатив, обусловливал вхождение тех или иных слов в определенный тип по тому, какое значение имели те или иные слова, т. е. а каждый данный тип входили слова, родственные по значению. Однако эти детерминативы еще в далеком прошлом потеряли свое значение, что вызвало вхождение многих новых образований в первоначальные типы. С утратой этого живого характера детерминативов связан и переход некоторых образований из одного типа в другой.

Все это привело к тому, что первоначальные отношения были утрачены, и теперь трудно вскрыть исконные значения детерминативов. Однако некоторые возможности в этом плане есть. Так, по-видимому, можно полагать, что суффикс основы *-*ter* объединял слова, обозначающие лиц, находящихся в близком родстве. Если в древнерусском языке с этим суффиксом выступают только два слова — *мати* и *дъчи*, то исконно, как видно, сюда входило большее количество слов. Этот суффикс легко восстанавливается не только в **mater*, **dŭkter*, но и в словах *сестра* (ср. нем. *Schwester*) и *брат* (ср. лат. *frater*, нем. *Bruder*, ст.-слав. братръ), а также в лат. слове *pater* — „отец". Слова с суффиксом основы *-*ent* обозначали детенышей, молодых животных: *теля* (< **telent*), *осьля*, *гъня*, *козьля*, *щеня*, *поросѧ*, *дѣтѧ*. В словах с основой на *ŭ* можно выделить названия плодов (*тыкы*, *мъркы*, *смокы*) и слова, обозначающие родство (*свекры*, *ятры* — жена брата мужа, *золы* — зо-

ловка — сестра мужа); в склонении с основой на *ĭ* обнаруживается группа слов, обозначающих диких животных и птиц: *медвѣдь, рысь, лось, звѣрь, гоусь, голоубь, лебѧдь* и т. п. Но все это, конечно, очень слабые следы старых, разрушенных, затемненных отношений.

Итак, первоначально деление слов по типам склонения складывалось на основе семантического признака и не имело отношения к роду. Как видно, начало изменению типов склонения было положено влиянием родовой дифференциации слов; иначе говоря, на старое деление слов по основам стало накладываться новое — деление слов по родам. Как возникла родовая дифференциация — это вопрос неясный. Возможно, однако, считать, как предполагал Якубинский, что категория рода является новой в индоевропейских языках и что первоначально она находила свое выражение в противоположности двух родов: одушевленного, или личного, и неодушевленного, или вещественного. Возможно, что возникновение этих двух родов было связано с появлением представления о двух началах: о личном (социально и производственно активном) и о неличном, пассивном, вещественном. Неодушевленный, или вещественный, род положил начало среднему роду, а в одушевленном постепенно развивалась противоположность мужского и женского рода.

Если, как говорилось, первоначально типы склонения не были связаны с родовой дифференциацией слов, то под влиянием развивающейся категории рода слова первоначально одного типа переходят в иные типы. Так, например, слово *братъ* из основ на согласный (ср. лат. *frater*) переходит в основы на *ŏ*, а *сестра* (ср. нем. *Schwester*) — в основы на *ā*. В результате этого процесса в целом оказалось, что, скажем, в основах на *ā* сосредоточивались слова только женского рода (за исключением слов с основой на *ā*, обозначающих лиц мужского пола, типа *воевода, соудья, юноша*); в основах на *ŭ* — мужского рода; в основах на *ū* — женского рода; в склонение с основой на *ŏ* совершенно не входят имена женского рода (хотя старое „безразличие" к роду сохранялось вполне отчетливо). Этот процесс начинается еще в дописьменную эпоху и особенно интенсивно идет уже в эпоху письменных памятников. Он дал толчок к перераспределению слов по типам склонения, а в дальнейшем — к разрушению типов склонения по основам и к возникновению новых типов склонения.

Воздействие родовой дифференциации слов на более древнее деление их по основам ярко сказывается и в отношении падежных форм к роду. Это обнаруживается в том, что существительные определенного рода имеют характерные особенности в образовании отдельных падежных форм, не свойственные именам другого рода. Так, например, существительные ср. р. любого типа склонения всегда имеют одинаковую форму имен. и вин. пад. ед. и мн. ч. (ср. ед. ч. имен. и вин. пад. *село, слово, имѧ, телѧ*, мн. ч.

села, словеса, имена, телѧта); если у существительных жен. р. различаются формы имен. и вин. пад. ед. ч. и не различаются эти же формы во мн. ч. (ср. имен. пад. *сестра, волѧ* — вин. пад. *сестроу, волю*, но во мн. ч. имен. и вин. пад. *сестры, волѣ*), то у слов муж. р., наоборот, совпадают формы имен. и вин. пад. в ед. ч. и различаются во мн. ч. (ср. ед. ч. имен. и вин. пад. *рабъ, столъ, конь*, но во мн. ч. имен. пад. *столи, раби, кони* — вин. пад. *столы, рабы, конѣ*). В твор. пад. ед. ч. существительные муж. и ср. р. любого склонения всегда имеют окончание [мь] (кроме редких слов типа *слоуга*), слова же жен. р.— окончание [ју] (ср. *рабъмь, столъмь, сынъмь, поутьмь, каменьмь* и *сестрою, землею, костию, дъчерию, свекръвию*) и т. д. Таким образом, между родовой принадлежностью и падежными формами в древнерусском языке наблюдались совершенно определенные связи.

К разрушению старых типов склонения вело и упоминавшееся уже переразложение основ существительных, связанное с явлениями конца слова и действием закона открытого слога. Когда, например, в имен. пад. были формы **stolŏs* и **sūnŭs*, то здесь были разные основы и не было почвы для сближения двух разных типов склонения; но когда возникло *столъ* и *сынъ*, равно имеющие [ъ] в конце после твердого согласного в имен. пад., да еще к тому же слова одного мужского рода, тогда ослабла возможность сохранять старое различие типов склонения, но появилась возможность их с б л и ж е н и я, а в конечном счете — и утраты одного из них.

ИСТОРИЯ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 171. История склонения имен существительных заключается в том, что на протяжении развития древнерусского языка вместо шести типов склонения установилось три типа, объединяющих существительные, ранее распределенные по разным склонениям. Однако процесс разрушения старой системы склонения существительных и возникновения новой был не простым, а очень сложным, включавшим в себя ряд важных моментов в з а и м о д е й с т в и я р а з н ы х т и п о в с к л о н е н и я. Прежде всего следует отметить, что после переразложения индоевропейских основ различия в окончаниях падежных форм разных типов склонения существительных оказались только историческими, ибо они не мотивировались наличием разных основ. К тому же существительные, имевшие разные падежные окончания, в то же время могли принадлежать одному грамматическому роду. Это последнее обстоятельство обусловливало тот факт, что определяющие то или иное существительное прилагательные или местоимения, согласованные с ним по роду, оказывались одинаковыми по форме, независимо от того, какое падежное окончание было

у данного существительного. Это толкало к сближению существительных разных типов склонения, относящихся к одному роду. Вполне очевидно, что скорее всего такое сближение осуществлялось в том случае, если существительные уже совпали по форме в отдельных падежах, особенно в именительном единственного числа, и если наблюдалось совпадение в характере основы этих существительных (односложность или многосложность ее), в их акцентной характеристике и т. д. Сближение существительных разных типов склонения в конечном счете вело к утрате одних из этих типов и к переходу слов, относившихся ранее к таким типам, в тот тип, какой оказался более устойчивым.

Утрата того или иного типа склонения обусловливалась относительной степенью продуктивности: в процессе сближения и взаимодействия победу мог одержать и одерживал более продуктивный тип по сравнению с менее продуктивным. Но утрата того или иного типа склонения не проходила в древнерусском языке таким образом, что этот утраченный тип исчезал совершенно бесследно: в русском языке всегда можно обнаружить определенные следы ранее существовавшего склонения.

§ 172. Утрата склонения с древней основой на *й*. Если обратиться к конкретным процессам истории склонения существительных в русском языке, то прежде всего следует указать на утрату склонения с бывшей основой на *й* (или *ъ*). Этот тип склонения был непродуктивным, ибо к нему относилось всего несколько слов мужского рода (см. § 166). Склонение с основой на *й* рано вступило во взаимодействие с твердой разновидностью склонения с основой на *ŏ*, куда относилось подавляющее большинство слов мужского рода, имевших в имен. пад. ед. ч. окончание [ъ] после твердого согласного. Первоначально процесс сближения этих двух склонений носил характер именно взаимодействия, взаимовлияния. Это обусловило появление в памятниках форм слов бывшего склонения на *й* с окончаниями, свойственными основам на *ŏ*, и наоборот — появление форм слов бывшего склонения на *ŏ* с окончаниями, свойственными основам на *й*. Так, с одной стороны, можно встретить формы род. пад. ед. ч. *сына* и дат. пад. *сыноу* вместо исконных *сыноу* (род. пад.), *сынови* (дат. пад.), а с другой — род. пад. *льноу* вместо исконного *льна*. Так, в памятниках письменности обнаруживается: род. пад. на [а] у слов с основой на *й*: *меда* (Панд. Ант. XI в.), *вола* (Лавр. лет.), *без вьрха* (Хожд. игум. Даниила); род. пад. на [у] у слов с основой на *ŏ*: *отъ льноу* (Изб. 1073 г.), *свѣтоу* (Мин. 1096 г.); дат. пад. на [ови] у слов этого же типа: *мастерови* (Смол. гр. 1229 г.), *богови* (Арх. ев.) и даже *Георгиеви* (Мстис. гр. 1130 г.), *Игореви* (Лавр. лет.); дат. пад. на [у] у слов с основой на *й*: *сыноу* (Мстис. гр. 1130 г.); местн. пад. на [ě] у слов с основой на *й*: *вьрсѣ* („наверху", Гр. кн. Вас. Дм. 1399 г.) и на [у] у слов с основой на *ŏ*: *на търошкоу* (Новг. лет.), *на търгоу* (Рус. Пр.) и т. д.

Однако процессы взаимовлияния все-таки окончились установлением единого типа склонения, т. е. утратой одного из двух взаимодействующих склонений. Этим единым типом склонения явился тип, восходящий к бывшим основам на *ŏ*, как более продуктивный и устойчивый. Победа склонения с бывшей основой на *ŏ* реально означала то, что слова, ранее склонявшиеся по основам на *ĭ*, получили окончания, свойственные типу основ на *ŏ*. Таким образом, особого типа склонения с основой на *ĭ* в русском языке не стало.

Однако исчезновение этого типа склонения не означает полного отсутствия всяких следов его былого существования; наоборот, в современном русском языке есть целый ряд фактов, свидетельствующих как о наличии в прошлом склонения с основой на *ĭ*, так и о его достаточно сильном воздействии на склонение существительных мужского рода.

Прежде всего следует заметить, что взаимодействие основ на *ŏ* и *ĭ* ранее всего отразилось в форме твор. пад. ед. ч., где исконно в славянских языках окончанием было [мь] как в основах на *ŏ*, так и в основах на *ĭ*. С переразложением основ окончанием твор. пад. ед. ч. в основах на *ŏ* стало [омь], а в основах на *ĭ* — [ъмь] (*столомь*, но *сынъмь*). Так это зафиксировано в памятниках старославянского языка. Однако в древнерусском языке окончание [омь] в бывших основах на *ŏ* очень рано, во всяком случае задолго до падения редуцированных, заменилось окончанием [ъмь] под влиянием основ на *ĭ*. Этот факт доказывается определенными явлениями в украинском языке. В нем, как известно, исконные звуки [о] и [е], попадая в положение закрытого слога после падения редуцированных, приобретали долготу, а далее дифтонгизировались и в конечном счете изменились в [и] (ср.: *конь* — укр. *кінь; печь* — укр. *піч*, см. § 111); однако в твор. пад. ед. ч. этого не произошло, и в украинском языке в этой форме произносится [о]: *столом, дубом*, что указывает на наличие в эпоху падения редуцированных в твор. пад. окончания не [омь], а [ъмь]. Форма твор. пад. ед. ч. на [ъмь] — это наиболее ранний факт влияния со стороны бывших основ на *ĭ* на основы на *ŏ*. Однако такое влияние не ограничилось указанным фактом,— оно проявилось шире и отчетливее в других формах склонения слов мужского рода.

§ 173. Это влияние сказывается на форме род. пад. ед. ч., где исконно у слов с основой на *ŏ* было окончание [а], а у слов с основой на *ĭ* — окончание [у] (*стола*, но *сыноу*). В целом форма род. пад. теперь имеет окончание [а] — оно выступает и в словах с бывшей основой на *ŏ*, и в словах с бывшей основой на *ĭ*. Однако наряду с окончанием [а] в род. пад. существует и окончание [у], по происхождению восходящее к форме основ на *ĭ*. Особенно широко окончание [у] было распространено в русском языке XVIII в. Известно, что М. В. Ломоносов даже

разграничивал области употребления этих двух окончаний с точки зрения стилистической, полагая окончание [а] принадлежностью „высокого штиля", а [у] — „низкого". В современном русском языке окончание [у] более ограничено в своем употреблении, однако вполне закономерно в определенных случаях: род. пад. на [у] употребляется в значении родительного части, например *кусок сахару* (но *белизна сахара*), *стакан чаю* и т. п.; в сочетании с предлогом *из*, например *из лесу, из дому*, а также в некоторых сочетаниях типа *много шуму, мало народу*. В русских говорах форма род. пад. на [у] распространена значительно шире: она может охватывать и существительные муж. р. одушевленные (например, *без отцу́, у бра́ту*), и слова ср. р. (*от ста́ду, до не́бу* и т. п.). Таким образом, современная форма род. пад. ед. ч. с окончанием [у] обязана своим возникновением наличию в прошлом особого, позже утратившегося типа склонения.

Точно так же обстоит дело и с формой бывшего местного, теперь предложного, падежа, где исконным окончанием в словах с основой на *ŏ* был [ě] (ѣ), а в словах с основой на *ĭ* — [у] (*о столѣ*, но *о сыноу*). Опять-таки в целом форма предл. пад. в современном языке имеет окончание [е], восходящее к древнерусскому [ě], которое выступает и в бывших основах на *ĭ*. Однако наряду с ним в предл. пад. выступает и окончание [у], по происхождению восходящее к форме основ на *ĭ*. Правда, в литературном языке появление окончания [у] ограничено неодушевленными словами мужского рода, однако в говорах русского языка, особенно в южновеликорусских, это окончание может распространяться и на одушеаленные существительные (вроде *об отцу, на быку*), и на слова ср. р. (например, *на окну, на крыльцу*). Формы с окончанием [у] выступают в пространственном значении (например, *в саду, в лесу, на береву, на дому*; ср. еще диал. *в городу, на острову*) и реже во временном (например, *в году*).

Надо сказать, что если в современном русском языке появление окончания [у] ограничено ударностью слога, то это ограничение установилось, как видно, относительно поздно: еще в XVII в. о́кончание [у] могло быть и без ударения. Так, например, в Уложении 1649 г.: *в гра́бежу, в котором го́ду* и т. п.

Вместе с тем в русском языке существуют и параллельные формы предл. пад. на [е] и [у] от одних и тех же слов, например *я разбираюсь в лесе* и *я заблудился в лесу, врач принимает на дому* и *он рассказывает* о *доме* и т. д.

Наконец, ярким следом былого склонения с основой на *ĭ* является современная форма род. пад. мн. ч. Дело в том, что исконная форма этого падежа в продуктивном склонении с основой на *ŏ* оказалась „невыразительной", ибо она совпадала с формой имен. пад. ед. ч. (ср. имен. пад. ед. ч. *столъ* и род. пад. мн. ч. *без столъ* — „без столов"); в то же время в склонении с основой на *ĭ* род. пад. мн. ч. оканчивался на [овъ] (*сыновъ, домовъ*), т. е. здесь была особая форма, не совпадавшая ни с

какой иной формой склонения. Как видно, это обстоятельство повлияло на то, что в род. пад. мн. ч. при взаимодействии основ на *ŏ* и на *ĭ* укрепилась в конце концов форма с окончанием [ов], восходящая к род. пад. мн. ч. основ на *ĭ*. Формы на [ов] (после мягких [ев]) отмечаются в памятниках очень рано: *вождевъ* (Изб. 1076 г.), *дълговъ* (Златостр. XII в.). Именно окончание [ов] в данной форме стало основным, тогда как формы род. пад. мн. ч., равные имен. пад. ед. ч., сохранились лишь в отдельных, в общем редких, случаях: такая форма есть у слов, обозначающих парные предметы (вроде *без сапог, без чулок*), а также в некоторых иных случаях, по существу очень ограниченных.

Итак, в результате сближения бывших основ на *ĭ* с твердой разновидностью основ на *ŏ* первый тип склонения как особый исчез в русском языке, сохранив лишь определенные следы в отдельных падежных формах.

§ 174. Переход слов мужского рода из основ на *ĭ* в основы на *ŏ* мягкого варианта. Частичному разрушению подверглось и старое склонение с основой на *ĭ* (или *ь*), куда относились слова муж. и жен. р. (см. § 166). Это разрушение выразилось в том, что слова мужского рода, относившиеся к данному склонению, попали под влияние склонения слов с бывшей основой на *ŏ* мягкой разновидности. Влияние со стороны слов типа *конь, кънѧзь, моужь* и т. п. на слова типа *голоубь, тьсть, огнь* и т. п. отмечается в памятниках очень рано: род. пад. ед. ч. *огнѧ* (Новг. мин. 1097 г.), *татѧ* (Смол. гр. 1229 г.), *оу тестѧ* (Ипат. лет.), *гостѧ* (Новг. гр. 1317 г.), местн. пад. ед. ч. *въ огнѧ* (Лавр. лет.), дат. пад. *ко зѧтю* (Ипат. лет.), *гостю* (Полоц. гр. 1284) и т. д. Во всяком случае, старые падежные формы основ на *ĭ* мужского рода в XIII—XIV вв. сохраняются в какой-то мере лишь в словах *поуть, тесть, зѧть, гость;* ср., например, *от тести* (Лавр. летоп.), *къ зѧти* (Ипат. лет.) и т. п. Однако и здесь иногда проскальзывают уже новые формы; например, в Рязанской кормчей отмечается форма *отъ путѧ* вместо *отъ пути*. Впрочем, надо иметь в виду, что переход существительных мужского рода с основой на *ĭ* в основы на *jŏ* не мог начаться ни в праславянском, ни в раннем древнерусском языке, ибо сближению этих двух категорий слов мешало прежде всего различие в форме имен. пад. ед. ч. Это различие выражалось в том, что если форма имен. пад. ед. ч. основ на *ŏ* имело перед окончанием [ь] исконно мягкий согласный, то эта же форма у старых основ на *ĭ* имела перед конечным [ь] полумягкий согласный (см. § 166). Такое различие в качестве (полумягкости или мягкости) согласного в словах с основой на **ĭ* и на **jŏ* обнаруживалось не только в именительном, но и в других падежах склонения этих слов. Таким образом, если в слове [кон'ь] был исконно мягкий [н'], возникший из [**nj*] в **konjŏs*, то в [огнь]

выступал позиционно полумягкий [н'] как аллофон твердой фонемы [н] перед гласным переднего ряда (о.-и.-е. *agnis). Иначе говоря, сближение существительных мужского рода с основой на *ĭ и на *jŏ могло начаться, по существу, лишь с эпохи смягчения полумягких, когда бывшие полумягкие совпали по своему качеству с исконно мягкими.

В результате влияния со стороны основ на *jŏ в словах с бывшей основой на *ĭ в единственном числе установились окончания [а] в родительном падеже (вместо [и]), [у] в дательном падеже (также вместо [и]), [е] (из [ě]) в местном падеже,— и, следовательно, слова мужского рода ушли из основ на *ĭ, где остались существительные только женского рода. Вместе с тем некоторые слова этого типа, принадлежавшие прежде мужскому роду, перешли на протяжении истории языка в женский род и поэтому сохранились в типе склонения с древней основой на *ĭ; к таким словам относятся существительные *гортань, печать, степень*. Такому переходу не подверглось единственное слово мужского рода *путь*, сохранившее все старые падежные формы; особая судьба данного слова, как видно, была связана и с его книжным характером (ср. параллельное разговорное *дорога*), и с употреблением его в переносном значении, и с использованием его как научного термина. Однако надо сказать, что, сохраняясь в литературном языке в совершенно особом положении, хотя и примыкая к словам женского рода типа *кость*, слово *путь* все-таки не совпадает полностью по склонению со словами женского рода этого типа, ибо твор. пад. ед. ч. *путем* и *костью* продолжает различаться теперь так же, как различался и в древнерусском языке (др.-русск. *поутьмь* и *костию*). В отличие от литературного языка говоры знают здесь более последовательный путь развития: в одних из них *путь*, вместе с другими существительными мужского рода, переходит в склонение с бывшей основой на ŏ (т. е. в этих диалектах говорят *без путя, моему путю* и т. д.), в других же — это слово полностью смыкается со словами женского рода (тогда возникает не только *моя путь*, но и *моей путью*).

Вместе с тем, подвергаясь разрушению под воздействием со стороны основ на *jŏ*, склонение с основой на *ĭ* само оказало влияние на первые основы, что сказалось в истории формы род. пад. мн. ч. Как в твердой, так и в мягкой разновидности основ на *ŏ* форма род. пад. мн. ч. была равна форме имен. пад. ед. ч., тогда как в основах на *ĭ* — это была особая форма с окончанием [йц] > [ей] (из *-ĭjь). Именно эта форма и закрепилась в склонении с бывшей основой на *jŏ*, вытеснив совершенно исконную форму род. пад. мн. ч. этого типа склонения (т. е. вместо род. пад. *кънѧзь, конь* возникло *князей, коней*).

Итак, в результате описанного процесса склонение с бывшей основой на *ĭ*, утеряв в своем составе слова мужского рода, сосредоточило в себе только слова женского рода определенной

морфологической структуры. В свою очередь слова мужского рода, перейдя в основы на *jŏ*, расширили и укрепили в русском языке этот тип склонения.

§ 175. Разрушение склонения существительных с древней основой на согласный.

Наиболее ранние и своеобразные процессы пережили бывшие основы на согласные. Как уже говорилось, в этот тип склонения входили слова мужского, женского и среднего родов, причем основа у них исконно могла оканчиваться на разные согласные. Сюда входили слова муж. р. с древней основой на **n*, типа *камы, ремы, дьнь;* слова ср. р. с основой на **n* (в суф. **-men*), типа *имѧ, веремѧ, сѣмѧ;* слова ср. р. с основой на **t* (в суф. **-ent > ęt*), типа *телѧ, осьлѧ, дѣтѧ*; слова ср. р. с основой на **s* (в суф. **-es*), типа *слово, небо, чудо;* и наконец, слова жен. р. с основой на **r* (в суф. **-ter*), типа *мати, дъчи.* Конечно, в тех формах имен. пад. ед. ч., которые приведены в качестве примеров слов с разными основами на согласный, нельзя обнаружить реально в древнерусском языке эти старые основы; однако последние отчетливо можно видеть в формах косвенных падежей, например в род. пад. ед. ч.: *камене, ремене, дьне; имене, веремене, сѣмене; телѧте, осьлѧте, дѣтѧте; словесе, небесе, чудесе; матере, дъчере* и т. д. Отсутствие согласного основы в имен. пад. вызвано теми фонетическими процессами конца слова, которые были связаны с действием закона открытого слога и не позволяли поэтому сохраниться согласному звуку в конце слов (см. § 77).

История группы существительных с бывшей основой на согласный заключалась в том, что вся она перестала существовать как единая: слова, входившие в ее состав, разошлись по разным типам склонения. При этом пути движения слов были различны и не всегда прямолинейны.

§ 176. История существительных мужского рода с древней основой на **n* началась с того, что старая форма имен. пад. ед. ч. *камы, ремы* была вытеснена формой вин. пад. ед. ч. *камень, ремень.* После установления формы на *-ень* в имен. пад. эти слова, как и слово *дьнь* (которое, как видно, очень рано стало иметь такую форму в имен. пад.), совпали по своему фонетическому облику и морфологической структуре со словами мужского рода с бывшей основой на *ĭ* (типа *огнь, пьрстень*) и стали склоняться по этому типу; а когда слова мужского рода с основой на *ĭ* перешли в основы на *jŏ* вместе с ними туда перешли и слова *камень, ремень, дьнь.* Такой путь, включающий, так сказать, промежуточную стадию, хорошо прослеживается на истории слова *день.* Если в памятниках письменности можно обнаружить исконную форму род. пад. ед. ч. *дьне*, с окончанием [е] по основам на согласный (ср., например, в Лавр. лет. *есть могила его... и до сего дне*), то в них же, а вместе с тем и в современных диалектах отмечается и *дьни*; так, в Новг. лет. отъ Ґжина дни,

в диал. *третьёва дни* — по склонению с основой на *ĭ*; наконец, современный литературный язык и многие диалекты знают теперь форму род. пад. *дня*, являющуюся по своему происхождению формой данного падежа в основах на *jŏ*. Таким образом, в результате своего развития группа слов мужского рода с бывшей основой на **n* ушла из этого типа склонения.

§ 177. Точно так же не могли сохраниться в данном типе и слова среднего рода с древней основой на **s*, имен. пад. ед. ч. которых совпадал с формой имен. пад. ед. ч. слов среднего рода с основой на *ŏ*, типа *село, весло*. В связи с этим сближение и переход существительных *слово, небо, тѣло, чудо* и т. п. в основы на *ŏ* начались очень рано, во всяком случае, раньше, чем разрушение склонений на другие согласные. Вообще, как видно, формы косвенных падежей от слов данного типа с суффиксом [-ес-] не были свойственны живому русскому языку, а являлись принадлежностью лишь письменной книжной речи, в развитии которой большую роль играл старославянский язык. Не случаен ведь тот факт, что производные от слов с древней основой на **s*, характерные для живого языка, образованы от форм этих слов без суффикса *-ес-* (ср., например, *пословица, дословный* от *слово, тельце, нательный* от *тело, чудак, чудной* от *чудо*) и, наоборот, производные от форм с суффиксом *-ес-* носят явно книжный характер, например *словесный, словесность, телесный, чудесный, небесный* и т. д. В несколько особом положении здесь находятся производные от *коло — колесо*, где, с одной стороны, есть *околесица*, а с другой — *околица, окольный*. Однако судьба слова *коло* оказалась вообще отличной от судьбы остальных слов этой группы. Это связано с тем, что если все слова с древней основой на **s* утеряли в единственном числе суффикс *-ес-* в косвенных падежах по образцу имен. пад., то в слове *коло*, наоборот, этот суффикс проник из косвенных в имен. пад. Как видно, это обстоятельство создало возможность для возникновения производных от *коло* с суффиксом *-ес-* и в живом русском языке. Однако и в том и в другом случае слова среднего рода с древней основой на **s* попали под влияние основ на *ŏ* твердой разновидности (типа *село, весло*) и получили падежные формы по образцу этого последнего склонения. Что касается множественного числа, то и здесь судьба слов этого типа оказалась не совсем одинаковой, ибо некоторые из них сохранили суффикс *-ес-*, например *небеса, чудеса* (не говоря, конечно, о слове *колёса*), а другие утеряли его так же, как и в единственном числе, например *слова́, тела́*.

В целом и эта группа слов ушла из особого склонения с основой на согласный в продуктивный тип на *ŏ*.

§ 178. Своеобразной оказалась история и слов среднего рода с основой на **ĭ*, куда входили названия молодых животных. Исконные формы этих слов удерживались в памятниках доволь-

но долго, например: род. пад. *ягняте* (Исход по сп. XIV в.), дат. пад. *щеняти* (Палея XIV в.), твор. пад. *жеребятем* (Гр. 1391 г.). Однако в истории русского языка все эти слова получили в имен. пад. ед. ч. суффикс *-онок: теленок, козленок, осленок, ягненок, жеребенок, ребенок* и т. д. вместо др.-русск. *тел*ѧ, *козл*ѧ, *осл*ѧ, *ягн*ѧ, *жереб*ѧ и т. д. Этот факт обусловил и последующее развитие данной группы слов: приобретя суффикс *-'онок* в имен. пад. ед. ч., они стали словами мужского рода и перешли в склонение с основой на *ŏ*. Однако так произошло лишь в единственном числе; во множественном же эти слова, сохранив прежний суффикс *'-ăt-* (ср.: *телята, козлята, ягнята* и т. д.), сохранили в целом и старое свое склонение. Старые формы ед. ч. без суффикса *-онок* сохраняются изредка как архаизмы в определенных выражениях, например: *Нашему т е л я т и волка поймати; Ласковое т е л я двух маток сосет* и др.

§ 179. Наконец, слова среднего рода на **n*, типа *им*ѧ, *веремѧ*, *сѣмѧ* и т. д., и слова женского рода на **r*, т. е. *мати, дъчи*, в единственном числе также утратили прежние падежные формы по типу склонения с основой на согласный. Однако эти слова сохранили своеобразие в том, что в косвенных падежах в современном русском языке они имеют так называемое „наращение", представляющее собой по происхождению остаток прежнего словообразовательного суффикса **-men* или **-ter*. Так, если в древнерусской форме имен. пад. *сѣмѧ* (= [sĕm'ä] из *семę* и далее к **sēmen*) суффикс не сохранялся в силу действия закона открытого слога, то в род. пад. *сѣмене* он выступал в виде *-ен-*. Точно так же обстояло дело и в соотношении имен. пад. *мати, дъчи* и косвенных, например, род. пад. *матере, дъчере*. Такие соотношения сохранились и в современных *имя, семя* — *имени, семени, мать, дочь* (отсутствие конечного [н] — результат полной редукции гласного) — *матери, дочери* и т. п. Однако только этим и ограничивается своеобразие склонения этих двух групп слов, так как по окончаниям падежных форм они полностью примыкают к склонению с древней основой на *ĭ*. (Правда, в отношении слов среднего рода типа *имя* нужно оговорить отличие формы твор. пад., которая по окончанию *-ем* примыкает к склонению слова *путь*. Может быть, именно поэтому они и называются в школьной грамматике „разносклоняемыми".)

§ 180. С у д ь б а с к л о н е н и я с д р е в н е й о с н о в о й н а *ū*. Что касается последнего, шестого, типа склонения с древней основой на *ū* (или *ы*), то его история была связана прежде всего с утратой старой формы имен. пад., вытесненной исконным вин. пад., имевшим окончание *-ъвь*. Ряд слов этой группы, получив в имен. пад. форму на *-ъвь*, такие, как *кръвь, любъвь, мъркъвь, свекръвь, цьркъвь*, совпали со словами типа *кость* и начали изменяться по склонению с древней основой на *ĭ*. Однако другие слова данного типа, кроме того что они утратили старую

форму имен. пад., попали еще под влияние склонения существительных женского рода с древней основой на *ā* (типа *сестра, земля*) и поэтому получили в имен. пад. окончание *-ъва: букъва, тыкъва* (ср. еще диалектное *морква*). В силу всех этих процессов данные слова совпали с существительными типа *сестра* и перешли в склонение с древней основой на *ā*. Таким образом, склонение с основой на *ū* полностью было утрачено в древнерусском языке, и следов его по существу не сохранилось.

§ 181. Так развивалось склонение имен существительных в древнерусском языке. Основное направление этого развития заключалось в унификации типов склонения, в обобщении этих типов в более крупные — в обобщении, шедшем за счет утраты малопродуктивных склонений и укрепления более продуктивных. В результате всех этих процессов в русском языке установились в конце концов три основных склонения, условно называемых первым, вторым и третьим.

В первое склонение входят существительные женского рода с бывшей основой на *ā* твердой и мягкой разновидностей (типа *сестра, земля*) и частично существительные с бывшей основой на *ū* (например, *буква, тыква*).

Ко второму склонению относятся существительные мужского и среднего рода с бывшей основой на *ŏ* твердой и мягкой разновидностей (типа *стол, конь* и *село, поле*), а также существительные мужского рода с древней основой на *ū* (типа *сын*), на *ĭ* (типа *гость*), на согласный **n* (например, *камень, ремень*) и существительные среднего рода с основой на согласный **t* (типа *теленок, жеребенок*) и на согласный **s* (типа *слово, небо*).

Наконец, в третье склонение входят существительные женского рода с бывшей основой на *ĭ* (типа *кость*) и частично на *ū* (например, *морковь, любовь*), а также с основой на согласный **r* (*мать, дочь*)

За пределами этих трех типов в определенном отношении остаются слова среднего рода на *-мя*.

ИСТОРИЯ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 182. В современном русском языке типы склонения имен существительных различаются только по формам единственного числа, тогда как во множественном, по существу, есть единое склонение: отличия в падежных формах выступают здесь лишь отчасти в именительном падеже и в большей степени в родительном. Однако эти отличия не дают возможности выделить по формам множественного числа те же три типа склонения, какие выделяются по формам единственного числа.

В древнерусском языке шесть типов склонения выделялись и

по формам множественного числа, т. е. различия типов склонения были выражены намного более отчетливо. Однако на протяжении истории русского языка общее сближение типов склонений, разрушение старых отношений и установление новых выразилось во множественном числе в том, что старые различия в падежных формах, связанные с многотипностью склонения, были утрачены. Достаточно сравнить окончания именительного падежа множественного числа разных существительных в древнерусском языке с современными формами этого падежа, чтобы увидеть, как шло развитие в сторону утраты различий типов склонения во множественном числе. Так, в древнерусском языке окончание имен. пад. в основах на *ŏ* было [и] в муж. р. и [а] в ср. р. (*столи, села*), в основах на *ĭ* — [ове] (*сынове*), в основах на *ĭ* — [ие] (*гостие, поутие*), в основах на ā — [ы] и [ě] (*сестры, землѣ*), в основах на согласный (муж. р.) — [е] (*камене*).

Таким образом, уже по формам имен. пад. в древнерусском языке можно выделить те же пять (или шесть) типов склонения, какие выделяются и по формам единственного числа. В современном же языке есть, по существу, одно окончание, выступающее в двух разновидностях — [и] или [ы], различие между которыми определяется характером конечного согласного основы. В имен. пад. мн. ч. у некоторых слов мужского рода иногда выступает окончание [а] или ['а] под ударением (например, *города́, берега́, учителя́, слесаря́*), однако появление его не определяется типом склонения, ибо оно выступает в словах 2-го склонения наряду с обычным [и] или [ы]. Точно так же окончание [а], ['а] в среднем роде, являющееся обычным для этих слов, не определяет тип склонения, ибо они входят в один тип со словами мужского рода, имеющими обычно окончание [и], [ы].

Если обратиться к формам родительного падежа множественного числа древнерусского языка, то и здесь можно обнаружить различные окончания, наличие которых связано с многотипностью склонения существительных. Так, в основах на *ŏ* в род. пад. была форма, равная форме имен. пад. ед. ч., в основах на *ĭ* — форма с окончанием [овъ], в основах на *ĭ* — с окончанием [ии] > [ей], в основах на *ā* — форма с окончанием [ъ] или, после падения редуцированных, без окончания, равная чистой основе, в основах на согласный и *ū* — такая же форма, что и в основах на *ā*, но равная основе, выступающей в косвенных падежах. В современном языке в род. пад. мн. ч. могут быть окончания [ов], [ев] и [ей], а также могут выступать и формы без окончания (ср.: *столов, хлебцев, ножей, полей, жен, основ* и т. п.), однако их различие не совпадает с различием трех современных типов склонения, ибо, скажем, слова мужского рода, относящиеся ко второму склонению, могут иметь и окончание [ов], [ев], и окончание [ей], и не иметь окончания, причем все эти различия определяются характером основы, а иногда и лексическими факторами, но не типом склонения.

§ 183. Таким образом, развитие форм склонения существительных во множественном числе шло по пути утраты различий, связанных с различием древнерусских типов склонения, по пути унификации. Особенно отчетливо эта унификация сказалась на формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа, где на протяжении истории русского языка установились единые формы для всех существительных мужского, среднего и женского рода.

В установлении единых форм дат., твор. и местн. пад. мн. ч. большую роль сыграло склонение с древней основой на *ā*, из которого окончания [амъ], [ами], [ахъ] в рассматриваемых падежах проникли в остальные типы склонения.

В результате сближения разных типов склонения и установления трех основных типов в дат., твор. и местн. пад. мн. ч. в древнерусском языке выступали три окончания:

	основа на ā	*основа на ŏ*
Д.	*-амъ, -ямъ* (*сестрамъ, землямъ*)	*-омъ, -емъ* (*столомъ, конемъ, селомъ, полемъ*)
Т.	*-ами, -ями* (*сестрами, землями*)	*-ы, -и* (*столы, кони, селы, поли*)
М.	*-ахъ, -яхъ* (*сестрахъ, земляхъ*)	*-ѣхъ, -ихъ* (*столѣхъ, конихъ, селѣхъ, полихъ*)

основа на ĭ

Д. *-ьмъ* (*костьмъ*)
Т. *-ьми* (*костьми*)
М. *-ьхъ* (*костьхъ*)

Существительные с основой на *ā* оказали очень сильное воздействие на остальные типы склонения, вытеснив исконно присущие им окончания дат., твор. и местн. пад. Именно таким образом возникли формы на *-амъ, -ами, -ахъ* в существительных с древней основой на *ŏ* и *ĭ*. Это влияние со стороны основ на *ā* в памятниках начинает отмечаться со второй половины XIII в. (ср. факты памятников: *к латинамъ* (Рязан. кормч. 1284 г.), *купцамъ, дворянамъ* (Новг. гр. 1371 г.), *съ клобоуками* (Парем. 1271 г.), *на сборищахъ, на сонмищахъ* (Моск. ев. 1340 г.) и т. п.

Относительно причин развития рассматриваемых форм именно в таком направлении существуют различные мнения, хотя точного объяснения здесь пока не найдено. Возможно, как предполагал И. В. Ягич, распространение форм дат., творит. и местн. пад. мн. ч., ранее свойственных существительным с древней основой на *ā*, на иные типы склонения началось с существительных среднего рода с бывшей основой на *ŏ*, у которых имен. и вин. пад. мн. ч. оканчивались на [а].

Процесс установления новых форм был, вероятно, длительным и не одновременно проходившим по всем диалектам. Исследователи, изучавшие эти процессы по памятникам, установили разновременность укрепления новых форм в разных падежах и указывали на длительное сохранение старых форм в некоторых памятниках письменности.

Однако, рассматривая этот вопрос, следует учитывать одно обстоятельство. Дело заключается в том, что в любом памятнике письменности, отражающем в той или иной степени живые процессы в развитии языка, всегда присутствуют старые, умирающие или даже умершие черты и новые, зарождающиеся или уже укрепившиеся в языке особенности. Однако наличие старых черт в памятнике письменности не всегда свидетельствует о сохранении их в живом языке, ибо подобное сохранение может быть отнесено за счет традиций письменности. В то же время появление новых языковых особенностей в памятнике обязательно свидетельствует о их наличии в живом языке, ибо это последнее является непременным условием такого проникновения новых черт в памятник.

Установление новых форм в дат., творит. и местн. пад. мн. ч. не означало полной утраты старых форм, которые в той или иной мере сохранились в русском языке. Таким остатком старины является форма *поделом* в сочетании *поделом ему;* точно так же формы *детьми, лошадьми, людьми* — это сохранение старого окончания твор. пад. основ на *ĭ*. В некоторых случаях наблюдаются колебания в формах, например *дверьми* и *дверями*; ср. еще выражение *лечь костьми* при общем литературном *костями*. Формы твор. пад. мн. ч. на [ми] после мягкого согласного были широко распространены в литературном языке еще в XIX в. (ср., например, такие формы, как *гостьми* у Крылова, *желудьми* у Жуковского, *когтьми, ушьми* у Лермонтова, и т. п.).

§ 184. В истории множественного числа имен существительных в русском языке изменениям подверглись также формы имен. и вин. пад. Исконно в этих двух формах одинаковые окончания были в твердой разновидности основ на *ā* жен. р. (например, имен.-вин. пад. *стѣны, травы* и т. п.) и в твердой и мягкой разновидностях основ на *ŏ* ср. р. (например, *села, поля*); это же было характерно и для слов средн. и женск. рода с основой на согласный. Однако в других существительных дело обстояло по-иному. Так, в словах муж. р. с основой на *ŏ* твердой разновидности имен. пад. оканчивался на [и], а вин. — на [ы] (например, имен. *столи, городи, плоди;* вин. *столы, городы, плоды*); в мягкой же разновидности имен. пад. имел окончание [ѝ], а вин.— [ě] (например, имен. пад. *ножи, коньци*, вин. пад. *ножѣ*, коньцѣ). Вследствие общей тенденции сближения и унификации форм склонения происходит и утрата различий между формами имен. и вин. пад., причем в мягкой разновидности возобла-

дала бывшая форма имен. пад., укрепившаяся и в вин. пад., а в твердой, наоборот,— форма бывшего вин. пад., вытеснившая старый имен.

В памятниках письменности колебания форм имен. и вин. пад. мн. ч. отражаются с XIII в.: ср., например, *созвавъ к н я з и* (Милят. ев. 1215 г.), *стояхоу к о у м и р ы* (Лавр. лет.), *се приехаша п о с л ы* (Новг. гр. 1270 г.), *ч и н ы раставлени быша* (Жит. Ниф. 1219 г.), *в ь р х ы огореша, м е д ы изварены* (Новг. лет.), *с т о р о ж ѣ изимани* (Лавр. лет.), *призвавъ... с т а р ц и градьскые* (Лавр. лет.) и т. д. Старый имен. пад. на [и] у слов муж. р. твердой разновидности основ на *ŏ* держался в деловом языке вплоть до XVI в.

В современном языке только два слова — *соседи* и *черти* — сохранили старую форму имен. пад. и склонение во множественном числе по мягкой разновидности. Возможно, именно это последнее обстоятельство и способствовало сохранению старой формы имен. пад. в этих двух словах.

Что касается основ на *ĭ* существительных муж. р., то и в них различие между имен. пад. на [ие] и вин. пад. на [и] (например, имен. *людие, поутие*, вин. *люди, поути*) было утрачено за счет укрепления в имен. пад. бывшей формы вин. пад. Ср. факты памятников: *боудоуть оустроени л ю д и и* (Прол. 1262 г.), *адахоу л ю д и листъ липовъ* (Новг. лет.), *л ю д и вылезоуть* (Милят. ев. 1215 г.) и др.

Немногочисленная группа слов основ на *ŭ* исконно также имела различные формы имен. и вин. пад. мн. ч.: в имен. пад. было окончание [ове], а в вин.— [ы] (например, имен. пад. *сынове, домове*, вин. *сыны, домы*). Переход этих существительных в основы на *ŏ* вызвал многие преобразования, и в том числе изменения форм имен. и вин. пад. Однако эти изменения иногда были своеобразными. Так, если в целом слова этой группы получили в имен. пад. те же окончания, что и слова с исконной основой на *ŏ*, т. е. [ы] (ср.: *волы, льды, ряды, дары*, формы на [а], например *домá, верхá*,— более поздние), то слово *сын* имеет, по существу, две формы имен. пад.: одну — восходящую к бывшему вин. пад.— *сыны*, употребляющуюся, пожалуй, только в торжественных сочетаниях *с ы н ы отечества, с ы н ы народа;* вторую — обычную — *сыновья*, возникшую из древней *сынове* под влиянием собирательных на *-ия* > *-ья* (типа *братия* > *братья*).

В связи с этим следует сказать, что собирательные существительные жен. р. на *-ия* > *-ья*, а также ср. р. на *-ие* > *-ье*, изменившиеся в безударном положении в *-ья* (типа *кóлие* > *кóлье* > *кóлья, полѣ́ние* > *полѣ́нье* > *полѣ́нья*), сыграли существенную роль в истории форм имен. пад. мн. ч. Это произошло прежде всего потому, что в истории русского языка они сами стали постепенно осмысляться не как собирательные, а как формы имен. пад. мн. ч. от соответствующих существительных, имеющих исконно другие формы этого падежа. Так, например, слово *братъ*

исконно имело форму имен. пад. мн. ч. *брати* (или позже под влиянием вин. пад.— *браты;* эта форма сохраняется до сих пор в диалектах), тогда как *братия* представляло собой собирательное существительное жен. р. Оно изменялось по мягкой разновидности склонения с древней основой на *ā*. Однако постепенно *братия* > *братья* начало осмысляться именно как имен. пад. мн. ч. от *брат*, и это привело к вытеснению из языка старой формы имен. пад. Вероятно, так же произошло и переосмысление иных собирательных существительных в русском языке. Ср., например, историю собирательного существительного *господа*, которое склонялось как существительное на *ā*, например: *бѣжить от господы* (Рус. Пр.), *кланяемся господѣ своей* (Новг. лет.), *предати господу свою* (Ипат. лет.) и т. п., а ныне осмысляется как имен. пад. мн. ч. от *господин*. Некоторые ученые предполагают, что переход собирательных существительных жен. р. в категорию мн. ч. сыграл роль в возникновении формы имен. пад. мн. ч. с окончанием [á] у ряда слов мужского рода. Надо сказать, что такие формы — принадлежность только русского языка, в украинском и белорусском языках их нет, и возникли они, как видно, довольно поздно: их мало отмечается еще в памятниках XVI—XVII вв. Ср. такие примеры: *тагана и решоточки* (Домостр.), *те леса* (Улож. 1649 г.), *жернова* (Гр. 1568 г.) и др. Вопрос о возникновении этой формы остается до конца не решенным. Существует, например, мнение, что на появление и укрепление подобных форм существительных мужского рода оказали влияние слова среднего рода, в которых окончание [а] являлось исконным.

С другой точки зрения, появление форм имен. пад. мн. ч. с окончанием *-а* вызвано влиянием формы двойственного числа муж. р., имевшей *-а* в им.-вин. пад. Хотя само двойственное число было утрачено древнерусским языком раньше, чем развились такие формы на *-а*, здесь могло возникнуть опосредствованное влияние — со стороны названий парных предметов (типа *берега, рукава, рога*), восходящих к формам двойственного числа и ставших осмысляться как формы множественного числа. Наконец, возникновение этой формы ставят в связь с историей сочетаний существительных муж. и ср. р. с числительными *два, три, четыре*.

Следует сказать также, что в русском языке есть целая группа слов, сохранивших старую форму имен. пад. мн. ч. Это существительные, которые обозначали совокупность людей по их принадлежности к племени, местности, городу и т. п. Во множественном числе они склонялись по основам на согласный, а в единственном по основам на *ŏ*. К словам этого типа относились такие, как *крьстьане, бояре, горожане, полѧне, северѧне* и т. п. (ед. ч. *крестьѧнинъ, боѧринъ, горожанинъ, полѧнинъ, северѧнинъ* и т. п.).

Наконец, история форм имен. и вин. пад. мн. ч. была связана еще и с иными важными явлениями, возникшими в истории рус-

ского языка, и прежде всего с историей твердой и мягкой разновидностей склонений с основой на *ŏ* и *ā* и с развитием категории одушевленности.

СБЛИЖЕНИЕ ТВЕРДОЙ И МЯГКОЙ РАЗНОВИДНОСТЕЙ СКЛОНЕНИЯ С ОСНОВАМИ НА Ŏ И НА Ā

§ 185. В древнерусском языке твердая и мягкая разновидности склонения существительных с древней основой на *ŏ* и на *ā* отличались друг от друга не только тем, что в первой основа оканчивалась на твердый, а во второй — на мягкий согласный, но и тем, что в некоторых падежах они имели разные окончания.

В словах муж. и ср. р. древней основы на *ŏ* разные окончания в твердой и мягкой разновидностях были в ед. ч. в формах имен.-вин. пад. (*столъ, село* и *конь, лице*), твор. пад. (*столъмь, селъмь* и *коньмь, лицьмь*), местн. пад. (*столѣ, селѣ* и *кони, лици*) и в зват. форме (*ветре* и *коню*); в дв. ч. в формах имен.-вин. (только у слов ср. р.: *селѣ* и *лици*) и в дат.-твор. пад. (*столома, селома* и *конема, лицема*); во мн. ч. в формах дат. пад. (*столомъ, селомъ* и *конемъ, лицемъ*), вин. пад. (только у слов муж. р.: *столы* и *конѣ*) и в местн. пад. (*столѣхъ, селѣхъ* и *конихъ, лицихъ*).

В словах жен. р. древней основы на *ā* отличия твердой и мягкой разновидностей выступали в ед. ч. в род. пад. (*жены* и *землѣ*), в дат. и местн. пад. (*женѣ* и *земли*) и в зват. форме (*жено* и *земле*); в дв. ч. в имен.-вин. пад. (*женѣ* и *земли*); во мн. ч. в имен. и вин. пад. (*жены* и *землѣ*).

Таким образом, отличия твердой и мягкой разновидностей склонений на *ŏ* и *ā* в древнерусском языке были выражены намного отчетливее и являлись более резкими, чем отличия твердой и мягкой разновидностей современного первого и второго склонения, заключающиеся лишь в различном качестве конечного согласного основы. Следовательно, путь развития этих разновидностей заключался в их сближении, в утрате различий в окончаниях падежных форм при сохранении различного качества конечных согласных основы.

При рассмотрении конкретных процессов истории взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения с основой на *ŏ* следует сразу же отметить ряд исконно различавшихся, но не сохранившихся вообще в истории русского языка форм, а также тех, история которых была связана не со взаимодействием разновидностей данного типа склонения, а с иными процессами. Речь здесь идет прежде всего о формах двойственного числа и о звательной форме, утратившихся в русском языке, а также о формах множественного числа, где процесс изменения дат., творит. и местн. пад. был связан с влиянием склонения с основой

на *ā*, а история формы вин. пад. мягкой разновидности была обусловлена воздействием на нее формы имен. пад., имевшей окончание [и] (см. § 182). Поэтому, по существу, история взаимодействия твердой и мягкой разновидностей в словах с основой на *ŏ* коснулась лишь твор. и местн. пад. ед. ч.

Что касается склонения с основой на *ā*, то здесь взаимодействие разновидностей затронуло как формы единственного, так и формы множественного числа; явления же в двойственном числе и в звательной форме можно не принимать во внимание исходя из того, что уже говорилось выше.

Факты влияния форм твердой разновидности на мягкую наблюдаются в памятниках начиная с XI в. Так, в Новгородской Минее XI в. отмечается форма *въ свѣтъсѣ одежѣ*, где местн. пад. *одежѣ* имеет окончание [ě] по образцу твердой разновидности *женѣ*, тогда как исконно в силу мягкости [ж] это слово принадлежало мягкой разновидности и должно было иметь здесь окончание [и]: *одежи*. Точно так же обстоит дело и в следующих словах: *въ поустынѣ* (Мин. 1096 г.), *на землѣ* (Милят. ев. 1215 г.), *въ продаже* (Рус. Пр.) и т. д.

Во многих диалектах русского языка, в том числе и в тех, которые легли в основу литературной нормы, процесс сближения разновидностей пошел таким путем, что окончания мягкого варианта были вытеснены окончаниями твердого варианта. Именно поэтому в местн. пад. ед. ч. основ на *ŏ* появились формы [конě] > [коне], [лицě] > [лице], параллельные [столě] > [столе], [селě] > [селе], а в твор. пад. — [кон'óм], [лицóм], параллельные [столóм], [селóм]; в род. пад. ед. ч. основ на *ā* — [земли] параллельно [жены]; в дат. и местн. пад. — [землě] > [земле] параллельно [женě] > [жене]; в творительном — [земл'óю] параллельно [женóю], а в имен. пад. мн. ч. — [зéмли] параллельно [жéны].

В результате всего этого твердая и мягкая разновидности склонений на *ŏ* и *ā* перестали различаться наличием особых окончаний в отдельных падежных формах: их отличия стали касаться лишь качества конечного согласного основы и связанных с этим изменений последующих гласных звуков.

Во всех этих морфологических процессах сыграли роль явления, возникшие в фонетической системе древнерусского языка. Прежде всего речь здесь должна идти о функциональном объединении [и] и [ы] (см. § 132), когда распределение этих двух аллофонов одной фонемы стало полностью определяться качеством предшествующего согласного. Поэтому если в твердой разновидности склонения есть или устанавливается окончание [ы], то в мягкой уже нет места какому-либо иному окончанию, кроме [и]. Фонологические отношения между [и] и [ы] определили судьбу окончаний некоторых падежных форм твердой и мягкой разновидностей склонения с бывшей основой на *ŏ* и *ā*.

Точно так же только возможность изменения [е] в ['о] в

дневнерусском языке определила становление двух аллофонов фонемы [о] — после твердого и после мягкого согласного. Это установление также способствовало сближению определенных форм твердой и мягкой разновидностей склонения существительных с основами на *ŏ* и *ā*.

Но путь вытеснения окончаний мягкой разновидности окончаниями твердой осуществлялся не во всех диалектах русского языка: в некоторых из них этот путь был обратным, т. е. победу одерживали формы мягкой разновидности. Именно поэтому в говорах можно встретить формы род. пад. ед. ч. у слов с бывшей основой на *ā* с окончанием [е]: *у же* [нё], *без сест* [рё], *от во* [дё], восходящие к *у же* [нё], *без сест* [рё], *отъ во* [дё], где окончание [ё] появилось вместо [ы] под влиянием мягкой разновидности [землё]; точно так же и в дат. и местн. пад. ед. ч. могут существовать формы *к же* [ны], *к сест* [ры], *к во* [ды] вместо *к же* [нё], *к сест* [рё], *к во* [дё], в которых появление [ы] вместо [ё] является результатом влияния мягкой разновидности [к земли]. Такие формы широко известны и в памятниках письменности начиная с XI в.; например, *съ высотѣ* (Минея 1096 г.), *отъ неправьдѣ* (Парем. 1271 г.), *полъ гривнѣ* (Рус. Пр.), *изъ Москвѣ* (Ипат. лет.), особенно часто в берестяных грамотах Новгорода: *бес кунѣ*, *полъ гр(в)нѣ* (526), *кунъ истинѣ* (509) и др.

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 186. В древнерусском языке в единственном числе формы имен. пад. (падежа субъекта) и вин. пад. (падежа объекта) исконно не различались в словах муж. р. с основой на *ŏ* (ср. имен. пад. — *столъ, конь* и вин. пад. — *вижоу столъ, конь*), с основой на *ĭ* (ср. имен. пад. — *сынъ* и вин. пад. — *имамь сынъ*), а также с основой на *ĭ* (ср. имен. пад.— *гость* и вин. пад.— *встретили гость*). В то же время в словах жен. р. с основой на *ā* такого совпадения форм не было (ср. имен. пад. — *жена, сестра* и вин. пад. — *женоу, сестроу*). В силу этого для женского рода не существовало трудностей в разграничении субъекта и объекта действия, тогда как для слов мужского рода эти трудности существовали в силу совпадения падежа субъекта с падежом объекта. Подобные трудности могли бы быть более или менее легко разрешимыми, если бы в русском языке был твердый порядок слов, при котором, например, существительное, стоящее на первом месте, всегда бы выражало субъект действия, а стоящее на втором месте — объект действия, или наоборот. Однако в действительности этого нет, и поэтому, например, в древнерусском предложении *отьць любить сынъ* нельзя точно установить, где субъект и где объект действия (ср. то же

самое в современном *мать любит дочь*). Именно поэтому с развитием языка, с развитием дифференциации в выражении субъектно-объектных отношений вставала необходимость найти средства разграничения действующего субъекта с объектом, который подвергается действию,— и вставала эта необходимость как раз для одушевленных существительных, которые прежде всего и могли обозначать действующий субъект.

Вследствие того что при помощи порядка слов русский язык не мог разграничить субъект и объект действия, разрешение данной задачи должно было быть связано с выражением необходимых отношений в падежных формах. Оно и было найдено путем использования формы родительного падежа в значении винительного при обозначении одушевленного объекта. Начало этого процесса, как видно, относится еще к праславянской эпохе. Уже в тот период в определенных случаях установились новые грамматические категории: категория слов мужского рода, обозначающих одушевленные предметы, у которых форма родительного падежа была использована для обозначения винительного, и категория слов мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы, у которых винительный падеж по-прежнему остался равен по форме именительному падежу. Первоначально форма род.-вин. пад. установилась лишь для собственных имен — названий лиц; так, например, в Остромировом евангелии встречается *оузьрѣ Иисуса*, где *Иисуса* выступает в форме вин. пад., равной форме род. пад. Или примеры с именами собственными и нарицательными: *а сынъ посади Новегородѣ Всеволода; и посла къ нимъ сынъ свои Светослава; приславъ своякъ свои изъ Новгорода Ярослава* и др.

§ 187. Прежде всего важно понять, почему именно родительный падеж, а не какой-то иной был использован в значении винительного для выражения категории одушевленности. Это объясняется, как видно, близостью синтаксических связей указанных падежей. Известно, что в некоторых конструкциях родительный и винительный падежи употребляются параллельно, создавая определенные отличия этих конструкций, тесно связанных в то же время между собой. Так, например, форма вин. пад. выступает в конструкции *выпил воду*, существующей параллельно с конструкцией *выпил воды*, где употребляется форма род. пад. Едва ли нужно доказывать общность этих двух сочетаний с одним и тем же глаголом. Их отличие друг от друга связано лишь с тем, что винительный падеж обозначает объект, полностью охваченный действием, тогда как родительный — объект, лишь частично подвергающийся действию. С другой стороны, винительный падеж употребляется как дополнение к глаголу параллельно с родительным, выступающим также в качестве дополнения с тем же глаголом, но имеющим при себе отрицание: ср. *читал книгу* и *не читал книги*. Ср. в „Русской Правде“:

видока емоу не искати и *привести емоу видокъ*. Подобная близость синтаксических связей, по-видимому, и определила тот факт, что именно форма родительного падежа была использована для обозначения винительного падежа одушевленных существительных.

§ 188. Если начало развития категории одушевленности относится, как уже говорилось, к праславянской эпохе, то основные процессы в ее становлении — уже к эпохе существования древнерусского языка, причем окончательное укрепление данной категории произошло в поздний исторический период.

Относительно причин медленности протекания процесса становления категории одушевленности высказывалось предположение, что форму родительного-винительного падежа раньше всего получили слова мужского рода, обозначающие лиц в единственном числе, причем это были лишь те слова, которые обозначали социально полноправных людей (типа *князь, господин* и т. п.); и в то же время старая форма винительного падежа сохранялась у существительных мужского рода, обозначавших зависимых людей, куда относились и дети (типа *отрок, тиун, раб* и даже *сын*). Ср. такие формы в памятниках: *а сынъ остави Новегородѣ* (Новг. лет.), *посла к нимъ сынъ свои* (Ипат. лет.), *а что пошло ти княже тиоунъ свои держати* (Новг. гр. 1264 г.); но: *поищемъ собѣ князя* (Лавр. лет.), *а за Волокъ слати ти своего моужа* (Новг. гр. 1308 г.).

Однако теперь эта точка зрения не принимается, и ныне постепенность установления категории одушевленности объясняется не социальными, а языковыми, грамматическими причинами. Впрочем, уже А. А. Шахматов называл среди факторов, способствовавших сохранению старой формы винительного падежа от одушевленных существительных, например, такие, как соединение с местоимением *свой* — это было указанием на то, что в данном случае не может идти речи об именительном падеже, например: *посла отрокъ свои* (Лавр. лет.), *посади посадникъ свои* (Ипат. лет.) и т. п.; как употребление в виде приложения к другому существительному, имеющему уже новое окончание, например: *оубиша прусі Овстрата и сынъ его Лоуготоу* (Новг. лет.) и др.; как закрепление этой формы в некоторых определенных выражениях, например: *а поиде за моужь, въсѣде на конь* и т. п., и др. Подобную же роль мог сыграть и факт употребления существительного в винительном падеже с предлогом, когда наличие предлога само указывало на то, что здесь не может идти речи об именительном падеже (например, *поимемъ женоу его Вольгоу за князь нашь за Малъ* — Лавр. лет.).

В XIV в. категория одушевленности проникает во множественное число, где приблизительно к XIII в. в словах муж-

ского рода уже стираются различия между именительным и винительным падежами, исконно различавшимися (см. § 184). Однако и во множественном числе процесс охватил первоначально лишь слова мужского рода, обозначавшие лиц, например: *пожаловалъ есмъ соколниковъ* (Гр. Ив. Калиты XIV в.), *победиша деревлѧнъ* (Лавр. лет.) и др. Несколько позже (приблизительно в XVI в.) категория одушевленности укрепилась во множественном числе и для слов женского рода, обозначающих лиц, у которых исконно во множественном числе формы именительного и винительного падежей не различались, например: *и рабынь наоучити, жонокъ и дѣвакъ показуетъ* (Домостр.) и др.

Наконец, только в XVII в., да и то еще не окончательно, категория одушевленности охватила слова, обозначавшие и другие живые существа, и тем самым полностью укрепилась в русском языке, например: *птицъ прикормитъ* (Улож. 1649 г.), *лошадей коупить* (Акты хоз. Морозова) и др.

Следы старых отношений в современном языке очень незначительны. К ним относится наречие *замуж*, возникшее из сочетания предлога *за* с вин. пад., равным имен. пад., от *муж* (ср. *выйти замуж* и *заступиться за мужа*), а также такие конструкции, как *выйти в люди, брать в жены, быть избранным в депутаты* и под.

УТРАТА ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ И ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

§ 189. В древнерусском языке была особая звательная форма, отличавшаяся от других падежных форм. Звательные формы отмечаются в памятниках письменности: например, в „Слове о полку Игореве“: *братие и дружино! Донець рече: княже Игорю! а ты боуи Рюриче и Давиде! О Днепре Словоутицю! О вѣтре, вѣтрило!* Правда, такие особые звательные формы выступали лишь в единственном числе и только в словах мужского рода с древними основами на *ŏ, ĭ, ĭ* и в словах женского рода на *ā* и *ĭ*, тогда как все остальные существительные имели звательную форму, равную именительному падежу. На протяжении истории русского языка, приблизительно в XIV—XV вв., звательная форма была утрачена, и следов ее в русском языке не сохранилось. В качестве звательной формы, или обращения, теперь употребляется форма именительного падежа. В литературном языке XIX в. звательные формы выступали в качестве средства стилизации. Ср.: *Чего тебе надобно, старче* (Пушкин).

Однако русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного име-

нительного падежа. Речь идет о таких формах, как *мам!, Кол'!, пап!, Ван'!* и т. д., т. е. о формах слов с окончанием [а] в имен. пад. ед. ч. Возникновение этих форм, как видно, связано с сильной редукцией безударного конечного гласного, приведшей к полной его утрате. Подобные факты никак не связаны в своем происхождении с древнерусской звательной формой и являются новообразованиями, возникшими в живой русской речи относительно позднего исторического времени.

§ 190. Утрата двойственного числа. Наличие в древнерусском языке единственного, множественного и двойственного числа было унаследовано им от праславянского, в котором эта градация, в свою очередь, была общеиндоевропейским наследством.

Формы трех чисел имели не только существительные, но и иные части речи: прилагательные, местоимения, глаголы. Однако судьба двойственного числа была общей для всего древнерусского языка: оно было утрачено во всей морфологической системе и во всех диалектах.

Утрата двойственного числа и развитие противопоставленности лишь единственного и множественного чисел — это результат развития человеческого мышления от представления о конкретной множественности к абстрактной. Если при наличии единственного, двойственного и множественного чисел говорящий противопоставляет один предмет двум предметам, а два предмета множеству их, то в таком противопоставлении в определенной мере еще сохраняются представления о конкретной множественности (т. е. „один" — это не то, что „два", и тем паче не то, что „много"). Если же в языке есть только единственное и множественное число, то, следовательно, говорящий противопоставляет один предмет любой иной совокупности предметов, будь их два, десять, сто, тысяча и т. д. (т. е. в этом случае „один" — это не то, что „много",— не то, что „не один"). Это и есть абстрактная, а не конкретная множественность.

Понятие двойственности держится в языке устойчиво, и это объясняется тем, что оно поддерживается представлением о парности предметов. Однако с развитием языка это понятие утрачивается, уступая место понятию простой множественности.

В древнерусском языке, как и в иных языках, двойственное число употреблялось при обозначении двух или парных предметов. Существительные в двойственном числе, так же как в единственном и во множественном, изменялись по падежам, однако если в двух последних числах существительные имели достаточно разнообразные падежные формы, то в двойственном числе различались только три такие формы: одна — для имен.-вин. пад., вторая — для род.-местн. пад. и третья — для дат.-твор. пад.

Кроме того, если в единственном и множественном числе существительные разных древних типов склонения имели разные

окончания в одном и том же падеже, то в двойственном эти разные окончания, и то не в полной мере, были лишь в имен.-вин. пад. (ср.: *стола, селѣ, поли, сестрѣ, земли, сыны, кости, колеси, матери* и т. д.). В то же время в род.-местн. и дат.-твор. пад. окончания для существительных всех склонений были одинаковыми: [у] в род.-местн. и [ма] в дат.-твор.

Формы двойственного числа отчетливо отразились в древнерусских памятниках, например: *лось рогома болъ, съ двѣма сынома, ставшема обѣма полкома* (Лавр. лет.), *за мѣхъ двѣ ногатѣ* (Рус. Пр.), *тоу сѧ брата* (Игорь и Всеволод) *разлоучиста* (Сл. о полку Иг.) и т. п.

§ 191. Утрата двойственного числа в древнерусском языке отражается в памятниках с XIII в., причем это находит свое выражение в замене форм двойственного числа формами множественного числа. Как видно, такая замена сначала возникала там, где существительное, которое должно было быть по древним нормам употреблено в двойственном числе, не имело при себе числительного *два*. Так, в Духовном завещании Климента новгородца XIII в. встречается *на свои роукы* вместо *на свои роуцѣ* (ибо речь идет о двух руках); в рижской грамоте 1300 г.: *и тоу порты съ него снемъ за шию оковалъ и рукы и ногы* (вместо *руцѣ* и *нозѣ*). Если же при подобном существительном стояло числительное *два*, то двойственное число удерживалось дольше: *взѧ два города галичьскыи* (Ипат. лет.), *·ѿ· чаши золоты, ·ѿ· селѣ, ·ѿ· селѣ коломеньскыи, два малая* (*блюдѣ*) (Дух. Моск. 1328 г.), *двѣ ночи никольскыѣ* (Гр. 1432—1443 гг.) и др.

Однако постепенно и здесь происходила утрата старых форм. Как можно предполагать, быстрее утрачивались формы косвенных падежей, тогда как форма именительного падежа еще сохранялась. Это находит объяснение в том, что в косвенных падежах не было различия тех форм, какие различались во множественном числе (т. е. совпадали формы род. и местн., а также дат. и твор. пад. дв. ч.). Стремление различить эти формы приводило к необходимости использовать формы множественного числа. Примерами, свидетельствующими об утрате форм двойственного числа, могут служить следующие: *помози рабомъ своимъ Иваноу и Олексию* (Жит. Ниф. 1219 г.), *из двоу жеребьевъ* (Ев. 1354 г.), *обима истчи* (Двин. гр. XIV в.), *двѣ чары, двѣ гривенки* (Дух. грам. Ив. Калиты), *двѣ жены* (Ипат. лет.) и др.

Если говорить о формах имен.-вин.-зват. пад., то здесь, вероятно, рано исчезла форма на *-ѣ* или *-и* у слов среднего рода с основой на *ŏ*, заменившись формой на *-а* под влиянием слов мужского рода того же типа склонения, например: *даю два села* (Дух. Клим. новг.), *два лѣта* (Новг. лет.) и др. Это, без сомнения, объясняется тем, что слова мужского и среднего рода с основой на *ŏ* имели одинаковые формы в единственном числе и в косвенных падежах двойственного числа.

Окончательная утрата двойственного числа — явление сравнительно позднее: предполагают, что это относится к эпохе после образования трех восточнославянских языков, т. е. к эпохе XIV—XV вв.

§ 192. Итак, в истории русского языка двойственное число исчезло, однако определенные, причем в ряде случаев заметные следы, указывающие на наличие этих форм в прошлом, в русском языке остались. К ним прежде всего относятся формы, воспринимаемые ныне как имен. пад. мн. ч. с окончанием [а] под ударением от слов, обозначающих парные предметы: *рога́, бока́, глаза́, берега́, рукава́*. Все они по происхождению являются формами имен. пад. дв. ч.: имен. пад. мн. ч. от этих слов имел окончание [и]: *рози, боци, глази, берези, рукави*. Распространение окончания [а] в имен. пад. мн. ч. муж. р. (см. § 184) позволило осознать и указанные выше формы так же как имен. пад. мн. ч. Такой же характер имеют и формы *плечи, колени* (фонетически из *колѣнѣ*), являющиеся по происхождению имен. пад. дв. ч. от *плечо, колѣно* (имен. пад. мн. ч. был *плеча, колѣна*). Ср. у Пушкина: *Умыть лицо, плеча и грудь* („Евгений Онегин"), *И пал без чувств он на колена*. Можно добавить еще, что форма *уши*, необъяснима как форма дв. ч. от *ухо*. Поэтому С. П. Обнорский предполагал имен. пад. ед. ч. *ушь*. В этом случае *уши* — имен. пад. дв. ч.

Особого внимания заслуживают современные сочетания существительных с числительными *два, три, четыре*. В древнерусском языке при числительном *два* существительное ставилось в имен. пад. дв. ч., а при *три, четыре* — в имен. пад. мн. ч.: *дъва стола, дъвѣ селѣ, дъвѣ рыбѣ* и *три, четыре столи, села, рыбы*. В современном же языке при *два, три, четыре* существительное употребляется в род. пад. ед. ч. Следовательно, произошли какие-то изменения, которые требуют исторического анализа. Этот анализ лучше начать с рассмотрения сочетаний числительного *два* с существительными мужского рода.

Если внимательно приглядеться к сочетаниям типа *два шага, два ряда, два часа*, то можно установить, что формы *шага, ряда, часа* в этих сочетаниях являются по происхождению формами не род. пад. ед. ч., как это представляется теперь, а имен. пад. дв. ч. То, что это действительно так, доказывает место ударения в указанных формах. Дело в том, что в древнерусском языке род. пад. ед. ч. и имен. пад. дв. ч. у слов данного типа могли различаться местом ударения, не различаясь окончанием: в род. пад. ед. ч. ударение падало на основу, а в имен. пад. дв. ч. на окончание. Конечно, такое различие не могло сохраниться и не сохранилось без изменения на протяжении истории русского языка, однако и теперь в его морфологической структуре есть явления, которые подтверждают правильность выдвинутого положения. В самом деле, достаточно сравнить такие, например, факты, как *с первого ша́га* и *два шага́* или *до последнего ча́са* и *два часа́*, чтобы стол-

кнуться с внешне не объяснимым фактом наличия в одной и той же форме род. пад. ед. ч. двух разных ударений. Почему в форме *шага* или *часа* ударение падает то на основу, то на окончание, если речь идет об одной и той же форме род. пад.? Объяснить это можно лишь тем, что в сочетаниях *с первого шага, до последнего часа* выступает действительно форма род. пад. ед. ч., а в *два шага, два часа* — не эта форма, а какая-то иная, лишь воспринимаемая ныне как род. пад. ед. ч. Эта иная форма — форма имен. пад. дв. ч.

Итак, в сочетаниях типа *два попа, два часа* формы *попа, часа* с утратой двойственного числа „уже не вызывали представления о двойственном числе, но они не вызывали представления и о множественном (результатом этого была бы замена их формами множественного числа). Потеряв категорию числа, эти формы, естественно, сблизились с тождественными с ними формами родительного единственного ... Это повело к общей замене формой родительного падежа единственного числа формы двойственного числа, потерявшей свое значение, и там, где форма двойственного числа по звуку не была тождественна с формой родительного падежа" (А. А. Шахматов. Историческая морфология.— С. 213). Именно поэтому в русском языке возникло не только *два села* вместо древнего *дъвѣ селѣ*, где подверглось изменению как числительное, так и существительное, но и *две рыбы* вместо *дъвѣ рыбѣ*. И конечно, в сочетаниях *два села, две рыбы* формы *села, рыбы* — это уже действительно формы род. пад. ед. ч. от *село, рыба:* они не только осознаются таковыми, как это случилось с формой *стола* в *два стола*, но и по происхождению являются формами род. пад.

Остатком двойственного числа в русском языке выступает и наречие *воочию*, являющееся по происхождению формой местн. пад. дв. ч. от *око* с предлогом *въ*.

Наконец, можно указать еще и на диалектную форму твор. пад. мн. ч. с окончанием [ма], восходящую к форме этого же падежа дв. ч.: *с ногама, с рукама, с уткама, с палкама* и т. п. Эта форма распространена в части северновеликорусских говоров.

В связи с рассматриваемым вопросом можно еще обратить внимание на историю сочетаний числительных *три, четыре* с существительными. Если при *три, четыре* в современном русском языке существительные выступают так же, как и при *два, две*, в форме род. пад. ед. ч., то в древнерусском они выступали в форме имен. пад. мн. ч. Таким образом, если теперь есть *два, три, четыре стола, села* и *две, три, четыре рыбы*, то в древнерусском языке было *дъва стола, дъвѣ селѣ, дъвѣ рыбѣ* и *трье, четыре столи, три, четыри рыбы, три, четыри села*.

В истории русского языка в связи с общим сближением склонения числительных *три, четыре* со склонением *дъва, дъвѣ* (см. § 217—218) формы бывшего имен. пад. дв. ч., осознанные как формы род. пад. ед. ч., были перенесены и в сочетания существительных с *три, четыре;* таким путем возникло сначала *три, четы-*

ре стола, а далее — *три, четыре села* и *три, четыре рыбы,* где формы *стола, села, рыбы* являются формами род. пад. ед. ч.

§ 193. Итак, на протяжении многовековой истории русского языка система имени существительного развивалась в направлении к тому ее состоянию, какое мы находим в современном русском языке. От многотипности склонения, восходящей к общеиндоевропейской эпохе, от различия трех чисел и семи падежных форм, от большого разнообразия падежных окончаний не только в единственном, но и во9 а6

всегда как такой, который приписывается или открывается в уже известном предмете. В этом случае существительное, к которому относится прилагательное-сказуемое, всегда определенно для говорящего. *Теремъ каменъ* — можно сказать лишь об известном тереме, и поэтому определенный член здесь излишен. В роли сказуемого, таким образом, выступали лишь краткие прилагательные. Иначе говоря, внутри имен прилагательных полные и краткие противопоставлялись друг другу не только как определенные и неопределенные, но еще и как атрибутивные и предикативные, т. е. сосуществовали отношения *красенъ* — неопределенность и *красный* — определенность, с одной стороны, и *красенъ* — предикат (сказуемое) и атрибут (определение) и *красный* — только атрибут — с другой. Второе отношение постепенно перевесило из-за силы самой категории предикативности, и краткие прилагательные потеряли функцию определения, которая стала закрепляться за полными формами. Но потеря функции определения означала и потерю краткими прилагательными склонения, так как в функции предиката они выступали только в форме имен. падежа. Выступая лишь в роли предиката, краткие прилагательные стали оглаголиваться, т. е. отходить от имени прилагательного, основной функцией которого является функция определения. Эта функция закрепилась за полными прилагательными, которые и стали представителями данной категории вообще, с отличным от имен оформлением.

§ 207. Что касается утраты относительными прилагательными краткой формы, то это связано с семантическими и синтаксическими особенностями прилагательных.

Известно, что качественные прилагательные обозначают так называемый подвижный признак, т. е. такой, который может содержаться в предметах в большем или меньшем количестве, может возникать и исчезать. В связи с этим находится наличие у качественных прилагательных степеней сравнения и соотнесенность их с глаголами: ср. *черный — чернее — чернеть, белый — белее — белеть*. Особенно важно при этом то, что качественные прилагательные соотнесены с категорией времени: когда говорится *стол (есть) черный*, то выражается собственно настоящее время (а не вневременное, постоянное состояние, типа *солнце всходит и заходит*), так как рядом существуют и *стол был черный*, и *стол будет черный*.

Относительные прилагательные обозначают, наоборот, так называемый неподвижный признак, т. е. такой, который не может быть в предмете в большем или меньшем количестве (предмет не может быть, скажем, более деревянным или менее железным). В связи с этим у относительных прилагательных нет степеней сравнения и нет соотносительности с глаголом, с его категорией времени: *стол (есть) деревянный* — это не настоящее время в собственном смысле, так как рядом нет *стол был — будет де-*

ревянный. Таким образом, у относительных прилагательных нет особых связей со сказуемым, с предикатом; они выступают в роли сказуемого как любое иное имя, например, так же как существительное.

Отсутствие у относительных прилагательных связей с глаголом как наиболее типичным предикатом-сказуемым и его категорией времени обусловило потерю этими прилагательными краткой формы, которая закреплялась в языке в функции именного сказуемого. Говоря другими словами, в связи с тем что краткое прилагательное оглаголивалось и закреплялось в роли предиката, а такому оглаголиванию подвергались лишь те краткие формы прилагательных, которые были связаны с глаголами, относительные прилагательные потеряли краткую форму и стали выступать только в полной.

КРАТКИЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 208. Склонение кратких прилагательных.

Единственное число

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. добръ	добро	добра	синь	сине	синꙗ
Р. добра		добры	синꙗ		синѣ
Д. доброу		добрѣ	синю		сини
В. добръ	добро	доброу	синь	сине	синю
Т. добръмь		доброю	синьмь		синею
М. добрѣ		добрѣ	сини		сини

Множественное число

И. добри	добра	добры	сини	синꙗ	синѣ
Р. добръ		добръ	синь		синь
Д. добромъ		добрамъ	синемъ		синꙗмь
В. добры	добра	добры	синѣ	синꙗ	синѣ
Т. добры		добрами	сини		синꙗми
М. добрѣхъ		добрахъ	синихъ		синꙗхъ

Двойственное число

И.-В. добра	добрѣ	добрѣ	синꙗ	сини	сини
Р.-М. доброу		доброу	синю		синю
Д.-Т. доброма		добрама	синема		синꙗма

§ 209. История кратких прилагательных. В древнерусском языке было три категории кратких прилагательных — качественные, относительные и притяжательные; все они изменялись по родам и числам и склонялись как существительные муж. и ср. р. с древней основой на *ŏ* твердой и мягкой

разновидностей и как существительные жен. р. с древней основой на *а* также обеих разновидностей (см. парадигмы склонения в § 208).

Обращаясь к истории кратких качественных и относительных прилагательных, следует прежде всего сказать, что, хотя она была связана с утратой ими склонения, эта утрата происходила постепенно и в относительно поздний период. Памятники письменности вплоть до XV в. фиксируют разные падежные формы кратких прилагательных, например: мъногммъ дшмъ крьстнганмкдмь (Остр, ев.), *отъ цЪла камени* (Ипат. лет.), *доброу члкоу* (Смол. гр. 1229 г.), *приела ... оумьна моужа* (там же), *стомъ Михаиломъ* (Ипат. лет.), *на мале часоу* (Новг. лет.), *бьхоу моужи моудри и смыслени* (Лавр, лет.), *далъ блюдо серебрьно* (Гр. Метис. 1130 г), *дьржа роусьскоу землю* (там же), *свободна моужа дра* (Рус. Пр.), *пристроите меды многи* (Лавр, лет.), *подъ "стоу бцю* (Двин. гр.) и мн. др.

Как видно, раньше всего (вероятно, в XIII—XIV вв.) были утрачены формы твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р., а также дат.-твор. дв. ч., дат. и местн. мн. ч. и, наконец, твор. пад, мн. ч. жен. р., где этому содействовал звуковой состав соответствующих форм именного и местоименного склонения (см. § 211). Дело в том, что эти формы в именном и местоименном склонениях имели равносложные окончайия (ср. твор. пад. ед. ч. муж. и ср. Р-краткой формы *добръмь* и полной — *добрымь;* дат.-твор. пад. дв. ч. *доброма, добрама* и *добрыма;* дат. пад. мн. ч. *добромъ, добрамъ* и *добрымъ;* местн. пад. мн, ч. *добрЪхъ, добрахъ* и *добрыхъ;* твор. пад. мн. ч. жен. р, *добрами* и *добрыми).* Безразличие в их синтаксическом употреблении привело к смешению этих форм, окончившемуся вытеснением именного склонения.

Вместе с указанными формами по аналогии была утрачена и форма род. пад. мн. ч. кратких прилагательных, что было связано с совпадением этой формы у полных прилагательных с формой местн. пад. мн. ч. Так вместо *добръ* в род. пад. мн. ч. появилось *добрыхъ* по местоименному склонению. Несколько позже были вытеснены формы род., дат. и местн. пад. ед. ч. жен. р.: изменение окончаний в этих формах у полных прилагательных в [он] (см. § 213) обусловило равносложность форм кратких и полных прилагательных; и наконец, еще позже были утрачены все остальные формы косвенных падежей кратких прилагательных.

Общая тенденция сближения склонения слов во множественном числе выразилась в истории кратких прилагательных и в утрате родовых различий в имен. пад. мн. ч. В твердой разновидности вместо трех древнерусских форм (муж. р. на [и], жен.— на [ы], ср.— на [а]) возникает одна — с окончанием [ы], восходящая по происхождению к форме имен. пад. мн. ч. жен. р. Правда, в диалектах (а иногда и в просторечии) встречаются формы имен. пад. мн. ч. с окончанием [и] (типа *ради, сыти, ей**

Ярослава), *Перемышль* (город Перемысла), *Путивль, Переяславль* и др.

Притяжательные же прилагательные с суффиксами *-ов* и *-ин* сохранились в языке, причем они даже сохранили некоторые формы косвенных падежей в единственном числе, хотя во множественном эти косвенные падежи образуются по типу полных прилагательных *(отцовых, отцовым, отцовыми)*. Так, в единственном числе сохраняются формы род. и дат. пад. муж. р. *(отцова дома, отцову дому)* и вин. пад. жен. р. *(сестрину шаль)*.

Однако эти формы теперь очень неустойчивы и часто заменяются формами, образованными по типу полных прилагательных (например, *бабушкиного дома, Петькиного брата* и т. п.).

ПОЛНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 211. Склонение полных прилагательных.

Единственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	добрыи	доброе	добраꙗ	синии	синее	синяꙗ
Р.	доброго		добрыѣ (-оѣ)	синего		синѣѣ (-еѣ)
Д.	добромоу		доброи	синемоу		синеи
В.	добрыи	доброе	доброую	синии	синее	синюю
Т.	добрымь		доброю	синимь		синею
М.	добромь		доброи	синемь		синеи

Множественное число

И.	добрии	добраꙗ	добрыѣ синии	синяꙗ	синѣѣ
Р.		добрыхъ		синихъ	
Д.		добрымъ		синимъ	
В.	добрыѣ	добраꙗ	добрыѣ синѣѣ	синяꙗ	синѣѣ
Т.		добрыми		синими	
М.		добрыхъ		синихъ	

Двойственное число

И.-В.	добраꙗ	добрѣи	добрѣи синяꙗ	синии синии
Р.-М.		доброую (-ою)		синюю
Д.-Т.		добрыма		синима

§ 212. История полных прилагательных. Выше уже упоминалось, что полные прилагательные образовывались от кратких при помощи указательного местоимения *и, ꙗ, е*, присоединявшегося к соответствующей падежной форме краткого прилагательного и склонявшегося. Таким образом, в имен. пад. ед.

ч. возникало *добръ-и* > *добрыи*, *добра-ꙗ* > *добраꙗ*, *добро-ѥ* > *доброѥ*, *синь-и* > *синии*, *синꙗ-ꙗ* > *синꙗꙗ*, *сине-ѥ* > *синеѥ*; в род. пад. муж. и ср. р. *добра-ѥго* > *добраѥго*; в дат. пад. муж. и ср. р. *добру-ѥму* > *добруѥму*; в твор. пад. *добромъ-имь* > *доброимь*; в местн. пад. *добрѣ-ѥмь* > *добрѣѥмь* и т. д. Этот процесс был характерен для праславянского языка, и подобные формы в определенной степени отмечаются в старославянских памятниках.

Однако уже в старославянском языке отразились явления изменения первоначальных форм полных прилагательных, что выразилось не только в уподоблении гласных основы и окончания (ср.: *добраѥго* > *добрааго* и далее *добраго*; *добруѥму* > *добрууму* и т. п.), но и в замене в формах твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р., дат., твор. и местн. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. звуков [о], [а], [ě] в окончаниях звуком [ы], в результате чего в этих падежах появлялись формы на *-ыимь*, *-ыимъ*, *-ыими*, *-ыихъ*, *-ыима* (например, *добрыимь, добрыимъ, добрыими, добрыихъ, добрыима*), отчетливо зафиксированные старославянскими памятниками. В древнерусском же языке в этих формах гласные подверглись стяжению, что привело к возникновению образований, характерных и для современного языка: *добрым*, *добрыми*, *добрых* и т. п.

Однако в древнерусском языке процесс преобразования форм полных прилагательных пошел еще дальше, и это было связано с тем, что они попали под влияние форм указательных местоимений *тъ*, *та*, *то*. Такое влияние сказалось в единственном числе, где, скажем, формы в род., дат. и местн. пад. всех родов получили иные окончания, чем они должны были бы иметь, если бы развивались только по фонетическим законам. В самом деле, если фонетически возможно объяснить развитие *добраѥго* в *добрааго* и далее в *добраго*, то появление русского *доброго* уже не объясняется только фонетическими процессами: окончание [ого] — результат влияния формы *того*, так же как [ому] в *доброму* (вместо *добруму*) возникло под влиянием *тому*, а [омь] > [ом] в *добромь* > *добром* (вместо *добрѣмь*) — под влиянием *томь* > *том*; точно так же в род. пад. развилось *доброѣ* > *доброй* (вместо *добрыѣ*) под влиянием *тоѣ* > *той*, а в дат. и местн. пад. *доброй* (вместо *добрѣй*) — под влиянием *той*. Появление новых форм в этих падежах отмечается по памятникам не одновременно, но достаточно рано: так, в дат. пад. муж. р. и род. пад. жен. р. с XI в., а в остальных падежах — с XII в. Например: *великого* (Надп. на чаре 1151 г.), *тихомоу*, *вѣчьномоу* (Мин. 1097 г.), *нагого* (Лавр. лет.), *мьрътвого* (Новг. лет.), *въ сельскомъ* (Рус. Пр.), *по коупной грамоти дерноу* (Двин. гр. XV в.), *роускоу земли* (Смол. гр. 1229 г.) и т. д.

Именно все эти формы, как в единственном, так и во множественном числе, и укрепились в русском языке, пережив в дальнейшей своей истории в общем незначительные изменения.

§ 213. Из этих изменений надо упомянуть, во-первых, разви-

тие формы имен. пад. ед. ч. муж. р., где исконным окончанием было [ыи], [йи] с редуцированными [ы] и [и]. Эти праславянские по происхождению [ы] и [и] держались в русском языке вплоть до падения редуцированных, когда они изменились в этом языке в данной форме в [о] и [е] (см. § 113). Таким образом, после XII в. из форм, например, [красный], [добрый], [молодыи], [золотыи], (синий], [вёшьнйи] и т. д. в древнерусском языке возникли *красной, доброй, молодой, золотой, синей, вешней.* Именно а таком виде эти формы выступают и теперь в тех северновеликорусских говорах, которые не знают редукции гласных в безударных слогах.

Что же касается литературного языка, характеризующегося наличием такой редукции (или аканьем), и вообще всех диалектов, сходных по этой черте с литературным языком, то в них подобное произношение могло сохраниться лишь под ударением, ибо с возникновением в ряде русских диалектов аканья (см. § 135 и след.) гласные [о] и [е] в заударном слоге изменились в [ъ] и [ь]: крас[нъи], доб[ръи], сй[ньи], вёш[ньи]. Так подобные формы и произносятся теперь в литературном языке. Что же касается написания их по нормам орфографии с *-ый, -ий,* то оно объясняется воздействием старославянской орфографической традиции. В старославянском языке редуцированные [ы] и [и] в эпоху падения редуцированных изменились в [ы] и [и] полного образования, и это дало возможность закрепиться написанию *-ыи* и *-ии* в памятниках, что было перенесено в русское правописание.

Во-вторых, произошли изменения в форме род. пад. ед. ч. муж. и ср. р., в которой начиная с XV в. появляется окончание [ово], 1ево] вместо [ого], [его]: *великово Новагорода* (Гр. 1432 г.), *правово* (Гр. 1445 г.). Причины и пути изменения этого окончания прилагательных были те же, что н изменения соответствующего окончания неличных местоимений, о чем уже говорилось (см. §201).

В современных говорах сохраняются все ступени развития окончания род. пад., т. е. и [ого], [его], и [070], [е-уо], и [оо], [ео], и, наконец, [ово], [ево] (с соответствующими изменениями гласных в зависимости от типа вокализма того или иного диалекта). Формы род. пад. на [ого], [его] сохраняются, например, в поморских северновеликорусских говорах; [у] в этом окончании наблюдается в акающих южновеликорусских диалектах. В некоторых северо-западных говорах есть формы с окончанием род. пад. без согласного между гласными. Что касается окончания этой формы с [в], то оно характерно для литературного русского языка и многих диалектов,

Таким образом, можно принять фонетическое объяснение изменения окончания род. пад. ед. ч. [ого], [его] в [ово], [ево]. Однако вместе с тем возможно и морфологическое объяснение: в этом случае появление [ово], [ево объясняется как перенос

Ср. примеры из памятников: *премоудрѣи, старѣи* (Жит. Феод.), *желаю больша имѣньа* (Лавр. лет.), *вода бы больши* (Новг. лет.), *большоу раноу* (там же), *оуньше* (Жит. Феод.), *лѣпше боудемъ* (Лавр. лет.), *горше первыихъ* (Ев. 1357 г.), *кто честнѣе боудеть* (Ев. 1358 г.) и т. д.

Вместе с тем древнерусский язык знал не только краткие формы сравнительной степени, но и полные, образовывавшиеся путем прибавления к краткой форме указательного местоимения *и, а, е*, например: *новѣиший, новѣишаа, новѣишее*.

§ 215. История развития сравнительной степени, имея в виду ее краткую форму, заключалась в том, что, так же как и краткие прилагательные, она перестала употребляться в роли определения и потому потеряла способность к словоизменению (потеря форм словоизменения сравнительной степенью начинает отражаться в памятниках с XII в.), застыв в одной определенной форме.

Наиболее продуктивной в истории оказалась бывшая форма имен. пад. ед. ч. ср. р. на *-ѣе* > *-ее* или с редукцией конечного гласного *-ей*: ср. современное *скорее* с др.-русск. муж. р. *скорѣи*, ср. р. *скорѣе*, жен. р. *скорѣиши*; современное *сильнее* — с др.-русск. муж. р. *сильнѣи*, ср. р. *сильнѣе*, жен. р. *сильнѣиши*. В диалектах, а также в просторечии формы на *-ее, -ей* распространены шире, чем в литературном языке: ср. *хужее, тужее, жарчее, прощее, ближей, тишей* и т. п. (лит. *хуже, туже* восходят также к имен. пад. ед. ч. ср. р.). Что касается таких форм, как *больше, меньше*, то они по происхождению являются формой имен. пад. мн. ч. муж. р.

Специально следует сказать о судьбе форм с основой на заднеязычный согласный типа *кратъчае, крѣпъчае, свежае, ловъчае*. Некоторые из них были вытеснены формами на *-е* под влиянием таких образований, как *хуже, туже, больше, меньше*; другие же попали под влияние наиболее распространенных форм на *-ее* (из *-ѣе*), например, *свежее, ловчее* (ср. обратный процесс в диалектах, в результате которого там развиваются формы вроде *сильняе, здоровяе* и т. п.). Гласный [а] после шипящего сохранился лишь в полных формах типа *кратчайший, нижайший, высочайший, крепчайший* и т. д. Однако эти полные формы, сохранив полностью способность различаться по родам, числам и падежам, вместе с тем изменили свое значение: если первоначально они были формами сравнительной степени, то в истории русского языка они получили значение превосходной степени. Полные формы на *-ѣйш, -айш* сохраняли значение сравнительной степени еще в XIX в.; так, они употребляются, например, в переводе Жуковским «Одиссеи»: *о г р о м н е й ш и й первого камень схватил*, или у Тургенева: *я легкомысленно разбил сосуд, в тысячу раз д р а г о ц е н н е й ш и й*.

Что же касается выражения превосходной степени, то в древ-

нерусском языке она, как видно, выражалась лишь описательно, т. е. с помощью слов *вельми, очень, самый*, прибавляемых к прилагательным. Образования же с приставкой *наи-* (типа *наибольший, наилучший* и т. п.), а тем паче со старославянской по происхождению *пре-* (типа *предобрый, премудрый*) не были принадлежностью живого русского языка, а появились или под влиянием церковнославянского языка (таковы образования с *пре-*), или, возможно, под польским влиянием, где приставка *наи-* широко распространена.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бромлей С. В. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке // Труды Института языкознания АН СССР.— М., 1957.— Т. VIII.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953.—Т. II.— С. 162—181.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка.— М.; Л., 1924.— С. 256—261, 292—298.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.—М., 1907.— С. 154—158, 196—215.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка.—М., 1957.— С. 117—199, 296—325, 362—363.

Якубинский А. П. История древнерусского языка.—М., 1953.— С. 206—219.

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 216. Одной из особенностей исходной древнерусской морфологической системы было отсутствие числительных как особой части речи, характеризуемой своими, только ей присущими грамматическими категориями. В современном русском языке эту особую часть речи образуют количественные числительные, обладающие такими категориями.

Отсутствие в древнерусском языке числительных как особой части речи определялось тем, что названия чисел в этом языке не имели своих особых грамматических категорий и функционировали как другие части речи. При этом разные названия чисел сближались с разными частями речи, ничем принципиально не отличаясь от последних.

В древнерусских названиях чисел прежде всего выделялась группа до *четырех (одинъ, одьна, одьно; дъва, дъвѣ; трье, три; четыре, четыри)*, которая грамматически сближалась с прилагательными. Такое сближение выражалось в том, что они, эти слова, полностью согласовывались с соответствующими существительными: ср. *одинъ столъ, одьна сестра, одьно окъно; дъва стола, дъвѣ роуцѣ, дъвѣ селѣ; трье столи, три роукы, три съта; четыре столи, четыри роукы, четыри съта*. Следовательно, эти названия чисел выступали как прилагательные-определения, согласующиеся в роде, числе и падеже с существительными. Как и прилагательные, они различались по родам, согласуясь с родом существительного, к которому они относились, но не изменялись по числам (*одинъ, одьна, одьно* изменялись только по единственному числу, *дъва, дъвѣ* — по двойственному, *трье, три* и *четыре, четыри* — по множественному), что было связано с количественным значением самих рассматриваемых слов.

В отличие от этой группы, названия чисел от *пяти* до *десяти*, наоборот, выступали в древнерусском языке в качестве существительных, т. е. каждое из них принадлежало к определенному (женскому) роду и поэтому по родам не изменялось. Но вместе с тем они, точно так же как и существительные, изменялись по числам. Что же касается существительных, стоящих при этих словах, то независимо от числа и падежа последних первые выступали всегда в родительном падеже множественного числа, т. е. здесь постоянно была связь управления. При этом особенно важно отметить, что слова от *пяти* до *десяти*, выступая как существитель-

ные, могли иметь при себе определение и согласовывались с глаголом в роде и числе. В древнерусском языке можно было сказать *третьꙗ пѧть пришьла, дроугаꙗ шесть поудовъ, въ тоу шесть лѣтъ*, где *пѧть, шесть* имеют при себе определения и соответствуют современным счетным существительным *пятерка, шестерка*. Иначе говоря, это были не числительные, а счетные существительные.

Слово *съто* склонялось в древнерусском языке как существительное среднего рода с основой на *ŏ* и грамматически характеризовалось теми же свойствами, что и слова от *пяти* до *десяти*.

Что касается названий чисел от *одиннадцати* до *девятнадцати* и *двадцать, тридцать, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*, то их образование и история являются процессом превращения словосочетаний в простые целые числа. В современном языке числительные *одиннадцать, двенадцать* и под.— это простые числа, и они не разлагаются на *один + десять, два + десять* и т. д. В древнерусском же языке это было иначе. *Одиннадцать* и под. образовывались из трех слов: *одинъ на десѧте*, т. е. *один* + предлог *на* + местн. пад. от *десять*. Следовательно, это было сложное слово, и понималось оно как составное. Лишь постепенно в мысли складывалось простое целое понятие об „одиниадцати" и т. п., а в языке появлялось и соответствующее слово (см. § 220).

На протяжении истории русского языка прошли многие процессы, приведшие постепенно к оформлению особой части речи — числительных. В этом сыграли роль определенные изменения в формах склонения отдельных слов-названий чисел, утрата двойственного числа, сближение склонений *дъва, дъвѣ* и *трье, три, четыре, четыри*, утрата родовых различий в *три, четыре* и другие процессы морфологического характера. Произошли определенные изменения также и в синтаксическом отношении: с утратой двойственного числа в имен. и отчасти в вин. пад. устанавливаются неразложимые сочетания *два, три, четыре* с род. пад. ед. ч. существительных, которые являются параллельными сочетаниям *пять — десять* + род. пад. мн. ч. Такой параллелизм в имен.-вин. пад. приводит к тому, что в косвенных падежах названия чисел от *пяти* до *десяти*, как от *двух* до *четырех*, начинают согласовываться с существительными, с которыми они сочетаются. Подобная зависимость этих слов в свою очередь создает почву для утраты ими различия единственного и множественного числа, а также и различия рода.

Особые синтаксические связи и утрата ранее свойственных названиям чисел грамматических категорий приводят к выделению числительных в отдельный класс, в новую часть речи. В морфологическом отношении признаком числительных как части речи является отсутствие категории числа и рода (кроме числительных *один* и *два*, различающихся по родам). Все эти процессы проходят в течение XIII—XIV вв. в пределах числительных до *десяти*, а затем распространяются и на другие числительные.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ЧИСЕЛ

§ 217. Склонение разных названий чисел в русском языке пережило в общем значительные изменения, и потому современные падежные формы отдельных числительных сильно отличаются от древнерусских.

Правда, это относится не ко всем словам данной категории — некоторые из них устойчиво сохраняют до сих пор те формы, какие они имели и в древнерусском языке. Так, например, *одинъ, одьна, одьно* в целом сохранило различие по родам и склонение по типу местоимения *тъ, та, то*. В падежных формах этого слова произошли те же самые изменения, что и в соответствующих формах этого местоимения; однако вместе с тем оно подверглось влиянию со стороны мягкого варианта склонения (ср.: *одних, одним* и т. п., а не *однех, однем* и т. п.).

С другой стороны, название числа *два, двѣ* в истории русского языка так изменило свои формы, что получило по существу совершенно новое склонение. В древнерусском языке форма *дъва* относилась только к словам муж. р., тогда как *дъвѣ* — к словам жен. и ср. р., и склонялось это название по двойственному числу, имея, таким образом, лишь три различавшиеся между собой падежные формы: имен.-вин. пад. *дъва, дъвѣ*, род.-местн. *дъвою*, дат.-твор. *дъвѣма: сына его д в а* (Лавр. лет.) *д в ѣ тысѧчѣ гривнѣ* (там же), *д в о ю послоухоу* (Смол. гр. 1229 г.), *о д в о ю главоу* (Ипат. лет.), *д в ѣ м а братома* (Лавр. лет.), *д в ѣ м а колодама* (там же) и т. д. Если сравнить это склонение с современным, то различие их будет совершенно очевидно.

Прежде всего следует сказать, что переход формы *дъва* к словам ср. рода наряду с муж. р. — это результат общего сближения склонения слов муж. и ср. р., что наблюдалось уже в истории существительных; именно этим сближением и тем самым обособлением слов жен. р. и объясняется тот факт, что с XIII в. форма *двѣ* стала употребляться только со словами жен. рода.

В род. и местн. пад. вместо *дъвою* очень рано начинает выступать форма *дъвоу*, возникшая, как видно, под влиянием форм род.-местн. пад. дв. ч. существительных (типа *столу, жену* и т. п.); например: *д в о у двороу* (Ипат. лет.), *оу д в о у мѣстехъ* (Двин. гр. XV в.), *по д в о у же лѣтоу* (Лавр. лет.) и др. *Двою* сохранилось в современном *двоюродный*. Ср. также образование по этому типу *троюродный*. *Дву* сохраняется ныне в таких образованиях, как *двудольный, двужильный, двубортный, двусильный* и т. п.

Форма *дъвоу* проникла как основа во все падежи склонения данного числительного и вытеснила основу *дъвѣ* в дат.-твор. пад. Появление конечного [х] в род. и местн. пад. (*дъвоухъ*) отмечается в памятниках с XV в. и связано в своем возникновении с влиянием склонения прилагательных-определений, с которыми назва-

ния чисел были сходны по своей роли (типа *красных, добрых*), а также, вероятно, с влиянием формы местн. пад. от *три, четыре — трьхъ, четырьхъ* (см. § 218). Сближение склонения этих трех слов отмечается в целом ряде случаев. Возможно, и в дат. пад. форма *дъвоумъ* обязана своим возникновением влиянию форм *трьмъ* и *четырьмъ*.

Несколько сложнее обстоит дело с твор. пад. *дъвумꙗ*, где не совсем ясны причины появления *мꙗ* вместо *ма*. Предполагают, что *мꙗ* — это результат контаминации *дъвоума* (из *дъвѣма* под влиянием *дъвоу*) и *трьми, четырьми* — формами твор. пад. от *три, четыре* (см. § 218): контаминация выразилась в том, что в окончании *ма* звук [м] подвергся смягчению под влиянием [м'] в *трьми, четырьми*.

Так же, как *дъва, дъвѣ*, склонялось *оба, обѣ*. Однако косвенные падежи его очень рано были вытеснены формами от родственного образования *обои, обоѣ, обоꙗ*, склонявшегося, как *мои, моѣ, моꙗ* (см. § 203).

§ 218. Названия чисел *три, четыре* в древнерусском языке имели следующие падежные формы:

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	трье	три	три	четыре	четыри	четыри
Р.		трии			четыръ	
Д.		трьмъ			четырьмъ	
В.		три			четыри	
Т.		трьми			четырьми	
М.		трьхъ			четырьхъ	

Эти формы склонения пережили в истории русского языка целый ряд изменений.

Во-первых, если первоначально различались формы имен. пад. для муж. р., с одной стороны, и для ср. и жен. р.— с другой, то постепенно, с развитием и становлением числительных как особой части речи, различие по родам было утрачено, и установилась одна форма *три* и *четыре* для всех родов. Во-вторых, старые формы род. пад. *трии* (или *трьи*), *четыръ* (или *четырь*) в памятниках древнерусского языка отмечаются очень редко, например: *бес треи коунъ* (Рус. Пр.), *бес треи м҃ць* (Новг. лет.), *четырь дни* (Лавр. лет.). Вместо них чаще употребляются исконные формы местн. пад. *трьхъ, четырьхъ*. В-третьих, изменение окончания твор. пад. [м'и] > [м'а], как видно, объясняется влиянием *дъвѣма* (о контаминации этих форм уже говорилось, см. § 217). И наконец, формы род.-местн. пад. *трьхъ, четырьхъ*, дат. пад. *трьмъ, четырьмъ* и твор. пад. *трьмꙗ, четырьмꙗ* подверглись еще фонетическим преобразованиям, связанным с падением редуцированных и изменением [е] в [о].

§ 219. Названия чисел от *пяти* до *девяти* с точки зрения форм их склонения не пережили никаких видимых изменений. Они не стали иметь форм двойственного и множественного чисел, но в единственном числе они как склонялись по типу существительных женского рода с древней основой на ĭ, так и склоняются теперь в современном русском языке.

Название же *десѧть*, склонявшееся исконно по основам на согласный (по типу *мати, дъчи*) и изменявшееся по числам, имело следующие падежные формы:

Единственное число	*Множественное число*	*Двойственное число*
И. десѧть	десѧте(-и)	И.-В. десѧти
Р. десѧте(-и)	десѧтъ	Р.-М. десѧтоу
Д. десѧти	десѧтьмъ	Д.-Т. десѧтьма
В. десѧть	десѧти	
Т. десѧтью	десѧтьми	
М. десѧте	десѧтьхъ	

В истории древнерусского языка это слово утеряло различие по числам, а в единственном числе получило те же падежные формы, что и *пять — девять*. Однако остатки старых падежных форм (вроде формы род. пад. мн. ч.) от *десять* сохраняются в образовании сложных по происхождению числительных (см. § 220).

§ 220. Уже отмечалось, что образования *одиннадцать — девятнадцать, двадцать, тридцать* и *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* в современном языке представляют собой одно слово, целое понятие, не разлагаемое на какие-либо части. Однако такое положение было не всегда. Если обратиться к группе *одиннадцать — девятнадцать*, то можно установить, что первоначально это было сочетание трех слов: *одинъ, дъва* или *дъвѣ, три* и т. д. + предлог *на* + местн. пад. ед. ч. от *десѧть — десѧте*, т. е. слова *одиннадцать, двенадцать, тринадцать* и т. д. (или, вернее, древнерусские *одинъ на десѧте, дъвѣ на десѧте* и т. д.) понимались как сложные: *один, два, три...* с в е р х *десяти*. С возникновением в мысли нового простого целого понятия об этих числах в языке возникает и новое образование числительных. Л. А. Булаховский, говоря об этом образовании, писал, что особые условия произношения числительных на восточнославянской почве привели к фонетическим изменениям этих форм. Если первоначально в сочетании *одинъ на десѧте* ударение имели и *один* и *десѧте*, то постепенно остается одно ударение лишь на слове *одинъ: оди́нъ-на-десѧте;* в результате этого возникает редукция заударных гласных, что приводит к произношению типа *оди́ннад(ь)сѧть* ([дс] > [тс] > [ц]) > *одиннадцать* (фонетически [адйнъцът']). Точно так же обстояло дело и с другими числительными этой группы, а нечто похожее произошло и при образовании числительных *двадцать, тридцать*. Если первона-

чально это были сочетания *дъва* + имен. пад. дв. ч. от *десѧть* — *десѧти* (*дъва десѧти*) и *три* + имен. пад. мн. ч. от *десѧть* — *десѧте* (*три десѧте*), то впоследствии те же фонетические процессы, которые были только что описаны, привели к возникновению современных форм.

Новые формы отражаются в памятниках с XIV в. Например, *пѧтьнатцѧть* (Дух. гр. 1389 г.), *двадцать рублевъ* (Новг. гр. XIV—XV вв.), *в тоу же двѣнадцать тысѧчи серебра* (Новг. гр. 1314 г.), *четыренадцать оужищь* (Гр. 1472—1479 гг.), *в тоу семнадцать лѣтъ* (Гр. 1493—1494 гг.) и др.

Что касается образований от *пятидесяти* до *восьмидесяти*, то в древнерусском языке они возникали путем сочетания *пѧть*, *шесть*, *семь*, *восемь* (из *осемь* > *осмь*) с формой род. пад. мн. ч. от *десѧть* — *десѧтъ*: *пять десѧтъ*, *шесть десѧтъ* и т. д. По существу это образование сохранилось и до настоящего времени; более того, сохранилась и такая особенность этих числительных, как склонение их обеих частей (ср.: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*), тогда как в числительных *одиннадцать* — *девятнадцать* и *двадцать*, *тридцать* никаких следов былого их сложного происхождения не осталось, хотя ср. в памятниках: *по пѧтинатцати* (Грам. 1584 г.), *по девѧтинатцати алтынъ* (Моск. гр. 1621 г.) и т. п.

§ 221. Из этой системы выпадают два числительных — *сорокъ* и *девѧносто*, вытеснившие в русском языке исконные формы *четыредесѧтъ* и *девѧтьдесѧтъ*, сохранившиеся в других славянских языках (ср. в памятниках *четырѣдесѧтъ и дъва лѣта* — Новг. лет.). Современное числительное *сорок* по происхождению является существительным со значением „рубаха" (ср. современное *сорочка*). В „сорок" можно было наложить 40 шкурок соболей, на полную шубу. Как видно, название предмета было перенесено на число этих соболей, а впоследствии вообще отвлечено от конкретности. Подобные факты перехода конкретного счета в абстрактный наблюдаются и в других языках; например, датское *ol* — „80" по происхождению существительное „шест", на котором нанизывалось 80 штук рыб.

Числительное *сорокъ*, отмечаемое в памятниках с XIII в., первоначально склонялось как существительное муж. р. с древней основой на *ŏ*. Для характеристики его склонения можно привести такие примеры из памятников: *взѧти сорокъ коунеи* (Двин. гр. XV в.), *полпѧта сорока бѣлки* (там же), *оу сороцѣ* (Зап.-русск. еванг. XV в.), *далъ... шесть сорокъ бѣлкѣ* (Двин. гр. XV в), *далъ три сороки бѣлки* (там же), *въ трехъ сорокехъ бѣлки* (там же), *конь воронъ въ пѧть сороковъ* (Новг. гр. XIV—XV вв.). Однако на протяжении истории русского языка, кроме формы имен. пад. *сорок*, сохранилась лишь еще одна форма — *сорока*, употребляющаяся в современном языке в качестве формы косвенных падежей.

Что касается числительного *девяносто*, то его происхождение

остается до конца не выясненным. Было высказано несколько точек зрения по этому поводу, ни одна из которых, однако, не может считаться окончательной (ср., например, гипотезу Ф. В. Ржиги, предложившего считать *девяносто* возникшим из сочетания *девять до ста*, т. е. „девять десятков до сотни". Изменение *девять-доста* > *девяносто* — результат фонетической диссимиляции [т] — [д] и влияния *девятнадцать*).

В памятниках письменности *девѧносто* отмечается с XIV в. Например, *во едине(м) д е в ѧ н о с т ѣ* (Новг. 4-я лет.), *два же д е в ѧ н о с т а моужь* (там же) и т. п.

Точно так же, как и *сорокъ, девѧносто* первоначально склонялось как существительное ср. р. с основой на *ŏ* и постепенно потеряло формы косвенных падежей, сохранив лишь одну — *девяноста*. Это же самое произошло и со словом *сто*, склонявшимся первоначально так же, как *девѧносто* (ср.: *в ъ д х ъ с т ѣ х ъ* (Новг. лет.), *во стѣ. роублѣхъ* (Дог. 1440 г.), *со с т о м ъ тысѧщами вои* (Новг. лет.). и т. п.), сохранившим ныне лишь одну форму в косвенных падежах — *ста*.

§ 222. Если обратиться к таким числительным, как *двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот* и т. д. до *девятисот*, то их происхождение и история вполне прозрачны.

Числительное *двести* возникло как сочетание *дъвѣ* с формой имен. пад. дв. ч. от *сто — сътѣ: дъвѣ сътѣ; триста* и *четыреста* — как сочетание *три* и *четыре* с имен. пад. мн. ч. от *сто — съта: три съта, четыре съта; пятьсот, шестьсот* и т. д.— как сочетание *пѧть, шесть* и т. д. с род. пад. мн. ч. от *сто — сътъ* > *сот: пѧть сътъ, шесть сътъ*. Не говоря об изменениях этих форм, связанных с падением редуцированных, можно отметить преобразование *дъвѣсътѣ* > *двести*, которое было обусловлено изменением [ě] > > [е] и [ě] > [и] в разных фонетических позициях и принадлежит к относительно позднему периоду. Все эти числительные характеризовались тем, что при их склонении изменялись обе части слова, но если *дъвѣсътѣ* склонялось по двойственному числу, то все остальные — по множественному, например: *двема стома* (Новг. гр. 1314 г.), *въ двою стоу* (Ипат. лет.), *двѣстѣ ру(б)* (Дух. 1389 г.), *вѧще треи сотъ* (Новг. ев. XIV в.) и т. п. В склонении этого числительного произошли изменения, связанные с утратой двойственного числа: это обусловило появление новых форм от *два* (см. § 217), и это же привело к тому, что *сто* стало склоняться по множественному числу (ср.: *двухстах, двумстам, двумястами* и т. д.).

Наконец, следует сказать, что есть большая разница между абстрактным и конкретным счетом. Счет путем специальных слов-числительных — это не то, что счет по пальцам. У целого ряда народов мира есть очень развитая система конкретного счета, но в то же время у них мало числительных, т. е. мало отвлеченных названий чисел. Развитие системы абстрактных чисел свидетель-

ствует о степени развития абстракции в мышлении людей, и поэтому важно учитывать наличие системы таких чисел в том или ином языке. В русском языке названия чисел росли постепенно.

Для обозначения десяти сотен издавна употреблялось слово *тысѧча*, склонявшееся по типу слов женского рода с основой на *ā* мягкой разновидности; например: *трехъ тысѧчахъ* (Лавр. лет.), *тремъ тысѧчамъ* (Новг. гр. 1314 г.), *дасть... тысѧцю бѣлки* (Двин. гр. XIII в.), *и взѧле... двѣ тысѧчи бѣлки* (Двин. гр. XV в.) и др. Понятие „10 тысяч" выражалось словом *тьма*, „100 тысяч" — словом *легионъ*, „миллиона" — словом *леодръ*, „десяти миллионов" — словом *воронъ*.

Современные *миллион, миллиард, биллион* и т. д.— слова позднего происхождения, заимствованные из других языков (*миллион* известно с XVII в., первоисточник — итал. *milleone*; *миллиард* и *биллион* — с XIX в., франц. *milliard, billion*) и не требующие никаких специальных комментариев.

СОСТАВНЫЕ, ДРОБНЫЕ И СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 223. В древнерусском языке для выражения сочетаний десятков с сотнями или сотен с десятками и единицами использовалась простая последовательность названий чисел, т. е. присоединение меньших чисел к большим. При этом полное присоединение могло осуществляться или без союзов, или при помощи союзов *и* и *да*. Так, например, число *21* могло быть выражено или как *дъва десѧти одинъ*, или как *дъва десѧти и одинъ*; число *156* — как *сѫто и пѧтьдесѧтъ и шесть* и т. п.

Для обозначения дробей в древнерусском языке употреблялись различные существительные. Так, для $^1/_2$ — существительное *полъ* („половина"), для $^1/_3$ — *треть*, для $^1/_4$ — *четверть* или *четь*, а для таких, как $^1/_5$, $^1/_8$, $^1/_{10}$ — существительные с суффиксом *-ина: пѧтина, осьмина, десѧтина*. Вместе с тем дроби могли обозначаться и сочетаниями названий дробных величин, например *полъ четверти* — $^1/_8$, *полъ полъ трети* — $^1/_{12}$ и т. п. Сложно обозначались сочетания единицы с дробями и единицы с половиной единицы, десятка и сотни. В этом случае обозначение осуществлялось путем сочетания с порядковым числительным, обозначающим вычитание из следующего числа. Так, например, в Мстиславовой грамоте 1130 г. числительное *25* обозначается как *полъ третьѩ десѧте*, что означает „два десятка и половина третьего десятка". Ср. еще *150 — полъ вътора сѫта*.

Особо следует сказать о собирательных числительных в древнерусском языке. К ним относились *дъвоѥ, троѥ, четверо* и т. д., которые склонялись или по именному, или по местоименному склонению как в единственном, так и во множественном числе и изме-

нялись по родам. Ср. примеры из памятников: *двоꙗ радость* (Ипат. лет.), *двои денги* (Домостр.), *растоуписѧ вода на двоѥ* (Лавр. лет.), *трои пчелы* (Гр. 1391—1428 гг.), *четверы двери* (Гр. 1568 г.), *конь шестеро* (Вкл. Варлаама 1192 г.), *пѧтеро коурицъ* (Гр. 1697 г.) и т. д. Эти слова употреблялись со значением „двойной", „тройной" и т. п. или в том же значении, что и количественные числительные. В истории русского языка они потеряли различие по родам и, закрепив в имен. пад. ед. ч. формы *двое, трое, четверо* и т. д., стали склоняться по местоименному склонению во множественном числе (ср.: *двоих, двоим, двоими*).

Что же касается их синтаксических связей, то если в прошлом они, сочетаясь с существительными, находились с ними в связи согласования, то позже эти соотношения стали такими же, что и у количественных числительных. В составе подлежащего они, употребляясь в имен. пад., требуют после себя существительного в род. пад. мн. ч., а в косвенных падежах согласуются с относящимися к ним существительными: *трое отцов, троих отцов, троим отцам* и т. п. Кроме того, если в древнерусском языке собирательные числительные могли сочетаться с любыми существительными, то теперь они могут быть лишь при названии лиц в основном мужского пола.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 224. Порядковые числительные в древнерусском языке, как и в современном, с грамматической точки зрения являлись прилагательными. Однако если теперь есть только полные порядковые числительные, то раньше были также и краткие: *пьрвъ, -а, -о* и *пьрвыи, -аꙗ, -оѥ, въторъ, -а, -о* и *въторыи, -аꙗ, -оѥ* и т. д. При этом порядковые после *10* являлись первоначально сложными образованиями, подобными образованиям количественных *11—19: въторъ на десѧте* — „двенадцатый". Когда из *одинъ на десѧте* и под. возникло *одиннадцать* и под. (см. § 220), тогда возникли и порядковые типа *одиннадцатый*.

Краткие порядковые числительные склонялись как существительные с древней основой на *ŏ* и *ā* и в истории русского языка вышли из употребления вместе с краткими прилагательными в роли определения (см. § 206). Следами их былого существования являются такие образования, как *сам-пят, сам-шост* и т. п. Полные же формы этих числительных, пережив те же изменения, что и полные прилагательные, сохранились.

Если наличие в древнерусском языке кратких и полных форм порядковых числительных ничем не отличало их от кратких и полных прилагательных, то возможность вступать в сочетания с количественными числительными для образования при этом сложных названий чисел, отделяло порядковые числительные от прилагательных. Следовательно, можно полагать, что сближе-

ние порядковых числительных с прилагательными было связано не только с утратой кратких форм, но и с вытеснением их из образований сложных числительных. Такое вытеснение вполне объяснимо, если учесть сказанное выше о превращении первоначальных сочетаний отдельных количественных числительных с падежными формами других таких числительных (типа *одинъ на десѧте, три десѧте* или *дъвѣ сътѣ*) в одно слово и о невозможности такого превращения сочетаний порядковых и количественных числительных.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953.— Т. II.— С. 181—190.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка.— М.; Л., 1924.— С. 261.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.—М., 1907.— С. 222—225.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка.—М., 1957.— С. 147—150, 185—187, 300—309.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.—М., 1953.—С. 219—223.

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

§ 225. Исходная система древнерусского глагола была близка к системе глагола других славянских языков, и особенно старославянского. Эта глагольная система характеризовалась целым рядом категорий, причем таких, которые есть и теперь в современном русском языке, однако их значение и формы в древности были иными по сравнению с современными. Так, например, как и ныне, существовали категории вида и времени, но они отличались от современных категорий и в плане содержания, и в плане выражения (в древнерусском языке были четыре формы прошедшего времени, каждое со своим значением; были две формы сложного будущего времени; категория вида находилась еще в стадии становления). Все глагольные формы разделялись на простые и сложные: простыми являлись настоящее время (как и простое будущее), аорист, имперфект, повелительное наклонение; сложными — перфект, плюсквамперфект (давнопрошедшее), сложные будущие времена, условное наклонение.

На протяжении истории русского языка категории глагола подверглись серьезным изменениям, причем особенно сильно изменились категории вида и времени, тесно связанные между собой. Эта связь заключается в том, что и та и другая категории выражают отношение действия к протеканию его во времени. Отличия же между ними связаны с тем, что категория времени выражает отношение действия к моменту речи, т. е. обозначает, когда происходит действие — одновременно, до или после момента речи, а категория вида характеризует действие с точки зрения протекания его во времени независимо от момента речи. Поэтому одним из наиболее важных вопросов истории глагола является история его видо-временной системы.

Однако, прежде чем останавливаться на этом вопросе, необходимо охарактеризовать ту систему времен, которая была свойственна древнерусскому языку к моменту появления письменности и которая в определенных своих чертах была отличной от системы времен старославянского языка, хотя и та и другая были унаследованы из праславянской эпохи.

СИСТЕМА ВРЕМЕН ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

§ 226. Система времен древнерусского языка включала в себя настоящее // будущее время, четыре формы прошедшего и две сложного будущего времени.

Вся эта система времен характеризовалась тем, что их различия в плане выражения, т. е. в парадигмах словоизменения, были связаны с планом содержания: каждая парадигма форм времени употреблялась для обозначения определенного отношения действия ко времени, точнее — к моменту речи.

Временные формы образовывались или от основы настоящего времени (формы наст. времени), или от основы прошедшего времени, выступающей в инфинитиве (формы аориста, имперфекта и причастия на *-л-*, входящего в состав перфекта, плюсквамперфекта и преждебудущего времени).

По формам настоящего времени все глаголы древнерусского языка делятся на пять классов — четыре тематических и один нетематический, как и в старославянском языке. Тематическими называются те глаголы, при образовании форм настоящего времени которых личные окончания присоединялись к корню не непосредственно, а при помощи так называемой тематической гласной. Нетематическими же глаголами являются те, в которых личные окончания в формах настоящего времени присоединялись непосредственно к корню. К тому же и личные окончания у тематических и нетематических глаголов были иногда различны.

Говоря о тематических гласных, следует учитывать, что в древнерусском языке они не всегда выступали в глаголах в ясно выраженной форме: в определенных случаях тематический гласный может быть вскрыт только для более раннего периода истории праславянского языка.

Глаголы I класса характеризовались тематическим гласным [е], чередующимся с [о]. Первую ступень чередования можно отчетливо увидеть в формах 2—3-го л. ед. ч., однако ступень [о] в формах настоящего времени не выявляется. К глаголам I класса относились такие, как *нести, вести, ити* (> *идти*), *мочи* и т. д. Во 2-м л. ед. ч. в формах *несеши, ведеши, идеши, можеши* тематический гласный [е] перед окончанием [ши] выступает совершенно ясно. Вторая же ступень чередования — гласный [о] — исконно выступала в 3-м л. мн. ч., но в древнерусских *несоуть, идоуть, могоуть* перед окончанием [ть] находится гласный [у], и только восстановление дописьменных форм **nesonti, *vedo-nti* и т. п. указывает, что [у] здесь по происхождению из [ǫ] < **on* (ср. ст.-слав. **несѫтъ, веджтъ, идѫтъ, могѫтъ**), где [о] — тематический гласный, а [n] относился к личному окончанию [nti].

II класс глаголов характеризовался тем же тематическим гласным [е], чередующимся с [о], но осложненным [н]: [не] ||

[но]. Сюда относились такие, например, глаголы, как *стати* (2-е л. *станеши*), *двиноути* (2-е л. *двинеши*) и др. И к этим глаголам относится то же замечание о характере проявления тематических гласных, какое было сделано о глаголах I класса.

III класс глаголов имел также тематический гласный [е] в чередовании с [о], но осложненный предшествующим [j]: [je] ‖ [jo]. Говоря об этих глаголах, следует иметь в виду, что у них выявление тематического гласного усложняется не только теми изменениями гласных, о которых говорилось выше и к которым надо присоединить еще изменение [jo] > [je] под действием фонетических законов (см. § 77), но и тем, что звук [j], попадая в положение после согласного, оканчивающего корень, ассимилировался, смягчив предшествующий согласный. Поэтому к глаголам III класса относятся не только такие, как *знати, дѣлати*, в которых во 2-м л. ед. ч. *знаеши, дѣлаеши* звук [j] выступает совершенно отчетливо ([знајеши], [дѣлајешн]), но и такие, как *писати, мазати, лизати*, где во 2-м л. ед. ч. в формах *пишеши, мажеши, лижеши* звук [j] отсутствует, но легко восстанавливается в **pis-je-š'i, *maz-je-š'i, *liz-je-š'i*: именно в результате изменений [sj] > [ш'], [zj] > [ж'] и возникли чередования [с] ‖ [ш], [з] ‖ [ж] в формах инфинитива и настоящего времени.

IV класс глаголов характеризовался тематическим гласным [и], выступающим в таких глаголах, как *любити, хвалити, коупити* (2-е л. ед. ч. *любиши, хвалиши, коупиши*; 3-е л. мн. ч. *любѧть, хвалѧть, коупѧть* из *l'ubętь, chvalętь, kupętь* < **l'ubi-nti, *chvali-nti, *kupi-nti*; [in] > [ę] > [ä] > ['a], [i] > [ь]).

К нетематическим относилось всего пять глаголов: *быти, дати, ѣсти* — „кушать", *вѣдѣти* — „знать" и *имѣти*. В 1-м л. ед. ч. у этих глаголов было окончание [мь] (*есмь, дамь, ѣмь, вѣмь, имамь*), во 2-м л.— [сн] (*еси, даси, ѣси, вѣси*, но *имаши*); в остальных лицах окончания были те же, что и у тематических глаголов.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 227. Спряжение глаголов в настоящем времени.

		Тематические глаголы			
		I класс (образец *нести*)	II класс (образец *стати*)	III класс (образец *знати*)	IV класс (образец *хвалити*)
Ед. ч.	1-е л.	несоу	станоу	знаю	хвалю
	2-е л.	несеши	станеши	знаѥши	хвалиши
	3-е л.	несеть	станеть	знаѥть	хвалить
Мн. ч.	1-е л.	несемъ	станемъ	знаѥмъ	хвалимъ
	2-е л.	несете	станете	знаѥте	хвалите
	3-е л.	несоуть	станоуть	знають	хвалять

Дв. ч.	1-е л.	несевѣ	станевѣ	знаквѣ	хваливѣ
	2-е л.	несета	станета	знакта	хвалита
	3-е л.	несета	станета	знакта	хвалита

Рассматривая формы спряжения тематических глаголов в настоящем времени, в них можно обнаружить ряд особенностей, отличающих древнерусский язык от старославянского.

Эти отличия касались 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., где вместо старославянских [ǫ], [ę] выступали [у] и [ä] в результате раннего изменения носовых в гласные чистого образования у восточных славян (др.-русск. *идоу, станоу, пишоу, хвалю* — ст.-слав. **идѫ, станѫ, пишѫ, хвалѭ**; др.-русск. *идоуть, станоуть, пишоуть, хвалять* — ст.-слав. **идѫтъ, станѫтъ, пишѫтъ, хвалѧтъ**), а также 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., где выступало окончание [ть] в отличие от старославянского **тъ** (примеры см. выше). Кроме того, в старославянском языке были различные формы во 2-м и 3-м л. дв. ч. (ср. 2-е л. **несета**, 3-е л. **несете**), тогда как в древнерусском здесь было одно и то же окончание.

Во всем остальном в начале исторического периода развития древнерусского языка отличий в формах настоящего времени по сравнению со старославянским языком в древнерусском языке не было.

Нетематические глаголы

		быти	*дати*	*ѣсти*	*вѣдѣти*	*имѣти*
Ед. ч.	1-е л.	ѥсмь	дамь	ѣмь	вѣмь	имамь
	2-е л.	ѥси	даси	ѣси	вѣси	имаши
	3-е л.	ѥсть	дасть	ѣсть	вѣсть	имать
Мн. ч.	1-е л.	ѥсмъ	дамъ	ѣмъ	вѣмъ	имамъ
	2-е л.	ѥсте	дасте	ѣсте	вѣсте	имате
	3-е л.	соуть	дадѧть	ѣдѧть	вѣдѧть	имоуть
Дв. ч.	1-е л.	ѥсвѣ	давѣ	ѣвѣ	вѣвѣ	нмавѣ
	2-е л.	ѥста	даста	ѣста	вѣста	имата
	3-е л.	ѥста	даста	ѣста	вѣста	имата

Древнерусские формы настоящего времени нетематических глаголов также обнаруживают некоторые отличия от старославянского языка. Эти отличия касаются опять-таки форм 3-го л. ед. ч. и мн. ч. ([ть] в др.-русск. языке при **тъ** — в ст.-слав.) и 2—3-го л. дв. ч. (одно окончание [та] в др.-русск. и различные окончания (**та** — во 2-м л. и **те** — в 3-м л.) — в ст.-слав.). Кроме того, следует иметь в виду, что глагол *ѣсти*, а следовательно, и все его формы настоящего времени выступали в старославянском языке с начальным [ja]: ср. ст.-слав. **ѩсти** — 1-е л. **ѩмь**, 2-е л. **ѩси** и т. д. (см. § 91).

§ 228. История форм настоящего времени.

Если говорить об истории форм настоящего времени нетематических глаголов, то прежде всего следует еще раз сказать об

исконной малочисленности данной группы, включающей в себя только пять глаголов.

Памятники XI в. отражают все формы наст. времени этих глаголов в том виде, в каком они реконструируются для исходной системы, однако уже с XII и особенно в XIII—XIV вв. наблюдаются изменения этих форм. Прежде всего в 1-м л. мн. ч. вместо исконного окончания *-мь* появляется *-мъ*, что может быть расценено как отражение отвердения конечного [м'] после падения редуцированных; так, в Лавр. лет.: *е с м ъ не молвилъ, азъ е с м ъ, д а м ъ;* в Жит. Феод. XII в.: *и м а м ъ азъ;* в Пчеле кон. XIV в.: *азъ ѣ м ъ и п ь ю* и др.

Если учесть, что глагол *вѣдѣти* был заменен в истории русского языка однокоренным глаголом *вѣдати*, который относился к III классу, а глагол *имѣти* уже с XI в. обнаруживал переход в этот же класс (напр., в Изб. 1073 г. *имѣю*, в Изб. 1076 г. *имѣеши, имѣеть*, в Сказ. о Бор. и Гл. *имѣете* и т. д.), то можно утверждать, что формы этих глаголов, образованные по образцу нетематического спряжения, оказались полностью утраченными. Утраченными оказались и исконные формы глагола *быти:* в современном русском языке сохранилось лишь 3-е л. ед. ч. *есть* и отчасти 3-е л. мн. ч. *суть*. Однако если форма *есть* широко выступает в русском языке и самостоятельно, и в качестве связки, то *суть* по существу сохранилось в сугубо книжном стиле речи, да и там употребляется крайне редко.

Следовательно, внимания заслуживают лишь формы 1-го л. ед. ч. глаголов *дати* и *ѣсти*. Возникновение в этой форме твердого [м] на месте исконного [мь] привело к совпадению ее с формой имен. п. мн. ч. Такое совпадение не могло укрепиться в языке, ибо возникла нежелательная омонимия форм разных чисел. Поэтому необходимо было найти средство, чтобы вновь разграничить эти формы. Это средство было найдено в употреблении в качестве 1-го л. мн. ч. формы повелительного наклонения *дадимъ, ѣдимъ* (см. § 251). Такие формы отмечены в памятниках XII—XIII вв.; например, *нъ мы потребоу д а д и м ъ брат* (Панд. Ник. Черн. 1296 г.), *кдѣ соуть г҃лщии ѣ д и м ъ и п и и м ъ*. Это обстоятельство повлекло за собой использование формы повелит. наклонения и во 2-м л. мн. ч., где вместо др.-русск. *дасте, ѣсте,* появились *дадите, ѣдите* (например, в Лобк. прол. XIII в.: *аще д а д и т е ны сдѣ мѣсто*; или в Новг. лет.: *не в ы д а д и т е азъ вамъ не кнѧзь*).

Что касается 2-го л. ед. ч., то в нем исконные др.-русск. *даси, ѣси,* широко зафиксированные в памятниках и сохраняющиеся еще в некоторых северновеликорусских диалектах, с XIV в. начинают выступать с *-ши* (напр., в Псалт. XIV в.: *вдаши, до избытка ѣ ш и*; в Прол. 1383 г.: *о(т)дащи*) по образцу тематического спряжения. В дальнейшей истории закрепились формы *дашь, ешь,* которые трактуются по-разному. Одни лингвисты полагают, что эти формы развились, как и формы 2-го л. ед. ч. тематического спряжения, в результате редукции [н] до нуля звука (см. § 229),

другие же (как например, А. И. Соболевский) считают, что и в этой форме, как и в 1—2-м л. мн. ч., наблюдается проникновение бывшей формы повелительного наклонения *дажь, ѣжь,* изменившейся после утраты [ь] и оглушения [ж] в *дашь, ѣшь.* Возможно, что эту точку зрения подтверждают факты памятников письменности, в которых зафиксирована форма *ѣжь* как в значении наст. времени, так и в значении повелит. наклонения. Например: *медъ обретъ в оудобьи ѣ ж ь, еда пресытився выблюешь* (Пчела, кон. XIV в.), *еже потѣ лица своего ѣ ж ь хлѣбъ свои* (Панд. Ник. Черн. XIV в.) — форма *ѣжь* в функции наст. врем.; *гл҃ша ему встани и ѣ ж ь* (Лобк. прол. XIII в.), *рци ему се о(т) бжихъ даровъ ѣ ж ь пиш* (Панд. Ник. Черн. XIV в.) — форма *ѣжь* в функции повел. накл. Эту точку зрения также, вероятно, подтверждают те некоторые современные говоры, которые сохраняют полузвонкость согласных на конце слов и в которых произносится [даж'], [јеж'].

Форма 3-го л. ед. ч. *дасть, ѣсть,* сохранявшая [т'] чуть ли не до XVII в., изменилась в *даст, ѣст,* как видно, под влиянием подобного же изменения в 3-м л. ед. ч. тематических глаголов (см. § 229). Такое же изменение конечного [т'] в [т] наблюдается и в форме 3-го л. мн. ч. глаголов *дати, ѣсти,* но, кроме того, здесь были и иные изменения. 3-е л. мн. ч. этих глаголов в древнерусском языке имело вид *дадѧть, ѣдѧть.* Однако если форма *ѣдѧть,* изменившаяся в современную *едят,* не требует особых комментариев, то появление вместо др.-русск. *дадѧть* современного *дадут* (форма *дадоуть* отмечается в памятниках с XIII в.; напр., в Смол. гр. 1229 г.: *дадуть, въздадуть*) может быть объяснено различно: во-первых, как изменение под влиянием причастий наст. времени *дадуча, дадучи;* во-вторых, как изменение под влиянием *будуть;* наконец, возможно предполагать, что *дадять* и *дадуть* были исконно параллельными образованиями, одно из которых укрепилось, вытеснив другое из употребления.

§ 229. Тематические глаголы претерпели в своем развитии меньше изменений, причем ряд этих изменений носил чисто фонетический характер. Речь идет об изменении [е] > [о] во 2—3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. ([нес'óш], [толкн'óш], [нес'óт], [толкн'óт], [нес'óм], [толкн'óм] и т. п. из [несéши], [тълкнéши], [несéть], [тълкнéть], [несéмъ], [тълкнéмъ] и т. п.) и о появлении этого [о] по аналогии во 2-м л. мн. ч. ([нес'óте], [толкн'óте] из [несéте], [тълкнéте]).

Однако, кроме этих, в целом прозрачных по характеру изменений, тематические глаголы пережили и иные, более сложные, требующие специального рассмотрения.

Так, внимания заслуживает форма 2-го лица единственного числа, где в старославянском языке выступало только окончание [ши]. Древнерусские памятники XI в., а также более позднего

времени фиксируют форму с окончанием *-ши*, реконструированную для исходной системы, однако начиная с XII в. в них появляются формы с окончанием *-шь: тружаешь* (Ев. XII в.), *прѣтъкнешь* (Пант. ев. XII — XIII вв.); *емлешь, вѣдаешь, дѣешь* (Гр. ок. 1300 г.), *погубишь, молвишь, избавишь* (Лавр. лет.) и мн. др. Если учесть, что праславянским окончанием, вероятно, было [шн], то едва ли можно предполагать, что древнерусские [шн] и [шь] были просто параллельными образованиями: скорее всего, [шь] — это продукт изменения первоначального [ши], возникшего в результате тенденции сокращать слоги-окончания, которые и после этого создают законченный облик морфологической формы. В самом деле, как форма *несеши*, так и форма *несешь* (т. е. после падения редуцированных сокращенная на один слог) равно определяют форму 2-го л. ед. ч., ибо ни та, ни другая омонимично не совпадают с какой-либо иной формой.

Что касается 3-го л. ед. и мн. числа, то древнерусские памятники до XIII в. фиксируют в этих формах окончание *-ть* (т. е. после падения редуцированных [т']), и этой особенностью они отличаются от старославянских памятников, имеющих здесь *тъ* (т. е. после падения редуцированных [т] твердое). Однако с XIII в., а особенно в XIV в. в древнерусских памятниках появляется написание *тъ* в 3-м л. ед. и мн. ч., что отражает твердое произношение конечного [т] в этих формах. Так, например, в Рус. Пр.: *дѣлитъ, исцѣлитъ*, в Парем. 1271 г.: *расыплетъ, чтоутъ*, в Лавр. лет.: *даетъ, крьнетъ, оускочитъ*, в гр. ок. 1374—1375 гг.: *иметъ, цѣлоуютъ*, в Смол. гр. 1229 г.: *купитъ*, в Ев. 1339 г.: *пиетъ, възглаголютъ*, в берестяной гр. № 157: *биютъ* и мн. др.

Вместе с тем начиная с XI в. в 3-м л. ед. и мн. ч. наст. врем. в памятниках письменности обнаруживаются формы без окончания *-ть* или *-тъ*. Для нетематических глаголов такие формы отмечаются большей частью у глагола *быти: чьто е волꙗ бжиꙗ, е ли ти жена, е ли ти жъ блдка* (Изб. 1076 г.), *е ли тебѣ чрь, трѣбе ми е клѣть* (Син. пат.), *ѩвѣ же е, трѣбе е* (Панд. Ант. XI в.), *е ли у него роба* (бер. гр. № 109), *а от гривны е мечнику куна* (Рус. Пр.); *су ли ты чада, су ли ты дъщери* (Изб. 1076 г.), *су* (Добр. ев. 1164 г.), *та же су седмь грѣхь* (Георг. Ам. XIII — XIV вв.); у других нетематических глаголов такие формы отмечаются реже: *иму* (Гал. ев. 1144 г.), *водадѧ* (бер. гр. № 163). У тематических глаголов формы 3-го л. ед. и мн. ч. фиксируются достаточно часто: *а къто горазнѣе сего н а п и ш е, възгласи* (Остр. ев.), *объвѣщтавае, призывае, не хоще* (Панд. Ант.), *кто м о ж е побѣдити* (Син. пат.), *къто м о ж е о(т)пущати, возлюби* (Арх. ев. 1092 г.), *гле нарицае, умирае, боли, боуде, бывае* (Изб. 1073 г.), *радость англы п р и н о с ѧ тебѣ дѣтели ... н о с ѧ* (Мин. 1096 г.). К XIV в. количество таких форм увеличивается: *аще б у д е кто убогъ, х о ч е добра, се и д е Русь, уста свои о (т) в е р з е, ис того лѣса п о т е ч е Волга, а кнгини х о ч е за вашь кнзь, не в о з м о ж е, кнзь ... п о ч н е слати* (Лавр. лет.), *а то п о и д е, что п е-*

р е м д е (Гр. 1314 г.), *п р и д е часъ* (Панд. Ник. Черн. XIV в.), *приде* (бер. гр. № 43), *поведе* (бер. гр. № 53), *гнѣвъ его о б л а д а е* (Палея 1406 г.); *кто ... с т в о р и криво, с т у ж и ми, ст̃ополкъ с ѣ д и коневи* (Лавр. лет.), *ся п р и г о д и* (Рус. Пр.), *приходи, достои* (Добр. ев.), *проси* (Гал. ев.) и др.; *а тѣ п о и д у къ Новгороду* (Гр. 1314 г.), *поидоу* (Новг. лет.), *тѣхъ в ы д а в а ю* (Гр. 1294—1301 гг.), *ся у р я д я* (Смол. гр. 1229 г.), *грады р а з б и в а ю яже с т о я до нынешняго дне* (Лавр. лет.), *испълня* (Гал. ев.), *проса, въсхыта* (Холм. ев. XIII — XIV вв.).

Таким образом, формы 3-го л. ед. и мн. ч. наст. врем. в памятниках XI — XIV вв. имеют три способа образования, отражающиеся на письме в виде написания на конце этих форм *-ть, -тъ* или отсутствия того и другого. В исходной системе была форма, имевшая на конце *-ть*, которая господствует в памятниках XI в. Следовательно, для эпохи до падения редуцированных на конце этих форм выступало [т'ь]. Вместе с тем уже в этот период древнерусский язык знал и формы 3-го л. без окончания, причем для XI в. такие формы были у глагола *быти* и у тематических глаголов на *-ати, -чи, -сти,* т. е. у тех, которые относятся ныне к I спряжению. Важно, что такие формы отмечаются в XI в. в памятниках как явно северного (берест. гр., Новгор. минеи), так и южного происхождения (Арх. ев., Изб. 1073 г., Панд. Ант.). Форма 3-го л. ед. ч. без флексии для глаголов на *-ити, -ѣти,* т. е. современного II спряжения, отмечена только в трех случаях, и только в южных памятниках. Поэтому можно предполагать, что форма 3-го л. ед. ч. без окончания была шире распространена в XI в. на юге Древней Руси, охватывая тематические глаголы всех типов образования; на севере же эта форма была ограничена только глаголами современного I спряжения.

Для 3-го л. мн. ч. сделать какие-либо выводы о характере распространения формы без окончания в XI в. трудно в силу малого количества зафиксированных в памятниках фактов.

В XII — XIV вв. формы без окончания распространяются шире: они фиксируются у разных нетематических глаголов, причем во мн. ч., и у тематических всех типов и в ед., и во мн. ч. Вместе с тем в этот период времени формы 3-го л. без окончания больше всего и шире всего обнаруживаются в северных по происхождению памятниках (Новг. лет. и новг. гр., Рус. Пр., Панд. Ник. Черн.), тогда как южные дают меньше материала. Иначе говоря, источники XII — XIV вв. свидетельствуют о значительном распространении форм 3-го л. без окончания в северных диалектах древнерусского языка, причем эти формы охватывали прежде всего ед. ч. и глаголы I спряжения; во мн. ч. они были характерны больше для глаголов II спряжения.

Опираясь на данные памятников, можно считать, что формы 3-го л. ед. и мн. ч. без окончания были с древних времен принадлежностью языка восточных славян, но это было диалектное образование, неравномерно территориально распространенное и

охватывавшее на разных территориях не одни и те же области глагольной системы. Возможно, что до определенного времени эти формы были развивающимся явлением, но они никогда не характеризовали словоизменение всех глаголов и никогда не были распространены во всем русском языке.

Что касается появления *-тъ* в 3-м л. наст. врем., то такие формы возникают в памятниках XIII — XIV вв. прежде всего северного происхождения (Новг. гр., Рус. Пр.), а также в смоленских и московских грамотах. Вместе с тем письменность XIII — XIV вв. удерживает в этой форме и написание *-ть*, что для эпохи после падения редуцированных является отражением наличия в ней [т']. Появление окончания *-тъ* не может быть связано для этой эпохи со старославянским влиянием, так как оно обнаруживается в оригинальной восточнославянской письменности, далекой от старославянской традиции. Следовательно, надо предполагать, что начиная с XIII в., а особенно в XIV в. на севере Древней Руси в 3-м л. наст. врем. развивается [т], причем оно отмечается как у нетематических, так и у тематических глаголов всех типов.

Появление [т] в одних диалектах древнерусского языка при сохранении [т'] в других отражается в современных русских говорах: в северновеликорусском наречии, во многих средневеликорусских говорах, а также в литературном языке в этих формах произносится [т], тогда как южновеликорусскому наречию и части средневеликорусских говоров свойственно [т'].

Проблема происхождения [т] в 3-м л. глаголов до настоящего времени остается не решенной, хотя в истории русского языкознания выдвигались различные гипотезы относительно причин его возникновения. Здесь прежде всего заслуживает внимания теория фонетического развития данного явления, выдвинутая в свое время А. А. Шахматовым, согласно которой изменение [т'] в [т] объясняется отверделнем после утраты редуцированных конечного мягкого согласного, подобно тому как отвердевали конечные мягкие губные. Эта теория, имеющая под собою, видно, некоторые основания, оказывается все же недостаточной, ибо не объясняет до конца, во-первых, почему такой фонетический процесс охватил лишь северные территории русского языка, а во-вторых, почему при отвердении [т'] а 3-м л. глаголов сохраняется мягкость [т'] в таких изолированных образованиях, как *опять, вспять, чуть* и под. Ведь если речь идет о фонетическом процессе, то это означает, что изменение какого-либо звука осуществляется в каком-то определенном фонетическом положении независимо от части речи или формы слова. Для фонетического изменения звука важна позиция последнего по отношению к ударению, к качеству соседних звуков или фонетико-фонологической структуре словоформы, а не морфологическая ее характеристика. Поэтому, если бы изменение [т'] в [т] носило фонетический характер, следовало бы ожидать, что после падения редуцированных каждое [т'] в конце слова должно было отвердеть, чего в

действительности в говорах, развивших [т] в 3-м л. глаголов, не произошло. Именно поэтому, в противоположность фонетическому объяснению Шахматова, С. П. Обнорским была выдвинута морфологическая теория происхождения [т] в этих формах. По мнению Обнорского, твердое [т] генетически является членом указательно-местоименного происхождения *тъ*, который присоединялся к глагольной форме, придавая ей значение определенности, тогда как формы без окончания выступали как неопределенные. Однако эта гипотеза оказывается недостаточно аргументированной фактами памятников письменности.

В специально посвященной этому вопросу работе „К истории форм 3-го лица наст. времени глагола в русском языке" (Slavia.— XXV / 2.— 1956) П. С. Кузнецов высказал ряд соображений в пользу как фонетического, так и морфологического происхождения [т] в формах 3-го л. наст. вр. По его мнению, отвердение конечных согласных после утраты последующего [ь] вполне объяснимо с артикуляционной точки зрения. Русский язык в артикуляционном отношении характеризуется постепенным переходом органов речи от состояния напряжения, при котором осуществляются речевые работы, к состоянию покоя. Такое свойство было характерно для русского языка с давнего времени, и с этим связана тенденция конечных согласных к ослаблению артикуляции, служащей для их образования; в этом плане твердые согласные произносятся с меньшим напряжением, чем мягкие, и поэтому все русские диалекты, хотя и в разной степени, отразили отвердение конечных мягких согласных. В северновеликорусских говорах артикуляция согласных характеризуется вообще меньшей напряженностью по сравнению с южновеликорусскими, о чем свидетельствуют такие фонетические явления этих говоров, как утрата интервокального [j], интервокальных [д] и [г], конечного [т] в сочетании [ст] и под. Отсюда возможно, что именно в этих диалектах могло пройти и фонетическое изменение конечного [т'] в [т].

С другой стороны, по мнению П. С. Кузнецова, есть основания и для принятия морфологического объяснения появления [т] в 3-м л. глаголов, а именно то, что указательное местоимение *тъ* в др.-русск. языке часто использовалось как подлежащее. В этом плане важным представляется и то обстоятельство, что если [т] в 3-м л. появлялось под влиянием местоимения-подлежащего *тъ*, то оно должно было сначала укрепиться именно в ед. ч. Некоторые олонецкие говоры как будто подтверждают такой путь развития: в этих говорах в ед. ч. глаголов I спр. выступает [т], а во мн. ч.— [т'] (у глаголов II спр. во мн. ч. здесь наличествует [т]). При подобном морфологическом объяснении становится понятным и отсутствие отвердения в изолированных образованиях типа *чуть, опять, вспять,* которые находятся вне глагольной системы, и его отсутствие в форме *есть* глагола *быть:* ведь утрата спрягаемых форм этого глагола, по существу, вывела сохранившуюся

форму 3-го л. *есть* из глагольного словоизменения, т. е. из-под влияния процессов, проходящих в рамках этой системы.

Фонетическое объяснение развития [т] в 3-м л. может получить поддержку еще и в том, что существуют определенные фонетические изменения, связанные с флексией, т. е. есть особая фонетика флексий. Проявление этой фонетики обнаруживается при избыточности фонемного состава этих флексий. Так, во 2-м л. ед. ч. наст. врем. в результате избыточности [и] во флексии [-ши] произошла редукция конечного гласного до нуля, хотя в ту эпоху [и] вообще не редуцировался. Такая утрата конечного [и] не повлияла на морфологический облик формы, который остался достаточно выраженным. Подобная же утрата избыточного конечного гласного обнаруживается и в истории инфинитива, где по диалектам прошло изменение [т'и] > [т'ь] > [т'], а в части говоров — даже [т'] > [т]. Возможно, что избыточность признака мягкости конечного [т'] в 3-м л. глаголов, проявляющаяся в том, что и без этого признака морфологическая выраженность формы оставалась достаточной, и обусловила отверделие [т'], которая осуществилась в диалектах с недостаточно развитым противопоставлением согласных по твердости-мягкости (такие диалекты относятся прежде всего к северновеликорусской территории). Особая фонетика флексий не затрагивала других образований с конечным [т'], как и с конечными [ши], [т'и], и поэтому такие образования сохранили свой исконный фонетический облик.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 230. В исходной системе древнерусского языка были две простые формы прошедшего времени — аорист и имперфект — и две сложные — перфект и плюсквамперфект (давнопрошедшее), причем каждое из этих времен отличалось от другого не только по набору флексий, но и по значению.

Все эти формы прошедшего времени были унаследованы из праславянской эпохи, однако в древнерусском языке они выступают иногда в несколько ином, по существу уже преобразованном виде по сравнению со старославянским, в котором эти формы были ближе к праславянским.

§ 231. Аорист. Как известно, в старославянском языке аорист мог быть трех типов: простой, древний сигматический и новый сигматический. Отличие между простым и сигматическим аористом заключалось в том, что второй образовывался при помощи особого суффикса *s* (греч. „сигма", откуда и название аориста), присоединяемого к основе прошедшего времени, тогда как простой аорист не имел этого суффикса (он и образовывался, в общем, от редких глаголов с основой прошедшего времени на согласный). Отличие между старым и новым сигматическим аористом было в том, что суффикс *s* в ста-

ром аористе присоединялся непосредственно к основе прошедшего времени, а в новом — посредством соединительной гласной. Надо иметь в виду, что суффикс *s* не сохранился в сигматическом аористе во всех формах: он выступал в виде *s* лишь тогда, когда попадал в сочетание с последующим *t*; в остальных же формах этот суффикс выступал в виде *ch*. При этом первоначально изменение *s* > *ch* осуществлялось лишь после индоевропейских звуков *i, u, r, k* (или после тех, какие развились из этих звуков на славянской почве). Например, от глагола *хвалити* аорист первоначально образовывался так: 1-е л. ед. ч. *chvali-* (основа прошедшего врем.) + *s* (суффикс аориста) + *o* (тематический гласный) + *m* (окончание): **chvalisom*. В положении после [i] звук [s] изменился в [ch], а [om] > [ъ]: *chvalichъ*, ст.-слав. хвалихъ. Впоследствии [x] было перенесено во все глаголы в качестве суффикса аориста, независимо от того, после какого звука этот суффикс находился (ср., например, знахъ, рекохъ и т. п.). Таким образом, древний суффикс *s* аориста выступал в виде [c] в форме 2-го л. мн. ч. (хвалисте) и в формах 2—3-го л. дв. ч. (хвалиста, хвалисте), а в виде [x] — в 1-м л. ед., мн. и дв. ч. (хвалихъ, хвалихомъ, хвалиховѣ). В 3-м л. мн. ч. звук [ch] оказывался перед гласным переднего ряда [i] в [*int] (из [ǫ]) и изменялся в [š']: *chvališ'ę* ([*int] > [ę]) — ст.-слав. хвалишѧ (< **chvalichint* < **chvalisnt*). Что же касается 2—3-го л. ед. ч., то здесь в сигматическом аористе выступали формы, равные основе прошедш. времени.

Так было в старославянском языке. В отличие от старославянского древнерусский аорист был лишь сигматический. При этом при образовании нового сигматического аориста от основ на согласный в формах 2—3-го л. ед. ч. как в старославянском, так и в древнерусском языке выступали формы простого аориста с окончанием [e]. Формы древнерусского аориста, по существу, ничем не отличались от соответствующих старославянских форм; отличия касались лишь изменения носового [ę] в [ä] > ['a] в 3-м л. мн. ч. (др.-русск. *хвалиша* при ст.-слав. хвалишѧ) и отсутствия различия форм 2—3-го л. дв. ч. (др.-русск. 2—3-е л. *хвалиста* и ст.-слав. 2-е л. хвалиста и 3-е л. хвалисте).

По своему значению аорист являлся простым прошедшим временем, обозначавшим как длительное, так и мгновенное единичное действие, полностью обращенное в прошлое. Он употреблялся тогда, когда речь шла о прошлом факте и когда прошедшее действие мыслилось как единичный, целиком законченный в прошлом акт.

Спряжение древнерусских глаголов в аористе может быть представлено в следующем виде:

Ед. ч.	1-е л.	несохъ	стахъ	знахъ	хвалихъ	быхъ
	2-е л. 3-е л.	несе	ста	зна	хвали	бы

Мн. ч.	1-е л.	несохомъ	стахомъ	знахомъ	хвалихомъ	быхомъ
	2-е л.	несосте	стасте	знасте	хвалисте	бысте
	3-е л.	несоша	сташа	знаша	хвалиша	быша
Дв. ч.	1-е л.	несоховѣ	стаховѣ	знаховѣ	хвалиховѣ	быховѣ
	2-е л. 3-е л.	несоста	стаста	знаста	хвалиста	быста

Следует иметь в виду, что глагол *быти* мог образовывать и другой аорист — с основой *бѣ*: 1-е л. *бѣхъ*, 2—3-е л. *бѣ*, 1-е л. мн. ч. *бѣхомъ* и т. д. Этот аорист употреблялся в значении имперфекта: *бѣ бо ихъ мало* (Лавр. лет.). Его называют имперфективным аористом.

Формы аориста в исходной системе могли варьироваться. Это варьирование касалось, во-первых, того, что в редких случаях выступали формы древнего сигматического аориста от глаголов с основой прошедш. врем. на согласный (типа 3-е л. мн. ч. *решѧ*), во-вторых, того, что в односложных глаголах во 2—3-м л. ед. ч. могло появляться вторичное окончание *-тъ* (наряду с *вьзѧ, би* могли быть формы *вьзѧтъ, битъ*); в нетематических глаголах в этих же формах могло выступать вторичное окончание *-сть*, перенесенное из парадигмы наст. врем. (наряду с *бы, да* могли быть формы *бысть, дасть*).

§ 232. Имперфект. В старославянском языке имперфект исконно образовывался с помощью особого суффикса *-ēach* (от основ прош. врем. на согласный), или *-aach* (от основ прош. врем. на [i]), или *-ach* (от основ прош. врем. на [ě] и [a]).

Так, например, от глагола *нести* 1-е л. ед. ч. имперфекта образовывалось следующим образом: *nes-* (основа прош. врем.) + *ēach* (суффикс имперфекта) + *o* (тематический гласный) + *m* (окончание): **nesēachom*; гласный [ē] на славянской почве изменился в [ě], [om] > [ъ]; так возникла форма 1-го л. **несѣахъ**, отмечаемая в старославянских памятниках (ср. ту же форму от **ходити**: **chodiaachom*; [i] перед [a] изменяется в [i̯] и далее в [j], [dj] > ст.-слав. **жд**; [om] > [ъ]. Отсюда 1-е л. ед. ч. **хождаахъ**). Во 2—3-м л. ед. ч., во 2-м л. мн. ч. и 2—3-м л. дв. ч. звук [ch] суффикса, попадая в положение перед [e], изменялся в [š']: ср. ст.-слав. **несѣаше, несѣашете, несѣашета**. Во всех остальных формах звук [ch] в суффиксе выступал без изменений.

Так было в старославянском языке. В отличие от этого в древнерусском языке в формах имперфекта происходило уподобление, а затем стяжение гласных в суффиксе: *несѣахъ* > *несѧахъ* > *несѧхъ, видѣахъ* > *видѧахъ* > *видѧхъ* (в суффиксе же *-аахъ* было простое стяжение: *хожаахъ* > *хожахъ*). Поэтому в исходной системе древнерусского языка имперфект имел всегда стяженные формы. Это первое отличие.

Во-вторых, во 2-м л. мн. ч. и 2—3-м л. дв. ч. вместо старославянского **-шет-** или **-шьт-** (**видѣашете, видѣашьте, несѣашете, несѣашьте**) в древнерусском выступало *-сте (видѧсте, несѧсте)*.

В-третьих, в 3-м л. мн. ч. присутствовало вторичное *-ть* из форм настоящего времени (*видѧхоуть, несѧхоуть, коуплѧхоуть* — в Новг. летоп.). Ко всем указанным отличиям прибавлялось, конечно, и ранее упоминавшееся изменение носового гласного в чистый у восточных славян.

По своему значению имперфект являлся также простым прошедшим временем, обозначавшим прошедшее действие, полностью отнесенное к прошлому, длительное и мыслимое как неограниченное во времени или повторяющееся без ограничения этой повторяемости.

Спряжение древнерусских глаголов в имперфекте может быть представлено в следующем виде:

Ед. ч.	1-е л.	несѧхъ	хвалѧхъ	бѧхъ
	2-е л. 3-е л.	несѧше	хвалѧше	бѧше
Мн. ч.	1-е л.	несѧхомъ	хвалѧхомъ	бѧхомъ
	2-е л.	несѧсте	хвалѧсте	бѧсте
	3-е л.	несѧхоу(ть)	хвалѧхоу(ть)	бѧхоу(ть)
Дв. ч.	1-е л.	несѧховѣ	хвалѧховѣ	бѧховѣ
	2-е л. 3-е л.	*несѧста*	*хвалѧста*	*бѧста*

Как формы аориста, так и формы имперфекта могли варьироваться, однако такому варьированию подвергалось лишь 3-е л. мн. ч., где, как уже говорилось, наряду с формой на *-аху, -яху* могли выступать формы с вторичным окончанием *-ть*, перенесенным сюда из наст. времени.

Если сопоставить формы аориста и имперфекта, то можно установить, что они отличались в исходной системе прежде всего гласными, оканчивающими основу глагола (напр., *несохъ — несѧхъ*), и иногда флексиями (напр., *несоша — несѧху*). Однако у глаголов с инфинитивом на *-ати* различий гласных в конце основы не было (*знахъ* — это 1-е л. и аориста, и имперфекта); у всех глаголов были и одинаковые флексии аориста и имперфекта; кроме 2—3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч.

§ 233. Перфект. Эта сложная форма прошедшего времени, которая представляла собой сочетание форм наст. времени вспомогательного глагола *быти* и причастия прошедшего времени на *-л-*, изменявшегося по родам и числам (§ 259), по своему образованию в исходной системе древнерусского языка ничем не отличался от старославянского перфекта, если не считать наличия [ть] вместо [тъ] в 3-м л. ед. и мн. ч. и [у] вместо [ǫ] в том же 3-м л. мн. ч. в формах глагола *быти* (т. е. *ѥсть, соуть* вместо *ѥстъ, сѫтъ*).

По своему значению перфект не являлся собственно прошедшим временем: он обозначал состояние в настоящее время, являвшееся результатом прошедшего

действия. Иначе говоря, форма, скажем, *есмь принеслъ* обозначала не просто прошлый факт, но и настоящее состояние: „я принес, и то, что я принес, в настоящее время находится здесь".

Спряжение древнерусских глаголов в перфекте может быть представлено следующим образом:

Ед. ч.	1-е л.	ѥсмь	неслъ,-а,-о	сталъ,-а,-о	хвалилъ,-а,-о
	2-е л.	ѥси	„	„	„
	3-е л.	ѥсть	„	„	„
Мн. ч.	1-е л.	ѥсмъ	несли,-ы,-а	стали,-ы,-а	хвалили,-ы,-а
	2-е л.	ѥсте	„	„	„
	3-е л.	соуть	„	„	„
Дв. ч.	1-е л.	ѥсвѣ	несла,-ѣ,-ѣ	стала,-ѣ,-ѣ	хвалила,-ѣ,-ѣ
	2-е л.	ѥста	„	„	„
	3-е л.				

§ 234. Плюсквамперфект в исходной системе древнерусского языка образовывался сочетанием форм имперфекта или имперфективного аориста вспомогательного глагола *быти* (*бѧхъ, бѧше, бѧхомъ* и т. д. или *бѣхъ, бѣше, бѣхомъ* и т. д.) и причастия на *-л-*, изменявшегося по родам и числам.

По своему значению это было прошедшее время, обозначавшее такое прошедшее действие, которое совершилось раньше другого прошедшего действия, а также отнесенный к прошлому результат еще ранее совершенного действия.

Спряжение глаголов в плюсквамперфекте в древнерусском языке может быть представлено в следующем виде:

Ед. ч.	1-е л.	бѧхъ (бѣхъ)	неслъ,-а,-о
	2-е л.	бѧше (бѣше)	„
	3-е л.		
Мн. ч.	1-е л.	бѧхомъ (бѣхомъ)	несли,-ы,-а
	2-е л.	бѧсте (бѣсте)	„
	3-е л.	бѧху(ть) (бѣху)	„
Дв. ч.	1-е л.	бѧховѣ (бѣховѣ)	несла,-ѣ,-ѣ
	2-е л.	бѧста (бѣста)	„
	3-е л.		

РАЗРУШЕНИЕ СТАРОЙ СИСТЕМЫ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН И СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОЙ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 235. Разрушение старой системы прошедших времен заключается в том, что вместо четырех форм — аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта — на протяжении истории русского языка постепенно устанавливается одна, по происхождению восходящая к перфекту.

Следует иметь в виду, что показания памятников, на которые опираются при изучении истории прошедших времен, неодинаковы в связи с неодинаковостью их в жанровом и стилевом отношениях. В памятниках церковно-религиозной литературы и в летописях система старых прошедших времен держится очень устойчиво и представлена полностью. Памятники же, находящиеся ближе к живой речи (в частности, деловая письменность), отражают достаточно ярко разрушение исходной системы.

Исходя из показаний памятников и сравнительного анализа славянских языков, можно думать, что раньше всего был утрачен имперфект: по данным историко-лингвистических исследований, он полностью отсутствует в деловых памятниках, прежде всего в грамотах даже самого раннего происхождения. Однако письменность XII—XIV вв. отчетливо свидетельствует об употреблении имперфектных форм в церковно-книжных памятниках древнерусского языка (в церковно-богослужебных книгах, в житийной литературе, в сборниках церковных постановлений и т. п.); широко представлены имперфектные формы в летописях, особенно в тех их частях, в которых есть повествование о прошлых событиях. Но формы имперфекта совершенно отсутствуют в „Русской Правде", в новгородских грамотах XIII—XIV вв., исследованных А. А. Шахматовым, т. е. в памятниках, наиболее близких живой народной речи XII—XIV вв. Однако следы его исконной принадлежности народно-разговорному древнерусскому языку обнаруживаются, по данным А. А. Зализняка, в двух новгородских берестяных грамотах предположительно первой половины XII в.: *а возывахо* (= *възывахъ*) **тѧ** (судя по несовершенному виду, это не аорист, а имперфект), *ты... дъѧшь* (= *дѣѧше*), [вь]*лѧшь* (= *велѧше*) — № 487; *мълвлѧше* — № 605. Более поздних примеров такого рода нет, и поэтому можно утверждать, что в народно-разговорном древнерусском языке имперфекта как особой глагольной формы времени уже не было к концу XII в.

В отличие от имперфекта формы аориста употребляются в памятниках значительно чаще не только в XI, но и в XII—XIV вв. и даже в XV в., причем не только в церковно-книжных источниках, но и в грамотах: *докончахо*(м), *отложихомъ, поставихомъ, выдахомъ* (Новг. гр. 1262 г.), *приѣхаша послы* (то же 1269 г.), *написахомъ, прави* (то же 1270 г.), *повелеша* (то же 1372 г.), *присла, о*(т)*иде* (Смол. гр. 1229 г.), *хотѣ* (берест. гр. № 179), *быхомъ* (то же № 66), *отложиша, уставиша* (Рус. Пр.) и др.

Широкая фиксация этих форм вообще и наличие их в деловой письменности XIV—XV вв. позволили историкам русского языка утверждать не только более позднюю утрату аориста по сравнению с имперфектом, но и его принадлежность народно-разговорному языку относительно поздних исторических эпох. Такое утверждение, можно сказать, является общепринятым, хотя если подходить к языку с последовательно системных позиций, то возникает

вопрос, на который пока что нет ответа: если четыре формы прошедшего времени характеризовали исходную систему древнерусского языка не только в плане выражения, но и в плане содержания, то какая форма древнерусского глагола стала выражать значение имперфекта после его утраты, ставившее его исконно в оппозицию к аористу?

По-видимому, вопрос о времени утраты в народно-разговорном древнерусском языке простых форм прошедшего времени должен решаться не только с учетом употребительности их в памятниках, но и с учетом образования и употребления форм аориста и имперфекта. Письменный язык мог долгое время удерживать такие образования, которые уже не были свойственны народно-разговорному языку, так как письменные памятники всегда „отстают" в отражении живых процессов в развитии языка, и поэтому сохранение аористных и имперфектных форм в письменности XII—XIV вв. нельзя прямолинейно отождествлять с их сохранением в живом языке. Более того, если полагать, что в XII—XIV вв. употребление имперфекта и аориста было характерно для книжно-письменного языка, то вместе с тем есть основания считать, что такое употребление в определенной степени было традиционным и не имело опоры в развивающемся народно-разговорном языке. Об отсутствии такой опоры свидетельствуют факты неправильного употребления не только имперфектных, но и аористных форм в письменности XIV—XV вв. Так, например, в Лавр. лет.: *собрасѧ братьи* (вм. *собрашасѧ*), *налѣзе вѧтичи* (вм. *налѣзоша*), *его же выгна новгородци* (вм. *выгнаша*), *не покориша (с) Василко* (вм. *покорисѧ*). И то же самое в отношении имперфекта: *владимирци... не хотѧше* (вм. *хотѧху*), и *цѣловаше и ... людье* (вм. *цѣловаху*) — Лавр. лет. Сюда же примыкают факты неправильного образования форм аориста и имперфекта: *се пожаловаше посадникъ и вси... посадники* (вм. *пожаловаша*) — Новг. гр. 1448—1454 гг.; *приведоху* (вм. *приведоша*) — Моск. ев. 1339 г.; *ту грамоту посадникъ подраше* (*вм. подра*) — Двин. гр. XIV—XV вв.; *иные въ водѣ потопаше* (вм. *потопаша*) — Новг. лет. и мн. др. Все эти факты могут свидетельствовать о том, что по крайней мере для XIII—XIV вв. аорист, а еще раньше имперфект уже были чужды народно-разговорному древнерусскому языку, и потому писцы, не имея этих форм в своей речи, не могли последовательно правильно употреблять их на письме.

Вместе с тем все же есть основания полагать, что в народно-разговорном языке аорист удерживался дольше имперфекта. Об этом свидетельствует не только широта распространения аористных форм в памятниках, но и то, что современный язык сохранил следы старых аористных форм, тогда как имперфект таких следов не оставил.

По происхождению формой 3-го л. ед. ч. аориста является современная частица *чу* (от глагола *чути* «слышать»), а также частица

бы, восходящая ко 2-му — 3-му л. ед. ч. аориста от *быти* и служащая теперь для образования условного наклонения (см. § 249). Аористные формы сохранились также в таких устойчивых сочетаниях, как *погибоша аки обри, своя своих не познаша.*

А. А. Шахматов полагал, что остатком аориста являются так называемые глагольные междометия типа *хлоп, бряк, бац, прыг* и т. п., которые связаны с глаголом и выступают в роли сказуемых и которые по форме тяготеют к простому аористу. Но это мнение, вообще говоря, сомнительно, ибо формы простого аориста в древнерусских памятниках не были употребительны. Если не говорить, конечно, о 2-м — 3-м л. ед. ч., где в глаголах с основой на согласный постоянно выступали формы простого аориста. Но образования типа *хлоп, бряк,* если считать их аористами по происхождению, должны быть возведены к 1-му л. ед. ч. простого аориста, что и является сомнительным для русского языка. Более вероятно другое предположение А. А. Шахматова — о сохранении следов аориста в конструкциях с особым употреблением повелительного наклонения для выражения внезапного действия, имевшего место в прошлом, и недлительного, типа *возьми и побеги, возьми и упади.* И по значению, и по форме они связаны с формами 2-го — 3-го л. ед. ч. аориста.

Что касается плюсквамперфекта, то в памятниках XI—XII вв. он употребляется значительно реже всех других форм прошедшего времени, так как специфичность его значения обусловливала редкость контекстов, в которых это значение было бы актуальным. Однако все же такие контексты есть, и они дают возможность утверждать наличие плюсквамперфекта в исходной системе. Так, например, в Син. пат.: *нынѣ даю вама имѣние еже ва бѣхъ и преже далъ; бѣ же и отъ еретикъ прѣмалъ проскомодию;* в Жит. Феод. Печ. XII в.: *и тако устреми сѧ къ кыѥвоу... бѣ бо слышалъ о манастырихъ, приведоша разбоиникы ихъ же бѣша ѩли въ селѣ;* в Мстис. ев. 1117 г.: *она же... въста скоро и иде къ немоу не бѣ же съ нею ис҃ъ пришелъ в вьсь, г҃ла еи ис҃ъ дажь ми пити оученици бо ѥго оушьли бѣахоу въ градъ и жены некыѩ ѩже бѣша исцѣлѣлы отъ недоугъ и ранъ* и некот. др. Столь же редко отмечаются формы плюсквамперфекта и в памятниках XIII—XIV вв.; так, например, в Новг. лет.: *и въ то времѧ оумьрлъ бѧше михалко, и кн҃зь... не движесѧ... сталъ бо бѣ на горѣ, пришли бо бѧхоу в ... 55 линехъ;* в Лавр. лет. (чаще): *за маломъ бо бѣ не дошелъ цр҃ѧграда ибо даша емоу дань, оу ѩрополка ... жена грекини бѣ и бѧше была черницею бѣ бо привелъ бо҃ць ѥго ... и вда ю за ѩрополка, видиши мѧ болное соущу ... бѣ бо разболеласѧ оуже,* и др.

В отношении характера функционирования этих форм следует сказать, что плюсквамперфект обозначал прошедшее действие, совершившееся ранее другого прошедшего действия, и потому часто употреблялся в придаточных предложениях (например, в Лавр.

лет.: *идохо (м) на Олга занеже б ѧ ш е п р и л о ж и л ъ к ъ п о л о в ц е м ъ;* см. также примеры выше), но он мог употребляться и в независимом предложении (например, в Лавр. лет.: *и тоу б ѧ х о у м о у ж и д в д в ы ... з а х о д и л ѣ*; см. также примеры выше).

Будучи формой, обозначавшей давнопрошедшее время, плюсквамперфект испытал иную судьбу, чем другие глагольные формы прошедшего времени, так как его значение было отлично от значения аориста, имперфекта и перфекта, обозначавших прошедшие действия по отношению к моменту речи: он обозначал прошедшее действие по отношению к другому прошедшему действию и только через него — уже отношение к моменту речи.

Однако судьба плюсквамперфекта оказалась связанной с историей других прошедших времен, что получило свое выражение в развитии способа образования данной формы.

Начиная с XIII в. памятники фиксируют новые формы плюсквамперфекта — формы, образованные сочетанием перфекта от *быти* и причастия прошедшего врем. на *-л-*. Правда, полная форма перфекта от *быти* в плюсквамперфекте употребляется редко: она отмечается, например, в Лавр. лет.: (2-е л.) *се уже п р е л с т и л ъ м ѧ е с и б ы л ъ д и а в о л ъ, о у д а р и л ъ е с и п ѧ т о ю н о в г о р о д ъ и ш е л ъ е с и б ы л ъ н а с т р ы ѩ*; в Новг. гр. 1304—1305 гг.: (1-е л. мн. ч.) *а что селъ и свободъ... т о д а л и е с м е б ы л ѣ а н д р ѣ ю.*

Появление перфекта вместо имперфекта или имперфективного аориста в составе плюсквамперфекта связано, без сомнения, с утратой в живом языке аористных и имперфектных форм. История плюсквамперфекта, таким образом, подтверждает с иных позиций высказанное ранее положение об утрате аориста уже в XIII в.

С другой стороны, сам перфект в своей истории достаточно рано утратил вспомогательный глагол в своем составе (см. § 236), а это обусловило его отсутствие и в форме перфекта от *быти*, когда последний выступал в составе формы плюсквамперфекта. Памятники XIII—XIV вв. отчетливо это обнаруживают; так, например, в грамотах отмечено: *а от немецъ б ы л и н а с у д е и с к а л и к о л о к о л а* (1284 г.), *юрги б ы л ъ в ы д а л ъ с о д в о р а* (берест. гр. № 4), *а что б ы л ъ о (т) я л ъ бра(т) твои* (1264—1265), *коли ся грамота п҃сна и ш л ъ б ы л ъ о(т) рж(с)тва г҃ня до сего л҃ета* (1229 г.), *которыѣ деревни о т и м а л ъ б ы л к н я з ь ... а те деревни потягнуть* (1389 г.); в Лавр. лет.: *а мене б ы л ъ с ъ б р а т о м ъ б ъ п р и в е л ъ и в о л о д и м и р ц и, а к҃нзь п р и ш е л ъ б ы л ъ н а р а т н и к а* и др.

Таким образом, памятники XIII—XIV вв. свидетельствуют о вытеснении старой формы плюсквамперфекта новой, которую для XIV в. следует признать присущей народно-разговорному языку и которая выступала как сочетание двух причастий на *-л-*. Эта форма фиксируется еще в грамотах XV—XVI вв.: *язъ в е л ѣ л ъ б ы л ъ*

ихъ судити а нонича есми ихъ пожаловалъ (1455—1462 гг.), *у меня ту грамоту взялъ чѣмъ мя былъ пожаловалъ* (1490 г.), *Якушъ у поля сталъ былъ да отъ поля сбѣжалъ* (1525 г.); и даже XVII в.: *и ты былъ ґрь... помѣстьемъ пожаловалъ меня* (Ив. Пересветов), *оте(ц) мои бы(л) наня(л) ся под Смоленскъ* (1642 г.), *казаки были на службу пошли а нынѣ воротилися* (1615 г.). Во всех этих случаях формы плюсквамперфекта сохраняют старое значение давнопрошедшего времени.

Однако судьба этой формы была предрешена: укрепление видовых отношений в русском глаголе приводило к тому, что выражение различий в протекании действия во времени при помощи особых форм переходило к виду или должно было осуществляться лексическими средствами; за формой прошедшего времени закреплялось только обозначение прошлого по отношению к моменту речи действия. Поэтому дальнейшая история плюсквамперфекта оказалась связанной, с одной стороны, с изменением его формы и значения. Преобразование формы заключалось в превращении вспомогательного глагола в неизменяемую частицу *было*, а преобразование значения — в том, что сочетание формы на *-л-* с *было* стало обозначать действие, готовящееся в прошлом, но не осуществившееся или начавшееся в прошлом, но прерванное другим действием: *я хотел было сказать, но не решился; он пошел было дальше, да вернулся.* Такое преобразование плюсквамперфекта обнаруживается уже в памятниках XVI—XVII вв.: *так же потомъ дядю нашего на насъ подъяша и со тѣми изменники пошелъ было къ новугороду* (Посл. Ив. Грозн.), *и моея головы искалъ в ыную пору бияше меня на колъ было посадилъ да еще богъ сохранилъ* (Жит. Аввак.) *а какъ началъ царствовать и в Российском государстве учалъ было заводить новую вѣру... и ему того не потерпѣли* (Котоших.). Эта конструкция оказалась очень устойчивой, и она существует в современном языке.

С другой стороны, форма плюсквамперфекта сохраняется в некоторых русских диалектах, но она обозначает просто прошедшее действие, т. е. не имеет какого-либо специфического значения, например: *зимусь все промерзло было, вчера девушка была пришла, у ней была болела голова, изба выгорела была* и т. д. И только редко в некоторых говорах северного наречия фиксируются факты сохранения старого значения плюсквамперфекта: *земля была высохла, да опять промокла; был царь, у этого царя была умерла дочь; они устали были, так спали крепко.* За исключением этой периферийной области распространения русского языка на всей остальной его территории плюсквамперфект как особая форма прошедшего времени была утрачена.

§ 236. Реконструированная для исходной системы форма перфекта как сочетание форм наст. врем. от глагола *быти* с крат-

ким причастием прошедшего времени на *-л-*, т. е. по существу как форма именного составного сказуемого, зафиксирована в памятниках XI в.; например, в Син. пат.: *сего ради есмь пришелъ да плачу сѧ, вѣста како есмь ходилъ съ вама, въ великоу сѧ еси славоу... въвелъ, кыимь сѧ есть крьстилъ*; в Остр. ев.: *не далъ еси козьлѧте, вѣмь ꙗко отъ бга еси пришелъ;* в Изб. 1076 г.: *ꙗко же бци соуть оуставили и заповѣдали.* То же наблюдается и в XII в.: *се азъ... повелѣлъ ксмь сноу... а се ꙗ... далъ ксмь блюдо... велѣлъ ксмь бити в нк* (Мстис. гр.); *въ критѣ на вечери прѣстоꙗлъ есмь* (Ник. Чудотв.); *оубо в тъ днь не възбранили соуть* (Устав. Студ.).

Однако исходные формы перфекта в ранней древнерусской письменности фиксируются относительно редко, хотя перфект, по-видимому, господствовал в XI и особенно в XII вв.: об этом свидетельствует широкое его употребление уже в преобразованном виде — без вспомогательного глагола. Такие формы отмечены прежде всего в ед. ч.: 1-е л.— *ꙗ имѣлъ нынѣ и вѣдѣлъ* (Син. пат.), *ꙗ далъ роукою своꙗ* (Мстис. гр.); 2-е л. — *ты осклабилъ сѧ* (Панд. Ант.); 3-е л. — *глѣбъ кнзь мѣрилъ море по ледоу* (Надп. на Тьмутар. камне), *еже ми отьць даꙗлъ и роди съдаꙗли... поустилъ же мѧ а иноую поꙗлъ* (бер. гр. № 9), *угрьньць псалъ* (Юрьев. ев. XII в.) и др. Можно установить, что пропуск вспомогательного глагола обнаруживается в тех случаях, когда присутствует подлежащее, выраженное существительным или местоимением. Если учесть, что в перфекте лицо выражалось формой вспомогательного глагола, то будет понятно, что наличие выраженного подлежащего делало связку избыточной. Вместе с тем формы без связки, обнаруживаемые в таких памятниках, как берестяная грамота № 9, относящаяся к XII в. и к северу Древней Руси, и надпись 1068 г., относящаяся к ее югу, могут свидетельствовать о живых процессах, затрагивавших перфектные формы, которые развились в древнерусском языке очень рано, и о том, что утрата аналитизма перфектом носила не диалектный, а общевосточнославянский характер.

Вместе с тем следует учитывать и то, что исконно перфект имел специфическое значение результативности: отнесенность результата прошлого действия к настоящему времени, выражающаяся формой настоящего времени вспомогательного глагола, отличала перфект от других форм прошедшего времени, более того — эта отнесенность к настоящему времени и обозначение существующего состояния вообще выводила перфект из состава типичных форм прошедшего времени.

Утрата вспомогательного глагола в составе перфекта снимала связанность этой формы с настоящим временем в плане выражения и начинала превращать причастие на *-л-* в простую глагольную форму, обозначающую прошедшее время. Утрата этого гла-

гола как средства выражения лица, производящего действие, компенсировалась употреблением существительного или местоимения в качестве подлежащего. Утрата же его как средства выражения отнесенности перфекта к настоящему времени не компенсировалась ничем, а, наоборот, вела к расширению значения перфекта как средства обозначения прошедшего действия вообще: связь этого действия с состоянием субъекта или объекта в настоящем времени или отсутствие этой связи стали выражаться только контекстом, а не особой временной формой.

Такое изменение значения перфекта, когда он начинает обозначать только действие, завершившееся в прошлом, можно обнаружить уже в надписи на Тьмутараканском камне: указание на точную дату события, отмеченного в надписи (*в лѣто* ·ѕ҃·ф҃·ѳ҃(ѕ҃)... *кнзь мѣрилъ*...), относит его в прошлое и никакого обозначения состояния в результате прошлого действия не содержит. В Син. пат. в тексте: *исть ослоушалъ еси мене и мяса ѣлъ* — форма *ѣлъ* также обозначает только определенное действие, законченное в прошлом. Точно такое же положение наблюдается в тексте Остр. ев.: *пѧть бо моужь имѣла ксі* (в прошлом) *и нынѣ* (в настоящем) *кго же* (нового мужа) *имаши*.

В то же время целый ряд употреблений перфекта свидетельствует и о сохранении им своего исконного значения результативности. Это выявляется в тех случаях, когда перфект обозначает действие, имеющее „вечное" значение, типа записей о даровании имущества монастырям или отдельным лицам; например, в Мстис. гр.: *се азъ... повелѣлъ ксмь отдати боуицѣ стомоу георгиеви съ данию и съ вирами ... а се ꙗ ... далъ ксмь блюдо ... велѣлъ ксмь бити в нк на обедѣ* ... — значение действия распространяется на „вечные времена". Точно так же в Изб. 1076 г.: *ꙗко же бци соуть оуставили и заповѣдали тако же створю самъ* — то, что „уставлено" и „заповедано", сохраняет свое значение и в настоящее время.

В памятниках XIII—XIV вв. достаточно широко употребляются исходные формы перфекта с вспомогательным глаголом: они отмечаются во всех лицах и числах и в памятниках как книжной, так и деловой письменности (в том числе и в берестяных грамотах) независимо от их территориальной принадлежности. При этом сохранение связки обнаруживается как при отсутствии формально выраженного подлежащего (напр., *възялъ есмь* ·к҃· *гривнъ а калисту есмь далъ село* (Гр. 1270 г.), *цто еси далъ нам* (берест. гр. № 370), *яко же ны възлюбилъ е (с) и възнеслъ есть* (Лавр. лет.), *а то есмы положили в ысправу* (Новг. гр. 1368—1371 гг.), *много бша погоубили есте* (Лавр. лет.), *ихъ крщеник пришли соуть* (там же) и др.), так и при его наличии (напр., *се язъ... докончалъ есмь* (Новг. гр. 1368—1371 гг.), *сего ты же еси хотѣлъ* (Лавр. лет.), *а иже есть изломилъ* [копье] (Рус. Пр.), *вы бо есте изнемогли* (Лавр. лет.), *бли... шли соуть*

в иер(с)лмъ (Чудов. сб. XIV в.) и т. д. Можно было бы предположить, что при наличии формально выраженного подлежащего употребление связки является избыточным, однако такое предположение возможно лишь в том случае, если перфект потерял свое исконное значение результативности: при его сохранении наличие связки должно быть признано закономерным.

С этой точки зрения в памятниках, с одной стороны, обнаруживается такое употребление перфекта, которое свидетельствует о сохранении им своего исконного значения; это прежде всего, как и в памятниках XI—XII вв., употребление его для обозначения „вечных" действий, типа записей с принесением клятв: *цѣловалъ есмь крстъ* (Смол. гр. 1359 г.), *крстъ еси ко мнѣ цѣловалъ* (Лавр. лет.) и под.— клятва сохранялась на „вечные времена". Исконное значение перфекта выступает и тогда, когда констатируется сохранение в настоящее время того, что возникло в прошлом: (Феодосий) *есть основалъ цркви* (Лавр. лет.) — церковь существует и поныне; *есть монастырь ... от ... стыя горы пошелъ* (там же) — возникнув раньше, монастырь есть и в настоящее время; *есть пошла русская земля, русская земля стала есть* (там же) — русская земля существовала издавна, существует и сейчас.

С другой стороны, в памятниках XIII—XIV вв. есть и такое употребление перфекта, когда он обозначает только прошедшее действие без всякого указания на отнесенность его результатов к настоящему времени; например, *старъ моужь оуношею былъ есть* (Пчела кон. XIV а.) — юность старика полностью отнесена в прошлое; *гла ѥмоу еси ли сѧ молилъ коли бгоу* (Жит. Ниф. 1219 г.) — наличие временного наречия *коли* (когда-нибудь) обусловливает аористное значение перфектной формы; *началъ есмъ писати ... м(с)ца генва(р) в ·би· ... и кончалъ есмъ м(с)ца марта* (Лавр. лет.) — указание на дату начала и окончания действия относит весь контекст к прошлому времени (поэтому в более древних текстах здесь употреблялся аорист; так, напр., в Остр. ев.: *почахъ же ѥ писати в лѣ/т/ ... а окончахъ е в лѣ/т/ ...*). Простая констатация факта в прошедшем времени устанавливается и в таких примерах: *въ сласть хлѣба есмь ѩлъ ни воды пилъ, ѩко злѣ пожилъ въ житии семь* (Лобк. прол. XIII в.); *что еси пожилъ бес печали, хотѣлъ есмь перетти, что оуноша оучил сѧ еси* (Лавр. лет.) и в других. Таким образом, сохранение в составе перфекта вспомогательного глагола не обязательно сопровождается сохранением им исконного значения, и потому употребление формы от *быти* при наличии формального подлежащего оказывается избыточным. В силу этого возможно полагать, что сохранение в памятниках XIII—XIV вв. аналитических форм перфекта представляет уже не живое явление древнерусского языка, а дань традиции.

Это подтверждается широким употреблением в тех же памятниках перфектных образований, выступающих в виде одного прича-

стия на *-л-*. При этом отсутствие форм от *быти* делало обязательным употребление при перфекте формально выраженного подлежащего. „Разрушенный" перфект используется в памятниках разной жанровой принадлежности и разной территориальной отнесенности. Например, 1-е л.— в Лавр. лет.: *язъ бо почалъ... бити, язъ васъ постригалъ;* в грамотах: *азъ ему отвечалъ* (берест. гр. № 3); 2-е л. — в Лавр. лет.: *ты ему добра хотѣлъ;* в грамотах: *ты его товаръ узялъ, ты ему не далъ, ты ему велѣлъ* (рижск. гр. 1300 г.); 3-е л.— в Лавр. лет.: *бо̄ць мои оумерлъ, олень мѧ болъ... одинъ топталъ... другыи... болъ, мечь о(т)ялъ, медвѣдь укусилъ... звѣрь скочилъ;* в грамотах: *платилъ за мене данило* (Новг. гр. 1270 г.), *не реклъ ми есифъ* (берест. гр. № 3), *братъ дѣялъ насилие* (Новг. гр. 1264—1265 гг.); 1-е л. мн. ч.— в Лавр. лет.: *мы... на полкоу ... томь ... не были;* в грамотах: *мы вашее братиѥ не обидѣли ни грабили* (рижск. гр. 1300 г.); 3-е л. мн. ч.— в Лавр. лет.: *иде(м) по ни(х) ... гдѣ же не ходили ни дѣди наши;* в грамотах: *а што селъ покупили... бояре* (Новг. гр. 1368—1371 гг.), *а тоу были бояре, исправили умнии купчи* (Смол. 1229 г.) и мн. др.

Огромное количество примеров употребления одного причастия для выражения временной глагольной формы подтверждает предположение о сохранении в XIII—XIV вв. аналитических образований перфекта лишь как традиционной формы. Это предположение подтверждается и тем, что к этому времени личные местоимения широко стали употребляться в качестве показателя лица действующего субъекта. Это означает, что причастие на *-л-* одно в определенных контекстах было достаточно для передачи не только значения времени, к которому относилось действие, но и лица, производящего действие.

Вместе с тем факты памятников письменности свидетельствуют о потере перфектом исконного значения результативности. Уже само отсутствие в составе перфекта вспомогательного глагола в форме наст. времени может означать разрушение его связи с выражением соотнесенности действия с наст. временем, так как причастие на *-л-* такой соотнесенности выражать не может. Если же такая соотнесенность вытекает из контекста, то она обозначается не временной формой, а лексическим наполнением или вытекает из общего смысла синтаксической конструкции. Так, например, контекст *отьць мои умьрлъ* может иметь значение простой констатации факта, отнесенного в прошлое, выраженного причастием на *-л-*, но может иметь и результативное значение, если для говорящего этот факт сохраняет свою актуальность в момент речи,— само причастие на *-л-* обозначает только прошедшее время.

Таким образом, употребление одного причастия прошедшего времени на *-л-* в качестве временной глагольной формы привело к утрате бывшим перфектом исконного результативного значения и

к превращению его в средство выражения прошедшего по отношению к моменту речи действия. К XIV в. перфект в виде причастия на *-л-* вытеснил в народно-разговорном древнерусском языке формы имперфекта и аориста и стал единственной формой прошедшего времени глагола в русском языке. Причастие на *-л-*, выступающее в предложении как глагольное сказуемое, стало восприниматься в качестве одной из спрягаемых форм глагола, однако „причастное" происхождение обусловило неизменяемость его по лицам (лицо выражается подлежащим), но изменяемость по родам (только в ед. ч., так как во множественном выступает одна форма для всех родов).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМЫ СЛОЖНОГО БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 237. В исходной системе древнерусского языка, кроме синкретической формы настоящего // будущего времени, из которой развились формы простого будущего, что было связано со становлением видовых отношений в истории русского языка (см. § 240—248), были две формы сложного будущего времени. Одна из них может считаться действительно аналитической формой, служащей для обозначения такого будущего действия, которое относится ко времени ранее другого будущего действия (так называемое п р е ж д е б у д у щ е е). Она образовывалась сочетанием личных форм будущего времени глагола *быти* с причастием прошедшего времени на *-л-*, изменявшимся по родам и числам. Таким образом, спряжение глаголов в преждебудущем времени в исходной системе может быть представлено в следующем виде:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1-е л.	буду читалъ, -а, -о	будемъ читали, -ы, -а	будевѣ читала, -ѣ, -ѣ
2-е л.	будеши "	будете "	будета "
3-е л.	будеть "	будуть "	будета "

Вторая форма сложного будущего времени, которая образовывалась сочетанием личных форм вспомогательных глаголов с инфинитивом, не может определенно считаться аналитической, так как в ее образовании в качестве вспомогательных участвовали глаголы, имеющие собственное лексическое значение, которое они вносили в эту форму. Иначе говоря, сочетание личных форм, например, глагола *начати* с инфинитивом, хотя и указывало на будущее время обозначаемого действия, одновременно с этим имело и значение начинательности, вносимое в сочетание глаголом в личных формах.

В сочетание с инфинитивом, имеющее значение будущего времени, в исходной системе входили глаголы *начати (почати)*, *хотѣти* и *имѣти*, которые обладали собственными лексическими

значениями: *начати* — значением начала действия, *хотѣти* — значением желания, *имѣти* — значением обладания. Наличием такого лексического значения эти глаголы отличались от *буду*, который обозначал только отнесенность действия к будущему времени. Поэтому сочетания личных форм глаголов *начати, хотѣти, имѣти* с инфинитивом в определенной степени тяготели к значению составного глагольного сказуемого, хотя, по-видимому, в некоторых контекстах они выполняли роль сложного будущего времени.

§ 238. История форм преждебудущего времени. В древнерусских памятниках XI и последующих веков преждебудущее время употребляется довольно редко, что связано со спецификой его значения. Однако употребление этих форм соответствует и в плане выражения, и в плане содержания реконструированной исходной системе. Для иллюстрации этого положения можно привести ряд примеров: 1-е л. ед. ч.— *а что буду прикупилъ ... бѣну моему* (Моск. гр. 1358 г.), *аще по моемь ошьствии свѣта сего аще буду бгу угодилъ* (Лавр. лет.), *а что буду прикупилъ или примыслилъ* (Моск. гр. 1378 г.); 2-е л.— *е даси дъштере и будеши съвьршилъ дѣло велико* (Изб. 1073 г.); *а тобѣ ...грамоты отимати кому будешь подава(л)* (Моск. гр. 1367 г.); 3-е л.— *будеть ли сталъ на разбои... то... людье не платять, а кто будеть началъ тому платити, или будеть сам началъ то ему за платежь* (Рус. Пр.), *взяти куны колико будеть далъ по исправе* (Новг. гр. 1305—1308 гг.) и др. В силу специфики значения формы преждебудущего времени чаще встречаются в деловых документах (в частности, они широко употребительны в Русской Правде) и реже в летописях.

Вместе с тем в памятниках XIII—XIV вв. эти формы, наряду с исконным значением преждебудущего времени, обнаруживают и иное значение — обозначение прошлого, завершившегося до момента речи действия. Так, в послесловии к Лавр. лет. в контексте: *оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ чтите исправливая* — формы преждебудущего времени обозначают завершившееся в прошлом действие — летопись уже написана. Точно так же в Моск. гр. 1353 г.: *кто ми ся будеть в винѣ досталъ или кто ся будет у тыхъ людеи женилъ всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю* — формы будущего времени в сочетании с перфектом *далъ есмь* обозначают прошедшее действие; или в Новгор. гр. 1325—1327 гг.: *а что будеть дѣдъ твои дѣялъ того ти не дѣяти* — дед „деял", конечно, в прошлом. По-видимому, при достаточной устойчивости этой формы значение ее не отграничивалось полностью от плюсквамперфекта, чему способствовало использование в обеих формах причастия прошедш. времени на *-л-*, которое рано стало ассоциироваться с выражением прошедшего времени.

Разрушению исконного значения преждебудущего времени

могло способствовать также частое его употребление в составе придаточных условных предложений (особенно часто такое употребление в Русской Правде), а эти предложения могли обозначать как прошлые, так и будущие действия.

Следует сказать, что частое употребление форм преждебудущего времени в придаточных условных предложениях породило мнение о том, что данную форму надо считать „условным будущим", однако в действительности это была чисто временна́я форма, не имевшая отношения к категории наклонения. Условность формы преждебудущего времени возникала в контексте и зависела от союза, которым вводилось придаточное предложение. Например, в предложении *оже будеть убилъ платити тако* (Рус. Пр.) конструкция *оже будеть убилъ* имеет условное значение, но его создает союз *оже*, а не форма *будеть убилъ*. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить с приведенным такое, например, предложение: *да возьметь свое иже кто будеть потерялъ* (Рус. Пр.) — „пусть возьмет свое тот, кто потеряет" — форма *будет потерялъ* выражает лишь будущее действие, которое совершится ранее другого будущего.

Форма преждебудущего времени держалась в русском языке *вплоть до XVII в., но уже в XV—XVI вв. ее употребление убывало*, а вместе с тем в памятниках наблюдаются случаи неправильного ее использования, что находит свое выражение в нарушении согласования связки с формой на *-л-* и в различного рода контаминациях с другими формами; например: *гдѣ буду погрѣшихъ* (Вклад. митроп. Макария), *а чево будетъ(я) забыла написати* (Гр. 1579 г.), *а будутъ тебе учнутъ звати и ты б того не дѣлал* (Гр. 1572 г.) и др. В XVII в. форма преждебудущего времени была утрачена полностью.

§ 239. Формы сложного будущего времени с глаголами *хотѣти*, *имѣти*, *начати* в памятниках встречаются чаще, однако не все случаи их употребления позволяют говорить о том, что это действительно формы будущего времени, а не глагольные составные сказуемые. Так, например, в случаях типа: *мы хочемѣ богу жаловатися* (Рижск. гр. 1300 г.), *цьто хочеть о(т)яти о(т) нивъ* (гр. 1192 г.), *хощу тя поѩти собѣ женѣ, блвити тя хотять* (Лавр. лет.), *которая ли вьрвь начнеть платити* (Рус. Пр.), *монастырь начнеть строити* (Лавр. лет.) — можно обнаружить значение желательности или начинательности, вносимое вспомогательными глаголами. В то же время для разных глаголов по-разному в сочетаниях с инфинитивом выступают аналитические формы будущего времени. В меньшей мере это относится к сочетаниям с *хотѣти*, где чистое значение будущего времени наблюдается редко: *утро хощеть быти* (Лавр. лет.; о желании здесь речи быть не может), *погыбель хотяше быти ему, искусъ хощеть встати на тя* (Рус. Пр.); чаще это наблюдается в сочетаниях с *начати*: *кнзь почьнеть*

хотѣти о(т)яти (Мстис. гр.), *да не кляти васъ начнуть* (Лавр. лет.), *аще ты ... радоватися начнешь, дружина смѣятися начнуть* (там же); и наиболее часто в сочетаниях с *имѣти: азъ брашьно имамъ ести* (Остр. ев.), *ты имаши пострадати* (Изб. 1073 г.), *ци имуть искати татарове* (Моск. гр. 1339 г.), *не имамъ тя помиловати, цр҃ковь ... бг҃ъ въздвигнути имать* (Лавр. лет.) и мн. др. Во всех примерах с *имѣти* этот глагол выступает как не имеющий собственного лексического значения и обозначает только отнесенность действия, выраженного инфинитивом, к будущему времени. Можно полагать, что конструкции с *имѣти* были наиболее близки в древнерусском языке к аналитической форме будущего времени (не случайно именно эти образования сохранились в некоторых современных диалектах). Определенные возможности стать аналитической формой будущего времени были и у сочетаний *хотѣти, начати* с инфинитивом. Однако у всех этих трех конструкций были такие особенности, которые препятствовали их развитию в аналитическую форму; для глаголов *хотѣти* и *имѣти* таким препятствием была их связь только с одушевленным действующим субъектом, для глаголов *начати* и *хотѣти* — наличие лексических коррелятов *почати, учати* и *похотѣти, въсхотѣти,* что способствовало сохранению собственного лексического значения вспомогательными глаголами. Все это вело к тому, что необходим был иной путь развития, причем путь этот должен был быть связан с развитием инфинитивных сочетаний, так как сочетания с причастием на *-л-* оказались „неперспективными" как способ обозначения будущего времени. Этот путь был найден в развитии инфинитивных сочетаний с глаголом *буду*.

§ 240. Становление аналитической формы будущего времени. Распространение глагола *буду* в сочетании с инфинитивом отражается в памятниках очень поздно: один из ранних примеров относится к 1388 г. и зафиксирован в западнорусской грамоте Корбута: *будемъ держа(т)*. Эта форма фиксируется в „Букваре" Ивана Федорова 1574 г.: *яко судити будетъ г҃ь, будешь имѣти надежду, радоватися будетъ сердце мое;* в XVII в. у Ивана Пересветова: *мудрости... будутъ приходити, будутъ доходити велможеи.* В московской деловой письменности эти формы распространяются с XVII в.: *я буду бить челом* (Сл. и дело госуд. 1637 г.), *мы ... о томъ будемъ говорить* (Посл. Мышецкого 1640—1643 гг.). В южновеликорусских грамотах она отмечена намного раньше: *але то што жь коли все баяре земляне будут город твердити* (1379 г.).

Были разные попытки объяснить появление конструкции *буду* + инфинитив. Опираясь на факт ее поздней фиксации в памятниках, некоторые лингвисты выдвигали предположение о заимствовании этой конструкции из белорусского языка или о

появлении ее под влиянием западных говоров, т. е. тоже о ее заимствованном характере. Однако такое предположение едва ли может быть принято, если иметь в виду повсеместное распространение конструкции в русских диалектах. Выдвигалось также предположение о появлении этой формы в результате разложения преждебудущего времени с последующей контаминацией ее с сочетанием *иму* + инфинитив. Но и это предположение вызывает сомнения, так как, с одной стороны, неясно, почему *буду* вытеснило другие глаголы в сочетании с инфинитивом, если эта форма никогда с ним не сочеталась, а с другой — если представить себе, что не вспомогательный глагол был вытеснен *буду*, а, наоборот, причастие на *-л-* было вытеснено инфинитивом в конструкции преждебудущего времени, то к XV в. причастие на *-л-* уже стало единственной формой прошедшего времени и настолько отличалось по значению от инфинитива, что вытеснение его инфинитивом не имело под собой никакой семантической базы.

Поэтому, по-видимому, были правы И. И. Срезневский, А. И. Соболевский и др., считавшие, что в древнерусском языке сочетание *буду* + инфинитив употреблялось наряду с другими инфинитивными сочетаниями.

Прежде всего следует иметь в виду, что первоначально, в праславянском языке, *буду (bǫdǫ)* в сочетании с инфинитивом употреблялся в начинательном значении (об этом свидетельствует тот факт, что исконно в корне этого слова выступал инфикс *н*, несущий это начинательное значение: *буду* < вѫдѫ = *bǫdǫ* < < **bondōm*); следовательно, исконно сочетание *буду* + инфинитив было равнозначно *начьну* + инфинитив, т. е. *буду* имело собственное лексическое значение. Вместе с тем этот глагол в определенных условиях имел и модальное значение, что обнаруживалось прежде всего в таких конструкциях, где форма 3-го л. выражала значение „нужно, надлежит": *как будетъ ему дѣлати*. Это обстоятельство отделяло *буду* от грамматической функции выразителя будущего времени. Следовательно, предпосылкой превращения *буду* в глагол-связку было изменение его семантики. Этот процесс шел на фоне преобразований в видо-временной системе и определялся тенденцией развития абстрактного восприятия времени действия в соотношении со временем высказывания. С развитием такого абстрактного представления о грамматическом времени в языке вырабатывались особые средства, заменяющие средства конкретизирующего характера (в этом смысле сочетание *начьну* + инфинитив привносило конкретный смысл в представление о протекании действия во времени). Утрата глаголом *буду* начинательного значения (чему, возможно, способствовало затемнение фонетической структуры корня в связи с утратой носовых у восточных славян) превращала этот глагол в грамматическую связку времени. Именно *буду*, лишенный лексического значения, оказался среди других вспомо-

гательных глаголов наиболее подходящим для того, чтобы выступать в составе аналитической формы будущего времени.

Что касается модального значения *буду*, то оно закрепилось за 3-м л. ед. ч., и, употребляясь с одушевленными и неодушевленными существительными, форма *будетъ* синтаксически стала выступать в безличном значении условного союза, имеющего модальное значение (она в этой роли утрачивала конечный [т]: *буде он придет, скажите* ... = если он придет...). Эта форма с ярко выраженной модальностью оказалась отделенной от *будет*, лишенного модального значения и превратившегося во вспомогательный глагол.

Таким образом, можно предполагать, что конструкция *буду* + инфинитив как аналитическая форма будущего времени существовала в говорах древнерусского языка уже к началу письменности, но не получила доступа в памятники до XIV в., будучи чуждой книжному языку, опирающемуся на старославянские традиции. Судя по письменным источникам XIV в., форма *буду* + + инфинитив бытовала прежде всего в говорах к юго-западу от Москвы, и именно поэтому она не получила отражения в ранних древнерусских памятниках: письменная история охватила преимущественно северные и северо-восточные говоры, получившие доступ в дошедшие до нас памятники.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 241. Как известно, наличие категории вида глагола отличает славянские языки, и в том числе русский, от многих иных (таких, например, как латинский, французский и др.). Вообще говоря, те языки, которые не знают категории вида, имеют развитую систему времен, и то, что русский язык передает видовыми различиями, в языках, не имеющих глагольного вида, передается разными временными формами. Однако древнерусский язык эпохи самых ранних его памятников характеризовался, как это было показано, сложной системой времен и в то же время имел формально выраженную категорию вида, связанную с этой временной системой.

Сложность отношений категории вида и времени древнерусского языка определяется тем, что в категории вида, свойственной славянским языкам, совмещается система отношений разного порядка, представляющих по происхождению два последовательных исторических напластования: различие законченности и незаконченности (т. е. совершенности и несовершенности) действия и различия по длительности. Основное различие, которое выступает в современном языке,— это отношение между совершенным и несовершенным видом, основанное на различии законченности и незаконченности дейст-

вня. Различие по длительности и недлительности, длительности и мгновенности иногда может совпадать с различием совершенности и несовершенности: например, *толкать* — несовершенный вид и длительное действие, а *толкнуть* — совершенный вид и мгновенное действие. Однако чаще такого совпадения нет: *делать* и *сделать* — виды разные, а оба действия длительные (ср. то же самое в *нести — понести, везти — повезти, писать — пописать* и т. д.). Это объясняется тем, что здесь действуют различные принципы противопоставления и действие может быть законченным и одновременно длительным.

Древнейшие памятники древнерусского языка показывают, что в начале исторического периода противопоставление совершенного и несовершенного видов наметилось уже достаточно отчетливо, причем это противопоставление имело и формальное выражение. В то же время внутри противопоставления совершенного и несовершенного видов выступали также формально выраженные более древние различия по длительности, которые конкретно характеризовали отношение действия к протеканию его во времени (длительность и мгновенность, начало действия, переход из одного состояния в другое, направленность и ненаправленность действия, результативность действия и т. д.). Эти древние видовые различия являлись в древнерусском языке наследием прошлых эпох, развившись, вероятно, еще в общеиндоевропейский период. Все они не затрагивали отношения действия к его законченности или пределу, а характеризовали действие только с точки зрения способа его протекания.

§ 242. Для выражения древних видовых различий использовались определенные структурные средства, которые в той или иной степени возможно восстановить. Таким структурным средством выступало чередование гласных в корне слов. Именно в славянских языках, утративших в целом древние видовые различия, были широко распространены чередования типа [о] // [а] (< [ŏ] // [ō]), [е] // [ě] (< [ĕ] // [ē]), [ь] // [i] (< [ĭ] // [ī]), [ъ] // [у] (< [ŭ] // [ū]), [е] // [о]. При этом долгие гласные выступали в глагольных основах, выражающих бóльшую длительность или повторяемость действия, а краткие — в основах, выражающих краткость действия или его одиночность (ср.: *положити — полагати, точити — тачати* и т. п.); в глаголах движения чередования гласных использовались при обозначении однонаправленного (определенного) и разнонаправленного (неопределенного) действия. Таковы отношения, например, между *летѣти — летати, нести — носити* и под.

Кроме того, структурным средством для выражения видовых различий служили еще показатели глагольных классов, которые некогда были живыми суффиксами, объединявшими глаголы, выражающие подобные другу другу действия. Так, например, показатель [j] III класса, как видно, выражал

длительное, ничем не ограниченное действие, что сохранилось в русских бесприставочных глаголах типа *знаю, хочу, пишу*. В группе глаголов II класса глагольный показатель *н* обозначал два различных в видовом отношении способа действия: постепенный переход из одного состояния в другое (*вянуть, сохнуть, чахнуть*) и единичное мгновенное действие (*толкнуть, пихнуть, стукнуть*).

Подобную же роль в прошлом играли и инфиксы, выступавшие у славян в немногих глаголах I класса, выражающих начинательное значение. Таков инфикс [n] в *лягу, сяду, буду* (из **lengōm, *sendōm, *bondōm*). Эти формы обозначали начало некоего состояния.

§ 243. Таким образом, исконно и в течение долгого времени в славянских языках существовали структурно оформленные видовые категории, определяющие протекание действия во времени. И лишь позже, постепенно, на базе некоторых из этих древних категорий начинает формироваться категория грамматического времени. Как видно, основные процессы в развитии категории времени осуществляются уже на почве отдельных языковых групп, после распада индоевропейского единства. Различие времен структурно оформляется прежде всего в различии личных окончаний: именно оформление этих окончаний кладет основу разграничения настоящего и прошедшего времени; так возникают временные формы настоящего времени, аориста, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта, структурно определенным образом оформленные. Развитие различия времен как средства выражения отношения действия к моменту речи способствовало тому, что в каждой временной категории стали совмещаться значения различного порядка: настоящее время начало выражать и длительность процесса, и его одновременность с моментом речи, аорист — и мгновенность, и его предшествование моменту речи и т. д.

§ 244. Итак, с установлением в индоевропейских языках категории времени старые видовые различия стираются. Однако в славянских языках развиваются новые видовые отношения, выражающиеся в противопоставленности совершенного и несовершенного вида.

Становление этих новых видовых отношений, развитие новой категории славянского глагольного вида было связано с возникновением в праславянский период приставочного глагольного словообразования.

Если говорить о роли глагольных приставок в становлении нового видового противопоставления, то надо иметь в виду, что формирование таких различий, выражаемых с помощью приставок, установилось не сразу. Если в современном русском языке любой глагол несовершенного вида (кроме кратных глаголов движения типа *носить, возить* и редких многократных глаголов типа *поталкивать*) в сочетании с приставкой любого значения дает глагол совершенного вида, то так дело обстояло не

всегда. Первоначально приставки, сочетаясь с глаголом, не вносили нового видового значения, а служили лишь средством образования от данных глаголов новых слов с иным лексическим значением.

Дело в том, что приставки этимологически связаны с предлогами. Большей частью приставки и предлоги даже и теперь тождественны, т. е. у определенных приставок есть соответствующие предлоги (ср. приставки и предлоги *у, на, за, в, при*; если теперь есть приставка *воз-*, но нет соответствующего предлога, то в древности был предлог *въз* — „вверх, взамен", а в сербском языке есть и теперь предлог *уз*, соответствующий др.-русск. *въз*). Будучи связаны материально с предлогами и этимологически развиваясь из предлогов, приставки первоначально вносили в глагол те значения, которые были свойственны соответствующим предлогам. Предлоги же, как известно, в большинстве случаев выражали и выражают пространственные отношения, из которых затем развивается ряд значений, и в первую очередь значения отношения ко времени. Подобное развитие обусловлено тем, что в человеческом сознании связаны категории времени и пространства как основных форм существования материи. Так, например, приставка *с* (*слезать, спустить, соскочить* и т. д.) первоначально обозначала пространственное перемещение (движение вниз), в результате чего действие становилось ограниченным в пространстве; затем вырабатывается более отвлеченное значение — наличие временно́й границы действия, т. е. значение завершенности действия во времени.

Процесс превращения приставок в грамматическое средство был длительным и неравномерно протекающим и для отдельных приставок, и для разных групп глаголов, обозначающих различные способы действия.

§ 245. Вместе с развитием приставочного глагольного словообразования проходил процесс обобщения отдельных способов действия праславянских глаголов: все они были объединены в три большие группы — предельные (т. е. обозначающие действие, достигающее своего предела), непредельные и нейтральные в отношении предельности-непредельности глаголы.

В группе приставочных предельных глаголов ядро составляли глаголы результативного способа действия, к которым примыкают глаголы начинательного значения, а также моментально-одноактного действия, образованные с суффиксом *-ну-*. Глаголы состояния входили в группу непредельных глаголов.

В группе предельных глаголов, точнее, в ее ядре — в результативных глаголах — появляется потребность формально разграничить значение процесса действия, направленного на достижение результата, и значение достижения самого результата, что первоначально выражалось одним глаголом. Таким образом, воз-

ннкла потребность разграничить, например, в глаголе *sъbьrati* значение „быть в процессе собирания" и „собрать". Для разграничения этих значений была использована уже имевшаяся в праславянском языке модель противопоставления определенного и неопределенного действия, выражаемого противопоставлением чередующихся гласных *(letěti — letati)*. По этой модели приставочные глаголы типа *sъbьrati* получали пару *sъbirati*, в значении которой выступала процессность действия или неопределенная его кратность. Эти глаголы, таким образом, получали значение имперфективоа — глаголов несовершенного вида, которые противопоставлялись глаголам общего вида, т. е. не характеризованным по виду, совмещавшим в себе значение процессности и значение достижения результатов действия. Первоначально такое имперфективное значение в праславянском языке получала лексически ограниченная группа предельных приставочных глаголов. Однако постепенно производные основы типа *sъbirati, sъbirajetь* расширяются и полностью охватывают область выражения значения процессности. Производящие основы типа *sъbьrati, sъberetь*, сохранявшие первоначально значение общего вида, оттесняются в область передачи значения достигаемого предела. Когда основы общего вида утрачивают возможность употребляться для обозначения процесса, тогда общий вид превращается в совершенный, характеризующий достижение предела действия. С появлением совершенного вида складывается современная категория вида, однако она пока что охватывает лексически ограниченную группу приставочных результативных глаголов.

§ 246. Дальнейшее развитие категории вида было связано со втягиванием в противопоставление глаголов совершенного и несовершенного вида других глагольных лексических единиц, а вместе с тем — с изменением смыслового содержания этой категории. Обозначая первоначально процессность, повторяемость действия, глаголы несовершенного вида начинают иметь более общее значение обозначения действия без указания на его целостность. С другой стороны, глаголы совершенного вида вместо узкого значения результативности получают более широкое значение обозначения неделимости, целостности действия. В таком состоянии категория вида дожила до распада праславянского единства, до начала развития отдельных славянских языков.

Ко времени складывания исходной системы древнерусского языка в нем уже были определенные видовые отношения, охватывающие приставочные глаголы,— для этих глаголов было характерно противопоставление их по совершенному-несовершенному виду. Однако особенностью категории вида этого периода времени было то, что ведущим выступал несовершенный вид: он оформлялся у глаголов, производных от приставочных, с помощью определенных суффиксов, вносящих в них имперфективное значение. В то же время приставочные глаголы, не имевшие суффикса

имперфективации, хотя частично уже развили значение совершенного вида, все же сохраняли вместе с тем и значение общего вида, нейтрального по отношению к обозначению целостности действия.

Для этого периода времени было характерно и то, что сами средства имперфективации, способы образования глаголов несовершенного вида, были еще в стадии становления, в стадии „выбора". В качестве этих средств выступали, с одной стороны, древние и новые глагольные суффиксы, равно унаследованные от праславянского языка (таковы, например, были суффиксы [-j-] (*налити — налиѭти*), [-ва-] (*въздати — въздавати*), [-ja-] (*въ звысити — възвышати* < **vъzvy-s-i-a-ti*), а также чередования корневых гласных типа *о // а (побороти — побарати), е // ѐ (плести — плѣтати)* и др. В связи с неупорядоченностью средств имперфективации, а также и потому, что эти средства использовались не только для образования глаголов несовершенного вида, а и для иных образований (в частности в отыменном словообразовании), в древнерусском языке начального периода его развития наблюдалась вариативность в образовании имперфективных глаголов (например, *налити — налиѭти, наливати; навести — наводити, навожати; догънати — догонити, догоняти; выдати — выдаѭти, выдавати; въпустити — въпускати, въпущати* и т. п.). С другой стороны, уже в XII в. возникает новый суффикс имперфективации — *-ива- (-ыва-)*, который выделился в составе глаголов, имевших суффикс *-ва-*: гласные [и] и [ы] основы глагола в результате переразложения отошли к суффиксу. Так возник специализированный суффикс имперфективации, у которого была одна функция образования глаголов несовершенного вида и который по своей структуре мог присоединяться к любой глагольной основе. Неоднофонемность и простота построения этого суффикса обеспечивали его информативность, а также неизменяемость во всей глагольной парадигме. Это все обусловило широкую продуктивность образований с суффиксом *-ива- (-ыва-)*, который к XIV в. стал универсальным средством имперфективации. Период XIV в.— это время полного развертывания системы средств выражения видовых различий древнерусского языка. В последующие периоды эта система переживала лишь упорядочение и свертывание, т. е. уход из языка многочленных вариантных корреляций и укрепление двучленных — глагол совершенного вида // глагол несовершенного вида.

Продуктивность суффикса *-ива- (-ыва-)* способствовала распространению его не только в приставочных (напр., *умыкиваху* — Лавр. лет., *приставливати* — Новг. гр. XIV—XV вв.), но и в бесприставочных глаголах (напр., *купливал, кашивал*). Присоединяясь к бесприставочным глаголам, этот суффикс стал средством образования так называемых многократных глаголов, т. е. глаголов, обозначающих особый способ действия и оказавшихся в подчиненном отношении к противопоставлению совершенного и несовершенного вида. Такие бесприставочные многократные гла-

голы были очень продуктивными в XV—XVII вв. и широко сохранялись в XVIII— нач. XIX в. В литературном языке этого последнего времени подобные формы от бесприставочных глаголов получили новый оттенок значения, сближающий их с плюсквамперфектом: глаголы на *-ива-*, *-ыва-* стали обозначать не просто прошедшее время, но и давно бывшее. Именно так они воспринимаются, например, у Пушкина: *Здесь барин с и ж и в а л один, здесь с ним зимой о б е д ы в а л покойный Ленский* („Евгений Онегин"). У приставочных же глаголов с суффиксом *-ива-*, *-ыва-* устойчиво сохраняется значение многократности: *посматривал, похаживал, посиживал* и т. д.

§ 247. Распространение суффикса *-ива-*, *-ыва-* как универсального средства имперфективации повлекло за собою четко выраженную видовую дифференциацию глаголов, входивших в видовые противопоставления. А это в свою очередь обусловило превращение приставок в г р а м м а т и ч е с к о е с р е д с т в о п о к а з а т е л я с о в е р ш е н н о г о в и д а, т. е. средства в и д о о б р а з о в а н и я. Это обстоятельство привело к втягиванию в видовое противопоставление и простых бесприставочных глаголов, вставших как образование несовершенного вида в оппозицию к приставочным глаголам совершенного вида.

К XVII в. категория вида глагола приобрела то состояние, какое обнаруживается в современном языке: каждый глагол относится к совершенному или несовершенному виду (за исключением немногих так называемых двувидовых глаголов), и от каждого глагола несовершенного вида с помощью приставки может быть образован глагол совершенного вида (за исключением глаголов разнонаправленного движения и многократных).

§ 248. Развитие категории вида, противопоставления глаголов совершенного и несовершенного вида осуществлялось в праславянском и древнерусском языках тогда, когда сохранялась определенная сложная система времен. В связи с тем что и категория вида, и категория времени связаны с характеристикой протекания действия во времени, между этими категориями возникало взаимодействие, что характеризовало развитие видо-временных отношений.

В исходной системе древнерусского языка приставочные глаголы совершенного вида обнаруживают связь с аористом, а такие же приставочные глаголы несовершенного вида — с имперфектом, т. е. в кругу приставочных глаголов, вступавших в первые видовые корреляции, была тенденция к дополнительному распределению форм времени у членов видовой корреляции (например, от *поставити* (сов. в.) образовывался аорист *поставиша*, а от *поставляти* (несов. в.) — имперфект *поставляху*; точно так же: *погрѣсти — погрѣбоша*, но *погрѣбати — погрѣбяху*). Эти соотношения фиксируются в памятниках: *б я х у мужи смыслени, н а р и ц а х у ся поляне* (Лавр. лет.), *с т о ш е вся осенина дъжде-*

ва, ѩдаху люди кору, не можаху пси изѣдати члкъ (Новг. лет.) — имперфект от несов. вида; *позваша и ростовьци, приде ростову, поби мразъ* (Новг. лет.) — аорист от сов. вида. Эта тенденция действовала и в формах настоящего времени приставочных глаголов. В связи с тем что исконно формы настоящего времени были синкретичны, т. е. совмещали в себе значение и настоящего и будущего времени (или иначе — значение одновременности с моментом речи и значение следования), с развитием видового противопоставления у приставочных глаголов формы глаголов несов. вида приобрели значение актуального или абстрактного настоящего времени (ибо оно связано с процессностью), а формы глаголов сов. вида — значение будущего.

Простые бесприставочные глаголы, которые не участвовали в видовой корреляции, сохраняли синкретичную форму настоящего // будущего времени, значение которой определялось контекстом, а в прошедшем времени имели как формы аориста, так и формы имперфекта.

По-видимому, в связи с тем что сов. вид лишь постепенно развивался из общего вида, в древних памятниках наблюдается несоответствие временнóй формы и видового значения глагола. Так, например, формы аориста могут оказаться образованными от глаголов несов. вида: *живе, ходи* (Лавр. лет.), *ѣхаша в тферь* (Новг. лет.), а формы имперфекта — от глаголов сов. вида: *умряше, поставяху, сожьжаху* (Лавр. лет.).

§ 249. Дальнейшее развитие видо-временных отношений определяется двумя процессами.

Во-первых, появление и быстрое развитие суффиксов *-ива-, -ыва-* сделало возможным легкое образование глагола несов. вида от любого приставочного глагола. Поэтому все такие глаголы втягиваются в видовую корреляцию. В связи с этим становятся более четкими видовые значения обоих ее членов, т. е. окончательно формируется значение сов. вида. А это означало ликвидацию синкретичной формы настоящего // будущего времени сначала у приставочных, а затем и у бесприставочных глаголов. Значение будущего времени закрепилось за формами глаголов сов. вида, а значение настоящего — за формами глаголов несов. вида.

Во-вторых, установление перфекта как единственной формы прош. времени с общим значением обозначения предшествования действия моменту речи привело к тому, что обозначение характера протекания действия во времени было переведено в синтаксический план. Связь формы времени с видом глагола, какая была у аориста и имперфекта, перестала существовать, ибо причастие на *-л-* образовывалось от любой глагольной основы. Иначе говоря, новая форма прошедшего времени стала свободно образовываться от обоих членов видовой корреляции.

Последним моментом в становлении современных видо-временных отношений явилось развитие особой формы будущего време-

ни у глаголов несов. вида. Это развитие было связано со становлением аналитической формы *буду* + инфинитив несов. вида. В этой форме *буду* однозначно указывает на вид инфинитива (ибо *буду* не может быть отнесено к завершенному действию), и тем самым в данной аналитической форме слиты в одно вид и время (в прошедшем времени как раз наоборот: форма времени не связана с видом). Со становлением формы будущего времени несов. вида окончательно сформировалась видо-временная система, характеризующая современный русский язык.

ИСТОРИЯ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 249. В древнейших старославянских памятниках условное наклонение выражалось сочетанием особых форм от глагола **быти** (а именно ед. ч. **бимь, би**, дв. ч. **бивѣ, бисте, бисте**, мн. ч. **бимъ, бисте, бишѧ**) с причастием на *-л*, изменявшимся по родам, числам.

Однако древнерусский язык таких форм не знал. В его исходной системе условное наклонение образовывалось сочетанием форм аориста от *быти* и причастия на *-л-*, изменявшегося по родам и числам. Такие формы условного наклонения фиксируются в ранних памятниках письменности; например, в Изб. 1076 г.: *аште бо б ы слава сего мира п р и б л и ж и л а сѧ славѣ нбсьнѣи не б ы ш ѧ снве мира сего р а с п ѧ л и га славы; рече бъ согрѣшилъ иси ты и оба дроуга твоѧ и аште не иова дѣлѧ слоугы моего то п о г о у б и л ъ вы б ы х ъ; аште б ы с т е х р а н и л и въ чьсть иго же ѩсте не м о г л и б ы х о м ъ отиноудь приближити сѧ ли врѣдити христиана.* Такое употребление отмечается и в памятниках XII—XIII вв., в том числе в грамотах, приписках и т. п.: *ажь б ы ты у своемь слове с т о ѩ л ъ а нашю братию п р о в о д и л ъ б ы мы б ы х о м ъ не п о м и н а л и того конѧ* (Гр. рижск. 1300 г.), *ажь б ы миръ твьрдъ б ы л ъ, аж б ы х о м ъ что тако о у ч и н и л и* (Смол. гр. 1229 г.) и др.

Эти формы начинают подвергаться изменениям уже в древнерусскую эпоху. Сущность их изменений заключается в том, что глагольная часть (т. е. формы аориста от *быти*) начинает терять согласование с подлежащим; в силу этого центром формы наклонения становится причастие на *-л*. Потеря аористными формами своего первоначального значения отражается в памятниках в фактах колебания в употреблении этих форм в условном наклонении например: *аще б ы слѣпи б ы л и* вместо *б ы с т е б ы л и* (так как речь идет о 2-м л. мн. ч.) (Моск. ев. 1340 г.); или: *аще б ы б ы ш а силы б ы л и* (Милят. ев.) — здесь старая форма *быша были* соединяется с обобщенной уже частицей *бы*; или: *тъ не б ы азъ томъ д о ш е л ъ* (Кир. Тур. XII в.) — *бы* вместо *быхъ* и др. Все это постепенно приводит к тому, что из всех аористных форм в услов-

ном наклонении остается лишь одна *бы*, по происхождению форма 2-го — 3-го л. ед. ч. Эта форма начинает соединяться не только с ед. ч. причастия на *-л* всех трех родов, но и с формами мн. ч., причем в связи с утратой причастием на *-л* родовых различий во мн. ч. становится уже безразлично, о каком роде идет речь. Таким образом, бывшая аористная форма *бы* превращается в служебную частицу, служащую лишь для образования формы условного наклонения.

Становление новой формы условного наклонения в русском языке относится к XIV в.— во всяком случае грамоты этого периода времени знают уже только такую форму.

ИСТОРИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 251. В исходной системе древнерусского языка формы повелительного наклонения выступали во 2-м л. ед., 1-м —2-м л. мн. и дв. ч. как нетематических, так и тематических глаголов. Все они по происхождению являются праславянскими и восходят к формам индоевропейского желательного наклонения.

В этом плане следует отметить, что в древнерусских памятниках XI—XII вв. фиксируются как будто бы еще формы 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения: *даи емоу гь бъ блгник стыхъ* (Остр. ев.), *и бъ мира сего боуди* (Изб. 1076 г.), *даи же емоу гь бъ млть* (Мстис. ев.). Однако в этих конструкциях выражено, скорее, не побуждение, а пожелание. Поэтому можно считать, что в древнерусском языке форма 3-го л. ед. ч. сохранялась только как реликт прежнего желательного значения праславянского повелительного наклонения, и не включать ее в древнерусскую парадигму повелительных форм.

Формообразующей основой повелительного наклонения выступала основа настоящего времени, к которой присоединялись суффиксы *-и-* или *-ѣ-* и соответствующие личные окончания.

Формы древнерусского повелительного наклонения выступают в первых памятниках письменности в следующем виде:

		I класс	II класс	III класс	IV класс
Ед. ч.	2-е л.	неси	стани	знаи	хвали
Мн. ч.	1-е л.	несѣмъ	станѣмъ	знаимъ	хвалимъ
	2-е л.	несѣте	станѣте	знаите	хвалите
Дв. ч.	1-е л.	несѣвѣ	станѣвѣ	знаивѣ	хваливѣ
	2-е л.	несѣта	станѣта	знаита	хвалита

Нетематические глаголы

Из нетематических глаголов внимания заслуживают *ѣсти*, *вѣдѣти* и *дати*, так как *быти* и *имѣти* образовывали формы повелительного наклонения по образцу тематических глаголов: от *быти* — *боуди*, *боудѣмъ* и т. д.; от *имѣти* — *имѣи*, *имѣимъ* и т. д.

Ед. ч.	2-е л.	*ѣжь*	*вѣжь*	*дажь*
Мн. ч.	1-е л.	*ѣдимъ*	*вѣдимъ*	*дадимъ*
	2-е л.	*ѣдите*	*вѣдите*	*дадите*
Дв. ч.	1-е л.	*ѣдивѣ*	*вѣдивѣ*	*дадивѣ*
	2-е л.	*ѣдита*	*вѣдита*	*дадита*

Приведенные образцы спряжения повелительного наклонения показывают, что у тематических глаголов во втором л. ед. ч. выступала одна форма с конечным [и] во всех четырех тематических классах. При этом, в связи с тем что этот [и] по происхождению восходит к дифтонгу [oi], в глаголах с основой на [к], [г], [х] в форме второго л. ед. ч. происходило изменение этих согласных в мягкие свистящие (см. § 82); причем одновременно с этим в корне выступало чередование [е] с [ь] (см. § 158). Таким образом, например, от глаголов *печи, течи, жечи* повелительное наклонение в указанных формах выступало в виде *пьци, тьци, жьзи*.

Что касается всех остальных форм, то они характеризовались наличием разных суффиксов в глаголах I—II и III—IV классов, хотя окончания форм у всех глаголов были одинаковыми. В глаголах I—II классов в формах мн. и дв. ч. повелительного наклонения выступал суффикс *-ѣ-*, в глаголах III—IV классов — *-и-*.

§ 252. Реконструируемые для исходной системы формы повелительного наклонения находят свое подтверждение в памятниках XI—XII вв. Так, для нетематических глаголов зафиксированы формы 2-го л. ед. ч. *боуди* (Остр. ев., Изб. 1073 и 1076 гг., Син. пат.), *имѣи* (Остр. ев., Изб. 1076 г., Син. пат.), *дажь* (Син. пат., Изб. 1076 г.), *вѣжь* (там же); 1-е л. мн. ч.: *имѣимъ* (Изб. 1076 г.), *боудѣмъ* (Жит. Феод. Печ.), *дадимъ* (КЕ XII в.); 2-е л. мн. ч.: *боудѣте* (Остр. ев., Изб. 1073 г.), *имѣите* (Остр. ев.), *вѣдите* (там же), *дадите* (Остр. ев., Син. пат.); 2-е л. дв. ч.: *имѣита* (Изб. 1076 г.).

По этому образцу исконно образовывалось повелительное наклонение и от *видѣти: вижь* (Остр. ев., Изб. 1076 г., Син. пат.). В старославянском языке древнерусскому *вижь* соответствовало **виждь**. Так, в „Пророке" А. С. Пушкина: *Восстань, пророк, и в и ж д ь и внемли*. Остатком *вижь* в современном русском языке является частица *вишь* или *ишь*.

Точно так же подтверждаются и реконструированные формы тематических глаголов. Так, например, во 2-м л. ед. ч.: *въстани, помьни, съхрани, възложи, бѣгаи* и т. д., а также: *мози, рьци, тьци;* в 1-м л. мн. ч.: *сътворимъ, поклонимсѧ, възлюбимъ* и *идѣмъ, станѣмъ, съберѣмъ, пьцѣмъ*; во 2-м л. мн. ч.: *плачите сѧ, хвалите, вѣруите* и *възьмѣте, придѣте, станѣте, мозѣте* и т. д. Все эти формы

зафиксированы в памятниках XI в. Они устойчиво держатся в письменности и последующего времени, вместе с тем эти формы начинают подвергаться изменениям уже в древнерусский период.

§ 253. В отношении нетематических глаголов следует отметить, что, хотя формы *вѣжь, вѣдите* (а также формы от приставочных образований данного глагола) достаточно употребительны в памятниках XII—XIII вв., все же наряду с ними отмечаются формы *вѣдаи, вѣдаите* от однокорневого глагола *вѣдати*, который вытеснил в древнерусском языке *вѣдѣти*.

Что касается нетематических глаголов *дати* и *ѣсти*, то, как уже говорилось (§ 228), форма 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения от этих глаголов — *дадимъ, ѣдимъ* была использована в качестве формы 1-го л. мн. ч. настоящего времени, и это вызвало перенос в настоящее время и формы 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения — *дадите, ѣдите*. Следовательно, в данных глаголах должна была быть выработана новая форма 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения. В выработке этой новой формы сыграла роль история 2-го л. ед. ч.

Во 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения выступали формы *дажь, ѣжь*, изменившиеся после утраты конечного [ь] и оглушения [ж] в *дашь, ѣшь*. Форма *ѣшь* была перенесена в настоящее время, но сохранилась и в повелительном наклонении (ср. *ты ешь хлеб* — произнесенное с разной интонацией, слово *ешь* может являться и формой 2-го л. ед. ч. наст. врем., и формой 2-го л. повелит. накл.). Под влиянием этой формы и во 2-м л. мн. ч. возникло новое *ешьте*, ставшее формой повелительного наклонения.

Что же касается формы *дашь*, то, будучи перенесена в настоящее время, она не сохранилась в повелительном наклонении, где развилась новая форма, образованная от иной основы,— *дай*. Эта форма возникла, как видно, под влиянием глаголов с основой на [j], типа *знай, читай*. Под влиянием *дай* во 2-м л. мн. ч. появилась форма *дайте*, закрепившаяся в русском языке. Форма *даи* отражается в памятниках очень рано; так, в послесловии к Остромирову евангелию: *даи имоу господь бгъ*. Ср. еще в Лаврентьевской летописи колебание между старой и новой формой: *и пакы продаите имѣньа... и дадите нищимъ*.

§ 254. Изменения, затронувшие 2-е л. ед. ч. тематических глаголов, были связаны прежде всего с утратой [и] в тех случаях, когда он оказывался в безударном положении: др.-русск. *буди, стани, рѣжи* — совр. *будь, стань, рѣжь*. Однако при этом следует иметь в виду, что утрата конечного [и] во 2-м л. происходила тогда, когда уже смягчились полумягкие, в результате чего мягкость конечного согласного стала показателем данной формы повелительного наклонения. Наиболее ранние случаи утраты конечного [и] фиксируются в памятниках XII—XIV вв.: *ходь* (бер. гр. № 118), *будь* и *буть* (бер. гр. № 68), не *тычь*, не *лазь* (Прол. XIV в.), *сыпль* (бер.

гр. № 266), *будь* (гр. 1393 г.), *ѣдь* (бер. гр. XIV—XV вв.). К подобного же типа явлениям относится и изменение конечного [и] в неслоговой звук в глаголах на *-аю, -ею, -ую* и вообще в таких, где в повелительном наклонении [н] попадал в положение после гласной основы: др.-русск. *даваи, умѣи, беи, мои* — совр. *давай, умей, бей, мой.*

Наконец, во 2-м л. ед. ч. произошла унификация звукового облика глаголов с основой на заднеязычные [к], [г], [х]: здесь были устранены чередования заднеязычных со свистящими и [е] с [ь], т. е. форма повелительного наклонения по звуковому составу сблизилась с формами настоящего времени: вместо *пьци, тьци, березі, стерезі* развились *пеки, теки, береги, стереги.*

§ 255. В 1-м л. мн. ч. исконная форма повелительного наклонения была утрачена, хотя в памятниках письменности она фиксируется вплоть до XIV в. Вместе с тем начиная с XII—XIII вв. для выражения побуждения к совместному действию отмечаются образования в 1-м л. мн. ч., внешне сходные с 1-м л. мн. ч. настоящего времени: *възидемъ* (Ск. о Бор. и Гл. XII в.), *въспрѧнемъ, поидемъ* (Поуч. Ил., сп XII—XIII вв.), *поидемъ, не льстимъ сѧ* (Троиц. сб. XII—XIII вв.), *прѣстанемъ, покаѧмъ сѧ* (Лобк. прол. XIII в.), *о*(т)*станемъ, о*(т)*бѣгнемъ* (Зл. цепь XIV в.) и др. Однако это была не просто замена одной формы другой формой, а выработка нового средства выражения побуждения к самостоятельному действию; это новое средство внешне соответствовало форме 1-го л. мн. ч. настоящего времени, но сохраняло семантику и интонацию утраченной древнерусской формы.

Дальнейшее развитие формы повелительного наклонения, выражающей совместное действие, было связано с появлением у этой формы возможности присоединять агглютинативный суффикс *-те*, что явилось результатом взаимодействия форм 1-го и 2-го л. мн. ч. Самые ранние свидетельства таких образований относятся к XVII в.: *поспѣшаимъте... къ... царю* (Пов. царя Давида), *грѣнемъте, братцы, в яровы веселца* (Песни Роб. Джемса).

§ 256. Что касается 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения, то исходные формы с суффиксальными *-ѣ-* и *-и-* для глаголов разных классов в памятниках устойчиво употребляются до XIV в. Однако уже с XI в. наблюдаются такие факты, когда вместо *-ѣ-* в глаголах I—II классов выступает *-и-: приведите, останите сѧ, окрадите, рците* (Остр. ев.), *поидивѣ* (Син. пат.), *кльните* (Пут. Мин.), *возмите* (Дух. Кл. Новг.) и мн. др. Появление *-и-* вместо *-ѣ-* во 2-м л. тематических глаголов I—II классов — это, без сомнения, результат сближения способа образования данной формы этих глаголов со способом ее образования у глаголов III—IV классов. Но в результате такого сближения оказалось, что суффикс *-и-* равно выступает у всех глаголов во 2-м л. ед. и мн. ч. повелительного наклонения. Это обстоятельство превратило *-те* во 2-м л. мн. ч.

в агглютинирующую частицу, служащую для образования данной формы. Именно тот факт, что *-те* стало такой агглютинирующей частицей, дал возможность перенести ее в 1-е л. мн. ч. повелительного наклонения (см. § 255). Агглютинирующий характер *-те* отчетливо выявляется в тех случаях, когда эта частица выступает в формах 2-го л. мн. ч., отражающих редукцию [и]: *будте* (гр. 1341 и 1399 гг.), *не обидьте, не двиньте* (Новг. гр. XIV в.). Эти формы сохраняются и в поздних памятниках (*ослыштеся* — Гр. вел. Новг. и Пскова, 1448—1454, *поѣдте* — Акты сев.-вост. Руси, 1492—1503 и др.), сохраняются они и в современном языке.

ИСТОРИЯ ИНФИНИТИВА И СУПИНА

§ 257. В древнерусском языке инфинитив образовывался с помощью двух суффиксов [ти] и [чи], причем [чи] выступал лишь в глаголах с основой на [к], [г]: *течи, стеречи, беречи* и т. п. Если учесть, что [ч] в этих формах восходит к сочетанию [*kt], [*gt], то формы инфинитива глаголов на [к], [г] можно восстановить в виде **tekti, *stergti, *bergti*. Таким образом, исконно в инфинитиве был один суффикс [ti].

По своему происхождению инфинитив является не глагольной, а именной формой: он представляет собой застывший дат.-местн. пад. ед. ч. отглагольного существительного, склонявшегося по древним основам на *i*. Это имя было втянуто в систему глагола и получило глагольные категории вида и залога.

То, что инфинитив по происхождению является именной, а не глагольной формой, доказывается, между прочим, тем, что и в современном языке еще сохраняются связи его с именем существительным. Ср. инфинитив *мочь* и существительное *мочь* в *бежать во всю мочь*, инфинитив *печь* и существительное *печь*, инфинитив *пасть* и существительное *пасть* и т. д.

В истории русского языка суффикс [ти] пережил изменение в [т'] в результате редукции и отпадения [и] в безударном положении; именно поэтому в русском литературном языке суффикс [ти] выступает лишь в тех случаях, когда он находится под ударением (типа *нести́, расти́, везти́* и т. д.; ср.: *чита́ть, писа́ть, лете́ть* и т. д.). Однако в различных русских диалектах этот процесс шел несколько по-разному. Северновеликорусские говоры, характеризующиеся в целом более устойчивым сохранением безударных гласных, до сих пор сохраняют зачастую суффикс [ти] и в безударном положении, например *говори́ти, чита́ти, носи́ти, плати́ти* и т. д. Наоборот, южновеликорусские диалекты распространили суффикс [т'] в инфинитиве и на те случаи, в которых литературный язык сохраняет [ти], например [нест'], [паст'], [рост'], [везт'] и т. д., т. е. в южновеликорусских говорах ударение было перенесено с суффикса на основу, в результате чего возникла редукция конечного

гласного до нуля. В памятниках письменности формы инфинитива на *-ть* после гласной основы глагола наблюдаются уже в XI в. (напр., в Арх. ев.: *не имоуть въ коусить съмърти*; в Мин. 1095 г.: *потребить младеньча хотѧ*), однако такие формы в это время единичны: в Изб. 1076 г., например, при двух инфинитивах на *-ть* отмечается 437 форм на *-ти*; в некоторых памятниках XII в. есть только формы на *-ти* (напр., в Усп. сб.). Постепенно количество инфинитивов на *-ть* возрастает, и к концу XIV — началу XV в. они появляются в памятниках разных жанров, относящихся к различным территориям (напр., в Прол. 1262 г.: *не дълъга врѣмени трѣбоуи тъкмо въ единъ день полоучить отпоустъ*; в Смол. гр. 1229 г.: *не мьтати его у погребъ ... у железа оусадить*; в Дух. Клим. 1270 г.: *а въ скотъ и въ овьцахъ ... раздělить съ женою*; в Рус. Пр.: *а кдѣ боудеть конечьныи тать то опѧть воротить челѧдина, а истыи товаръ воротить имъ*; в Новг. Корм. 1282 г.: *ѥко нѣкого нарѧдить* слоужити; в Ев. 1362 г.: *иже имать оуши слышать да слышить, подобаеть в третий дн҃ь въскресноуть;* в берест. гр. кон. XIV — перв. полов. XV в.: *імать* 17, *бывать* 18, *ѥхать* 19, *прислать* 21, *продавать* 129, 364, *дать* 253, 363, *видить* 305, *давать* 364, *сидить* 370, *жить* 446, *продать* Ст. Рус. 2).

Судя по данным памятников, утверждение инфинитивов на *-ть* (для периода после падения редуцированных — на [т']) после гласной в качестве общеупотребительной нормы на всей древнерусской территории происходило в течение XIV в.

Формы инфинитива на *-сти* с конечным как ударным, так и безударным [и] господствуют в памятниках XI—XV вв. разной жанровой и территориальной принадлежности — примеры с редукцией [и] единичны; например, для ударного [и]: *онномоу подобаѥть рость* (Добр. ев. 1164 г.), *задѣша понесть* [крест] (Погод. ев. XIII в.), *оттолѣ же поусти ... брата...Володимира блюсть* (Ипат. лет. под. 1150 г.); для безударного [и]: *бысть внити въ домъ хлѣба ѣсть* (Милят. ев. 1215 г.), *уклонисѧ ѧсть* (Парем. 1378 г.).

Что касается форм инфинитива на *-чи*, то самые ранние случаи появления в них *-чь* (= [ч']) относятся только к XVII—XVIII вв. (Послания Ивана Грозного, Акты Холмской епархии и др.).

Следует оговорить два особых случая в образовании инфинитива, а именно инфинитивы на *-сти, -сть* в *грести* и *клясть*. Если исконное **greb-ti* изменилось в *greti* — др.-русск. *грети*, а **klьn-ti* в *klęti* — др.-русск. *клѧти* и эти формы известны по памятникам письменности, то впоследствии под влиянием таких глаголов, как *нести, мести, вести*, возникли новообразования *грести, клясть*, укрепившиеся в русском языке.

§ 258. В систему глагола было втянуто и другое отглагольное существительное, так называемый супин, являвшийся по про-

исхождению формой вин. пад. ед. ч. склонения с древней основой на *й*. Эта форма образовывалась с помощью суффикса [тъ] и употреблялась при глаголах движения в широком их понимании в той же роли, в какой употреблялся инфинитив (именно поэтому супин называют еще инфинитивом цели).

Супин употреблялся при глаголах пространственного движения: *ити, ходити, ѣхати, брести, вести, грѧсти, нести, течи* (и приставочных образованиях от них), а также *отступати, съступити сѧ, пристраивати сѧ* и др.; при глаголах, обозначающих перемену положения в пространстве: *стати, сѣсти, лечи;* при глаголах со значением действия, предполагающего движение, побуждающего к нему: *слати, пустити, зъвати, просити, поѩти, помазати* и др.

В памятниках письменности супин отмечается достаточно широко: *и не приде правьдьникъ п р и з в а т ъ нъ грѣшникъ на покаѧниѥ* (Изб. 1076 г.), *идѧше ц҃ср҃ь п о г о у б и т ъ града, придоша п о ч и с т ъ оучителѧ, посланъ ѥсмь в ъ з в е с т ъ тебѣ сѣмо* (Усп. сб.), *се приехаша послы цесарѧ с а ж а т ъ ѩрослава* (Новг. гр. 1270 г.), *и присла ... (его) п о с а д н и ц и т ъ съ моужи своими* (Новг. лет.), *идоу на вы в о к в а т ъ, половци сонма ѣхали в о к в а т ъ* (Лавр. лет.), *тоу же сташа на ночь о п о ч и в а т ъ собе* (Ипат. лет.).

В связи с тем что супин по своему значению и роли был близок к инфинитиву, но употреблялся намного реже, чем инфинитив, он начиная уже с XI в. стал вытесняться из языка и заменяться соответствующими формами инфинитива (ср. в Остр. ев. *посъла призвати;* или в Смол. гр. 1229 г. *ѩхали на гочкыи берьго ... твердити миръ*). В современном языке следов супина не сохранилось.

ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 259. В древнерусском языке, как и в современном, существовали причастия действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени, но в отличие от нынешнего состояния языка причастия раньше могли быть не только полными, но и краткими, причем последние и заслуживают внимания прежде всего.

Кроме того, древнерусский язык знал не только склоняемые, но и несклоняемые причастия. К последним относились причастия прошедшего времени, образовавшиеся от основы прошедшего времени с суффиксом *-л-*. Эти причастия могли выступать как в краткой, так и в полной форме (полные формы образовывались от кратких, так же как это было и при образовании полных прилагательных), однако краткие формы использовались главным образом при образовании аналитических форм времени (перфекта, плюсквамперфекта, преждебудущего) и условного наклонения, а пол-

ные, употребляясь в качестве определений, рано потеряли связь с глаголом и превратились в прилагательные. Сопоставление форм, например: *смелый* и (как ты) *смел* (это сделать), *усталый* и (я очень) *устал*, *вялый* и (цветок на глазах) *вял*, явно обнаруживает „глагольность" краткой и „прилагательность" полной формы на *-л-*.

Краткие причастия прошедшего времени на *-л-*, не склоняясь, изменялись по родам и числам: *смѣлъ, -а, -о; -и, -ы, -а; усталъ, -а, -о; -и, -ы, -а*. В дальнейшем во мн. ч. установилась одна форма с окончанием *-и*, восходящая к старому имен. пад. муж. рода. Именно эти краткие причастия и стали в истории русского языка глагольной формой прошедшего времени (см. § 236).

§ 260. Причастия действительного залога. Краткие причастия действительного залога настоящего времени исконно образовывались от основы настоящего времени, где тематический гласный выступал на второй ступени чередования, с помощью суффикса **-nt*; кроме того, основа причастия во всех формах, кроме формы им. пад. ед. ч. муж. и ср. р., была осложнена суффиксом именной основы *-j*. Таким образом, например, форма род. пад. ед. ч. муж. р. краткого причастия действительного залога настоящего времени от глагола *нести* образовывалась следующим образом: **neso-* (основа наст. врем. с тематическим гласным на второй ступени чередования) + *nt* (суффикс причастия) + *j* (суффикс основы) + *a* (окончание род. пад.): **nesontja*. В этой форме [on] изменилось в [ǫ] и далее в древнерусском языке в [у], а [tj] — в [ч]; таким образом возникла форма *несуча* (ср. ст.-слав. **несѫща**). Ср. ту же форму от глаголов *знати, хвалити: *znajontja > знаюча* (ст.-слав. **знаѭща**), **chvalintja > > хваляча* (ст.-слав. **хваляща**): [in] > [ę] > [ä] > ['a].

Древнерусские формы причастий с суффиксами *-уч-, -юч-, -ач-, -яч-* выступали во всех падежах, родах и числах, кроме формы имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., где наличествовали иные образования: у глаголов IV класса была форма на ['a] (*-я*) из [ę]: *хваля, прося* (ст.-слав. **хваля, прося**), у глаголов III класса — на [ja] из [ję]: *знаю, пишу* < **pisję* (ст.-слав. **знаю, пишю**), а у остальных на [a]: *иду, несу* (ст.-слав. **иду, несу**). Соотношение русских и старославянских форм в последнем примере не совсем ясно, но возможно, что русское [a] появилось под влиянием [a] в других глаголах. В истории русского языка [a] в последних формах довольно рано (это отражается в памятниках XIII в.) было вытеснено ['a] (*-я*), в результате чего возникло *иду, несу* и т. д.; ср. старые формы *не дада* (Жит. Феод.), *река, зова* (Ипат. лет.) и новые *иду, поиму* (I Новг. лет.), *иду, веду* (Гр. ок. 1300 г.). Пережиточными формами старых образований являются современные существительные вроде *рёва, пройда* и т. п. (ср. еще диал. пословицу *Кто кого мога, тот того в рога*).

Причастия действительного залога настоящего времени скло-

нялись в древнерусском языке как существительные мужского, среднего и женского рода с древними основами на *ŏ* и *ā* по мягким разновидностям.

В качестве образца склонения кратких причастий действительного залога настоящего времени можно привести склонение формы от глагола *нести*.

		Муж. р.		Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	И.	неса		неса	несоучи
	Р.		несоуча		несоучѣ
	Д.		несоучоу		несоучи
	В.	несоучь		несоуче	несоучоу
	Т.		несоучьмь		несоучею
	М.		несоучи		несоучи
Мн. ч.	И.	несоуче		несоуча	несоучѣ
	Р.		несоучь		несоучь
	Д.		несоучемъ		несоучамъ
	В.	несоучѣ		несоуча	несоучѣ
	Т.		несоучи		несоучами
	М.		несоучихъ		несоучахъ
Дв. ч.	И.-В.	несоуча		несоучи	несоучи
	Р.-М.		несоучоу		несоучоу
	Д.-Т.		несоучема		несоучама

§ 261. Краткие причастия действительного залога прошедшего времени исконно образовывались от основы прошедшего времени с помощью суффикса **-ās* (если основа оканчивалась на согласный) или **-vās* (если основа оканчивалась на гласный). Кроме того, так же как и в настоящем времени, основа причастия и здесь во всех формах, кроме им. пад. ед. ч. муж. и ср. р., была осложнена суффиксом именной основы *-j*. Таким образом, например, род. пад. ед. ч. муж. р. краткого причастия действительного залога прошедшего времени от глагола *нести* образовывался следующим образом: **nes-* (основа прошедшего времени) + *ās* (суффикс причастия) + *j* (суффикс основы) + *a* (окончание род. пад.): **nesāsja*. В этой форме [ā] на славянской почве изменилось в [ъ], а [sj] — в [ш]; таким образом возникла форма *несъша*. Ср. ту же форму от глагола *ходити*: **chodivāsja* > *ходивъша*.

Формы причастий с суффиксом *-ъш-* или *-въш-* выступали в древнерусском языке во всех падежах, родах и числах, кроме формы имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., где были образования на *-ъ-* (из **-ās*, например *несъ* из **nesās*; [s] отпало в результате действия закона открытого слога, [ā] > [ъ]) или *-въ* (из **-vās*, например *ходивъ* из **chodivās*).

Эти причастия также склонялись как существительные мужского, среднего и женского рода с древними основами на *ŏ* и *ā* по мягким разновидностям.

Точно так же, как и для настоящего времени, в качестве образца можно привести склонение причастия прошедшего времени от глагола *нести*.

		Муж. р.		Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	И.	несъ		несъ	несъши
	Р.		несъша		несъшѣ
	Д.		несъшоу		несъши
	В.	несъшь		несъше	несъшоу
	Т.		несъшьмь		несъшею
	М.		несъши		несъщи
Мн. ч.	И.	несъше		несъша	несъшѣ
	Р.		несъшь		несъшь
	Д.		несъшемъ		несъшамъ
	В.	несъшѣ		несъша	несъшѣ
	Т.		несъши		несъшами
	М.		несъшихъ		несъшахъ
Дв. ч.	И.-В.	несъша		несъши	несъши
	Р.-М.		несъшоу		несъшоу
	Д.-Т.		несъшема		несъшами

§ 262. Именно из данных двух категорий причастий — кратких действительного залога настоящего и прошедшего времени — развились и оформились русские деепричастия.

Дело здесь заключается в том, что краткие причастия в древнерусском языке могли употребляться первоначально как в качестве именной части составного сказуемого, так и в качестве определений. Употребляясь как определения, краткие причастия согласовывались с определяемым существительным в роде, числе и падеже. В этом отношении их положение в языке было таким же, как положение кратких прилагательных. Однако причастия, в отличие от прилагательных, были теснее связаны с глаголом, и поэтому их употребление в роли определений было утрачено раньше и быстрее, чем такое же употребление кратких прилагательных. Утрата краткими причастиями роли определения не могла не создать условий для отмирания форм косвенных падежей этих причастий, так как они, причастия, стали закрепляться лишь в роли именной части составного сказуемого, где господствующей является форма именительного падежа, согласованная с подлежащим. Таким образом, в русском языке осталась только одна форма бывших кратких причастий — старый имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р. в настоящем времени на ['а] (*-я*), в прошедшем — на [ъ], [въ] (или после падения редуцированных — форма, равная чистой основе, или форма на [в], типа *прочитав*). В современном языке формы, равной чистой основе, уже нет, однако она есть еще у Пушкина: *Домой пришед, Евгений стряхнул шинель*... („Медный всадник").

Эта причастная форма потеряла все те признаки, которые сближали ее с прилагательными, и прежде всего потеряла способ-

ность согласования с подлежащим в роде и числе. Как раз именно то, что в памятниках древнерусского языка начинают появляться факты нарушения согласования причастий с подлежащим (ср., например, в послесловии к Суздальской летописи 1377 г. *исправливая почитаите* вместо *исправливаюче*, т. е. ед. ч. вместо древнего мн.), именно это и указывает на превращение бывшего причастия в деепричастие — неизменяемую глагольную форму, выступающую в роли второстепенного сказуемого.

Кроме формы бывшего имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., в русском языке сохраняются еще формы имен. пад. ед. ч. жен. р. типа *идучи, несучи*. Такие формы широко были распространены еще в XVIII в. и существуют теперь в диалектах и иногда в просторечии (ср.: *глядючи*). В литературном языке к этой форме восходят *будучи, умеючи, крадучись*. Следует также иметь в виду, что к бывшему имен. пад. ед. ч. жен. р. восходят современные деепричастные формы от возвратных глаголов (типа *умывшись, расстегнувшись, разлетевшись* и т. п.), а также образования, свойственные устной литературной речи с суффиксом *-вши* вместо *-в*: *прочитавши, распахнувши, откативши* и т. п.

§ 263. Что касается полных причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени, то они образовывались от кратких причастий с помощью указательного местоимения *и, а, ѥ*, т. е. здесь шли процессы, параллельные процессам в истории полных прилагательных. Различные выравнивания в этих формах привели к образованию тех, которые известны и в современном языке, т. е. в настоящем времени форм типа *несучий, колючий, горячий*, а в прошедшем — типа *принесший, коловший, горевший*. Судьба этих причастий в русском языке оказалась неодинаковой. Если формы прошедшего времени полностью сохранились и имеют и теперь значение причастий, то формы настоящего времени перестали выступать как причастия, превратившись в прилагательные.

Однако русский язык не утратил категории причастий действительного залога настоящего времени — он только использовал в этой роли заимствованные, хотя и русифицированные старославянские причастные формы на *-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-* (ср.: *горячий* и *горящий, жгучий* и *жгущий, живучий* и *живущий, ходячий* и *ходящий, могучий* и *могущий* и т. д.; русифицированность этих форм заключается в том, что старославянский суффикс **-ѫщ-, -ѧщ-** (= [ǫs̑'t'], [ęs̑'t']) передается на русской почве как *-ущ, -'ащ-* с [у], ['а] на месте старославянских носовых гласных и с *щ* на месте ѫ.

Однако эти заимствованные старославянские причастные формы не получили широкого распространения в живой диалектной речи и являются, как свидетельствуют факты, в современном литературном языке книжным элементом, хотя и активно функционирующим в различных письменных литературных стилях.

§ 264. Причастия страдательного залога. История этих причастий была в целом такой же, что и история форм действительного залога.

Краткие страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени с тематическим гласным на второй ступени чередования с помощью суффикса *-м-* и изменялись по родам, числам и падежам, склоняясь по основам на *ŏ* и *ā* твердой разновидности (ср. ед. ч. *несомъ, -а, -о*; мн. ч. *несоми, -ы, -а*; ед. ч. *посылаемъ, -а, -о*; мн. ч. *посылаеми, -ы, -а* и т. п.).

Краткие страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы прошедшего времени с помощью суффиксов *-н-* и *-т-* и также изменялись по родам, числам и падежам, склоняясь по основам на *ŏ* и *ā* твердой разновидности (ед. ч. *писанъ, -а, -о*; мн. ч. *писани, -ы, -а*; ед. ч. *взятъ, -а, -о*; мн. ч. *взяти, -ы, -а* и т. п.).

В истории русского языка эти причастия утратились в роли определений и сохранились в качестве именной части составного сказуемого.

Что касается полных причастий страдательного залога, то они, образуясь от кратких с помощью указательного местоимения *и, ꙗ, ѥ*, полностью сохранились как причастия в современном языке. Внимания здесь заслуживает, пожалуй, один факт — появление в суффиксе страдательного причастия прошедшего времени удвоенного [н] (например, *посланный, сработанный* и т. д.).

Появление такого удвоенного [н] связано с тем, что приблизительно с XVII в. причастия с суффиксом *-н-*, выступая в роли определений, становились прилагательными и совпадали с соответствующими отглагольными прилагательными, образованными некогда с помощью суффикса *-ьн-* > *-н-*, т. е. такие причастия, как *кошеное* (сено), *розореные* (города), совпали с такими прилагательными, как *указный* (срок), *отсрочная* (челобитная) и т. п. В силу этого в языке должно было выработаться и выработалось новое средство отличия причастий от прилагательных — этим средством явился вторичный суффикс *-ьн-* > *-н-* в причастных формах: *повелѣньная, неписаньный* > *повеленная, неписанный* и т. д.

Таким образом, в истории русского языка развились и укрепились полные причастия действительного залога прошедшего времени и страдательного залога настоящего и прошедшего времени как образования, характерные для него уже в древнерусский период. Что касается действительных причастий настоящего времени, то они, будучи по своему фонетическому облику церковнославянскими, в древнерусском языке сосуществовали с восточнославянскими по происхождению формами и вытеснили их в книжных стилях литературного языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953.— Т. II.— С. 190—227.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка.— М.; Л., 1924.— С. 309—340.

Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды Института языкознания АН СССР.— М., 1953.— Т. II; Очерки по морфологии праславянского языка.— М., 1961.— С. 94—96.

Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в.— М., 1952.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола.— М., 1953.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— М., 1941.— Т. IV.— С. 117 и след.

Селищев А. М. Старославянский язык.— М., 1952.— Ч. II.— С. 166 и след.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка.— М., 1907.— С. 159—168, 234—266.

Чернышев В. И. Описательные формы времен и наклонений в русском языке // Избранные труды.— М., 1970.— Т. I.— С. 230—258.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 223—254.

НАРЕЧИЯ И ИСТОРИЯ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 265. Наречие как средство выражения обстоятельственной характеристики действия начинает формироваться в праславянском языке и в исходной системе древнерусского языка выступает как особая часть речи. Однако, несмотря на древность происхождения наречий, они являются, так сказать, „вторичными", так как обнаруживают свое возникновение из других частей речи — существительных, местоимений, прилагательных, глаголов. Процесс образования наречий из других частей речи шел и в истории русского языка и продолжается в современном его состоянии.

Разновременность происхождения наречий, беспрерывное пополнение определенных их типов новыми образованиями, как и утрата отдельных наречий в том или ином типе, затрудняют установление состава наречий в древнерусском языке к моменту появления письменности. Однако ранние памятники позволяют охарактеризовать типы наречных образований, свойственные древнерусскому языку начального периода его истории, и установить пути образований наречий из других частей речи.

В составе наречий древнерусского языка можно выделить две группы: первообразные (или местоименные), в образование которых входили древние местоименные корни в сочетании с различными суффиксами, и адвербиализированные формы других частей речи. При этом если первообразные наречия не только не пополнялись в истории русского языка, но наоборот — ряд таких наречий был утрачен, адвербиализированные формы, создавая определенный тип наречий, служили моделью для возникновения новых наречных образований по выработанной в языке модели.

§ 266. Первообразные наречия образовывались, во-первых, от местоименных корней *къ (ко, ку), тъ (то, ту), сь (се, сю), вьс-* с помощью суффиксов *-уд- (-юд-)* и окончаний *-а, -ы, -у*; к ним относились наречия *куда (куды), туда (туды), сюда (сюды), вьсюду*. Во-вторых, от тех же местоименных корней наречия образовывались также с суф. *-гд-* и окончаниями *-ѣ, -а*: *къгдѣ, къгда, тъгда* (а также от корней *ин- (иной)* и *ов-*: *иногда, овогда)*; с суф. *-д-* и окончанием *-ѣ*: *къдѣ, индѣ, вьсьдѣ*; с суф. *-м-* и окончанием *-о*: *семо, тамо, овамо*; с суф. *-ли*: *коли* (а также от корней *к, кже*: *кли, кжели*).

Эти первообразные наречия могли включаться в опреде-

ленные типы наречий, в частности в типы, характеризующиеся наличием тех или иных приставок. Так на базе местоименных наречий возникали образования с приставками *от-, до-, по-*: *оттуда, откуда, отсюда; докуда, дотуда; покуда* и под.

Эта группа наречий в истории русского языка подверглась сокращению, что было связано с сокращением самих корней, от которых они образовывались. Однако в относительно позднее время возникли новые местоименные наречия, но уже на базе адвербиализации предложных сочетаний падежных форм различных местоимений: *потом, вовсе, почему, по-моему* и т. п.

§ 267. Вместе с тем уже на протяжении истории древнерусского языка происходит формирование новых наречий на базе иных частей речи, и в этом случае пути их образования выясняются достаточно отчетливо, ибо связь наречий с источником происхождения сохраняется. Так, например, часто класс наречий пополнялся за счет перехода в него падежных форм имен существительных, в частности форм твор. пад. ед. ч. К наречиям, возникшим таким способом, относятся *мимоходом, нагишом, пешком, ничком, торчком* и т. п. Надо сказать, что сами существительные, от которых образовались эти наречия, в ряде случаев не сохранились не только в современном, но и в древнерусском языке, однако их существование вообще едва ли может быть поставлено под сомнение. О том, что подобные существительные могли быть, говорит не только зафиксированное в памятниках *мимоходъ* — „прохожий", но и диалектные *мельк* — „мгновение, миг", *ник* — „низ, тыл, низина", *торчек* — „сучек, колышек, пенек", отмеченные в Словаре В. И. Даля.

Выше, при рассмотрении истории существительных, указывались такие наречия, как *воочию* и *замуж*, возникшие из сочетания предлога с определенным падежом имени. К подобного рода образованиям относятся и такие наречия, как *въмѣсто* (из *въ мѣсто*), *дотла* (из *до тьла*: *тьло* — „почва, пол, основание"), *сегодня* (из *сего дьнь*). Надо сказать, что переход бывших падежных форм имен существительных в сочетании с предлогами в класс наречий был широко известен в древнерусском языке. Так, например, наречие *въноутрь* возникло из сочетания предлога *вън* — „в" и существительного *оутрь* (< **ǫtrь*) — „внутренность", засвидетельствованного в памятниках (в русском языке однокорневым является слово *утроба*). Наречие *въпрѣки* было образовано из сочетания предлога *въ* с вин. пад. мн. ч. существительного **прѣкъ* — „спор, препятствие, запрет", в памятниках не засвидетельствованного. Наречие *въкоупѣ* явилось образованием на базе сочетания предлога *въ* с местн. пад. ед. ч. *от коупа* — „куча, толпа", известного в памятниках XV в. Такое наречие, как *въспѧть* (точно так же как и *опѧть*), представляет собой исконно сочетание приставки *въс-* с существительным **пѧть*, наличие которого можно предполагать по существованию *пятка*, хотя в памятниках пись-

менности *пѧть* не засвидетельствовано. Точно так же обстоит дело и с наречием *искони*, являющимся образованием с предлогом *ис* от существительного **конь* — „начало" (ср.: *конец*).

§ 268. Большая группа наречий образуется на базе адвербиализации прилагательных. В древнерусском языке уже начального периода его истории были наречия на *-о*, *-ѣ*, соотносительные с прилагательными: *добро, здорово, люто, дързостьнѣ, злѣ, крѣпьце* и др. Эта группа наречий имела значение обстоятельства образа и способа действия, а их производящей основой служили качественные прилагательные. По этому образцу создавались новые наречия от относительных прилагательных с предметно-обстоятельственным оттенком значения: *мѣстьнѣ* — „в одном месте", *мѣрно* — „в меру", *совѣтьно* — „по совету", *страньно* — „со стороны", *дьржавьно* — „как властитель" и под.

Особый интерес представляют наречия, соотносительные с предложно-падежными формами прилагательных: *въмалѣ, съмолоду, издавьна, помногу, помалу* и т. п. Хотя такая их соотносительность с предложно-падежными формами прилагательных как будто бы очевидна, объяснить их происхождение непосредственно из таких форм нельзя, так как русскому языку сочетания прилагательных с предлогами несвойственны. Существуют разные объяснения происхождения данных наречий, одно из которых заключается в том, что они возникли в результате „свертывания" атрибутивно-именных словосочетаний с последующей адвербиализацией прилагательного (этот процесс можно назвать лексико-семантической конденсацией). Дело заключается в том, что в древнерусском языке существовали атрибутивно-именные сочетания, выступавшие в обстоятельственной функции, которые были соотносительны с наречиями. Такая соотносительность присуща временным и пространственным наречиям, что связано с выражением временной и пространственной характеристики действия определительными словосочетаниями, в состав которых входили существительные с общим временным или пространственным значением, выступающие в качестве опорных слов таких сочетаний; таковыми во временных обстоятельственных конструкциях были слова *времѧ, лѣто, часъ, дьнь*, а в пространственных — *страна (сторона), путь*. Обобщенное лексическое значение опорного существительного в таких сочетаниях обусловливало то, что основную семантическую нагрузку получало прилагательное, а не существительное, которое вследствие этого могло опускаться. Опущение определяемого имени облегчалось устойчивым характером таких словосочетаний, а их обстоятельственная функция способствовала переходу прилагательного в наречие. Так, например, из *по малѣ времени, часѣ* развилось наречие *помалѣ*; из *по мнозѣ лѣтѣ — помнозѣ*; из *не въ дълзѣ времени — невъдълзѣ*; из *из давьна времени — издавьна*; из *о десьную его страну — одесьную*; из *отъ далеча пути — отъдалеча*. Такое

объяснение было предложено Е. И. Янович в книге „Наречие в истории русского языка" (Минск, 1978).

Таковы лишь некоторые пути образования наречий в истории русского языка, но уже их характеристика показывает многообразие и сложность процессов складывания различных их типов, как и нерешенность и спорность решения вопросов о происхождении различных наречий. Поэтому полное понимание проблем истории складывания и развития этой части речи в русском языке пока что является делом будущего.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка.— М., 1959.— С. 151—159.

Галкина-Федорук Е. М. Наречия в современном русском языке.— М., 1939.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.— М., 1964—1973.— Т. I—IV.

§ 269. В итоге рассмотрения основных явлений в истории морфологической системы русского языка можно кратко охарактеризовать те тенденции в развитии морфологических категорий и форм, какие отчетливо обнаруживаются в истории русского языка. Основная из этих тенденций — стремление к ликвидации многоформности в системе словоизменения; это стремление ярко проявилось в истории имени существительного, утратившего на протяжении относительно небольшого исторического периода древние типы склонения, в истории глагола, потерявшего многочисленные формы прошедших времен, и в истории других частей речи. Не надо думать, что подобные процессы вели к обеднению морфологической системы языка. Унификация форм, ликвидация определенных из них — это отражение движения языка к обобщению фактов, к абстракции, а в этом движении отражается развитие человеческого мышления, всегда идущего по пути накопления знаний и осмысления фактов действительности.

Если внимательно проследить историю отдельных частей речи, отдельных грамматических категорий и форм, то можно установить, что уже в XIII в. древнерусский язык утратил многое из того, что было свойственно ему раньше, и тем самым приблизился в морфологическом плане к современному состоянию языка. После XIII в. на протяжении XV—XVI вв. шло складывание и развитие тех морфологических черт, которые определяют ныне характер системы русского языка. Окончательно современный русский морфологический строй сложился к концу XVII — началу XVIII в.

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 270. Общая характеристика исходной синтаксической системы древнерусского языка. К моменту появления первых памятников письменности древнерусский язык характеризовался номинативным строем предложения, и в этом отношении он был сходен с иными древними индоевропейскими языками. Сущность номинативного строя заключается в том, что в предложении подлежащее при глагольном сказуемом всегда стоит в именительном падеже и этим отличается от дополнения, выступающего в косвенных падежах. С этой точки зрения древнерусский язык ничем не отличался и от современного языка, который также характеризуется номинативным строем.

Номинативный строй предложения древнерусского языка является наследием праславянской эпохи, а последнее в свою очередь восходит к общеиндоевропейскому периоду. Таким образом, основы синтаксического строя древнерусского языка заложены в глубокой древности.

Однако древнерусский синтаксис отличался от современного в целом ряде существенных элементов своей системы. Иначе говоря, на протяжении истории древнерусского языка происходило развитие синтаксического строя, утрата одних из его элементов и возникновение других,— происходило совершенствование синтаксической системы. Процессы изменения и развития синтаксиса древнерусского языка затронули как простое, так и сложное предложение, способы выражения как главных членов предложения, так и второстепенных, способы связи слов в предложении и т. д. Поэтому необходимо установить как особенности синтаксической системы, которые характеризовали древнерусский язык в его исходном состоянии, так и пути, по которым шли изменения этой системы.

При этом надо не забывать, что изменения в синтаксическом строе языка зачастую определяются изменениями в его морфологической системе, ибо морфология и синтаксис тесно между собой связаны. Уже при рассмотрении истории морфологических категорий обращалось внимание на ряд явлений в этой истории, которые затронули синтаксический строй древнерусского языка

(например, отмирание кратких прилагательных в роли определений и закрепление их в качестве именной части составного сказуемого; изменение причастий в деепричастия, которые начинают выполнять в предложении роль второстепенного сказуемого; развитие категории одушевленности, вызвавшее появление дополнения в винительном падеже, равном родительному, и др.). С подобного рода фактами связи морфологических явлений с синтаксическими можно столкнуться и в целом ряде иных случаев.

Вместе с тем следует сказать, что как в исторической морфологии, так и в историческом синтаксисе еще трудно построить историю системы: здесь еще и недостаточно накоплен материал и не разработаны методы синхронных срезов; наконец, здесь еще недостаточно выяснены соотношения между конструкциями, свойственными живому русскому языку прошлых эпох его развития, и традиционными, свойственными лишь письменной форме этого языка. В силу всех этих причин в историческом синтаксисе рассматриваются лишь отдельные, самые основные явления в развитии синтаксической системы письменного древнерусского языка, причем это рассмотрение ведется от эпохи первых памятников как начального этапа истории до современного состояния русского языка как конечного этапа этой истории.

Конечно, рассмотрение в историческом синтаксисе явлений письменного древнерусского языка, а не явлений живой древнерусской речи отделяет этот раздел исторической грамматики от исторической фонетики и исторической морфологии, где все внимание сосредоточено на реконструкции явлений, характеризовавших народно-разговорный древнерусский язык прошлых периодов развития. Однако в настоящее время, по-видимому, такое положение с историческим синтаксисом едва ли преодолимо: данных о синтаксических конструкциях живой древнерусской речи в руках исследователей пока нет. Вместе с тем следует сказать, что в области исторического синтаксиса письменного языка, без сомнения, обнаруживаются не только такие явления, которые были свойственны преимущественно этому языку, но и такие, которые в равной степени характеризовали и устную речь носителей древнерусского языка. Поэтому не нужно считать, что те синтаксические особенности, какие описываются в русском историческом синтаксисе, являются сугубо письменными — в определенной степени они дают возможность представить и синтаксический строй народно-разговорного древнерусского языка.

13 Заказ 490

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 271. Древнерусский язык, как и современный, характеризовался наличием простых двусоставных и односоставных предложений. Наиболее типичными для этого языка были двусоставные личные предложения, т. е. предложения, в которых наличествовало подлежащее и сказуемое. Например, *и з и д о ш а д е р е в л ѧ н е противоу томоу* (Лавр. лет.); *п о б и м р а з ъ обильѥ по волости* (Новг. лет.); *тако же и с н҃в е ѥго о у с т а в и ш а* („Рус. Пр."); *посла великыи кнѧзь* (Сузд. лет.); *здѣ п о ч и н а е т ь с ѧ п р а в д а* (Смолен. гр. 1229 г.) и т. д.

Что же касается односоставных предложений, то они также были известны в древнерусских памятниках, однако распространенность отдельных их типов не во всем была такой же, что и в современном русском языке. Широко были распространены так называемые определенно-личные предложения, т. е. такие, в которых отсутствовало подлежащее, но в глаголе было выражено определенное лицо: *почто и д е ш и опѧть, п о и м а л ъ е с и всю дань; се кнѧзѧ о у б и х о м ъ роускаго, п о и м е м ъ женоу его Вольгу; не е д е м ъ на конѣхъ ни пѣши и д е м ъ, х о ч ю вы почтити* (Лавр. лет.). Широта распространенности подобных предложений в древнерусском языке обусловливалась избыточностью местоимений 1-го л. и 2-го л. в роли подлежащих (см. § 276).

§ 272. Точно так же широко распространенными в древнерусском языке были и безличные предложения, причем основные типы этих предложений были те же, что и в современном русском языке. Это значит, что сказуемое подобных древнерусских предложений могло выражаться безличными глаголами, личными глаголами в безличном употреблении, предикативными наречиями в сочетании с инфинитивом или без него и, наконец, независимым инфинитивом. Однако в то же время древнерусский язык имел целый ряд отличий в образовании безличных предложений, и в истории русского языка произошли важные изменения в этом звене синтаксической системы.

В отношении предложений с безличным глаголом в качестве сказуемого важно отметить редкость в древнерусском языке безличных предложений, обозначающих состояние природы, с безличным глаголом-сказуемым; такими глаголами были лишь *смерчесѧ, гремѣ (погремѣ), рассвѣте* и некот. др.; напр., в Лавр. лет.:

повелѣ Ольга яко смерчеся пустити голуби; тоѣ же зимы погремѣ; егда же рассветало. Точно так же редки были и безличные глаголы, обозначающие психическое или физическое состояние человека или другого живого существа: *мьнитися, хочеться, удолжилося* — „стосковалось". Только постепенно круг таких глаголов расширялся за счет включения в него личных глаголов.

В течение XIII—XVI вв. наиболее распространенным типом безличных предложений становится такой, в котором сказуемое выражено формой 3-го л. ед. ч. личного глагола в безличном употреблении; круг таких глаголов все время расширяется: *по селомъ дубье подрало* (Сузд. лет.); *загоресе на ильинѣ улицѣ, сѣно и дръва разнесе, озеро морози в нощь* (Новг. лет.); *стѣну у передних дверей проразило ... иконы побило праздничные* (Моск. лет. свод); *бысть осень дождлива, не дало солнцу просиати, тоѣ же осени; ... много шкоды учинило* (Пск. лет.); *у игумена бурею ... сѣни выдрало* (II Новг. лет.); *все размыло до крохи* (Жит. Аввак.) и т. д.

Точно так же произошло и с употреблением безличных глаголов с частицей *-ся*. Если в ранних памятниках выступали лишь глаголы *лучитися (случитися), ключитися* (со значением стихийного возникновения) и *мнитися* (со значением психического состояния), то в XVI—XVII вв. в эту группу включаются глаголы *видится, заплачется, погрешится* и др.

Что касается безлично-инфинитивных конструкций с предикативным наречием на *-о*, обозначающих состояние, которым сопровождается то или иное действие, то такие конструкции отмечаются в памятниках уже XII в.: *ушима тяжько слышати, а очима видѣти, чюдно слышати ихъ* (Пов. врем. лет); *темно бо бѣ в 3 день* (Сл. о полку Иг.); *невозможно бо безъ вожа ходити* (Путеш. иг. Дан.) и т. д. Эти конструкции в последующей истории языка все больше развивались, расширяя круг слов, участвующих в их образовании.

Вместе с тем в древнерусском языке выступали и такие безличные конструкции, которые в дальнейшем развитии русского языка оказывались распространенными в меньшей степени. К ним относятся прежде всего те, в которых в качестве сказуемого выступало страдательное причастие среднего рода. Первоначально эти конструкции были ограничены лексически: чаще всего такие причастия образовывались от глагола *писати* и от глаголов приказания. Например: *писано бо есть* (Сл. Дан. Зат.); *приказано будѣте добрым людѣмъ* (Смол. гр. 1229 г.); *повелѣно бысть блаженому* (Печер. патер.) и т. д. В дальнейшем круг страдательных причастий в роли сказуемых в безличных предложениях сужается.

Наконец, в роли сказуемого безличных предложений в древнерусском языке выступал и независимый инфинитив. Эти конструкции выражали часто предписание, которое необходимо выполнить

(например, *держати ти Новгородъ по пошлинѣ* — Новг. гр.), неизбежность (например, *Княже! конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрѣти* — Пов. врем. лет), возможность действия (например, *И есть же ту вода добра и сладка, в земли глубоко, слѣзти же к ней по степенемъ* — Путеш. иг. Дан.) и т. д. Надо иметь в виду, что последние конструкции (выражающие возможность действия) были широко распространены вплоть до XVII в., после чего они начинают утрачиваться, и в современном языке сохраняются только те, которые выражают невозможность действия, т. е. конструкции с отрицанием (типа *не видать тебе этого!*).

§ 273. Среди односоставных предложений древнерусского языка были широко распространены и неопределенно-личные со сказуемым в форме 3-го л. мн. ч. Например: *аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищуть, то вирьвную платити...* (Рус. Пр.); *того же лѣта придѣлаша притворъ камянъ* (Псков. лет.); *имуть бити челомъ тобѣ* (Грам. XIV в.); *биша я и до рѣки, а ржи куплахуть по ·з·гривнѣ* (Новг. лет.) и т. д.

Вместе с тем сказуемое в неопределенно-личных предложениях могло быть выражено и 3-м л. ед. ч.: *аже ударить мечемь а не утнеть, аже крадеть гумно или жито въ ямѣ* (Рус. Пр.). Однако в этом случае неопределенность действующего лица оказывалась выражена менее, чем при сказуемом в 3-м л. мн. ч., и, как видно, поэтому уже в XV в. конструкции с 3-м л. ед. ч. в неопределенно-личном значении утрачиваются.

§ 274. Что же касается номинативных предложений, то они в древнерусском языке были распространены мало. Здесь часто употреблялись лишь предложения назывные. Они выступали иногда в качестве заглавий (например: *суд Ярославль Володимирица* (Рус. Пр.), *Слово Даниила Заточника, Правда русьская* и т. п.) или „зачина" в грамотах (например, *от гостяты к василью* — Новг. бер. гр. № 9). Ср. еще в I Новгородской летописи: *стояше вся осенина дъждева, тепло, дъжгь; мразъ, вьялица ... страшно зѣло* — в этих примерах слова *тепло, дъжгь* и *мразъ, вьялица* напоминают номинативные предложения. Широкое распространение номинативные предложения получают лишь в памятниках XVII в.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 275. Выражение подлежащего в древнерусском языке. Основной частью речи, при помощи которой в др.-русск. языке выражалось подлежащее, было имя существительное. Приведенные выше примеры двусоставных личных пред-

ложений вполне иллюстрируют это положение. В рассматриваемом отношении древнерусский язык не отличался от современного языка, и поэтому данное явление не требует особых доказательств и комментариев.

Вместе с тем подлежащее в древнерусском языке могло быть выражено и иными частями речи, например прилагательным (ср.: *з л и и радовахоуся* — Новг. лет.), причастием (ср.: *не даша емоу тоу близь ж и в о у щ и и* — Лавр. лет.), числительным в сочетании с существительным (ср.: *д в а с о л н ц а померкоста* — Сл. о полку Иг.) и т. д. Подлежащее могло быть выражено различными словосочетаниями, например сочетанием существительного или местоимения с твор. пад. существительного с предлогом *с* (*И сложишася на Новъгородъ А н д р ѣ и с ъ с м о л я н ы и с ъ п о л о ц я н ы* — I Новг. лет.), неопределенно-количественных слов *много, мало, колико* и под. с существительными в род. пад. множ. ч. с предлогом или без него (*и обращася м а л о л ю д е й* — Пов. о разгр. Рязани; *начаша м н о г о м н о ж е с т в о л ю д е й приходити* — I Пск. лет.) и нек. др. Все эти способы выражения подлежащего известны и теперь, в современном русском языке.

В роли подлежащего выступали и числительные, имеющие именное происхождение. Так, например, слово *сорокъ*, которое в своем возникновении было существительным (см. § 220), еще в XVI в. выступало как обычное подлежащее, которое могло иметь при себе определение; например, *с о р о к ъ соболей, а посланъ т о т ъ с о р о к ъ въ Литву* (Расх. кн. 1584—1585 гг.).

§ 276. Однако в области выражения подлежащего в древнерусском языке были и такие особенности, которые отсутствуют теперь. Прежде всего речь здесь должна идти об употреблении в роли подлежащего личных местоимений.

Личные местоимения в роли подлежащего выступали в древнерусском языке в ограниченных конструкциях, что было связано с их избыточностью при обозначении лица формой наст. времени глагола-сказуемого, формой 1-го л. ед. и всех лиц мн. ч. аориста и личными формами глагола-связки от *быти* в перфекте. Лицо не могло быть выражено глагольной формой только в случае употребления 2—3-го л. ед. ч. аориста и форм перфекта без связки от *быти*. В этих случаях лицо подлежащего могло быть установлено по контексту.

Вместе с тем личные местоимения выступали в древнерусском языке в роли подлежащего, когда они играли определенную смысловую роль в предложении. Так, например, местоимение-подлежащее 1-го и 2-го л. оказывалось обязательным, когда на него падало логическое ударение: *иже ли не поидеши съ нами, то м ы собѣ будемъ, а т ы собѣ* (Поуч. Вл. Мон.) — здесь употребление личных местоимений служит выражению противопоставления. Точно так же противопоставлены друг другу 3-е и

1-е л. ед. ч. в следующем предложении: *онъ иде новугороду, а ѧ съ половци на одрьскъ воюѧ* (там же). Кроме того, личное местоимение 1-го л. ед. ч. в роли подлежащего часто встречается в традиционном зачине грамот. Например: *се азъ мьстиславъ, а се ѧ всеволодъ* (Мстис. гр.); *азъ грѣшьныи рабъ бжий* (Мин. 1095—1097 гг.); *азъ григорий диаконъ написа(х) еуглие* (Остр. ев.) и т. д.

В последующей истории русского языка роль личных местоимений в качестве подлежащих беспрерывно возрастала, и это было связано со становлением причастия на *-л-* как единой формы прошедш. времени. Это становление сопровождалось утратой связки в бывшем перфекте, что приводило к необходимости выразить лицо подлежащего иным способом, чем оно выражалось при наличии связки.

§ 277. Выражение сказуемого в древнерусском языке. В древнерусском языке сказуемое могло выражаться различными способами, в зависимости от чего различались простое глагольное, глагольно-инфинитивное, именное сказуемое, а также находящееся в несколько ином положении причастное сказуемое.

Если говорить о выражении простого глагольного сказуемого, то древнерусский язык имел, в общем, незначительные отличия в этом отношении от современного русского языка. Выше уже было приведено достаточно примеров, в которых наблюдается употребление простого глагольного сказуемого и которые показывают, что такое сказуемое выражалось формами различных времен и наклонений. Поэтому изменения, затронувшие простое глагольное сказуемое, были связаны с утратой простых форм прошедш. времени и плюсквамперфекта и с утратой связки от *быти* в составе перфекта, о чем уже говорилось. В результате этих процессов простое глагольное сказуемое стало выражаться формами настоящего, простого и сложного будущего и прошедшего времени.

§ 278. Относительно именного сказуемого внимания заслуживает прежде всего вопрос об употреблении связки *быти* в составе этого сказуемого. В древнерусском языке такая связка употреблялась не только в форме прошедшего и будущего времени, но и настоящего. Вместе с тем в настоящем времени употреблялись и бессвязочные конструкции. Памятники древнерусского языка вполне отчетливо свидетельствуют как о наличии, так и об отсутствии связки. Ср., например: в I Новгородской летописи есть конструкции с отсутствием связки — *сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, кнѧзи позвани; новгородьци прави, а ꙗрославъ виноватъ; а кнѧзь ваш, ѿнъ мои стославъ, малъ*; и есть конструкции с наличием связки — *намъ есте не братьѧ; отоидемъ к немѣчьскомоу црю, откеле же исме послани; ты еси въ нашь* и т. д.

Исследование этого явления показало, что в целом конструк-

ции со связкой от основы *ес-* были больше свойственны книжным стилям, тогда как в живом языке, начиная уже с XII в., значительно чаще употреблялись бессвязочные конструкции. Чем ближе к нашей эпохе, тем наличие связки в настоящем времени все больше становилось книжным элементом, совершенно несвойственным живому языку.

Что касается прошедшего и будущего времени, то связка от *быти* сохранялась в древнерусском языке (ср.: *бѣ бо вода текоуще, полами прозвани быша, и тако побѣжени быша иноплеменьници, въ се же лѣто оубьнъ бысть глѣбъ* (Лавр. лет.); *ты имъ боудешь начальникъ* (Новг. гр.) и т. д.) и сохраняется в современном состоянии русского языка.

§ 279. Основное направление в развитии именного сказуемого в древнерусском языке заключалось в том, что падежная форма имени в этом сказуемом изменялась: в истории русского языка шло движение от именительного предикативного к творительному предикативному. Прежде всего такое изменение возникало тогда, когда именная часть сказуемого была выражена существительным. Для ранних древнерусских памятников в именном сказуемом был характерен именительный предикативный; например в грамотах: *а приказываю тобѣ с҃ноу своему семеноу братью твою молодшоую и кнѧгиню свою съ меншими детьми, по бозѣ ты имъ боудешь начальникъ; а кто боудетъ братоу нашемоу... другъ, то и намъ; а ѩзъ, господине, отъ кнѧзѧ отъ Семена заказчикъ былъ десѧть лѣтъ* и т. д. Намного реже употребляется творительный предикативный; например: *а бл҃гословлю игоумена хто боуде игоуменомъ; а хто боуде игоуменомъ или попомъ, и вы творите памѧть ...; та два была послѣмь оу ризѣ.*

Развитие творительного предикативного раньше всего обнаруживается у существительных при знаменательном глаголе-связке, а затем при связке *быти*. В истории языка творительный предикативный существительного постепенно укрепился. Однако он не вытеснил полностью именительный предикативный — здесь произошла семантическая дифференциация: творительный предикативный распространился при глаголах превращения и стал обозначать признак подлежащего, который является временным, случайным, переменным, тогда как именительный предикативный обозначает признак постоянный (ср.: *он был учителем* и *он учитель*).

Краткие прилагательные в именном сказуемом тоже выступали в форме именительного предикативного. Так, в „Русской Правде“: *кто будеть виноватъ; зане соуть не свободьни* и т. д.; в Лаврентьевской летописи: *азъ погана есмь, бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна* и т. д. Творительный предикативный кратких при-

лагательных в памятниках древнерусской письменности не отмечается. Судьба именительного предикативного этих прилагательных была связана с развитием полных прилагательных в роли именного сказуемого.

В древнейших памятниках русского языка они не выступали в этой роли, являясь формой выражения определения. Впервые такое употребление отмечается в XV в., а в XVI в. оно становится обычным: *ихъ же ризы свѣтлые, техъ речь честная* (Сл. Дан. Зат.); *и та вода свята* (Хожд. гостя Василия) и т. п. К XVII в. предикативная функция становится обычной для полных прилагательных, но только с конца этого века здесь возникает творительный предикативный на месте именительного: *кто еси ты и дле чего пришелъ зде будучи нагимъ* (Римск. Деян.).

Следует отметить, что первоначально, в XV—XVI вв., полные прилагательные в роли сказуемого, находясь после подлежащего, не имели при себе дополнения или обстоятельства. Развитие этих конструкций и пошло по линии распространения их пояснительными словами, особенно местоимениями (например, *дорога вся ровная, силы ваши великие*), или введения в конструкцию глагола (например, *к нему вода идет приводная*).

Постепенно в именном сказуемом полные и краткие прилагательные дифференцировались по значению: краткие стали выражать временный признак, а полные — постоянный (ср.: *он был зол* и *он был злой*).

Что же касается творительного предикативного прилагательных, устанавливающегося здесь в XVII—XVIII вв., то он укрепляется при глаголе *быть* в прошедшем времени *(он был добрым)*, при страдательных причастиях *(почтен должным)*, при глаголах *(ходил сердитым, выглядел веселым)*, при инфинитиве *казаться, являться* в сочетании с личной формой глаголов *мочь, хотеть, иметь (может показаться бесполезным, хочет появиться другим)*.

Наконец, древнерусскому языку было свойственно употребление в качестве именной части составного сказуемого кратких причастий действительного залога. Эти причастия употреблялись в сочетании с разными временными формами глагола *быти* и с иными глаголами и стояли при этом в форме имен. пад. Так, например, в Лаврентьевской летописи: *аще боудете въ любви межю собою и боудете мирно живоуще; и есть цр҃кве та стоѧща в Корсунѣ градѣ; соуть же кости его... там лежаче;* ср. в сочетании с иными глаголами: *се азъ мьстислав... дьржа роуськоу землю... повелѣлъ есмь* (Мстисл. грам. 1130 г.)

Употребление кратких причастий при разных знаменательных глаголах привело в истории русского языка к образованию новой синтаксической конструкции — деепричастного оборота. Такое развитие было обусловлено, во-первых, утратой согласования причастной формы с подлежащим, что было связано с отмиранием склонения краткими причастиями (см. § 262).

Во-вторых, такое развитие было обусловлено усилением глагольности этих причастных форм и потерей ими именной специфики. Такому оглаголиванию способствовал тот факт, что эти формы уже в ранний период истории редко выступали в роли определений.

Усиление глагольной самостоятельности причастия, ставшего деепричастием, привело к тому, что сочетания с таким деепричастием начали восприниматься в древнерусском языке как самостоятельные предложения, хотя и без особого подлежащего, и стали соединяться сочинительными союзами с основным глагольным сказуемым; например, в летописях: *Андрѣи же то слышавъ и бысть образъ лица его попустѣлъ; Олегъ же... оустремися на Суждаль и шедъ Суждалю; а вы плотници сущи, а приставимъ вы хоромъ роубити.*

§ 280. Согласование подлежащего и сказуемого. И в этой области синтаксических связей древнерусский язык в целом обнаруживает ту же картину, что и современный: в двусоставном личном предложении подлежащее и сказуемое выступают в связи согласования, т. е. согласуются прежде всего в числе и лице, а при именном сказуемом — и в роде.

Однако вместе с тем древнерусский язык знал и здесь одну такую особенность, которая была впоследствии утрачена,— согласование подлежащего и сказуемого по смыслу. Речь идет о том, что при подлежащих, выраженных собирательными существительными, сказуемое могло ставиться во множественном числе. Ср., например, такие факты в летописях: *ходиша корела на емь; и чьрнь не хотѣша дати числа; ходиша вся роуска земля, а останъкъ почаша мерети; побѣдиша ярослава мордъва, приходиша емь и воеваша; рекоша дроужина* и т. д. Во всех этих примерах при подлежащем в единственном числе сказуемое употреблено во множественном. Это было возможно в древнерусском языке как раз потому, что в такого типа предложениях подлежащие, выраженные собирательным существительным, обозначали определенную совокупность людей, множество их.

Согласование сказуемого и подлежащего по смыслу, устойчиво державшееся в русском языке вплоть до XVIII в., не исчезло полностью, однако оказалось сильно ограниченным в литературном русском языке (ср. совр. *большинство людей читали эту статью*). Правда, в диалектах такое согласование можно встретить чаще.

КОНСТРУКЦИИ С ДВОЙНЫМИ КОСВЕННЫМИ ПАДЕЖАМИ

§ 281. Характерной особенностью древнерусской синтаксической системы были конструкции с двойными косвенными падежами — с двойным винительным и дательным, а также с двойным родительным падежом.

Двойной винительный падеж — это конструкция, в которой употреблены две формы винительного падежа имени, где одна обозначает прямой объект, а вторая находится в предикативных отношениях с первым винительным. В современном русском языке на месте второго винительного выступает творительный предикативный. Такой творительный предикативный при широкой употребительности двойного винительного был возможен и в древнерусском языке. Так, с одной стороны, в памятниках отмечаются конструкции с двойным винительным: *постави Мефодиѧ епископа* (Лавр. лет.); *нарекъ ю дщерь себѣ* (Ипат. лет); *пропола кнѧзѧ посадиша* (Сузд. лет.); *сына своего приимите собѣ кнѧзѧ* (Новг. лет.) и т. д. С другой стороны — творительный предикативный: *поставиша Феоктиста епископомъ* (Ипат. лет); *поставиша Дионисиѧ игоуменомъ* (Сузд. лет.); *нарекъ ю дщерью собѣ* (Лавр. лет.); *ты мѧ имѣи отцемъ* (там же) и т. д.

Конструкции со вторым винительным, как и с творительным предикативным, отмечаются в предложениях с переходными глаголами называния, назначения, восприятия, чувства и т. п. В функции второго винительного выступали существительные, прилагательные и причастия. К XVI в. творительный предикативный существительных стал преобладать в памятниках письменности над вторым винительным, а в XVII в. второй винительный был уже полностью вытеснен из живого русского языка.

Точно так же обстояло и со вторым винительным, выраженным прилагательным, который в истории русского языка тоже был вытеснен творительным предикативным. В качестве примеров употребления второго винительного прилагательных можно привести, например, такие факты из летописей: *вы есте нарекли мѧ старѣишаго; женоу тоу акы мьртвоу створиша; въвьргоша и въ греблю мьртвъ* и т. д. Что касается творительного предикативного в подобных конструкциях, то он в ранних памятниках письменности по существу отсутствует и даже в XVII в. еще не приобретает господствующего положения. Становление творительного предикативного было связано с укреплением полных прилагательных в роли именного сказуемого (см. § 279).

Конструкции с двойным дательным падежом, также широко распространенные в древнерусском языке, были двух типов. Во-первых, второй дательный мог непосредственно присоединяться к первому дательному, и в этом случае он являлся простым приложением. Во-вторых,— и это более важно — второй дательный присоединялся к первому посредством инфинитива, и в этом случае он являлся предикативным приложением, т. е. имел предикативное значение. Так, например, второй дательный приинфинитивный отмечается в следующих примерах: *дасть имъ область чадомъ божиемъ быти* (Остр. ев.); *ꙗко быти намъ рабомъ* (Ник. лет.). Однако вместе со вторым дательным в памятниках XVI в. отмечается и творительный предикатив-

ный: *подобаетъ ти всегда воеводою быти* (Сказ. о Мам. поб.); *ꙗко быть тебѣ княземъ во правдоу* (Воскр. лет.). К XVIII в. второй дательный существительных в литературном языке уже почти не встречался.

Точно такую же историю пережил и второй дательный прилагательных, который, присоединяясь к первому дательному посредством инфинитива, имел предикативное значение, являясь предикативным определением. В отличие от судьбы второго дательного существительных, второй дательный прилагательных держался устойчиво в памятниках еще XVII в., тогда как творительный предикативный тогда только еще начинал укрепляться. В качестве примеров употребления второго дательного прилагательных можно привести такие факты: *повелѣ имъ готовымъ быти* (Воскр. лет.); *быти намъ... неотстоупнымъ ни хъ комоу* (Ист. вел. Новг.). Творительный предикативный на месте второго дательного прилагательных становится господствующим лишь в XVIII в.

Двойной родительный в памятниках древнерусского языка отмечается значительно реже других двойных падежей и выступает в конструкциях с отрицанием *не*: *не даша его жива* (I Новг. лет.). В истории русского языка он также был вытеснен творительным предикативным.

Таким образом, конструкции с двойными косвенными падежами были утрачены, и на месте второго винительного, второго дательного и второго родительного стал употребляться творительный предикативный существительных и прилагательных.

„ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ" В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 282. Еще одной особенностью древнерусского синтаксиса, хотя, быть может, и не свойственной живому языку, а заимствованной из старославянского, являлся оборот „дательный самостоятельный". Он представлял собой сочетание дательного падежа существительного или местоимения с согласованным с ним (т. е. стоящим также в дат. пад.) причастием. Подобное сочетание имело значение причины или времени, и поэтому „дательный самостоятельный" переводится на современный русский язык придаточным предложением времени или причины. Например: *и сразившема сѧ полкома и побѣди ꙗрополкъ* (Ипат. лет.) — так как они бились долго, Мстислав начал изнемогать. *борющема сѧ има нача изнемогати Мьстиславъ* (Лавр. лет.) — так как они бились долго, Мстислав начал изнемогать.

Реже дательный самостоятельный имел другие значения, например условное: *бегу попущьшу, бѣси дѣиствують* (Поуч. Серап.), определительное: *слашахомъ же преже трехъ*

лѣтъ бывшее знамение ..., всѣмъ людемъ видѧщимъ (Моск. лет. свод), следствия: *бысть пожаръ великъ... городѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему* (Троиц. лет.) и др.

В старославянском языке этот оборот был распространен очень широко. Например, в Зограф. еванг.: **утроу же бывхшю съвѣтъ сътвориша; ѣдѧштемъ же имъ примъ ісъ хлѣбъ; вълѣзъшьма има в корабь прѣста вѣтръ** и т. д. И в памятниках древнерусского языка он встречается достаточно часто. Однако уже в раннюю эпоху наступает разрушение этого оборота, что было вызвано, как видно, не только чуждостью его живому русскому языку, но и тем, что происходит утрата склонения краткими причастиями. Это приводит к тому, что причастия начинают выступать не в дательном, а в именительном падеже. Например, в Лаврентьевской летописи: *идоуще же емоу въспѧть размысливъ рече дружинѣ своеи* (вм. *идущу же ему*); в Моск. лет. своде: *митрополиту же вшедъ въ посадъ града того* (вм. *вшедшу*). С течением времени таких отступлений становилось все больше и больше, т. е. „дательный самостоятельный" уходил даже из письменного литературного языка. Однако все же в XVII—XVIII вв. в повествовательной прозе изредка этот оборот встречается; например, употребление этой, без сомнения, архаичной для XVIII в. конструкции наблюдается в «Путешествии из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева: *Едущу мне из Едрова, Анюта из мысли моей не выходила.*

Справедливости ради надо сказать, что вопрос о том, был ли дательный самостоятельный особенностью, свойственной синтаксическому строю живого русского языка, или его употребление в памятниках письменности является лишь данью старославянской традиции, остается неясным.

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 283. Древнерусский язык, как и иные славянские языки, издавна знал два способа выражения притяжательности: при помощи конструкций с притяжательными прилагательными и при помощи конструкций с родительным приименным (*отцова шапка — шапка отца, сестрин шарф — шарф сестры* и т. д.).

Конструкции с притяжательными прилагательными оказались в общем нежизнеспособными (хотя они достаточно широко наблюдаются в памятниках: *начало княженья Святославля; княжь корабль разби вѣтръ; Давидъ начатъ Святополка пущати на ослѣпление Васильково* и т. д.) и были вытеснены конструкциями с родительным приименным. При этом процесс укрепления родительного приименного шел через контаминацию двух способов образования категории притя-

жательности в одной конструкции. Так, например, в памятниках делового письма наблюдается употребление притяжательного прилагательного от имени и родительного — от фамилии: *Юшка да Василей князь Ивановы* (притяж. прилагат.) *дѣти Щетинина* (род. пад.); *писахъ же книгы сия азъ, Георги, сынъ поповъ глаголемаго Лотыша о Городища; чтобы они о томъ государскомъ и святѣишаго патриарха указу исполняли;* то же наблюдается и в летописях, например: *кыяне же разграбиша дворъ путятинъ тысячского; мысль владычню и князеи смоленскихъ и пановъ сѣдалъ князь* и т. д.

В истории русского языка конструкции с притяжательными прилагательными сохранились лишь в тех случаях, когда в них выступают прилагательные на *-ов* и *-ин*. Во всех же остальных стала употребляться конструкция с родительным приименным. Судя по фактам литературного языка, конструкция с притяжательными прилагательными уже к середине XIX в. воспринималась как архаическая или даже служила средством преднамеренной архаизации.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 284. Определенные особенности в синтаксической системе характеризовали грамматическую связь управления в древнерусском языке, что было обусловлено некоторыми значениями, свойственными косвенным падежам. Подобные значения не сохранились, в силу чего современный русский язык и не знает всех тех явлений в области управления, какие знал древнерусский.

Для того чтобы выяснить особенности древнерусского управления, следует установить значения косвенных падежей, свойственные русскому языку в прошлые эпохи его развития.

Прежде всего внимания заслуживает родительный падеж, имевший в древнерусском языке ряд таких значений, каких он не имеет теперь и какие определяли в некоторых случаях характер связи управления в этом языке. Так, род. пад. мог иметь временно́е значение; например, в Новгородской летописи: *тои же осени много зла сѧ створи; тои же весне оженисѧ князь Мьстиславъ* (*весне* из *веснѣ*, где *ѣ* вместо *ы* под влиянием *землѣ* (см. § 185); или еще: *того же лѣта взѧше болгари муромъ; а того оутра была мгла велика* (Лавр. лет.); *и ты б его отпоустилъ часа того* (Гр. Ивана IV 1558 г.) и т. д.

Это значение род. пад. было в целом утрачено русским языком (его можно отметить в современном *сегодня* (из *сего дня*), *третьего дня*, а также *первого мая, второго ноября* и т. п.), и на месте родительного времени теперь употребляются конструкции с

твор. пад. без предлога (например: *той осенью, той весной*) или вин. пад. с предлогом *в* (*в ту осень, в ту весну*).

В древнерусском языке, далее, употреблялся еще родительный целого при местоимениях *кто, что, который;* это наблюдалось там, где теперь выступает конструкция род. пад. с предлогом *из*. Например: *а хто моихъ бояръ иметъ служити у моеѥ кнѧгини* (Дух. кн. Сем. Ив.); и *кто насъ боудетъ живъ, а прибѣгнетъ к тобѣ; оже ли кто васъ не хочетъ добра ни мира хрестьяномъ; а который насъ въ лицехъ, на том денги* (примеры взяты из Актов юрид.).

Наконец, следует назвать конструкцию с род. пад. при глаголах так называемого длящегося восприятия, т. е. *слушать, слышать, глядеть, смотреть* и т. п. Например: *позримъ синего Дону* (Сл. о полку Иг.); *всегда в торгу смотрити всякого запасу* (Домостр.); *съ своими... бояры... того собрания слушалъ* (Улож. 1649 г.) и т. д. В этих конструкциях род. пад. обозначал неполно охватываемый действием объект.

С таким же значением род. пад. выступал и при иных глаголах, например: *а будеть кто у кого наимется стеречь двора* (Улож. 1649 г.); и *всякой семейной ествы... самъ кушаетъ* (Домостр.); *престани-де государь проливати крови неповинныхъ* (Жит. Аввак.) и т. д.

Во всех подобных случаях род. пад. в истории русского языка был вытеснен конструкцией с беспредложным или предложным вин. пад. (*смотреть запас, посмотреть на Дон* и т. д.).

§ 285. В древнерусском языке существовал твор. пад. со значением времени. Например: *и тако трьми недѣлями* (Жит. Феод.); *приде... мартъмь мцемь* (Новг. лет.); *зимами черезъ волоки волочилися* (Жит. Аввак.) и т. п. При этом твор. пад. времени употреблялся от слов, обозначающих любой по существу отрезок времени: части суток, времена года, названия месяцев, дни недели и т. д. В истории русского языка круг этой лексики сильно сузился: теперь твор. пад. времени выступает лишь при обозначении частей суток и времен года, причем в подобной конструкции эти названия употребляются с определяющим словом (*темной ночью, поздней осенью, ранним утром* и т. п.). Названия же месяцев и дней недели выступают во временных конструкциях лишь с предлогом *в* (*в марте, в среду* и т. д.). У древнерусского твор. пад. следует отметить еще значение причины, которое выступало у него достаточно широко. Например: *мнози члвци оумираховоу различными недоугы* (Ипат. лет.); *а начаша мрети гладомь* (Новг. лет.); *епъ и кнѧгини... огнемь скончаша ся* (Сузд. лет.) и т. д. Во всех этих и подобных случаях твор. пад. причины не сохранился, а был заменен конструкцией род. пад. с предлогом *из-за* или дат. пад. с предлогом *благодаря*.

В истории русского языка был утрачен и твор. пад. с простран-

ственным значением, также распространенный в древнерусскую эпоху. Например: *подавше емоу оконцемъ* (Лавр. лет.); *входятъ въ городъ одиными вороты* (Ипат. лет.); *Днѣпръ течетъ... треми устьи* (Ник. лет.) В современном русском языке такое употребление твор. пад. возможно лишь в специальном употреблении (*кровь пошла носом*); в целом же на месте твор. пад. с пространственным значением употребляется конструкция род. пад. с предлогом *через*.

Наконец, следует сказать, что в древнерусском языке многие глаголы требовали после себя иного падежа, чем в современном языке. Так, например, если теперь глагол *воевать* требует твор. пад. с предлогом *с* (*воевать с кем-нибудь*), то в древнерусском он требовал после себя винительного падежа с предлогом *на: воевать на* кого-, что-нибудь: Игорь воѣва на печѣнѣгы (Лавр. лет.). Если теперь глагол *мстить* требует после себя вин. пад. с предлогом *за: мстить кому-нибудь за что-нибудь*, то в древнерусском здесь выступал винительный без предлога: *мстить* кому-нибудь кого-, что-нибудь: *ажь оубьеть мужь моужа, то мьстити братоу брата*. Подобных примеров расхождения древнерусского глагольного управления с современным можно привести очень много.

ИСТОРИЯ СООТНОШЕНИЯ БЕСПРЕДЛОЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

§ 286. В связи с проблемой управления и особенностями древнерусского языка в этом отношении стоит и вопрос об истории беспредложных и предложных конструкций, который уже частично был затронут раньше.

Как это ясно из приведенных выше фактов, древнерусский язык характеризовался развитой системой беспредложного управления. Конструкции с таким управлением наблюдаются во многих памятниках письменности. При этом беспредложное управление обнаруживается в конструкциях с род., дат. и местн. пад., имеющими пространственное значение в широком смысле этого слова. Так, например, беспредложные конструкции с род. пад.: *отхожю света сего; отступи волею кыева; и дошедъ пльскова разболе сѧ; и ста кнѧзь не дошедъ града; и дошедъше волги новгородьци воротиша сѧ* и т. д. (примеры взяты из грамот и летописей). Или беспредложные конструкции с дат. пад.: *приде ст҃ополкъ кыевоу; онъ же оуслышавъ... иде торопцю; и иде давидъ володимерю* и т. д. (примеры из летописей). Или беспредложные конструкции с местн. пад.: *загорѣсѧ савъкинѣ дворѣ; заложена бысть стаѧ софиѧ новъгородѣ; седѣ кыевѣ; преставиісѧ новѣгородѣ* и т. д. (примеры из летописей).

Все эти и подобные конструкции не сохранились в русском языке: они были вытеснены предложными конструкциями. При этом если в род. пад. на месте беспредложной конструкции возникла конструкция с предлогами *от* и *до* (*от Киева, до города*), а в местн. пад.— с предлогом *в* (*в Новгороде, в Киеве*), то в дат. пад. дело обстояло сложнее. Эта сложность была связана с тем, что дательный беспредложный существовал рядом с дательным предложным, причем обе эти конструкции обозначали направление движения к какому-либо пункту. Отличия же между ними заключались в том, что беспредложная конструкция обозначала движение с заходом в пункт, а предложная без захода в него. Так, например, с одной стороны, *и д е мьстиславъ к ы е в у* (т. е. в Киев) *на столъ из нова города; и п р и д е опѧть н о в у г о р о д у* (т. е. в Новгород) *и бысть встань велика в людьхъ; и потомь позваша и ростовьци к собѣ и и д е р о с т о в у* (т. е. в Ростов; Новг. летоп.); а с другой — *и съ сими. . . поиде Олегъ на конехъ и на кораблехъ. . . и п р и и д е к ъ ц а р ю г р а д у, и грѣци замкоша судъ, а градъ затвориша* (т. е. в Царьград Олег не попал); *в то же лѣто х о д и ш а новгородьци. . . к ъ П о л о т ь с к у и пожьгъше волость воротиша сѧ* (т. е. в Полотске они не были; Новг. летоп.). В связи с такими различиями в значении конструкций стоит и судьба беспредложного дательного, который в истории русского языка был заменен винительным с предлогом *в*. Что же касается предложной конструкции дат. пад. с *къ*, то она сохранилась в русском языке без изменений.

Кроме род., дат. и местн. пад. в пространственном значении, беспредложные конструкции с таким значением выступали и в вин. пад., хотя это наблюдалось намного реже. Например: *глѣбъ же в н и д е ч е р н и г о в ъ* (Лавр. лет.); *и оттуда ѣха. . . печерьской м о н а с т ы р ь; п р и щ е д ъ ш а и м ъ л ѣ с ъ болдыжь* (Ипат. лет.) и нек. др. Эти конструкции в истории русского языка были заменены конструкциями с предлогом *в*.

Вместе с тем подобные беспредложные конструкции могли выступать не только в пространственном значении, но и в ином. Так, например, существовала беспредложная конструкция дат. пад. принадлежности: *се имена в о е в о д а м ъ ихъ; копье летѣ сквозь оуши к о н е в и* и т. д. Подобная конструкция также в целом не сохранилась в истории русского языка и была заменена конструкцией с род. пад., однако тоже беспредложной.

Точно так же вин. пад. без предлога мог употребляться в древнерусском языке для обозначения неполностью занятого действием времени: *азъ о у т р о послю по вы* (Лавр. летоп.).

Итак, в древнерусском языке были широко распространены беспредложные конструкции. К тем фактам, которые были приведены выше, можно было бы добавить много иных подобного же типа. В истории русского языка беспредложные конструкции были в большинстве случаев вытеснены предложными, которые «стали более точно и дифференцированно обозначать функции, прежде

выполнявшиеся преимущественно падежными формами» (Ломтев Т. П. Из истории синтаксиса русского языка.— М., 1954.— С. 47).

КОНСТРУКЦИЯ „ИНФИНИТИВ + ФОРМА ИМЕН. ПАД. ЕД. Ч. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЖЕН. Р. НА *-А*"

§ 287. Когда говорят о такой конструкции, то имеют в виду существование в древнерусском языке прямого дополнения в форме имен. пад. ед. ч. существительных жен. р. на *-а* при инфинитиве: *такова правда оузѧти; слѣдоует одна гривна платити; како кормити семьѩ; велѣти емоу сѣѩти моука* и т. д. (примеры взяты из памятников деловой письменности). Конструкция „инфинитив + имен. пад. ед. ч. жен. р. на *-а*" распространена главным образом в памятниках северо-западного происхождения и фиксируется в них с XIII в. В XIV—XVII вв. она отмечается в северных и смоленско-полоцких памятниках, а также в московской деловой письменности. Редкая ее фиксация в южновеликорусских документах XVII в. вызывает сомнения в ее исконности для всей древнерусской территории.

Семантика конструкции „инфинитив + имен. пад. на *-а*" была связана с выражением долженствования, необходимости, желательности действия.

Относительно происхождения рассматриваемого оборота можно предположить, что первоначально он появлялся в безличных предложениях со сказуемыми *надобѣ*, *надо*, *нужно* и т. д.

Так как конструкция „инфинитив + имен. пад. на *-а*" употребляется большей частью для выражения долженствования или повеления и т. п., можно думать, что этот оборот по происхождению стоит в связи с конструкцией „имен. пад. на *-а*, *-я* при сказуемом *надо*, *нужно* с отсутствием инфинитива": „(мне) надо земля". В современных северновеликорусских говорах отмечаются такие обороты, как *мне надо соха*, *мне нужно изба* и т. п., в которых существительное может быть воспринято и как подлежащее, и как дополнение. Как видно, первоначально в подобного рода сочетаниях существительное было подлежащим, а *надо*, *нужно* — сказуемым. В связи же с тем, что *надо*, *нужно* могли выступать еще и как сказуемые безличного предложения в сочетании с инфинитивом (типа *нужно строить*), произошло объединение двух конструкций, в результате чего возникло *нужно изба строить*. А из этого уже выделился оборот „инфинитив + имен. пад. на *-а*".

ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 288. Древнерусский язык имел две особенности в выражении отрицания. Одна из них заключалась в том, что если в роли подлежащего, дополнения или обстоятельства выступали отрицательные местоимения и наречия (типа *никто*, *ничто*, *николи*) или

при имени или местоимении наличествовало *ни*, то отрицание *не* при глаголе могло быть, могло и отсутствовать. В грамотах и летописях такое двойное отрицание есть: *а противу того не молвити никому же* (Гр. 1229 г.), *а князю есме зла не створили никоторого же* (I Новг. лет.), *и не быть ему помочи ни откуда же* (Лавр. лет.). В канонических же произведениях и в житиях второго отрицания может не быть: *ничьто же оумыслихъ* (Ск. о Бор. и Глебе), *никому же рекъ* (Жит. Феод. Печ.) и т. п.

Второй особенностью являлось употребление при двух отрицаемых сказуемых одного с *не*, а другого с *ни*. Например, в летописях: *не идемъ на конехъ ни пеши идемъ* (Лавр. лет.), *олговичамъ вѣры не ими ни с ними ходи въ путь* (Ипат. лет.); в грамотах: *а бес посадника ты кнже волостии не роздавати ни грамотъ давати; и не покориша сѧ пльсковци имъ ни обидѣти ихъ въ то времѧ* и т. д.

В истории русского языка первая особенность отмерла, ибо это была чуждая народно-разговорной речи черта, привнесенная в древнерусскую письменность через посредство церковнославянского из греческого и латинского языков. Что касается второй особенности, то и она перестала быть характерной для русского языка: теперь в подобных случаях употребляется повторяющийся союз *ни. . .ни*, усиливающий отрицание.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Борковский В. И. Исторические справки по синтаксису русского языка // Русский язык в школе.—1952.—№ 1; Синтаксис русских грамот (Простое предложение).— Львов, 1949.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка.— М., 1965.— С. 338—494.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953.— Т. II.— С. 262—310, 364—389.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка.— М., 1968.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение.— М., 1978.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение.— М., 1979.

Шведова Н. Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. // Доклады и сообщения Института русского языка.— М., 1948.— Т. I.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 173—182.

§ 289. Древнерусский язык имел как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения, однако характер их и структура отличались от характера и структуры подобных предложений современного русского языка. Вместе с тем в древнерусском языке сохранялась еще и нерасчлененная структура сложного предложения, сущность которой заключалась в „нанизывании" предложений одного за другим. При такой структуре неоднородные предложения могли оказываться в грамматической связи однородного следования. Примерами такой „нанизывающей" структуры сложного предложения могут служить следующие: *по ловати внити в ылмерь озеро великое, из него же озера потечетъ волховъ и втечетъ в озеро великое, того озера внидеть устье в море варяжьское, и по томоу морю ити до рима, а отъ рима прити по томоу же морю к царюгородоу, а отъ царягорода прити в понтъ море, въ неже втечетъ днѣпръ рѣка.* Или: *а отъ ефеса до сама острова сорокъ верстъ, и въ томъ острови рыбы многы бываютъ в сторонѣ далече въ морѣ.* Или: *наводить богъ по енѣвоу своемоу иноплеменьникы на землю и тако съкроушенамъ имъ вспомяноутся къ богоу оусобная же рать бываеть отъ свавжения дьяволя богъ бо не хощеть зла въ человѣцѣхъ но блага а дьяволъ радоуется зломоу оубіиствоу и кровопролитію* и т. д.

§ 290. Проблема происхождения сложноподчиненных предложений. В решении проблемы происхождения сложноподчиненных предложений в древнерусском языке есть две четко выраженные точки зрения. Согласно одной из них, сложноподчиненные предложения развиваются из сложносочиненных. Обоснованием этой теории служит факт развития подчинительных союзов из местоимений и наречий, а также отсутствие в древнерусском языке четко выраженной дифференциации значений этих союзов. С этой точки зрения, сложноподчиненное предложение возникало из сложносочиненного в том случае, когда в одно из объединяемых в сложное простых предложений вводился подчинительный союз: *и скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ* и *и ꙗко скопиша вое, и выслаша из города къ воеводѣ.*

Другая теория утверждает, что сложноподчиненные, как и сложносочиненные, предложения возникли из нерасчлененной структуры сложного предложения, которая выше была определена

как „нанизывание" неоднородных предложений. С этой точки зрения, подчинение развивается в результате вычленения подчинительной конструкции из грамматической связи однородного следования путем парного объединения предложений. В этом случае придаточным становится то предложение из двух, которое имеет косвенную модальность, т. е. выражает вопрос, повеление, желание и т. п. Именно то, что предложения с косвенной модальностью содержат определенную семантику, позволяет им стать придаточными предложениями того или иного значения.

Точно так же в результате парного объединения предложений путем выключения их из однородного следования возникали и сложносочиненные предложения; только в этом случае оба предложения оказывались в равноправных связях между собой.

Таким образом, с этой точки зрения сочинение и подчинение являются равно развивающимися направлениями совершенствования сложного предложения.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 291. В древнерусском языке объединение предложений в сложносочиненной структуре осуществлялось посредством сочинительных союзов. В состав этих союзов входили соединительные *и*, *да*, *а*, противительные *а*, *но*, *да*, *анъ*, *ано*, *инъ*, *ино* и *и*, а также разделительные *ли*, *или*, *любо*, *либо*, *то*. . . *то*. В истории русского языка часть этих союзов была вообще утрачена; к ним относятся *ан*, *ано*, *ин*, *ино*, *любо*, *лѝ*. Другие же союзы, сохранившись в одном значении, перестали употребляться в другом; так, союз *а* отмер в соединительном значении, а *и* — в противительном. Остальные же союзы сохранили свое значение и употребление на всем протяжении истории русского языка.

Для иллюстрации употребления перечисленных союзов в древнерусском языке можно привести примеры из памятников письменности.

Союз *и* в соединительном значении: *приде князь Ярославъ в Новгородъ, и ради быша новгородьци; прѣставися Ярославъ, и сѣде Изяславъ Кыевѣ на столѣ.*

Союз *да* в соединительном значении: *суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху от грѣхъ великая скуфь.*

Союз *а* в том же значении: *а истцю свое лице взяти, а что с нимь погыбло а того ему желѣти своихъ кунъ; пояти же челядинъ в челядина мѣсто а оному дати лице.*

Противительные союзы:

а: старыя чти яко отца, а молодыя яко братью; и двое денги дати, а нелюбое купишь; и паде татарское тѣло на христианьскомъ, а христианьское тѣло на татарьскомъ;

но: томоу людье не помогають, но съ самъ платить; то Ярославъ былъ уставилъ. . ., но съ сынове его уставиша;

да: святии боѣрѣ умроша, д а живи суть о Христѣ;

анъ: князь Дмитреи ... восхотѣ причаститися... а н ъ его тогда кровь пустися изъ обою ноздрию;

ано: и приде вѣсть въ Новъгородъ, бяше же новгородьцевъ мало, а н о тако изымано вячьшие муж;

инъ: моленой боран отлучился, и н ъ гулящий прилучился;

ино: наеъ тлѣнныхъ ризъ сего мира, и н о пакы одѣянъ бысть одежою нетлѣнною;

и: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя; и пусти предъ собою в лодьѣ, и самъ по нихъ иде.

Р а з д е л и т е л ь н ы е союзы:

ли: кую похвалу створимъ достойну твоего блаженьства, л и кому уподоблю сего праведника;

или: оже придеть кръвавъ муже на дворъ и л и синь то видока ему не искати;

либо, любо: аще будеть русинъ л и б о гридь л ю б о купець; л и б о единаго возненавидить, а другаго возлюбить; хощу главу свою приложити, а л ю б о испити шеломомь Дону;

то...то: бьется с Кафары, 20 лѣтъ есть, т о его побіють, т о онъ побиваеть ихъ многажды. (Примеры даны по „Материалам для Словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского.)

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ПОДЧИНЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 292. Средства подчинения в древнерусском языке развивались постепенно. Если первоначально система подчинения не была четко противопоставлена сочинению, так как не развились еще все те многообразные способы подчинения, которые характерны теперь для русского языка, то на протяжении истории происходила выработка таких дифференцирующих средств.

Памятники древнерусского языка обнаруживают целый ряд фактов б е с с о ю з н о г о подчинения предложений. Судя по употреблению таких конструкций, можно думать, что они возникли при передаче разговорной речи. Так, например: *не бяше льзе коня напоити на Л ы б ѣ д и п е ч е н ѣ з и* — конструкция, сближающаяся с придаточным причины (= нельзя, так как на Лыбеди печенеги); *не ходи княже у б ь ю т ь т я* (= так как убьют тебя); *да пришли сороцицю с о р о ц и ц е з а б ы л и* (= так как забыли); *наказуи дѣти въ юности, покоить тя на старость твою* — конструкция, сближающаяся с условным придаточным, и т. д. Такие конструкции и теперь характерны для разговорной и особенно диалектной речи.

Вместе с тем древнерусский язык развивал и подчинительные предложения, в которых придаточное связывалось с главным п р и п о м о щ и с о ю з о в. При этом, во-первых, древнерусские подчинительные союзы были многозначны, т. е. один и тот же

союз мог присоединять разные придаточные предложения; во-вторых, в истории русского языка происходило не только развитие и увеличение числа подчинительных союзов, но и утрата некоторых из них.

§ 293. Исследователи древнерусского синтаксиса уже давно обратили внимание на многозначность подчинительных союзов в древнерусском языке, на то, что некоторые из этих союзов могли присоединять к главному самые различные придаточные предложения. Так, Е. С. Истрина, исследуя I Новгородскую летопись, установила, что союз *яко* мог присоединять: а) придаточные дополнительные *(и услышаша Новѣгородѣ, я к о Святопълкъ идеть къ нимъ)*, б) придаточные следствия *(потомь наиде дъжгь, я к о не видѣхомъ ясна дни ни до зимы)*, в) придаточные причины *(Новгородьци же . . . створиша вѣче на посадника . . . я к о ти повѣлѣша на новгородьцихъ сребро имати)*, г) придаточные сравнительные *(и отыниша тыномь все около, я к о же инии гради имаху)*, д) придаточные времени *(и я к о быша на озѣрѣ Селегери, преставися. . . Мартурий)* и т. д.

Такой же многозначностью обладали и иные подчинительные союзы и союзные слова, например *что*. Это слово могло присоединять придаточные определительные *(а ш т о поимани люди моя, пустити вы без откупа)*, дополнительные *(а ч т о былъ отъялъ братъ твои, а то ти княже не надобѣ)*, причины *(ч ь т о убо крьщаеши, аще ты не нѣси Христосъ)*, цели *(ч ь т о творите, его же не достоить творити в суботы)* и т. д.

В истории русского языка развитие шло по линии уточнения значения подчинительных союзов и союзных слов, по линии закрепления за ними одного конкретного значения. Правда, следы былой их многозначности сохраняются и в современном языке, однако в целом подчинительные союзы и союзные слова стали присоединять лишь определенные придаточные, ибо значение их сузилось.

Что же касается истории возникновения новых подчинительных союзов и утраты некоторых старых в истории русского языка, то это можно хорошо проследить на истории отдельных типов сложноподчиненных предложений.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 294. В древнерусской синтаксической системе существовал целый ряд сложноподчиненных предложений, различных по значению. В целом среди этих сложноподчиненных предложений можно обнаружить все те типы, какие есть и теперь, т. е. сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, причины, места, цели и т. д.

Следовательно, различие в этом отношении между древнерусским и современным языком заключалось не в том, что были иные типы сложноподчиненных предложений, а в том, что в древнерусском языке в ряде случаев эти предложения имели иную структуру и то или иное придаточное присоединялось к главному иными союзами, нежели теперь.

§ 295. Придаточные предложения времени присоединялись к главному при помощи целого ряда союзов, которые впоследствии были утрачены русским языком. К таким союзам относились: *елма*, который редко выступал и в древнерусских памятниках (ср., например, *елма же царь распусти силу тотарьскую по земли руской воевати княжение великое ови изшедшие къ Володимерю* — Новг. лет.), *донележе* (*и ты игуменъ Исаие и вы братиѣ, донележе миръ состоить молите бога за ма* — Мстисл. гр. 1130 г.), *дондеже* (*и стояше знамение то, дондеже и похороница его* — Новг. лет.), *яко* (пример приведен выше, см. § 293), *егда* (*егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасть* — Лавр. лет.) и нек. др. Надо сказать, что в большинстве случаев перечисленные союзы воспринимались как книжные, несвойственные живой народной речи. Однако, кроме этих союзов, придаточные времени в древнерусском языке присоединялись и при помощи иных союзов, известных и теперь или в литературном языке, или в диалектах. Речь идет о таких союзах, как *когда* (например, *азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда приходиша Киеву* — Лавр. лет.), *коли* или *коль* (*отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ* — Лавр. лет.), *докуда* или *докудова*, *покамест* и др.

§ 296. Придаточные предложения причины присоединялись в древнерусском языке к главному не только союзами *яко* и *что*, о которых уже говорилось выше (см. § 293), но и таким, как *ибо*, сохранившимся и в современном языке. В XVII в. в придаточных причины развились сложные союзы *потому что*, *для того что*, *затем что*, возникшие в результате превращения в союзы сочетаний предложно-падежных форм указательного местоимения с союзом *что*.

Наконец, древнерусский язык знал еще некоторые причинные союзы, впоследствии утраченные. К ним относятся *зане*, *понеже*, *оже* и *яже*. Ср. примеры из памятников: *заложи городъ на бродѣ томъ и нарече Переяславль, зане перея славу отрокъ тъ* (Лавр. лет.); *и бѣ новгородьцевъ безчисленное множество, а москвичь мало, понеже не единою дорогою идяху* (Устюж. лет.); *мьртву . . .отъ пьсъ изѣдаемы, оже не можаху погрѣсти* (Новг. лет.); *велика милость твоя, яже та угодья створилъ еси* (Лавр. лет.).

§ 297. Придаточные предложения условные присоединялись к главному посредством союзов *есть ли* (изменившегося впоследствии в *если*), *будет*, *ежели*, *коли*, *аже*, *оже*, *аще*, *аче*. Все эти союзы имели неравномерное распространение

и неодинаковую судьбу. Так, союзы *аже, аче* или *аще* широко известны в севернорусских памятниках XIII—XIV вв., например в „Русской Правде“: *а ж ь убьеть мужь мужа, то мьстити брату брата; а ч е ли будеть русинъ, любо гридь, либо купець . . . то . . .; а щ е ли утнеть руку то полъ виры.* Наоборот, в московских памятниках XVI в. употребителен союз *будет,* из которого несколько позже — *буде: а чево б у д е т ъ я забыла написати и в том вѣдаетъ бог* (Гр. 1579 г.), а б у д е т ъ отвѣтчика *отправятъ и на немъ пересудъ и правой десятокъ* (Судеб. XVI в.). Только в XVII в. появляется союз *ежели,* в то время как к этому же периоду утрачиваются *аже, оже, аче* и др.

§ 298. П р и д а т о ч н ы е п р е д л о ж е н и я м е с т а присоединялись к главному посредством союзов и союзных слов, в число которых входило *къде* > *где* (например, *приде на холмъ, г д е стояще Перунъ* — Лавр. лет.), *иде* (*посласта . . .брата по головнѣ, и д е бяху пожели* — Поуч. Влад. Моном.), *идеже* (*бѣ бо самъ падъ и лежаше въ домоу, и д е ж е бѣ пиръ* — Сказ. о Бор. и Гл.). Союзы *иде* и *идеже* не сохранились в истории русского языка, точно так же как не сохранился и союз *покамест* (из *по какое место*) в этом значении. Ср. в памятниках: *далъ есми. . . свою вотчинную пустошь . . . со всѣмъ, п о к а м ѣ с т ъ плугъ ходилъ и коса* (Гр. 1400 г.).

§ 299. П р и д а т о ч н ы е о п р е д е л и т е л ь н ы е с *который.* Особого рассмотрения заслуживают придаточные с *который* в древнерусском языке. Это обусловливается тем, что такие придаточные установились в том виде, какой они имеют в современном языке, очень поздно, во всяком случае после XVII в. До этого времени придаточные определительные могли выступать в крайне неустойчивом виде. Неустойчивость эта выражалась, во-первых, в том, что само союзное слово *который* долгое время могло выступать в значении „какой-нибудь“ или „какой“. Так, в Мстиславовой грамоте 1130 г.: *даже к о т о р ы й князь почьнеть хотѣти* (*который* — „какой-нибудь“). То же в „Русской Правде“: *аже к о т о р ы й купець, шедъ кдѣ любо с чужими кунами и истопиться,* и в Лаврентьевской летописи: *и бысть сѣча зла и межю ими смятенье, не ѣдяхоуть, к о т о р и и суть побѣдили.* Во-вторых, в древнерусском языке возможна была постановка союза *и* между главным и придаточным предложениями с *который,* что нарушало подчинительные отношения: *к о т о р о г о князя хощете, и язъ вамъ того дамъ* (Пск. лет.).

Все эти обстоятельства нарушали конструкцию определительного придаточного с *который.* Лишь постепенно, на протяжении долгого периода времени, утвердилось положение придаточных определительных с *который* только после главного предложения, а сочинительный союз между главным и придаточным оказался невозможным.

§ 300. Конечно, можно было бы продолжить рассмотрение различных типов придаточных в древнерусском языке, однако оно едва ли дало бы что-то принципиально новое для понимания истории этих предложений. Поэтому можно еще раз повторить, что развитие сложноподчиненных предложений в древнерусском языке шло по линии упорядочения значений подчинительных союзов, по линии закрепления их в определенном значении и утраты ими многозначности. С другой стороны, в русском языке шел и процесс отбора подчинительных союзов, процесс утраты некоторых из них и одновременно — возникновения новых.

Наконец, следует сказать и о том, что процесс укрепления подчинительных конструкций в русском языке был связан и с устранением из них элементов сочинения. А такие элементы в подчинительных конструкциях древнерусского языка были. На них указывалось при рассмотрении придаточных определительных с *который*, к чему можно прибавить еще и иные факты. Ср., например: *и будетъ у которыхъ государей отвѣдала дочери есть, где бы мнѣ сына своего . . . женити, и ты о томъ ко мнѣ отказала; а будетъ судное дѣло будетъ о бесчестии, а не о долгахъ, и по такому судному дѣлу на отвѣтчикѣ . . . правят денги. . .; и только б те крестьяне были ихъ монастырские, и они б их в записи семеновыми крестьянами не писали* и т. д. Введение в подчинительные конструкции элементов сочинения, конечно, нарушало стройность синтаксических построений, а потому в процессе развития и совершенствования системы языка не могло сохраниться.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Борковский В. И. Синтаксис русских грамот (Сложное предложение).— М., 1958.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка.— М., 1965.— С. 495—547.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка.— Киев, 1953.— Т. II.— С. 320—376.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка.— М., 1968.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Сложное предложение.— М., 1979.

Истрина Е. С. Синтаксические явления I Новгородской летописи Синодального списка.— Л., 1923.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка.— М., 1956.— С. 488—497.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка.— М., 1953.— С. 254—268.

* * *

§ 301. Таковы самые основные вопросы истории синтаксической системы русского языка. Конечно, по описанию синтаксических особенностей древнерусского языка, данному выше, нельзя получить полного представления ни о системе его синтаксиса, ни об ее истории: оно во многом фрагментарно и охватывает лишь определенный круг проблем, за которым остается очень много явлений, составляющих специфику синтаксического строя русского языка и его развития. И все же, даже опираясь только на изложенные факты, можно установить как особенности, характерные для древнерусского языка и сохранившиеся на протяжении всей его истории, так и черты, утраченные русским языком в процессе его развития. Сопоставляя историю различных элементов древнерусской синтаксической системы, можно установить, что к XVIII в. русский синтаксис уже во многом изменил свою структуру, унаследованную из древнерусской эпохи, и приблизился в этом отношении к современному состоянию.

Изменения в синтаксической структуре русского языка коснулись и простого, и сложного предложения, и особенностей в употреблении тех или иных конструкций, и областей употребления отдельных частей речи в какой-либо синтаксической роли и т. д. Достаточно указать, например, на историю развития конструкций с двойными косвенными падежами, на историю беспредложного и предложного управления, на развитие личных местоимений в роли подлежащего. Особенно ярко изменения синтаксического характера отразились в истории сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, где развитие русского языка шло по пути упорядочения их структуры, где усиливалась однозначность союзов, соединяющих отдельные части сложного предложения, что обусловливало возможность более точного выражения мысли, высказываемой говорящим или пишущим.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вполне определенно можно утверждать, что наука об истории русского языка к середине XX в. не только накопила богатейший фактический материал о явлениях и процессах развития фонетики, морфологии и синтаксиса, о становлении его словарного состава, но и выработала основные методы реконструкции прошлого состояния языковой системы на основе изучения памятников письменности и современных диалектов. В трудах русских и советских языковедов история русского языка предстала как стройная система развития взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которые определяются их характером и спецификой.

Однако сказанное вовсе не означает, что современная история русского языка содержит окончательные и бесспорные результаты изучения его развития. Наоборот, начиная с 50-х годов нашего столетия перед нею встали новые проблемы и задачи, что было обусловлено прежде всего вовлечением в научное изучение новых памятников древнерусского и старорусского языка. Открытие в этот период новгородских берестяных грамот не только привело к изменению наших представлений о характере и распространенности письменности и грамотности в Древней Руси, но и дало возможность иначе решать вопрос о диалектных особенностях древнерусского языка. Издание скорописных памятников московской деловой и бытовой письменности XVII—XVIII вв. дало в руки лингвистов новые данные об истории говора Москвы. Вовлечение же в научный оборот памятников южновеликорусского наречия (отказных и таможенных книг) XV—XVI вв. позволило иначе представить историю складывания русского национального языка и по-другому характеризовать роль южновеликорусских диалектов в этом процессе.

В последней трети XX в. начали выходить многотомные исторические словари русского языка, которые дают возможность представить лексический состав XI—XVIII вв.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). В десяти томах.— М.— 1988.— Т. I; Словарь русского языка XI—XVII вв.— М.— 1975.— Вып. I; Словарь русского языка XVIII века.— Л.— 1984.— Вып. I. Эти огромные лексикографические издания основываются на картотеках данных, извлеченных из памятников, многие из которых никогда не подвергались изучению. Поэтому можно полагать, что эти фундаментальные лексикографические издания, содержащие большой иллюстративный материал, помогут в решении новых проблем и задач, которые в настоящее время стоят перед наукой об истории русского языка.

Конечно, между открытием или изданием новых документов и первыми результатами их изучения должно пройти достаточно длительное время. Но уже сейчас можно говорить о том, что в русской историко-лингвистической науке получены убедительные доказательства специфичного развития диалектов на северо-

западе Древней Руси, созданы и создаются труды, посвященные фонетике и морфологии московского койнэ XVII и XVIII вв., развиваются исследования в области русской исторической лексикологии и исторического словообразования. Таким образом, наука об истории русского языка получила новый импульс развития, и можно надеяться, что наши представления об истории русских диалектов и о становлении русского национального языка будут приобретать все более адекватный характер действительным историческим процессам. При этом важно, чтобы изучение памятников письменности не „топталось на месте", чтобы оно вело к решению таких задач, которые еще не ставились и не решались в науке. Одной из них является создание синхронных исторических грамматик русского языка, исторических грамматик отдельных синхронных срезов в его истории. Такие грамматики, основанные на исчерпывающем изучении памятников определенного периода, дадут возможность представить реальную языковую систему древнерусского языка на том или ином синхронном срезе, увидеть, как она отразилась в письменности. Конечно, решение такой задачи связано с преодолением многих трудностей, но оно может быть достигнуто.

Развитие науки об истории русского языка *в наши дни* начинает оказывать влияние и на подготовку филологов-русистов в высших учебных заведениях. Это проявляется прежде всего в том, что в руки студентов попадают теперь новые древнерусские тексты, более разнообразные и по содержанию, и по стилистической принадлежности, и по времени создания, и по территориальной приуроченности. Эти тексты бесспорно дают более полное и яркое представление (чем материалы, помещенные в „Хрестоматии по истории русского языка», авторами-составителями которой были С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов) о путях развития русского языка и об особенностях, характеризовавших этот язык в относительно поздние периоды его истории и на разных территориях его распространения. Вместе с тем создаваемые исторические словари русского языка, содержащие новые факты об истории словарного состава, дают возможность будущим учителям-словесникам лучше представить лексическое богатство древнерусского и старорусского языка, чем это можно было получить по „Материалам для словаря древнерусского языка" И. И. Срезневского.

История русского языка в наши дни — наука развивающаяся и перспективная. Новые источники, ставшие доступными в последние десятилетия, развитие методов исторической интерпретации фактов памятников письменности и данных территориальных говоров позволяют развернуть широкий круг исследований в этой области, а следовательно, достичь новых результатов в исторической русистике.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Условные сокращения в названиях языков 5
Условные значки . . . . . —

ВВЕДЕНИЕ

Историческая грамматика как раздел науки о русском языке 7
Историческая грамматика русского языка, ее предмет и задачи . . . —
Связь исторической грамматики русского языка с другими науками . . 9
О понятии „русский язык“ 10
Основные источники изучения истории русского языка 13
Дополнительная литература 27
Краткий очерк изучения истории русского языка в русском и зарубежном языкознании 29
Дополнительная литература 39
Образование русского языка 40
Выделение славян из общеиндоевропейского единства . . . . . —
Восточнославянские племена и их группировка 43
Образование древнерусской народности и древнерусского языка . . . 46
Распад древнерусского языка и возникновение языка великорусской народности 50
Образование русской нации и русского национального языка . . . 55
Русский язык в кругу родственных славянских языков 57
Дополнительная литература 63

ФОНЕТИКА

Вводные замечания 64
Фонетическая система древнерусского (общевосточнославянского) языка к моменту появления письменности (конец X — начало XI в.) 67
Слоговая структура древнерусского языка конца X— начала XI в. . . —
Система гласных фонем древнерусского языка конца X— начала XI в. 68
Система согласных фонем древнерусского языка конца X— начала XI в. 78
Сочетания редуцированных с плавными [р], [л] и плавных с редуцированными 89
Древнейшие диалектные особенности в русском языке 91
Дополнительная литература 98
Отражение праславянских фонетических явлений в звуковой системе древнерусского языка начального периода его развития 100
Особенности фонетической системы древнерусского языка, унаследованные из праславянской эпохи . . . . . —
Система гласных фонем древнерусского языка в ее отношении к системам гласных праславянского и старославянского языков 103
Система согласных фонем древнерусского языка в ее отношении к системам согласных праславянского и старославянского языков . . . 111
Отражение изменений праславянских сочетаний гласных с плавными между согласными в древнерусском языке 126
Отражение изменений праславянских сочетаний гласных с плавными в начале слова в древнерусском языке 129

Отражение судьбы праславянских сочетаний редуцированных с плавными между согласными в древнерусском языке 130
Отражение праславянских явлений начала слова в древнерусском языке 132
Отличия древнерусского языка от других древних славянских языков, и в частности от старославянского, сложившиеся к концу X — началу XI в. 134
Характер древнего славянского ударения и отражение его в русском языке и его диалектах 136
Дополнительная литература 141
Изменения в фонетической системе древнерусского языка, вызванные развитием согласных вторичного смягчения 142
Смягчение полумягких согласных . . . . . —
Состав и система гласных фонем древнерусского языка в эпоху после смягчения полумягких согласных 148
Состав и система согласных фонем древнерусского языка в эпоху после смягчения полумягких согласных 150
Дополнительная литература 158
Развитие фонетической системы русского языка после падения редуцированных (XII—XVI вв.) 159
Падение редуцированных в древнерусском языке . . . . . —
Изменения в фонетической системе и в фонетико-морфологическом строении слова в русском языке в связи с падением редуцированных 168
Фонетические процессы в области гласных, развившиеся в русском языке в эпоху после падения редуцированных 184
Окончательное становление категории твердости-мягкости согласных в русском языке 218
Фонологическая система русского языка конца XVI— начала XVII в. в ее отношении к предшествующим периодам развития 225
Дополнительная литература 228

МОРФОЛОГИЯ

Общие вопросы истории морфологической системы 230
Задачи изучения истории морфологической системы русского языка . . —
Общая характеристика морфологического строя русского языка к моменту появления первых памятников письменности (конец X— начало XI в.). Чередования гласных и согласных как морфологическое средство 233
Отношение морфологического членения слова к звуковому строю древнерусского языка 241
Части речи в древнерусском языке конца X— начала XI в. . . . . —
Дополнительная литература 243
История имен существительных 244
Типы склонения имен существительных . . . . . —
Образцы склонения имен существительных 246
История склонения имен существительных в русском языке 253
История форм множественного числа имен существительных 262
Сближение твердой и мягкой разновидностей склонения с основами на *ŏ* и на *ā* 268
Развитие категории одушевленности в древнерусском языке 270
Утрата звательной формы и двойственного числа 273
Дополнительная литература 278
История местоимений 279
Личные местоимения в древнерусском языке . . . . . —
Возвратное местоимение в древнерусском языке 282
История личного местоимения 3-го лица 283
Указательные местоимения в древнерусском языке 285
История других неличных местоимений 287

Вопросительные местоимения в древнерусском языке 288
Дополнительная литература 290
История имен прилагательных 291
История кратких и полных имен прилагательных в связи с историей категории неопределенности и определенности . . . . . —
Краткие имена прилагательные в древнерусском языке 294
Полные имена прилагательные в древнерусском языке 297
История форм сравнительной степени 300
Дополнительная литература 302
История слов, обозначающих число 303
Проблема возникновения числительных как особой части речи . . . —
Изменение форм склонения отдельных названий чисел 305
Составные, дробные и собирательные числительные 310
Порядковые числительные 311
Дополнительная литература 312
История глагола 313
Система времен древнерусского языка. Классы глаголов 314
Древнерусские формы настоящего времени 315
Древнерусские формы прошедшего времени 323
Разрушение старой системы прошедших времен и становление единой формы прошедшего времени 327
Древнерусские формы сложного будущего времени 337
Становление и развитие категории вида в древнерусском языке . . . 342
История условного наклонения 350
История повелительного наклонения 351
История инфинитива и супина 355
История причастий и возникновение деепричастий в древнерусском языке 357
Дополнительная литература 363
Наречия и история их образования 364
Дополнительная литература 367

СИНТАКСИС

Вводные замечания 368
Синтаксис простого предложения 370
Типы простого предложения . . . . . —
Подлежащее и сказуемое в древнерусском языке 372
Конструкции с двойными косвенными падежами 377
„Дательный самостоятельный" в древнерусском языке 379
Категория притяжательности в древнерусском языке 380
Особенности управления в древнерусском языке 381
История соотношения беспредложных и предложных конструкций . . 383
Конструкция „инфинитив + форма имен. пад. ед. ч. существительных жен. р. на *-а*" 385
Выражение отрицания в древнерусском языке . . . . . —
Дополнительная литература 386
Синтаксис сложного предложения 387
Сложносочиненное предложение 388
Развитие средств подчинения в древнерусском языке 389
Сложноподчиненное предложение 390
Дополнительная литература 393

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ 395

Учебное издание

Иванов Валерий Васильевич

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Зав. редакцией *В. Л. Склярова*
Редактор *Г. В. Карпюк*
Художественный редактор *Н. В. Короткова*
Технические редакторы *Г. М. Носкова, Н. А. Киселёва*
Корректор *Л. Г. Новожилова*

ИБ № 11567

Сдано в набор 16.02.89. Подписано к печати 21.11.89. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. офсетная № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 25,5. Уч.-изд. л. 27,36+0,37 форз. Тираж 71 000 экз. Заказ № 490. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Просвещение" Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.